

ИСТОРИЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

СОСТАВЛЕНА ПО ГОЛИКОВУ, УСТРЯЛОВУ И СОЛОВЬЕВУ

С. ЧИСТЯКОВОЙ.

Съ 12 рисунками Г. Пилатти.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Гостинный Дворъ, № 18, 19 и 20.

МОСКВА,
Кузнечный Мостъ, д. Рудакова,

1875.

Типографія М. О. Вольфа. Спб., Фонтанга, № 59.

ГЛАВА I.

Знакомство царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышевиной.

Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ былъ, по тогдашнему, т. е. болѣе чѣмъ за двѣсти лѣтъ тому назадъ, человѣкъ образованный. Онъ зналъ даже по-латыни и немного современные европейскіе языки. Онъ входилъ въ частыя сношенія съ иностранцами, которые жили при Московскомъ дворѣ, часто приглашалъ ихъ къ себѣ, разговаривалъ съ ними и узнавалъ отъ нихъ много такого, чего русскіе въ то время не знали. У него въ домѣ была библіотека и онъ много читалъ.

Отъ природы у него былъ умъ глубокой, а чтеніе и сношенія съ иностранцами расширили его знанія и потому онъ ото всѣхъ бояръ отличался здравымъ и мѣткимъ сужденіемъ. Царь Алексѣй Михайловичъ отличалъ этого замѣчательнаго человѣка, приблизилъ его къ себѣ, далъ ему званіе стольника и поручилъ ему дѣла по управленію Малыя Россіи, т. е. «приказалъ ему вѣдать приказъ Малыя Россіи.»

Царь Алексѣй Михайловичъ призывалъ къ себѣ Артамона Сергѣевича не за однимъ только дѣломъ, но часто и безъ всякаго дѣла, и только за тѣмъ, чтобы поговорить съ нимъ. Вскорѣ царь до того полюбилъ боярина, что даже нарушилъ старинный обычай царей и самъ за-просто отправлялся къ Матвѣеву въ гости. Это бывало рѣдко; но въ то время цари показывались народу только окруженные дворомъ, ѣздили въ монастыри, церкви, къ своимъ близ-

кимъ родственникамъ, отправлялись на охоту, въ походъ, но къ простымъ дворянамъ, или боярамъ не ѣздили.

Послѣ кончины первой супруги своей, Марьи Ильинишны, изъ рода Милославскихъ, царь Алексѣй Михайловичъ грустилъ и чтобы развлечься, чаще прежняго призывалъ къ себѣ боярина Матвѣева и иногда заѣзжалъ къ нему. Однажды царь былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа и сказалъ Матвѣеву:

— Сегодня я къ тебѣ приѣду ужинать запросто, но съ тѣмъ, чтобы ты никакихъ приготовленій не дѣлалъ и своего обычнаго домашняго порядка не перемѣнялъ.

— Государь, отвѣтилъ Матвѣевъ, я недостойнъ такого счастья, одно появленіе твое въ моемъ недостойномъ домѣ для меня праздникъ, и все перемѣняетъ, и изъ моей избы дѣлаетъ царскій чертогъ.

— Хорошо, хорошо, такъ жди меня сегодня, да смотри, за-просто.

Бояринъ поспѣшилъ домой, призвалъ жену и приказалъ ей позаботиться о томъ, чтобы достойно встрѣтить высокаго гостя.

Во времена Алексѣя Михайловича, жѣнщины и дѣвушки жили на своей отдѣльной половинѣ, никогда не показывались мужчинамъ, не входили въ общество, заботились о хозяйствѣ, смотрѣли за работами своихъ прислужницъ, сѣнныхъ дѣвушекъ, и ограничивались знакомствомъ съ другими боярскими женами и дочерьми; но и къ нимъ выходили обыкновенно съ кѣмъ нибудь изъ приближенныхъ: или съ довѣренными комнатными прислужницами, или съ няней, или какою нибудь старою родственницею.

Бояринъ Матвѣевъ не такъ строго придерживался старинныхъ обычаевъ, его жена и воспитанница—Наталья Кириловна Нарышкина, правда, однѣ по улицамъ не ходили, но иногда являлись къ гостямъ и, безъ жеманства и лишней застѣнчивости, разговаривали съ ними. Наталья Кириловна была дочь боярина Кирилы Полуектовича Нарышкина, искренняго друга Артамона Сергѣевича, жила въ его домѣ и воспитывалась въ немъ.

Извѣстіе о томъ, что царь Алексѣй Михайловичъ будетъ ужинать въ домѣ боярина, было и радостно и тревожно; хозяйка и ея воспитанница позаботились о томъ, чтобы и кушанья были въ порядкѣ, и вина, и медъ приготовлены; изъ поставцевъ достали самые лучшіе старинные, дорогіе золотые кубки, енды и ковши; онѣ со вниманіемъ осмотрѣли комнаты, поправили и замѣнили на лавкахъ

обыденные ковры новыми, персидскими и малиновыми бархатными пологами, шитыми золотомъ. Для царя поставили большое малиновое спокойное кресло. Но, когда послышалось: «Ѕдетъ, ѳдетъ!» ушли на свою половину и ждали, что дальше будетъ.

Артамонъ Сергѣевичъ встрѣтилъ царя на крыльцѣ, растворилъ дверцы кареты, помогъ ему выйти изъ нея и съ низкими поклонами проводилъ его въ домъ. Государь былъ веселъ и прошелъ прямо въ назначенную для него комнату, гдѣ стоялъ накрытый столъ украшенный всѣмъ, что было лучшаго въ домѣ боярина. Царь Александръ Михайловичъ сѣлъ на приготовленное для него кресло и сказалъ боярину: «Я тебѣ говорилъ, что хочу у тебя ужинать за-просто; а ты меня принимаешь только съ почестями; гдѣ же твоя хозяйка? я хочу ужинать съ твоей семьей за-просто; чарка вина изъ женскихъ рукъ для меня слаще».

Бояринъ поспѣшно вышелъ и приказалъ позвать жену, а воспитанницѣ подать царю вина въ золотой чаркѣ, на золотомъ подносѣ. Черезъ минуту дверь распахнулась, и боярыня, боярышня и единственный сынъ Артамона Сергѣевича, въ праздничномъ нарядѣ скромно вошли въ комнату, а боярышня съ низкимъ поклономъ поднесла царю чару дорогаго заморскаго вина. Необыкновенная красота строгаго, умнаго лица Натальи Кирилловны поразила царя, и онъ съ удивленіемъ не спускалъ съ нея глазъ. вмѣстѣ съ боярыней и боярышней вошелъ также и сынъ Артамона Сергѣевича, малолѣтній, красивый мальчишъ.

— Государь, сказалъ бояринъ, вотъ передъ тобою вся семья моя; она бьетъ тебѣ челомъ и проситъ милостиво выпить вина и закусить, чѣмъ Богъ послалъ.

— Артамонъ, скажи мнѣ, отчего ты скрывалъ отъ меня, что Богъ благословилъ тебя такою дочерью; я до сихъ поръ всегда думалъ, что у тебя только одинъ сынъ.

— Государь, я не скрывалъ ничего отъ твоего свѣтлаго разума; у меня дѣйствительно одинъ только и есть сынъ, что вотъ стоитъ передъ твоими свѣтлыми очами, а эта дѣвушка не дочь мнѣ по крови, а дочь по сердцу; это дочь друга моего, стольника и полеовника рейтарскаго полка, Кириллы Нарышкина..

Царь взялъ чарку изъ рукъ молодой дѣвушки, требовалъ, что

бы она и боярыня сѣли съ нимъ вмѣстѣ за столъ, и весело разговаривалъ съ обѣими женщинами.

Наталья Кирилловна была отъ природы очень умна и получила воспитаніе гораздо лучше того, какое обыкновенно въ то время давали молодымъ дѣвушкамъ. Когда первое смущеніе неожиданности прошло, она очень умно отвѣчала на вопросы высокаго гостя, очень мѣтко высказывала свои мысли и такъ заинтересовала царя, что онъ не замѣтилъ, какъ проходило время. Онъ въ шутку наконецъ сказалъ: «Скажи мнѣ красавица, разумница, ты должно быть, ужъ не разъ гадала о женихѣ, и можетъ быть у тебя ужъ есть какой нибудь молодецъ на примѣтѣ?»

— Нѣтъ, государь, отвѣчала она, мнѣ жениховъ не надо, я живу въ домѣ этомъ также счастливо и спокойно, какъ птица въ родномъ гнѣздѣ, да и лѣта мои такія, что мнѣ руководѣе и ученіе больше по душѣ, чѣмъ мысли о гаданьяхъ, да о суженныхъ.

— Не таись, красавица, ты на возрастѣ и о женихахъ помышлять тебѣ не грѣхъ. Но, будь спокойна, не хлопочи, я самъ буду твоимъ сватомъ и приищу тебѣ хорошаго и достойнаго тебя человѣка.

Боярышня ни слова не отвѣчала и только низко поклонилась царю. Послѣ ужина, когда царь остался одинъ съ Матвѣевымъ, онъ опять заговорилъ о Натальѣ Кириловнѣ; хвалилъ ея красоту, ея живое соображеніе, умные отвѣты и мѣткія замѣчанія и въ заключеніе прибавилъ: «Да, Господь Богъ на сохраненіе далъ тебѣ драгоценный алмазъ, береги его. Подумалъ ли ты, какъ пристроить его, кому отдать это сокровище?»

— Государь, много думалъ и не мало заботить меня мысль, что будетъ съ моею избранной и любимой дочерью. Господь благословилъ ея красоту, умомъ и чистымъ сердцемъ, но не далъ земнаго богатства, а безъ него въ наше время трудно пристроиться.

— Не хлопочи, Артамонъ, ты слышалъ, я сказалъ боярышнѣ, что буду ея сватомъ и самъ приищу ей жениха. Да, знаешь ли, у меня на примѣтѣ есть человѣкъ, который не погонится за богатствомъ, которому только нужны душевныя качества и свѣтлая наружность. Для него твоя дочь какъ разъ пригодится; и такъ не заботься, а жди моего слова.

Артамонъ Сергѣевичъ съ жаромъ благодарилъ царя и съ низ-

кими поклонами провожалъ его до колымаги, посадилъ въ нее, заперъ дверцы и долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, не надѣвая шапки.

Прошло нѣсколько времени; царь по прежнему былъ милостивъ къ Артамону Сергѣевичу, по прежнему призывалъ его къ себѣ, по нѣскольку часовъ сряду бесѣдовалъ съ нимъ; иногда посылалъ съ нимъ боярынѣ и боярышнѣ сахарныя ковришки и другія сласти съ свдего царскаго стола, что въ то время было большой милостію.

Однажды царь опять посѣтилъ боярина, но на этотъ разъ совершенно нечаянно, не предупредивъ его даже. Но въ домѣ у боярина былъ большой порядокъ, было довольство и потому царя можно было во всякое время достойно и прилично принять. Опять ужиналъ онъ вмѣстѣ съ боярыней и боярышней, и еще больше прежняго ему понравилась Наталья Кириловна и между прочимъ, онъ шутя напомнилъ ей свое обѣщаніе быть ея сватомъ и совѣтовалъ ей ждать, потому что суженный ея ему извѣстенъ. Наталья Кириловна вспыхнула и покраснѣла, а царь любовался ея смущеніемъ.

Оставшись одинъ съ Артамономъ Сергѣевичемъ, царь опять заговорилъ о Натальѣ Кириловнѣ.

— Я не шучу, я жениха твоей воспитанницѣ нашель; отъ нея зависитъ, захочетъ ли она выйти за него.

— Государь, твоя воля назначить ей жениха; мое желаніе одно, чтобы человѣкъ былъ хорошій, да не нищій, а такой, которому богатаго приданого не нужно и самъ могъ бы прокормить жену, потому что, какъ я уже говорилъ, Господь не далъ земнаго богатства моей названной дочери, да и у меня у самого нѣтъ лишняго.

— Повторяю тебѣ, женихъ мой человѣкъ честный, у него довольно достатка и про себя, и про жену, да и дѣтямъ достанется; я его коротко знаю, онъ за приданнымъ не погонится, лишь бы умъ и сердце невѣсты были свѣтлы, здоровы и чисты. Женихъ, который у меня на примѣтѣ и тебѣ не безъизвѣстенъ. Я и сегодня пріѣхалъ къ тебѣ сватомъ за него.

— Я жду, государь, твоей милости, открой мнѣ, великій царь, кого ты удостоиваешь чести, что заботишься о немъ и берешь на себя сватать его.

— Женихъ этотъ—я самъ, ты меня знаешь, гождь ли я?

Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ поблѣднѣлъ, испугался, и отъ

волненія долго не могъ произнести ни слова, наконецъ сказалъ дрожащимъ голосомъ: «Государь, ты шутишь со мною, недостойнымъ рабомъ твоимъ; ты изволишь издѣваться надо мною!»

— Ничуть, я говорю тебѣ очень серьезно. Наталья Кириловна пришла по душѣ и ежели я ей любъ, то я сегодня же назову ее своею невѣстой; поди, спроси ее.

— Государь, будь милостивъ, не губи меня недостойнаго раба твоего! Обрати гнѣвъ на милость, не шути моею семьей, пощади мою дочь!

— Что ты говоришь о пощадѣ, о гибели своей семьи, или ты не понимаешь меня, что ли? я хочу жениться на твоей воспитанницѣ, вотъ тебѣ моя царская воля, и я хочу, чтобы ты сейчасъ пошелъ и спросилъ ее: согласна ли она?

— Государь, воскликнулъ бояринъ, бросаясь на колѣни, не губи меня! понимаю твою царскую волю и готовъ отдать послѣднюю каплю крови, чтобы выполнить ее честно. Но ты, хотя и великій государь, но ты человѣкъ, и завистники неслышными шагами подползутъ къ тебѣ, смутятъ твой слухъ совѣтами, найдутъ тысячу тайныхъ путей, чтобы омрачить твой свѣтлый умъ, взведутъ на меня вины небывалыя, отнимутъ у меня твою дорогую для меня довѣренность. Найдутъ средство оклеветать дочь мою и ей вмѣсто радости быть твоей женой, придется изнывать одинокой въ заточеніи, какъ и другимъ царскимъ невѣстамъ до нея приходилось; государь, ты самъ знаешь, это дѣло бывалое!

Въ глазахъ царя сверкнула молнія негодованія, и онъ воскликнулъ: «Развѣ я не царь! Развѣ у меня нѣтъ своей воли? Кто осмѣлится пойти противъ меня? Покажи мнѣ человѣка, который можетъ мнѣ помѣшать жениться на той, на которой я хочу!»

— Государь, никто явно не посмѣетъ поморщиться, но клевета ползетъ по землѣ, она, какъ змѣя, извивается между цвѣтами и убиваетъ на выборъ неслышно и незамѣтно злыми навѣтами тѣхъ, кто ей не по нраву.

— Такъ по твоему мнѣ отказаться отъ твоей воспитанницы, что-ли? сердито спросилъ царь.

— Нѣтъ, государь, твоя воля для меня законъ, но я прошу тебя объ одномъ, не вели мнѣ идти къ Натальѣ Кириловнѣ, не вели спрашивать ее согласія, не отступай отъ стараго обычая,

прикажи собрать, какъ это изстари водится, нѣсколько дочерей изъ дворянскихъ семействъ, пусть между ними будетъ и моя дочь; посмотри на другихъ красавицъ, можетъ тебѣ приглянется и другая, а ежели твой выборъ все-таки остановится на ней, то никто не скажетъ, что я хитростію и обманомъ опуталъ твое сердце и увлекъ тебя къ союзу съ незнатною дѣвушкою, недостойной тебя!

— Хорошо, сказалъ царь, пусть будетъ по-твоему; я объявлю думѣ свою волю и прикажу выписать списки знатныхъ дѣвицъ. Навѣтовъ ты не бойся, ежели бы такіе и случились, я тебѣ докажу на дѣлѣ, что не вѣрю имъ, и клевета при мнѣ не проползетъ змѣей въ садъ мой и не убьетъ моего цвѣтка. Я на твое желаніе соглашаюсь только потому, что ты робокъ и можешь своими опасеніями запугать дѣвицу. Такъ ты, пожалуй, до поры до времени никому ничего не говори о нашемъ теперешнемъ разговорѣ, и жди: я самъ все приведу къ концу.

Государь вышелъ изъ покоевъ боярина, милостиво простился съ нимъ; Артамонъ Сергѣевичъ проводилъ его до кареты, низко поклонился ему, посадилъ его и долго провожалъ глазами отъѣзжающую карету. Потомъ онъ тихій и грустный пошелъ въ свою образную, заперъ за собою дверь, долго молился и думалъ; не одна тяжелая, горькая слеза упала на коверъ, которымъ устланъ былъ полъ образной; лики угодниковъ мрачно смотрѣли на него изъ-подъ сверкающихъ камнями золотыхъ окладовъ и свѣтъ неугасимой лампы мягкимъ блескомъ искрился на ризахъ, дробился въ самоцвѣтныхъ камняхъ и сверкалъ въ слезахъ, остановившихся на щекахъ и на бородѣ молящагося.

ГЛАВА II.

Бракосочетаніе царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кириловой Нарышкиной.

Царь исполнилъ свое обѣщаніе; по его приказанію и по его указанію, въ царскіе чертоги, по старинному обычаю, собрано было шестьдесятъ молодыхъ и прекрасныхъ дѣвицъ, изъ самыхъ знатныхъ семействъ. Онѣ, по принятому правилу, провели тамъ нѣсколько дней, царь видѣлъ ихъ и выборъ его остался неизмѣненъ; Наталья Кириловна сдѣлалась царской невѣстой. Объ этомъ было всенародно объявлено.

Но и Артамонъ Сергѣевичъ не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ дворцовыхъ покояхъ, въ сѣняхъ передъ Грановитой палатой нашли безъимянное письмо; это былъ доносъ на Матвѣева; его обвиняли въ чародѣйствѣ, въ знаніи приворотныхъ травъ, въ томъ, что онъ своими чарами опуталъ и отуманилъ разумъ царскій, приворотилъ его къ своей воспитанницѣ и такимъ образомъ заставилъ его обойти дочерей болѣе знатныхъ бояръ и предпочесть имъ Наталью Кириловну Нарышкину, небогатую и незнатную.

Въ тогдашнее время доносъ въ чародѣйствѣ и въ знаніи приворотныхъ травъ былъ доносъ чрезвычайно важный; онъ велъ за собою розыскъ съ пристрастіемъ и опалю, т. е. слѣдствіе, при которомъ нерѣдко употреблялись пытки и оно оканчивалось или приговоромъ къ смерти, или изгнаніемъ изъ Москвы, заточеніемъ и ссылкой въ Сибирь.

Но царь Алексѣй Михайловичъ вспомнилъ слова Матвѣева о клеветѣ и клеветникахъ; взвѣсилъ заслуги боярина, оставилъ письмо съ доносомъ безъ вниманія и не приказалъ дѣлать слѣдствія, а напротивъ, еще болѣе прежняго приблизилъ боярина къ себѣ и пожаловалъ ему высокое званіе *думнаго боярина*. Въ тоже время царь приказалъ быть свадьбѣ 22 января 1671 года.

Приготовленія къ назначенному дню были окончены; съ утра вся Москва была въ волненіи; придворные спѣшили въ Кремль и въ Успенскій соборъ. Царь наканунѣ вечеромъ отправился къ патріарху Юсафу въ его Крестовую палату за благословіемъ—на второй законный бракъ. Патріархъ разговаривалъ съ царемъ, благословилъ его и поднесъ ему икону Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ; живопись иконы и чеканный, превосходной работы окладъ соотвѣтствовали своему назначенію. На другой день утромъ рано царь опять отправился въ Крестовую палату, еще разъ принялъ благословіе патріарха и второй образъ, во всемъ похожій на первый; возвратился въ свои палаты и оттуда, въ сопровожденіи двора, отправился въ соборъ Успенія пресвятыя Богородицы.

Шелъ царь пѣшкомъ; на немъ надѣта была *фerezея* (верхняя одежда), шуба изъ бѣлаго сукна на собольемъ мѣху, обшитая золотыми зубчатыми позументами; на плечахъ, на груди и спинѣ были круги алаго бархата; по нимъ жемчугомъ вышиты орлы и къ кругамъ придѣланы запонки изъ ковannaго золота, съ драгоценными камнями. Подъ шубой фerezь (безрукавка) на собольемъ мѣху, но не хребтовомъ, какъ фerezея, а на собольихъ душкахъ, крытая визиль-башскимъ золотисто-желтымъ атласомъ съ серебряными затканными разводами и цвѣтами изъ разныхъ шелковъ; къ фerezеи пришиты были завязки, шнуры и кисти зеленые шелковые, перевитые золотомъ. Подъ фerezью надѣтъ былъ безрукавый камзолъ бѣлаго атласа, безъ всякихъ украшеній; шапка на царѣ была изъ алаго бархата съ большими кованными золотыми (бляхами) запонами. На кафтанахъ и зипунѣ воротниковъ не было, но къ нимъ пристегивалось ожерелье; это широкій стоячій воротникъ, низанный изъ жемчуга съ дорогими камнями; на этотъ торжественный случай у царя было ожерелье алмазное съ жемчугомъ, въ рукахъ посохъ индѣйскій, слоновой кости, украшенный алмазами и самоцвѣтными камнями. На ногахъ чулки и башмаки изъ мягкаго желтаго сафьяна.

За государемъ комнатные и постельничьи несли теплыя подножья, ковры, или подстилки, изъ собольяго мѣха для царя и для его невѣсты.

За царемъ шли бояре, занимавшіе мѣсто посаженныхъ отцовъ высокаго жениха и невѣсты, далѣе тысяцкій, дружки, свахи; у царской свѣчи было два боярина, у свѣчи Натальи Кирилловны тоже два и такъ далѣе; поѣздъ былъ пышный, со всѣми обычаями, какъ то предписано было въ древнихъ постановленіяхъ. Вѣнчаніе было торжественное послѣ литургіи; его совершалъ протоіерей Андрей.

За первымъ свадебнымъ торжествомъ шли обычные пиры въ продолженіе нѣсколькихъ дней, до 7 февраля. Царь угощалъ придворныхъ, дворянъ, выборныхъ людей отъ всѣхъ сословій и *гостей*, въ то время находившихся въ Москвѣ. По случаю радостнаго торжества царь оказалъ много милостей народу и своимъ близкимъ придворнымъ. Народу далъ льготы, а на площадяхъ были накрыты обѣденные столы.

ГЛАВА III.

Рожденіе и дѣтство Петра Великаго.

Въ царскомъ домѣ было два царевича. Феодоръ Алексѣевичъ, наслѣдникъ престола, явленный народу, т. е. по обычаю того времени представленный народу и боярамъ, какъ законный наслѣдникъ, и второй сынъ, Іоаннъ Алексѣевичъ. Но оба царевича были слабаго сложенія и очень часто хворали, такъ что нельзя было рассчитывать на ихъ долговѣчность; царь очень часто сожалѣлъ о томъ, что у него нѣтъ сына, крѣпкаго тѣломъ, способнаго нести всю тяжесть правителя такого огромнаго государства, какова Россія.

Радость царя Алексѣя Михайловича была безконечна, когда въ день Исакія Далматскаго, т. е. 30 мая 1672 года, родился царевичъ, въ первомъ часу ночи. Новорожденнаго нарекли Петромъ; этого имени до тѣхъ поръ еще не бывало въ царскомъ семействѣ; но имя было чисто-русское и пріятное народу.

Чась спустя, царь послалъ гонцовъ извѣстить патриарха и бояръ, окольничихъ и ближнихъ людей о рожденіи царевича; не забылъ даже отправить съ тѣмъ же во всѣ важнѣйшіе московскіе монастыри и въ Троицко-Сергіевскую лавру. Отъ имени царицы, съ той же вѣстью, были посланы *со здравіемъ*, какъ тогда говорилось, въ жены бояръ, окольничихъ и ближнихъ людей и вообще въ боярынямъ пріѣзжимъ ко двору, такъ называвшимся въ отличіе отъ боярынь постоянно жившихъ въ Кремлевскомъ дворцѣ.

Въ пять часовъ утра заглаговѣстили въ большой колоколъ Ус-

пенскаго собора, вслѣдъ за тѣмъ во всѣхъ церквахъ московскихъ; и этотъ торжественный звонъ извѣстилъ всѣхъ москвичей о радостномъ событіи. Въ 5 часовъ утра все было готово къ царскому выходу, и царь вмѣстѣ съ своими приближенными былъ уже на молебствіи въ Успенскомъ соборѣ; служилъ новгородскій митрополитъ Пятиримъ, возведенный нѣсколько недѣль спустя въ санъ патріарха. Въ соборѣ духовенство поздравило царя съ новорожденнымъ, а вслѣдъ за нимъ бояре и всѣхъ чиновъ выборные, присутствовавшіе на выходѣ. Изъ Успенскаго собора царь ходилъ на *богомоліе* въ Архангельскій соборъ, въ Вознесенскій дѣвичій монастырь, поклониться праху своихъ родителей, оттуда въ Чудовъ монастырь, гдѣ долго молился надъ гробомъ святителя Алексѣя митрополита, наконецъ еще прикладывался къ мѣстнымъ иконамъ Благовѣщенскаго собора и возвратился во дворецъ.

Въ столовой палатѣ царь возвелъ отца царицы, Кирилла Полуектовича Нарышкина, изъ думныхъ дворянъ въ окольнічіе и *своего друга* Артамона Сергѣевича Матвѣева тоже пожаловалъ въ окольнічіи. Вслѣдъ за тѣмъ и другимъ придворнымъ были оказаны повышенія и разныя милости.

На другой день въ Грановитой палатѣ былъ *столъ*; такъ какъ приготовиться къ такому большому обѣду, какъ слѣдуетъ, было недостаточно времени, то обѣдъ былъ данъ запросто; водкой и фряжскими винами самъ царь угощалъ изъ своихъ рукъ бояръ, окольнічихъ, думныхъ людей, дяковъ и полковниковъ стрѣлецкихъ. А прочимъ гостямъ: выборнымъ стрѣлецкимъ, сотникамъ, гостямъ и разнымъ чиновъ людямъ въ сѣняхъ подавали водку и сласти, нарочно къ тому приставленные бояре.

По принятому изстари обычаю, черезъ нѣсколько времени послѣ перваго угощенія надлежало быть второму, съ большею торжественностію; къ нему приглашенные должны были явиться съ подарками для новорожденнаго: но черезъ три дня, т. е. 3 іюня начинался постъ; въ посту пиршества не допускались, но откладывать пиръ на болѣе долгое время также было неудобно; приготовить подарковъ не было возможности, поэтому царь приказалъ дать обѣдъ въ самое заговѣнье, 2 іюня *запросто безъ мѣстъ и безъ зову*. Столъ былъ накрытъ въ золотой царицыной палатѣ. На столѣ красовались изъ сахару сдѣланный кремль, лебедь, гусь и орелъ; стояли

коврижки цѣлыми горами и въ большихъ ендовахъ и фляжкахъ красовались на столѣ взваръ медъ, и иностранныя вина. Пиръ былъ веселый; на немъ, также какъ и въ первый разъ, было до 400 приглашенныхъ. Царь поминутно то тому, то другому со стола давалъ блюдо съ сахарными яствами, бояринъ принималъ царское угощенье, тотчасъ передавалъ блюдо своимъ слугамъ и они его уносили домой. «Изъ своихъ рукъ великій Государь жаловалъ всѣхъ гостей водкою и ее заѣдали коврижками, яблоками, дулями, инбиремъ, смоквою, цукатами, вареными въ сахарѣ и подобными закусками; передъ тѣмъ, чтобы сѣсть за столъ, въ ковшахъ разносили *взваръ*». Священниковъ угощали за отдѣльнымъ столомъ въ сѣняхъ, передъ палатою.

Этимъ окончились торжества; наступилъ постъ и начались приготовленія къ крещенію маленькаго царевича; таинство это назначено было въ день его ангела 29 іюня, въ праздникъ Св. Петра и Павла, а между тѣмъ, по принятымъ обычаямъ, для царевича нашли кормилицу; къ ней приставили мамъ; въ кормилицы была избрана боярыня, княгиня Львова, а мамами: боярыня Леонтьева и верховная—старая, всѣми уважаемая боярыня княгиня Ульяна Ивановна Голицына; дядьками были назначены бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ Стрешневъ и думный дворянинъ Тихонъ Никитичъ Стрешневъ; оба оставались въ этой должности до самаго конца и первый изъ нихъ умеръ въ глубокой старости, когда Петру было уже 15 лѣтъ.

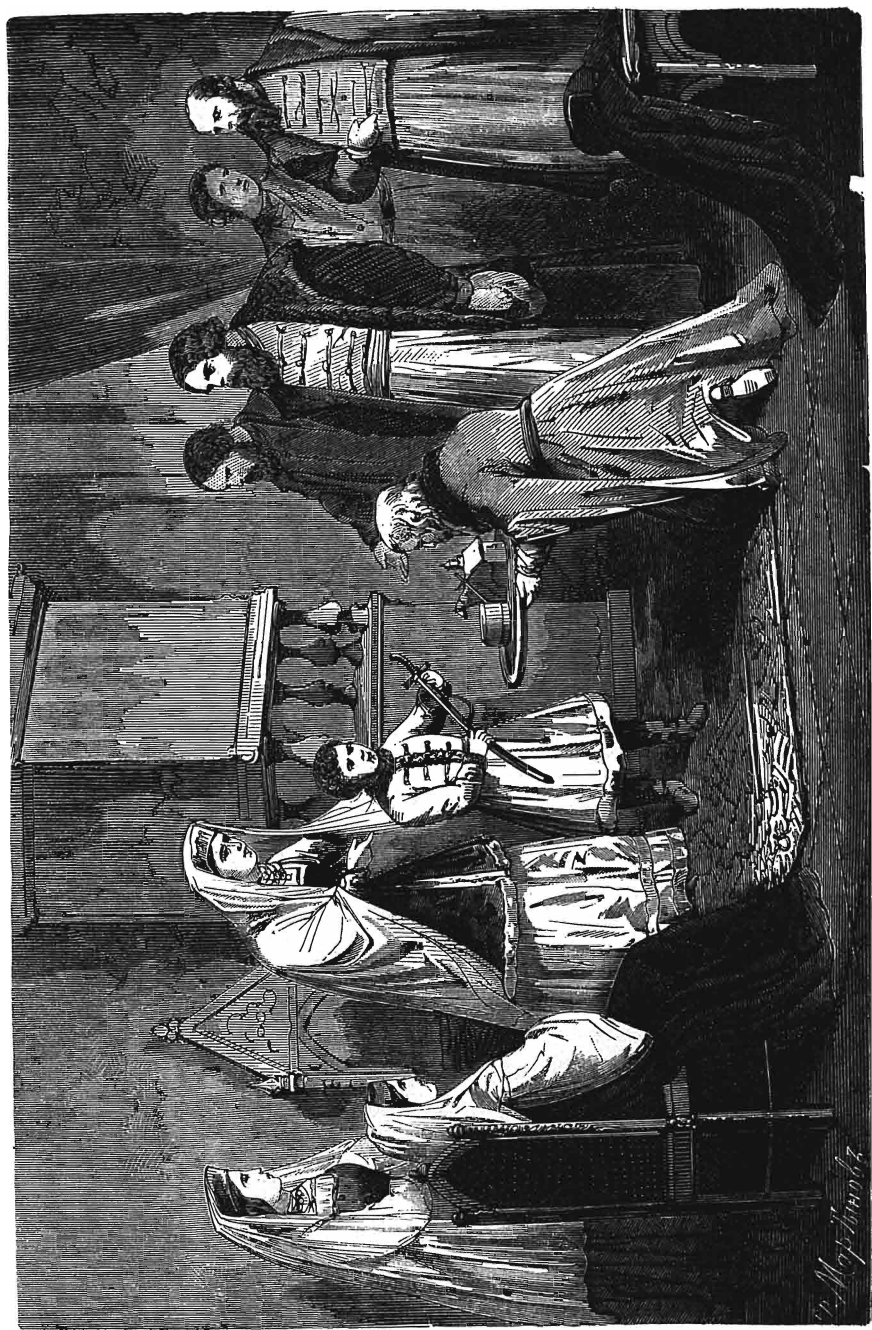
Послѣ рожденія Петра, на другой день, слѣдуя постоянно принятымъ обычаямъ, царь Алексѣй Михайловичъ далъ указъ, чтобы съ новорожденнаго была *писана мѣра*. Это значило вотъ что: съ новорожденнаго взяли точную мѣрку длины и ширины плечъ, потомъ лучшему иконописцу приказано было написать образъ въ эту величину: призвали извѣстнаго въ то время живописца Симеона Ушакова, дали ему мѣру, и онъ на хорошей кипарисной доскѣ, длиною одиннадцати, а шириною трехъ вершковъ нарисовалъ контуръ образа живоначальной Троицы и апостола Петра; масляными красками онъ успѣлъ только окончить ризы, захворалъ и умеръ; лица впослѣдствіи дописывалъ другой, столько же талантливый живописецъ, Ѳедоръ Козловъ. Эта *мѣра рожденія Петра* и до сихъ поръ существуетъ; она виситъ надъ гробницею императора.

Въ день св. апостоловъ Петра и Павла, въ Чудовомъ монастырѣ происходило таинство крещенія; восприемниками отъ купели были наслѣдникъ престола, царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, и тетка его, царевна Ирина Михайловна.

Извѣстій о первыхъ годахъ жизни Петра Великаго очень мало, но вѣроятно, первые два года онъ безвыѣздно жилъ въ Москвѣ. Комнаты его были обиты сукномъ для того, чтобы не дуло и чтобы Петръ не ушибался, когда падалъ. Но въ 1673 году, т. е. на второмъ году его отъ роду, по приказанію царя, одну комнату обили кожами, тисненными серебромъ. Когда Петру исполнилось три года, для него были выстроены отдѣльныя хоромы; въ нихъ стѣны, полы, оконныя рамы были обиты краснымъ сукномъ, полавочники на лавкахъ были тоже сшиты изъ краснаго сукна съ бѣлыми ваймами; на нихъ разводы и рисунки были нашиты изъ желтаго и синяго сукна. Но въ новыхъ хорамахъ, должно быть, дуло изъ передней стѣны, поэтому ее выложили ватой, сверхъ нея обили полотномъ и все покрыли красною тафтою, подъ цвѣтъ сукна. По стѣнамъ шли скамьи и лавки; на нихъ въ 1674 г. сдѣлали мягкіе тюфяки, крытые такимъ же сукномъ, какъ стѣны, полъ и первоначальные полавочники. Кромѣ лавокъ и скамей въ комнатахъ у маленькаго царевича были два золоченыхъ рѣзныхъ кресла, крытыхъ желтымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ и съ красными сафьяными спинками.

Въ 1675 году для Петра сдѣлали столикъ, расписанный красками, золотомъ и серебромъ. На слѣдующій годъ въ его комнатахъ сдѣлано было еще одно улучшеніе; хоромы царевича были деревянные, низкія, съ надворья можно было легко видѣть, что въ комнатахъ дѣлалось; это не могло быть пріятно и поэтому лучшему оконному живописцу приказано было написать для оконныхъ рамъ на слюдѣ орловъ посерединѣ съ разводами и травами по угламъ, но такъ, говорилось въ приказѣ, чтобы изъ покоевъ хорошо было видно, что дѣлается на улицѣ, а съ улицы въ покои ничего не было видно. Написать орловъ велѣно было на слюдѣ, потому что въ Россіи тогда не умѣли дѣлать стекла и въ оконныхъ рамахъ всегда бывали тонкіе листы слюды.

Алексѣй Михайловичъ не могъ наравдаться на маленькаго

Кучи съ поклономъ подносятъ подаръкъ.

Петра; это былъ живой, прекрасный младенецъ, съ черными сверкающими глазками, игривый и въ высшей степени милый мальчикъ; Наталья Кириловна въ немъ души не слышала; она ни на минуту не разставалась съ нимъ, и ежедневно радовалась его дѣтскимъ затѣямъ.

Въ день рожденія Петра, когда ему исполнилось три года, къ маленькому царевичу на поклонъ, съ поздравленіемъ приходили бояре и выборные отъ всѣхъ сословій люди. Царевича осыпали подарками; игрушекъ, соболей, золотыхъ и серебряныхъ вещей было множество. Живые глазки малютки съ любопытствомъ перебѣгали по разставленнымъ передъ нимъ блестящимъ игрушкамъ. Но, когда взоръ его остановился на маленькомъ ружьѣ и красиво сдѣланной саблѣ, онъ весь задрожалъ, глаза его сверкнули и онъ схватилъ одною рукою ружье, другою саблю, прижалъ ихъ къ груди и воскликнулъ: «Возьмите все, мнѣ ничего больше не надо дайте мнѣ ружье и саблю, это мнѣ любо!»

Царь поблагодарилъ купцовъ за подарки, поднялъ царевича, посадилъ его къ себѣ на колѣни и сказалъ: «Такъ тебѣ нужна только сабля и ружье, а остальнаго не надобно».

— Не надобно, повторилъ царевичъ, но ружья и сабли никому не отдамъ!

— Хорошо, милый мой, они твои, береги ихъ, но подай мнѣ саблю, я тебя опояшу ею, какъ подобаетъ царскому сыну.

По приказанію царя позвали духовника; передъ иконами, въ образной положили саблю, духовникъ прочиталъ молитву, окропилъ саблю святой водой, а самъ царь ею опоясалъ сына, перекрестилъ его и сказалъ: «Отнынѣ ты воинъ Христовъ; ты опоясанъ мечемъ правды, смотри же, обнажай его только на правое дѣло, на защиту родной земли!» Потомъ поцѣловалъ маленькаго Петра и отдалъ ему ружье.

Во весь день царевичъ не выпускалъ сабли и ружья изъ рукъ; поминутно махалъ саблей, или прицѣвливался изъ ружья. Онъ не хотѣлъ даже ложиться спать, потому что не хотѣлъ разставаться съ новыми игрушками, и только тогда легъ въ постель, когда ему позволено было взять саблю съ собою. Съ этихъ поръ онъ каждый вечеръ ружье ставилъ подлѣ кровати, а саблю клалъ, или подъ подушку, или рядомъ съ собою.

Царь видѣлъ, съ какимъ увлеченіемъ малютка предавался военнымъ забавамъ, и это ему нравилось, потому что показывало отважность и силу въ такихъ лѣтахъ, когда дѣти еще плаксивы и нѣжны; маленький Петръ былъ твердъ и какъ бы ни ушибался, какъ бы ни падалъ, никогда не кричалъ, не морщился, не плакалъ.

Живость и нетерпѣніе уже выказывались въ трехлѣтнемъ малюткѣ; въ послѣдствіи же составляли основную черту его характера. Однажды, въ селѣ Коломенскомъ, царю представлялся австрійскій посланникъ; царица захотѣла тайно посмотрѣть на это представленіе и для этого сидѣла въ сосѣдней комнатѣ, внимательно прислушивалась къ тому, что говорится, и смотрѣла на посольство въ маленькое окошечко. Трехлѣтній Петръ не понималъ, что по русскимъ обычаямъ царица не можетъ показываться иностранцамъ; онъ видѣлъ только, что матери хочется видѣть и слышать, что происходитъ на аудіенціи; никѣмъ незамѣченный, онъ подбѣжалъ къ дверямъ, быстро распахнулъ ихъ и воскликнулъ. «Матушка, чего сидѣть тутъ одной, лучше смотри въ отпертыя двери!»

Такимъ образомъ царевичъ далъ иноземцамъ случай увидѣть московскую царицу, что было вовсе не легко.

Большую часть лѣта царица Наталья Кириловна съ сыномъ проводила въ селѣ Преображенскомъ, въ трехъ верстахъ отъ Москвы, за рѣкою Яузою; сюда же переселялся царь каждою осенью; тогда тихое село оживлялось; слышался звукъ охотничьихъ роговъ, лай собакъ и ржаніе лошадей; царь охотился съ своими боярами; иногда по вечерамъ раздавалась нѣмецкая музыка и въ особо-устроенномъ помѣщеніи давались драматическія представленія.

Петръ особенно любилъ село Преображенское, тамъ ничто не стѣсняло его; онъ по цѣлымъ днямъ проводилъ въ саду и въ поляхъ; тамъ у него были товарищи, такія же дѣти, какъ онъ самъ, и съ нимъ онъ игралъ въ солдаты. Любовь къ привольной жизни въ Преображенскомъ на всю жизнь оставила слѣды въ сердцѣ Петра; онъ всегда больше всѣхъ мѣстъ любилъ Преображенское.

Петръ, какъ мы уже замѣтили, особенно въ Преображенскомъ имѣлъ много развлеченій; тамъ у него было много товарищей, все однолѣтокъ съ нимъ; это были дѣти придворныхъ дворянъ и карлики, составлявшіе необходимую принадлежность царскаго дворца.

По приказанію царя Алексѣя Михайловича, дѣтямъ дано было много маленькихъ ружей, сабель, барабановъ и т. д. Этихъ дѣтей называютъ въ современныхъ запискахъ *рбятками* и на нихъ-то отпускалось это дѣтское оружіе.

ГЛАВА IV.

Кончина царя Алексѣя Михайловича. Феодоръ Алексѣевичъ.
Изгнаніе Матвѣева.

Малютка-царевичъ былъ вполнѣ счастливъ; любовь матери и отца бодрствовали надъ нимъ и отвращали отъ него всякую неприятность, и все, что могло имѣть на него дурное вліяніе. Но несчастіе постигло Петра на четвертомъ году жизни; онъ лишился отца. Царь внезапно заболѣлъ и послѣ десятидневныхъ страданій скончался.

Часа за три до своей кончины, онъ благословилъ на царство своего старшаго сына, царевича Феодора, еще прежде явленнаго народу, какъ наслѣдникъ престола. Феодоръ былъ человѣкъ нѣжной, болѣзненной организаціи; онъ былъ лицомъ прекрасенъ, но характера слабаго, робкаго; легко поддавался совѣтамъ и вліянію окружающихъ его царедворцевъ.

Въ первые мѣсяцы царствованія все оставалось по прежнему; бояринъ Матвѣевъ занимался своимъ приказомъ и высказывалъ свое мнѣніе въ царской думѣ. Но милости царя Алексѣя Михайловича, непоколебимая твердость боярина, съ какою онъ шелъ по пути, имъ избранному, возбуждали зависть царедворцевъ; онъ мѣшалъ имъ во многомъ; они начали клеветать на него и выставять его, какъ человѣка властолюбиваго.

Царю говорили, что Матвѣевъ не любитъ его, царя Феодора Алексѣевича, что онъ помышляетъ, какъ бы захватить въ свои руки власть, и наконецъ увѣрили царя, что онъ изъ преданности къ

царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ и ея сыну, царевичу Петру, замышлялъ, какъ бы лишить Θεодора Алексѣевича престола и вмѣсто него возвести на престолъ маленькаго Петра и самому, вмѣстѣ съ царицею, управлять государствомъ. Говорили, будто въ послѣдніе дни жизни царя Алексѣя Михайловича онъ уговаривалъ его, помимо царевича Θεодора, на царство благословить младшаго сына своего Петра будто царица была съ нимъ за-одно и этотъ замыселъ не удался только потому, что ее не допустили къ смертному часу ея супруга.

Молодой царь Θεодоръ сначала не обращалъ вниманія на змѣйныя клеветы враговъ Матвѣева и не лишалъ его своихъ милостей; такъ прошло около полугода. Но враги не переставали злословить; обвиненія становились настоятельныѣ, и царь рѣшился удалить отъ себя такого опаснаго человѣка, какъ Матвѣевъ: однакожь не имѣлъ достаточныхъ причинъ, чтобы судить его и наказать.

Однажды, онъ призвалъ къ себѣ боярина и сказалъ ему: «Сибирь—страна отдаленная; тамъ безпорядки большіе; мнѣ надобно послать туда человѣка вѣрнаго и разумнаго; я выбралъ для этого тебя и приказываю тебѣ ѣхать воеводою въ Верхотурье. Собирайся въ дорогу, вмѣстѣ съ семьею, съ женою и сыномъ; даю тебѣ недѣлю сроку для сборовъ».

Матвѣевъ понялъ, что царь назначаетъ ему воеводство въ Верхотурьѣ за тѣмъ, чтобы удалить его изъ Москвы: но онъ выслушалъ повелѣніе безъ жалобъ и безъ ропота; покорно поблагодарилъ царя за довѣренность и пошелъ собираться въ путь.

Со слезами простился онъ съ царицею Натальей Кириловной и съ жаромъ обнималъ, цѣловалъ и благословлялъ нѣжно любимаго царевича Петра.

Матвѣевъ выѣхалъ изъ Москвы 2 іюля 1676 года, вмѣстѣ съ женою и съ сыномъ.

Царевичъ Петръ много потерялъ отъ того, что не могъ пользоваться совѣтами и руководствомъ Матвѣева, человѣка образованнаго и умнаго отъ природы. Самое воспитаніе Петра получило бы другое, лучшее направленіе, ежели бы имъ распорядился Матвѣевъ, потому что бояринъ понималъ пользу ученія. Онъ своего сына воспитывалъ хорошо: маленькій Андрей, сынъ Артамона Сергѣевича, учился исторіи, ариѳметикѣ, географіи, латинскому и греческому

языку у очень ученаго и хорошаго человѣка, переводчика посольскаго приказа Спафарія.

Семейная жизнь въ домѣ Матвѣева содѣйствовала къ развитію молодаго Андрея; по стѣнамъ были развѣшаны картины хорошихъ художниковъ, у него были дорогіе часы, составлявшіе тогда большую рѣдкость въ Москвѣ; въ кабинетѣ было много книгъ и рѣдкостей, встрѣчавшихся только въ царскихъ хоромахъ. Матвѣевъ радужно принималъ у себя иностранцевъ, разговаривалъ съ ними и учился у нихъ тому, чего такъ въ русскомъ обществѣ узнавать не могъ; у него по стѣнамъ висѣли географическія карты и изображенія различныхъ европейскихъ городовъ. Все это показывало, что Матвѣевъ былъ человѣкъ образованный, стоявшій выше своихъ современниковъ, и много облегчало образованіе и ученіе его сына.

Немилость царя сильно опечалила боярина; съ знакомыми и родственниками онъ простился, какъ бы отправляясь въ заточеніе; сердце его видно предчувствовало, что это такъ и будетъ; жена его рыдала, оставляя и запирая свои хоромы.

Не успѣлъ Матвѣевъ уѣхать изъ Москвы, какъ завистники и враги его, громче прежняго, осыпали его обвиненіями и составили новый обвинительный актъ, несравненно хуже перваго. Лекаръ Берловъ доносилъ, что Матвѣевъ, во время тяжкой болѣзни государя, хотѣлъ отравить его и для этого призывалъ къ себѣ Спафарія, совѣтовался съ нимъ, какъ это лучше сдѣлать; на неизвѣстномъ языкѣ призывалъ *нечистыхъ духовъ* и творилъ разныя заклинанія и волхвованія. Тоже самое доносилъ датскій резидентъ, человѣкъ недостойный, который дни и ночи проводилъ за бутылкой вина и въ другихъ удовольствіяхъ.

Умыселъ на царскую жизнь клятвенно подтвердили дядьки царя Θεодора, говоря, что въ теченіе всей болѣзни, Матвѣевъ не хотѣлъ отвѣдывать лекарствъ, прописанныхъ государю, и отказывался тѣмъ, что онъ здоровъ и что лекарство пригодное больному можетъ быть вредно для здороваго: связь же Матвѣева съ нечистыми духами клятвенно доказывалъ одинъ изъ рабовъ его, недовольный имъ за что-то.

Какъ бы то ни было, доносъ этотъ остался не безъ слѣдствія; царь приказалъ догнать уѣхавшаго боярина, опечатать всѣ его ве-

щи, отобрать ихъ, обыскать его, найти и отнять *черную книгу* и самого съ семействомъ отвезти въ Пустозерскъ, въ заточеніе.

Матвѣевъ съ семействомъ ѣхалъ водою; царскіе чиновники нагнали его въ Лаптевѣ, опечатали все бывшее при немъ имущество, забрали всѣхъ людей и допрашивали ихъ, не отказываясь при томъ и отъ побоевъ: они доискивались, гдѣ лежитъ боярскій лечебникъ, писанный цифирью, и гдѣ спрятана *черная книга*. Напрасно люди Матвѣева клялись и божились, что никакого лечебника и никакой *черной книги* нѣтъ, но чиновники не вѣрили, производили обыскъ, снимали допросы, стращали; но все понапрасну; нельзя было найти того, чего не было.

Слѣдствіе продолжалось нѣсколько времени и ничѣмъ не кончилось; но Матвѣевъ далѣе продолжалъ свое путешествіе, не какъ воевода, отправляющійся на воеводство, а какъ государственный преступникъ, подъ конвоемъ, лишенный всѣхъ удобствъ, потерявшій все свое имущество. Такимъ образомъ, послѣ долгаго и труднаго путешествія, истощенный усталостью и горемъ, онъ прибылъ на берегъ Ледовитаго моря, въ Пустозерскій острогъ.

ГЛАВА V.

Ученіе и забавы царевича Петра до десятилѣтняго возраста.

Удаленіе боярина Матвѣева и его ссылка глубоко огорчили царицу Наталью Кириловну; она видѣла, что онъ пострадалъ за свою преданность къ ней и что враги ея были тѣже, что и враги боярина и что, поражая ея воспитателя, хотѣли поразить ее.

Она еще болѣе прежняго удалилась въ свои уединенные хоромы и съ тревожнымъ вниманіемъ слѣдила за развитіемъ и здоровьемъ своего сына.

Царь Θεодоръ Алексѣевичъ оставался съ нею ласковъ, иногда заходилъ къ ней, чтобы полюбоваться бойкимъ, прекраснымъ и умнымъ братомъ. Его живость и ловкость, его отвѣты нравились царю, и онъ по цѣлымъ часамъ разговаривалъ съ нимъ и смотрѣлъ на его игры.

Но Петру былъ уже пятый годъ на исходѣ, и царь Θεодоръ однажды посадилъ его къ себѣ на колѣни, гладилъ его по кудрявой головѣ и сказалъ: «Тебѣ, голубчикъ, пора за дѣло, пора начать учиться читать и писать; ты большой мальчикъ; оставь пока ружья и барабаны, да выучись читать».

Петръ обрадовался этому, захопалъ въ ладоши и воскликнулъ: «Хочу читать, дай мнѣ учителя; да, я буду учиться всему, всему, что только другіе знаютъ».

— Хорошо, мой умникъ, я тебѣ приищу учителя и ты, съ благословеніемъ патріарха и съ Божіей помощію, возьмешься за дѣло!

По приказанію царя начали отыскивать учителя для царевича; для него написали букварь и часословъ крупнымъ шрифтомъ и съ украшеніями; эти книги переплели въ алый бархатъ. Странно, что для первоначальнаго обученія были писанныя, а не печатныя книги, должно быть потому, что не было печатнаго букваря съ картинками и красивыми буквами, поэтому предпочли сдѣлать букварь рукописный съ нарисованными на поляхъ картинками и золотыми и серебряными разводами.

Книги были готовы; оставалось отыскать учителя; бояринъ Соковнинъ предложилъ къ царевичу въ учителя—Никиту Моисеева Зотова изъ приказныхъ; бояринъ говорилъ, что знаетъ его, какъ человѣка знающаго, смирнаго, кроткаго и исполненнаго всякихъ добродѣтелей. Царь приказалъ немедленно представить себѣ Зотова; онъ лично хотѣлъ узнать человѣка, которому ввѣряетъ воспитаніе брата.

На слѣдующій день Соковнинъ послалъ за Зотовымъ и не говоря ему зачѣмъ, вмѣстѣ съ собою привезъ во дворецъ и приказалъ дожидаться въ одной изъ переднихъ комнатъ. Зотовъ не могъ понять, зачѣмъ это его привезли во дворецъ, и сердце его невольно билось отъ страха и неизвѣстности.

Черезъ нѣсколько минутъ въ переднюю вошелъ одинъ изъ постельничихъ и спросилъ: «Кто здѣсь Никита Зотовъ?»

— Это я, отвѣчалъ Зотовъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Государь приказалъ тебѣ явиться передъ его свѣтлыя очи! Ступай скорѣе, я тебѣ укажу, куда идти.

Неожиданное приказаніе такъ подѣйствовало на Зотова, что колѣни его задрожали, въ головѣ зазвенѣло и онъ почти безъ памяти прислонился къ стѣнѣ.

— Чего стоишь, иди скорѣе, царь зоветъ, съ досадою повторилъ постельничій.

— Помилосердуй, тихо сказалъ Зотовъ дрожащимъ голосомъ,— не могу перстомъ шевельнуть, ногой двинуть, позволь мнѣ оправиться! Господи, продолжалъ онъ шептать,— за что я прогнѣвилъ тебя! Что я сдѣлалъ государю? Что меня ожидаетъ?—Еще простоялъ Зотовъ нѣсколько минутъ, собрался съ духомъ, приготовился къ худшему, поручилъ свою душу Богу, перекрестился нѣсколько разъ и нетвердою поступью пошелъ вслѣдъ за постельничимъ. Царь

встрѣтилъ его ласковою улыбкою, позволилъ ему поцѣловать свою руку и сказалъ, обращаясь къ бывшему тутъ Симеону Полоцкому: «Испытай Зотова, твердъ ли онъ въ чтеніи и письмѣ.»

Симеонъ Полоцкій тотчасъ принялся за дѣло: заставилъ Зотова читать, потомъ переписать страницу, продиктовалъ ему и велѣлъ самому написать отъ себя сочиненіе. Чтеніемъ экзаменаторъ остался доволенъ; внимательно разсмотрѣлъ писаніе и объявилъ, что учитель хорошъ, что его чтеніе и письмо правильно, и его можно приставить къ царевичу.

Царь приказалъ Соковнину отвести Зотова къ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ и сказать ей, что присылаетъ ей учителя *злого доброго* для маленькаго царевича.

Смущеніе Зотова съ каждымъ мгновеніемъ возрастало; онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ. Царица выслушала Соковнина, взяла Петра за руку, подвела его къ учителю и сказала: «Я узнала, что ты человѣкъ смиренный, боишься Бога, что книжное ученіе тебѣ открыто—вручаю тебѣ моего единороднаго сына. Прими его, научи его мудрости книжной, страху Божію и житію честному, благочинному; соблюди его тѣло и сердце въ чистотѣ и научи его быть милосерднымъ и справедливымъ!»

До сихъ поръ Зотовъ все еще порядочно не понималъ, зачѣмъ его требуютъ ко двору, но тутъ ему стало ясно и первое чувство его былъ страхъ; онъ упалъ передъ царицей на колѣни и, обливаясь горькими слезами, дрожа всѣми членами, проговорилъ: «Государыня милостивая, я недостойнъ такого высокаго назначенія; я недостойнъ прикасаться къ такому сокровищу, я не сумѣю сохранить 'его».

Царица продолжала: «Встань, прими изъ рукъ моихъ сына моего, не отказывайся отъ дѣла, которое поручаю тебѣ. Мнѣ извѣстно, что ты человѣкъ добродѣтельный, смиренный и во всякой книжной мудрости опытный! Отказываться отъ порученія моего ты не имѣешь права; вставай, не стой на колѣняхъ!»

Но Зотовъ продолжалъ дрожать и по прежнему стоялъ на колѣняхъ и думалъ о томъ, какъ недостойнъ онъ принять на себя воспитаніе царевича. Но царица еще разъ приказала ему встать, позволила поцѣловать руку и приказала ему явиться на другой день рано утромъ, чтобы приняться за ученіе царевича.

На слѣдующее утро въ хоромы царицы явился самъ царь Теодоръ Алексѣевичъ вмѣстѣ съ патріархомъ и съ церковнымъ причтомъ; отслужили молебень, патріархъ благословилъ царевича на ученіе, окропилъ его и книги святою водою и съ короткою назидательною рѣчью передалъ его Зотову. Зотовъ посадилъ царевича на приготовленное мѣсто, поклонился ему въ землю, развернулъ передъ нимъ книгу, далъ въ руки указку и ученіе началось. Патріархъ и царь присутствовали при первомъ урокѣ и послѣ его окончанія одарили учителя. Патріархъ далъ ему сто рублей; царь подарилъ ему домъ съ усадьбой, а царица дала ему двѣ пары богатаго придворнаго платья, со всѣмъ приличнымъ къ нему уборомъ.

Чтобы царевичу удобно было читать, для него нарочно былъ сдѣланъ налой шириною въ $1\frac{1}{2}$ аршина, а вышиною въ аршинъ; обить онъ былъ ватою покрытой алымъ атласомъ съ серебряными галунами; на этомъ налоѣ постоянно лежали книги царевича и къ нему онъ подходилъ только во время занятій. Петръ учился прилежно съ рвеніемъ и въ очень короткое время выучился читать; но писать его начали учить только на восьмомъ году, что видно изъ того, что къ этому времени были отданы переплестать прописи и тетради—въ малиновый бархатъ.

Кромѣ Зотова у царевича въ это время былъ еще учитель Нестеровъ; онъ, вѣрно, былъ учителемъ церковнаго пѣнія, безъ чего въ то время не обходилось воспитаніе.

Зотовъ занимался своимъ воспитанникомъ съ любовью и прилежно; когда онъ замѣчалъ, что чтеніе, или письмо утомляетъ царевича, онъ прекращалъ занятія и рассказывалъ ему что нибудь любопытное изъ исторіи Россіи, или изъ географіи. Замѣтивъ, съ какимъ вниманіемъ царевичъ слушаетъ рассказы, какъ при этомъ глаза его сверкаютъ и въ голосѣ слышится волненіе, онъ рѣшился познакомить его со всѣмъ тѣмъ, что самъ знаетъ. Онъ сказалъ царицѣ что для отдыха нужно бы имѣть книги съ *кунитами* (картинками), въ которыхъ бы говорилось о разныхъ чужеземныхъ и русскихъ народахъ и городахъ, гдѣ были бы въ лицахъ представлены разные случаи изъ старины. Да, не худо было бы и на стѣнахъ, въ хоромахъ царевича, повѣсить картины съ такими же изображеніями.

Требованіе это очень понравилось царицѣ и она сказала о томъ царю Феодору Алексѣевичу; онъ одобрилъ планъ. Въ библиотекѣ дворцовой отобрали всѣ книги съ рисунками, касательно предметовъ историческихъ и съ изображеніемъ городовъ, извѣстныхъ зданій и т. п. какъ въ Россіи, такъ и въ иностранныхъ государствахъ. Хорошимъ художникамъ приказано было написать такого же рода картины, преимущественно изъ библейской исторіи и исторіи Россіи, и ими увѣсили всѣ стѣны царевичевыхъ хоромъ.

Съ этихъ поръ рассказы Зотова пріобрѣли еще большую занимательность для Петра. По картинкамъ онъ узналъ различные города Европы и при этомъ пріобрѣлъ кое-какія географическія знанія. По картинамъ на стѣнахъ ознакомился съ подвигами своихъ предковъ; тутъ былъ Дмитрій Донской на Куликовомъ полѣ, тутъ было покореніе Казани, разныя картины изъ смутнаго времени, избраніе на царство Михаила Феодоровича и множество изображеній различныхъ случаевъ изъ жизни и изъ царствованія Алексѣя Михайловича.

Къ каждой картинѣ былъ рассказъ и объясненіе всего, что предшествовало и что слѣдовало за изображеннымъ происшествіемъ. Петръ съ жадностію слушалъ слова своего учителя и такимъ образомъ запасался географическими и историческими свѣдѣніями. Рвеніе ученика возбуждало и учителя къ дѣятельности; онъ читалъ, учился и готовился къ каждому уроку, какой давалъ своему даровитому воспитаннику,

Изображеніе иностраннаго войска, оружія и кораблей, особенно занимали Петра; его вопросамъ и разпросамъ не было конца; къ сожалѣнію, воспитатель не всегда умѣлъ отвѣчать на вопросы пылкаго и часто нетерпѣливаго ученика, которому хотѣлось бы все знать, однимъ взглядомъ объяснить себѣ непонятное.

Царица большую часть года съ Петромъ проводила въ селѣ Преображенскомъ; она удалялась отъ придворныхъ козней и смуть, чтобы вполне предаться воспитанію сына. Въ свободные отъ ученія часы, царевичъ игралъ съ однолѣтними съ нимъ боярскими дѣтьми въ солдаты, но требовалъ отъ нихъ, чтобы они ходили стройными рядами, ружьемъ выкидывали и держали, какъ настоящіе солдаты.

И въ этомъ случаѣ Петръ многое узналъ отъ Зотова: кромѣ уроковъ изъ географіи и исторіи Россіи, Зотовъ изучилъ военный

артикулъ, составленный при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; всѣ положенія солдата и всѣ эволюціи были нарисованы красками; молодой царевичъ все это зналъ наизусть и требовалъ, чтобы дѣти, его товарищи по игрѣ, строго выполняли то, что было нарисовано на картинахъ.. Онъ ни въ чемъ не отставалъ отъ товарищей, вмѣстѣ съ ними ходилъ по полямъ, вмѣстѣ маршировалъ и вмѣстѣ копался въ землѣ, дѣлая примѣрныя крѣпости и окопы.

Царица Наталья Кирилловна неотступно слѣдила за сыномъ, ни на одинъ часъ не покидала его; она опасалась за его здоровье и жизнь. Чтобы избѣжать придворныхъ интригъ и неприятностей, она удалялась отъ придворной жизни, но это ей не всегда удавалось.

У Царя Θεодора главнымъ совѣтникомъ и любимцемъ былъ бояринъ Иванъ Максимовичъ Языковъ; онъ вмѣстѣ съ Милославскими, родственниками царя по матери, ненавидѣлъ весь родъ Нарышкиныхъ, а вмѣстѣ съ нимъ и царицу, и всѣми силами старался вредить Нарышкинымъ.

Θеодоръ любилъ Наталью Кириловну, но по слабости характера не защищалъ ни ея родственниковъ, ни ее лично отъ неприятностей, какія ей дѣлали Милославскіе и Языковъ. Такъ однажды Языковъ пришелъ въ покои царицы и предложилъ ей перебраться съ сыномъ и со всѣмъ дворомъ въ другой домъ, потому что въ Кремлѣ тѣсно и покои царицы понадобились для чего-то другаго. Но царица не согласилась оставить дворца; она опасалась, какъ бы враги ея не сдѣлали чего нибудь дурнаго ей самой, а еще болѣе ея сыну. Поэтому она съ твердостію отказалась переѣхать въ другой домъ. Но Языковъ продолжалъ дерзко говорить съ царицей и называлъ ее упрямой ослушницей царской воли. Наталья Кириловна залилась слезами отъ досады и отъ обиды, ей нанесенной.

Царевичъ былъ свидѣтелемъ этой сцены; не говоря ни слова, онъ выбѣжалъ изъ комнаты и вмѣстѣ съ учителемъ своимъ, не смотря на всѣ его возраженія, быстро пошелъ въ чертоги царскіе. Увидѣвши царя, онъ подбѣжалъ къ нему, схватилъ его за руку, нѣсколько разъ съ жаромъ поцѣловалъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ воскликнулъ: «Державный царь и любимый братъ мой! Приношу тебѣ жалобу на Языкова; онъ хочетъ меня съ матерью выгнать изъ дому отца моего, хочетъ насъ удалить отъ

тебя, чтобы, подобно новому Годунову умертвить меня, какъ царевича Дмитрія. Ежели ты находишь, что тотъ домъ, куда ссылаешь меня съ матерью лучше Кремля, то иди туда съ нами и живи вмѣстѣ съ нами, чтобы жизнь наша не была въ опасности. Но отъ тебя, государь мой и защитникъ, я не пойду и въ чужой домъ, я не переѣду!» Потомъ, обратясь къ находившимся при царѣ боярамъ, воскликнулъ сквозь слезы: «Или я не сынъ державнаго царя Алексѣя Михайловича, что мнѣ и угла нѣтъ въ домѣ отца моего!»

Царь и всѣ присутствующіе были тронуты; Ѳеодоръ Алексѣевичъ обнялъ брата и сказалъ: «Будь спокоенъ, я до этого не допущу; я самъ все изслѣдую, и царицу мать твою удовлетворю!»

Петръ со слезами благодарилъ брата, который еще разъ обнялъ и крѣпко поцѣловалъ его. Радостный царевичъ поспѣшилъ къ матери и объявилъ ей, что самъ царь разберетъ все. Почти слѣдомъ за нимъ явился Ѳеодоръ Алексѣевичъ; онъ ласковыми словами успокоилъ царицу, говорилъ, что дерзкаго поведенія Языкова не одобряетъ, что даже у него и въ мысляхъ никогда не было изгонять ее изъ Кремлевскаго дворца, что онъ выдаетъ ей виновнаго Языкова головою и она можетъ казнить его, какъ ей угодно будетъ. Государыня милостиво простила Языкова и сказала, что смерти его не хочетъ, но требуетъ къ себѣ и сыну своему должнаго отъ всякаго русскаго уваженія. Царь удалилъ Языкова на довольно долгое время отъ двора и далъ указъ, въ которомъ запретилъ, подъ страхомъ смерти, дѣлать царицѣ, или царевичу малѣйшую неприятность.

Вліяніе Зотова на царевича и быстрые успѣхи его не нравились враждебной партіи придворныхъ; Милославскіе искали предлога, какъ бы удалить Зотова. Представился удобный случай: его вмѣстѣ съ другими послами отправили въ Крымъ, чтобы заключить миръ съ ханомъ; миръ этотъ состоялся въ 1681 году, и Зотовъ возвратился въ Москву.

Царевичу исполнилось десять лѣтъ, но на видъ онъ казался пятнадцатилѣтнимъ юношею; на лицѣ у него игралъ румянецъ здоровья, большіе черные глаза его сверкали, какъ два раскаленные угля; темнорусые волосы вились у него сами собою, движенія его были живы и граціозны.

ГЛАВА VI.

Кончина царя Θεодора Алексѣевича и избраніе на царство Петра.

Здоровье царя Θεодора Алексѣевича съ каждымъ днемъ ослабѣвало; его утомляли государственныя дѣла и онъ часто говорилъ: «Дни мои сочтены, мнѣ не долго остается держать въ рукахъ кормило правленія; мнѣ нужно подумать о томъ, кому передать его. Достойнѣе всѣхъ мой младшій братъ Петръ; Богомъ онъ назначенъ царствовать, и не мнѣ ему мѣшать».

Но Языковъ и другіе бояре успокоивали царя и говорили ему: «Такіе-ли твои годы, государь, чтобы помышлять о смерти; ты кручинишься о томъ, что супруга твоя скончалась, и оттого тебѣ приходятъ такія мысли. Лучше избери себѣ новую подругу, оставь государству прямого наслѣдника; всѣ твои печали пройдутъ и вмѣстѣ съ ними и твои болѣзни, ты выздоровѣешь и долго будешь царствовать.»

Такія слова успокоивали болѣзненнаго Θεодора Алексѣевича, возвращали ему бодрость духа, и надежда на здоровье и на долгую жизнь опять появлялись у него. Подобные разговоры повторялись чаще и чаще, наконецъ царь пересталъ думать о смерти и о назначеніи себѣ наслѣдника, а напротивъ, согласился вступить во второй бракъ; онъ избралъ себѣ дѣвицу изъ рода Апраксиныхъ; свадьбу отпраздновали тихо, даже безъ обыкновенныхъ торжественныхъ обрядовъ; но царь вскорѣ потомъ началъ видимо угасать и черезъ два съ половиною мѣсяца умеръ.

Наслѣдника послѣ себя онъ не назначилъ и ни одного изъ своихъ братьевъ не представлялъ народу, *не объявлялъ*, какъ наслѣдника престола. Старшій послѣ Θεодора братъ былъ Іоаннъ, а младшій Петръ. Іоаннъ уже достигъ совершеннолѣтія, но у него были глаза слабые, больные; онъ почти ничего не видѣлъ, да и вообще былъ человѣкъ слабый, больной, совершенно неспособный управлять государствомъ. Петру было только десять лѣтъ: но его умъ, красота и живость всѣмъ нравились, о немъ постоянно говорили во всѣхъ слояхъ общества, на него привыкли смотрѣть, какъ на будущаго царя.

Однакожь при дворѣ, послѣ кончины Θεодора, бояре раздѣлились на двѣ партіи: одна хотѣла возвести на престолъ старшаго брата и вмѣсто него управлять царствомъ, другая—младшаго; народъ и патріархъ были на сторонѣ Петра, потому что видѣли въ немъ необыкновенныя дарованія и надѣялись, что онъ достойно будетъ нести вѣнецъ своихъ предковъ.

Лишь только царь закрылъ глаза, ударили въ большой колоколь *Вѣстникъ*, и народъ со всѣхъ концовъ Москвы поспѣшилъ въ Кремль, чтобы проститься съ покойнымъ царемъ и поклониться новому царю. Когда обрядъ прощанія окончился, царевичи Іоаннъ и Петръ всѣхъ безъ исключенія допускали цѣловать руку. Между тѣмъ патріархъ, вмѣстѣ со всѣми государственными сановниками и съ духовенствомъ, ушли въ переднюю палату, чтобы рѣшить вопросъ, котораго изъ двухъ царевичей избрать на царство. Святители и бояре, послѣ короткаго совѣщанія, положили избрать царя по общему народному согласію. Патріархъ со всѣми властями и думными людьми вышелъ на крыльцо и велѣлъ всѣмъ чинамъ московскаго государства и всему народу собраться на площади передъ церковью нерукотвореннаго Спаса. Нѣсколько минутъ спустя, патріархъ, съ духовенствомъ и боярами вышелъ къ собравшемуся народу и сказалъ: «Царь Θεодоръ Алексѣевичъ волею Божіею скончался, оставивъ послѣ себя двухъ братьевъ, Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, но преемника себѣ не назначилъ; спрашиваю васъ, православные русскіе люди, скажите по чистой совѣсти, которому изъ двухъ царевичей быть царемъ? Кого вы назначите, тотъ и будетъ».

Пока патріархъ говорилъ, на площади была мертвая тишина,

но когда онъ окончилъ; народъ заволновался и всѣ въ одинъ голосъ закричали: «Быть царемъ-государемъ царевичу Петру Алексѣвичу!»

Послѣ этого патріархъ съ тѣмъ же вопросомъ обратился къ боярамъ и царедворцамъ; и они, ни минуту не колеблясь, воскликнули: «Пусть царемъ-государемъ будетъ избранный народомъ царевичъ Петръ Алексѣвичъ!» Патріархъ и всѣ чины государственные возвратились въ Кремлевскія палаты, и первосвяtitель благословилъ десятилѣтняго Петра на царство. Въ тотъ же день всѣ московскіе жители, стрѣльцы, солдатскіе полки, бояре и духовенство присягнули Петру; вслѣдъ за Москвою присягнула и вся Россія.

Блестящія способности Петра были извѣстны всей Россіи, но ему было всего десять лѣтъ, и онъ самъ управлять государствомъ не могъ, поэтому мать его Наталья Кириловна приняла на себя титулъ правительницы. Но патріархъ и государственные чины сдѣлали ошибку, не назначивъ ее правительницею, и тѣмъ дали возможность честолюбивымъ людямъ оспаривать у нея этотъ санъ и производить въ государствѣ несогласія и волненія. Царица видѣла, какъ нетверда ея власть и какъ у нея нѣтъ ни опытности, ни характера, чтобы управлять народомъ, она поторопилась, какъ можно скорѣе, вызвать изъ заточенія опытнаго, мудраго и преданнаго себѣ боярина Матвѣева.

ГЛАВА VII.

Стрѣльцы. Стрѣлецкій бунтъ. Гибель Нарышкиныхъ и другихъ бояръ.

Въ Москвѣ, кромѣ солдатскихъ полковъ, составленныхъ въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, со временъ царя Іоанна Васильевича Грознаго, существовало постоянное войско стрѣleckое. Первоначально это были люди вольные, которые обязаны были служить въ военной службѣ; для нихъ въ московскихъ предмѣстьяхъ правительство построило дома, назначило имъ содержаніе, дало одежду, оружіе и подчинило особому приказу, такъ и называвшемуся стрѣleckимъ.

Стрѣльцы жили въ особыхъ слободахъ съ своими семействами и мало-по-малу составили какъ бы отдѣльную касту; сынъ стрѣльца непременно былъ тоже стрѣльцомъ; кромѣ того стрѣleckое войско пополнялось охотниками; но вступать въ стрѣльцы было сопряжено съ трудностями. Чтобы сдѣлаться стрѣльцомъ, надобно было: 1) быть человѣку вольному, не крѣпостному; 2) новопоступающій долженъ былъ на дѣлѣ показать, что онъ хорошо стрѣляетъ и что ловекъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ; въ уставѣ было сказано: «поступать могутъ люди *рѣзвые и стрѣлятъ гораздые*; 3) при поступленіи новобранца два старыхъ и уважаемыхъ стрѣльца должны были дать подписку, что новый стрѣлецъ не убѣжитъ.

При царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ стрѣleckаго войска въ Москвѣ было до 20 тысячъ. Оно раздѣлялось на приказы, некогда они были переименованны въ полки, то и стрѣleckіе головы стали называться полковниками.

Въ мирное время стрѣльцы должны были охранять спокойствіе Москвы, занимать караулы въ Кремлѣ, во всѣхъ частяхъ города, у заставъ и при городскихъ воротахъ; въ военное время стрѣльцы наравнѣ съ другими войсками отправлялись въ походы и такъ какъ они умѣли лучше другихъ владѣть оружіемъ, то очень часто рѣшались сраженіе, брали города и т. д.

Въ торжественныхъ случаяхъ, какъ во время приема иностранныхъ пословъ, стрѣльцы выстраивались вдоль улицъ; лучший, выбранный стрѣлецкій полкъ, извѣстный подъ названіемъ Стремянаго, сопровождалъ государя во всѣхъ его выѣздахъ изъ Москвы, верхомъ на лошадяхъ, изъ царскихъ конюшенъ. Въ походы стрѣльцы отправлялись на подводахъ, но никогда не ходили пѣшкомъ.

Стрѣльцы пользовались большими преимуществами и льготами. На стрѣльцовъ изъ казны отпускалось до 100,000 рублей жалованья, что по тогдашнему была огромная сумма денегъ. Оружіе и одежда были тоже отъ казны. Стрѣльцы были вооружены пищалями, бердышами, саблями; у каждаго полка было свое знамя и свои пушки. Одежда у стрѣльцовъ была одноформенная: цвѣтъ—по полкамъ; они носили суконные кафтаны алаго, синяго, малиноваго, голубаго, зеленаго цвѣта, обшитые галунами и съ красивыми, иногда золотыми перевязями; сапоги—желтые, или красные, шапки бархатныя съ мѣховою опушкою.

Въ свободное отъ службы время, стрѣльцамъ позволено было заниматься торговлей и ремеслами: но были освобождены отъ всякихъ городскихъ повинностей. Всѣ дѣла тяжёбныя и гражданскія, кромѣ уголовныхъ, судились въ стрѣлецкихъ же приказахъ и собственнымъ начальствомъ, такъ что стрѣльцы составляли совершенно отдѣльную касту, съ отдѣльнымъ управленіемъ.

Первоначально, пока въ стрѣлецкомъ войскѣ сохранялся строгій порядокъ, это войско можно было назвать примѣрнымъ; но въ это время во всѣхъ частяхъ управленія былъ беспорядокъ и безсовѣстное корыстолюбіе. За деньги можно было снять съ себя всякую вину и неправый всегда могъ оправдаться. Даже самыхъ близкихъ къ царю людей, подобно самымъ мелкимъ чиновникамъ, можно было подкупить.

Народъ страдалъ отъ грабительства чиновниковъ и ропталъ, но

громче всѣхъ на побои и несправедливости роптали стрѣльцы. Строгий воинскій порядокъ въ стрѣleckихъ полкахъ исчезъ; стрѣльцы исключительно занимались торговлей и промыслами, богатѣли и всякая военная повинность тяготила ихъ, потому что отрывала отъ дѣла; они называли притѣсненіемъ и несправедливостью, когда полки должны были идти въ походъ, или исправлять службу. Но и полковники, особенно при Θεодорѣ Алексѣевичѣ, употребляли свою власть во зло, грабили разбогатѣвшихъ стрѣльцовъ, или назначали имъ работы неположенныя и поэтому притѣсненія для стрѣльцовъ были невыносимѣе, чѣмъ для остальныхъ жителей Москвы и они больше другихъ роптали.

Неудовольствіе стрѣльцовъ выразилось еще въ царствованіе царя Θεодора. Стрѣльцы полка Грибоѣдова жаловались на своего полковника за то, что онъ не доплачивалъ имъ царскаго жалованья, заставлялъ ихъ для себя строить загородный домъ, замучивалъ работой и не давалъ отдыха даже въ Свѣтлый праздникъ, на Святой недѣлѣ. Стрѣleckимъ приказомъ завѣдывалъ тогда князь Долгорукій; стрѣльцы послали своего выборнаго въ приказъ съ прошеніемъ. Дьякъ принялъ челобитную и приказалъ стрѣльцу придти за отвѣтомъ на слѣдующій день; самъ между тѣмъ пошелъ къ князю Долгорукому и сказалъ ему: «Пьяный стрѣлецъ пришелъ жаловаться на своего полковника, безчинствовалъ, кричалъ и бранился». Князь выслушалъ дьяка, не прочиталъ прошенія и рѣшилъ: «Пьянаго стрѣльца высѣчь кнутомъ, чтобы у другихъ отбить охоту жаловаться и безчинствовать».

Когда стрѣлецъ на другой день пришелъ за отвѣтомъ, его схватили, связали ему руки назадъ и отвели въ слободу. Передъ сѣзжею избою набралась значительная толпа стрѣльцовъ; туда со всѣхъ сторонъ, еще сбѣгались, когда узнали, что челобитчика привели связаннаго. Дьякъ передъ избою объявилъ приговоръ и приказные служители готовились привести его въ исполненіе. Стрѣлецъ громко закричалъ на всю толпу: «Братцы, просьбу я подалъ съ вашего согласія, вы сами послали меня, зачѣмъ же позволяете вы ругаться надо мною?»

Стрѣльцы зашумѣли, бросились на служителей приказа, избili ихъ и отняли своего товарища. Испуганный дьякъ только съ тру-

домъ ускакалъ отъ раздраженной толпы. Это случилось вечеромъ; ночью весь полкъ возмутился. Волненіе быстро распространилось по стрѣлецкимъ слободамъ и шестнадцать полковъ рѣшились, во что бы то ни стало, усмирить своихъ полковниковъ и потребовать удовлетворенія за всѣ притѣсненія, вынесенныя отъ нихъ. Написали общую челобитную и хотѣли подать ее въ руки самому царю.

Но въ это время скончался царь Ѳеодоръ; стрѣльцы безпрекословно присягнули Петру, но въ душѣ оставались недовольны и отъ своего плана подать жалобу не отказывались. Собралось шестнадцать стрѣлецкихъ и одинъ солдатскій—Бутырскій полкъ, написали челобитныя и шумными толпами окружили дворецъ.

Въ челобитныхъ писали они: «На нашихъ земляхъ, на наши сборныя деньги, полковники выстроили себѣ загородныя дома; посылаютъ нашихъ женъ и дѣтей въ свои деревни, чтобы пруды копать, плотины и мельницы строить, сѣно косить, дрова рубить; насъ самихъ употребляютъ на самыя тяжелыя и грязныя работы, побоями принуждаютъ, на собственный нашъ счетъ, покупать себѣ цвѣтныя кафтаны съ золотыми нашивками, бархатныя шапки и желтые сапоги; гасудареваго жалованья намъ не выдаютъ и много вычитаютъ изъ денегъ и хлѣбныхъ запасовъ.»

Въ одно время съ жалобами, стрѣльцы представили счета недоплаченнаго жалованья и заработанныхъ денегъ. Стрѣльцы шумѣли, грозно кричали и требовали немедленной расправы съ полковниками, хотѣли, чтобы имъ самимъ предоставлено было взыскать съ нихъ, что слѣдуетъ, въ противномъ случаѣ говорили: «Мы перебьемъ ихъ, дома разграбимъ, да и до другихъ измѣнниковъ доберемся.

Бояре испугались грозныхъ кликовъ буйной, вооруженной толпы и не разбирая, кто правъ, кто виноватъ, оставили полковниковъ, приказали насчитанныя на нихъ деньги взыскать съ нихъ, а самихъ за притѣсненія стрѣльцовъ наказать батожемъ. Но расправы ни въ какомъ случаѣ не предоставлять самимъ стрѣльцамъ, какъ они того требовали.

Патріархъ послалъ митрополитовъ и архіепископовъ въ стрѣлецкія слободы, чтобы успокоить волновавшіеся полки, объяснить имъ, что само правительство взыщетъ съ виновныхъ, чтобы они во всемъ положились на праведный судъ властей, а сами не вмѣшивались и полковниковъ къ себѣ въ сѣзжія избы не требовали.

Стрѣльцы согласились. Но на слѣдующій день началась расправа. Толпы стрѣльцовъ тѣснились передъ Разрядною избою, гдѣ полковниковъ держали на *правезь*; т. е. били палками часа по два, пока они не уплачивали поданныхъ на нихъ счетовъ, которые иногда доходили до 2000 рублей, или червонныхъ. Все дѣлалось, какъ бы по приказанію правительства, но въ дѣйствительности по прихоти стрѣльцовъ, потому что полковниковъ держали на *правезь*, пока стрѣльцы не скажутъ: *довольно!* Нѣкоторыхъ несчастныхъ по два раза въ день били; эти жестокости продолжались цѣлую недѣлю.

Въ такомъ настроеніи были стрѣльцы; ихъ не трудно было взволновать еще больше и двинуть даже на законныя, выше поставленныя лица. Честолюбивая царевна Софіи и ея родственники и приверженцы, Милославскіе, воспользовались этимъ настроеніемъ буйныхъ стрѣлецкихъ полковъ.

Царевна Софія ненавидѣла свою мачиху Наталью Кирилловну и ея родственниковъ Нарышкиныхъ и боярина Матвѣева; кромѣ того, ей хотѣлось самой сдѣлаться правительницей государства, устранить Петра и управлять имъ вмѣсто неспособнаго, больнаго Іоанна. Буйство стрѣльцовъ, ихъ расправа съ полковниками указали ей путь, которымъ она можетъ достигнуть власти. Она въ слободы посылала довѣренныхъ людей, которые распускали слухъ о томъ, что Петръ—царь незаконный, что престоль слѣдуетъ по всѣмъ правамъ старшему брату, что Нарышкины злобствуютъ на стрѣльцовъ и какъ только Матвѣевъ возвратится изъ ссылки, взыщутъ съ нихъ за всѣ безчинства и жестокости съ полковниками. Въ тоже самое время одна изъ придворныхъ, постельница Софіи—вдова Теодора Семенова, ходила по стрѣлецкимъ слободамъ, раздавала деньги, сулила золотыя горы и всякія вольности, когда царемъ будетъ законный царевичъ Іоаннъ и всѣ недруги народа, изменники царскіе будутъ изведены. Вслѣдъ за этимъ, стрѣльцы собирались въ круги, становились подъ ружье, били въ набатъ, вездѣ брали правительство и кричали: «Не хотимъ, чтобы нами управляли Нарышкины и Матвѣевъ; мы имъ шею свернемъ!» Но волненіе этимъ не ограничилось: надобно было чтобы посторонняя сила дала толчокъ этой нестройной толпѣ.

Но толчка этого приверженцы Софіи не давали; они дожидались,

чтобы изъ ссылки возвратился бояринъ Матвѣевъ, человѣкъ для нихъ опасный, способный обуздать крамольниковъ; гибель его была необходима. Матвѣевъ по первому зову царскому спѣшилъ въ Москву; за день пути отъ Москвы, на дорогѣ его встрѣтили четверо стрѣльцовъ и открыли ему, въ какомъ положеніи дѣла въ Москвѣ, и какъ тамъ замышляютъ на жизнь Нарышкиныхъ; они уговаривали его не ѣхать въ Москву, а подождать, что будетъ; но Матвѣевъ ударилъ кулакомъ по столу и воскликнулъ: «Напротивъ, это не оставитъ меня, а еще заставляетъ спѣшить въ Москву; уничтожу бунтъ, или положу голову за царя, чтобы глаза мои на старости лѣтъ не увидали худшаго!»

Мая 12 онъ пріѣхалъ въ Москву; почетная встрѣча ожидала его въ Троицкомъ монастырѣ. На другой день представился онъ царю и царицѣ; встрѣча была такая радостная, какъ говоритъ свидѣтель, что никакое человѣческое перо описать не можетъ. Весь слѣдующій день онъ видался съ патриархомъ и важнѣйшими боярами; всѣхъ безъ исключенія очаровалъ своею привѣтливостію, даже враги съ негодованіемъ сознавались въ его превосходствѣ надъ собою и тѣмъ болѣе ненавидѣли его. Они видѣли, что долгая ссылка не лишила боярина силъ, а напротивъ еще болѣе укрѣпила его.

У заговорщиковъ, Хованскаго, Милославскихъ и другихъ все было готово: медлить нельзя было; Матвѣевъ былъ опасный врагъ; ему нельзя было дать времени осмотрѣться и принять мѣры противъ стрѣльцовъ. День убіеніе царевича Дмитрія, 15 Мая, былъ назначенъ, какъ день бунта. Еще наканунѣ по рукамъ стрѣльцовъ ходили листы съ наименованіемъ всѣхъ *измѣнниковъ и враговъ царскихъ*, т. е. всѣхъ лучшихъ бояръ, преданныхъ царю и по уму и способностямъ опасныхъ для возмутителей. Утромъ рано по стрѣлецкимъ полкамъ проскакали Милославскій и Толстой съ крикомъ: «Нарышкины задушили царевича Іоанна. Идите въ Кремль на службу царскую! Спасайте Русь!»

Стрѣльцы выбѣжали изъ своихъ домовъ, ударили въ набатъ, вооружились, взяли пушки и съ барабаннымъ боемъ, безъ полковниковъ и полуполковниковъ двинулись въ Кремль, при неистовыхъ крикахъ и ругательствахъ. Это было въ понедѣльникъ; Матвѣевъ былъ въ царской думѣ и вмѣстѣ съ боярами сходилъ съ лѣстницы,

чтобы отправиться домой; но на лѣстницѣ встрѣтилъ его князь Урусовъ со словами: «Стрѣльцы и солдаты бунтуютъ; они вошли въ Земляной городъ и идутъ въ Бѣлый.»*) Матвѣевъ послѣшно пошелъ назадъ въ царскіе покои и сказалъ царю объ угрожающей опасности; немедленно Стремянному полку дано было приказаніе запретить всѣ Кремлевскіе выходы и входы, но было поздно: стрѣльцы уже овладѣли воротами. Нѣсколько испуганныхъ бояръ прибѣжало съ извѣстіемъ: «Стрѣльцы! Стрѣльцы! Они кричатъ, что Нарышкины задушили царевича Іоанна и они, вѣрные государю стрѣльцы, идутъ изводить измѣнниковъ, губителей царскаго рода!»

Набатъ, барабанный бой и неистовые крики раздавались уже въ Кремлѣ. Матвѣевъ и бояре послали за патріархомъ; онъ пришелъ вмѣстѣ съ посланнымъ; между тѣмъ бояре и царица положили вывести царя и царевича на крыльцо, показать ихъ стрѣльцамъ и такимъ образомъ отнять у непокорныхъ причину къ буйству. Царица взяла царя за руку одной рукой, а царевича другой, и вмѣстѣ съ ними, съ патріархомъ и боярами вышла на Красное крыльцо. Это неожиданное зрѣлище поразило толпу и она притихла. «Чтожь это такое? говорили въ толпѣ, царевичъ живъ? Да правда ли это? Нѣтъ ли тутъ подлога? Нѣтъ ли обмана?» слышалось со всѣхъ сторонъ.

Нѣсколько стрѣльцовъ притащили лѣстницы, приставили ихъ къ крыльцу, взлѣзли на нихъ и, приставивъ лицо къ самому лицу царевича Іоанна, спрашивали: «Впрямъ ли ты царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ? Кто изъ бояръ измѣнниковъ тебя изводитъ, кто хочетъ погубить тебя?»

— Меня никто не изводитъ, никто губить не хочетъ, и я ни на кого жаловаться не могу! отвѣчалъ Іоаннъ.

Эта минута могла спасти многихъ; стрѣльцы колебались; они видѣли, что ихъ обманомъ завлекли въ Кремль; они готовы были возвратиться домой. Заговорщики не дремали, они видѣли, что стрѣльцы колеблются и готовы отступить и ежели въ этотъ день ничего не выйдетъ, то надобно будетъ отъ всего отказаться, потому что въ другой разъ стрѣльцовъ не поймаетъ на тотъ же обманъ.

Земляной городъ и Бѣлый—это части Москвы, отдѣлявшіяся стѣнами.

Какъ можно было давать остывать ихъ жару въ заднихъ рядахъ слышались крики: «Да, царевичъ еще живъ, но его хотятъ извести, пусть выдадутъ царскихъ недоброхотовъ и измѣнниковъ Матвѣева и Нарышкиныхъ». «Нарышкинъ Иванъ примѣривалъ уже царскій вѣнецъ, онъ хочетъ быть царемъ на Руси, смерть ему, измѣннику!»

Это была искра, воспламенившая остывающихъ мятежниковъ; къ нимъ сошли бояре уговаривать и успокоивать ихъ, но они волновались пуще прежняго и обратились съ требованіемъ, чтобы великій государь приказалъ имъ выдать бояръ Ю. А. Долгорукаго, князя Г. Ромодановскаго, М. Ю. Долгорукаго, Кирилла Полуектовича Нарышкина, отца царицы и ея брата, Артамона Сергѣевича Матвѣева, И. М. Языкова и многихъ другихъ бояръ. На это имъ отвѣчали, что этихъ бояръ теперь нѣтъ въ Кремлевскихъ палатахъ и потому ихъ выдавать нельзя; но этотъ отказъ раздражилъ стрѣльцовъ, и они начали кричать. Князь Черкасскій принялся усовѣщивать ихъ, но они затолкали его и разодрали на немъ кафтанъ. Въ это мгновеніе Матвѣевъ сошелъ съ крыльца, подошелъ къ рѣшеткѣ и началъ говорить съ ними; онъ припомнилъ имъ, какъ стрѣльцы всегда вѣрно служили царю, какъ укрощали бунты, какъ всегда были правдивы и храбры и какъ его удивляетъ ихъ теперешній мятежъ, которымъ они готовы помрачить свою прежнюю славу. Слова Матвѣева подѣйствовали, буйные крики затихли и многіе просили Матвѣева, чтобы онъ замолвилъ за нихъ слово передъ царемъ и оправдалъ ихъ. Напрасно Хованскій дѣлалъ стрѣльцамъ знаки, чтобы они бросились на Матвѣева, но они не двигались съ мѣста и Матвѣевъ возвратился на лѣстницу, чтобы донести царицѣ о томъ, что дѣлалось.

Однако заговорщики не теряли времени: они отобрали самыхъ отчаянныхъ и свирѣпыхъ стрѣльцовъ и повели ихъ въ обходъ черезъ сѣни Грановитой палаты и Красное крыльцо, въ тылъ къ Матвѣеву. Въ то же время и князь Михайлъ Долгорукій своею горячностью испортилъ общее дѣло; онъ на нихъ раскричался тономъ начальника, бранился, приказывалъ тотчасъ разойтись по домамъ и грозился жестоко наказать непокорныхъ. Стрѣльцы не любили и не уважали Долгорукаго; этотъ начальнический тонъ, эти ругательства раздражили ихъ; они вышли изъ себя, вломились

на крыльцо, схватили Долгорукаго и сбросили его вниз на острія подставленныхъ копій, и полумертваго изрубили бердышами. Толпа опьанѣла при видѣ первой крови; въ тоже мгновеніе, изъ сѣней Грановитой палаты на Красное крыльцо взбѣгаютъ разсвирѣпѣвшіе стрѣльцы, схватываютъ Матвѣева; царица и князь Черкасскій хотѣли защитить его, но стрѣльцы вырвали его у нихъ изъ рукъ и сбросили на площадь, гдѣ его изрубили въ мелкіе куски.

Патріархъ было захотѣлъ остановить убійцъ, заговорилъ съ ними, но ему отвѣчали: «Не нужно намъ никакихъ совѣтовъ, мы сами разберемъ, кто намъ надобенъ, кто нѣтъ!» и наклонивъ копьа, съ шумомъ и гамомъ бросились во дворецъ *отыскивать измѣнниковъ*. Наталья Кирилловна, вся въ слезахъ, схвативши сына ушла въ Грановитую палату; вслѣдъ за нею всѣ разбѣжались, такъ что всѣ двери и входы Кремлевскіе остались незащищенные.

Стрѣльцы проникли во дворецъ, бѣгали по комнатамъ, по чуланамъ и по церквамъ, копьями тыкали подъ алтари, въ перины, подъ столы и скамьи, чтобы узнать, не скрылись-ли тутъ Нарышкины; въ полусвѣтлыхъ сѣняхъ встрѣтили боярина Салтыкова, приняли его за брата царицы и убили, но когда ошибка открылась, отнесли тѣло убитаго къ его отцу и извинялись въ томъ, что ошибкою убили его сына; старикъ отвѣчалъ: «Божья воля!» и приказалъ угостить убійцъ виномъ и пивомъ.

Стрѣльцы между тѣмъ все бѣгали по дворцу и искали Нарышкиныхъ. Въ комнатахъ царицы Натальи Кирилловны они нашли карлика, по прозванію Хомяка и приставивъ копье къ его горлу спросили, гдѣ скрываются Нарышкины? Онъ отвѣчалъ: «Аеонасій Нарышкинъ спрятался подъ престоломъ церкви Воскресенія на Сѣняхъ!»

Стрѣльцы радостно вскрикнули, гурьбою побѣжали въ указанную придворную церковь, вытащили несчастнаго изъ подъ престола, выволокли на паперть и изрубили въ куски. Еще одного Нарышкина, Ивана Ѳедоровича, нашли въ его домѣ и тоже убили. Кромѣ того истребляли всѣхъ бояръ, на которыхъ за что нибудь сердились, и такимъ образомъ погибли десятки несчастныхъ жертвъ. По большей части несчастнаго выводили къ безоружному, оторопѣвшему простому народу и спрашивали: любо-ли?

На отвѣтъ —любо! сверкали мечи и бердыши и остатки изруб-

леннаго волокли на Красную площадь; при этомъ передъ тѣломъ шли стрѣльцы и съ насмѣшкою кричали: «Разступитесь». Дайте мѣсто, ѣдетъ бояринъ Артамонъ Сергѣичъ, или ѣдетъ князь Ромодановскій, Долгорукій, или дорогу—ѣдетъ думный бояринъ! и т. д.

Послѣ убіенія Долгорукаго стрѣльцы отправились съ извиненіями къ его больному восьмидесятилѣтнему отцу; пьяные, обагренные кровью убійцы шумною толпою вошли въ его спальню и сказали: «Князь, мы пришли повиниться тебѣ, насъ грѣхъ попуталъ, мы не удержались и въ запальчивости убили твоего сына Михаила.»

Больной, слабый старикъ подавилъ свое чувство, спокойно выслушалъ стрѣльцовъ и подобно Салтыкову, приказалъ на просьбу ихъ поднести имъ водки и пива. Когда стрѣльцы ушли, вѣсть о смерти молодаго князя дошла до женской половины и недавняя вдова, невѣстка князя вбѣжала къ нему и со слезами, рыданіями, въ полномъ отчаяніи склонилась головой на его постель; Долгорукій пытался успокоить и утѣшить ее и между прочимъ сказалъ: «Не плачь! Щуку-то они съѣли, да зубы остались; не долго имъ бунтовать, дай срокъ, скоро сами будутъ висѣть на зубцахъ по стѣнамъ Бѣлаго и Землянаго города!»

Одинъ изъ холопей Долгорукаго услышалъ это, опротивясь бросился вонъ изъ покоевъ, догналъ стрѣльцовъ и сказалъ имъ: «Вы помиловали Долгорукаго, а онъ грозитъ повѣсить всѣхъ васъ на стѣнахъ Землянаго и Бѣлаго города, вотъ вамъ и благодарность!» Этихъ словъ было довольно, чтобы пробудить ярость этой освирѣпѣвшей толпы. Стрѣльцы съ неистовыми криками и ругательствами возвратились въ домъ князя, стащили его съ постели, выволокли на дворъ, разсѣкли на части и тѣло бросили за ворота на навозную кучу; на трупъ же навалили соленой рыбы, которую нашли въ кладовыхъ.

Цѣлый день стрѣльцы неистовствовали, можно сказать купались въ крови; только поздно вечеромъ разошлись по своимъ слабодамъ, но оставили крѣпкіе караулы у всѣхъ кремлевскихъ воротъ, съ приказаніемъ никого не впускать и никого не выпускать, опасаясь, что Нарышкины ночью уйдутъ изъ дворца.

Братъ царицы, Иванъ Кирилловичъ, отецъ ея Кирилла Полуектовичъ и сынъ несчастнаго Матвѣева, Андрей Артамоновичъ, скрывались во дворцѣ; сначала въ комнатѣ маленькой царевны Натальи

Алексѣевны, потомъ въ комнатахъ царицы Марѣи Матвѣевны; мѣсто гдѣ они прятались было извѣстно одной только постельницѣ Клушиной.

Утромъ, 16 мая, буйныя, пьяныя толпы стрѣльцовъ опять съ барабаннымъ боемъ, съ колокольнымъ звономъ, съ оружіемъ и пушками обступили дворецъ и требовали, чтобы имъ выдали брата царицы, называя его главнымъ измѣнникомъ, который хочетъ извести весь родъ царскій и самъ сдѣлаться царемъ и; для того уже примѣривалъ на себя царскія украшенія. Требования свои они подкрѣпляли угрозою, что истребятъ всѣхъ бояръ, ежели имъ не выдадутъ *измѣнника*. Несмотря на шумъ, крики и ругательства Нарышкина не выдали и стрѣльцы около полудня, часу во второмъ, разошлись по своимъ слободамъ, оставивъ новый караулъ у всѣхъ кремлевскихъ входовъ.

На разсвѣтѣ, 17 мая, Клушина тайно отвела Нарышкина и Матвѣева въ темный чуланъ, завалила ихъ перинами и по совѣту Матвѣева, оставила дверь отворенною настезь, чтобы не возбудить подозрѣнія стрѣльцовъ, ежели бы они опять пришли отыскивать. Въ этотъ день стрѣльцы и народъ опять хлынули въ Кремль и на этотъ разъ неотступнѣе прежняго требовали выдачи Нарышкина, грозясь перебить всѣхъ ослушниковъ-бояръ и говоря, что безъ него не уйдутъ изъ Кремля; ежели его не выдадутъ добромъ, то разыщутъ его сами и тогда пусть всѣ на себя плачутся!»

Бояре испугались, царевны тоже и начали толковать о необходимости выдать любимаго брата царицы. Напрасно старалась она спасти его, напрасно старалась тронуть бояръ и царевенъ. Софія ей очень рѣзко сказала: «Брату твоему не уйти отъ стрѣльцовъ; не погибать же намъ воѣмъ изъ-за него!»

Испуганные бояре, на колѣняхъ, со слезами просили царицу пожертвовать братомъ для спасеніе царства и избавить всѣхъ ихъ отъ смерти. Царица долго колебалась, наконецъ пошла къ брату и отдала дѣло на его рѣшеніе. Благородный молодой человекъ рѣшился своею смертью искупить жизнь отца и другихъ родныхъ и согласился идти на смерть. Его отвели въ церковь Спаса за золотую рѣшеткою; здѣсь шла обѣдня; его исповѣдали, причастили Св. Таинъ и особоровали, какъ умирающаго; по совѣту царевны Софіи, ему въ руки дали образъ Богородицы, надѣясь, что убійцы

изъ-за иконы пощадятъ несчастнаго. Царица обвила руками шею брата и судорожно рыдая и прижимая его къ груди просталась съ нимъ; у нея не доставало силы оторваться отъ него; она знала, что его ожидаетъ мучительная смерть. Прощаніе сестры съ братомъ показалось испуганнымъ боярамъ слишкомъ продолжительнымъ, и сѣдой, хилый князь Одоевскій воскликнулъ: «Сколько вамъ, Государыня, ни жалѣть, а все таки придется отдать его; а тебѣ Ивану, отсюда скорѣе идти надобно, а то намъ всѣмъ придется погибнуть изъ за тебя.»

Молодой Нарышкинъ ни слова не отвѣчалъ, а только высвободился изъ объятій царицы и твердою поступью пошелъ на церковную паперть. Лишь только стрѣльцы увидѣли его, какъ встрѣтили неистовыми криками: «А вотъ онъ, измѣнникъ! Онъ хотѣлъ извести царей! Въ застѣнокъ его, пусть скажетъ, кто были его помощники, пусть признается, какимъ способомъ хотѣлъ изводить царевича!» Нарышкина схватили, поволокли въ Константиновскій застѣнокъ и пытали; но молодой страдалецъ вынесъ всѣ мученія и ни на себя, ни на кого другаго ничего не показалъ. Измученнаго страдальца изъ застѣнка вытащили на площадь и изрубили. Въ тотъ же день казнили иностранца фонъ-Гадена. При первомъ стрѣлецкомъ волненіи онъ бѣжалъ изъ Москвы, скрывался въ окрестностяхъ, не ѣлъ ничего, потому что боялся постучаться въ какую нибудь избу; наконецъ на третій день, изнемогая отъ голода, онъ опять вошелъ въ Москву, съ тѣмъ, чтобы въ нѣмецкой слободѣ у кого нибудь изъ одноземцевъ выпросить кусокъ хлѣба. Но къ несчастію, на улицѣ встрѣтился съ стрѣльцами, они его узнали, схватили и потащили въ Кремль, тоже въ Константиновскій застѣнокъ, обвиняя его въ томъ, что онъ отравилъ царя Θεодора Алексѣевича. Напрасно Гаденъ со слезами увѣрялъ своихъ мучителей, что не отравливалъ, что всѣ лекарства отвѣдывалъ передъ тѣмъ, какъ давать, но ему не вѣрили подвергли жестокой пыткѣ; онъ не вынесъ мученія, наговорилъ на себя всякихъ небывальщинъ и когда истязанія окончились, просилъ трехдневнаго срока, чтобы показать на своихъ сообщниковъ.» Нѣтъ, воскликнули стрѣльцы, срокъ слишкомъ великъ, долго ждать! разорвали допросные листы, писанные однимъ стрѣльцомъ во время пытки Гадена потащили доктора на площадь и изрубили его.

Во все время стрѣлецкихъ неистовствъ, простой народъ толпилъ

ся на площади и когда стрѣльцы спрашивали: любо—ли? поворно отвѣчали: любо! и махали шапками. Кто не кричалъ и шапкой не махалъ, или кто выказывалъ сожалѣніе, того били стрѣльцы и заставляли кричать.

На другой день послѣ казни Ивана Нарышкина, т. е. 18 мая, во дворецъ опять явились стрѣльцы, но на этотъ разъ безоружные съ просьбою къ царю, царицѣ и царевнамъ, чтобы боярина Кириллу Полуектовича, отца царицы постричь въ монахи и отослать въ монастырь; дворъ и царское семейство до того были напуганы неистовствами стрѣльцовъ, что каждое требованіе ихъ было исполняемо и дѣда царскаго, безъ дальнихъ разсужденій, постригли въ монахи и отправили въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

Но этого было мало: 19 мая опять пришли стрѣльцы съ челобитною объ уплатѣ имъ недоимнаго жалованья 240, 000 рублей, кромѣ пожалованныхъ на нихъ царевною по 10 р. на человѣка. Столько денегъ въ казнѣ не было и для уплаты надобно было серебряную посуду перечекаивать на деньги. Видя угодливость слабаго и запуганнаго правительства, дерзость стрѣльцовъ возрастала и они явились съ новою просьбою, отдать имъ имѣніе убитыхъ бояръ; и это было исполнено; тогда стрѣльцы придумали новую просьбу, они требовали изгнанія и ссылки оставшихся въ живыхъ приверженныхъ Нарышкинымъ бояръ и только тогда, когда и это было исполнено, стрѣльцы успокоились.

Запуганная, лишенная родныхъ и приверженцевъ Наталья Кирилловна думала только о томъ, какъ бы уберечь жизнь сына; незначительное число приверженныхъ ей бояръ уже бѣжали изъ Москвы и прятались въ своихъ помѣстьяхъ. Честолюбивая Софія вѣрно рассчитала; она могла воспользоваться слѣдствіемъ произведеннаго ею волненія и захватить верховную власть. Пользуясь общимъ смятеніемъ, она спокойно и твердо давала приказанія; она знала, что на ея сторонѣ стрѣльцы и бояре партіи Милославскихъ. Стрѣльцамъ она приказала раздать по 10 р. на человѣка и пожаловала имъ названіе вѣрной—надворной пѣхоты—начальство надъ ними отдала князю Хованскому, человѣку отсталому, съ предрасудками, но хитрому и честолюбивому.

Неизвѣстно, по чьимъ проискамъ отъ стрѣльцовъ опять явились выборные люди, захватили съ собою купцовъ и посадскихъ и объ-

явили, что пришли за тѣмъ, чтобы просить царствовать обоимъ братьямъ вмѣстѣ и такъ, чтобы первой царь былъ старшій—Иоаннъ, а второй—Петръ, но въ концѣ просьбы, очень униженной, было прибавлено, ежели добромъ не исполнять ихъ челобитья, то—опять придуть съ оружіемъ.

Собрали совѣтъ и послѣ многихъ толковъ рѣшили, что требованіе очень разумное, лучше всего быть двумъ царямъ; когда одинъ пойдетъ на войну, другой будетъ дома управлять царствомъ. Мая 26 положено было «царствовать обоимъ братьямъ вмѣстѣ» и колоколь—Вѣстникъ далъ объ этомъ рѣшеніи знать всей Москвѣ. Стрѣльцы и по церквамъ и на площадяхъ объявляли что: «Отнынѣ на Руси два царя: Иоаннъ, какъ старшій, *первый* царь, а Петръ, младшій, *второй* царь». Стрѣльцовъ между тѣмъ ежедневно угощали въ Кремлѣ: каждый день по два полка. Когда оба царя были объявлены народу, стрѣльцы потребовали, чтобы вмѣсто Цаталы Кирилловны, по малолѣтству Петра и болѣзни Иоанна, государствомъ управляла царевна Софія и къ ней послано было посольство просить ее принять на себя «тяготу правленія». Она сначала отказывалась, но наконецъ снизошла на просьбы и приняла титулъ и власть Правительницы. И такъ, всѣ самыя завѣтныя желанія ея исполнились.

Казалось бы, все покончено, но стрѣльцы были не спокойны, они чувствовали, что поступили противузаконно и что рано, или поздно, но за избіеніе бояръ имъ придется отвѣчать. Къ тому-же ихъ за глаза называли бунтовщиками, крамольниками и убійцами. Это имъ не нравилось и они подали новую челобитную, въ которой защищались отъ этихъ названій и выписывали вины перебитыхъ ими бояръ. Въ заключеніе просили, чтобы на Красной площади поставленъ былъ столбъ съ обозначеніемъ именъ всѣхъ убитыхъ бояръ и съ яснымъ указаніемъ вины, за которую стрѣльцы ихъ убили; а для окончательнаго оправданія ихъ, стрѣльцовъ, пожаловать имъ оправдательныя грамоты съ красными печатами; въ грамотахъ запрещалось бы вѣрную надворную пѣхоту называть бунтовщиками, крамольниками, убійцами, измѣнниками и не порочить ихъ никакими другими обидными названіями.

И эта просьба стрѣльцовъ была уважена; столбъ на Красной площади былъ поставленъ, грамоты съ царскою печатью розданы въ полки, и стрѣльцы опять затихли на нѣсколько дней.

ГЛАВА VIII.

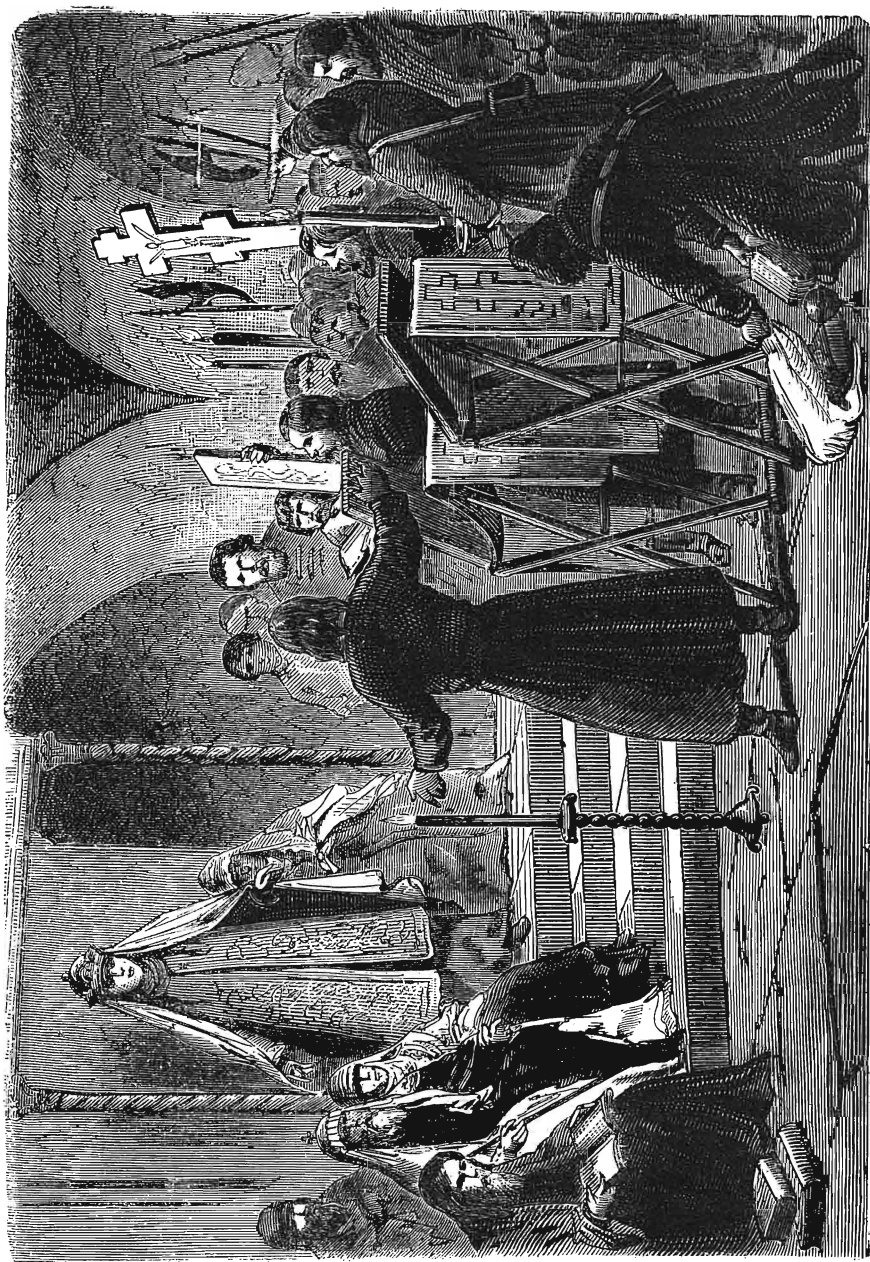
Раскольники и вѣнчаніе на царство двухъ царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича.

Распущенныя, буйныя стрѣleckія толпы не могли успокоиться; лишь только имъ дѣлали одну уступку, какъ они требовали другой. Когда столбъ былъ поставленъ, грамоты розданы, въ слободахъ начали поговаривать о томъ, что нужно утвердить старую вѣру, что новонапечатанныя книги не годятся, что онѣ измѣняютъ старинныя правила церковныя, что креститься надобно не тремя, а двумя пальцами. Однимъ словомъ, раскольники думали воспользоваться смятеніемъ и утвердить свои вѣрованія.

Хованскій самъ былъ раскольникъ, или притворялся раскольникомъ. У него было намѣреніе, посредствомъ новыхъ смуть, стать во главѣ правленія, поэтому онъ и поддерживалъ расколъ.

Явился изувѣръ Сергій; онъ ходилъ по слободамъ, проповѣдовалъ, что теперь настало время поддержать старую вѣру, истребить всѣ новыя церковныя книги; онъ говорилъ съ жаромъ, увлекалъ толпу, которая къ нему со всѣхъ сторонъ стекалась и между народомъ слышались слова: «Братья, стоимъ за старую вѣру и прольемъ кровь свою за Христа! Пожалѣемъ-ли мы своей жизни за правую вѣру, когда готовы были отдать ее за блага міра сего».

Стрѣльцы отправились къ Хованскому и сказали ему, что у нихъ написана челобитная о возстановленіи старой вѣры, что въ этой челобитной у нихъ высказано все, что въ новыхъ книгахъ

Раскольники въ Гранавитой палатѣ.

не согласно съ старыми книгами. Хованскій спросилъ ихъ: «Чего же вы хотите?»

— Чтобы уничтожили новыя книги и чтобы служили обѣдно и кляли крестное знаменіе по старинѣ. Мы готовы доказать, какъ было по-старинѣ.

— Но, есть ли у васъ люди ученые, которые свое мнѣніе поддерживать могутъ; вы знаёте, я самъ придерживаюсь старой вѣры, но я съ патріархомъ и священнослужителями говорить не умѣю, потому что книжной мудрости не наученъ.

Стрѣльцы отвѣчали ему, что есть у нихъ люди свѣдущіе, инокъ Сергій и другіе.

Но Хованскій не вѣрилъ въ искусство и знаніе Сергія и сказалъ, что надобно бы поискать человѣка, болѣе свѣдущаго; тогда раскольники вспомнили объ знаменитомъ Никитѣ, священникѣ Суздальскомъ. Онъ уже однажды за проповѣдываніе и за преніе по расколу былъ подвергнутъ суду, но спасся отъ смерти только тѣмъ, что торжественно отрекся отъ раскола; теперь же опять впалъ въ то же и еще яростнѣе прежняго распространялъ ученіе своей секты—Стрѣльцы указали на него Хованскому. «Да, этотъ хорошъ, этотъ постоитъ за старую вѣру».

— Но, когда же быть собору, спросили стрѣльцы?

— На этой недѣлѣ нельзя; въ воскресенье будутъ цари вѣнчаться на царство, а собору быть на той недѣлѣ.

— Но намъ того-то и хочется, чтобы сперва утвердить старую вѣру и чтобы цари вѣнчались по-старинѣ.

Хованскій клялся и божился, что вѣнчаются цари на царство по старымъ, искони вѣкъ положеннымъ правиламъ.

— А литургія будетъ по новымъ книгамъ, на просвирахъ будетъ латинскій крестъ и счетомъ ихъ будетъ пять, а не семь, какъ положено, говорили раскольники.

Хованскому нечего было отвѣчать на это, и онъ кое-какъ успокоилъ стрѣльцовъ и отпустилъ ихъ.

Черезъ нѣсколько дней къ Хованскому приходятъ стрѣльцы и говорятъ: «Никиту мы нашли, онъ здѣсь, когда быть собору?»

Хованскій велѣлъ имъ придти съ челобитьемъ о соборѣ въ Кремль черезъ два часа. Самъ поѣхалъ впередъ. Ровно черезъ два часа въ Кремль явились Никита съ крестомъ, Сергій съ евангеліемъ,

монахъ Савватій съ иконою страшнаго суда; съ ними пришло много стрѣльцовъ и народу; когда они проходили по улицамъ, прохожіе съ удивленіемъ останавливались, спрашивали, что это такое, и присоединялись къ шествію.

По приказанію Хованскаго, раскольниковъ ввели въ отвѣтную палату; онъ вышелъ къ нимъ, вмѣстѣ съ дѣтьми и царедворцами, и спросилъ ихъ, какъ бы ничего не зная: что имъ надо, зачѣмъ они пришли? Никита отвѣчалъ: Пришли мы къ государямъ, чтобы бить челомъ о старой православной вѣрѣ, чтобы патріарху и архіереямъ вѣлно служить по старому, а если служить по старому не хотятъ, то пусть дадутъ отвѣтъ, чѣмъ старыя книги не хороши, и зачѣмъ насъ мучаютъ и гонять?

Хованскій отвѣчалъ Никитѣ тоже, что прежде Сергію, взявъ челобитную и понесъ къ царевнѣ; возвратившись оттуда, объявилъ, что преніе откладывается до середи слѣдующей недѣли, потому что въ воскресенье назначено вѣнчаніе на царство обоихъ царей. Опять раскольники допрашивали, какъ будетъ вѣнчаніе по старому, или по новому и на какихъ, и на сколькихъ просвирахъ будутъ служить литургію. Хованскій отвѣчалъ тоже, что прежде, но чтобы отдѣлаться отъ раскольниковъ, велѣлъ имъ самимъ испечь просвиры и принести ихъ. Раскольники разошлись; въ день коронаванія, Никита принесъ въ Кремль просвиры; но стеченіе народа было такъ велико, что онъ не могъ пробраться въ соборъ и съ просвирами долженъ былъ уйти домой.

Въ субботу, наканунѣ вѣнчанія государя, приказали въ Успенскомъ соборѣ устроить два чертожныхъ мѣста, т. е. два сидѣнья на возвышеніи; къ этимъ тронамъ вели двѣнадцать ступеней, покрытыхъ краснымъ сукномъ. Отъ ступеней до самыхъ царскихъ вратъ шла широкая полоса краснаго сукна; по немъ рядомъ тянулись двѣ дороги; одна пошире золотисто-желтаго бархата для царей, а другая по-уже голубаго бархата для патріарха. По обѣимъ сторонамъ, вдоль дорогъ отъ ступеней чертожнаго мѣста тянулись двѣ скамьи, покрытыя золотыми персидскими коврами; это были мѣста, назначенныя для сидѣнья митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Отъ царскихъ вратъ въ другую сторону, къ южнымъ дверямъ шла широкая, красная дорога къ мѣсту, гдѣ цари обыкновенно стояли.

До начала служенія принесли въ соборъ два царскихъ мѣста золотыхъ, украшенныхъ дорогими каменьями и подножками обитыми золотымъ бархатомъ. Эти два трона поставили на чертожномъ мѣстѣ по правую сторону, а по лѣвую патриаршее мѣсто съ золотой бархатной подушкой. На амвонѣ, противъ чертожнаго мѣста, поставили шесть налоевъ; четыре—повыше, а два пониже. Одинъ изъ нихъ былъ обтянутъ турецкимъ золотымъ бархатомъ, три золотой парчей, а два меньшихъ турецкимъ атласомъ; на нихъ были постланы покровы, вышитые крупнымъ жемчугомъ и дорогими каменьями.

Въ восьмомъ часу утра къ патриарху въ крестовую палату собралось все духовенство, которое должно было служить и оттуда, при трезвонѣ, со свѣчами, съ пѣніемъ патриархъ и за нимъ восемь митрополитовъ, четыре архіепископа, два епископа и шестнадцать архимандритовъ и игуменовъ шли торжественно, попарно, въ самыхъ лучшихъ одеждахъ, а дьяконы и дьячки въ золотыхъ стихаряхъ со свѣчами.

Патриарха въ соборѣ торжественно встрѣтили съ кадилами и съ пѣніемъ; онъ приложился къ мѣстнымъ иконамъ и пошелъ на приготовленное для него чертожное мѣсто, гдѣ облачился въ самыя великолѣпныя и дорогія святительскія ризы.

Въ то же время цари, Иоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ, вышли изъ палатъ, приложились къ иконамъ въ церкви Спаса Нерукотвореннаго и сопровождаемые всѣми царедворцами и государственными людьми пошли въ Грановитую палату; путь передъ ними духовникъ окроплялъ святою водою. Въ Грановитой палатѣ они сѣли на приготовленные для нихъ мѣста; цари одѣты были въ золотые кафтаны, съ золотыми плетеными кружевами, и съ широкими рукавами; на головахъ у нихъ были шапки съ дорогими мѣхами, золотыми бляхами—запонками—украшенными дорогими самоцвѣтными каменьями. Тутъ они пожаловали нѣсколькихъ ближнихъ бояръ въ высшія должности и званія. Потомъ приказали, назначеннымъ для того боярамъ, принести съ казеннаго двора царскія регалии: святыя кресты, сдѣланные изъ животворящаго древа истиннаго креста Христа Спасителя съ золотыми цѣпями, бармы Мономаха, т. е. въ родѣ пелеринъ изъ тонкой золотой работы со вставленными въ нихъ образами Спасителя, Божіей Матери и другихъ

Святыхъ; ихъ надѣвали на плечи; царскіе вѣнцы, или короны, сдѣланныя въ видѣ шапокъ; они были кованныя золотыя съ драгоценными камнями и опушенныя мѣхомъ, скипетры и державы. Для Петра всѣ царскія регаліи были вновь сдѣланы, но такъ хорошо и искусно, что ихъ нельзя было отличить отъ древнихъ.

Князь Голицынъ, ближній царскій бояринъ, хранитель государственной печати, пошелъ съ другими боярами за царскими регаліями. Ихъ клали на блюда, покрытыя пеленами, унизанными жемчугомъ и дорогими камнями; два креста изъ животворящаго древа положили на блюда и прикрыли пеленою, два протоіерея на головахъ несли ихъ въ Грановитую палату; за ними бояре, на блюдахъ, несли другія принадлежности царскаго вѣнчанія. Впереди и по сторонамъ шествія шли посольскіе дьяки; колокольный звонъ не переставалъ.

Цари встрѣтили процессію въ дверяхъ Грановитой палаты; они благоговѣнно приложились къ животворящимъ крестамъ и къ бармамъ и процессія пошла дальше къ Успенскому собору.

Передъ протоіереями, которые несли кресты и бармы, шли діаконы со свѣчами и кадилами. Имъ на встрѣчу вышли архіереи и одинъ архіепископъ, покадили священные предметы и присоединились къ шествію; когда шествіе приблизилось къ южнымъ дверямъ собора, на помость, нарочно приготовленный на паперти, вышли восемь митрополитовъ, четыре архіепископа и два епископа; они еще разъ окадили регаліи и двое митрополитовъ приняли кресты съ бармами, а прочія вещи были переданы начальнымъ вышедшимъ на паперть митрополитамъ. У самаго порога встрѣтилъ ихъ патріархъ, съ оставшимся при немъ духовенствомъ и поклонившись крестамъ принялъ ихъ и бармы изъ рукъ митрополитовъ; поддерживаемый двумя митрополитами понесъ ихъ къ амвону, на приготовленные для нихъ мѣста; за нимъ несли прочія вещи. Животворящіе кресты, бармы, вѣнцы, скипетры и державы самъ патріархъ разложилъ на налои; потомъ окадилъ ихъ три раза, приложился къ крестамъ и бармамъ и возвратился на свое чертожное мѣсто. Вслѣдъ за патріархомъ къ крестамъ и бармамъ прикладывалось остальное духовенство и по чину садилось, или становилось по обѣимъ сторонамъ вдоль широкаго, краснымъ сукномъ уложеннаго пути отъ чертожнаго мѣста до царскихъ вратъ. По обѣ стороны

налоевъ, для охраненія царскихъ регалій стояли царскій казначей и печатникъ.

Началась служба; пѣли канонъ, къ царямъ посланъ былъ вѣстникъ, что къ вѣчанію все готово. Изъ Грановитой палаты показалось шествіе: впереди шли стольники, стряпчіе, дворяне и дьяки; близь царей окольничіе, думные дьяки и комнатные ближніе люди. Передъ царями, съ крестомъ и святою водою, которою кропилъ путь, шель протоіерей Благовѣщенскаго собора. За царями—бояре, думные люди, стольники, выборные дворяне московскіе и изъ другихъ городовъ, дѣти боярскіе и другіе чины по обѣимъ сторонамъ, поодаль отъ царей, стольники, полковники стрѣлецкихъ и солдатскихъ полковъ и многіе другіе чины; въ шествіи было много иностранцевъ. По обѣимъ сторонамъ царскаго пути, отъ краснаго крыльца до Успенскаго собора, выстроившись, стояли стрѣльцы и солдаты; а далѣе необозримая толпа народа вплоть покрывала площади.

Царей при входѣ въ соборъ пѣвчіе встрѣтили *многочтїемъ*; цари остановились, положили три земныхъ поклона и потомъ, обратившись къ патріарху и ему поклонились; затѣмъ приложились къ мѣстнымъ иконамъ; патріархъ сошелъ съ чертожнаго мѣста, осѣнилъ царей животворящимъ крестомъ и окропилъ святою водою; патріархъ и цари поцѣловались, всё вмѣстѣ пошли къ чертожному мѣсту и сѣли; близь царей стояли ближніе бояре; подъ руки ихъ поддерживали дьяки, прочіе придворные чины стояли внизу, у чертожнаго мѣста. Вокругъ патріарха были духовные чины по уставу. Въ храмѣ была глубокая тишина, на площади тоже; колокольный звонъ прекратился.

Патріархъ и цари посидѣли нѣсколько времени, потомъ всё встали и цари, обращаясь къ патріарху, ко всёмъ чинамъ государственнымъ, ко всему народу Русскому, предъявили свои права на престолъ и требовали отъ патріарха освященія своихъ правъ, посредствомъ благословенія ихъ на царство, муромазанія, возложенія вѣнцовъ и бармъ, какъ это освящено преданіемъ святой восточной церкви и по древнему царскому чину.

Выслушавъ рѣчь царей, патріархъ спросилъ: «Како вѣруете и исповѣдуете Отца и Сына и Святаго Духа?»

Въ отвѣтъ на это, цари громко и отчетливо прочитали символъ

вѣры; по окончаніи, патріархъ возгласилъ: «Благодать Пресвятаго Духа да будетъ съ вами!» и благословилъ ихъ.

Послѣ этого патріархъ сказалъ царямъ отвѣтную, наставительную рѣчь, которую окончилъ пожеланіемъ имъ долгаго и счастливаго царствованія и чтобы домъ ихъ не прекращаясь долгіе времена царствовалъ надъ Россіей.

Послѣ рѣчи цари и патріархъ опять сѣли на свои мѣста. Послѣ недолгаго молчанія, патріархъ, приказалъ тремъ протоіереямъ взять у стольниковъ царскія одежды, благословилъ ихъ велѣлъ и четверемъ дядькамъ царскимъ надѣтъ ихъ на царей. Послѣ этого четыре архимандрита на блюдахъ принесли кресты къ ступенямъ чертожнымъ, тутъ приняли ихъ четыре митрополита и внесли на чертожное мѣсто. Патріархъ сдѣдалъ три земныхъ поклона, приложился къ крестамъ, снялъ ихъ съ блюда, благословилъ ими царей и повѣсилъ имъ на шею; они наклонили головы; патріархъ положилъ имъ крестообразно руки на головы и читалъ установленныя молитвы. Вслѣдъ за тѣмъ принесли бармы и вѣнцы, также какъ кресты передавались изъ рукъ въ руки патріарху, и онъ, послѣ того какъ положилъ бармы на плечи царей, опять читалъ молитвы, послѣ-же вѣнцовъ взялъ царей за руки, отвелъ ихъ на троны и поставилъ на царскомъ мѣстѣ, благословилъ ихъ и съ поклономъ отошелъ на свое мѣсто. Цари сошли съ своего мѣста, поклонились патріарху и опять возвратились на мѣсто. Послѣ этого прежнимъ порядкомъ принесли скипетры, державы и патріархъ передалъ ихъ царямъ—скипетры въ правую руку, а державу въ лѣвую. Послѣ короткой молитвы государи въ вѣнцахъ, со скипетромъ и державой подошли къ патріарху и поклонились ему; митрополиты, архіепископы и епископы подходили къ царямъ кланялись имъ и въ отвѣтъ получали малые поклоны; наконецъ патріархъ отвелъ царей на ихъ мѣста и самъ сѣлъ на свое; духовенство тоже заняло свои мѣста. Іеродіаконъ взошелъ на амвонъ передъ чертожнымъ мѣстомъ прямо противъ царей, и со всѣмъ титуломъ царскимъ провозгласилъ имъ многолѣтіе; все духовенство соборомъ три раза пропѣло многолѣтіе, за нимъ его же повторилъ сначала правый вѣлоросъ пѣвчихъ, а потомъ и лѣвый.

Патріархъ подошелъ къ царямъ и поздравилъ ихъ отъ себя и отъ всего священнаго собора съ принятіемъ царскихъ вѣнцовъ и

высказалъ имъ разныя желанія здоровья и долголѣтїя. Цари отвѣчали патріарху короткою рѣчью; за духовенствомъ, царей поздравляли бояре и прочіе государственные чины. Патріархъ еще сказалъ царямъ назидательную рѣчь, которую окончилъ пожеланіемъ имъ долгаго и мирнаго царствованія, послѣ чего всѣ находившіеся въ храмѣ подтвердили общимъ восклицаніемъ: «Да будетъ и будетъ многолѣтно! Аминь!»

Царское вѣнчаніе окончилось; патріархъ съ чертожнаго мѣста отвелъ царей, на обыкновенное царское мѣсто, устроенное прежними царями, на правой сторонѣ храма и, благословивъ ихъ, возвратился одинъ на чертожное мѣсто; по его примѣру митрополиты, архіепископы и епископы тоже благословили царей и также заняли свои мѣста. Началось чтеніе часовъ, а за тѣмъ литургія. Во время чтенія евангелія, херувимской пѣсни и выноса цари снимали съ себя вѣнцы, клали ихъ на золотыя блюда и стояли безъ нихъ.

Во время причащнаго стиха дьяки казеннаго двора постлали по красному сукну отъ царскаго мѣста до царскихъ вратъ вышитый золотомъ бархатъ, передъ царскими вратами постлали вышитый золотомъ коверъ, а подлѣ него меньшій—венеціанскаго алаго бархата, тоже вышитый золотомъ. Изъ алтаря вышли два іеродіакона и извѣстили царей, что наступило время мѣропомазанія и св. причащенія. Цари мѣрною, тихою поступью подошли къ царскимъ вратамъ и стали на разостланные для нихъ ковры. Въ храмѣ была благоговѣйная тишина; царскія двери отворились и къ царямъ вышелъ патріархъ, со всѣмъ духовенствомъ; одинъ изъ митрополитовъ на золотомъ блюдѣ держалъ драгоцѣнный хрустальный сосудъ, въ которомъ сохранялось св. мѣро; патріархъ три раза осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ мѣро. Государи отдали вѣнцы, скипетры и державы ближнимъ боярамъ, приложились къ мѣстнымъ иконамъ и, возвратившись, стали передъ патріархомъ, на приготовленномъ для нихъ мѣстѣ.

Патріархъ взялъ сосудъ съ мѣромъ у митрополита и помазалъ мѣромъ чело, уста, грудь, шею, плечи, ладони, руки царей и при каждомъ помазаніи произносилъ: «Печать и даръ Духа Святаго! Аминь!» Послѣ этого взялъ губку и отеръ всѣ помазанныя мѣромъ мѣста, чтобы святое мѣро нечаянно не капнуло на одежду, или на полъ. Послѣ мѣропомазанія патріархъ приказалъ двумъ діаконамъ постлатъ шитый золотомъ коверъ передъ самымъ престоломъ; два

ієродіакона взяли помазанниковъ подъ руки, ввели ихъ царскими вратами прямо въ алтарь и поставили передъ престоломъ, для приобщенія Св. Таинъ. Когда цари вошли въ алтарь, царскія врата за ними затворились. Патріархъ положилъ часть тѣла Христова на яшмовый дискосъ и вливъ крови Христовой въ потиръ, передалъ ихъ двумъ митрополитамъ, а государямъ велѣлъ прочитатъ причастную молитву.

Послѣ приобщенія Св. Таинъ цари вышли изъ царскихъ дверей и опять надѣли вѣнцы, взяли скипетры, державы и возвратились на свои мѣста. По окончаніи литургіи, патріархъ со всѣмъ духовенствомъ подошелъ къ царямъ, поздравилъ ихъ съ миропомазаніемъ и съ приобщеніемъ Св. Таинъ; при этомъ онъ опять повторилъ ту же самую рѣчь, котору уже говорилъ во время вѣнчанія; духовенство въ заключеніе ея сказало: *Аминь!* Цари пригласили на обѣдъ въ кремлевскія палаты патріарха, все духовенство, бояръ, окольничьихъ и думныхъ людей.

Когда цари приложились къ кресту они пошли изъ собора во всемъ своемъ царскомъ облаченіи въ вѣнцахъ, въ бармахъ, со скипетрами и державами. Лишь только они показались на помостѣ южныхъ дверей, Сибирскіе царевичи осыпали ихъ золотомъ. Изъ Успенскаго собора молодые цари отправились въ Архангельскій, чтобы поклонится гробамъ своихъ предковъ. При выходѣ изъ Архангельскаго собора, Сибирскіе царевичи опять осыпали ихъ золотомъ; цари отправились на богомолье въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ приложились къ иконамъ; при выходѣ Сибирскіе царевичи въ третій разъ осыпали царей золотомъ; отсюда цари отправились черезъ красное крыльцо въ свои палаты; во время этого перехода Сибирскіе царевичи еще три раза осыпали ихъ золотомъ.

Шествіе было въ такомъ же порядкѣ, какъ до коронованія. Патріархъ съ своей стороны также торжественно возвратился въ Крестовую палату, какъ вышелъ изъ нея. Цари во внутреннихъ покояхъ къ обѣду перемѣнили костюмъ и когда вышли въ Грановитую палату послали къ патріарху пригласить его и все духовенство къ обѣду. Патріархъ со всѣмъ духовенствомъ отправился въ Грановитую палату; передъ нимъ на блюдѣ несли крестъ и святую воду; цари встрѣтили въ его сѣняхъ; патріархъ благословилъ царей и вмѣстѣ съ ними вошелъ въ Грановитую палату; при этомъ

самъ патріархъ и все духовенство запѣло: «Достойно есть» и. т. д. По окончаніи этой пѣсни патріархъ осѣнилъ царей крестомъ и окропилъ ихъ святою водою. Патріархъ благословилъ столы и вмѣстѣ съ царями сѣлъ за особый столъ, а придворные, по чинамъ, сѣли за общіе столы; духовенство помѣстилось, тоже по чинамъ, за столомъ по правую сторону, а бояре за столомъ по лѣвую сторону отъ царскаго стола. Кромѣ того къ торжественному обѣду были приглашены всѣ лица, бывшія въ соборѣ, при вѣнчаніи царей.

Царское вѣнчаніе на нѣсколько времени отсрочило волненіе между раскольниками. Никита не терялъ времени; онъ ходилъ по стрѣлецкимъ слободамъ и громко проповѣдывалъ свое ученіе; изъ разныхъ раскольничьихъ скитовъ и деревень въ Москву собрались яростные изуверы. Опять была написана челобитная и съ нею ходили по стрѣлецкимъ слободамъ за подписями; въ девяти полкахъ нашлось много раскольниковъ, которые подписались; но во многихъ, болѣе разумныхъ, или преданныхъ полкахъ, не нашлось ни одного человѣка, на увѣщанія стрѣльцовъ они отвѣчали: «Что намъ за дѣло? мы руки къ челобитной не прикладываемъ, потому что не умѣемъ отвѣтъ держать; гдѣ намъ говорить съ соборомъ? Это не наше дѣло, а патріаршее!» Раскольники настаивали, стрѣльцы отказывались, происходила брань, угрозы сыпались и волненіе оканчивалось дракой.

Хованскій видѣлъ, что стрѣльцы раздѣлились на партіи, поэтому онъ приказалъ выборнымъ стрѣлецкимъ придти въ отвѣтную палату и предложилъ имъ вопросъ: «Всѣ-ли стрѣльцы готовы стоять за православную вѣру?» Хитрый вопросъ этотъ раскольники поняли по-своему, а православные по своему, и тѣ и другіе съ полнымъ убѣжденіемъ и съ жаромъ отвѣчали: «Мы не только готовы стоять, но и умереть за нее!» Три раза Хованскій повторилъ вопросъ и три раза получилъ тотъ же отвѣтъ.

Онъ повелъ выборныхъ въ патріаршую крестовую палату и извѣстилъ патріарха, что всѣ служащіе въ солдатскихъ и стрѣлецкихъ полкахъ прислали своихъ выборныхъ съ требованіемъ исправить церковныя книги и утвердить старое церковнослуженіе.

Патріархъ вышелъ съ духовными властями и спросилъ: «Чего вы отъ меня требуете?»

Хованскій вмѣсто раскольниковъ отвѣчалъ, что пришли всѣхъ

сословіи люди, стрѣльцы и солдаты просить объ исправленіи новыхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ, чтобы во всѣхъ концахъ Россіи служили по старинѣ!

— Мы пришли, воскликнулъ стрѣлецъ Юдинъ, спросить, почему вы отвергаете книги, напечатанныя при великихъ государяхъ и при святѣйшихъ патріархахъ? Какія въ нихъ ереси?

Патріархъ съ кротостію отвѣчалъ: что судить о книгахъ не дѣло воиновъ, что онъ и другіе учителя церкви для того и поставлены надъ народамъ, чтобы заботиться объ истинной вѣрѣ Христовой; «Я замъ пастырь, а не наемникъ, я дверьми вошелъ, а не черезъ ограду, я не самъ положилъ на себя отвѣтственность моего сана, я не подкупомъ взшелъ на апостольскій престолъ, но избранъ на него царемъ и всѣмъ соборомъ. Вы должны повиноваться священникамъ и еще болѣе архіереямъ, а не судить ихъ; апостоль говоритъ: «Повинуйтесь наставникамъ вашимъ и покоряйтесь имъ!»! Послѣ этого патріархъ коротко и ясно рассказалъ все дѣло исправленія книгъ и уговаривалъ заблуждающихся отказаться отъ своихъ мнѣній и возвратиться въ нѣдра православной церкви.

Но нѣсколько изувѣровъ вышли впередъ и, ничего не слушая, начали толковать свое и неотступно требовали публичнаго препіанія на Лобномъ мѣстѣ, передъ всѣмъ народомъ. У нихъ былъ тайный умыселъ, дерзостью возмутить народъ, низвергнуть, а можетъ быть и убить патріарха и установить свое ученіе. Но патріархъ понималъ ихъ тайный замыселъ и твердо объявилъ, что на Лобное мѣсто для спора не пойдетъ. Раздраженные раскольники съ шумомъ и бранью ушли, твердо рѣшившись народнымъ волненіемъ принудить патріарха къ открытому спору на Лобномъ мѣстѣ. Въ это свиданіе съ патріархомъ, одинъ раскольникъ отъ всѣхъ отличался своею дерзостію и ловкою рѣчью; когда патріархъ ушелъ, Хованскій подошелъ къ раскольнику, поцѣловалъ его въ голову и сказалъ: «Мало зналъ я тебя до сихъ поръ!»

Въ стрѣлецкихъ слободахъ волненіе возросло; Никита-Пустосвятъ выжидалъ удобнаго мгновенія,—наконецъ ему показалось, что все готово, и онъ можетъ имѣть успѣхъ. Іюля 5 собралъ онъ самыхъ отчаянныхъ изувѣровъ, вмѣстѣ съ ними отслужилъ молебенъ, взялъ крестъ, сообщники его—старинныя книги, иконы, налои; зажгли свѣчи и съ неистовыми криками пошли въ Кремль.

Народъ отовсюду стекался, стрѣльцы тѣсными рядами окружали раскольниковъ—они расположились у Краснаго крыльца, поставили налой, разложили на нихъ книги, кресты, образа, и поставили передъ ними свѣчи. Никита неистово кричалъ, бранилъ новыя книги и нововведенія въ церковномъ служеніи.

Патріархъ между тѣмъ съ архіереями и архіепископами служилъ молебствіе и со слезами просилъ Бога спасти церковь и государство отъ грозившей имъ бѣды.

Когда на площади слышались буйные крики раскольниковъ, онъ выслалъ къ нимъ спасскаго протоіерея Василя, чтобы прочитатъ народу признаніе Никиты, въ которомъ онъ каялся въ своей ереси и просилъ прощенія, клятвенно обѣщался никогда больше не приставать къ расколу.

Стрѣльцы схватили Василя, потащили къ своимъ учителямъ и хотѣли его убить на мѣстѣ, но монахъ Сергій заступился за него, поставилъ его на скамью и приказалъ читать; но раскольники такъ шумѣли и кричали, что нельзя было разобрать ни одного слова, а въ толпѣ раздавались грозные крики: «побьемъ его камнями!» Протопопъ блѣдный, какъ смерть, дрожащимъ голосомъ едва произносилъ слова. Наконецъ Сергій сказалъ ему: «Что понапрасну трудиться, перестань, видишь, какой шумъ. Посмотри, что будетъ, когда я заговорю не отъ себя, а словами писаній!» и съ этими словами влѣзъ на скамью, сталъ рядомъ съ Василемъ и началъ читать Соловецкія тетради. Въ толпѣ тотчасъ воцарилось мертвое молчаніе, всѣ слушали съ благоговѣніемъ и только вздыхали и плакали. Такъ прошло нѣсколько часовъ; но потомъ волненіе еще усилилось и раскольники громче прежняго начали требовать на споръ патріарха, который послѣ молебствія ушелъ въ свою Крестовую палату.

У правительства не было средствъ обуздать раскольниковъ; бунтъ готовъ былъ вспыхнуть; Хованскій твердилъ: «Пусть патріархъ идетъ на площадь и успокоитъ волненіе, пусть рѣчью своею докажетъ правоту свою, но ни царямъ, ни царицамъ, ни царевнамъ не слѣдуетъ показываться народу, не то бунтъ будетъ хуже прежняго.

Но царевна Софія съ жаромъ отвѣчала ему: «Нѣтъ, не оставлю церкви и пастыря нашего. Если споръ необходимъ, то пусть

онъ будетъ въ Грановитой палатѣ. Я иду туда и кто хочетъ, пусть идетъ за мною; царица Наталья Кирилловна, царевны Татьяна Михайловна и Марія Алексѣевна не отстали отъ нея. Патріарха извѣстили о рѣшеніи царевны и царицы, Софія звала его со всѣми святыми въ Грановитую палату, но предупредила, чтобы онъ шелъ не Краснымъ крыльцомъ, вокругъ котораго тѣснились раскольники, а другимъ, внутреннимъ ходомъ. Патріархъ не заставилъ себя ждать; между тѣмъ архіепископъ Холмогорскій Аѳанасій, епископъ Леонтій Тамбовскій, Митрофанъ Воронежскій и множество другихъ епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ съ самыми древними книгами и рукописями съ трудомъ прошли черезъ густыя толпы разъяренныхъ раскольниковъ, прямо черезъ Красное крыльцо въ Грановитую палату. Видъ старыхъ книгъ и рукописей обрадовалъ многихъ благочестивыхъ людей, и они надѣялись, что посредствомъ нихъ раскольниковъ можно будетъ убѣдить.

Когда въ Грановитой палатѣ все было готово, Хованскій вышелъ на площадь и объявилъ раскольникамъ, что царицы и царевны сами хотятъ выслушать челобитную, поэтому зовутъ *отцовъ* въ Грановитую палату, потому что на площади имъ быть неприлично (*засорно*).

— Нѣтъ, бояринъ, въ палату идти намъ опасно, отвѣчалъ монахъ Сергій, какъ бы на насъ тамъ не было какогонибудь умысла и коварства. Лучше бы патріарху здѣсь всенародно разобрать священные книги. Насъ въ палату пустятъ однихъ: народу тамъ не много умѣстится, а безъ народа намъ нечего дѣлать!»

— Никому входъ не запрещенъ, отвѣчалъ Хованскій, всякій, кто хочетъ, можетъ идти. Если же вы не вѣрите мнѣ, то клянусь вамъ Богомъ и пречистою кровію Христовою, никто васъ и пальцемъ не тронетъ. Во всякомъ случаѣ, какая опасность вамъ грозитъ, та самая и мнѣ; я все съ вами раздѣлю!

Первый рѣшился Никита: Идемъ! воскликнулъ онъ и съ многочисленною толпою стрѣльцовъ и чернаго народу кинулся къ Красному крыльцу; въ это мгновеніе изъ дверей выходили священники, относившіе хартіи (рукописи) и книги въ Грановитую палату; въ дверяхъ произошло столкновеніе, посыпалась брань, начали толкаться; съ той и другой стороны вспыхнула давно таившаяся ненависть и началась драка. Стрѣльцы, по приказанію Хованскаго, броси-

лись на священниковъ и принялись ихъ бить и разгонять во всѣ стороны.

Раскольники съ яростными криками ворвались въ Грановитую палату; ихъ нисколько не остановилъ и не смутилъ видъ царскаго дома. На возвышенномъ мѣстѣ сидѣли цари, царевна Софья Алексѣевна и Татьяна Михайловна, пониже ихъ царица Наталья Кирилловна и царевна Марья Алексѣевна и патріархъ; съ правой стороны отъ трона, по степенямъ сана, стояли митрополиты, архіепископы и епископы; съ лѣвой стороны стояли государственные савонники, люди думные, дьяки царедворцы и выборные стрѣльцы.

Раскольники еле поклонились, и подобно тому, какъ на площади, разставили налои, разложили на нихъ иконы, книги, зажгли свѣчи и какъ изступленные осматривались во всѣ стороны; тутъ, кромѣ Никиты и Сергія, было еще четыре лжеучителя, все—или бродяги, или разстриженные монахи.

Царевна Софія обратилась къ нимъ съ вопросомъ: зачѣмъ они пришли? Зачѣмъ съ такимъ дерзкимъ и наглымъ видомъ ворвались въ царскія палаты, какъ къ иновѣрцамъ, незнающимъ Бога? И какъ они смѣютъ на площадяхъ всенародно проповѣдывать свои ереси и возмущать народъ?

Никита отвѣчалъ, что они пришли съ просьбою пересмотрѣть священныя книги и возстановить богослуженіе по-старинѣ, какъ оно было при прежнихъ царяхъ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и при святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ!

Патріархъ на это отвѣчалъ почти тоже, что говорилъ Сергію въ Крестовой палатѣ. «Мы отъ себя ничего не внесли, окончилъ патріархъ, но все заимствовали изъ божественнаго писанія; вы же грамматическаго смысла не разобрали и потому не понимаете».

— Мы пришли не о грамматикѣ толковать съ тобой, воскликнулъ Никита, а о церковныхъ догматахъ; поговоримъ коротко и ясно; ты же отвѣчай только на мои вопросы!—и онъ пустился въ толкованія, перемеживая ихъ съ дерзкими выходками и лукавыми замѣчаніями, которыми пытался смутить патріарха.

Дерзость оскорбила архіепископа Холмогорскаго Аѳанасія, и онъ началъ отвѣчать вмѣсто патріарха съ такою силою, что Никита смутился, заскрежеталъ зубами и воскликнулъ. «Что ты нога выше главы становишься, я не съ тобой говорю, а съ патріархомъ!» и

въ то же время бросился на него съ поднятыми кулаками, его примѣру послѣдовали другіе раскольники; сдѣлалась ужасная суматоха: стрѣльцы насилу спасли архіепископа.

Въ это время молодой царь Петръ Алексѣевичъ, вскочилъ съ своего мѣста, глаза его искрились и сверкали; напрасно Наталья Кириловна пыталась удержать его, но онъ снялъ съ себя вѣнецъ и съ одушевленіемъ, громкимъ голосомъ воскликнулъ. «Пока вѣнецъ этотъ на головѣ моей и душа въ тѣлѣ останется, не позволю возставать на истинную церковь и правую вѣру называть неправой; и такъ, какъ я самъ уважаю ее и называю своею матерью и вѣрую, что она истинная, правая, такъ и всѣмъ повелѣваю вѣровать!» Потомъ обратясь къ присутствующимъ духовнымъ лицамъ прибавилъ: «Что стоите? Чего испугались?»

Въ то же время и Софія встала съ трона и воскликнула: «Видите, что дѣлаетъ Никита, при насъ бьетъ архіерея, а безъ насъ и совсѣмъ убьетъ его!»

Въ толпѣ раскольниковъ заговорили: «онъ не бьетъ архіерея: а только рукою отвелъ его, чтобы не говорилъ прежде патріарха, когда его не спрашиваютъ».

— Смѣешь ли ты говорить съ патріархомъ? продолжала царевна обращаясь къ Никитѣ. Какъ смѣешь ты намъ на глаза показываться? Или ты забылъ, какъ принесъ повинную нашему отцу и святѣйшему патріарху, какъ клялся никогда больше не впадать въ ересь, не приходиться съ челобитьемъ о дѣлахъ вѣры; какъ въ противномъ случаѣ предавалъ себя проклятію Св. Отцевъ всѣхъ семи вселенскихъ соборовъ, а теперь опять взялся за старое.

— Не отрекаюсь, отвѣчалъ дерзкій раскольникъ, подносилъ я челобитную отцу вашему; писалъ я ее семь лѣтъ, а отвѣтомъ мнѣ была тюрьма, не знаю за что. Написалъ Симеонъ Полоцкой на меня книгу *Жезлъ*, но въ ней не разобрано и пятой доли моей челобитной. А ежели угодно, я готовъ отвѣчать на каждое слово *Жезла* и могу доказать, какъ право мое дѣло. Ежели же виноватъ останусь, тогда воля ваша, дѣлайте со мною, что хотите!

— Молчи! воскликнула съ гнѣвомъ царевна и приказала читать челобитную.

Сначала патріархъ и архіепископы, особенно Аѳанасій начали отвѣчать по пунктамъ, на каждое замѣчаніе и доказывали ошибки;

но раскольники, какъ изступленные, не хотѣли слушать, неистовыми криками перебивали и заглушали пастырей церкви, осыпали ихъ бранью и упреками, и до того шумѣли, что послѣдніе пункты остались безъ отвѣта.

Царевна нѣсколько разъ съ огорченіемъ и досадою смотрѣла на боярѣ и на патріарха; когда же раскольники сказали, что Никонъ *еретикъ*, царевна не вытерпѣла и воскликнула: «Нѣтъ, мы не можемъ болѣе терпѣть такой хулы! Если Никонъ и нашъ отецъ были *еретики*, то и всѣ мы тоже; братья не цари, и патріархъ не пастырь церкви. Намъ ничего больше не остается, какъ оставить царство! и сошла съ трона.

Въ толпѣ мятежныхъ раскольниковъ слышались слова: «Давно пора! Въ монастырь вамъ, а не царствомъ мутить! Намъ бы только цари-государи здоровы были, а и безъ васъ ваше мѣсто пусто не будетъ!» Но бояре окружили царевну, успокоили ее, обѣщались положить за нее головы и уговаривали ее вернуться въ свои покои.

Напрасно патріархъ и митрополиты, по греческимъ книгамъ и по евангелію, писанному Св. Алексѣемъ Московскимъ митрополитомъ стараясь доказать раскольникамъ ихъ заблужденія, они ничего не хотѣли ни видѣть, ни слышать, ни понимать, то и дѣло кричали и неистовствовали.

Царевна убѣдилась, что ихъ нельзя вразумить и приказала раскольникамъ уходить, потому что уже поздно, ночь приближается и преній продолжать нельзя. Раскольники ушли, но на площадяхъ и улицахъ хвалились тѣмъ, что побороли своихъ противниковъ, переспорили патріарха и архіереевъ.

Народъ по прежнему оставался въ недоумѣніи, не зная, въ самомъ ли дѣлѣ раскольники взяли верхъ; они пришли смотрѣть правду и ничего не видали. Царевна призвала къ себѣ выборныхъ всѣхъ полковъ; явились ото всѣхъ, кромѣ одного, самаго раскольниковьяго—Титова полка. Царевна въ яркихъ краскахъ изобразила положеніе Россіи, ежели раскольники не перестанутъ мутить народъ. «Уже-ли вы промѣняете насъ на шестерыхъ чернецовъ, и предадите святѣйшаго патріарха на поруганіе?» Она напоминала имъ ихъ прежню преданность царскому дому, стыдила за теперешнее легкомысліе, буйство и равнодушіе, сулила награды за вѣрность и

достигла своей цѣли. Выборные Стремяннаго полка отвѣчали въ одинъ голосъ: «Мы, государыня, за старую вѣру не стоимъ; это не наше дѣло; это дѣло патріарха и собора».

Выборнымъ дана была большая денежная награда и на десять человѣкъ стрѣльцовъ выставлено было по ушату вина. Такое щедрое угощеніе довершило начатое словами; стрѣльцы поклялись, что не станутъ больше защищать старой вѣры; отъ угощенія же пришли въ такое неистовство, что бѣгали по улицамъ, били раскольниковъ и кричали: «Вы бунтовщики, возмутили весь народъ!»

Раскольники бросились бѣжать; ихъ начальниковъ, *отцовъ* переловили; Никиту казнили безъ дальняго суда; Сергія сослали въ Ярославль въ монастырь; остальныхъ тоже сослали.

Князь Хованскій, вмѣсто того, чтобы вполнѣ укротить мятежное стрѣлцкое войско, думалъ только о томъ, какъ бы привязать его къ себѣ, какъ бы посредствомъ него захватить еще больше власти и еще болѣе возвыситься. Поэтому онъ не только не обуздывалъ стрѣльцовъ, а напротивъ поблажалъ ихъ порокамъ. Стрѣльцы не прекратили своихъ требованій.

На другой день послѣ казни Никиты, выборные отъ полковъ явились въ Кремль и шумно требовали выдачи многихъ бояръ, говоря, что въ слободахъ разнесся слухъ, будто бояре хотятъ истребить вѣрную надворную пѣхоту. Волненіе продолжалось двое сутокъ, наконецъ узнали, что одинъ татарскій князекъ, недовольный своимъ содержаніемъ, распустилъ этотъ слухъ за тѣмъ, чтобы взбунтовать стрѣльцовъ. Его предали пыткѣ, и онъ во всемъ сознался. Но послѣ этого стрѣльцы не унимались; они держали на *правезѣ* нелюбимыхъ полковниковъ, захватывали и мучили бояръ. Хованскій заступался за нихъ, отстаивалъ всѣ ихъ незаконныя дѣла; онъ раздавалъ стрѣльцамъ казенныя деньги, не взыскивалъ съ нихъ за убійства и грабежи, отдавалъ имъ имѣніе убитыхъ бояръ. Защищая стрѣльцовъ, онъ неоднократно говорилъ боярамъ: «Не будь меня въ Москвѣ, ходили бы по колѣно въ крови». А стрѣльцамъ опять говорилъ: «Дѣти, уже и мнѣ за васъ грозятъ бояре; мнѣ дѣлать нечего; теперь, какъ хотите, такъ сами и промышляйте!»

Между тѣмъ царевнѣ донесли, что Хованскій совсѣмъ распустилъ стрѣльцовъ, чтобы воспользоваться ими для своихъ пре-

ступныхъ цѣлей: увѣряли, будто онъ хвалится тѣмъ, что родъ его происходитъ отъ королевскаго дома Гедимина и доказывалъ, что это происхожденіе даетъ ему право помышлять о престолѣ, а заслуги дѣлаютъ его достойнымъ занять его. Стрѣльцы волновались и тѣмъ въ нѣкоторомъ смыслѣ подтверждали ходившіе о намѣреніяхъ Хованскаго слухи. Какъ бы то ни было, но возрастающее волненіе держало дворъ и бояръ въ постоянной тревогѣ; царское семейство наконецъ рѣшилось незамѣтно покинуть Москву.

Крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Донской монастырь бывалъ 19 августа ежегодно въ память избавленія отъ нашествія, Крымскихъ татаръ. Но по Кремлю вдругъ разнесся слухъ, будто стрѣльцы хотятъ воспользоваться этимъ ходомъ, чтобы напасть на царей и умертвить ихъ. Крестный ходъ состоялся, но цари не участвовали въ немъ и на слѣдующій день отправились въ село Коломенское. Страшнѣе этого для стрѣльцовъ ничего быть не могло: они боялись, что цари оставятъ Москву, созовутъ дворянство съ ихъ челядинцами, съ этимъ войскомъ нападутъ на стрѣлецкіе поля и уничтожатъ ихъ. Нѣсколько дней спустя, въ Коломенское явились выборные отъ стрѣлецкихъ полковъ съ челобитною; въ ней говорилось: «Великимъ государямъ сказали, будто у стрѣлецкихъ полковъ есть злой умыселъ противъ бояръ и ближнихъ царскихъ людей; будто мы хотимъ съ ружьями опять придти въ Кремль; будто у насъ объ этомъ сговариваются полки; и оттого государи покинули Москву: но у насъ никакого злаго умысла нѣтъ и впередъ не будетъ; мы просимъ государей, такимъ слухамъ не вѣрить и позваловать обратно въ Москву».

На это имъ отвѣчали: Великимъ государямъ про вашъ умыселъ ничего не извѣстно; изъ Москвы они выѣхали по своей государевой волѣ, потому что и въ прежнія времена государи въ Коломенское и въ другія деревни и села выѣзжали.—Съ этимъ отвѣтомъ выборные возвратились въ Москву; стрѣльцы успокоились, а дворъ дождался приличнаго случая, чтобы незамѣтно уѣхать дальше.

Хованскій нѣсколько разъ пытался возвратитъ царей въ Москву и даже старался напугать Софью разными небывалыми опасностями, но это ему не удалось. Къ 29 августа, именинамъ Іоанна Алексѣевича, царевна указомъ вытребовала изъ Москвы Стремян-

ной полкъ, единственный изъ стрѣлецкихъ полковъ, вполнѣ преданный царскому дому и близкій къ нему; Хованскій указа не исполнялъ и полка не присылалъ. Нужно было послать еще нѣсколько подтвержденій Хованскому, тогда только онъ отправилъ полкъ въ Коломенское, на царскую службу.

ГЛАВА IX.

Второй стрѣлецкій бунтъ. Смерть Хованскихъ. Возвращеніе въ Москву.
Потѣшныя.

Наступило 1 сентября, т. е. день новаго года; по стариннымъ обычаямъ въ этотъ день бывало церковное торжество и царскій выходъ съ большою пышностію, въ присутствіи всего двора, стрѣлецкихъ и солдатскихъ полковъ. Хованскій послалъ просить царей въ Москву къ этому торжеству, но ему отвѣчали, что цари не будутъ, и онъ съ боярами можетъ присутствовать при патріаршемъ служеніи. Весь праздникъ вышелъ скучный и далеко не великолѣпный; бояръ въ Москвѣ не оказалось; всѣ они изъ нея повыѣхали: нѣкоторые присоединились къ царямъ, иные разѣхались по своимъ деревнямъ; къ досадѣ патріарха изъ важныхъ лицъ при торжествѣ былъ только Хованскій и одинъ окольный бояринъ. Народъ въ тревогѣ ожидалъ большихъ бѣдъ.

Между тѣмъ 2 сентября въ селѣ Коломенскомъ произошла большая тревога: у переднихъ дворцовыхъ воротъ нашли письмо съ надписью: «вручить государынѣ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ». Это былъ доносъ на Хованскаго и на сына его Андрея. Доносъ былъ написанъ отъ имени одного стрѣльца и двухъ посадскихъ, которые своихъ именъ однакожь не выставили. Въ бумагѣ говорилось, что Хованскіе призывали къ себѣ стрѣльцовъ и посадскихъ и сговаривались съ ними, какъ бы возмутить стрѣльцовъ, придти съ ними въ Кремль, объявить царей еретическими дѣтьми и убить ихъ, вмѣстѣ съ царичею Натальей Кириловной и царевной Софіей Алексѣевной, а остальныхъ царевенъ постричь въ монашество и

разослать въ монастыри; молодому же Андрею Хованскому жениться на одной изъ царевенъ и черезъ нее наслѣдовать престолъ. Кромѣ того, смерти предать многихъ ближнихъ бояръ за то, что они не стоятъ за старую вѣру, а любятъ новую. Вслѣдъ за этимъ возмутить весь черный народъ, истребить помѣщиковъ и въ этой смутѣ Хованскому сдѣлаться царемъ. Стрѣльцовъ обѣщано пожаловать въ ближніе бояре и раздать имъ все имѣніе побитыхъ. Про себя доносчики говорили, что совѣсть не позволяетъ имъ поднимать руки на такое дѣло и извѣщаютъ объ немъ государей, чтобы они могли помѣшать злу. Когда же все утихнетъ, тогда доносчики придутъ сами объявить о себѣ; примѣты ихъ: у одного на правомъ плечѣ черная бородава, у другаго на правой ногѣ рубецъ.

Доносъ этотъ, какъ увѣряли современники, былъ ложный, составленный врагомъ Хованскаго, Милославскимъ; неизвѣстно, вѣрила ли ему сама царица Софія, но какъ бы то ни было, притворилась, что вѣритъ, поспѣшно уѣхала со всѣмъ царскимъ семействомъ въ Савво-Сторожевскій монастырь близъ Звенигорода. Отсюда разослала окружные грамоты во Владиміръ, Суздаль и другіе города, призывая дворянъ и ратныхъ людей всѣхъ званій, на защиту царей и государства отъ раскольниковъ, Хованскаго и мятежныхъ стрѣльцевъ войскъ.

Дворяне, повинуваясь своему долгу, начали снаряжаться въ походъ: готовили сѣстныхъ припасовъ, вооружали своихъ челядинцевъ, сажали ихъ на коней изъ своихъ конюшенъ и вмѣстѣ съ ними, въ полномъ вооруженіи, спѣшили къ царямъ; за каждою такою толпою воиновъ тянулись телѣги, нагруженные сѣстными припасами и палатками.

Стѣны и ограды Савво-Сторожевскаго монастыря казались ненадежными и потому цари со всѣмъ дворомъ своимъ отправились въ Троицко-Сергіевскую лавру; но на пути туда, въ селѣ Воздвиженскомъ встрѣтили первые довольно значительные, дворянскіе отряды. Тутъ же пришло отъ Хованскаго письмо; онъ писалъ, что сынъ малороссійскаго Гетмана ѣдетъ въ Москву и спрашивалъ, какъ его принимать. Царица воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы написать Хованскому ласковое письмо съ указаніемъ, какъ принимать сына Гетмана, а для дальнѣйшихъ распоряженій вызвала его изъ Москвы, въ село Воздвиженское.

Хованскихъ обмануло ласковое письмо царевны; онъ съ небольшимъ стрѣльцѣимъ отрядомъ выѣхалъ по одной дорогѣ, а сынъ его Андрей съ другимъ, тоже незначительнымъ отрядомъ, по другой. Лишь только дошла вѣсть въ село Воздвиженское о томъ, что Хованскіе выѣхали изъ Москвы и приближаются, при дворѣ произошло волненіе; наскоро собрали думныхъ бояръ для суда надъ обвиненными и съ значительнымъ отрядомъ дворянскихъ полковъ посланъ былъ князь Лыковъ, чтобы схватить Хованскихъ и подъ крѣпкимъ карауломъ привезти ихъ на судъ и расправу.

Отѣхавъ версть 25 отъ Москвы Хованскій остановился близъ села Пушкина; на полѣ раскинули шатеръ и старый князь тутъ выжидалъ извѣстій отъ царевны; молодой князь съ своимъ отрядомъ расположился немного всторонѣ за крестьянскими избами, въ виду отцовскаго отряда. Князь Лыковъ осторожно приближался, развѣдывалъ, какъ велика сила Хованскихъ, гдѣ ихъ палатки, и какъ удобнѣе и безопаснѣе окружить ихъ. Узнавши все подробно, Лыковъ раздѣлил свое войско, окружилъ обоихъ Хованскихъ одновременно, овладѣлъ ими безъ малѣйшаго сопротивленія и повезъ въ село Воздвиженское.

На площади плаха была уже готова; думные дворяне и разныхъ чиновъ государственные люди дожидались Хованскихъ; народу толпилось множество; дворянскіе полки стояли вооруженные. Хованскихъ привезли, поставили передъ судьями и тѣ безъ допроса, безъ всякаго слѣдствія, на основаніи различныхъ жалобъ, за растрату казны, за своеволіе, за потворство стрѣльцамъ, за расколъ, за то, что Хованскій не допустилъ казнить раскольничихъ начальниковъ, за неуваженіе къ царямъ и царевнѣ, за самовластіе, за обвиненіе надворной пѣхоты въ мятежныхъ замыслахъ, за смутныя рѣчи, объявили смертный приговоръ. По прочтеніи безыменнаго доноса, отъ начала до конца, дьякъ окончилъ приговоръ словами: «Воровскія дѣла твои съ тѣмъ письмомъ сходны, злохитрый замыселъ твой на государское здоровье обличился явно; измѣна твоя несомнѣнна: государи повелѣли казнить тебя смертью».

Такой же точно приговоръ былъ прочтенъ и сыну Хованскаго; напрасно обвиняемые старались оправдать себя, требовали слѣдствія и суда, общались открытъ настоящихъ виновниковъ стрѣлецкаго бунта; ихъ не слушали, когда же князя просили отсрочки казни,

бояре послали спросить царевну, какъ она прикажетъ, а она въ отвѣтъ прислала повелѣніе немедленно исполнить приговоръ. Палача не было и приговоръ приказано было исполнить одному стрѣльцу Стремяннаго полка. Казнь Хованскихъ произошла въ день ангела царевны, 17 сентября 1682 года.

Въ толпѣ, присутствовавшей при казни Хованскихъ былъ младшій сынъ князя, Иванъ, комнатный стольникъ царя Петра. Видъ пролитой крови безъ суда, по одному доносу, частію невѣрному, пробудилъ негодованіе и месть въ душѣ молодаго человѣка. Лишь только стемнѣло, онъ поскакалъ въ Москву, явился въ стрѣлецкія слободы и объявилъ, что общаго отца ихъ не стало. «Убили его бояре, безъ суда, безъ розыска, безъ вѣдома царскаго!» говорилъ онъ. «Переведутъ они и васъ, кричалъ Языковъ, прискакавшій вмѣстѣ съ Хованскимъ изъ села Воздвиженскаго, бояре хотятъ вырубить надворную пѣхоту; дорогою я видѣлъ несмѣтное множество вооруженныхъ людей; они со всѣхъ сторонъ идутъ къ Москвѣ, чтобы перебить въ слободахъ всѣхъ до послѣдняго стрѣлецкаго младенца, а дворы ваши хотятъ пожечь».

Стрѣльцы зашумѣли, начали разсуждать о томъ, какъ имъ спастися и рѣшились засѣсть въ Москвѣ и защищаться. Въ полночь ударили въ набатъ, схватились за оружіе и разставили у всѣхъ воротъ крѣпкіе караулы. Заняли Кремль, съ пушечнаго двора взяли ружья, пушки, порохъ, ядра и свинецъ и приготовились встрѣтить нападеніе дворянскихъ полковъ. На разсвѣтѣ стрѣльцы явились къ патріарху съ требованіемъ написать грамоты въ украинскіе города, чтобы всѣ ратные люди спѣшили оттуда на помощь въ Москву.

Патріархъ успокоивалъ ихъ, уговаривалъ отказаться отъ плановъ идти на дворянъ и на государей, чтобы не навлечь на себя царскаго гнѣва, но стрѣльцы не слушали и кричали: «Ежели ты будешь за одно съ боярами, то мы и тебя убьемъ!» Патріархъ ожидалъ смерти, но не переставалъ уговаривать стрѣльцовъ и убѣждалъ ихъ дожидаться царскаго указа.

Въ тотъ же день изъ села Воздвиженскаго прискакалъ бояринъ съ царскою грамотою къ патріарху; стрѣльцы схватили его у городскихъ воротъ и подъ карауломъ привели въ Крестовую палату, съ требованіемъ, чтобы патріархъ громко, при всѣхъ прочталъ, что такое цари пишутъ. Патріархъ исполнилъ требованіе стрѣль-

цовъ и прочелъ имъ письмо, въ немъ цари извѣщали о казни Хованскихъ и прописывали всѣ вины ихъ. Точно такого же содержания бумага была прислана въ стрѣльцкіе полки съ увѣщаніемъ, служить по обѣщанію вѣрно и никакимъ навѣтамъ не вѣрять; опалы же себѣ и царскаго гнѣва не опасаться.

Но царскія грамоты не успокоили стрѣльцовъ, имъ казалось, что это была только уловка обмануть ихъ, заставить положить оружіе, чтобы вѣрнѣе и безопаснѣе напасть на нихъ и истребить всѣхъ до послѣдняго. Вооруженные стрѣльцы ходили по улицамъ, стрѣляли изъ пушекъ и ружей и готовились нападать на бояръ и боярскіе дома. Не прошло двухъ сутокъ, дворянскіе полки не подступали къ Москвѣ, ужасъ стрѣльцовъ немного утихъ, и они приступили къ патриарху съ объявленіемъ, что никакого злаго умысла противъ царей и бояръ у нихъ нѣтъ, что они готовы служить по-прежнему, но что ихъ удивляетъ, зачѣмъ государи покинули Москву.

Патриархъ отвѣчалъ имъ: государи Москвы не покидали, а отравились только по старинному обычаю на богомолье въ Троицкую обитель; но въ то же время согласился послать просить царей вернуться въ Москву. Обѣщаніе свое патриархъ исполнилъ, но до вѣренному своему сказалъ, чтобы онъ предупредилъ царей не довѣрять стрѣльцамъ.

Софія знала, что стрѣльцы не примутъ спокойно извѣстія о казни Хованскихъ, поэтому она съ царями и со всѣмъ дворомъ отправилась въ Троицко-Сергіевскую лавру. Вся окрестность приняла военный характеръ: отряды разъѣзжали по дорогамъ, всюду стояли пикеты; передъ стѣнами монастыря раскинулся лагерь; на призывъ царей, дворянство со всѣхъ сторонъ слѣшило на ихъ защиту. На монастырскихъ стѣнахъ ходили часовые; пушки грозно выглядывали изъ амбразуръ; передъ закрытыми воротами стояли сторожевые отряды.

Когда у царевны подъ руками было сильное и вѣрное дворянство, готовое идти противъ непокорныхъ стрѣльцовъ, она послала въ Москву строгое повелѣніе: прекратить всѣ толки о казни Хованскихъ, не смѣть пугать московскихъ жителей, не вмѣшиваться въ дѣла царскія и такъ какъ право милости, суда и казни виновныхъ самимъ Богомъ вручена царямъ, то стрѣльцамъ не только говорить объ этомъ, но и думать не позволено.

Въ то же время патріарху было дано знать, чтобы онъ призвалъ къ себѣ стрѣльцовъ, научилъ ихъ принести повинную, обѣщаться служить вѣрою и правдою, какъ по-старинѣ, прислать въ Троицкую лавру по 20 человекъ лучшихъ изъ каждаго полка и тогда имъ все будетъ прощено и за смуты въ Москвѣ никакихъ розысковъ и наказаній не производить.

Стрѣльцы колебались; они боялись потерять лучшихъ изъ своихъ братьевъ; они не рѣшались послать ихъ въ Троицкій монастырь, какъ думали, на вѣрную смерть, а между тѣмъ чувствовали свое безсиліе при видѣ огромнаго войска, собравшагося подлѣ монастыря. Они съ утра до вечера толпились въ Крестовой палатѣ, совѣтовались, плакали, какъ дѣти и дрожали, какъ женщины. Въ Москвѣ никто больше не опасался ихъ и многіе надъ ними насмѣхались, называя ихъ мужиками и бабами. Патріархъ увѣрялъ ихъ, что никакой бѣды не будетъ тѣмъ, которые съ повинною пойдутъ въ Троицкую лавру, но они только тогда рѣшились идти, когда патріархъ далъ имъ въ заступники—суздальскаго митрополита.

Но страхъ не покидалъ выборныхъ: приближаясь къ какому-нибудь селу, они въ нерѣшительности останавливались и готовы были вернуться; имъ все казалось, что въ селѣ ждетъ засада, что ихъ переловятъ и казнятъ. Вблизи отъ села Воздвиженскаго страхъ еще сильнѣе обуялъ виновныхъ; нѣкоторые убѣжали назадъ въ Москву и разгласили, что товарищи ихъ перебиты, всѣ до одного и они только съ трудомъ избѣжали той же участи. Село Воздвиженское дѣйствительно походило на лагерь; но воины не нападали на стрѣльцовъ и не мѣшали имъ продолжать свой путь. Вскорѣ явился къ нимъ бояринъ съ милостивымъ словомъ отъ царевны и съ обѣщаніемъ полной безопасности.

Рано утромъ стрѣлецкіе выборные вошли въ Троицкую лавру ихъ приняла царевна, окруженная боярами и важнѣйшими сановниками; она ихъ встрѣтила выговоромъ за возмущеніе, говорила съ жаромъ, то упрекала ихъ, то выражала на сколько огорчаютъ ее поступки стрѣльцовъ. «Вы недостойны видѣть царей! воскликнула она; вы называете себя надворною пѣхотою, нашими вѣрными слугами, а гдѣ ваша служба и покорность?»

Стрѣльцы пали ницъ, признавали свою вину и просили пощады, жались письменно и словесно впередъ служить вѣрно, утверждая,

что никакого злаго умысла на бояръ и на царей у нихъ нѣтъ, да и при себѣ никому не позволятъ поносить бояръ и правительство. Что пушки, порохъ, ядра и свинець у нихъ не растрочены и они готовы отдать все назадъ во всякое время и что полки, назначенныя на службу въ Кіевъ, готовы къ походу!»

Царевна похвалила ихъ за то, что повинились и сказала: полное прощеніе отъ государей надворная пѣхота получитъ тогда, когда она возвратитъ всѣ военные снаряды въ пушечный дворъ, когда въ Москвѣ будетъ совершенно спокойно, когда надворная пѣхота представитъ повинную челобитную за общеою подписью. «Ежели вы этого всего не выполните, великіе государи пойдутъ на васъ съ своимъ безчисленнымъ войскомъ и тогда—горе вамъ!»

Софія не напрасно грозила стрѣльцамъ; ополченіе дворянства возростало съ каждымъ днемъ; оно было раздѣлено на полки и отряды, начальство было поручено отважнымъ и опытнымъ боярамъ. Ополченіе двинулось къ Москвѣ со всѣхъ сторонъ; оно виднѣлось на всѣхъ дорогахъ и окружило Москву огромнымъ кольцомъ на разстояніи отъ 30 до 50 верстъ.

Стрѣльцы съ восторгомъ встрѣтили возвращеніе своихъ выборныхъ; они думали, что никогда больше не увидятъ ихъ, съ радостію выслушали приказъ царевны и немедленно принялись писать челобитныя; всѣ, кто умѣли, подписывались сами, а за неграмотныхъ подписывались священники. Патріархъ призвалъ стрѣльцовъ и прочиталъ имъ царскую грамоту, въ которой говорилось тоже, что царевна прежде сказала выборнымъ; стрѣльцы благодарили патріарха за заступничество и тутъ же подали челобитныя, совсѣмъ заготовленныя и подписанныя и просили оиять дать имъ кого нибудь изъ духовныхъ для заступничества передъ царями; патріархъ отправилъ съ стрѣлецкимъ посольствомъ архимандрита Адріана.

Царевна милостиво приняла депутацію, своею рѣчью довела многихъ до слезъ и объявила имъ прощеніе на одиннадцати условіяхъ, очень ясно и подробно изложенныхъ въ особомъ постановленіи; за нарушеніе ихъ назначалась смертная казнь.

Стрѣлецкіе выборные приняли условія безъ малѣйшаго возраженія. Статьи были отправлены патріарху и послѣ обѣдни въ Успенскомъ соборѣ онъ прочиталъ ихъ всему собравшемуся войску. Для этого на амвонѣ были поставлены два наоя: на одномъ лежало

евангеліе, а на другомъ негнѣнная рука апостола Андрея Первозваннаго; патріархъ сказалъ нѣсколько словъ о томъ, что люди не должны враждовать между собою, а напротивъ любить другъ друга и повиноваться законамъ; вслѣдъ за тѣмъ прочиталъ статьи условія прощенія. Каждый полкъ подходилъ къ налою, принималъ листъ указа, влялся исполнять условія надъ евангеліемъ и св. мощами, прикладывались къ нимъ и возвращались въ слободы, гдѣ еще по нѣсколькѣ разъ перечитывали указы.

На слѣдующій день стрѣлцкіе выборные приходили къ патріарху благодарить за его заступничество передъ царями и вновь обѣщались служить вѣрно безъ всякой *шатости* (безъ колебанія). Молодаго Хованскаго выдали; его проговорили къ смертной казни за то, что онъ возмущалъ стрѣлцкіе полки, но когда онъ положилъ голову на плаху, его не казнили, а только сослали.

Въ Москвѣ все было тихо, но царское семейство все еще не возвращалось; а дворянство въ полномъ военномъ составѣ все еще занимало тѣ же мѣста, какъ въ началѣ осени. Царевнѣ Софіи, должно быть, неприятно было въ Москвѣ опять увидѣть столбъ, поставленный, къ стыду ея, послѣ перваго стрѣлцкаго бунта. Должно быть, по ея наущенію явилась новая депутація отъ стрѣлцкихъ полковъ; выборные униженно просили, какъ милости, позволенія сломать столбъ для того, говорилось въ прошеніи, чтобы отъ другихъ государствъ царствующему граду Москвѣ не было стыдно (засорно). Позволеніе было дано; ноября 2 стрѣльцы явились на Красной площади, сорвали жестяные листы съ исчисленіемъ именъ и мнимыхъ преступленій несчастныхъ жертвъ перваго стрѣлцкаго бунта, сожгли и растопили ихъ, а столбъ разметали по камешку, даже выкопали изъ земли фундаментъ и свезли за городъ, а мѣсто сравняли такъ, что и не замѣтно было, гдѣ столбъ стоялъ. Черезъ четыре дня царское семейство возвратилось въ Москву, со всѣмъ дворомъ и съ огромнымъ отрядомъ вооруженныхъ дворянъ, которые въ Кремлѣ заняли всѣ караулы.

Послѣ уничтоженія столба, надобно было уничтожить похвальные за бунтъ грамоты, розданныя стрѣльцамъ: по приказанію царевны ихъ у нихъ отобрали и замѣнили новыми, въ которыхъ вся вина волненія сваливалась на Хованскаго, а надворную пѣхоту она именемъ царей запретила называть измѣнниками и бунтовщиками.

Особыхъ милостей на этотъ разъ не оказала, а только велѣла имъ выдавать полное годовое содержаніе безъ всякихъ вычетовъ и въ случаѣ дальнихъ походовъ постановила выдавать по рублю на человѣка. Управленіе стрѣлецкимъ приказомъ царевна поручила Шапловитому, человѣку строгому и энергическому, который умѣлъ укротить необузданное войско и внушить ему уваженіе къ себѣ.

Наступила тишина и Софія могла оглядѣться, что дѣлается въ сосѣднихъ государствахъ и заняться приведеніемъ въ порядокъ внутреннихъ дѣлъ государственнаго управленія. Во время стрѣлецкихъ бунтовъ и сумятицъ, все пришло въ разстройство и царевнѣ было много дѣла, чтобы какъ нибудь устроить домашнее управленіе Россіи и справиться съ сосѣдями — Швеціей, Польшей, Турціей и Крымомъ.

Что же дѣлалъ между тѣмъ царь Петръ Алексѣевичъ? Съ тѣхъ поръ, какъ явная опасность отъ стрѣльцовъ миновалась, царевна Софія Алексѣевна захватила всю власть въ свои руки; издавала указы безъ спроса и безъ всякаго участія своихъ братьевъ. При всякомъ случаѣ оскорбляла царицу Наталью Кириловну, не позволяла ей не только вмѣшиваться въ дѣла правленія, но даже не позволяла ей занимать мѣста, ей приличнаго, какъ матери царя.

Обиженная Наталья Кириловна удалялась отъ двора и съ сыномъ своимъ большую часть года проводила въ селѣ Преображенскомъ. Тутъ она грустила, тосковала, постоянно опасалась за жизнь своего сына и стерегла его, какъ орлица своего еще неоперившагося птенца.

Петръ, какъ мальчикъ не по лѣтамъ умный, видѣлъ и понималъ, что вокругъ него дѣлается; внутри его горѣла жажда дѣятельности; ему хотѣлось бы все видѣть, все знать, а между тѣмъ видѣть было нечего, учиться не у кого. Зотова уже давно не было при немъ и вмѣстѣ съ нимъ всякое ученіе прекратилось. Молодой, двѣнадцатилѣтній царь послѣ стрѣлецкихъ смуть скучалъ въ уединенномъ селѣ Преображенскомъ.

Онъ большую часть своего времени проводилъ на дворѣ съ одноклѣтними съ нимъ товарищами, которыхъ называли Потѣшными. Но Петръ не ходилъ на остальныхъ дѣтей; у него и самыя игры и забавы принимали другой, дѣловой характеръ. Онъ своихъ потѣшныхъ одѣлъ по-нѣмецки, потому что отъ находившихся близъ

него иностранцевъ и изъ картинъ (кунштовъ), съ которыми познакомилъ его еще Зотовъ, онъ зналъ о составѣ и костюмѣ иностранныхъ войскъ.

Чтобы не отнимать бодрости у своихъ товарищей, чтобы на дѣлѣ испытать всю трудность солдатской жизни, онъ самъ записался сначала барабанщикомъ, потомъ рядовымъ солдатомъ въ роту Потѣшныхъ.

Напрасно царица Наталья Кириловна хотѣла отвортить его отъ этого, но царь жилъ вмѣстѣ съ своими Потѣшными, ѣлъ съ ними одну и ту же пищу, одѣвался, какъ они; однимъ словомъ не имѣлъ никакихъ преимуществъ передъ своими товарищами.

Онъ самъ чистилъ свою аммуницію, платье, оружіе, ходилъ въ караулъ и стоялъ на часахъ; а въ свободное отъ ученій и карауловъ время, занимался столярнымъ мастерствомъ; самъ сдѣлалъ для себя тачку, въ которой возилъ песокъ, землю и камни, при постройкѣ земляныхъ укрѣпленій и валовъ.

Въ 1687 году царь Петръ познакомился съ женеvскимъ уроженцемъ Лефортомъ, офицеромъ Бутырскаго солдатскаго полка; приблизилъ его къ себѣ, часто разговаривалъ съ нимъ, сдѣлалъ его начальникомъ своей потѣшной роты и требовалъ, чтобы онъ обучалъ Потѣшныхъ правильному строю и движеніямъ, уже принятымъ въ иностранныхъ полкахъ.

Лефортъ обрадовался этому назначенію и съ жаромъ занялся обученіемъ и обмундированіемъ Потѣшныхъ: ввелъ между дѣтми строгую военную дисциплину. Петръ очень часто сдерживалъ свой пылкій характеръ, когда того требовала дисциплина и это для него было труднѣе, чѣмъ спать и жить въ палаткѣ, копать землю лопатой, таскать камни и тяжести, или стоять въ караулѣ.

Молодой царь со всею пылкостью своею характера привязался къ военнымъ занятіямъ и къ своему учителю Лефорту; особенно полюбилъ онъ его за то, что онъ во время неудовольствій съ царевной Софіей одинъ изъ первыхъ перешелъ на его сторону и пріѣхалъ къ нему въ Троицко-Сергіевскую Лавру.

Приближеннымъ къ Петру и Натальѣ Кириловнѣ боярамъ не нравились забавы царя; они очень часто говаривали царицѣ, какъ неприлично для молодаго царя дни и ночи проводить не въ покояхъ, а на дворѣ съ боярскими и простыми дѣтми; бояре не разъ

замѣчали, что онъ не научится управлять царствомъ, ежели будетъ проводить время въ однѣхъ потѣхахъ; не лучше ли ему присутствовать въ царской думѣ, или разговаривать только съ государственными людьми; если же забавляться, то лучше искать забавы приличной царю.

Наталя Кириловна по совѣту бояръ и вмѣстѣ съ ними старалась отклонить своего сына отъ любимыхъ его военныхъ занятій съ Потѣшными, но это ей не удалось; тогда бояре вздумали черезъ патріарха достигнуть этого. Патріархъ нарочно пріѣхалъ въ Преображенское и представлялъ Петру, какъ вредно для его здоровья такъ работать, какъ простой работникъ; совѣтовалъ ему раздѣлять день: назначить извѣстное время на упражненія воснныя, нѣкоторую часть дня отдыхать, а остальную веселиться.

— Я знаю, продолжалъ патріархъ, что занятія твои полезны, но твое здоровье для насъ всего дороже. Я пришелъ умолять тебя отъ имени всего народа, всѣхъ подданныхъ твоихъ, не изнурять себя бесполезными и слишкомъ тяжелыми работами.

Царь очень терпѣливо выслушалъ патріарха и отвѣчалъ ему: — Ктонибудь лишнее наговорилъ тебѣ, святой отецъ, о моихъ трудахъ.

Патріархъ признался, что бояре заботятся о его здоровьи и неоднократно при немъ сожалѣли о томъ, что онъ изнуряетъ себя.

На это Петръ отвѣчалъ: «Неразумное усердіе ослѣпляетъ бояръ; они не знаютъ, какъ европейскіе государи воспитываютъ своихъ дѣтей; тѣ съ самаго ранняго дѣтства учатся, не имѣютъ ни отдыха, ни покоя; ихъ держатъ строго, ни въ чемъ не даютъ имъ воли. Мои же всѣ занятія доставляютъ мнѣ удовольствіе и не только не ослабляютъ, а еще укрѣпляютъ меня. Къ тому же, прибавилъ онъ глубоко вздыхая: «Много времени проходитъ у меня, владыко, въ пустыхъ забавахъ, отъ которыхъ никто меня, однакожь, не отвлекаетъ!»

Послѣ этой неудачной попытки бояре не смѣли больше говорить прямо, и старались различными забавами отвлечь его отъ потѣшныхъ и простонародныхъ занятій съ ними; но это было столько-же неудачно, какъ другія попытки.

ГЛАВА X.

Дальнѣйшее ученіе Петра. Тиммерманъ. Замыслы царевны Софіи. Воть и Еаштенъ Брантъ. Постройка вораблей на Переяславскомъ озерѣ. Дѣло Шаяловитаго и паденіе Софіи.

Петръ пріѣзжалъ изъ Преображенскаго въ Москву только по большимъ праздникамъ; такъ въ 1684 году онъ въ день Преполовенія пріѣхалъ, ходилъ вмѣстѣ съ братомъ въ Успенскій соборъ къ литургіи, а оттуда съ крестнымъ ходомъ по кремлевскимъ стѣнамъ. Въ этотъ день молодые цари обѣдали вмѣстѣ съ патриархомъ; во время обѣда Петръ съ любопытствомъ разспрашивалъ владыку, но какому поводу установленъ этотъ крестный ходъ; потомъ перешелъ къ другимъ церковнымъ установленіямъ и обрядамъ и обо всемъ разспрашивалъ съ большимъ любопытствомъ.

Послѣ обѣда Петръ съ боярами отправился на пушечный дворъ и велѣлъ при себѣ стрѣлять изъ пушекъ въ цѣль и бросать бомбы. Бояре всѣми силами старались не допускать Петра близко къ пушкамъ, говорили, что это опасно, что пушку можетъ разорвать.

— А для пушкарей развѣ не опасно? спросилъ Петръ.

— И для нихъ опасно, отвѣчали бояре.

— Но, посмотрите, они по нѣскольку разъ стрѣляютъ въ недѣлю и случаевъ не бываетъ! Съ этими словами онъ подошелъ къ самымъ пушкамъ, взялъ фитиль изъ рукъ одного артиллериста, приложилъ къ затравкѣ и выстрѣлилъ изъ одной пушки. За первымъ опытомъ послѣдовалъ второй и т. д. царь нѣсколько времени забавлялся стрѣльбою изъ пушекъ.

Однажды Петръ долго разговаривалъ съ княземъ Яковомъ Дол-

горукимъ и князь въ разговорѣ сказалъ, что у него былъ славный инструментъ, да, жаль, утратилъ, а то онъ непременно подарилъ бы его царю.

— Какой же это былъ инструментъ? спросилъ царь.

— Имъ можно было дѣлать измѣренія, не сходя съ мѣста.

— Вотъ бы хорошо имѣть такой инструментъ, воскликнулъ царь; мнѣ непременно надобно его достать.

Послѣ этого князя Долгорукаго назначили посломъ во Францію. Когда онъ пришелъ проститься съ царемъ, Петръ далъ ему приказаніе купить въ Парижѣ и привезти оттуда съ собою инструментъ, о которомъ говорилъ.

По возвращеніи изъ Парижа, Долгорукой поднесъ молодому четырнадцатилѣтнему Петру астролябію.

— Покажи мнѣ, какъ употреблять инструментъ, воскликнулъ Петръ.

— Этого я не знаю, я только купилъ его.

Царю было досадно, какъ можно взять въ руки инструментъ и не умѣть употреблять его? Принялся Петръ разспрашивать придворныхъ, не умѣетъ-ли кто обходиться съ астролябіей, но никто не нашелся; наконецъ ему пришла мысль послать за нѣмцемъ-докторомъ и спросить его. Пришелъ докторъ, но также не зналъ употребленія астролябіи. «Не знаешь-ли ты досужаго человѣка?» спросилъ онъ доктора. Тотъ задумался и наконецъ отвѣчалъ, что кажется знаетъ такого человѣка, голландца Франца Тиммермана. Его немедленно призвали ко двору; оказалось, что это человѣкъ знающій. Царь началъ у него учиться математикѣ, фортификаціи и артиллеріи.

Тиммерманъ сдѣлался неразлучнымъ товарищемъ-учителемъ Петра; но занятія не ограничивались класснымъ, комнатнымъ преподаваніемъ; свѣтлыя огненные способности Петра все схватывали на-лету и немедленно усваивали узнанное; это можно видѣть по его сохранившимся до сихъ поръ тетрадамъ; на каждое арифметическое правило есть только одинъ примѣръ съ повѣркою. Геометрическія теоремы также скоро идутъ, а по чертежамъ видно, что каждая изъ нихъ находила примѣненіе въ дѣйствительности,—можно сказать, что Петръ не учился, а все какъ бы припоминалъ только уже давно извѣстныя ему вещи.

Самыя забавы его съ потѣшными приняты въ это время еще болѣе серьезный характеръ. Петру мало было тѣхъ потѣшныхъ, какіе у него

были подъ руками, и онъ объявилъ, что въ число ихъ принимаетъ охотниковъ всѣхъ званій. На призывъ его первый явился двадцатипятилѣтній сильный, здоровенный конюхъ Сергій Бухвостовъ. Государь съ радостью принялъ его и собственноручно вписалъ его имя въ списокъ, и съ тѣхъ поръ онъ числится первымъ солдатомъ Преображенскаго полка. Примѣру Бухвостова послѣдовали другіе, и въ 1687 году къ пятнадцатилѣтнему Петру явилось столько охотниковъ поступать въ Потѣшные, что сформировались два полка въ двухъ смежныхъ селахъ Преображенскомъ и Семеновскомъ. Въ Потѣшные преимущественно поступали изъ Конюшеннаго вѣдомства, но также и изъ другихъ; между охотниками были также много дворянъ и боярскихъ дѣтей; между ними были князь Голицынъ и Бутурлинъ; оба по молодости опредѣлены были барабанщиками, потому что солдатская служба была для нихъ слишкомъ трудна.

Около этого времени, подъ руководствомъ Тиммермана, на берегу Яузы, самимъ Петромъ и Потѣшными была построена крѣпость, которую Петръ назвалъ Пресбургомъ. Это первое иностранное названіе, употребленное Петромъ, показываетъ, что Петръ уже выучился голландскому языку, и особенно полюбилъ иностранцевъ, отъ которыхъ уже кое чему понаучился. Свою крѣпость Петръ вооружилъ пушками, а изъ конюшеннаго двора забралъ сбрую и лошадей подъ свою артиллерію; изъ солдатскаго Бутырскаго полка забралъ въ потѣшные всѣхъ барабанщиковъ и флейтчиковъ; часть стрѣleckаго Сухарева полка тоже присоединилъ къ своимъ Потѣшнымъ. Пушечная и ружейная пальба ежедневно раздавались съ крѣпостныхъ валовъ, а ученіе производилось съ утра до вечера.

Молодой царь тѣшилъ, но царевнѣ Софіи эти потѣхи не нравились; она не на шутку призадумывалась. Молодой царь, правда, не вмѣшивался въ государственныя дѣла; онъ предоставлялъ ей заключать съ Польшей миръ и начинать войну съ Крымомъ, но рано, или поздно этому пылкому молодому человѣку надоѣстъ строить крѣпостцы, нападать на нихъ съ своими Потѣшными и защищать или брать ихъ для упражненія; придетъ пора, когда ему вздумается взять въ свои сильныя руки всѣ дѣла государственныя и тогда ей, поневолѣ, придется жить въ затворничествѣ, какъ жили царевны до нея, или и совсѣмъ идти въ монастырь.

Мысли эти часто приходили царевнѣ; она не могла примириться

съ ними и только думала о томъ, какъ бы удержать въ своихъ рукахъ верховную власть. Никакое средство для этого не казалось ей предосудительнымъ; она уже столько достигла, неужели ей теперь ото всего отказаться? Она ни передъ кѣмъ не осмѣливалась открыть своей души, самые приближенные ея люди, князь Голицынъ и Шакловитый, начальникъ стрѣлецкій, только вполовину знали, чего царевнѣ хочется.

Мысль о томъ, чтобы сдѣлаться русскою царицей вмѣстѣ ли съ братьями, или одной не давала ей покою. Чтобы приучить къ этому народъ заранѣе, она позволила съ себя сдѣлать портретъ въ полномъ царскомъ облаченіи съ короною и прочими царскими регалиями. Портреты эти распространяли въ Москвѣ; нѣсколько экземпляровъ было отправлено за границу. Портреты были вырѣзаны на металлическихъ доскахъ: царевна была представлена въ коронѣ, со скипетромъ и державою въ рукахъ съ надписью, въ которой исчислялся весь царскій титулъ. Когда доски были готовы, съ нихъ печатали оттиски на атласѣ, на тафтѣ, на бумажной ткани и на бумагѣ; ихъ раздавали придворнымъ и преданнымъ царевнѣ людямъ. Одинъ изъ оттисковъ отослали въ Голландію, къ амстердамскому бургомистру Витсену, съ просьбою перевести надписи на латинскій языкъ, сдѣлать снимокъ съ портрета и написать его съ латинскою надписью, чтобы, какъ писалъ Шакловитый, государынѣ московской за моремъ была такая же слава, какъ и въ московскомъ государствѣ. Желаніе царевны исполнилось; въ Амстердамѣ сдѣлали копію съ портрета, латинскую надпись и въ Россію прислали болѣе ста отпечатанныхъ въ Голландіи экземпляровъ.

Софія при своей вѣчной тревогѣ, какъ бы не лишиться власти, готова была прибѣгать даже къ чарамъ и волхвованію; при всемъ умѣ своемъ она вѣрила гаданіямъ. Она приблизила къ себѣ монаха Сильвестра Медвѣдева, совѣтовалась съ нимъ, заставляла его гадать по звѣздамъ о томъ, что ожидаетъ царевну; Медвѣдевъ занимался астрологіей и самъ вѣрилъ въ свое гаданіе—по теченію и стоянію звѣздъ. Въ кельѣ у Медвѣдева поселился мнимый чародѣй и волхвъ, который то лечилъ больные глаза царя Іоанна Алексѣевича, то смотрѣлъ въ солнце и предсказывалъ будущее; ему вѣрили и Медвѣдевъ, и царевна, и любимецъ ея, князь Голицынъ.

Петръ не зналъ, до какой степени кипѣла на него злоба въ

сердцѣ царевны, какія рѣчи говорились объ немъ въ Кремлѣ, но онъ видѣлъ къ чему ведутъ всѣ поступки сестры; онъ не одобрялъ, что она наравнѣ съ царями принимаетъ пословъ, что, нарушая всѣ заведенныя правила, наравнѣ съ царями является народу, что она не отъ царскаго, а отъ своего имени даетъ указы и требуетъ, чтобы ей отдавали такія же почести, какія отдаются царямъ.

Такъ въ крестный ходъ изъ Кремля въ Казанскій соборъ вспыхнула первая ссора между Петромъ и Софіею. Во время обѣдни Софія была въ Успенскомъ соборѣ наравнѣ съ обоими царями; когда готовились къ крестному ходу, Петръ подошелъ къ Софіи и сказалъ ей, чтобы она не ходила въ крестномъ ходу. Но она, ничего не отвѣчая, взяла только что подновленную икону Божіей Матери и сама понесла ее. Петръ вспыхнулъ, отвернулся, вышелъ въ другія двери и уѣхалъ изъ Москвы. Софія видѣла, что Петръ ужъ не ребенокъ и что онъ готовъ вырвать у нея изъ рукъ правленіе; и она рѣшилась, ежели нужно, силою оружія удержать его. Шакловитый готовъ былъ помогать ей.

Онъ часто являлся въ стрѣлецкихъ слободахъ, жаловался на притѣсненія со стороны Льва Нарышкина и Бориса Голицына, самыхъ приближенныхъ къ Петру бояръ. Говорилъ, что потѣшные конюхи только и думаютъ о томъ, какъ бы извести Надворную пѣхоту, отнять все правленіе у царевны, а царя Іоанна совсѣмъ лишитъ царства. Стрѣльцы слушали, охуждали Нарышкина, Наталью Кириловну, Голицына и даже Петра, но ничего не предпринимали и оставались холодны. Шакловитый призывалъ ихъ къ царевнѣ; она выходила къ нимъ, поила водкой и говорила тоже о грозящей ей бѣдѣ, о притѣсненіяхъ, но невысказывала прямо, чего хочетъ; стрѣльцы также неопредѣленно отвѣчали ей: «Мы готовы тебѣ служить, готовы за тебя и государей положить головы, прикажи только, что намъ дѣлать и увидишь, какъ мы готовы тебѣ служить».

Петръ между тѣмъ занимался съ Тиммерманомъ, учился, и съ каждымъ днемъ приобрѣталъ новыя знанія. Въ это время онъ поѣхалъ въ село Измайлово и по обыкновенію своему началъ повсюду ходить, все осматривать; съ нимъ былъ его неразлучный спутникъ и учитель; при всякомъ новомъ предметѣ онъ осыпалъ его вопросами. Въ Измайловѣ онъ приказалъ себѣ отпереть одинъ старый амбаръ, гдѣ лежали старыя негодныя вещи, принадлежавшія его

двоюродному дядѣ Никитѣ Ивановичу Романову. Тутъ между всякимъ ненужнымъ хламомъ Петру бросилась въ глаза лодка, совсѣмъ незнакомаго ему устройства. Царь тотчасъ обратился къ Тиммерману съ вопросомъ: что это за лодка?

— Это англійскій боть.

— Гдѣ его употребляютъ?

— При большихъ корабляхъ, для ѣзды и возки.

— Чѣмъ такой боть лучше нашихъ?

— Тѣмъ, что ходитъ на парусахъ не только по вѣтру, но и противъ вѣтра.

— Какъ, противъ вѣтра? Это быть не можетъ! Только тогда повѣрю, когда самъ увижу. Нѣтъ ли въ Москвѣ такого человѣка который сдумалъ бы починить боть и показать мнѣ его употребленіе.

— Такой человѣкъ есть въ Москвѣ, только не знаю, гдѣ онъ, его надобно отыскать.

— Отыщи немедленно и призови ко мнѣ.

Тиммерманъ въ нѣмецкой слободѣ отыскалъ голландца Карштень-Бранта, корабельнаго мастера. Его изъ Голландіи вызвали при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, чтобы строить корабли; но сначала дѣло шло медленно, потомъ совсѣмъ остановилось, и онъ теперь жилъ въ Москвѣ безъ дѣла. По приказанію Петра онъ починилъ боть, сдѣлалъ мачту, придѣлалъ парусъ, спустилъ боть на Язу и началъ лавировать.

Петръ съ жаромъ предался новому удовольствію; ѣздилъ съ Брантомъ, очень скоро понялъ, какъ управлять парусами, и наслаждался, когда могъ идти, почти противъ вѣтра; но боть не всегда слушался руля, и очень часто упирался то въ тотъ, то въ другой берегъ. Петръ спросилъ Бранта, отчего боть не слушается и носомъ упирается въ берегъ.

— Оттого отвѣчалъ Брантъ, что въ Яузѣ воды мало, узка!

Боть тотчасъ перевезли на Просяной прудъ, но и тутъ было тѣсно; негдѣ было плавать, а охота къ водѣ съ каждымъ днемъ усиливалась.

Самъ Петръ признается, что не одно только удовольствіе ѣздить безъ веселья, по водѣ заставляло его полюбить плаваніе; онъ думалъ о томъ, какія выгоды могли быть для Россіи, ежели торговля про-

изводилась-бы водою и какъ хорошо было-бы, имѣть море и большіе корабли.

Любовь къ мореплаванію у Петра возрастала со дня на день; онъ спрашивалъ у своихъ приближенныхъ, нѣтъ-ли гдѣ по близости большаго озера?

Ему отвѣчали, что больше Переяславскаго нѣтъ, и оно отъ Москвы отстоитъ на 120 верстъ.

Петръ былъ въ большомъ затрудненіи, не зналъ, какъ ему туда ѣхать; прямо сказать Натальѣ Кириловнѣ, куда его влечетъ, нельзя было; она никогда не согласилась бы отпустить его. Петръ наконецъ придумалъ; онъ объявилъ матери, что ему хочется ѣхать на богомолье къ Троицѣ; она согласилась, а Петръ, пробывши нѣсколько въ Лаврѣ отправился дальше, къ Переяславскому озеру. Видъ большаго, красиваго озера прельстилъ Петра; тутъ есть, гдѣ боту расходиться; здѣсь ему довольно простора.

Петръ возвратился въ село Преображенское; онъ съ жаромъ рассказывалъ матери о видѣнномъ озерѣ и тутъ же приступилъ къ ней съ просьбами, позволить ему новую потѣху: строить съ мастеромъ Брантомъ корабли на Переяславскомъ озерѣ. Наталья Кириловна дала свое согласіе и молодой царь съ пыломъ принялся за свою новую потѣху. Вмѣстѣ съ Брантомъ онъ отправился въ Переяславль и до тѣхъ поръ не переставалъ хлопотать, пока не добылъ годнаго лѣса и не заложилъ начало тремъ лодкамъ и одному большому кораблю. При этомъ Петръ самъ не оставался безъ дѣла; рука его наловчилась; онъ уже очень порядочно владѣлъ топоромъ и пилой.

Царица не противилась этой новой потѣхѣ, но только и думала о томъ, какъ бы привязать Петра къ дому, какъ бы отвлечь его отъ его опасныхъ потѣхъ и отъ буйныхъ пирушекъ, въ которыхъ онъ участвовалъ и къ которымъ привлекали его немало ближніе его бояре Борисъ Голицынъ и Андрей Матвѣевъ. Оба они были люди, по тогдашнему, образованные: Андрей Артамоновичъ хорошо зналъ древніе языки, говорилъ свободно по латынѣ, много читалъ не только на латинскомъ и русскомъ, но и на новѣйшихъ европейскихъ языкахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ любилъ пиры и забавы, и нерѣдко выпивалъ лишнее.

При книжной образованности, онъ все-таки сохранилъ много

грубыхъ привычекъ. Такъ однажды онъ вмѣстѣ съ Голицынымъ назвался на обѣдъ къ одному изъ бывшихъ въ Москвѣ иностранцевъ; привелъ съ собою еще нѣсколькихъ постороннихъ, хозяину вовсе незнакомыхъ гостей; всѣ ѣли и пили больше, чѣмъ слѣдовало; когда Матвѣеву, или Голицыну какое либо кушанье особенно нравилось, они безъ дальнихъ церемоній брали цѣлое блюдо и съ своими челядинцами отсылали его домой, своимъ женамъ; по окончаніи обѣда, они сгребли съ блюда всѣ конфеты и унесли ихъ съ собою. Таковы были тогдашніе неразвитые собесѣдники Петра; не удивительно, что они увлекали его съ собою въ пиры и онъ, по своей огненной природѣ, удовольствіямъ предавался съ такимъ-же жаромъ, съ какимъ отдавался труду и военнымъ играмъ.

Царица Наталья Кириловна все это видѣла и придумала женить молодого царя, надѣясь этимъ способомъ остепенить его. Петру не было еще 19 лѣтъ, когда его обвѣнчали съ Евдокіей Лопухиной. Но новыя семейныя обязанности не привязали Петра къ Москвѣ; не прошло четырехъ мѣсяцевъ послѣ бракосочетанія, какъ онъ покинулъ Преображенское и поспѣшилъ къ Переяславлю, къ постройкѣ начатыхъ судовъ.

Тутъ работалъ онъ, наравнѣ съ простыми плотниками, не жалея ни рукъ, ни силъ своихъ. Когда же царица писала ему, отчего онъ не ѣдетъ назадъ въ Москву, онъ отвѣчалъ, что времени нѣтъ, надобно оснастить корабли, но для этого у него не достаетъ канатовъ и парусовъ, и просилъ поскорѣе выслать то и другое изъ Пушкарскаго приказа; чтобы поторопить исполненіемъ своего желанія, Петръ, между прочимъ, пишетъ, что отъ присылки канатовъ зависитъ его возвращеніе. Если ихъ долго не будутъ высылать, то и онъ не скоро пріѣдетъ.

Время шло; борьба за власть между Натальей Кириловной и царевной со дня на день становилась упорнѣе; царица видѣла, къ чему клонятся желанія царевны Софіи и потому опасалась за своего сына и всѣми силами старалась слѣдить за тѣмъ, чтобы Софія не сдѣлала какого либо рѣшительнаго шага.

Стрѣльцы оставались спокойны; напрасно Шакловитый жаловался имъ, что потѣшные конюхи готовы придти въ Москву изводить царевну; что отъ нихъ уже приходили подосланные люди въ Кремлевскій дворецъ высматривать, какъ бы удалить царя Иоанна Але-

всѣевича и царевну Софію и при этомъ истребить всѣ стрѣлцкіе полки, потому что, какъ скоро не будетъ защитницы стрѣльцовъ, ихъ изведутъ непремѣнно.

— Что же дѣлать? спрашивали стрѣльцы.

— Надобно писать челобитную, въ которой просить царевну вѣнчаться на царство.

— Стрѣльцы замялись и уклончиво отвѣчали: мы челобитной писать не умѣемъ.

— Челобитную вамъ напишутъ, какъ подобаетъ, отвѣчалъ Шакловитый.

— Но кому намъ подать ее?

— Извѣстно кому, царямъ.

Но стрѣльцы понимали, что изъ царей у одного Петра только и есть голосъ; поэтому они отвѣчали: «Послушаетъ-ли насъ царь, Петръ Алексѣевичъ?»

— Если не захочетъ принять вашей просьбы, отвѣчалъ Шакловитый; то схватите бояръ Льва Кириловича Нарышкина и Бориса Алексѣевича Голицына, задержите ихъ подъ карауломъ, тогда царь приметъ отъ васъ челобитную и сдѣлаетъ по ней.

— А что скажутъ патріархъ и бояре? продолжали допрашивать стрѣльцы.

— Патріарха можно перемѣнить, а бояре все равно, что старое вымерзшее дерево, ни на что не годное! Изъ нихъ только и есть одинъ хорошій—Василій Васильевичъ Голицынъ.

Стрѣльцы задумались; имъ не хотѣлось бунтовать, налагать руку на патріарха и на ближнихъ къ Петру бояръ. Чтобы оживить преданность стрѣльцовъ, отъ имени царевны имъ выдали по пяти рублей на человѣка, съ наказомъ поговорить въ полкахъ, но и здѣсь тоже стрѣльцы оставались холодными.

Однажды царевна ночью призвала къ себѣ стрѣлцкихъ выборныхъ и жаловалась имъ на хитрые козни Натальи Кириловны, которая съ братьями и Голицыномъ поднимаютъ бунтъ и готовятся съ потѣшными конюхами напасть на Кремль, и, хуже всего, что патріархъ держитъ руку бунтовщиковъ и не только не уговариваетъ не мирить недовольныхъ, но самъ еще пуще мутитъ. Софья притворялась испуганной, Шакловитый успокоивалъ ее, давалъ ей совѣты, но въ рѣчахъ своихъ указывалъ стрѣльцамъ, что имъ слѣ-

дуетъ дѣлать, чтобы успокоить царевну: «Отчего бы князя Бориса и Льва Нарышкина не *принять* т. е. не убить, говорилъ онъ; да и царицу нечего жалѣть: одинъ конецъ; у нея незнатный родъ, сама государыня знаетъ, какъ она въ Смоленскѣ въ лаптяхъ ходила, а теперь величается и царствомъ мутить!»

Софья съ притворною кротостію отвѣчала на слова Шаклови-таго: «Жаль мнѣ ихъ, и безъ того ихъ Богъ убилъ.»

Такихъ неопредѣленныхъ выраженій стрѣльцы не понимали и потому также неопредѣленно отвѣчали: «Воля твоя, государыня, что хочешь, то и дѣлай!»

Шакловитый видѣлъ, что стрѣльцы не разгораются, что они холодно выслушиваютъ жалобы; въ ихъ рядахъ нашлось только пять отважныхъ, на все готовыхъ человекъ: Петровъ, Стрижевъ, Кондратьевъ, Чермный и Гладкій. Они въ слободахъ открыто толковали о томъ, что старую царицу, *медвѣдицу* слѣдуетъ уходить, а ежели надобно, то и *медвѣженка*; Петру нечего спускать! къ тому же онъ не сидитъ руки сложа: у царя Іоанна Алексѣевича двери завалили камнями и полѣньями, его царскій вѣнецъ изломанъ, и т. п. рѣчи.

Но и это не помогало, стрѣльцы чего-то боязливо ждали; имъ не хотѣлось вмѣшиваться не въ свое дѣло. Тогда придумали новое средство, чтобы озлобить ихъ. Одинъ приближенный къ царевнѣ подъячій, Матвѣй Шошинъ, нарядился въ бѣлый атласный кафтанъ, шитый золотомъ, надѣлъ боярскую соболю шапку, сѣлъ на бойкаго коня и, вмѣстѣ съ нѣсколькими стрѣлецкими старшинами, поскакалъ въ Земляной городъ; они напали на караульныхъ стрѣльцовъ, стоявшихъ у Мясницкихъ и Покровскихъ воротъ, били ихъ обухами, чеканами и кистенями до полусмерти, приговаривая: «Постойте, вотъ вамъ плата за смерть моихъ братьевъ; погодите, не то еще вамъ будетъ!»

Но изъ толпы слышался голосъ: «Левъ Кириловичъ, полно его бить, вѣдь душа христіанская, помилуй его! Посмотри, онъ въ крови и такъ умереть!» Искалечивъ караулы, буйная толпа неслась дальше и опять принималась за то же. На другой день изувѣченные собрались въ стрѣлецкій приказъ; и жаловались на неизвѣстнаго мучителя. Шакловитый самъ осматривалъ раны, прикасался къ переломаннымъ костямъ, показывалъ отрубленные пальцы и ки-

сти рукъ постороннимъ, давалъ лекарство, перевязывалъ раны и съ притворнымъ сожалѣніемъ говорилъ: «Это еще что, это цвѣтики, а ягоды впереди; будутъ и васъ таскать за ноги!» этимъ онъ намекалъ на то, какъ въ первый бунтъ стрѣльцы за ноги волочили убитыхъ бояръ.

И эти жестокія мѣры оставались безъ послѣдствій; Гладкій не переставалъ у съѣзжихъ избъ волновать стрѣльцовъ, рассказывалъ имъ всякія небывальщины, говорилъ: Петръ съ своими потѣшными то и дѣло, что пируетъ; у него съ утра до вечера, только и слышится, какъ играютъ на органахъ и скрипкахъ! То-ли дѣло, наша царевна? Она все Богу молится, все душеспасительнымъ дѣломъ занимается.

Стрѣльцы выслушивали обвиненія, находили ихъ справедливыми, между собою толковали объ этомъ, но на этомъ и оканчивался ихъ ропоть.

Новое неудовольствіе возникло между Петромъ и Софіей; послѣ неуспѣшнаго похода въ Крымъ, Софія хотѣла осыпать наградами своего любимца Василя Васильевича Голицына, но Петръ наотрѣзъ отказался подписать представленія къ наградамъ. Царевна, царица и всѣ приближенные долго уговаривали молодого царя уступить, и онъ наконецъ согласился подписать указъ о наградахъ, но не принялъ ни Голицына, ни остальныхъ генераловъ, когда они явились, чтобы благодарить царя за полученныя награды. Царевна опять прибѣгла къ стрѣльцамъ и говорила: «Что царица снова замышляетъ бѣду; если мы съ братомъ Иоанномъ вамъ любы, говорила царевна, то стойте за насъ, а если вы нами недовольны, то мы готовы оставить государство!»

Стрѣльцы отвѣчали, что любятъ царя и царевну и будутъ исполнять ея волю; она ихъ отпустила съ приказаніемъ, ждать повѣстки. Большинство стрѣльцовъ было, однакожь, инаго мнѣнія; они открыто говорили: «Повѣстокъ никакихъ намъ не надобно; если же кому изъ царскаго дома грозитъ бѣда, то пусть все идетъ законнымъ порядкомъ; пусть дьякъ по суду намъ укажетъ кого брать и кого порѣшить, мы тогда и пойдемъ; а безъ указа ничего дѣлать не будемъ, сколько бы ни били въ набатъ, пусть лучше дѣлаютъ розыскъ!»

Около этого времени до Петра дошли слухи о томъ, что Ша-

кловитый мутить народъ и стрѣльцовъ и что больше всего ему помогаетъ Стрижевъ. Петръ потребовалъ Стрижева къ себѣ въ Преображенское, но тотъ не поѣхалъ; тогда Петръ приказалъ привести его силою, и это не удалось: Шакловитый не выдалъ его. Послѣ этого Петръ приказалъ арестовать самаго Шакловитаго, когда онъ пріѣхалъ въ Измайлово; но не долго продержалъ подъ карауломъ и выпустилъ снова.

Софія изъ этого видѣла, что Петръ начинаетъ власть прибирать къ рукамъ и что вскорѣ начнетъ дѣйствовать рѣшительнѣе; она видѣла, что не долго ей остается царствовать, ежели она навсегда не вырветъ царскаго вѣнца изъ рукъ брата. Чтобы пріобрѣсть еще большую преданность стрѣльцовъ, она часто призывала къ себѣ сотенныхъ, толковала съ ними и раздавала имъ по 25 рублей на человѣка.

7 августа 1669 года царевна объявила, что намѣрена на богомолье идти пѣшкомъ въ Донской монастырь, а для безопасности приказала Шакловитому нарядить ей побольше стрѣльцовъ для охраны, подъ тѣмъ предлогомъ, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ при ея шествіи въ Дѣвичій монастырь, почти въ ея глазахъ убили ея отставнаго конюха. Стрѣльцы собрались въ Кремль. Вдругъ разнеслась вѣсть, что въ хоромахъ *на Верху* нашли подметное письмо; въ немъ извѣщали царевну, что Петръ съ своими потѣшными нечаянно нападетъ на Кремль, ночью на 8 августа, съ тѣмъ, чтобы убить царя Иоанна Алексѣевича и всѣхъ его сестеръ царевенъ.

Поднялась большая тревога, заперли Кремлевскія ворота, къ ночи князь Голицынъ собралъ до тысячи человѣкъ стрѣльцовъ съ заряженными ружьями, съ боевыми патронами и расположилъ ихъ въ разныхъ частяхъ Кремля. Приближенныхъ деньщиковъ своихъ Голицынъ отправилъ въ Преображенское за тѣмъ, чтобы наблюдать; когда Петръ съ своими потѣшными выйдетъ, и куда онъ направится.

Собравшіеся въ Кремлѣ стрѣльцы толковали о томъ, за чѣмъ ихъ собрали въ такомъ количествѣ; одни полагали, чтобы провожать царевну на богомолье въ одинъ изъ монастырей, какъ это и прежде бывало, другіе утверждали, что ихъ собрали за тѣмъ, чтобы *пострацать* въ Преображенскомъ; третьи, что ночью на Кремль нападутъ потѣшныя конюхи; но люди болѣе близкіе къ Шакловитому на ухо говорили своимъ пріятелямъ, что стрѣльцы собраны

для рѣшительнаго нападенія на Преображенское, чтобы разомъ покончить съ строптивымъ родомъ Нарышкиныхъ.

Самые закоренѣлые враги Петра—Гладкій и Черный твердили объ убійствахъ и грабежахъ; они съ наслажденіемъ воображали, какъ будутъ растаскивать патриаршую казну; ежели бы отъ нихъ зависѣло, они, не колеблясь ни минуты, немедленно отправились бы въ Преображенское. Но не всѣ стрѣльцы были такого мнѣнія; среди полковъ, болѣе всего преданныхъ царевнѣ и Шакловитому, были люди, которые не рѣшались поднимать руку на семейство помазанника Божія. Это были стрѣльцы Стремяннаго полка—пятисотенный Елизарьевъ, пятидесятникъ Мелновъ и Ульжовъ, десятники Ладогинъ, Θεоктистовъ, Турка, Троицкій и Капрановъ. Первый изъ нихъ даже пользовался довѣріемъ царевны, часто бывалъ у нея, присутствовалъ при ея выходахъ и постоянно исполнялъ всѣ ея приказанія. Но, когда Шакловитый потребовалъ отъ него убійствъ, когда указалъ на необходимость истребить Нарышкиныхъ, тогда Елизарьевъ, какъ онъ самъ признавался, *вспомнилъ Бога* и условился съ товарищами не выдавать Петра, слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что Шакловитый предпринимаетъ, и при первой серьезной опасности, извѣстить царя и защищать его до послѣдней капли крови. Въ домѣ у Елизарьева собирались стрѣльцы, преданные Петру, въ томъ числѣ деньщики Шакловитаго, а въ конюшнѣ его постоянно стояли осѣдланныя лошади, чтобы, при первой опасности, скакать въ Преображенское.

Вечеромъ 7 августа Елизарьева и товарищей его потребовали къ стѣзжей избѣ Стремяннаго полка. Тамъ Гладкій приказалъ имъ, съ нѣсколькими сотнями вооруженныхъ стрѣльцовъ, идти въ Кремль, да три сотни отправить на Лубянку и ждать тамъ набата. Турку и Троицкаго, Гладкій послалъ въ Преображенское для наблюденія за Петромъ и его потѣшными.

Елизарьевъ отъ себя послалъ Мельнова въ Кремль посмотреть, что тамъ дѣлается; онъ возвратился черезъ короткое время и объявилъ: «Кремль весь наполненъ вооруженными стрѣльцами, всѣ ворота крѣпко заперты; при моихъ глазахъ Гладкій стащилъ съ лошади постельничаго Плещеева, который пріѣхалъ отъ царя; его избили и полуживаго потащили на верхъ къ Шакловитому». «Дѣло начинается!» воскликнулъ Елизарьевъ, и вмѣстѣ съ друзьями пошелъ въ ближайшую церковь, разбудилъ священника, приказалъ ему отво-

рить царскія врата и надъ святымъ евангеліемъ и животворящимъ крестомъ, друзья повѣялись *спасти царя*. Мельновъ и Ладогинъ поскакали въ Преображенское, а остальные остались въ Москвѣ, чтобы наблюдать за Шааповитымъ и, при первомъ движеніи въ Преображенское, напасть на него съ тылу. Часа черезъ полтора, на Лубянку пріѣхалъ Гладкій и, увидѣвъ Елизарьева съ небольшою кучкой преданныхъ Петру стрѣльцовъ, вмѣсто трехъ сотенъ, которыя должны были собраться тутъ, пришелъ въ бѣшенство и громовымъ голосомъ закричалъ. «Отчего вы не ѣдете къ заставамъ? Отчего стрѣльцы не въ сборѣ? Въ Кремль всѣ готовы, а нашего полка нѣтъ никого. Бѣгите въ слободу, скликайте полкъ, да ждите набата, я къ Спасскому колоколу ужъ языкъ привязалъ; когда ударятъ въ набатъ, смотрите на насъ, что вамъ дѣлать и куда идти. Перваго спальника самъ Богъ прислалъ намъ; онъ въ нашихъ рукахъ; вотъ, его сабля!» Съ этими словами Гладкій поспѣшилъ въ Кремль, а за нимъ Елизарьевъ съ товарищами, и не думая исполнять только что полученнаго приказанія.

Мельновъ и Ладогинъ, не передыхая, мчались въ Преображенское и прибыли туда около полуночи; тамъ все было темно; Петръ крѣпко спалъ, утомленный дневными работами. По требованію Мельнова и Ладогина его разбудили; оба бросились передъ царемъ на колѣни и рассказали ему все, что дѣлалось въ Москвѣ, говорили, что Кремль переполненъ стрѣльцами, что они теперь вѣроятно уже идутъ въ Преображенское за тѣмъ, чтобы совершить задуманное злодѣяніе, убить великаго государя и государыню царицу.

Внезапно пробужденный отъ крѣпкаго сна, Петръ испугался и не выслушалъ даже всего разказа; ему показалось, что стрѣльцы уже подступаютъ; онъ вскочилъ съ постели босой, въ одномъ бѣльѣ, выбѣжалъ изъ дворца, бросился въ конюшню, схватилъ первую попавшуюся подъ руку лошадь, вскочилъ на нее и на несѣдланной поскакалъ въ ближайшій лѣсъ. Туда вслѣдъ за нимъ принесли его платье; онъ одѣлся на скоро, лошадь осѣдлали и, не теряя ни минуты, съ величайшею скоростію, поѣхалъ по дорогѣ въ Троицкую Лавру. Въ пять часовъ онъ проскакалъ 60 верстъ и въ 6 часу утра, измученный усталостію и волненіемъ прибылъ въ монастырь. Онъ до того утомился, что его сняли съ лошади; самъ онъ не могъ

сойти; на рукахъ снесли его въ монастырь и положили на постель. Огорченный Петръ не могъ удержать волновавшихъ его чувствъ, онъ залился горькими слезами, рассказалъ настоятелю монастыря о злодѣйскомъ замыслѣ стрѣльцовъ и требовалъ защиты. Архимандритъ Викентій выслушалъ жалобы царя, успокоивалъ его и сидѣлъ подлѣ его постели, пока нервное раздраженіе не окончилось, слезы не прекратились и истомленный царь не заснулъ. Въ ту же ночь, изъ Преображенскаго въ Лавру выѣхала царица Наталья Кириловна, съ дочерью и невѣсткою, супругою Петра, въ сопровожденіи бояръ, царедворцевъ, потѣшныхъ и стрѣльцовъ Сухарева полка.

Царевна не знала о томъ, что дѣлается въ Преображенскомъ. Стрѣльцы ночевали въ Кремлѣ; царевна передъ утромъ пошла въ Китай—городъ, въ церковь Казанской Божіей Матери, долго молилась и послала звать къ себѣ Голицына, но онъ не пришелъ и даже не принялъ посланнаго отъ царевны; въ церкви при Софіи были только Шакловитый и окольникій Нарбековъ; стрѣльцы стояли подъ ружьемъ на площади, Царевна вышла къ нимъ, поблагодарила ихъ за преданность и сказала: «ежели бы мы сегодня ночью не приняли предосторожностей, то на насъ напали бы потѣшные конюхи и всѣхъ насъ передушили!» Приказала распустить стрѣльцовъ по слободамъ и раздать имъ по рублю на человѣка.

Только утромъ узнали въ Москвѣ, что Петръ уѣхалъ изъ Преображенскаго; деньщики сказали Шакловитому: «царя изъ Преображенскаго согнали; ушелъ онъ босой, въ одной сорочкѣ, неизвѣстно куда!»

«Вольно же ему бѣжать, какъ сумасшедшему!» съ притворнымъ равнодушіемъ отвѣчалъ Шакловитый. Приверженцы Софіи пытались выказывать презрѣніе и совершенное равнодушіе къ отъѣзду Петра изъ Преображенскаго. Но Москва глухо волновалась; невольный страхъ, при видѣ начинавшейся междуособной борьбы наполнялъ сердца ужасомъ.

Для злоумышленниковъ Петръ, за крѣпкими стѣнами Лавры, окруженный вѣрнымъ войскомъ, былъ страшенъ: онъ самъ чувствовалъ силу свою и началъ дѣйствовать рѣшительнѣе.

На другой день по пріѣздѣ въ Лавру, Петръ послалъ одного изъ своихъ вельможъ въ Москву спросить у сестры и у брата, что значитъ большое скопленіе вооруженной силы въ Кремлѣ ночью

на 8 августа. Посланному отвѣчали, что собраны были стрѣльцы, какъ охранное войско для царевны, имѣвшей намѣреніе идти ночью въ донской монастырь молиться.

Приближенные царевны видѣли, что вражда между нею и братомъ со дня на день принимаетъ болѣе грозный характеръ; люди дальновидные понимали, что царевнѣ не устоять въ этой борьбѣ противъ дѣятельнаго, сильнаго характеромъ и умомъ молодаго царя и потому многіе начали думать о своей безопасности. Между ними стрѣлецкій полковникъ Цыклеръ первый подалъ примѣръ; онъ тайно просилъ царя вытребовать его къ Троицѣ, говоря, что явно опасается Шакловитаго потому и придти не можетъ. Царь Петръ послалъ въ Москву просить царя Іоанна и царевну Софію выслать къ нему въ Троицкій монастырь полковника Цыклера съ пятьюдесятью стрѣльцами. Долго продолжались переговоры, еще долѣе колебалась царевна, опасаясь, какъ бы не было худо вѣрному и преданному ей человѣку, но наконецъ отпустила Цыклера. Вслѣдъ за нимъ къ Троицѣ отправились преданные Петру стрѣльцы—Елизарьевъ, Ульфовъ, Турка, Капрановъ и Троицкій. Они передъ Петромъ бросились ницъ на землю и, нисколько не защищая себя, ясно и откровенно, со слезами и стонами рассказали, какъ сначала принимали участіе въ бунтѣ Шакловитаго, какъ потомъ одумались и наконецъ, передали все, что знаютъ о замыслахъ своего бывшаго начальника: они говорили, какъ царевна хотѣла вѣнчаться на царство, какъ Шакловитый совѣтовалъ ей и во всемъ помогалъ, какъ онъ рѣшился истребить приверженныхъ Петру бояръ, свергнуть патриарха, умертвить царицу Наталью Кириловну и т. д., они открыли весь заговоръ шагъ за шагомъ, такимъ образомъ всѣ умыслы царевны и ея приближеннаго Шакловитаго стали извѣстны Петру; они объяснили неуспѣхъ замысла тѣмъ, что стрѣльцы колебались и не рѣшались опять начать убійства и возмущенія.

Петръ былъ глубоко потрясенъ и сильно горевалъ при видѣ такой измѣны; но все еще не хотѣлъ приступать къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Въ это время Софія послала боярина Троекурова съ порученіемъ примирить ее съ братомъ; но рѣчи боярина не произвели впечатлѣнія и отвѣтомъ на нихъ было приказаніе, разосланное по всѣмъ стрѣлецкимъ и солдатскимъ полкамъ: «всѣмъ полковникамъ и урядникамъ, съ десятью выборными рядовыми отъ каждаго полка, явиться

къ Троицкой Лаврѣ къ 18 августа, по важному государственному дѣлу; о томъ же было дано знать Софіи и царю Іоанну Алексѣевичу.

Царевна предвидѣла это повелѣніе; она приказала удвоить всѣ караулы, призвала къ себѣ выборныхъ стрѣльцкихъ и въ сильныхъ словахъ говорила имъ объ ихъ обязанностяхъ къ ней и къ старшему царю и окончила тѣмъ, что запретила, подъ опасеніемъ смертной казни, стрѣльцамъ идти въ Троицкій монастырь.

Между стрѣльцами распустили слухъ, что грамота, присланная отъ Петра подложная, что ее не Петръ написалъ, а бояринъ Борисъ Голицынъ и потому ее вовсе не слѣдуетъ исполнять. Къ Троицѣ же Софія отправила дядьку царя Іоанна, князя Прозоровскаго, съ духовникомъ Петра, чтобы примирить Петра съ Софіей; но и эта попытка осталась безуспѣшна. Софія видѣла, что положеніе ея шатко; она рѣшилась ввѣрить свою участь патриарху и, несмотря на свою нелюбовь къ нему и недовѣрчивость, она отправила его въ Троицкую Лавру. Патриархъ обрадовался случаю оставить Москву и вырваться изъ рукъ своихъ враговъ, которые рѣшились погубить его. Онъ остался въ Троицкомъ монастырѣ и для примиренія брата съ сестрой ничего не сдѣлалъ.

Царевна была въ большой тревогѣ; она не знала, на что ей рѣшиться; наконецъ придумала послать довѣренныхъ людей къ Троицѣ, чтобы напугать стрѣльцовъ и заставить ихъ бѣжать отъ Петра; расчетъ былъ такой: ежели стрѣльцы изъ Троицы побѣгутъ въ Москву, то и самъ Петръ сдѣлается стоворчивѣе и будетъ готовъ пріѣхать въ Москву и помириться съ сестрою. Стрѣльцовъ Сухарева полка, а еще пуще, ихъ женъ пугали тѣмъ, что остальные стрѣльцы нападутъ на ихъ дома и истребятъ ихъ и дѣтей, а все имѣніе расхитятъ, ежели мужья не возвратятся въ Москву. Жены побѣжали къ Троицѣ, уговаривали мужей, вопили и плакали, но не поколебали полка и онъ не измѣнилъ Петру. Примѣръ этотъ подѣйствовалъ и на остальныхъ стрѣльцовъ; въ слободахъ начали громко поговаривать о необходимости покориться призыву царскому и послать отборныхъ стрѣльцовъ—вмѣстѣ съ начальниками въ монастырь. Августа 21 пришла новая грамота отъ царя Петра и копіи съ нея были розданы прямо въ полки, а не такъ, какъ въ первый разъ, черезъ стрѣлецкій приказъ; опять повторялось приказаніе

выборнымъ отъ стрѣльцевыхъ и солдатскихъ полковъ явиться къ Троицѣ; въ случаѣ ослушанія, виновные подвергались смертной казни!» Такое грозное повелѣніе встревожило стрѣльцовъ; они тотчасъ снарядились въ путь, какъ приказано было: пошло пять полковниковъ и 500 урядниковъ, со множествомъ рядовыхъ.

Петръ приказалъ ихъ впустить въ монастырь, вмѣстѣ съ матерью и патриархомъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу на нижнюю ступень крыльца, громко объявилъ о зломъ умыслѣ Шакловитаго и приказалъ дьяку прочесть выписку съ допроса, снятаго съ пришедшихъ до того времени стрѣльцовъ. Послѣ чтенія выписки изъ допроса, патриархъ усовѣщевалъ стрѣльцовъ повиниться и откровенно признаться во всемъ, что имъ извѣстно, грозя, въ случаѣ несправедливаго показанія, лишить ихъ архипастырскаго благословенія. Стрѣльцы пали ницъ и завопили, что они ничего о Ѳедькиномъ зломъ умыслѣ не знаютъ, что они всегда готовы служить государямъ, вѣрно своимъ какъ служили прежде, ихъ великимъ предкамъ; пусть только царь Петръ укажетъ воровъ-измѣнниковъ, они за нихъ не постоятъ и всегда готовы ихъ изловить. Но между пришедшими были и такіе, которые не ограничились общими обѣщаніями служить вѣрно, а рассказали, что знали про умыслы Шакловитаго и царевны Софіи, подтвердили все то, что прежде было извѣстно и Шошинъ добровольно признался, какъ, по приказанію Шакловитаго, онъ скакалъ ночью по Москвѣ и, выдавая себя за Льва Нарышкина, съ товарищами мучилъ и билъ стрѣлецкіе караулы, чтобы раздражить стрѣлецкіе полки и заставить ихъ мстить Нарышкинымъ и Петру.

Признанія Шошина и другихъ стрѣльцовъ до того воспламенило всѣ стрѣлецкіе полки, что они готовы были тотчасъ идти на Москву и истребить приверженцевъ Софіи; но Петръ не хотѣлъ кровопролитія, и потому отправилъ только въ Москву по 10 человекъ отъ cadaго полка съ полковникомъ Нечаевымъ; онъ далъ имъ приказаніе арестовать Шакловитаго, и далъ имъ грамоту, въ которой изложены были вины Шакловитаго, съ приказаніемъ предъявить ее въ стрѣлецкій приказъ и требовать содѣйствія всѣхъ, оставшихся въ Москвѣ стрѣльцовъ.

Софіи между тѣмъ каждый день доносили о боярахъ, покинувшихъ Москву, о томъ, что всѣ полковники и урядники ушли; она

видѣла, что всѣ ее покидаютъ, рѣшилась еще разъ попытаться примириться съ братомъ и сама поѣхала къ Троицѣ. Но въ селѣ Воздвиженскомъ, въ томъ самомъ, въ которомъ она за семь лѣтъ тому назадъ казнила Хованскаго, ее встрѣтилъ стольникъ Бутурлинъ и отъ имени Петра объявилъ ей, чтобы она въ монастырь не ходила. Софія вспыхнула и запальчиво воскликнула: «никто мнѣ не указъ, я все-таки пойду!» Но скоро изъ Лавры явился второй царскій посланный, князь Троекуровъ съ объявленіемъ: «ежели она пойдетъ, то съ нею нечестно будетъ поступлено!»

Софія раздраженная выше всякой мѣры, съ сердцемъ, полнымъ мести, возвратилась въ Москву; призвала къ себѣ самыхъ вѣрныхъ, *старыхъ* стрѣльцовъ, ночью вышла къ нимъ и горько жаловалась на нанесенное ей оскорбленіе. «Чуть меня въ Воздвиженскомъ не застрѣлили, на меня наскочили люди съ самопалами и луками; я насилу ушла отъ нихъ. Нарышкины и Лопухины хотятъ извести царя Иоанна и до моей головы добираются. Служите намъ, а къ Троицѣ не уходите. Я вамъ вѣрю, вы насъ не выдадите? Кому же и вѣрить, ежели не вамъ, старымъ! Но, пожалуй, и вы насъ покинете! Цѣлуйте крестъ, что вы насъ не оставите! Верховая дѣвица изъ комнатъ вынесла крестъ и сама царевна приводила стрѣльцовъ къ присягѣ. «Еслижъ теперь вздумаете бѣжать, то самъ животворящій крестъ накажетъ васъ. Какія бы письма вамъ ни приносили, вы ихъ не читайте, а несите къ намъ въ Верхъ!» Она еще много говорила, горько жаловалась, что младшаго брата приближенные съ ума споили, а старшаго притѣсняють; ее же, Софію, называютъ дѣвкою, какъ будто она не сестра царямъ, не дочь Алексѣя Михайловича, а заслугъ ея въ грошъ не ставятъ: хотятъ отрубить голову князю Василью Васильевичу Голицыну за одно только то, что онъ вѣрно служить ей и отечеству; миръ кто заключилъ съ Польшей, ежели не она съ княземъ Голицынымъ и т. д. вычисляла свои заслуги.....

Стрѣльцы клялись въ вѣрности, но это не помѣшало имъ бѣжать при первомъ удобномъ случаѣ. Наступило 1 сентября, день новаго года. Этотъ день былъ грустенъ для царевны и ея приверженцевъ; изъ Троицкаго монастыря пріѣхалъ Нечаевъ съ стрѣльцами. Прямо, по большой дорогѣ добратся до Москвы ему нельзя было, потому что на ней стояли большіе стрѣлецкіе отряды и че-

резъ нихъ пришлось бы пробиваться силою; поэтому Нечаевъ пошелъ обходомъ, по небольшимъ тропинкамъ, полевыми и лѣсными дорогами и пробрался въ столицу. У Краснаго крыльца онъ отдалъ грамоту стрѣльцкому дьяку. Въ грамотѣ высчитывались вины Шакловитаго; въ ней Петръ требовалъ его выдачи Медвѣдева и другихъ сообщниковъ ихъ. Дьякъ понесъ грамоту къ царевнѣ; но прїѣхавшіе съ Нечаевымъ стрѣльцы уже успѣли прочесть копию съ грамоты въ стрѣлецкихъ слободахъ и тѣмъ произвели сильное волненіе. Полки громко говорили: «воля великихъ государей; ихъ дѣло знать, кто правъ, кто виноватъ, а мы за воровъ не стоимъ и ежели съищемъ ихъ, то исполнимъ по указу!» Всѣ жители московскіе ужаснулись; стрѣльцы громко толковали, но рѣшили оставаться спокойными и ждать, чѣмъ кончится дѣло.

Царевна прочитала грамоту и велѣла Нечаева позвать на Верхъ; она была очень сердита и лишь только увидѣла его, закричала: «какъ смѣлъ ты взять на себя такое порученіе?»

— Я не смѣлъ ослушаться воли государя; онъ мнѣ велѣлъ отвезти грамоту, и я исполнилъ приказаніе! Царевна еще болѣе осердилась, взгляды ея грозно сверкнувъ и обращаясь къ окружающимъ она сказала: «взять его и тотчасъ отрубить голову этому дерзкому!» Нечаева вывели, но не нашлось палача; или вѣрнѣе, палача не отыскивали; никто изъ стрѣльцовъ не захотѣлъ быть палачемъ; такимъ образомъ Нечаевъ остался живъ, потому что потомъ царевнѣ не до того было, чтобы возобновить повелѣніе о его казни.

Сообщники Шакловитаго бѣжали; Сильвестръ Медвѣдевъ съ Гладкимъ, Стрижевымъ и Кондратьевымъ нѣсколько времени скрывались подъ Москвою, на боровской дорогѣ у одного разстриженнаго попа, но потомъ одни отправились дальше къ Смоленску, надѣясь добраться до Польши, но другіе—Стрижевъ и Кондратьевъ возвратились въ Москву; надѣясь на покровительство царевны, они тайно пробрались въ Кремль и черезъ истопника просили царевну спрятать ихъ у себя; истопникъ отвѣчалъ: «мнѣ до васъ никакого дѣла нѣтъ, мнѣ надобно подумать о себѣ!» Несмотря на это, скрылъ ихъ въ дворцовой церкви. На другой день онъ провелъ ихъ въ царевнину мыльню и заперъ ихъ въ ней; тутъ они прожили три недѣли, до тѣхъ поръ, пока царевна не удалась изъ Кремля.

Самъ Шакловитый хотѣлъ бѣжать; онъ послалъ подъячачаго стрѣ-

лепчаго приказа, своего двоюроднаго брата, поискать нельзя ли гдѣ нибудь въ лѣсу близъ Москвы въ имѣніи Ляпина построить избу и спря- таться въ ней, пока за него упросять государей. Ляпинъ отвѣчалъ, что лѣсъ у него большой и спрятаться въ немъ можно; сдѣлали всѣ нужныя приготовленія къ бѣгству: у дворцовой лѣстницы стояла осѣдланная лошадь, а подъ Дѣвичьимъ монастыремъ дожидалась его коляска. Но Шакловитый побоялся ѣхать верхомъ, опасаясь, что стрѣльцы, бродившіе по Кремлю и по городу схватятъ его; поэтому онъ и остался въ тѣхъ комнатахъ, въ которыхъ прятался. Князь Голицынъ упалъ духомъ и выѣхалъ въ свой загородный домъ.

Царевна Софія одна не теряла присутствія духа; она вышла къ стрѣльцамъ, пріѣхавшимъ изъ Троицкаго монастыря и сказала: «Для чего вы пріѣхали? Какой указъ привезли? Какъ это вы вѣрите тому, что вамъ въ Троицкомъ монастырѣ прочитали! Тѣ письма составлены ворами; въ нихъ слова правды нѣтъ. Зачто выдавать людей вѣрныхъ и добрыхъ? Ихъ станутъ пытать, они не вытерпятъ мученій и оговорятъ многихъ изъ своей братьи; а вы безъ моего указу изъ Москвы въ Троицкій монастырь не ѣздите; братъ мой и меня къ себѣ въ монастырь не допустилъ; злые люди разсорили меня съ нимъ. Въ Москву же для розыску прислали тѣхъ самыхъ людей, которые оговорили. Все дѣло къ тому клонится, чтобы меня извести. Вотъ, хоть бы выдумали будто Ѳеодоръ Шакловитый какой-то заговоръ дѣлалъ съ злымъ умысломъ противъ моего брата Петра Алексѣевича, а по наущенію тѣхъ же хитрыхъ совѣтниковъ, онъ не допустилъ меня къ себѣ, когда я хотѣла сама все разъяснить, и я должна была возвратиться домой съ позоромъ. Я семь лѣтъ царствомъ правила; дѣла были запутанные, но я ихъ распутала, моими стараніями съ Польшей подписанъ вѣчный миръ; враговъ имени хрестова я смирила оружіемъ, и они въ ужасѣ долго не осмѣлятся поднять головы. Вашу службу я умѣла цѣнить и осыпала васъ милостями. Неужели послѣ всего, что я для васъ сдѣлала вы мнѣ измѣните и повѣрите вымысламъ злыхъ людей, которые только и стараются ссорить и смущать хрестіанъ. Не головы Шаклови- таго ищутъ, а ищутъ моей головы и брата моего Іоанна Алексѣевича.

Послѣ этого царевна приказала стрѣльцамъ дать вина. Когда они ушли, она подозвала къ Красному крыльцу народъ, толпившійся

на площади, и, не зная усталости, долго говорила съ нимъ, почти тоже самое, что стрѣльцамъ.

Въ это время Шакловитый, по приказанію царевны, писалъ ко всѣмъ чинамъ московскаго государства сказку для оправданія царевны Софіи и для обвиненія противной стороны. Послѣ предисловія онъ изложилъ, какъ Софія, по неотступнымъ просьбамъ царей и всего русскаго народа, приняла на себя трудную обязанность правительницы и, сколько добра она сдѣлала и какъ теперь за все это Нарышкины и потѣшные конюхи обижаютъ ее и брата ея Ивана Алексѣевича, какъ она о томъ подавала челобитную царю Петру, а отъ него нѣтъ никакого отвѣта, только комнату царя Ивана забросали полѣньями, а вѣнецъ его изломали.

Между тѣмъ въ Троицкомъ монастырѣ Петръ тревожился объ участи Нечаева; отъ него не было никакихъ извѣстій, тогда Петръ на помощь ему послалъ еще двухъ полковниковъ, одного за другимъ, съ грамотою къ царю Іоанну Алексѣевичу, требуя выдачи Шакловитаго и всѣхъ его сообщниковъ; чтобы яснѣе изложить вины его, послалъ окольного Матюшкина съ копіей со всѣхъ показаній стрѣльцовъ. Царь Іоаннъ Алексѣевичъ отвѣчалъ, что Шакловитаго и его сообщниковъ готовъ выдать, но сперва находитъ нужнымъ самому со всѣмъ дворомъ побывать у Троицы и лично обо всемъ переговорить съ Петромъ.

Стрѣльцы роптали на нерѣшительность Софіи и на ея укрыпательство.

Въ Нѣмецкой слободѣ шли толки о томъ, что сторона Петра возьметъ верхъ и потому не лучше ли примкнуть къ нему; иностранецъ генераль Гордонъ отправился къ Голицыну за совѣтомъ. Положено было прочесть грамоту, присланную уже за недѣлю передъ тѣмъ; собрали военный совѣтъ изъ всѣхъ полковниковъ и офицеровъ иностраннаго войска, вскрыли пакетъ и прочитали грозный призывъ Петра въ Троицкій монастырь. Голицынъ совѣтовалъ подождать, что скажетъ царевна, и отправился къ ней за приказаніемъ; она по обыкновенію строго запретила трогаться иноземнымъ полкамъ изъ Москвы: но Гордонъ и прочіе начальники боялись, какъ бы не упустить времени и какъ бы черезъ то не потерять головы; послѣ долгаго совѣщанія между собою, положено было ночью тайно выѣхать изъ слободы и отправиться въ монастырь.

Такъ и сдѣлали; полки ѣхали всю ночь и къ полудню были уже у Троицы. Петръ ласково встрѣтилъ Гордона и Голицына, допустилъ ихъ къ своей рукѣ, спрашивалъ о здоровьи, благодарилъ за прїѣздъ и изъ собственныхъ рукъ далъ имъ по чарѣ вина.

Такимъ образомъ сила Петра ежедневно возрастала; въ Лаврѣ собрались всѣ стрѣлецкіе начальники и иноземныя войска; въ Москвѣ оставались только рядовые стрѣльцы, да и тѣ были расположены къ Петру; они отыскивали заговорщиковъ, ловили ихъ и приводили въ Лавру. Такъ попался Абросимовъ. Его допрашивали и онъ безъ всякой утайки немедленно во всемъ повинился; рассказалъ, какъ стрѣльцовъ постоянно подстрекали къ бунту и кровопролитіямъ, какъ отъ нихъ явно требовали умерщвленія царицы Натальи Кириловны, ея братьевъ и ближнихъ бояръ и такимъ образомъ не только подтвердилъ обвиненія Елизарьева, но еще открылъ о Шакловитомъ разныя неизвѣстныя до того времени преступленія.

Оставшіеся въ Москвѣ стрѣльцы все дожидались, когда ссора въ царскомъ домѣ кончится, когда царевна поѣдетъ къ Троицѣ для примиренія съ братомъ; но отъѣздъ откладывался и въ слободахъ разнеслась вѣсть, что царевна вовсе не поѣдетъ, потому что Петръ не допуститъ ея къ себѣ на глаза. Стрѣльцы тогда заволновались; они огромною толпою собрались въ Кремль и громко, и настойчиво требовали выдачи Шакловитаго, чтобы отвести его въ Лавру. Софія вышла къ нимъ и рѣзко объявила, что она Шакловитаго не выдастъ, а имъ приказывала идти по домамъ и въ царскія дѣла и ссоры не вмѣшиваться. Въ толпѣ, въ отвѣтъ на слова царевны, слышались грозные крики о набатѣ и кровопролитіяхъ; требованія стрѣльцовъ становились неотступнѣе; грозные крики сливались въ одинъ гулъ; звѣрскія лица сверкали гнѣвомъ; видно было, что эта толпа не уступитъ, и ежели ей не выдадутъ Шакловитаго, то она сама возьметъ его оружіемъ.

Бояре и приближенные Софїи испугались и уговаривали ее выдать Шакловитаго; въ ихъ воображеніи повѣторились картины страшныхъ убійствъ перваго стрѣлецкаго бунта и какъ тогда уговаривали царицу Наталью Кириловну, для общаго спасенія, пожертвовать невиннымъ братомъ, такъ теперь уговаривали Софію выдать виновнаго Шакловитаго. Софія наконецъ сама убѣдилась въ необходимости уступить стрѣльцамъ и выдала имъ Шакловитаго: но

Медвѣдева не нашли, онъ успѣлъ бѣжать. Шакловитаго повезли къ Троицѣ; вслѣдъ за нимъ изъ Москвы удалились послѣдніе бояре къ Петру; остался одинъ только князь Голицынъ въ своемъ загородномъ домѣ.

На допросѣ Шакловитый ни въ чемъ не признался; говорилъ, что никакого бунта не затѣвалъ, никакого злаго умысла на царское здоровье не имѣлъ, а стрѣльцовъ собиралъ только для того, чтобы охранять царя и царевну отъ печальнаго нападенія Потѣшныхъ; что наряжалъ стрѣльцовъ въ Кремль для того только, чтобы сопровождать царевну, когда она пойдетъ въ Донской монастырь на богомолье: умысла же съ стрѣльцами напасть на Преображенское у него никогда не бывало, и на жизнь Петра и Натальи Кириловны у него и въ умѣ не было покушаться; сознался только въ томъ, что по приказанію царевны за два года тому назадъ, развѣдывалъ у стрѣльцовъ, не будутъ ли они противиться тому, чтобы царевна вѣнчалась на царство царскимъ вѣнцомъ; но такъ какъ стрѣльцы показали нерѣшительность, то дѣло было тогда же оставлено.

За первымъ допросомъ слѣдовали очныя ставки съ обвинителями, но Шакловитый отрекался отъ всѣхъ уликъ; обвинителей пытали, но они и въ мученіяхъ не измѣняли своихъ показаній; тогда подвергли пыткѣ Шакловитаго, и онъ во многомъ признался. На слѣдующій день его опять повели въ застѣнокъ, но онъ объявилъ, что чистосердечно во всемъ признается, все расскажетъ, ежели его избавятъ отъ пытки. Пытку отмѣнили. Шакловитый потребовалъ бумаги и чернилъ и собственноручно написалъ предсмертную исповѣдь. Въ ней онъ во всемъ признался, исключая въ томъ, чтобы имѣлъ умыселъ на жизнь Петра, и только слышалъ, какъ въ Кремлѣ говорили, будто царь недолговѣченъ.

Шакловитый исписалъ около 9 листовъ бумаги и кончилъ далеко за полночь. Князь Борисъ Голицынъ взялъ листы и понесъ къ себѣ съ тѣмъ, чтобы отдать ихъ царю на другой день: но недоброжелатели его, т. е. Нарышкинъ съ товарищами, предположили, что въ показаніяхъ Шакловитаго есть обличеніе на князя Василя Голицына, дядю Бориса, и чтобы спасти его, онъ ночью вырѣжетъ, или передѣлаетъ исповѣдь Шакловитаго. Нарышкинъ тотчасъ донесъ объ этомъ предположеніи Петру; онъ ночью потребовалъ Бориса Голицына къ себѣ и встрѣтилъ его грознымъ вопросомъ;

«Зачѣмъ ты не тотчасъ же подаль мнѣ признаніе Шакловитаго?» Голицынъ отвѣтилъ, что было уже очень поздно, и онъ до слѣдующаго утра хотѣлъ бумаги оставить у себя. Петръ ничего не отвѣчалъ на это и принималъ оправданіе, но царица Наталья Кириловна и Нарышкины съ этого времени не довѣряли Голицыну и косились на него.

Какъ бы то ни было, но вслѣдъ за прочтеніемъ исповѣди Шакловитаго, князю Василию Васильевичу Голицыну былъ объявленъ приговоръ; у него отнято было все имѣніе въ казну, онъ лишился званія окольного и его вмѣстѣ съ сыномъ отправили на житье сначала въ Пустозерскъ, потомъ въ Колу; вина, за которую его сослали, была слѣдующая: за жестокія притѣсненія, находившимся подъ его вѣдѣніемъ Камарицкимъ солдатамъ, которые уже много разъ на него жаловались.

Шакловитаго съ главными его сообщниками осудили на смерть. Петръ долго не соглашался подписать ихъ смертный приговоръ; самъ патріархъ принужденъ былъ уговаривать его и доказывать, что такой примѣръ необходимъ. Когда разнеслась вѣсть, что Шакловитаго будутъ казнить безъ вторичной пытки, то на площади передъ царскимъ крыльцомъ собралось много служилыхъ людей, которые требовали вторичной пытки для того, чтобы узнать отъ него другихъ сообщниковъ; но царь выслалъ сказать, что онъ по казаніямъ Шакловитаго совершенно доволенъ и что имъ неприлично мѣшаться въ это дѣло.

Сентября 11 Шакловитаго и двухъ сообщниковъ его Петрова и Чернаго казнили; пятисотеннаго Муромцева, полковника Рязанцева и стрѣльца Лаврентьева били кнутомъ, отрѣзали имъ языки и сослали въ Сибирь. Враги Голицына находили наказаніе его слишкомъ слабымъ и настояли на томъ, чтобы ихъ на дорогѣ допрашивали. Отецъ и сынъ клятвенно показали, что они о замыслахъ Шакловитаго не имѣли ни малѣйшаго понятія. Голицыныхъ повезли дальше; но въ Вологдѣ къ нимъ пріѣхалъ стольникъ съ письмомъ отъ царевны Софіи и съ деньгами; она утѣшала Голицына, совѣтовала не падать духомъ и всего надѣяться отъ будущаго. Голицыныхъ привезли въ Яренскъ; положеніе ихъ было ужасное: въ маленькомъ бѣдномъ городишкѣ ничего нельзя было достать и несчастная семья терпѣла крайнюю нужду. Отсюда Голицыны напи-

сали челобитную царямъ; въ ней между прочимъ говорилось: «Страдаемъ мы, бѣдные, безъ мѣры; конецъ намъ приходитъ; а мы ни въ чемъ не виноваты, оклеветали насъ безвинно. Когда насъ, холопей вашихъ, везли къ Тотмѣ, не доѣзжая до города надобно было переправляться черезъ рѣку Сухону; ледъ подломился и возки съ нашими женами, дѣтьми и дворовыми пошли ко дну; насилу женъ и малыхъ дѣтей нашихъ вытащили изъ воды и они долгое время въ безпамятствѣ лежали, какъ мертвые». Въмѣстѣ съ прошеніемъ Голицыныхъ писалъ и приставъ, который долженъ былъ наблюдать за ними и въ тоже время управлять городомъ; онъ жаловался на бѣдность и на то, что въ городишкѣ кормиться совершенно нечѣмъ. «Городишко здѣсь самый бѣдный, писалъ онъ, жителей всѣхъ съ цѣловальниками и подьячими и приставомъ 30 дворовъ. Уѣздъ обширный; но изъ уѣзда почти никто въ городъ не пріѣзжаетъ; всѣ между собою сами судятся и сами собираютъ подати, такъ что мнѣ никакого дѣла и никакой прибыли нѣтъ».

Враги Василія Голицына недовольствовались его изгнаніемъ, пытались оклеветать и его, и Бориса Голицына, чтобы разомъ погубить ихъ, но это открылось; не смотря на то, Голицыныхъ сослали изъ Яренска дальше въ Пустозерскъ; съ дороги они писали: «Теперь мы находимся въ пути и нуждаемся во всемъ, и терпимъ всякія невзгоды: побираемся Христовымъ именемъ; мы совершенно обнищали, проѣли съ себя послѣднюю рубашку. Въ Пустозерскѣ хлѣбъ и всякая живность дороги, и намъ придется умереть томною, голодною смертью. Милосердые Государи! Велите насъ, бѣдныхъ и невинныхъ, возвратить изъ такого ада.» Голицыныхъ перевели въ Пинежскій волокъ и тутъ оставили.

Попался наконецъ и третій, близкій къ царевнѣ человѣкъ, Сильвестръ Медвѣдевъ, который было бѣжалъ къ западнымъ границамъ, къ Польшѣ. Его обвиняли въ соучастіи съ Шакловитымъ и въ томъ, что онъ занимался астрологіей, волхвованіемъ, предсказывалъ погибель царя Петра и старался погубить патриарха, чтобы самому сѣсть на его мѣсто. Медвѣдевъ ни въ чемъ не сознавался и даже послѣ пытки только сознался въ одномъ изъ своихъ предсказаній; онъ говорилъ стрѣльцамъ, когда уже царевна Софія теряла свою власть: «Не бойтесь, хотя сторона царя Петра теперь перевѣшивается, но ея не станеть; удача Петра много что продлится дней

десять, а потомъ опять царевна возьметъ силу и ея сторона перетянетъ». Еще признался, что про патріарха говорилъ: «Онъ ничему не учился и рѣчей богословскихъ не знаетъ»; признался, что подъ портретомъ царевны написалъ полный царскій титулъ и называлъ ее вседержавнѣйшей самодержицей и написалъ въ честь ея похвальные стихи. Больше ни въ чемъ не признавался.

Медвѣдева разстригли, еще разъ пытали и казнили.

Такимъ образомъ весь заговоръ былъ открытъ и всѣ виновные подверглись наказанію; оставалась главная виновница смуть—царевна Софія, но это была сестра, и Петръ щадилъ ее, онъ только хотѣлъ вырвать изъ ея рукъ захваченную власть и лишить ее возможности вредить себѣ. Онъ написалъ письмо къ старшему брату своему, царю Іоанну Алексѣевичу. «Братецъ, государь царь Іоаннъ Алексѣевичъ, съ супругою и младенцемъ здравствуйте! Милостію Божію намъ обоимъ врученъ скипетръ правленія прародительскаго нашего Русскаго царства, какъ это извѣстно всѣмъ нашимъ братьямъ, окрестнымъ государямъ, но о томъ, чтобы третье лицо соцарствовало съ нами на равныхъ правахъ, объ этомъ нигдѣ ни слова не говорится. Но сестра наша, Софія Алексѣевна, самовольно начала управлять царствомъ нашимъ; это для насъ непріятно, а для народа тяжело, это и тебѣ, государь, столько же извѣстно, какъ мнѣ. Нынѣ же злодѣи наши, Ѳедька Шахловитый съ своими товарищами, забыли клятву, намъ данную, замышляли убить насъ съ матерью и мутить царствомъ; во всемъ эти злодѣи сознались на допросахъ и въ пыткѣ. Теперь государь-братецъ, настало время намъ обоимъ править царствомъ, самимъ Богомъ намъ врученное, потому что мы уже возмужали и нѣтъ надобности третьему лицу, нашей сестрѣ, писаться наравнѣ съ нашими двумя мужскими именами и равняться въ титулахъ и въ государственныхъ дѣлахъ вступать наравнѣ съ нами. Я прошу тебя, брата моего, согласиться со мною, чтобы устранить ее отъ дѣлъ, потому что она безъ нашего согласія писалась наравнѣ съ нами и распоряжалась самовластно, и къ нашей обидѣ хотѣла вѣнчаться нашимъ прародительскимъ вѣнцомъ. Намъ стыдно, что третье лицо, помимо насъ, управляетъ царствомъ, когда мы сами уже достигли совершеннолѣтія. Тебя же, брата, прошу, дай мнѣ свое отеческое позволеніе, для блага народа и спокойствія его, переимѣнить^а судей, отдать приказы людямъ правдивымъ, чтобы

государство успокоить и тебя обрадовать. Когда же, братецъ, мы съ тобою будемъ вмѣстѣ, тогда обо всемъ съ тобою переговоримъ и все рѣшимъ; я же тебя, государя-брата, всегда, какъ отца почитать буду. О всемъ остальномъ передастъ тебѣ на словахъ вѣрный бояринъ нашъ, князь Прозоровскій. Прошу у тебя отвѣта на это письмо и на мои словесные вопросы. — Писано печальнымъ братомъ вашимъ, царемъ Петромъ; желаю вамъ здоровья и бью челомъ!»

Іоаннъ во всемъ согласился съ братомъ и предоставилъ ему право вполне распоряжаться, какъ почитаетъ за лучшее. Петръ издалъ указъ объ исключеніи имени царевны изъ всѣхъ актовъ, въ которыхъ оно употреблялось вмѣстѣ съ именами обоихъ царей. Въ Москву онъ отправилъ боярина Троекурова съ приказаніемъ Софѣ удалиться въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ ей назначалось жить безвыходно. Царь Іоаннъ не противорѣчилъ брату и подтвердилъ указъ, но царевна не соглашалась исполнить воли Петра и только послѣ долгаго сопротивленія переселилась въ монастырь, въ послѣднихъ числахъ сентября. Для нея были отдѣланы и отлично убраны нѣсколько комнатъ, окнами на Дѣвичье поле; у нея было много прислуги и всѣ удобства жизни, необходимыя для особы, привыкшей къ роскоши. Она ни въ чемъ не нуждалась, только ей не позволено было выѣзжать за монастырскую ограду, ни съ кѣмъ постороннимъ не видаться и не разговаривать; только по большимъ праздникамъ ей позволено было видаться съ тетками и сестрами.

Такъ окончились домогательства властолюбивой Софѣ; главные ея орудія погибли, но съ ихъ смертью государство еще не успокоилось: пытки, доносы и казни, все по тому же дѣлу, продолжались. Царь Іоаннъ Алексѣевичъ по прежнему оставался царемъ по имени; онъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ занималъ первое мѣсто, но вся власть перешла къ его младшему брату—Петру. Но семнадцатилѣтній юноша не способенъ былъ управлять государствомъ, онъ еще доучивался способомъ, имъ самимъ избраннымъ; онъ военному искусству учился въ полѣ, вмѣстѣ съ своими Потѣшными; строилъ опять укрѣпленія, велъ правильныя атаки на нихъ, бралъ приступомъ, давалъ примѣрныя сраженія и постоянно на себя бралъ самую трудную и самую опасную роль.

Мореплаванію и корабельному дѣлу учился онъ въ Переяславлѣ; онъ во всякое свободное время спѣшилъ туда и либо работалъ на верфи съ топоромъ и молотомъ въ рукахъ, либо плавалъ по озеру, изучая свойства своихъ парусныхъ судовъ и маневрируя ими то по вѣтру, то противъ вѣтра.

ГЛАВА ХІ.

Новые министры Петра. Лефортъ. Забавы и пиры. Характеръ Петра. Потѣшныя. Сухопутныя и морскіе походы. Постройка кораблей въ Архангельскѣ. Плаваніе по Вѣлому морю и опасность отъ бури.

Послѣ паденія Софіи, естественнымъ образомъ пали не только самые приближенные къ ней, но и всѣ, сколько нибудь преданные ей бояре; Петръ замѣнилъ ихъ своими болѣе, или менѣе ему извѣстными лицами; въ это время возвысились Нарышкинъ, Борисъ Голицынъ, Лопухины, Долгорукіе, Ромодановскій и т. д. Пока борьба съ царевною продолжалась, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ распоряжался всѣмъ у Троицы; но его вліяніе пѣсколько пошатнулось, когда царица Наталья Кириловна увидѣла, что онъ по родственному чувству защищаетъ Василія Васильевича Голицына, своего родственника. Когда опасность миновала, родственники царицы и царя начали тѣснить Голицына и очень часто дѣлали ему непріятности; онъ съ своей стороны не щадилъ ни ихъ, ни Долгорукихъ, отчего бывали столкновения, доходившія до явныхъ ссоръ. Вслѣдствіе одной изъ нихъ, дѣло дошло до самаго Петра; онъ разобралъ, кто правъ, кто виноватъ и съ Долгорукихъ приказано было взыскать, въ пользу Голицыныхъ, штрафъ за безчестье въ 3000 рублей слишкомъ. Но князь Борисъ билъ челомъ Петру, чтобы безчестья съ Долгорукихъ въ его пользу не взыскивали, потому что отецъ на смертномъ одрѣ далъ ему зарокъ никогда ни съ кого безчестья не брать.

Петръ предоставилъ въ это время управленіе государствомъ своимъ министрамъ, ежели такъ можно назвать ихъ: ближнимъ бо-

ярамъ Льву Нарышкину и Борису Голицыну; самъ же всею душою предался своимъ любимымъ занятіямъ, и все время проводилъ въ обществѣ Лефорта, котораго можно назвать любимцемъ Петра. Это былъ человѣкъ свѣтскій, съ хорошими манерами, необыкновенно живой, ловкій, веселый, откровенный, симпатичный; собою былъ онъ очень хорошъ; въ обществѣ умѣлъ всѣхъ оживить и развеселить; никто лучше него не умѣлъ устроить праздника, или пиршества. Онъ не получилъ серьезнаго образованія, не зналъ ни одной науки основательно, ничему не могъ научить Петра; но обо всемъ имѣлъ понятіе, и могъ увлекать разговоромъ. Онъ по развитію далеко стоялъ выше русскихъ, и страстно любилъ нравы и обычаи цивилизованныхъ европейскихъ городовъ; онъ находилъ огромную разницу между ними и русскими городами, сравнивалъ ихъ, показывалъ недостатки русскаго общества и черезъ эти сравненія пробудилъ въ Петрѣ недовольство всѣмъ окружающимъ и стремленіе къ улучшенію и къ иностраннымъ нравамъ. Петръ вмѣстѣ съ Лефортомъ бывалъ въ Нѣмецкой слободѣ, приглядывался къ жизни иностранцевъ, полюбилъ ихъ веселые пиры, сошелся съ нѣкоторыми изъ нихъ, какъ Карштень-Брантомъ на работахъ и сердечно полюбилъ иноземцевъ; ему все у нихъ казалось лучше, начиная отъ костюма до языка, и самъ началъ учиться голландскому языку.

Лефортъ не вмѣшивался въ государственныя дѣла, а только въ свободныя минуты былъ неразлучнымъ товарищемъ Петра и имѣлъ на него сильное нравственное вліяніе.

Во всѣхъ удовольствіяхъ Лефортъ былъ добрымъ товарищемъ Петру; они для забавы устраивали большія примѣрныя сраженія. Петръ съ жаромъ изучалъ все касательно военнаго дѣла; и лично зналъ все, что долженъ знать солдатъ, матросъ, корабельный плотникъ, токарь, артиллеристъ, бомбардиръ, піонеръ, инженеръ, офицеръ и командующій войсками. Высшимъ частямъ военныхъ наукъ теоретически онъ учился у кого могъ, а практически узнавалъ на самомъ дѣлѣ. Никто лучше его не владѣлъ ружьемъ и топоромъ; изъ кости и изъ дерева онъ точилъ самыя нѣжныя вещи съ необыкновеннымъ искусствомъ; онъ правилъ рулемъ и парусами, какъ самый опытный ботсманъ; метко бросалъ гранаты, наводилъ орудія, не ограничивался тѣмъ, что всѣмъ было извѣстно, придумывалъ разные огненные снаряды, устраивалъ понтоны, закладывалъ мины, взры-

валь на воздухъ нарочно для того построенныя укрѣпленія. Въ примѣрныхъ битвахъ между потѣшными и стрѣльцами онъ на дѣлѣ изучалъ тактику.

Дѣятельность Петра была изумительная; онъ не терялъ понапрасну ни одной минуты и часто, какъ самъ говорилъ: «Блѣ хлѣбъ свой въ потѣ лица!» Но приходили такіе дни, когда Петръ бросалъ всѣ свои занятія и съ товарищами предавался необузданному веселію. Тогда онъ обыкновенно зазывалъ всѣхъ не къ себѣ, а къ Лефорту и тутъ они пиروвали. Впослѣдствіи, чтобы у Лефорта было больше мѣста для приѣма гостей, онъ для него выстроилъ большія палаты на берегу Яузы; иногда *вся компанія* собиралась къ Льву Нарышкину, къ князю Борису Голицыну, къ Шереметьеву и къ генералу Гордону; во всѣхъ этихъ мѣстахъ веселились далеко за полночь; музыка гремѣла, танцующіе мелькали передъ окнами; иногда зажигали фейерверкъ, передъ домомъ гремѣли выстрѣлы изъ орудій, въ знакъ царскаго веселія, и грозному голосу пушекъ вторили взрывы хохота въ палатахъ.

Предсѣдателемъ въ этихъ пирахъ обыкновенно бывалъ думный дякъ Зотовъ, прежній учитель Петра, въ шутку имъ прозванный князь-папою, патриархомъ Пресбургскимъ. Его обязанность состояла въ томъ, чтобы налитые кубки были выпиты, и примѣромъ своимъ онъ долженъ былъ поощрять собесѣдниковъ царя къ веселости. На этихъ пирушкахъ многіе пили выше мѣры, такъ что теряли рассудокъ и два дня отоспаться не могли; одинъ только Петръ отъ остальныхъ не отставалъ, и на другое утро, съ восходомъ солнца, опять принимался за работу.

Во время пировъ веселѣе всѣхъ бывалъ Петръ; онъ шутками и веселыми, забавными выдумками развлекалъ все общество; при этомъ онъ былъ такъ простъ, такъ ласковъ, что заставлялъ забывать разстояніе, существующее между царемъ и подданнымъ; выносилъ противорѣчія и, пока они оставались шутливы, никогда не сердился; но ежели споръ принималъ серьезный характеръ и противникъ упрямо держался своего мнѣнія, или выказывалась грубая лесть, Петръ выходилъ изъ себя. Особенно не терпѣлъ онъ, если хвалили невѣжество, или заступались за него, бранили науки и искусства, или нападали на его друзей; очень часто необдуманное, или съ намѣреніемъ сказанное во время, пора слово приводило его въ такой гнѣвъ,

что жилы надувались у него на лбу, глаза грозно сверкали, онъ дрожалъ: тогда всѣ пирующие умолкали и съ трепетомъ ждали бѣды. Въ такихъ случаяхъ одинъ только Лефортъ не терялъ присутствія духа и умѣлъ успокоить царя, и слова его дѣйствовали: мрачное лицо Петра мало-по-малу прояснялось, гроза удалялась и круговая чаша опять ходила изъ рукъ въ руки, опять слышались разговоры, смѣхъ — и громъ орудій по прежнему раздавался подъ окнами пирующихъ.

Особенно весело Петръ проводилъ святки и масляницу. На святкахъ онъ собиралъ всю свою компанію, т. е. человекъ 80 и подъ именемъ *славельщиковъ* ходилъ по боярскимъ домамъ, бывалъ у генераловъ, купцовъ, славиль-христа, пѣлъ, шутилъ, принималъ подарки и веселился по нѣскольку дней сряду. На масляницѣ ѣздилъ къ боярамъ и другимъ на блины, собственноручно дѣлалъ фейерверкъ и самъ пускалъ его. Первый фейерверкъ былъ сожженъ на рѣчкѣ Прѣснѣ въ 1690 году, въ среду на масляницѣ, въ присутствіи царицъ, царевенъ и всего двора; во время фейерверка пушечная пальба не умолкала, народъ съ криками восторга привѣтствовалъ ракеты, звѣзды, колеса, шутихи, разноцвѣтные огни и замысловатыя огненные картины, придуманныя самимъ Петромъ. Съ тѣхъ поръ каждый годъ на масляницѣ бывалъ фейерверкъ; имянины царицы Натальи Кириловны также всегда оканчивались фейерверкомъ. Но если самъ царь не довольно искусно приготовлялъ фейерверки, или въ то время ихъ вообще не умѣли хорошо дѣлать, но эти огненные потѣхи иногда оканчивались несчастіемъ. Однажды пятифунтовая ракета не загорѣлась въ воздухѣ, и упала на голову какого-то дворянина, который тутъ-же умеръ; въ другой разъ взорвало какой-то составъ и такъ обожгло зятя Гордона, что онъ чуть не умеръ и на всю жизнь остался уродомъ, также обожгло Франца Тиммермана и убило трехъ рабочихъ; о небольшихъ несчастіяхъ и поврежденіяхъ во время фейерверковъ и говорить нечего.

Въ первыя пять лѣтъ своего царствованія, Петръ мало входилъ въ дѣла управленія и время его проходило, или въ физическихъ и умственныхъ упражненіяхъ и занятіяхъ, или онъ изучалъ военное дѣло на сушѣ и на водѣ, или веселился и пировалъ съ своею *компаніей*.

Военныя потѣхи и примѣрныя битвы съ 1690 года принимали все большіе размѣры. Весною, когда вскрылась Москва-рѣка, Петръ

снарядилъ на рѣкѣ флотилію изъ мелкихъ гребныхъ судовъ и посреди нихъ—ботъ, оснащенный Карштенъ-Брантомъ. Впереди въ лодкахъ на веслахъ плыли стрѣльцы, за ними на парусахъ шель ботъ царя, а за царемъ, въ гребныхъ судахъ, плыли бояре, царедворцы и иностранцы. Въ одинъ день они проплыли болѣе 20 верстъ, ночевали близъ Угрѣшскаго монастыря, на другой день еще продолжали плаваніе и черезъ пять дней возвратились въ Москву; цѣлью этого плаванія было ознакомить стрѣльцовъ и прочихъ по командѣ быстро садиться въ лодки, выскакивать изъ нихъ и строиться.

По возвращеніи въ Преображенское, Петръ занялся обмундированіемъ стрѣleckихъ полковъ на иностранный ладъ въ нѣмецкое платье; онъ училъ ихъ новымъ приѣмамъ, училъ рейтарскіе полки и приготовлялъ войско къ маневрамъ и примѣрнымъ битвамъ, назначеннымъ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Предположено было взять приступомъ Семеновскій дворъ, который защищали потѣшныя. Битва была жаркая, пороху жгли много; съ обѣихъ сторонъ кидали ручныя гранаты и горшки, начиненныя горючимъ составомъ. При употребленіи гранатъ и горшковъ не могло обойтись безъ несчастій и не только солдаты были ранены, но даже самъ царь подвергался опасности; онъ, по обыкновенію, не отставалъ, а былъ всегда впереди, въ первыхъ рядахъ; одинъ горшокъ съ горючимъ составомъ лопнулъ подлѣ него, опалилъ ему лицо, ранилъ его и многихъ офицеровъ, бывшихъ подлѣ него. Вѣроятно раны Петра были довольно значительны, потому что маневры прекратились и возобновились только послѣ трехъ мѣсяцевъ. Потѣшныя очень запальчиво сражались съ стрѣльцами, и дѣло часто доходило до рукопашной схватки, отъ которой бывало много раненныхъ и случались убитые. Такъ въ одномъ примѣрномъ сраженіи Гордону нечаянно прострѣлили ногу выше колѣна, а лицо такъ обожгло, что онъ пролежалъ нѣсколько времени, а черезъ два года спустя, въ такой же потѣшной битвѣ, князь Долгорукій былъ такъ жестоко раненъ въ правую руку, что умеръ отъ раны на девятый день. Петръ горько сожалѣлъ о потерѣ одного изъ своихъ приближенныхъ и выразилъ это въ письмѣ своемъ къ Апраксину, котораго увѣдомлялъ объ этой потерѣ.

И зимою Петръ не оставался безъ дѣла; онъ въ 1691 году построилъ самъ, безъ посторонней помощи, *яхту*, въ которой свободно помѣщалось 30 человекъ, весною спустилъ ее въ воду и катался на

ней по Москвѣ-рѣкѣ. Царь строилъ ее всю самъ и самъ оснащивалъ; онъ никому не позволилъ помогать себѣ.

Къ осени назначены были опять маневры, 2-й Семеновскій походъ; на этотъ годъ армія Петра еще болѣе увеличилась, и вся она была одѣта и обучена по-европейски, по артикулу самимъ Петромъ написанному. Въ теченіе всего лѣта готовились къ маневрамъ, *къ страшному бою*, какъ говорится въ современныхъ запискахъ. Составлены были двѣ арміи; одна подъ начальствомъ *генералиссимуса Фридриха*, т. е. князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго; она состояла изъ солдатскихъ полковъ: Преображенскаго, Семеновскаго, Лефортова, Бутырскаго и трехъ, или четырехъ конныхъ полковъ рейтаръ и гусаръ. Вторая армія состояла изъ стрѣльцовъ тоже съ рейтарами и гусарами и находилась подъ начальствомъ Бутурлина; первая армія называлась *нашею*, а вторая *непріятельскою*. Въ началѣ октября открылась война между обѣими арміями; Пресбургъ, земляное укрѣпленіе, построенное самимъ царемъ, подлѣ села Преображенскаго, назначено было столицею генералиссимуса Фридриха. Сюда собрались всѣ полки и отсюда начался походъ.

Современникъ Гордонъ описываетъ этотъ походъ, какъ настоящую войну, и говорятъ о войскѣ генералиссимуса Фридриха, къ которому принадлежали онъ самъ и Лефортъ выражается съ большимъ сочувствіемъ, чѣмъ о противномъ, и называетъ его *нашимъ*. Нападенія съ той и другой стороны были жаркія, наступали *наши* и одержали верхъ надъ лѣвымъ непріятельскимъ крыломъ, взяли нѣсколько знаменъ и отбили войско *непріятельское*, но за то нападеніе стрѣльцовъ на *наше* лѣвое крыло было еще удачнѣе; Лефортъ, командовавшій имъ, не могъ удержать натиска, смѣшался и навѣрное отступилъ бы, ежели бы царь не послалъ ему на помощь нѣсколько ротъ съ своего праваго крыла, и только такимъ способомъ заставилъ *враговъ* отступать.

Претерпѣвая неудачу во всѣхъ пунктахъ, Бутурлинъ вздумалъ прибѣгнуть къ хитрости: онъ съ парламентарскимъ флагомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ отборныхъ ротъ конницы, шагомъ подѣхалъ къ *нашему войску*, какъ бы для переговоровъ, съ тайнымъ намѣреніемъ расплохъ напасть на нашихъ, произвести безпорядокъ и воспользовавшись имъ, окончить сраженіе въ свою пользу. Когда Бутурлинъ съ своею конницею подѣхалъ совсѣмъ близко, тогда отбро-

силъ парламентарскій флагъ, и его рейтары кинулись впередъ, но дорого поплатился за свой умыселъ: ротмистръ *Петръ Алексѣевъ* кинулся между Бутурлинымъ и генералиссимусомъ, защитилъ его, а нападавшаго взялъ въ плѣнъ. Рейтары, потерявъ военачальника, обратились въ бѣгство; за ними погнались противники и они только съ трудомъ успѣли спрятаться въ обозѣ.

Наступилъ вечеръ; генералиссимусъ Фридрихъ повелъ свое войско на ночлегъ въ лагерь; рядомъ съ нимъ по лѣвую руку ѣхалъ плѣнный Бутурлинъ. Въ лагерьѣ Фридрихъ собралъ къ своему шатру всѣхъ участвовавшихъ въ сраженіи офицеровъ, и благодарилъ ихъ за храбрость; подали вина, всѣ выпили въ честь побѣды при громкихъ восклицаніяхъ и при громѣ пушекъ; послѣ того пили за здоровье ротмистра Петра Алексѣева и за здоровье побѣжденнаго Бутурлина.

Послѣ этого побѣжденный просилъ своего побѣдителя быть въ отношеніи его милосерднымъ и отпустить его къ своему войску, обѣщаясь впередъ быть ему во всѣхъ отношеніяхъ другомъ, помогать ему въ войнѣ и быть другомъ его друзьямъ и недругомъ его врагамъ.

Генералиссимусъ согласился, *по своему милосердію*, самъ вывелъ его изъ лагеря, дружелюбно простился съ нимъ, подаль ему руку и при троекратныхъ выстрѣлахъ поручилъ ротмистру Петру Алексѣеву проводить его до стана. *Непріятельское войско* встрѣтило своего полеводца пушечною пальбою; Бутурлинъ подарилъ Петру Алексѣеву шпагу и съ почестями отпустилъ его домой.

Ночью подошло подкрѣпленіе къ Бутурлину; онъ утромъ снова вздумалъ попытать счастья, послалъ въ лагерь Фридриха сказать, что опять хочетъ битвы: «Забылъ онъ оказанную ему милость, отвѣчалъ генералиссимусъ; но я на это не обращаю вниманія и войско мое готово къ бою!» Конница немедленно выдвинулась впередъ и съ той и съ другой стороны. Сражались два дня, взяли нѣсколько знаменъ, загнали непріятеля въ лагерь, взяли въ плѣнъ нѣсколько человекъ и лошадей; наконецъ 9 октября было рѣшительное сраженіе. Оно окончилось тѣмъ, что генералиссимусъ такъ сильно отбивался и нападалъ на войско Бутурлина, что оно обратилось въ бѣгство; *наши* горячо преслѣдовали его, отрѣзали ему путь къ лагерю, загнали конницу въ прудъ, затоптали и какъ бы порубили пѣхоту, отняли всѣ пушки, всѣ знамена и всѣ повозки.

По окончаніи сраженія долго не могли найти ни одного изъ двухъ главнокомандующихъ; побѣдители проискали своего около трехъ часовъ; оказалось, что генералиссимусъ Фридрихъ, слѣдуя своей храбрости, съ небольшимъ отрядомъ ворвался въ непріятельскій лагерь, овладѣлъ имъ и дожидался своихъ у шатра непріятельскаго главнокомандующаго. Соперника его Бутурлина тоже нашли, но на полѣ битвы между тѣлами мнимо-убитыхъ.

Побѣдители вошли въ непріятельскій лагерь и выстроились передъ шатромъ въ два ряда; съ правой стороны отъ шатра стояла конница, а по лѣвую сторону—пѣхота. Отбитое оружіе и знамена положили на землю, между рядами. Генералиссимусъ пошелъ въ свой шатеръ по непріятельскимъ знаменамъ; въ шатрѣ онъ сѣлъ на свое мѣсто, похвалилъ свое войско за храбрость, велѣлъ привести плѣннаго главнокомандующаго и офицеровъ, велѣлъ имъ стѣть передъ собою на колѣни и сдѣлать имъ строгій выговоръ за то, что онъ не сдержалъ даннаго слова и вновь затѣялъ борьбу. Плѣнные кланялись въ землю, признавали вину свою и просили прощенія.

По окончаніи этой церемоніи генералиссимусъ оставилъ непріятельскій лагерь и отправился въ свой. Когда онъ показался на порогѣ палатки Бутурлина, его привѣтствовали пушечнымъ залпомъ; когда онъ поставилъ ногу въ стремя, раздался второй залпъ; третій грянулъ тогда, когда шествіе тронулось. Передъ генералиссимусомъ по землѣ волокли отбитыя знамена; за нимъ вели плѣнныхъ; главнокомандующій ѣхалъ верхомъ, а остальные всѣ шли пѣшкомъ. Прибывъ такимъ образомъ въ свой лагерь, генералиссимусъ приказалъ накрыть обѣденные столы и щедро угощалъ всѣхъ начальниковъ; рядовымъ было выдано вино; когда пили за одержанную побѣду, дали три залпа изъ всѣхъ орудій. Послѣ обѣда генералиссимусъ снова вышелъ къ войскамъ, благодарилъ ихъ и хвалилъ за выказанное мужество, обѣщался раздать большія награды и отпустилъ всѣхъ ратниковъ по домамъ, а самъ отправился въ свой столичный городъ Пресбургъ.

Долгорукій и много другихъ были ранены въ этотъ второй Семеновскій походъ; а Долгорукій, какъ уже сказано выше, умеръ отъ полученной раны. Такъ серьезно описываются маневры при Петрѣ.

Но примѣрныя сраженія не могли наполнить всѣхъ помысловъ Петра; онъ опять обратилъ свое вниманіе на кораблестроеніе.

Вслѣдствіе смуть, въ послѣдніе два года, Петру невозможно было отлучаться на долгое время изъ Москвы, и это какъ бы заставило его позабыть свою страсть къ водѣ; но онъ не забывалъ ея; свидѣтельствомъ тому служить собственноручно имъ построенная яхта и постоянная переписка съ Карштень-Брантомъ, который не переставалъ строить суда на Переяславскомъ озерѣ. Тамъ были окончены два небольшіе фрегата и три яхты. Для царскихъ приѣздовъ, на южномъ берегу Переяславскаго, или Плещеева озера были построены царскія хоромы — деревянный одноэтажный дворецъ съ окнами изъ слюды, расписанной разными изображеніями; для теплоты двери были обиты бѣлымъ войлокомъ; на крышѣ стоялъ двуглавый орелъ съ вызолоченной короной. Вправо отъ дворца находилась деревянная церковь, а влѣво, на мысу Гремячемъ, батарея. Прямо передъ дворцомъ, на озерѣ, саженьяхъ во ста отъ берега, на сваяхъ построена была пристань. Лѣтомъ суда стояли у пристани; на зиму ихъ отводили въ Трубежъ къ мосту, близъ церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы, *что при корабляхъ*. Тамъ они были безопасны отъ льдовъ.

Въ теченіи зимы 1691 года, Петръ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Переяславль; что онъ тамъ дѣлалъ, обнаружилось послѣ; онъ приготавливалъ лѣсъ и строилъ первый русскій корабль, который надѣялся окончить къ веснѣ 1692 года. Петръ взялъ съ собою своихъ 16 учениковъ, которыхъ самъ училъ корабельному искусству, все по большей части солдатъ Преображенскаго полка, привезъ ихъ въ Переяславль и вмѣстѣ съ ними собственными руками заложилъ корабль на переяславской верфи и, по своему обыкновенію, принялся за работу съ такимъ жаромъ, что не хотѣлъ возвращаться въ Москву. Туда приѣхалъ персидскій посланникъ и для торжественнаго приема его, Петру необходимо было бы возвратиться въ Москву; такъ какъ на письма царь не ѣхалъ, князь Голицынъ и Левъ Кириловичъ Нарышкинъ нарочно приѣзжали убѣждать его приѣхать въ Москву. Петръ согласился на ихъ требованіе и съ величайшимъ неудовольствіемъ оставилъ топоръ и переяславскую верфь.

Долго оставаться въ Москвѣ Петръ не намѣревался; два дня послѣ приема посла, онъ ускакалъ къ своему начатому кораблю; передъ отъѣздомъ онъ приказалъ перевезти изъ Москвы на Плещеево озеро всѣ шлюпки и баркасы, какіе можно было собрать въ Москвѣ. Царь затѣялъ, какъ можно торжественнѣе, отпраздновать спускъ

новаго, перваго въ Россіи построеннаго корабля. Петръ пригласилъ всю свою избранную компанію на этотъ праздникъ въ Переяславль и 1 мая 1692 года, первый корабль построенный по указанію и по рисункамъ Петра, частію его собственными руками, былъ спущенъ на озеро. Петръ съ величайшимъ удовольствіемъ показывалъ его своимъ приближеннымъ и разсматривалъ съ ними всѣ суда, прежде построенныя.

Въ концѣ іюля, къ величайшему удовольствію царя, пріѣхали царицы и царевны со всѣмъ своимъ дворомъ и прожили цѣлый мѣсяцъ въ Переяславлѣ. При нихъ было торжественное водоосвященіе, 1 августа, съ крестнымъ ходомъ такъ, какъ это и до сихъ поръ тамъ дѣлается; всѣ находившіяся гребныя суда окружили самую большую изъ яхтъ; на нее вошло духовенство съ крестами, хоругвями, пѣвчими и самыми знатными посѣтителями; при колокольномъ звонѣ вся флотилія выплыла на самую середину озера и тутъ произошло торжественное водоосвященіе.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого, въ Переяславль пришли сухопутныя войска и начались маневры на водѣ и на сушѣ. Генералиссимусу Федору Юрьевичу Ромодановскому опять поручено было главное начальство и къ прежнему титулу присоединенъ титулъ адмирала; всѣ военныя почести на водѣ и на сушѣ отдавались ему. Послѣ маневровъ начался нескончаемый рядъ веселыхъ пиршествъ. Царица Наталья Кириловна была очень довольна своимъ путешествіемъ и вообще всѣмъ временемъ, проведеннымъ въ Переяславлѣ; она бы пробыла еще долѣе, если бы собственное нездоровье и желаніе видѣть своего внука, малютку Алексѣя Петровича, не привлекали ея въ Москву.

Вслѣдъ за матерью и Петръ возвратился въ Москву; его о безпокоила болѣзнь ея, но она вскорѣ выздоровѣла, тогда самъ царь опасно захворалъ, частію отъ простуды, частію отъ чрезмѣрныхъ физическихъ усилій, частію отъ неумѣренныхъ пировъ. Болѣзнь быстро усиливалась и Петръ слегъ въ постель; около половины декабря состояніе его было совершенно отчаянное, никто не надѣялся на его жизнь. Любимцы его были въ полномъ ужасѣ; они знали, что въ случаѣ кончины царя, самая печальная участь ихъ ожидаетъ: во главѣ царства опять станетъ Софія и ихъ ожидаетъ, или плаха, или вѣчная ссылка. Лефортъ, князь Борисъ Голицынъ, Апраксинъ,

Плещеевъ и другіе приближенные къ Петру люди запаслись лошадьми, чтобы бѣжать немедленно, когда Петръ закроетъ глаза. Но опасенія всѣ разсѣялись; крѣпкое сложеніе царя восторжествовало надъ болѣзнію. Около Рождества онъ началъ поправляться, а въ концѣ января ужь могъ опять начать свою обычную дѣятельную жизнь; онъ въ это время разѣзжалъ по Нѣмецкой слободѣ и въ качествѣ шафера, приглашалъ гостей на свадьбу одного золотыхъ дѣлъ мастера; самъ распоряжался на пиру, очень весело и любезно всѣхъ угощалъ, но самъ почти ничего не ѣлъ и вовсе не пилъ вина. Къ масляницѣ Петръ окончательно выздоровѣлъ, самъ сдѣлалъ фейерверкъ и самъ по обыкновенію спускалъ его. На этотъ разъ особенно удачно вышли двѣ огненные картины: павильонъ съ вензелемъ генералиссимуса князя Ромодановскаго, потомъ вспыхнулъ огненный Геркулесъ, раздирающій пасть льва. Царицѣ Натальѣ Кириловнѣ особенно понравился Геркулесъ и чтобы выразить свое удовольствіе Петру, въ награду за его искусство и труды, она подарила ему полный мундиръ сержанта Преображенскаго полка, къ великой радости Петра.

Въ началѣ великаго поста Петръ опять отправился на Плещеево озеро и недѣли три катался на немъ; но это была его послѣдняя поѣздка; для него озеро стало мелко и недостаточно велико; онъ стремился къ морю искалъ его и взглядъ его остановился на Бѣломъ морѣ; и его съ неотразимою силою влекло туда. Въ Переяславль Петръ съ этихъ поръ заѣзжалъ только мимоѣздомъ; флотилія стояла у берега Трубежа и постепенно разрушалась; ее вытащили на берегъ и кое-какъ прикрыли старыми досками. Въ такомъ положеніи Петръ нашелъ свою флотилію, когда пріѣхалъ туда 25 лѣтъ спустя. Ему грустно было видѣть, какъ разрушалось то, что онъ въ теченіи столькихъ лѣтъ и съ такимъ трудомъ строилъ; онъ далъ указъ переяславскимъ воеводамъ: *«беречь остатки кораблей, яхты и галеры, ежели же не бережете, то за это взыщется съ васъ и съ потомковъ вашихъ»*. Несмотря однакожь на указъ этотъ, воля его не исполнилась: изъ всей переяславской флотиліи уцѣлѣлъ одинъ небольшой ботъ, сохраненный крестьянами села Веськова; съ 1803 года онъ сохраняется въ особомъ зданіи и порученъ надзору старыхъ отставныхъ матросовъ.

Когда Переяславское озеро перестало нравиться Петру, онъ осмо-

трѣль Кубенское: оно оказалось мелко, тогда царь начал неотступно помышлять о Бѣломъ морѣ; начал просить у матери позволенія ѣхать въ Архангельскъ; но она сразу не могла рѣшиться отпустить сына въ такой далекой и опасный путь; долго нерѣшалась она; но его настойчивость и пламенное желаніе видѣть море поколебали ее. Она дала Петру свое благословеніе на поѣздку въ Архангельскъ, но взяла съ него слово, что онъ на море только поглядитъ, но плавать, по немъ не будетъ.

Въ то время въ Москвѣ находился архіепископъ холмогорскій Аѳанасій; онъ узналъ о намѣреніи царя и тотчасъ поспѣшилъ въ Архангельскъ, чтобы приготовить все къ пріѣзду государя. Вслѣдъ за нимъ изъ Москвы тронулся царь съ многочисленною свитою; съ нимъ было около 100 человекъ бояръ, думныхъ дворянъ, князь-папа, оба генералиссимуса — Ромодановскій и Бутурлинъ, — Лефортъ, докторъ, священникъ съ 8 пѣвчими, 40 стрѣльцовъ и 10 потѣшныхъ; въ этой экспедиціи Петръ называлъ себя сержантомъ Преображенскаго полка.

До Вологды царь и его свита ѣхали въ каретахъ, коляскахъ, бричкахъ и телегахъ. Въ Вологдѣ они пересѣли на баркасы и поплыли по теченію Сухоны до Устюга Великаго, оттуда въ Сѣверную Двину; вся свита царская помѣщалась на шести баркасахъ; путешествіе было медленное, но не опасное. Архіепископъ Аѳанасій пріѣхалъ въ Холмогоры за нѣсколько дней до Петра и успѣлъ сдѣлать всѣ распоряженія къ приему нежданныхъ и небывалыхъ гостей; онъ далъ знать въ Архангельскъ, чтобы и тамъ приготовились. Отъ пристани до собора въ Холмогорахъ выстроились стрѣльцы, все духовенство съ крестами и хоругвями ждало въ сборѣ, заряженные пушки были на пристани.

Лишь только царскій баркасъ показался изъ-за Курострова, загудѣли колокола и загремѣли пушечные и ружейные выстрѣлы. Государь съ своего баркаса отвѣчалъ выстрѣлами и причалилъ къ пристани; тутъ ждали его экипажи; въ нихъ онъ отправился въ соборъ; на паперти встрѣтилъ его архіепископъ съ духовенствомъ; вмѣстѣ вошли въ соборъ; царь приложился къ иконамъ, отслужили молебенъ и Аѳанасій пригласилъ царя въ Крестовую палату, отвѣдать хлѣба-соли. Во время обѣда молодой царь разговаривалъ съ архіепископомъ и духовенствомъ и поразилъ всѣхъ своею просто-

тою и знаніемъ не только военныхъ, но и гражданскихъ отношеній; онъ говорилъ о торговлѣ, ремеслахъ и разспрашивалъ о бытѣ сѣверныхъ рыбаковъ и мореходцевъ. Послѣ обѣда онъ осматривалъ архіерейскую мельницу, долго ѣздилъ по Двинѣ на маленькой лодкѣ, ходилъ по городу, все осматривалъ и обо всемъ разспрашивалъ.

На слѣдующій день Петръ отправился въ своемъ баркасѣ къ Архангельску; здѣсь его тоже встрѣтили колокольнымъ звономъ и ружейною и пушечною пальбою. Онъ проплылъ мимо города и причалилъ къ Моисеевому острову, гдѣ нарочно для него былъ построенъ деревянный домъ—государевы свѣтлицы. — У пристани царя ожидала двѣнадцати-пушечная яхта *Петръ*, нарочно приготовленная для морскаго путешествія.

На слѣдующій день Петръ съ своими приближенными перебрался на яхту и съ нетерпѣніемъ ждалъ попутнаго вѣтра, чтобы выйти въ море. Еще въ Холмогорахъ онъ выразилъ желаніе побывать въ Соловецкомъ монастырѣ, но теперь отложилъ это путешествіе до слѣдующаго года. Онъ отмѣнилъ это путешествіе, должно быть потому, что ему представился случай видѣть плаваніе настоящаго военнаго корабля, и онъ не могъ упустить этого счастливаго случая.

Въ это время въ Архангельскѣ окончилась нагрузка нѣсколькихъ англійскихъ и голландскихъ купеческихъ судовъ и они готовились поднять якорь, чтобы отправиться въ обратный путь; ихъ провожалъ настоящій голландскій военный корабль, подъ начальствомъ капитана Юлле Юллесъ. Царь былъ на корабляхъ, осматривалъ ихъ съ жаднымъ вниманіемъ и выразилъ капитану желаніе выйти съ нимъ вмѣстѣ въ море. Капитанъ охотно согласился на желаніе царя и 4 августа рано утромъ суда снялись съ якоря; но при слабомъ вѣтрѣ еле добрались до устья Двины, гдѣ за совершеннымъ безвѣтріемъ должны были простоять цѣлый день, но царь въ это время съ любопытствомъ изучалъ оснастку корабля и, можно сказать, пересмотрѣлъ всѣ его закоулки, до мельчайшихъ подробностей; каждая веревка, каждый блокъ, каждый канатъ былъ осмотрѣнъ, вымѣренъ и изслѣдованъ. Въ день Преображенья, 6 августа, подулъ очень хорошій южный вѣтеръ, корабли распустили паруса и съ пушечною пальбою вышли въ море. Петръ былъ въ восторгѣ; онъ не переставалъ любоваться стройнымъ ходомъ корабля, его

красивою, до сихъ поръ невиданною оснасткою и постройкою; ловкость, точность и искусство матросовъ поражали его. Время для царя летѣло быстро, и онъ не замѣтилъ, что отъѣхалъ отъ Архангельска болѣе нежели на 300 верстъ, и что сѣверный Ледовитый океанъ уже близокъ. Но продолжать плаванія дальше нельзя было; онъ у Трехъ острововъ распростился съ капитаномъ, одарилъ его и перебравшись на свою яхту поѣхалъ обратно къ устью Двины, куда онъ пріѣхалъ на 5 день послѣ отъѣзда.

Возвратившись въ Архангельскъ онъ немедленно увѣдомилъ царицу Наталью Кириловну о своемъ путешествіи по Бѣлому морю, писалъ, что дождется прибытія голландскихъ кораблей и, какъ скоро увидитъ ихъ, немедленно возвратится въ Москву.

Царица ужаснулась опасности, которой подвергался Петръ, и послала ему письмо за письмомъ, умоляя, какъ можно скорѣе, возвратиться въ Москву; говорила о своей тоскѣ безъ него; но на всѣ ея письма Петръ отвѣчалъ, что непременно пріѣдетъ, какъ скоро придутъ голландскіе корабли, совѣтовалъ не печалиться, не тосковать, а беречь свое здоровье.

Петръ между тѣмъ не терялъ понапрасну времени; онъ все осматривалъ, все узнавалъ; онъ съ рыбаками ловилъ рыбу; съ купцами толковалъ о торговлѣ; съ архіепископомъ о путешествіи по рѣкамъ, по морю и по сушѣ, о томъ, какъ выгодно было бы торговлю прибрать къ своимъ рукамъ, не вести ея исключительно черезъ иностранные корабли, а снарядить для этого свои собственные. Онъ осматривалъ всѣ барки и лодки, которыя приходили по Двинѣ съ товарами; однажды въ небольшихъ лодкахъ привезли много глиняной посуды; Петръ тотчасъ пошелъ ихъ осматривать и ходилъ по узенькимъ доскамъ настаннымъ сверхъ посуды; онъ какъ-то нечаянно заглядѣлся, поскользнулся, упалъ на горшки и перебилъ многіе изъ нихъ; хозяинъ испугался не того, что у него перебита посуда, а что царь упалъ, бросился передъ нимъ на колѣни и умолялъ: «Батюшка государь, прости меня, я безъ вины виноватъ, не вели меня казнить! прости меня, неразумнаго!»

Петръ улыбнулся, успокоилъ испуганнаго, и щедрѣ заплатилъ за разбитую посуду.

Жизнь въ Архангельскѣ не походила на жизнь прочихъ русскихъ городовъ; здѣсь было много иностранцевъ; на нихъ не смо-

трѣли, какъ на еретиковъ; ихъ вліяніе отозвалось и на русскихъ, которые уже начали принимать европейскіе обычаи; въ лавкахъ было много иностранныхъ товаровъ — сукна, шелковыя и шерстяныя матеріи, кружева, золотыя и серебряныя вещи; здѣсь все можно было достать, не хуже какого-либо европейскаго города; по рѣкѣ Двинѣ каждый день приходили барки, нагруженныя хлѣбомъ, поташемъ, смолою, саломъ, нефтью, рыбьимъ клеемъ, икрою, вяленою и соленою рыбою,—все предметы нашей торговли съ иностранцами. Въ Архангельскѣ жило около 20 семействъ голландскихъ, англійскихъ и гамбургскихъ негоціантовъ. Царь познакомился со многими изъ нихъ и бывалъ у нихъ въ домахъ.

При видѣ иностранныхъ морскихъ флаговъ Петръ рѣшился придумать русскій; онъ въ образецъ избралъ нидерландскій, но расположилъ только цвѣта въ обратномъ порядкѣ, а именно: красный, сѣній и бѣлый; флагъ сшили и Петръ съ пушечною пальбою *въ первый разъ* поднялъ его и поплылъ подъ нимъ по морю.

Петра занимала мысль, какъ бы отправить русскіе купеческіе корабли за-границу; онъ приказалъ для того снарядить два корабля, нагрузить ихъ всѣмъ тѣмъ, что болѣе всего требовалось за границей, и отпустить ихъ подъ русскимъ флагомъ, одинъ въ нынѣшнемъ, а другой въ слѣдующемъ году. Долго колебался Петръ, въ какую страну послать корабль. Въ Голландіи и Англии онъ боялся стачекъ и козней тамошнихъ купцовъ, потому что одинъ опытъ, еще прежде сдѣланный русскимъ предпріимчивымъ негоціантомъ Лаптевымъ, не удался: тотъ нагрузилъ корабль превосходнѣйшими мѣхами и отправился съ ними въ Амстердамъ, но тамъ, по стачкѣ между тамошними купцами, у него не купили ни одной шкурки, несмотря, на то, что онъ дешево отдавалъ. Такимъ образомъ онъ съ полнымъ неуспѣхомъ возвратился въ Архангельскъ, но здѣсь не успѣлъ онъ бросить якорь, какъ весь грузъ у него раскупили архангельскіе иностранные негоціанты. Петръ зналъ это поэтому не рѣшался куда отправить корабль; и во Франціи опасался дурнаго пріема; но все-таки рѣшился отправить во Францію, но не подъ русскимъ флагомъ, а подъ голландскимъ; опасенія его были основательны, корабль конфисковали во Франціи.

По воскресеньямъ Петръ отправлялся къ обѣднѣ, въ ближайшую отъ своего дома церковь—Иліи; очень часто самъ читалъ апо-

столь и пѣлъ вмѣстѣ съ пѣвчими на клиросѣ; послѣ обѣдни заходилъ къ священнику, выпить рюмку водки и закусить. Обѣдалъ очень часто у архіепископа Аѳанасія, или у кого-нибудь изъ городскихъ жителей.

Петръ задумалъ пріѣхать въ Архангельскъ на слѣдующій годъ, вмѣстѣ со всею своею компаніей и приучить своихъ солдатъ къ морскимъ эволюціямъ; но для этого одной яхты Св. Петра было недостаточно, надобно было приготовить еще суда, годныя для мореплаванія. Съ этой цѣлью онъ на островѣ Соломбалѣ, нѣсколько ниже Архангельска, устроилъ верфь и собственными руками заложилъ сорокапушечный корабль. Другой, такого же размѣра, приказалъ купить въ Голландіи и съ этою цѣлью написалъ письмо амстердамскому бургомистру Николаю Витсену, который до тѣхъ поръ всегда акуратно и охотно исполнялъ различныя порученія Петра. Витсенъ былъ извѣстенъ въ Россіи тѣмъ, что сдѣлалъ первую географическую карту сѣверной Азіи и вмѣстѣ съ описаніемъ посвятилъ ее русскимъ царямъ, въ 1687 году.

Петръ перемѣнилъ воеводу въ Архангельскѣ, вмѣсто Андрея Артамоновича Матвѣева, болѣе способнаго къ дипломатической дѣятельности, назначилъ брата царицы Марѣы, Ѳедора Матвѣевича Апраксина, человѣка болѣе привязаннаго къ мореходству и слѣдовательно болѣе способнаго ускорить начатую постройку корабля.

День ангела царицы Натальи Кириловны царь отпраздновалъ очень весело и сжегъ великолѣпный, небывалый въ Архангельскѣ фейерверкъ.

Въ знакъ своей особенной привязанности, Петръ подарилъ архіепископу Аѳанасію свою карету и баркасъ, или стругъ, на которомъ приплылъ изъ Вологды съ якоремъ, парусами, со всею оснасткою и со всѣми флагами, находившимися на немъ, въ томъ числѣ штандартъ съ государственнымъ руссійскимъ гербомъ и флагъ іерусалимскій, съ нашитыми на немъ крестами; оба они до сихъ поръ хранятся въ Крестовой архіерейской церкви.

Наконецъ, сентября 18, Петръ объявилъ о своемъ намѣреніи пуститься въ обратный путь; распростился съ архіепископомъ, самъ перевезъ, послѣ напутственнаго молебна, архіепископа черезъ Двину, еще въ послѣдній разъ гонялся за бѣлугой и на ночь возвратился въ свой дворецъ.

Утромъ Петръ сѣлъ въ дощаникъ и при колокольномъ звонѣ и неумолкаемомъ громѣ пушекъ поплылъ по Двинѣ; народъ толпился на набережной, царь ласково кланялся. Противъ архіерейскаго дома на стругѣ стояли пѣвчіе въ стихаряхъ и лишь только царь поровнялся съ ними, запѣли многолѣтіе; къ царскому стругу подѣхалъ архіепископъ Аѳанасій съ хлѣбомъ, рыбою и пирогами. Государь благосклонно принялъ это приношеніе, еще разъ простился съ нимъ и поплылъ далѣе.

Изъ Холмогоръ вся свита отправилась въ Москву сухимъ путемъ, а самъ въ небольшомъ стругѣ поплылъ, останавливаясь осматривать лѣсопильный заводъ и верфь на Авчугѣ, притокѣ Двины. Далѣе и онъ поѣхалъ на лошадяхъ; на девятый день прибылъ въ Москву.

Всю зиму царь приготовлялся къ морскому походу, назначенному весною; онъ въ каждую свободную минуту самъ точилъ блоки для кораблей, отливалъ пушки, выбралъ изъ Преображенскаго и Семёновскаго полка самыхъ ловкихъ и расторопныхъ людей, чтобы изъ нихъ составить экипажъ для строящихся кораблей, составилъ планъ маневровъ, назначилъ въ адмиралы того-же Ромодановскаго, который былъ генералиссимусомъ; вице-адмираломъ Бутурлина, а Гордона произвелъ въ контръ-адмиралы; самъ же принялъ названіе *шкипера* и приказалъ даже въ официальныхъ бумагахъ не называть его иначе.

Свободное отъ занятій время Петръ проводилъ въ Нѣмецкой слободѣ, или веселился съ своею компаніею, какъ прежде, но между веселыми пирами не забывалъ своихъ предположеній на счетъ торговли съ Европою. Онъ между прочимъ писалъ къ Апраксину о томъ, чѣмъ нагружать корабль и что ему привезти изъ Голландіи: «Купи мнѣ лимоновъ и если будетъ ихъ много, то половину положи, а другую изготви съ сахаромъ, по тѣмъ образцамъ, какіе я тебѣ оставилъ; если же ихъ привезутъ не много, то всѣ обрати въ лимонадъ. Да не забудь о рейнвейнѣ. Больше мнѣ, ничего не нужно, развѣ только привезутъ математическіе инструменты, то непременно купи». Въ перепискѣ съ Апраксинымъ онъ подписывался шкиперомъ и требовалъ, чтобы и онъ къ нему обращался, какъ къ шкиперу. Такъ въ одномъ письмѣ пишетъ: «Письмо твое я получилъ, только сомнѣваюсь, ко мнѣ ли оно писано, потому что писа-

но съ *злыми* чинами. Ты знаешь, я чиновъ не люблю, а какъ *нашъ товарищъ* долженъ знать, какъ ко мнѣ писать надобно. Пиши только о дѣлѣ и просто!»

Со времени возвращенія Петра изъ Архангельска при дворѣ стали появляться *женщины*; жены и дочери иностранцевъ бывали на вечернихъ собраніяхъ и даже танцовали! Супруга Петра, не смотря на свои закоренѣлыя суевѣрія иногда появлялась на этихъ собраніяхъ и принимала участіе въ нихъ.

Петръ не ожидалъ печали, которая поразила его. Царица Наталья Кириловна захворала, но ничего опаснаго не предвидѣли въ ея болѣзни; Петръ, ничего не подозрѣвая, готовился къ какому-то празднику и пригласилъ всю *свою компанію* въ домъ Лефорта. Но въ тотъ самый день рано утромъ изъ Кремлевскихъ палатъ прискакалъ въ Преображенское вѣстникъ звать царя къ умирающей матери. Онъ засталъ ее въ совершенно безнадежномъ состояніи, простился съ нею и принялъ ея благословеніе. Онъ глубоко былъ потрясенъ предстоящею потерей, онъ лишился матери, которая такъ горячо и такъ преданно любила его. Ей было всего 42 года, но постоянныя опасенія за жизнь сына, долгая борьба съ царевной Софіей, безжалостное избиеніе братьевъ въ глазахъ ея потрясли ея здоровье и она часто прихварывала, но всегда перемогалась и старалась свою болѣзнь скрывать отъ сына. Она скончалась 24 января 1691 года; на другой день, со всѣми обычными обрядами и почестями, ее похоронили въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Трое сутокъ Петръ былъ въ полномъ отчаяніи, тосковалъ и плакалъ, на четвертые былъ уже спокойнѣе, былъ даже у Лефорта и вскорѣ принялся за дѣло.

Извѣщая Апраксина о понесенной потерѣ, онъ писалъ: «Өздоръ Матвѣевичъ, бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю; подробности о ней писать рука моя отказывается, а еще болѣе сердце. Я вспоминаю къ тому жѣ слова апостола Павла: *не скорбѣть объ умершихъ* и слова Ездры: *минувшаго возвратитъ нельзя*. Роптать не смѣю, покоряюсь тайнѣ непостижимой и предаю все волѣ Божіей.

«Но теперъ, какъ Ной, я отъ бѣды немного отдохнулъ, пересталъ сокрушаться о невозвратномъ и начинаю думать о живыхъ!» А это

живое состояло въ томъ, чтобы пригото­вляли все нужное для постройки и оснастки новаго корабля въ Архангельскѣ.

Въ теченіе великаго поста въ Архангельскѣ было отправлено 1000 самопаловъ, или ружей и 2000 пудовъ пороха; въ тоже время Петръ отослалъ выточенные имъ и вполне обдѣланные блоки; въ Вологдѣ лежали совсѣмъ готовыя, вновь отлитыя 24 пушки. Извѣщая обо всемъ этомъ Апраксина, Петръ кланяется своимъ товарищамъ Яну и Никласу и велитъ сказать имъ, чтобы они къ его приѣзду наготовили побольше пива.

Наконецъ прошла зима, время вторичнаго путешествія въ Архангельскѣ настало; Лефорть далъ прощальный пиръ Петру и всей его компаніи; царь выѣхалъ изъ Москвы послѣдній, но первый прибылъ въ Вологду; внимательно осматривалъ баркасы, назначенные для путешествія, исправлялъ оснастку и перевозилъ на нихъ пушки, заготовленныя зимою и привезенныя изъ Москвы. Мая 8, въ 10 часовъ утра подняли якоря, отсалютовали со всѣхъ баркасовъ и медленно поплыли по рѣкѣ Вологдѣ. Впереди на первомъ баркасѣ плылъ любимецъ Петра, сержантъ Троекуровъ, на второмъ вице-адмиралъ Бутурлинъ, на каждомъ изъ слѣдующихъ кто нибудь изъ любимцевъ, или приближенныхъ Петра, на одиннадцатомъ *Господинъ шкиперъ*, за нимъ на двѣнадцатомъ баркасѣ адмиралъ Ѡ. Ю. Ромодановскій, а длинную вереницу на 22 баркасѣ замыкалъ контръ-адмиралъ Гордонъ.

Командиромъ флотиліи былъ Ромодановскій, но по приказаніямъ *шкипера*. Остатки вливались, или ускоряли и замедляли шествіе по пушечнымъ выстрѣламъ. Погода стояла прекрасная, плаваніе было быстрое и счастливое. Флотилія безъ всякихъ приключеній добралась до Архангельска на десятый день плаванія.

Петръ опять поселился въ своемъ прошлогоднемъ домѣ на Моисеевомъ островѣ. Къ величайшему своему удовольствію узналъ онъ, что строящійся корабль готовъ къ спуску. На третій день послѣ приѣзда отправился онъ на Соломбальскую верфь со всѣми своими приближенными, собственноручно подрубилъ подставки и корабль счастливо и плавно сошелъ на Двину. Петръ угостилъ на немъ своихъ товарищей—плотниковъ Яна и Никласа и всю свою свиту.

Дѣла никакого пока не было; Петръ распорядился тѣмъ, чтобы приступили къ оснасткѣ корабля, а самъ хотѣлъ воспользоваться

свободнымъ временемъ и съѣздить въ Соловецкій монастырь, чтобы поклониться мощамъ Св. угодниковъ Зосимы и Савватія. Для этой поѣздки снаряженъ была яхта «Св. Петръ,» на которой онъ и въ прошломъ году плавалъ по Бѣлому морю. Съ Петромъ поѣхалъ архіепископъ Аѳанасій, ближніе бояре, царскій духовникъ и нѣсколько солдатъ.

Яхта снялась съ якоря 30 мая, при очень легко, попутномъ вѣтрѣ; но наступила совершенная тишина и яхта остановилась. Но 1 іюня подулъ сильный восточный вѣтеръ; царь велѣлъ распустить всѣ паруса и яхта полетѣла въ открытое море. Огромныя волны тяжело поднимались и съ грознымъ ревомъ разсыпались пѣной, все предвѣщало бурю; къ вечеру яхта была въ 120 верстахъ отъ Архангельска; поднялась ужаснѣйшая буря. Паруса были убраны, но яхта стонала и трещала отъ страшныхъ порывовъ вѣтра и отъ могучихъ ударовъ волнъ; поминутно на нее набѣгали громадныя волны, заливали ее и бросали, какъ легкую орѣховую скорлупу. Самые опытные матросы поблѣднѣли и съ стѣсненнымъ сердцемъ говорили, что крушеніе неизбежно. Мало-по-малу, цѣпенѣющій ужасъ наполнилъ сердца самыхъ безстрашныхъ. Бояре, офицеры и солдаты потеряли голову, молились, плакали, поручали свою душу Богу, или молили Его о помощи. Архіепископъ громко молился объ утопающихъ; слова молитвы прерывались стонами и воплями отчаянія. Царь причастился Св. Тайнъ запасными дарами и спокойно, и твердо смотрѣлъ на яростное море; онъ взялся за руль самъ и твердо вступилъ въ борьбу съ мятежными волнами.

Его спокойствіе нѣсколько ободрило окружающихъ; кромѣ него на яхтѣ спокойнѣе всѣхъ оставался одинъ опытный морякъ, соловецкій работникъ и лопманъ. Онъ смиренно подошелъ къ царю и сказалъ ему, что есть только одно средство спастись отъ крушенія: надобно войти въ Унскіе-Рога; но путь этотъ очень опасенъ и трудно найти проходъ между подводными камнями; тамъ разбиваются суда и не при такой бурѣ. Царь отдалъ ему руль и велѣлъ править къ Унской губѣ. Но слѣдуя своей нетерпѣливой природѣ, не вытерпѣвъ, началъ вмѣшиваться въ управленіе и распоряжаться.

«Пошелъ прочь, крикнулъ на него разсерженный Антипъ Тимофеевъ,—я знаю, что дѣлаю, когда ты отдалъ руль въ мои руки, что же ты мѣшаешься въ мое дѣло?» Царь смиренно отошелъ отъ

него прочь и больше не вмѣшивался. Антипъ искусно и счастливо провель яхту между рядамъ камней, которыми усѣянъ входъ въ Унскую губу, о которыя дробились и пѣнились сердитыя волны моря. Бросили якорь и вышли на берегъ прямо въ Пертоминскій монастырь, чтобы благодарить Бога за избавленіе.

На берегу Петръ подошелъ къ лоцману, ударилъ его по плечу и смѣясь спросилъ: «Помнишь ли, пріятель, какъ ты отпотчиваль меня на морѣ?»

Испуганный Антипъ упалъ къ ногамъ царя и воскликнулъ: «Виновать, государь батюшка, помилуй меня!»

«Нѣтъ, не ты виновать, а я; зачѣмъ же мнѣ было вмѣшиваться не въ свое дѣло!» Онъ поднялъ Антипа, поцѣловаль его и подарилъ ему на память свое мокрое дорожное платьѣ. Въ монастырѣ на братію царь назначилъ разныя милости; подарилъ 2000 гривенъ на ограду монастырскую, 600 гривенъ далъ инокамъ, 600 гривенъ на покупку новой ладьи, которую въ предъидущемъ году разбило бурей, и велѣлъ возвратить пошлину, собранную съ монастыря за нѣсколько лѣтъ; въ послѣдствіи подарилъ монастырю много кирпичу и другихъ матеріаловъ на постройку удобныхъ и теплыхъ келій и каменной стѣны съ башнею.

Царь провель нѣсколько дней въ монастырѣ, пока буря не утихла; желая оставить здѣсь памятникъ своего пребыванія, онъ собственноручно сдѣлалъ большой деревянный крестъ и самъ вырѣзалъ на немъ надпись по-голландски: *Dat kruys maken kaptein Piter. van. a. Chr. 1694* (этотъ крестъ сдѣлалъ шкиперъ Петръ въ лѣто Христова 1694); самъ на своихъ могучихъ плечахъ отнесъ его къ тому мѣсту, гдѣ вышелъ, и поставилъ его на берегу. Этотъ крестъ и теперь еще сохраняется въ Пертоминской обители, куда его перенесли въ 1802 году.

Буря утихла только 6-го іюня, царь продолжалъ плаваніе къ Соловецкимъ островамъ безъ приключеній бросилъ якорь у монастырской пристани. Архимандритъ Фирсъ, настоятель монастыря, въ послѣдствіи поставилъ тамъ крестъ, который и до сихъ поръ хранится въ часовнѣ у Святыхъ воротъ. Трое сутокъ провель Петръ въ монастырѣ, подарилъ на украшеніе храма 1000 рублей, всѣхъ монаховъ отъ настоятеля до послѣдняго дьячка щедро одарилъ. Осво-

бодилъ Антипа отъ службы монастырской, подарилъ ему значительную сумму денегъ и возвратился въ Архангельскъ.

Тотчасъ по возвращеніи, Петръ написалъ письмо брату своему Иоанну, гдѣ описываетъ свое опасное приключеніе и какъ избавился отъ вѣрной гибели. Въ Архангельскѣ трое сутокъ праздновали счастливое возвращеніе царя; его приглашали на обѣды и русскіе, и иностранцы, и тамъ, и здѣсь вино лилось рѣкою. Но отъ пировъ дѣло не страдало; оснастка новаго корабля быстро подвигалась; самъ царь повсюду прикладывалъ руки.

Отъ амстердамскаго бургомистра Витсена пришло извѣстіе, что голландскій корабль вышелъ уже въ море и скоро будетъ въ Архангельскѣ. Изъ Москвы писали, что тамъ часто бывають пожары, и народъ горько сожалеетъ объ отсутствіи Петра; всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, ежели бы царь былъ дома, такихъ большихъ пожаровъ не было-бы.

Юля 20 Петра обрадовало извѣстіе, что въ Двинскомъ заливѣ показались три корабля: одинъ голландскій и два англійскихъ; голландскій былъ давно, — ожидаемый военный 44 пушечный фрегатъ. Петръ пошелъ къ нему навстрѣчу, салютовалъ съ своей яхты, самъ ввелъ его въ устье Двины и поставилъ въ безопасное мѣсто, близъ Соломбальскаго острова. Вся компанія Петра вслѣдъ за нимъ собралась на корабль и долго веселилась. Въ самый разгулъ пиршества, Петръ написалъ Витсену письмо, въ которомъ извѣщаетъ о своей радости: «Чего давно желали, нынѣ совершилось; пространнѣе писать буду съ настоящей, почтой, а сегодня мы много веселились и пространно писать нельзя: при такихъ случаяхъ мы всегда приносимъ жертвы Вахусу, который своими листьями заслоняетъ глаза тѣмъ, которые хотятъ пространно писать». Новоприбывшій корабль еще въ Голландіи получилъ многознаменательное названіе *Santa Prophetia* (Св. Пророчество), а построенный въ Архангельскѣ и тутъ же оснащенный назывался *Св. Павломъ*.

Петръ, до прибытія голландскаго фрегата, изучалъ морскую службу съ такимъ-же вниманіемъ, какъ изучалъ сухопутную. Онъ вздумалъ на голландскомъ военномъ кораблѣ пройти всю службу морскую и для этого избралъ опытнаго капитана Виллемсона. Однажды онъ приплылъ къ его кораблю, вошелъ въ каюту капитана, разговорился съ нимъ и я сказалъ хочу на дѣлѣ пройти всю морскую службу.

Капитанъ представлялъ ему всѣ неудобства и трудности этого предпріятія; но Петръ настаивалъ. Капитанъ все-таки смотрѣлъ на это, какъ на шутку, и сказалъ: «Хорошо, ежели ты хочешь учиться, то начинай съ должности каютнаго юнга.»

— А, какая это должность? спросилъ царь.

— Вотъ какая: подай мнѣ трубку и принеси стаканъ водки! Надобно учиться служить другимъ, чтобы потомъ умѣть повелѣвать! Царь послѣшно всталъ и исполнилъ приказаніе.— «Хорошо, сказалъ Виллемсонъ, теперь будь матросомъ, полѣзай на мачту и уברי парусъ!

Петръ, безъ возраженія, полѣзъ на мачту и всѣ ужаснулись, когда онъ взобрался на самую верхушку ея и убралъ парусъ.

Капитанъ опасался продолженія уроковъ, но Петръ настоятельно требовалъ того—и прошелъ всю службу до офицерскаго чина.

Такимъ образомъ подготовленный Петръ былъ на своемъ новомъ фрегатѣ, какъ дома. Во время переѣзда изъ Голландіи въ Архангельскъ на немъ случились нѣкоторыя поврежденія: Петръ, какъ хорошій корабельный мастеръ, все осмотрѣлъ и очень скоро все исправилъ.

Оставалось попробовать новые корабли въ открытомъ морѣ; у Петра было теперь три корабля: команду Св. Павла онъ поручилъ вице-адмиралу Бутурлину, впрочемъ, при помощи знающаго и опытнаго морскаго капитана. Въ центрѣ шель адмиральскій фрегатъ съ адмираломъ Ромодановскимъ; на немъ находился *г. шкиперъ* съ своими приближенными; шкиперъ управлялъ кораблемъ и говорилъ адмиралу, что дѣлать. Арьергардъ составлялъ «Св. Петръ,» на немъ находился Гордонъ; самъ Петръ выдумалъ различные сигналы, чтобы управлять кораблями, написалъ ихъ значеніе и роздалъ списки и необходимые для того флаги по остальнымъ кораблямъ. Около этого времени изъ Архангельска должны были отправиться 4 нѣмецкихъ корабля съ грузомъ. Петръ воспользовался этимъ для своей морской экспедиціи, и рѣшился проводить ихъ до Ледовитаго океана. Онъ помѣстилъ ихъ въ центрѣ передъ адмиральскимъ кораблемъ и съ такою большою эскадрою готовился выйти въ море, но безвѣтріе продержало ихъ шесть дней на мѣстѣ. Только 10 августа подулъ слабый, но довольно попутный вѣтеръ; эскадра снялась съ явора, но опять должна была остановиться въ одномъ

изъ Двинскихъ притоковъ. Болѣе всѣхъ такимъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ недоволенъ былъ Петръ; но онъ нашелъ себѣ занятіе; онъ чертилъ планъ укрѣпленія и составлялъ планъ атаки и защиты этой крѣпостцы; придумывалъ новые способы взрывовъ и минъ; назначалъ гдѣ какую батарею ставить, гдѣ какому полку дѣйствовать; однимъ словомъ, вполне составилъ планъ маневровъ, которые хотѣлъ дать немедленно по возвращеніи изъ Архангельска.

Наконецъ съ большими затрудненіями и промежутками, то при попутномъ вѣтрѣ, то съ противнымъ, эскадра кое-какъ выбралась изъ Двины въ открытое море; но тутъ сдѣлался густой туманъ, при которомъ одинъ корабль нельзя было отличать отъ другаго; напрасно съ адмиральскаго корабля стрѣляли изъ пушекъ, били въ барабаны и трубили, чтобы всѣмъ держаться вмѣстѣ. Яхта «Св. Петръ» отстала отъ эскадры, по причинѣ невѣрнаго компаса взяла ложное направленіе и едва не наткнулась на каменную гряду острова Сосновець. Поставленные на немъ кресты, въ память погибшихъ здѣсь, съ яхты приняли за мачты остальныхъ судовъ; когда же замѣтили ошибку, островъ былъ уже такъ близокъ, что до него можно было бы добросить камнемъ; къ счастью вѣтеръ былъ слабый; отрубили канатъ и успѣли еще во время бросить якорь; яхта остановилась въ одной сажени отъ подводной скалы.

Гордонъ и всѣ его спутники были въ ужасѣ; не знали, что начать, спустили ботъ и посредствомъ запасныхъ якорей съ большимъ трудомъ оттянули яхту отъ берега. Но куда ѣхать? За туманомъ ничего не было видно; пришлось дожидаться, пока хоть немного разъяснѣетъ. Осторожно прошли между твердою землею и островомъ, не наткнувшись ни на мель, ни на подводный камень, выбрались въ открытое море и на горизонтѣ увидѣли мачты остальныхъ кораблей. Адмиралъ уже давно замѣтилъ отсутствіе яхты, убавилъ паруса и поджидалъ ее; это дало возможность яхтѣ присоединиться къ остальной эскадрѣ. Далѣе плаваніе было благополучно до мыса Святой Носъ, крайней точки берега Бѣлаго моря; далѣе мрачно волновался и грозно шумѣлъ Ледовитый океанъ. Невольные мореходцы, товарищи Петра, съ ужасомъ смотрѣли на него, ожидая, что онъ не остановится, а поплыветъ дальше: къ величайшему удовольствію ихъ съ адмиральскаго корабля, однакожь, раздались пять пушечныхъ выстрѣловъ—сигналь: поворачивать назадъ, къ Архан-

гельску. Иностраннѣя суда съ нашими на прощанье обмѣнялись салютами, пожелали другъ другу счастливаго пути и разстались. Царь-Шкиперъ возвратился въ Архангельскъ, пробывъ въ открытомъ морѣ болѣе десяти дней.

Послѣ морскихъ потѣхъ, молодой и живой царь спѣшилъ въ Москву, куда его манили новыя военныя удовольствія—маневры, до того обширныя, что ихъ, по справедливости, можно назвать походомъ.

ГЛАВА XII.

Послѣднія потѣхи Петра. Раскольники. Мазепа. Несогласія съ Польшей.

По возвращеніи въ Москву, Петръ дѣятельно занялся тѣмъ, чтобы привести въ исполненіе планъ маневровъ, имъ начерченный и распредѣленный во время затишья на Бѣломъ морѣ. Петръ началъ съ того, что увеличилъ свое войско; забирали въ солдаты и волей и неволей; изъ 20 городовъ вытребовалъ отъ воеводъ ратныхъ людей, для правильного обученія, какъ говорилось въ указѣ, на добрыхъ коняхъ съ пистолетами, явиться не позже 18 сентября; въ случаѣ неисполненія указа, виновные подвергались строгой отвѣтственности.

Мѣстомъ для маневровъ назначена была равнина, на правомъ берегу Москвы рѣки, въ двухъ верстахъ отъ Симонова монастыря за деревнею Кожуховою. Еще до возвращенія царя изъ Архангельска, по его приказанію, было построено земляное, пятиугольное укрѣпленіе — «безымянный городокъ». По деревнѣ Кожухово и всѣ маневры назывались Кожуховскимъ походомъ. Сначала свое мѣсто въ крѣпости занялъ *Польскій король*—генералиссимусъ Бугурлинъ. Его армія торжественно прошла по цѣлой Москвѣ. Впереди тянулись телеги съ запасами; за ними пять стрѣлцкихъ полковъ, въ длинныхъ полукафтаньяхъ, широкихъ шароварахъ, небольшихъ каскахъ, съ ружьями и тупыми копьями, далѣе шла конница, начальники съ знаменами, булавою и знакомъ, наконецъ ѣхалъ самъ король въ нарядномъ французскомъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, на прекрасномъ, богато-убранномъ конѣ; по обѣимъ сторонамъ его шли 16

аллебардистовъ; позади опять знатные бояре и начальники отдѣльных частей войска. Король занялъ крѣпость, осмотрѣлъ укрѣпленія и устроилъ за крѣпостью укрѣпленный лагерь для обоза; черезъ три дня послалъ сказать, что готовъ и ждетъ нападеній непріятели.

Тогда двинулась изъ Семеновскаго черезъ Москву другая армія; во главѣ ея шутовской отрядъ: любимый царскій шутъ Яковъ Тургеневъ, съ цѣлымъ хоромъ пѣвчихъ; за нимъ шли отборные царскіе полки, съ барабаннымъ боемъ и развѣвающимися знаменами. Лефортъ ѣхалъ въ каретѣ на 12 лошадахъ, въ богатыхъ уборахъ, съ шестью гайдуками въ красныхъ кафтанахъ. Генераль Гордонъ ѣхалъ передъ своимъ полкомъ верхомъ, а передъ нимъ вели его 5 верховыхъ лошадей, покрытыхъ богатыми попонами, и везли мортиру. Слѣдовали еще два полка. Передъ Преображенскимъ полкомъ въ мундирѣ, почти солдатскомъ, шли сержанты *Петръ Алексѣевъ*, князь Ѳеодоръ Троекуровъ и Иванъ Гуммертъ. За потѣшными полками, въ парадной царской каретѣ, ѣхали бояринъ Пушкинъ и думный дьякъ (князь-папа) Никита Моисеевичъ Зотовъ; за каретой и вокругъ нея ѣхали гусары въ шишакахъ и латахъ, палашники, гранатчики и наконецъ 25 карликовъ въ красныхъ плащахъ и въ шляпахъ съ перьями. Далѣе ѣхалъ генералиссимусъ Рамодановскій, несли большое государево знамя и другія принадлежности; далѣе слѣдовали бояре и царскіе приближенные; все шествіе замыкала артиллерія и шли пионеры съ лопатами, заступами, кирками и мѣшками.

Нападающіе заняли деревню Кожухово, устроили переправу черезъ Москву рѣку и учредили на правомъ берегу укрѣпленный лагерь съ *изрядными выводами*, т. е. укрѣпленіями, по всѣмъ правиламъ, тогда еще совершенно новаго въ Россіи, инженернаго искусства.

Петръ рѣшился брать крѣпостцу по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, при помощи апрошей, минныхъ галерей, подкоповъ и прочихъ осадныхъ работъ; все съ цѣлью познакомить свое войско съ такого рода войною. Но неожиданный случай разстроилъ планы Петра. Лефортъ былъ именинникомъ и праздновалъ этотъ день по русскому обычаю, роскошнымъ обѣдомъ; по его примѣру пировалъ весь лагерь.

Послѣ обѣда всѣ военачальники вздумали сдѣлать примѣрный

приступъ на крѣпость. Полки взяли фашины, доски, мѣшки съ землею для того, чтобы наполнить ровъ, двѣ крытыя повозки съ зажигательными снарядами, придуманные самимъ Петромъ для того, чтобы взрывомъ ихъ дѣлать проломъ въ непріятельскомъ валу. Фашины и взрывы употребили въ дѣло: ровъ завалили, но валъ остался невредимъ. Несмотря на это, Преображенскій, Семеновскій и Бутырскій полки пошли на приступъ. Осажденные защищались отчаянно; бросали въ осаждающихъ гранатами, горючими горшками, поливали ихъ водою изъ мѣдныхъ трубъ, били палками, на которыхъ были привязаны пуки горячихъ пеньковыхъ, просмоленныхъ веревочекъ. Многихъ ранили, опалили; въ томъ числѣ Лефортъ обожгли лицо; осажденные два часа отбивались; но Потѣшные такъ неужержимо лѣзли впередъ, что стрѣльцы наконецъ подались и побѣжали въ городокъ, а за ними хлынули Потѣшные и овладѣли имъ, вытѣснили стрѣльцовъ, многихъ захватили въ плѣнъ, въ томъ числѣ и коменданта; генералиссимусъ благодарилъ свои полки за побѣду, оставилъ въ городкѣ Семеновскій полкъ а все свое войско угостил роскошнымъ ужиномъ.

Но Петру такая поспѣшная побѣда не понравилась, онъ далъ стрѣльцамъ выговоръ, зачѣмъ такъ скоро бѣжали, отпустилъ всѣхъ плѣнныхъ, вывелъ Семеновскій полкъ изъ крѣпостцы и велѣлъ польскому королю опять занять ее, исправить поврежденія и защищаться въ ней до послѣдней крайности; потомъ снова принялся вести подкопы и дѣлать мины; это было особенно трудно потому, что рвы были наполнены ключами, вода изъ которыхъ пробивалась въ подземныя галереи и заливала ихъ. Петръ въ этихъ маневрахъ на опытъ узналъ, какъ трудно вести инженерную войну, какъ часто она зависитъ отъ случайностей и какъ часто бываетъ неудачна. Но, какъ бы то ни было, частію осадными работами, частію приступомъ, безымянный городокъ опять попался въ руки Потѣшныхъ, стрѣлецкіе полки опять укрылись въ укрѣпленный лагерь, но и здѣсь ихъ преслѣдовали и громили пушками; король не хотѣлъ сдаваться; нападающіе опять рѣшились на штурмъ, и, послѣ долгой и жаркой обороны, Потѣшные опять остались побѣдителями. Взяли въ плѣнъ короля и множество стрѣльцовъ.

Короля, со связанными назадъ руками, отвели въ шатеръ генералиссимуса; плѣнныхъ стрѣльцовъ со всѣми начальниками выстро-

или на полѣ въ одну линію. Прямо противъ нихъ, также въ одну линію, выстроились побѣдители, воткнувши передъ собою въ землю отнятыя у стрѣльцовъ знамена. Между рядами проѣхалъ главнокомандующій: ему свои и побѣжденные отдавали военныя почести.

Кожуховскій походъ былъ послѣднею военною потѣхою молодого царя.

Въ январѣ 1694 года было при дворѣ большое, шуточное торжество; царскій шутъ Яковъ Тургеневъ женился на дьячихѣ. Для праздника устроили особаго рода поѣздъ, состоявшій изъ бояръ, окольных чинныхъ и другихъ чиновъ людей; ѣхали они на быкахъ, на козлахъ, на свиньяхъ, на собакахъ; на поѣзжанахъ костюмы были смѣшныя; надѣты были лапти, мочальные кули, лычныя шляпы, крашенинныя кафтаны, опушенные кошачьями лапками, или сѣрыя, или разноцвѣтныя сермяги, опушенныя бѣличьими хвостами; нѣкоторые были въ соломенныхъ сапогахъ, рукавицахъ изъ мышинахъ шкурокъ и въ лубочныхъ шапкахъ. За этими странными поѣзжанами ѣхала лучшая царская бархатная карета; въ ней сидѣлъ Тургеневъ съ женою, а за каретою чинно выступали знатные бояре. Свадьба праздновалась въ шатрахъ, раскинутыхъ на полѣ, между Преображенскимъ и Семеновскимъ селомъ.

Въ то время, когда молодой царь такимъ образомъ потѣшался съ своею компаніей, въ обществѣ было глухое неудовольствіе на его, неприличное царю, поведеніе. Всѣ приверженцы старины роптали; многіе, пользуясь вѣчными потѣхами царя, исполнѣ предавались своимъ необузданнымъ склонностямъ, грабили и убивали, гдѣ и какъ удавалось. Люди старыхъ понятій негодовали на нововведенія и жаловались патріарху. Онъ тоже съ недоброжелательствомъ смотрѣлъ на любовь Петра ко всему иноземному, и часто въ бесѣдахъ своихъ пытался отклонить его отъ этой привязанности.

Въ обществѣ было такое-же несогласіе въ мнѣніяхъ: одни сознавали, что въ Европѣ многое идетъ несравненно лучше, чѣмъ въ Россіи и смотрѣли на нее, какъ на обѣтованную землю; другіе, напротивъ, въ Европѣ все находили не такъ и желали, чтобы Россія какъ можно больше удалялась отъ запада; эти старовѣры на cadaго иностранца смотрѣли съ неудовольствіемъ и исполнѣ раздѣляли мнѣніе патріарха; они желали, чтобы въ полкахъ и во всемъ государствѣ еретиковъ перестали назначать въ начальники, потому

что, говорили они, вслѣдъ за патріархомъ: какая отъ нихъ православному воинству можетъ быть помощь? Только гнѣвъ Божій на насъ накликаютъ. Когда православные молятся у заутрени—еретики спятъ; когда христіане постятся—еретики ѣдятъ мясо и пируютъ. «Гдѣ волкамъ начальствовать надъ овцами? Благодатію Божіею въ русскомъ царствѣ есть много людей благочестивыхъ, способныхъ къ ратному дѣлу.

Передъ смертію, патріархъ Іоакимъ написалъ завѣщаніе, въ которомъ высказалъ эти мнѣнія, умолялъ Петра не обольщаться иностранными обычаями, не вводитъ ихъ въ Россію, не позволять строить лютеранскія кирки и римскіе костелы, ссылаясь на то, что русскихъ церквей нигдѣ нѣтъ въ другихъ государствахъ, и т. д.

Долгое время патріаршій престоль оставался празднымъ; Петръ не рѣшался, кому отдать его; при своей страсти къ новизнѣ, при своихъ преположеніяхъ на будущее время, ему нужно было, чтобы патріархъ, ежели не содѣйствовалъ его видамъ, то, по крайней мѣрѣ, не мѣшалъ ему. Поэтому выборъ его остановился на смиренномъ и броткомъ митрополитѣ Адрианѣ. Онъ не вмѣшивался въ свѣтскія дѣла, но за то тѣмъ строже слѣдилъ за духовенствомъ, и такъ какъ въ семействахъ господствовали несогласія и ссоры, то онъ требовалъ, чтобы браки заключались по обоюдному согласію, поэтому постановилъ, чтобы священникъ по нѣскольку разъ отдѣльно, врозь, допрашивалъ жениха и невѣсту, по обоюдному ли согласію они вступаютъ въ бракъ и не уговаривалъ ли ихъ кто либо къ этому?

Во всѣхъ частяхъ управленія вообще были упущенія; все надобно было перемѣнить и исправить; Петръ еще не вникалъ во всѣ недостатки своего народа и всего управленія, но и то, что онъ видѣлъ, его раздражало; онъ сравнивалъ все съ тѣмъ, что узнавалъ, или читалъ объ Европѣ и видѣлъ неизмѣримое разстояніе, какое существуетъ между Россіей и западной Европой. За что онъ ни брался, во всемъ видѣлъ упущеніе: въ судахъ брали взятки и правымъ оставался только тотъ, кто могъ больше заплатить; военная дисциплина уже давно обратила на себя его вниманіе, и онъ уже кое-что сдѣлалъ для него науки, искусства и ремесла еще вовсе не существовали, или были еще на самой низшей степени развитія.

Петръ сходилъ съ иностранцами, или совсѣмъ обрусѣвшими, или вновь прибывшими, и полюбилъ ихъ; онъ старался сблизить

ихъ съ своими товарищами, имѣя постоянно въ виду, чтобы они перенимали отъ нихъ все хорошее. Но онъ не назначалъ иностранцевъ на главныя государственныя должности; онъ пользовался ихъ знаніемъ, но власти имъ отдавать не хотѣлъ. Вотъ, почему всѣ главныя должности въ Россіи, во времена Петра, всегда занимали русскіе, но не иностранцы. Изъ этого видно, что Петръ, при всей своей любви къ чужеземному, въ душѣ все-таки оставался русскимъ и хотѣлъ, чтобы русскіе, подобно ему самому, только учились у иностранцевъ.

Раскольники, подавленные при царевнѣ Софіи, лишившіеся своихъ главныхъ учителей, все-таки еще не переставали предаваться своимъ бреднямъ; по прежнему крестились двумя пальцами и читали *Вѣру* съ нѣкоторыми измѣненіями. Часть раскольниковъ, отъ притѣсненій православнаго духовенства, скрывались на сѣверѣ, въ Вологодской и другихъ губерніяхъ; большія раскольническія общества, съ другой стороны, держались на югѣ, по рѣкѣ Дону.

Когда ихъ и здѣсь начали тѣснить и уговариваливать принять новыя книги, они сотнями удалялись на рѣку Аграхань во владѣнія шавкала Тарковскаго и на берега Терека. Потеря храбрыхъ казаковъ — раскольниковъ была очень чувствительна для Россіи, поэтому лишь только волненія въ Москвѣ успокоились, въ 1691 году, къ нимъ отправили грамоту, чтобы звать ихъ назадъ въ Россію. Посланный, дворянинъ Басовъ, пріѣхалъ на Донъ и потребовалъ отъ тамошнихъ казаковъ провожатыхъ до Аграхани, но казаки отвѣчали: «Мы не можемъ тебя отпустить туда; однажды уже посылали гонца къ раскольникамъ, съ царскою грамотою, но они посланнаго убили, а двоихъ товарищей убитаго прислали къ намъ на Донъ обратно и велѣли сказать, что они будутъ убивать каждаго, кто явится къ нимъ съ царскими грамотами и войсковыми письмами, потому что они ѣхаютъ назадъ въ Россію не хотятъ; жить имъ хорошо и спокойно, ниго ихъ за вѣру не притѣсняетъ».

Такой отвѣтъ остановилъ дальнѣйшее путешествіе Басова; онъ написалъ въ Москву, спрашивая, что ему дѣлать. Пришелъ отвѣтъ повелѣніе ѣхать на Терекъ, ко вдовѣ князя Черкаскаго, Таукѣ Салтанбековнѣ и поступать такъ, какъ она прикажетъ. Басовъ взялъ съ Дона трехъ провожатыхъ и поѣхалъ къ княгинѣ Таукѣ. Она выслушала его и послала къ брату шавкала Алибеку съ прось-

бою, приѣхать къ ней повидаться и поговорить о дѣлѣ. Онъ приѣхалъ; Таука объяснила ему дѣло и просила его взять Басова съ донцами съ собою въ шавкалу и замолвить за нихъ слово. Поѣхали къ шавкалу; тотъ выслушалъ просьбу Басова и отвѣчалъ: «Казаки пришли ко мнѣ съ Дона волею, и по своему желанію живутъ въ моихъ владѣніяхъ; я ихъ къ себѣ не звалъ и высылать не могу, потому что смотрю на нихъ, какъ на гостей. Но я поговорю съ ними, посоветую, чтобы они повинились передъ царемъ и отправились назадъ, на житье на Донъ; но согласятся-ли они исполнить волю царскую, того я не знаю; удерживать ихъ не стану. Тебѣ же не советую къ нимъ ѣздить, непременно убьютъ тебя, лучше я съ ними переговорю.»

Басовъ согласился ждать; шавкалъ послалъ гонца, но тотъ привезъ отвѣтъ: раскольники не хотятъ видѣть царскаго посланника и ежели онъ приѣдетъ, то убьютъ его. Послалъ шавкалъ своего брата Алибека, тотъ привезъ такой-же отвѣтъ, только подробнѣе: «Пусть къ намъ впередъ изъ Москвы, или съ Дону никого и ни съ какимъ дѣломъ не присылаютъ; намъ здѣсь хорошо; никто у насъ вѣры не отнимаетъ, живемъ, какъ хотимъ, а идти намъ назадъ въ свои дома, какая выгода? Знаемъ, что насъ ожидаетъ!»

Черезъ нѣсколько дней къ шавкалу приѣхали четыре раскольника, видѣлись съ Басовымъ, повторили то, что уже говорили, не вѣрили царскимъ обѣщаніямъ и прибавили: «Ежели на насъ пошлютъ ратныхъ людей, чтобы силою воротить на Донъ, то мы, или отпоръ дадимъ, или уйдемъ въ Большую Кабарду, а тамъ насъ никто не найдетъ.» Басовъ принужденъ былъ уѣхать ни съ чѣмъ, потому что, какъ онъ узналъ, раскольники занимались набѣгами, грабежемъ и разбоями, и дѣлили съ шавкаломъ награбленную добычу.

Раскольниковъ въ такой-же мѣрѣ распространилось на сѣверѣ; скиты раскинулись по Вологодской и Новгородской губерніямъ, особенно въ Устюжскомъ уѣздѣ. Они въ своихъ скитахъ предавались всѣмъ безумствамъ изувѣрства, мучили себя голодомъ, бичевали сами себя и другъ друга, сжигали себя и т. п. Имъ не довольно было добровольныхъ приверженцевъ; они силою старались обращать въ свой расколъ. Такъ въ іюлѣ 1693 года сотни двѣ раскольниковъ ворвались въ Пудожскій погостъ, Олонецкой губерніи, силою выгнали крестьянъ изъ церкви, овладѣли ею, избили поповъ

и причетниковъ и съ дикими воплями принялись очищать церковь; водою по своему освященноу умывали иконы, стѣны, крыши и кресты церкви, притѣсняли крестьянъ, били ихъ, заставляя пристать къ ихъ вѣрованіямъ. Дали объ этомъ знать воеводѣ олонецкому; онъ послалъ на раскольниковъ стрѣleckаго сотника и дьяка, чтобы уговаривать ихъ, образумить и избавить отъ нихъ погостъ. Посланные узнали, что раскольники забились въ четыре избы и заперлись въ нихъ; посланные съ понятыми и стрѣльцами обступили избы и принялись уговаривать раскольниковъ повиниться, но тѣ отвѣчали бранью и укоризнами на новую вѣру. Стрѣльцы окружили избы, чтобы раскольниковъ переловить живыми; но они начали отстрѣливаться; тогда стрѣльцы принялись прорубать стѣну, чтобы вытаскать раскольниковъ; но въ избахъ слышалось монотонное пѣніе, изрѣдка прерываемое выстрѣлами и стукомъ топоровъ; вскорѣ повалилъ дымъ изъ щелей и показалось пламя: раскольники зажгли избы и всѣ до послѣдняго сгорѣли.

Монастыри, или скиты раскольниковъ образовались въ непроходимыхъ лѣсныхъ чащахъ, за Онежскимъ озеромъ, куда ни пѣшему, ни конному изъ-за трясинъ и болотъ проходу и проѣзду не было. Вотъ, какъ объ этихъ скитахъ пишетъ очевидецъ: «У Бѣлаго озера стоитъ одинокая Митрошкина келья; отъ нея до рѣки Верхняго Выча, дикими лѣсами, болотами и дѣбрями пѣшкомъ надобно идти 15 верстъ, а на лошадяхъ проѣхать вовсе нельзя. Подлѣ рѣки построено десять келій, живетъ въ нихъ начальникъ раскольниковъ, бѣглый соловецкій монахъ, Корнелій, съ товарищами и совѣтниками; ростомъ онъ маленькій, сѣдой старикъ; раскольниковъ около него собралось сто человекъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Кельи стоятъ поодаль одна отъ другой, между нѣкоторыми разстоянія полъ-версты и дальше; да на рѣкѣ, противъ этихъ келій, построена мельница. У нихъ нѣтъ ни ружей, ни пороху, ничего такого, чѣмъ можно бы обороняться: хлѣбъ и припасы сохраняютъ въ маленькихъ хороминкахъ на столбахъ. Между кельями построена мельница; лошадей у нихъ нѣтъ, а пахутъ руками, лопатами и граблями. При мнѣ къ начальнику приходили изъ разныхъ келій исповѣдываться и причащаться: и это у нихъ дѣлается не похристіански: возьмутъ клюквы и пшеничной, или ржаной муки, смѣшаютъ вмѣстѣ тѣмъ, и причащаются. Слышалъ я, что есть дру-

гой, гораздо больши́й скитъ, вверхъ по той-же рѣкѣ; тамъ избы большія, крѣпкія, вмѣсто оконъ бойницы, чтобы отстрѣливаться, ежели къ нимъ придуть изъ Москвы. Въ томъ скиту есть три мѣдныя пушки, много пицалей, пороху, пуль, бердышей и всякаго другаго оружія, которое они покупаютъ на ярмаркахъ и въ торговыхъ мѣстахъ; здѣсь раскольники богаче, хлѣбъ пашутъ на лошадахъ; рыбы у нихъ много; они ее ловятъ на дикихъ озерахъ.»

Кромѣ раскольниковъ были несогласія церковныя между приближенными къ царю людьми, нѣкоторые твердо стояли за православное вѣроисповѣданье, иные, увлеченные католицизмомъ и кальвинизмомъ скорѣе склонялись къ этимъ вѣрованіямъ и не уважали своихъ прирожденныхъ православныхъ догматовъ. Патріархъ и строгіе приверженцы старины не одобряли нововведеній и видѣли въ нихъ несомнѣнную гибель благочестія.

Такъ все колебалось и волновалось внутри государства; Петръ, по своей молодости и пылкости, еще не могъ твердою рукою управлять младенчествуящею, неустановившеюся жизнью народа. Опытныхъ и твердыхъ совѣтниковъ у него еще не было.

Внѣшнія границы Россіи были шатки; объ нихъ шли споры съ Польшею, Турціей и Крымомъ. Малороссійскіе и украинскіе города, хотя и признавали верховную власть царей, но управлялись своимъ гетманомъ. На Днѣпрѣ Запорожская сѣчь еще оставалась независимою, потому что москалей тамъ не любили и запорожцы всегда готовы были взяться за оружіе.

Когда борьба Петра съ Софіей уже приходила къ концу и Петръ находился въ Троицкой лаврѣ, въ Москву пріѣхалъ гетманъ *обѣихъ сторонъ Днѣпра* Иванъ Степановичъ Мазепа. По приказанію государей, его встрѣтилъ дьякъ Бобынинъ съ царскою каретою; еще не доѣзжая до Москвы гетманъ сѣлъ въ нее и сказалъ: «Славу Богу, по милости великихъ государей, уподобилъ меня Господь ѣхать въ царской каретѣ. Скажите, какая это карета, должно быть старинной нѣмецкой работы?»

— Въ этой каретѣ всегда вѣзжаютъ великіе полномочные послы иностранныхъ державъ! былъ отвѣтъ.

Вслѣдъ за тѣмъ гетманъ завелъ рѣчь о Крымскомъ походѣ, о томъ, какъ хорошо Голицынъ начальствовалъ войскомъ, и ежели большихъ успѣховъ не было, то это единственное по причинѣ труд-

ныхъ для похода безлюдныхъ пустынь, по которымъ войскамъ пришлось идти, продовольствія тамъ нѣтъ и взять его неоткуда и т. д. Въ Кремлѣ Софія приняла Мазепу очень торжественно; говорили похвальные рѣчи съ той и другой стороны.

Но дѣла Софіи пошли плохо, Мазепа опасался, какъ бы и ему не было неприятностей изъ-за его дружбы къ кн. Голицыну и къ Софіи; тѣмъ болѣе, что начали ходить слухи, что гетмана надобно бы замѣнить другимъ, болѣе вѣрнымъ и преданнымъ Россіи человекомъ.

Мазепа взглянулъ въ положеніе дѣлъ и рѣшился старымъ правленіемъ, Софіею и Голицынымъ, пожертвовать новому. Онъ отправился въ Троице-Сергіевскую Лавру и представился молодому царю Здѣсь его тоже встрѣтили похвальною рѣчью, за его преданную и вѣрную службу Россіи. Гетманъ былъ въ смущеніи и отвѣчалъ коротко, ссылаясь на болѣзнь, но далъ обѣщаніе служить великому царю московскому усердно, до послѣдней капли крови. Не думая долго, Мазепа рѣшился навсегда порвать всѣ отношенія къ старому правительству; при случаѣ, онъ жаловался на Голицына за то, что онъ, черезъ своихъ приверженцевъ, угрозами вытребовалъ себѣ богатые подарки деньгами и вещами; притѣснялъ его, Мазепу, и подвластныхъ ему казаковъ; онъ подалъ въ такомъ смыслѣ прошеніе и просилъ вознаградить понесенные имъ убытки изъ имѣнія Голицына. На эту челобитную смотрѣли, какъ на выраженіе полной преданности новому правительству, и всѣ просьбы Мазепы были удовлетворены. Въ Москву онъ пріѣзжалъ за грамотою, которая подверждала бы за нимъ всѣ прежде дарованныя гетманамъ права и преимущества; грамоту эту онъ получилъ. Кромѣ того, онъ просилъ увеличить русскіе гарнизоны въ городахъ малоросійскихъ и сдѣлать точную народную перепись, чтобы никто не могъ писаться то казакомъ, то крестьяниномъ. Хлопоталъ еще о томъ, чтобы русскіе не смѣли требовать даровыхъ подводъ, безъ царскаго указа, просилъ ограничить винокуреніе, потому что на винокурняхъ истребляютъ лѣсъ, котораго съ каждымъ годомъ становится меньше. Все это было разрѣшено гетману, но съ ограниченіемъ, не притѣснять малороссіянъ; которымъ царь далъ и подтвердилъ за ними права, какими они до сихъ поръ пользовались.

Мазепа умѣлъ своими хитрыми, льстивыми рѣчами до того

околдовать Петра и его ближних бояръ, что его считали самымъ преданнымъ и вѣрнымъ человѣкомъ; тогда какъ въ душѣ онъ только и думалъ о томъ, какъ бы вырваться изъ подъ опеки русскаго правительства и всецѣло передаться Польшѣ, или, еще лучше, основать самостоятельное государство. Всѣ дѣйствія Мазепы клонились къ тому, чтобы успокоить недовѣрчивыхъ царскихъ совѣтниковъ и поправиться молодому царю.

Враги Мазепы негодовали на то, что онъ и при Петрѣ остался также твердо на своемъ мѣстѣ, какъ былъ во времена Софїи и кн. Вас. В. Голицына.

Съ Польшей отношенія Россїи были неопредѣленныя; по договору наши войска должны были помогать Польшѣ; въ войнѣ противъ Турціи и Крыма во всякій разъ Польша всю тягость войны оставляла на долю русскихъ, именно тѣмъ, что не высылала войскъ во время, или вовсе не высылала ихъ. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ опытовъ, русское правительство начало остерегаться и не высылало своихъ полковъ по первому требованію польскаго короля, и требовало настоятельно, чтобы при заключеніи мира съ Турціею и крымскимъ ханомъ, наши выгоды не были выпущены изъ виду.

Отъ московскаго двора былъ посланъ нарочный посоль въ Вѣну, чтобы участвовать въ заключеніи статей мирнаго договора, но его вовсе не допустили до переговоровъ и онъ только подъ рукою узналъ, что при мирныхъ переговорахъ о выгодахъ Россїи и не упоминается. Изъ Москвы начали жаловаться на такое забвеніе, но договаривающіеся писали въ отвѣтъ, что при заключеніи мира, Россїя не будетъ забыта. Такъ тянулось время, ничего рѣшительнаго не было, но двоедушїе Польши въ отношеніи Россїи на каждомъ шагу обнаруживалось.

Изъ Польши часто появлялись на русскихъ границахъ люди, которые старались увлечь малороссійскихъ казаковъ на сторону Польши. Русскіе на это жаловались королю; онъ оправдывался, какъ могъ; но возмутительныя посланія отъ Польши въ Малороссію были на лицо и вызвали пограничныя строгія мѣры.

Мазепу начали подозрѣвать въ привязанности къ Польшѣ и даже неоднократно обвиняли въ частыхъ сношеніяхъ съ нею; но кн. Голицынъ оправдывалъ его. А между тѣмъ переписка между Мазепою и польскимъ королемъ была такая частая, что король изучилъ и

почеркъ и образъ выраженія Мазепы и при случаѣ могъ подложное письмо отличить отъ настоящаго.

Когда Мазепа возвратился въ Малороссію, послѣ мѣсяца, проведеннаго въ Москвѣ, король польскій написалъ ему письмо, въ которомъ поздравляетъ съ удачною поѣздкою и съ почестями, какими его тамъ осыпали.

Гетманъ не рѣшался еще на какую сторону ему склониться: отъ Петра и его министровъ, не расположенныхъ въ его пользу, онъ не многого ожидалъ; слѣдовательно, ежели Петръ восторжествуетъ надъ Софіей, борьба съ которой была еще не кончена, будущность его сомнительна; ежели же напротивъ Голицынъ и Софія восторжествуютъ, то положеніе гетмана еще хуже, потому что доносомъ Петру на Голицына, Мазепа нажилъ себѣ непримиримаго врага. Кромѣ того Мазепа думалъ, что несогласія между Петромъ и Софіей кончатся междуособной войною, и онъ надѣялся воспользоваться ею для своихъ выгодъ, и болѣе чѣмъ когда либо думалъ о томъ, какъ бы отдаться подъ покровительство Польши.

Вскорѣ послѣ возвращенія Мазепы изъ Москвы, къ польскому королю Яну III явился какой-то монахъ—Соломонъ; онъ принесъ отъ Мазепы письмо за гетманскою печатью. Въ этомъ письмѣ гетманъ просилъ короля взять Малороссію подъ свое покровительство и избавить ее отъ Московскаго властолюбія; просилъ немедленно прислать универсалы, чтобы поднять все Заднѣпровье, прибавляя, что на помощь крымскихъ татаръ онъ надѣется, тѣмъ болѣе, что мурза Селиметъ находится у него въ Батуринѣ заложникомъ.

Король призвалъ къ себѣ Соломона, разговаривалъ съ нимъ, но не далъ рѣшительнаго отвѣта и отпустилъ его назадъ, давши на дорогу пропускной листъ, въ которомъ говорилось, что честной отецъ приходилъ въ Польшу за тѣмъ, чтобы *собрать милостыню*.

Нѣсколько недѣль спустя, монахъ опять явился при польскомъ дворѣ, съ новыми письмами, тоже за гетманскою подписью и печатью; въ нихъ было извѣстіе, что все Заднѣпровье готово и уже волнуется, только дожидаются универсаловъ, чтобы признать надъ собою покровительство Польши.

Но Яну III самая печать и подпись показались подозрительными, а можетъ быть, и личность Соломона не внушала довѣренности только онъ послалъ къ Мазепѣ своего полковника, дворянина Ис-

крицкаго, чтобы переговорить обо всемъ и объявить, что, какъ скоро Малороссія поднимется, король ее приметъ подъ свое покровительство. Но Мазепа съ своей стороны не довѣрять Искрицкому и отвѣчалъ, что онъ никакихъ писемъ не писалъ и никакого монаха Соломона не знаетъ и никогда не думалъ посылать его въ Польшу.

Но не дождавшись отвѣта отъ Мазепы, король приказалъ епископу Шумлянскому написать письмо Мазепѣ и послалъ его съ шляхтичемъ Доморацкимъ въ Батуринь.

Въ письмѣ Шумлянскій извѣщалъ, что король получилъ письмо гетмановское черезъ дьякона Соломона и тотчасъ на него отвѣчалъ, а теперь посылаетъ вѣрнаго человѣка, шляхтича Доморацкаго съ тѣмъ, чтобы поторопить дѣло, пока собранъ сеймъ, прибавляя отъ себя, что въ такое время лучше всего Мазепѣ ясно выразить свои требованія, чтобы при помощи Рѣчи посполитой свергнуть иго, тяготящее вольный народъ. Далѣе удивляется, что отъ пана Искрицкаго до сихъ поръ нѣтъ отвѣта, но надѣется, что второй пода-тель будетъ счастливѣе и принесетъ желанное извѣстіе. «Какъ скоро мы будемъ увѣрены въ вашей готовности, оканчиваетъ онъ письмо, мы приступимъ къ дѣлу и всемилостивѣйшій король мой, вмѣстѣ съ Рѣчью посполитой, найдетъ средства для охраненія васъ и войска Запорожскаго.»

Изъ этого видно, какъ нерѣшительна была и та и другая сторона.—Мазепа ждалъ универсаловъ, а король возстанія, чтобы въ случаѣ несостоятельности ни той, ни другой сторонѣ не остаться одной, ежели бы пришлось начать борьбу съ Россіей. Мазепа не рѣшался отправить Доморацкаго съ отвѣтомъ, изъ опасенія, чтобы его не перехватили на границѣ; онъ дожидался Соломона, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отпустить Доморацкаго, такъ какъ Соломону извѣстны были всѣ по граничныя тропинки: но прошло два мѣсяца, а Соломонъ не показывался.

Мазепа безпокоился; онъ опять послалъ черезъ вѣрныхъ людей два письма, просилъ поскорѣе прислать къ нему Соломона съ рѣшительнымъ отвѣтомъ и ничего не довѣрять ни Искрицкому, ни Доморацкому; но опять прошелъ мѣсяцъ и отвѣта не было.

Не смотря на осторожность Мазепы, вѣсть о его намѣреніи измѣнить Россіи разнеслась, и появились пасквили; одинъ изъ нихъ былъ отправленъ въ Москву. Войсковому писарю Кочубею тайно

было поручено наблюдать за Мазепою. Въ Москвѣ же на пасквили смотрѣли, какъ на выдумку его недоброжелателей, но Кочубей предостерегалъ правительство и не совѣтовалъ довѣрять Мазепѣ.

Слухи эти дошли и до короля, и до Мазепы; тутъ еще менѣе прежняго ни одинъ изъ нихъ не рѣшался сдѣлать рѣшительнаго шага; начали думать о томъ, какъ бы разсѣять подозрѣніе. Трудно было отдѣлаться отъ писемъ, о которыхъ уже вездѣ говорили: лишь только Искрицкій вернулся въ Варшаву и разсказалъ о своемъ свиданіи съ Мазепою, Соломона схватили и заковали въ кандалы, какъ обманщика, составившаго подложныя письма съ фальшивыми подписями и печатями. Король въ письмѣ своемъ къ Искрицкому подробно пишетъ о письмахъ Соломона, съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ все гетману, вѣроятно, чтобы, въ случаѣ допроса, или вопроса, Мазепа могъ отвѣчать тоже, что будутъ, по этому случаю, отвѣчать изъ Польши. Подробно описывали, какъ привезены были первыя письма, какъ послѣ втораго, подложность, его тотчасъ бросилась въ глаза королю, потому что ни образъ выраженія письма, ни подпись не были гетмановскіе.

Но обманъ вполне обнаружился только при третьемъ письмѣ: Соломонъ сказалъ, что его принесъ какой-то чернецъ; въ письмѣ была просьба поскорѣе отпустить его, Соломона, къ Мазепѣ, чтобы покончить начатое дѣло; все это была одна ложь, пишетъ король: письмо сочинилъ онъ самъ, бумагу бралъ у хозяина, въ домѣ котораго жилъ, а писать нанималъ студента, учившаго дѣтей у одного италіанца. Студентъ на него и донесъ. Измѣнника заковали. Сначала онъ ото всего отрекся, а печати войсковую, свинцовую и гетмановскую-мѣдную, зарылъ въ саду; но когда Соломонъ изнемогалъ отъ двойной тяжести кандаловъ и когда передъ нимъ разложили орудія пытки, во всемъ сознался и изъ земли вырылъ печати.

Далѣе говорилось въ письмѣ, что, должно быть, враги гетмана подучили Соломона написать эти письма, чтобы погубить благороднаго гетмана. Въ концѣ письма король приказывалъ Искрицкому найти надежнаго и преданнаго человѣка, чтобы съ нимъ послать извѣстіе къ Мазепѣ и тѣмъ предупредить его, чтобы по случаю недоразумѣній не причинилась ему какая либо непріятность черезъ эту низкую клевету.

Между тѣмъ гетманъ, съ своей стороны, не оставался въ без-

дѣйствіи. Онъ послалъ письмо Шумлянскаго, вмѣстѣ съ Доморацкимъ въ Москву, съ жалобою на козни враговъ своихъ, которые хотятъ погубить его, лишивъ довѣренности царей московскихъ. Боярамъ онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, послалъ богатые подарки и путемъ притворной откровенности вполне разсѣялъ подозрѣнія.

Мазепа достигнулъ своей цѣли. При допросѣ Доморацкій безъ всякой утайки прямо показалъ, что его послалъ въ Малороссію епискомъ Шумлянскій, приказавъ доставить письмо гетману и на словахъ обѣщать ему помощь въ 30 хорунжей жолнеровъ, и сказать, что самъ Шумлянскій для окончательныхъ переговоровъ пріѣдетъ въ Батуринь.

Московскій дворъ негодовалъ, всѣ подозрѣнія пали на Шумлянскаго и на польскую двуличную политику. Гетмана же никто не подозрѣвалъ. Казакъ Полуботокъ тайно пробрался въ Москву тотчасъ вслѣдъ за Доморацкимъ, просилъ аудіенціи, обѣщаясь раскрыть всѣ тайны замышляемой измѣны, но никто не слушалъ его и какъ безпокойнаго человѣка, постарались поскорѣ выпроводить его изъ Москвы.

Въ Москвѣ настойчиво требовали выдачи Соломона и примѣрнаго наказанія Шумлянскаго. Польскій резидентъ не вѣрилъ письму Шумлянскаго, считалъ все это клеветою и такъ рѣзко и дерзко отвѣчалъ боярамъ, что раздражилъ ихъ окончательно; а самъ писалъ королю и требовалъ приказанія, какъ поступать и что говорить.

Король Янъ III изумился, когда узналъ о поступкѣ Мазепы; онъ писалъ ему и требовалъ объясненія; но Мазепа молчалъ. Резидентъ польскій ссорился съ боярами; тогда король рѣшился объяснить посредствомъ нарочнаго посла.

Въ Москву пріѣхалъ посланникъ Янъ Окраса, но по случаю болѣзни и кончины царицы Натальи Кириловны его долгое время не принимали; наконецъ послѣ долгихъ и неотступныхъ просьбъ, цари приняли его въ селѣ Преображенскомъ съ обычными церемоніями, очень парадно, въ царскихъ вѣнцахъ и съ прочими регаліями. Но при этомъ никакихъ совѣщаній не было, а назначена была особая конференція; кое-какъ всѣ затрудненія были устранены, но недовѣрчивость осталась съ той и другой стороны.

По возвращеніи посланника въ Варшаву, вслѣдствіе условія, Соломона выдали русскому правительству. Неизвѣстно, чѣмъ кончился допросъ и что онъ говорилъ, но его признали клеветни-

комъ, который хотѣлъ погубить гетмана и, по желанію Мазепы, его отослалъ въ Малороссію для жестокой пытки и смертной казни.

Но этимъ не окончились неудовольствія съ Польшей; съ другой стороны, въ Малороссіи волновалась Запорожская Сѣчь; многіе казаки, вслѣдъ за войсковымъ писаремъ Петрикомъ, бѣжали къ Крымскому хану, безпрестанно присылали къ казакамъ возмутительныя воззванія, старались раздражить ихъ противъ русскихъ и обѣщаніями привлечь къ хану. Легковѣрные, жадные къ грабежу, люди бѣжали къ Петрику и вмѣстѣ съ нимъ и съ крымцами тревожили малороссійскіе города.

Народъ въ Малороссіи былъ недоволенъ, во-первыхъ тѣмъ, что московскимъ чиновникамъ раздавали помѣстья на Украинѣ и вторыхъ тѣмъ, что арендная плата и пошлина съ винокуренныхъ заводовъ была слишкомъ обременительна.

Мазепа входилъ съ представленіемъ о томъ и о другомъ къ царю; чтобы успокоить умы, въ Москвѣ пріостановили раздачу земель и для пробы отмѣнили арендную плату, замѣнивъ ее другою пошлиною. Но не прошло и года, какъ самъ гетманъ, вмѣстѣ съ казацкими старшинами, увидѣли всю несообразность и невыгоду этой отмѣны и вновь сами въ свою пользу установили прежнее отношеніе. Но тѣмъ не менѣе народъ былъ недоволенъ и считая, что все происходитъ отъ русскаго правительства, болѣе всего негодовалъ на него.

ГЛАВА XII.

Азовскій походъ. Кончина царя Иоанна Алексѣевича и болѣзнь Петра. Приготовленія ко второму Азовскому походу. Покореніе Азова.

Царскія потѣхи при смутныхъ отношеніяхъ Россіи къ окружающимъ державамъ не нравились народу, и еще больше не нравилось предпочтеніе, оказываемое иностранцамъ: какая польза отъ нихъ? спрашивали; что толку отъ потѣхъ, отъ которыхъ люди понапрасну страдаютъ и гибнутъ? Приближенные къ Петру иностранцы, между ними преимущественно Лефортъ, слышали эти толки и видѣли, что пора молодому царю бросить подготовительныя занятія военныя, а окончить свое воинское образованіе серьезнымъ дѣломъ.

Петръ, съ своей стороны, рвался къ болѣе обширной дѣятельности; ему хотѣлось пробраться на Каспійское море и оттуда войти въ сношенія съ Персією, и торговлю съ нею прибрать въ свои руки. Къ тому же надобно было усмирить татаръ, дать туркамъ урокъ, чтобы потомъ спокойно заняться дѣлами Каспійскаго моря. Изъ Турціи приходили извѣстія о притѣсненіяхъ христіанъ, изъ Малороссіи—о нападеніи татаръ; Мазепа неотступно просилъ выслать на нихъ войско; іерусалимскій патріархъ просилъ защиты отъ крымцевъ и турокъ; по договорамъ съ Польшею, война съ Турцією была почти обязательна. Всѣ эти причины заставили Петра начать военныя дѣйствія противъ турокъ. Опытъ Голицына показалъ, какъ опасно и трудно вести войну въ степныхъ мѣстностяхъ; поэтому рѣшено было напасть на Азовъ: путь къ нему облегчался двумя большими рѣками—Дономъ и Волгою. Но напасть на Азовъ Петръ

задумалъ врасплохъ; поэтому одну армію, подъ начальствомъ боярина Шереметева, направилъ къ Днѣпру; это войско состояло изъ стариннаго дворянскаго ополченія, преимущественно конницы; къ ней присоединились казаки подъ начальствомъ гетмана Мазепы.

Самъ же Петръ, въ званіи бомбардира, повелъ вторую армію, состоявшую изъ полковъ новаго строя, т. е. Преображенскаго, Семёновскаго, Лефортовскаго, Бутырскаго и московскихъ стрѣleckихъ полковъ. Видимое начальство надъ войскомъ этимъ поручено было тремъ генераламъ: Гордону, Головину и Лефорту. Гордонъ съ своимъ отрядомъ отправился изъ Тамбова, куда собрался частями сухимъ путемъ къ Азову; отряды Головина и Лефорта изъ Москвы поплыли по Москвѣ рѣкѣ, перебирались на Оку и на Волгу, но суда были неудовлетворительныя и поэтому плаваніе сопряжено было съ большими затрудненіями и остановками отъ противныхъ вѣтровъ и непогодъ.

Войско на судахъ дошло до Царицына; отсюда пошло пѣшкомъ до казачьяго городка Паншина на Дону. Этотъ переходъ былъ очень трудный, потому что люди были изнурены продолжительною греблею, а тутъ имъ пришлось, по недостатку лошадей, на себѣ тащить пушки, зарядные ящики, аммуницію и провіантъ. Въ Паншинѣ Петра ожидала новая невзгода: подрядчики не приготовили достаточнаго количества провіанта и лодокъ. Однакожь, послѣ трехдневныхъ хлопотъ войско поплыло внизъ по Дону и 29 іюня подступило къ Азову, гдѣ уже находился Гордонъ съ своимъ отрядомъ.

Между тѣмъ въ Москвѣ сильно беспокоились о томъ, что отъ царя нѣтъ никакихъ вѣстей; люди враждебные начали распространять всякіе нехорошіе слухи; такъ что полученное наконецъ письмо изъ-подъ Азова произвело всеобщую радость и крамольники опять притихли.

Новопривывшее войско поставило батареи и осада началась 8 іюля; самъ Петръ собственноручно начиналъ бомбы, заряжалъ пушки и мортиры и въ теченіе двухъ недѣль не переставалъ обстрѣливать городъ; объ этомъ самъ записалъ въ своей книжкѣ: «Началъ служить бомбардиромъ съ перваго азовскаго похода.»

Турки получили подрѣзленіе въ Азовѣ, а наши войска нуждались даже въ съѣстныхъ припасахъ; водою ничего нельзя было подвозить, потому что у турокъ съ обѣихъ сторонъ Дона построены

были крѣпкія каланчи и отъ одной къ другой протягивали крѣпкія желѣзныя цѣпи; тѣмъ дѣлали плаваніе по рѣкѣ невозможнымъ и слѣдовательно, отрѣзывали осаждающимъ сообщеніе со своими съладочными мѣстами. Надобно было овладѣть этимъ укрѣпленіемъ. Каланчи надобно было взять приступомъ: влигнули ключъ: нѣтъ ли охотниковъ между Донцами идти на каланчи; въ награду назначалось по 10 рублей на человѣка. Охотники нашлись и одну каланчу взяли; и тѣмъ плаваніе по Дону стало свободно. Вскорѣ осажденные отомстили за эту потерю. Туркамъ переданъ голландскій перекрестившійся матросъ Яковъ Янсенъ; онъ указалъ слабое мѣсто русскаго стана и рассказалъ, что русскіе спятъ въ полдень, во время зноя. Турки втихомолку вышли изъ Азова, подобрались къ русскому лагерю, на окликъ часоваго отвѣчалъ одинъ изъ астраханскихъ раскольниковъ, находившихся въ турецкомъ войскѣ, что идутъ казаки; турки стремительно ворвались въ лагерь и произвели сильное опустошеніе между сонными. Остальныя войска проснулись, дали сильный отпоръ, прогнали турокъ съ большою для нихъ потерей, но тѣмъ не менѣе и они успѣли захватить и увезти 9 пушекъ и попортить всѣ осадныя орудія.—За то гарнизонъ второй каланчи, опасаясь нечаяннаго нападенія, оставилъ каланчу со всѣми пушками и ночью бѣжалъ въ Азовъ.—Петръ обрадовался и утѣшился въ претерпѣнномъ пораженіи; онъ думалъ, что теперь подвозъ совершенно свободенъ и за паденіемъ этихъ передовыхъ укрѣпленій и самый Азовъ не будетъ долго держаться. Но надежды царя не сбылись; турки отстрѣливались еще съ большимъ ожесточеніемъ, подкопы и осадныя работы шли, и такъ какъ крѣпость была уже близка, то работать становилось очень опасно: ядра, пули и гранаты сыпались на осаждающихъ.

И осажденные были стѣснены со всѣхъ сторонъ: «Здѣсь мы работаемъ безъ отдыха, пишетъ царь, но слава Богу, всѣ здоровы и Марсовымъ плугомъ и въ городѣ, и на стѣнахъ, и во рву все вспахано и засѣяно желѣзомъ. Теперь ожидаемъ хорошаго урожая, помощи Божіей, во славу Его святаго имени.»

Но не смотря на ожиданія и надежды Петра, походъ въ этомъ, 1695 году, окончился ничѣмъ. Два штурма не удались и 27 сентября рѣшено было отступить отъ Азова, оставивши сильныя гарнизоны въ каланчахъ.

Дѣйствія Шереметева на низовьяхъ Днѣпра были успѣшнѣе. Шереметевъ и Мазепа взяли два городка, а два были оставлены Турками.

Петръ въ ноябрѣ возвратился въ Москву; но ни торжественный въѣздъ, ни пиры не могли заставить забыть понесенныя неудачи. Начали роптать на то, что походъ слишкомъ дорого стоитъ, что никакихъ выгодъ отъ него нѣтъ. Что въ походъ идти видно не такъ легко, какъ въ Нѣмецкой слободѣ пировать, да съ Потѣшными мнимые города брать и кораблики строить.

Но молодой царь не упалъ духомъ; неудача не сковала его воли, напротивъ, онъ какъ бы одушевился новою, до сихъ поръ еще небывалою дѣятельностію; онъ все-таки водянымъ путемъ хотѣлъ вести войну. Онъ вызвалъ изъ-за границы новыхъ мастеровъ корабельныхъ, инженеровъ, минеровъ и другихъ опытныхъ военныхъ офицеровъ. Изъ Архангельска онъ вызвалъ иностранныхъ корабельныхъ плотниковъ, хотѣлъ построить суда, которыя должны были отрѣзать Азовъ отъ помощи со стороны турецкихъ судовъ. Корабли предполагалось приготовить къ веснѣ 1696 года. Задача трудная и только возможная при дѣятельности Петра.

Работы начались зимою; въ Преображенское, на лѣсопильный заводъ, привезли галеру, которую строили въ Голландіи для плаванія по Волгѣ и Каспійскому морю. Здѣсь, по образцу этой галеры, начали выпиливать и пригонять части галеръ. Употребляли сырой мерзлый лѣсъ, но работа кипѣла и за зиму наготовили всѣ части 22 галеръ и 4 брандеровъ. Въ придонскихъ лѣсистыхъ мѣстахъ 26,000 работниковъ дѣлали струги; къ веснѣ они должны были приготовить 1300 струговъ, 300 лодокъ, 100 плотовъ.

Адмираломъ этого, уже не потѣшнаго флота, назначался Лефортъ, а шкиперъ и бомбардиръ Петръ Алексѣевъ получилъ званіе капитана. Командованіе всей сухопутной арміи было предоставлено боярину Шеину.

Между тѣмъ какъ работы кипѣли, захворалъ старшій царь Іоаннъ Алексѣевичъ. Онъ съ самаго младенчества страдалъ скорбутомъ; но въ послѣдніе годы жизни какъ будто поздоровѣлъ, а именно съ тѣхъ поръ, какъ женился на Прасковѣ Федоровнѣ Салтыковой. У нихъ было пять дочерей; Іоаннъ былъ счастливъ и вель спокойную жизнь, исполненную почестей, безъ соединенныхъ съ ними

тревогъ и отвѣтственности. Ему почти исполнилось тридцать лѣтъ и болѣзненные припадки, обыкновенно мучившіе его совершенно исчезли. Января 6 онъ въ торжественномъ царскомъ облаченіи за крестами шель изъ Успенскаго собора на Москву рѣку на водосвятіе. Онъ одинъ присутствовалъ при этомъ торжествѣ, потому что Петръ былъ боленъ, у него нога болѣла, и онъ долженъ былъ лежать въ постели, или сидѣть дома и не выходилъ ни въ Успенскій соборъ, ни на панихиду по царицѣ Натальѣ Кириловнѣ, того же января 24, и тутъ царь Іоаннъ былъ одинъ; черезъ два дня послѣ того былъ день ангела царевны Маріи Алексѣевны; Іоаннъ слушалъ вмѣстѣ съ нею обѣдню въ дворцовой церкви и принималъ поздравленія; жаловалъ фряжскимъ виномъ своихъ приближенныхъ, а стрѣльцовъ и гостей водкой; три дня послѣ того, его уже не стало; онъ умеръ скоропостижно 29 января 1696 года въ 10 часовъ утра. Петръ былъ пораженъ этой неожиданной кончиной; супруга и дочери царя рыдали.

Петръ жестоко страдалъ отъ боли въ ногѣ, душевно тосковалъ о потерѣ любимаго брата, но ни физическія, ни нравственныя страданія не могли ослабить его дѣятельности. Весна приближалась; ко вскрытію рѣкъ требовалось, чтобы воронежскій флотъ былъ готовъ, но дѣло могло идти быстро только при непрерывномъ, бдительномъ надзорѣ. Петръ это зналъ и не смотря на большую ногу выѣхалъ изъ Москвы съ небольшою свитою, преимущественно людей свѣдущихъ въ кораблестроеніи. Но по причинѣ болѣзни, Петръ ѣхалъ медленно до Воронежа, дороги были плохія, никакихъ удобствъ въ путешествіи нельзя было найти. Несмотря на все это, Петръ добрался до Воронежа и поселился по близости отъ верфи, въ маленькомъ домикѣ, состоявшемъ изъ двухъ комнатъ, сѣней, бани и кухни.

Дѣло закипѣло, и царь самъ съ топоромъ, циркулемъ, или аршиномъ въ рукахъ, съ утра до вечера былъ на работахъ; при немъ и остальные не сидѣли, сложа руки. Собственноручно, почти безъ посторонней помощи Петръ построилъ самую большую и самую легкую на ходу галеру *Principium*. Съ первыхъ чиселъ апрѣля начали спускать корабли, одинъ за другимъ: всего было готово 2 корабля, 23 галеры и 4 брандера. Въ лѣсахъ уже оканчивали постройку струговъ; 30.000 человекъ трудились надъ ними; ко вскрытію рѣки

болѣе 1500 различныхъ судовъ для перевозки тяжестей—снарядовъ, орудіи и запасовъ были спущены въ воду.

Войска для составленія экипажа и для плаванія на этихъ судахъ постепенно приходили изъ Москвы; они привезли съ собою большой царскій стягъ, нарочно вновь сдѣланный по указу Петра. Знамя это было камчатное, коричневаго цвѣта, четверугольное съ откосомъ, вокругъ него шла кайма ярко-голубаго цвѣта съ надписью, когда оно сдѣлано; въ серединѣ на полотнѣ—двуглавый золотой орелъ; въ лапахъ онъ держитъ копыя увитыя хартіями съ различными надписями. На груди у орла—щитъ въ его бѣломъ полѣ изображеніе Царя-царей, Господа-господей, окруженное молніями; подъ орломъ, ближе къ краю знамени представлено волнующееся море съ кораблями на парусахъ; въ откосѣ, рядомъ съ орломъ, въ облакахъ св. апостолы Петръ и Павелъ. Стягъ этотъ и до сихъ поръ сохраняется въ Московской Оружейной палатѣ.

Войска собрались; начальство надъ ними принялъ генералиссимусъ Шейнъ и генераль Головинъ; во флотѣ на галерѣ *Principium* развѣвался адмиральскій флагъ Лефорта. Въ Москвѣ остались потѣшныя генералиссимусы Ромодановскій и Бутурлинъ. Съ первымъ изъ нихъ Петръ переписывался, какъ съ государемъ, величая его царскими титулами; ежели Петръ писалъ не довольно подробно и довольно часто, или недостаточно титуловалъ *потѣшнаго царя*, то Ромодановскій ему посылалъ письмо съ выговоромъ за упущеніе и Петръ отвѣчалъ: «Въ послѣднемъ письмѣ изволишь писать про вину мою, что я о вашемъ государевомъ лицѣ писалъ вмѣстѣ съ другими: въ этомъ прошу у васъ прощенія, потому что мы, корабельные мастера, не привыкли отличать чины и не искусны въ придворной вѣжливости.»

Наконецъ все было готово: морской караванъ и сухопутныя войска двинулись къ Азову; флотилія плыла около трехъ недѣль; во время этого переѣзда Петръ составилъ и написалъ напѣ *первый морской уставъ*. Капитаны судовъ, подъ опасеніемъ большаго денежнаго штрафа, должны были наблюдать за сигналами командира флота и съ точностію исполнять приказанія. Строго запрещалось отставать отъ адмиральской галеры, или измѣнять своего пути, потому что: «того требуетъ общая польза: военныя суда, плотно идущія, могутъ объѣхать всю вселенную, не опасаясь шторма, если

же разлучатся и ста сажень проплыть не могут». Когда адмиралъ увидитъ непріятеля и подниметь красный флагъ, всё капитаны должны немедленно готовиться къ бою, подъ опасеніемъ смертной казни. Смертная казнь назначалась и тому, кто выдастъ своего товарища въ бою, или въ сраженіи пойдетъ не своимъ путемъ, или не подастъ помощи тому кораблю, который бѣдствуетъ.

Постройка флота принесла пользу: русскій флотъ загородилъ дорогу турецкому въ устьяхъ Дона, и Азовъ остался безъ внѣшней помощи. Татары съ большими силами сдѣлали нападеніе на нашъ лагерь, но оно было отбито; послѣ этого происходили ежедневныя сшибки съ непріятелемъ и войска всегда сражались по новѣйшимъ правиламъ, кромѣ одного раза, когда позабыли военный строй и по прадѣдовскимъ обычаямъ погнались за непріятелемъ рассыпною и безпорядочною толпою; отчего потеряли довольно много убитыми, но оправились, сомкнулись и опять одержали верхъ.

На штурмъ, послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ прошлаго года, нельзя было рѣшиться; начались осадныя работы; но онѣ подвигались медленно; городъ осыпали бомбами и ядрами, а стѣны попрежнему стояли нетронутыя, земляной валъ попрежнему оставался надежною охраною. Турки мѣшали работамъ. Инженеры и артиллеристы, выписанные изъ Австріи еще зимою, не являлись; Петръ и его генералы были въ нерѣшительности, не зная, что предпринять. Собрали большой военный совѣтъ и положили даже спросить мнѣніе солдатъ и стрѣльцовъ: что дѣлать? Тогда войско предложило построить огромный земляной валъ, наравнѣ съ городскимъ валомъ и такимъ образомъ, засыпавъ ровъ, овладѣть городомъ. Такой способъ нападенія былъ вполне несовременный и пригодный только во времена полудикія; такъ нападали славяне и русскіе во времена Владиміра и до него. Но къ величайшему удивленію, царскій и военный совѣтъ приняли это предложеніе; положено было попытаться это средство.

Гордонъ съ жаромъ взялся за эту мысль, вычислилъ работу, набросалъ планъ, усовершенствовалъ его, и составилъ проэктъ вала, который превышалъ бы крѣпостныя стѣны, назначилъ выходы для вылазокъ, раскаты для батарей, такъ что черезъ наружныя укрѣпленія являлась возможность стрѣлять прямо по каменному замку.

Іюня 23 приступили къ гигантской работѣ; 15,000 человекъ

поочередно работали каждую ночь и каждое утро валъ видимо раз-ростался, становился выше; ровъ наполнялся грудами земли; валъ подходилъ такъ близко къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, что наши солдаты очень часто вступали въ рукопашный бой съ янычарами.

Но такое предпріятіе стоило намъ не дешево; хотя работали ночью, но турки зорко слѣдили за тѣмъ, что дѣлается у насъ, пользовались малѣйшею неосторожностію нашихъ солдатъ и мѣткими выстрѣлами поражали солдатъ и офицеровъ. Когда гигантскій валъ доходилъ уже до крѣпостныхъ земляныхъ укрѣпленій и за нимъ уже строили раскаты для 25 орудій, чтобы обстрѣливать каменные укрѣпленія Азова, пріѣхали наконецъ нѣмецкіе (цесарскіе) инженеры, минеры и артиллеристы. Пріѣзжіе съ удивленіемъ смотрѣли на наши огромныя работы, но ожидали отъ нихъ мало пользы, совѣтовали вести мины и показали, гдѣ удобнѣе и вѣрнѣе поставить батареи. Подъ команду вновь прибывшаго искуснаго артиллерійскаго полковника Граге дѣло пошло успѣшнѣе; бастионъ пошатнулся и наши солдаты заняли его. Инженеры принялись вести подкопы; но войску не правилась медленная война осадными работами. 2 полка малороссійскихъ и донскихъ казаковъ сговорились и начали штурмовать крѣпость, подъ начальствомъ своего отважнаго атамана Лизогуба; онъ быстро ринулся на земляной валъ, сбиль Турокъ, вслѣдъ за ними спустился внутрь крѣпости и чуть вмѣстѣ съ ними не ворвался въ каменные укрѣпленія. Еслибы прочія войска въ это время поддержали казаковъ, то Азовъ не выдержалъ бы и достался намъ. Но солдаты и стрѣльцы оставались неподвижно въ лагерѣ и только издали смотрѣли на приступъ. Казаки не могли удержаться въ крѣпости, поэтому они отступили и засѣли на валу въ бастионѣ.

Турки опомнились отъ неожиданнаго казачьяго натиска и всѣми своими силами ударили на дерзкихъ казаковъ, засѣвшихъ въ бастионѣ. Главнокомандующій, чтобы испугать турокъ, вывелъ все свое войско, какъ бы для штурма, а генераль Гордонъ съ своими гренадерами поспѣшилъ на помощь храбрымъ казакамъ. При помощи пѣхоты, казаки, послѣ шестичасовой битвы отбили турокъ и снова прогнали ихъ до каменныхъ твердынь города, остались на валу, изъ бастиона вывезли четыре пушки и подарили ихъ Петру. Царь благодарилъ казаковъ за храбрость и всему войску приказалъ

готовиться къ штурму. Но непріятель не дождался его; 18 іюля изъ Азова вышелъ старый турокъ, махая шапкой, чтобы мы прервали пальбу; начались переговоры о сдачѣ и условія, еще за двѣ недѣли передъ тѣмъ предложенныя, были приняты. Турки уступали Азовъ, со всѣми орудіями и снарядами, ежели имъ предоставлена будетъ свобода выйти изъ города въ полномъ вооруженіи съ женами и дѣтьми, да захватить съ собою столько пожитковъ, сколько можно унести на себѣ: русскіе обязались на своихъ судахъ перевезти ихъ Дономъ, до устья Кагальника. Всѣхъ плѣнныхъ и невольниковъ обязывались освободить безъ выкупа; но предателя Якова Янсена Турки долго не рѣшались выдать, потому что онъ уже принялъ магометанство и сдѣлался янычаромъ; но такъ какъ Шеинъ ни на волосъ не отступалъ отъ своего требованія, то его наконецъ со связанными руками и ногами привезли въ лагерь; вмѣстѣ съ нимъ турки выдали еще нѣсколькихъ главныхъ раскольниковъ перебѣжавшихъ къ нимъ.

Нѣсколько русскихъ полковъ выстроились въ два ряда отъ азовскихъ береговыхъ воротъ, до самаго Дона: на рѣкѣ дожидались 30 струговъ и двѣ галеры. Турецкій гарнизонъ въ 3000 человекъ вышелъ, вооруженный съ головы до ногъ, женщины тащили тюки съ имуществомъ; онѣ шумною, беспорядочною толпою вырвались изъ городскихъ воротъ и бросились опрометью къ судамъ, но нѣкоторые метнулись всторону и побѣжали въ степи. Начальникъ, бей, нѣсколько офицеровъ и часть гарнизона сохранили, приличную важность; они чинно шли между рядами русскихъ полковъ, съ развѣвающимися знаменами, вслѣдъ за нашимъ охраннымъ отрядомъ. Приблизившись къ нашему генералиссимусу, побѣжденный бей сталъ на колѣни, благодарилъ за честно выполненныя условія сдачи и передъ Шеиномъ преклонили 16 турецкихъ знаменъ. Гарнизонъ вмѣстѣ съ беемъ отправили на стругахъ внизъ по теченію Дона.

Русскія войска вступили въ Азовъ; запорожцы бросились грабить оставленное непріателемъ. Ихъ буйства и звѣрской корысти нельзя было унять. Петръ далъ имъ волю, чтобы наградить ихъ за ихъ мужественный штурмъ; но грабить, кромѣ съѣстныхъ и военныхъ припасовъ было нечего; городъ представлялъ печальную грудю развалинъ; дома всѣ были разрушены бомбами; жители и солдаты все время прятались въ землянкахъ подъ валомъ. Солдаты

и запорожцы рылись въ землѣ, отыскивая зарытыхъ сокровищъ, но нигдѣ ничего не находили. Изъ орудій гарнизонъ оставилъ только самыя тяжелыя; пороху оказалось много; зато ядеръ очень мало; мелкаго оружія—никакого, Турки все годное унесли съ собою, оставили только изломанное, никуда негодное. Пушекъ, пищалей и мортиръ, все мѣдныхъ нашлось не много, не больше 90 разнаго калибра. Многіе были недовольны слишкомъ легкими условіями сдачи, но Петръ былъ радъ; ему не оружіе и не плѣнные нужны были, а крѣпость и вмѣстѣ съ нею пунетъ на морскомъ берегу.

Въ Москвѣ вѣсть о покореніи Азова встрѣтили съ восторгомъ. Юля 31 всѣ значительные сановники московскіе обѣдали у *перваго министра* Льва Кириловича Нарышкина; въ это время получено было письмо о сдачѣ Азова; извѣстіе объ этомъ радостномъ событіи послали къ патріарху; святитель заплакалъ отъ радости, тотчасъ приказалъ ударить въ большой вѣстовой колоколъ и народъ со всѣхъ концовъ Москвы поспѣшилъ въ Кремль на молебствіе; Емельянъ Украинцовъ громко, во всеуслышаніе читалъ царскую грамоту о взятіи Азова, присланную на имя патріарха.

Взятіе Азова одинаково принято было съ радостью и приверженцами старины и компаніею царскою; послѣ долгаго времени это было первое торжество надъ страшными турками; въ памяти еще свѣжо было, какъ они разорили Чигиринъ, въ виду всего русскаго войска: вообще въ послѣднее время всѣ наши военныя предпріятія были неудачны. Но больше всѣхъ радовалась *компанія Петра*; на дѣлѣ теперь доказано были превосходство новаго вооруженія и новаго военнаго строя; доказывалось, что постройка кораблей не прихоть, а дѣло необходимое, безъ помощи флота никогда нельзя было бы овладѣть Азовомъ; не даромъ царь вызывалъ иностранцевъ, не даромъ учился у нихъ и осыпалъ ихъ милостями.

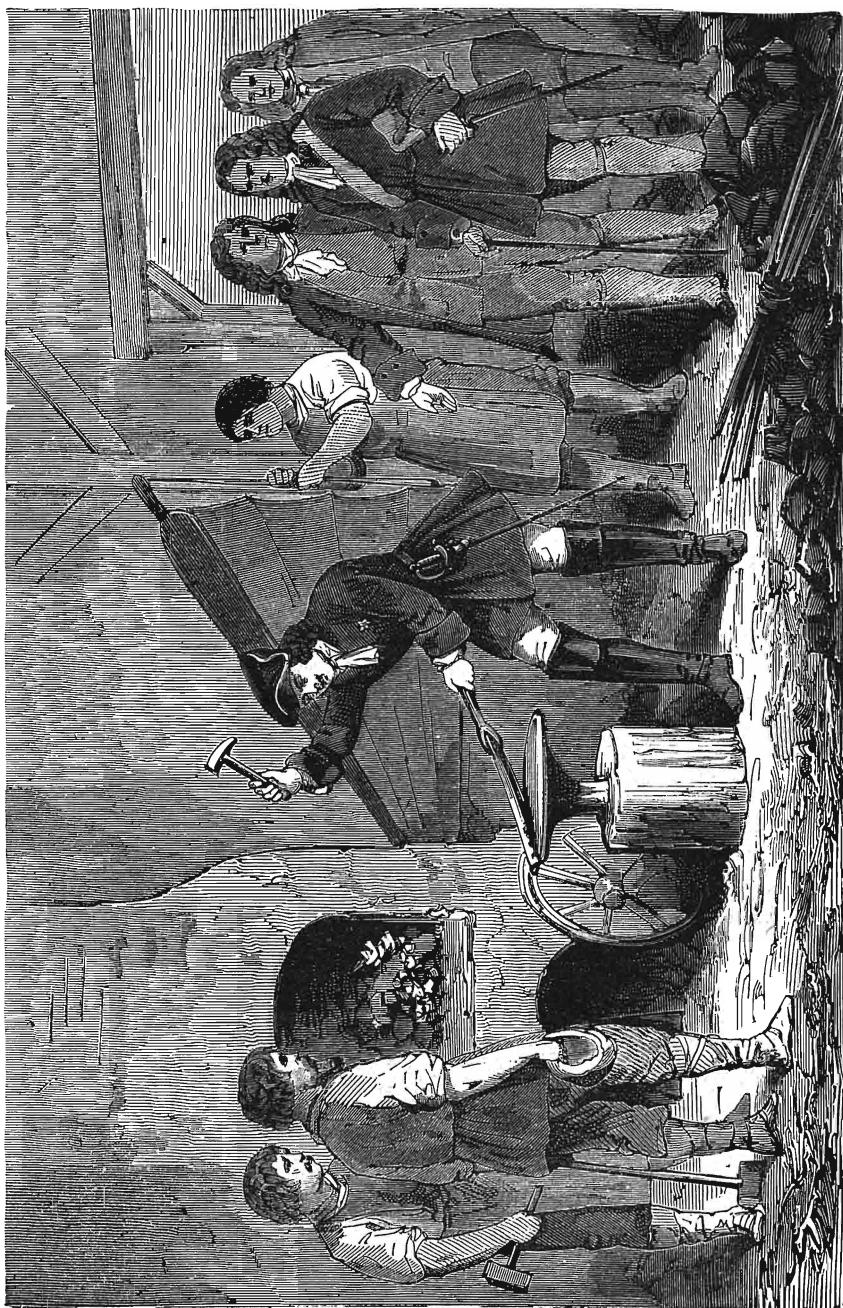
На другой день послѣ взятія Азова, цесарскому инженеру Лавалю Петръ далъ повелѣніе въ мельчайшихъ подробностяхъ осмотрѣть крѣпость, всю мѣстность и составить планъ для того, чтобы вновь укрѣпить городъ, по всѣмъ правиламъ новѣйшей фортификаціи. Лаваль тотчасъ принялся за дѣло и черезъ три дня планъ былъ готовъ и представленъ царю. Петръ осмотрѣлъ его, обсудилъ и нашелъ, что онъ вполне годится и немедленно распорядился, чтобы все войско принялось за работы, подъ руководствомъ инже-

неровъ, самъ же, слѣдуя своимъ постояннымъ стремленіямъ, принялся отыскивать мѣсто, годное для гавани, гдѣ бы могъ помѣщаться *будущій флотъ*.

Прежде всего Петръ осмотрѣлъ устье Дона, оказалось, что объ немъ нечего было и думать; вода въ немъ повышается и понижается отъ вѣтра; но и при этомъ оно такъ мелководно, что плаваніе по немъ не удобно, иногда же воды въ немъ такъ мало, что проходить можно только на самыхъ незначительныхъ лодкахъ. Іюля 26 Петръ со многими генералами, инженерами на галерахъ отправился на поиски; но за мелководьемъ пришлось бросить якорь; простояли всю ночь и не дождались возможности выйти въ море.

Утромъ царь вмѣстѣ со всею своею свитою пересѣлъ въ плоскодонныя лодки, вышелъ въ море и повернулъ на сѣверъ, къ крымской сторонѣ и въ 4 часа пополудни присталъ къ высокому, необитаемому мысу, Тагань-Рогу, какъ казаки его называли; берегъ понравился Петру, онъ осмотрѣлъ его, самъ вымѣрилъ глубину залива и пошелъ дальше, къ другому мысу, Очаковскому Рогу и его осмотрѣлъ и близъ него промѣривалъ море; но первый мысъ ему больше понравился: по своему возвышенному положенію, по удобному и обширному мѣсту для гавани и наконецъ по значительному количеству прѣсной воды въ родникѣ, Петръ выбралъ мысъ Тагань-Рогъ и поручилъ бывшему съ нимъ барону Боргсдорфу начертить планъ для крѣпости и военной гавани.

Весь день Петръ провелъ въ работѣ; наступила ночь, онъ легъ на узкую и жесткую скамью лодки и на тощій желудокъ отлично уснулъ, не смотря на ночной холодъ и сырость. На другой день, Петръ еще осмотрѣлъ крѣпостцу при устьѣ Дона, оставленную турками, и только въ вечеру возвратился въ Азовъ. Здѣсь ожидало его пріятное зрѣлище; работа уже началась и не прекращалась ни днемъ, ни ночью; одна команда смѣняла другую, не знали ни воскресенья, ни праздника; но за то въ три недѣли такъ укрѣпили Азовъ, что оставленный въ немъ гарнизонъ могъ вынести сильную осаду, ежели бы турки вздумали возвратиться, когда наши войска уйдутъ. Впрочемъ, самыя главныя работы оставлены были до слѣдующаго года, а пока только исправлены поврежденія: починили земляной валъ, каменные стѣны, углубили и очистили рвы, разметали русскими сдѣланную насыпь, поставили новые палисады; очистили го-

Петръ Великій на желѣзномъ заводѣ.

родъ отъ груды пепла, развалинъ, двѣ мечети перестроили въ христіанскія церкви, одну во имя Св. Предтечи Іоанна Крестителя, очень древнюю икону котораго нашли въ кучѣ сора и земли подлѣ мечети, а вторую освятили во имя Пресвятой Богородицы. Первая литургія въ этихъ церквахъ сопровождалась и окончилась залпами съ крѣпостныхъ орудій. Полки между тѣмъ, одинъ за другимъ выступали. Петръ наградилъ малороссійскихъ и запорожскихъ казаковъ хорошими подарками; далъ имъ 6 полевыхъ орудій и 15,000 рублей денегъ; кромѣ того всѣхъ старшинъ одарилъ особо. Въ Москву Петръ писалъ Виніусу, чтобы онъ выбралъ удобное мѣсто и построилъ триумфальную арку, чтобы достойнымъ образомъ встрѣтить войско послѣ такого удачнаго похода. Виніусъ отвѣчалъ, что арку построить на концѣ Каменнаго моста, за Москвою рѣкою, но за нею дѣла много и она не можетъ быть готова раньше 18 сентября; вышиною она будетъ около 5 сажень, а шириною отъ 7 до 8 с. По мнѣнію Виніуса для большаго торжества на аркѣ поставить трубачей съ литаврами, да во все время шествія будетъ колокольный звонъ и пушечная пальба и въ заключеніе просилъ царя не торопиться пріѣздомъ.

Пользуясь этою отсрочкою, Петръ изъ Воронежа поѣхалъ на тульскіе желѣзные заводы, гдѣ его присутствіе было столько же необходимо и живительно, какъ вездѣ. На пути къ Воронежу, Петра встрѣтилъ Мазепа съ большимъ почетомъ, съ сладкорѣчивымъ привѣтствіемъ и въ подарокъ поднесъ ему саблю въ золотой оправѣ, на золотой цѣпи всю осыпанную алмазами, яхонтами и рубинами; Отъ Мазепы царь узналъ объ отважномъ поступкѣ Запорожцевъ. Кошевой атаманъ Чалый съ 1500 запорожскихъ козаковъ отправился въ лодкахъ къ устью Днѣпра, чтобы беспокоить Турокъ во время осады Азова. Отважная дружина на своихъ лодкахъ въ теченіе нѣсколькихъ дней лавировала близъ Крымскихъ береговъ. Въ первое время имъ ничто не попадалось; наконецъ они завидѣли три купеческія шкуны; запорожцы, съ своею обыкновенною удалью и отвагою напали на суда и послѣ непродолжительнаго сопротивленія овладѣли ими; имъ досталось 40 пушекъ, множество оружія, пороху, плѣнныхъ и богатыхъ товаровъ, которыми шкуны были нагружены. Все что можно было: плѣнныхъ, оружіе, военные и съѣстные припасы казаки перетасили на свои лодки, а корабли сожгли.

За тѣмъ пустились они еще на поиски, не найдется ли еще какая пожива. Вскорѣ увидѣли нѣсколько кораблей, направлявшихся въ Азовское море; казаки, какъ стая хищныхъ птицъ, бросились на нихъ и овладѣли однимъ; но въ это время на выручку купеческимъ судамъ показались три военныя галеры; казаки не побѣжали, а приняли бой: но на первыхъ же порахъ кошевой былъ раненъ, сподвижники его испугались, некому было командовать и послѣ очень упорной битвы казачьи суда разсыпались по Лиману и искали спасенія.

Но очаковскій паша уже узналъ о дѣйствіяхъ казаковъ и заперъ устья Днѣпра, чтобы не пропускать ихъ обратно къ Запорожью.

Казаки пристали къ одному пустынному острову, выгрузили добычу, пушки и зарыли все въ землю. Кошевой атаманъ съ 300 казаковъ остались сторожить добычу, сожгли лодки, а остальные съ плѣнными отправились степью къ Запорожью. Одинъ измѣнникъ, переименованный Турокъ, открылъ убѣжище Чалого очаковскому пашѣ; тотъ немедленно послалъ на казаковъ очень сильный отрядъ, съ приказаніемъ истребить всѣхъ казаковъ до послѣдняго человѣка. Чалый съ своею дружиной рассыпался по острову и скрывался въ кустахъ, оврагахъ и рѣтвинахъ, пока у нихъ оставалось стѣстныхъ припасовъ; но голодъ начался въ отрядѣ; тогда Чалый собралъ казаковъ и пустился съ ними въ Крымъ на поиски. Тамъ онъ разграбилъ и сжегъ нѣсколько деревень и съ запасомъ стѣстныхъ припасовъ возвратился стеречь свой кладъ. Турки между тѣмъ призвали къ себѣ на помощь крымскихъ татаръ и вмѣстѣ съ ними опять начали отыскивать казаковъ, окружили ихъ, какъ дикихъ звѣрей, загнали въ густой и безводный кустарникъ, трое сутокъ морили ихъ жаждою и когда наконецъ несчастные казаки до того ослабѣли, что оружіе у нихъ валилось изъ рукъ, они переловили ихъ по-одиночкѣ и отвели въ Очаковъ.

Царь Петръ милостиво наградилъ Мазепу за службу казаковъ, осыпалъ его подарками и съ почестями простился съ нимъ. Петръ продолжалъ свое путешествіе. Онъ остановился на желѣзныхъ заводахъ въ Тульской губерніи не изъ одного только любопытства; онъ заказалъ разныя корабельныя принадлежности и тутъ при немъ изъ чугуна отливали различные припасы для будущаго флота; какъ-то:

орудія, бомбы, ковали гвозди, скобки, желѣзные якоря и т. п. Самъ царь и здѣсь, какъ вездѣ, попытался работать; онъ коваль самъ и приглядывался къ работѣ искусныхъ и ловкихъ рабочихъ; въ казенной тульской слободѣ замѣтилъ онъ одного очень смышленнаго и проворнаго кузнеца Никиту Демидова; онъ впоследствии сдѣлался знаменитъ, какъ горнозаводчикъ.

Въ Москвѣ между тѣмъ готовились къ новому, до сихъ поръ еще невиданному торжеству; народъ съ утра до вечера толпился у Каменнаго моста, гдѣ строилась триумфальная арка. Двуглавый орелъ подъ тремя коронами возвышался надъ фронтомъ, подъ нимъ знамена, копыя и бердыши, еще ниже нарисованы были пушки, ядра, бомбы и корабли. На фронтонѣ золотыми буквами сверкала надпись: *«Богъ съ нами, никто же на ны. Никогда не бываемое»*. Съ одной стороны представлена была парящая *Слава* съ лавровымъ вѣнкомъ въ одной и съ оливковой вѣтвю въ другой рукѣ; подъ нею подпись: *достойнъ дѣлатель мзды своея*. Въ среднемъ проходѣ воротъ висѣлъ зеленый лавровый вѣнокъ; отъ него двѣ ленты съ надписями въ обѣ стороны къ аркѣ; на одной: возвращеніе царя Константина послѣ побѣды; на другой: побѣда царя Константина надъ нечестивымъ царемъ Максентіемъ Римскимъ. Фронтонъ былъ утвержденъ на двухъ колоссальныхъ статуяхъ Геркулеса съ палицею въ правой и зеленою масличною вѣтвю въ лѣвой рукѣ; другая каріатида—воинъ въ полномъ вооруженіи съ обнаженнымъ мечемъ и надъ нимъ надпись: *«побѣдили марсовою храбростью и геркулесовскою силою»*. На пьедесталахъ были изображены турки и татары въ оковахъ.

Подлѣ Геркулеса и Марса стояли пирамиды, перевитыя зелеными вѣтвями и похвальными надписями. Пространство между перилами моста и пирамидами было затянуто холстами, на которыхъ съ одной стороны представлялась морская битва, на другой—битвы съ татарами и приступъ къ Азову. Перилы моста были увѣшаны персидскими коврами.

Всѣ войска, возвратившіяся изъ похода и долженствовавшія участвовать въ триумфальномъ шествіи, собрались въ селѣ Коломенскомъ; когда наконецъ всѣ войска были готовы и Петръ приѣхалъ, торжество было назначено на 28 сентября. Всѣ жители московскіе толпились по улицамъ, по которымъ шло шествіе; стрѣ-

лецкіе полки, выстроенные по всей дорогѣ въ два ряда съ ружьями, копьями, литаврами и барабанами, съ трудомъ удерживали напоръ народа. Шествіе шло въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди 18 конюшенныхъ и послѣдній 19-ый съ пищалью, открывали процессію; думный дьякъ Зотовъ въ каретѣ на шестернѣ вороныхъ лошадей; въ одной рукѣ держалъ онъ саблю, въ другой щитъ, подарокъ гетмана Мазепы; за каретой дьяки и пѣвчіе; бояре Головинъ и Нарышкинъ въ каретѣ о шести лошадахъ, за ними двѣ коляски, далѣе вели 14 верховыхъ лошадей Лефорта и ѣхали двѣ коляски, каждая въ 6 лошадей; далѣе адмиралъ Лефортъ въ золотыхъ царскихъ саняхъ, запряженныхъ темнобѣрыми лошадьми, за нимъ несли знакъ его достоинства, по сторонамъ шли копейщики, назади капитаны, а во главѣ ихъ Петръ Алексѣевъ, въ мундирѣ морскаго капитана съ бѣлымъ перомъ на шляпѣ, за нимъ солдаты морскаго вѣдомства, по 8 человѣкъ въ рядъ, далѣе вице и контръ-адмиралы, тоже съ солдатами, далѣе везли морской значекъ и морское знамя и значекъ боярина Шейна, окруженные литаврщиками и трубачами; за ними 30 человѣкъ вершниковъ въ панцыряхъ и шишакахъ, далѣе пустая карета въ шесть лошадей и при ней два карла; далѣе конюшій и восемь верховыхъ лошадей, за ними хоръ музыки и двѣ роты трубачей везли большое царское знамя съ ликомъ Спасителя, у знамени воевода князь Львовъ; по сторонамъ шли солдаты съ копьями а позади, въ каретѣ о шести лошадахъ сидѣли два священника въ полномъ облаченіи и два дьякона съ образомъ Спасителя и животворящимъ крестомъ; ближній бояринъ и воевода Шейнъ ѣхалъ верхомъ; его окружала свита изъ шести человѣкъ, съ обнаженными палашами и слѣдовало нѣсколько военныхъ и статскихъ чиновъ, начальникъ артиллеріи, воевода и стольникъ Зерновъ, далѣе солдаты тащили по землѣ 16 знаменъ и вели плѣннаго татарина Аталыка; потомъ ѣхалъ генералъ Головинъ; около него тоже шесть человѣкъ съ палашами и нѣсколько военныхъ и статскихъ чиновъ; Преображенскій полкъ шелъ съ копьями и мушкетами; за нимъ на телѣгѣ въ четыре лошади везли измѣнника Якова Янсеа; онъ стоялъ подъ висѣлицею, съ надѣтою на шею петлею; на немъ была турецкая одежда съ чалмою, руки и ноги скованыя тяжелыми цѣпями, вокругъ него по краямъ телѣги виднѣлись орудія пытки; на груди у него висѣлъ бѣлый ярлыкъ съ надписью: *злодѣй*; на перекладинѣ висѣлицы стояла над-

пись: *перемѣною четырехъ вѣрзъ Богу и измѣною возбуждаетъ ненависть турокъ; христіанамъ злодѣй.* Надъ головою его висѣло изображеніе полумѣсяца и звѣзды съ надписью: *ущербъ луны*; за нимъ Семеновскій полкъ, иностранные инженеры, корабельные мастера и плотники, пять стрѣлецкихъ полковъ, генераль Гордонъ со штабомъ и генеральскимъ значкомъ; за нимъ плѣнные турки въ бѣлыхъ одеждахъ, и опять семь стрѣлецкихъ полковъ.

Стрѣльцы, разставленные по улицамъ, привѣтствовали шествіе ружейными выстрѣлами, барабаннымъ боемъ и трубными тушами. Съ вершины триумфальной арки, строитель ея, Виніусъ, въ трубу говорилъ привѣтствіе въ стихахъ. Московскіе жители съ изумленіемъ смотрѣли на шествіе, какого еще до сихъ поръ не видавали и болѣе всего удивлялись тому, что самъ царь всѣ почести предоставляетъ своимъ подданнымъ, а самъ такъ скромно пѣшкомъ идетъ за колесницей Лефорта.

Награды розданы были въ старинномъ вѣусѣ: Шейнъ получилъ медаль въ 13 червонцевъ, кубокъ съ крышкою, золотой кафтанъ на соболяхъ, увеличеніе жалованья и вотчину въ 305 дворовъ; Лефортъ—медаль въ 7 червонцевъ, кубокъ съ крышкою, золотой кафтанъ на соболяхъ и вотчину въ 140 дворовъ; остальные генералы, полковники и офицеры, смотря по чину, получали медали, кубки, кафтаны и вотчины. Рядовымъ солдатамъ и стрѣльцамъ досталось по золоченой копѣйкѣ.

ГЛАВА XIII.

Строеніе кораблей гужпанствами. Посылка молодыхъ людей за границу. Намѣреніе Петра самому ѣхать за границу. Волненіе. Замыселъ Цыглера и Соковнина. Отъѣздъ Петра за границу.

Прошло около мѣсяца послѣ торжественнаго въѣзда войскъ и покоренія Азова. Петръ обдумывалъ свои дальнѣйшія предпріятія; тѣ изъ его совѣтниковъ въ боярской думѣ, которые полагали, что послѣ покоренія Азова всѣ издержки уменьшатся и царь успокоится, будетъ жить въ Кремлѣ, по подобію предковъ своихъ, жестоко ошибались. Въ пылкой душѣ Петра кипѣли замыслы, одинъ обширнѣе другаго. Прежде всего ему надобно было нагнать страхъ на турецкаго султана, а это возможно было только при помощи флота; слѣдовательно, прежде всего надобно устроить крѣпость и гавань на Азовскомъ морѣ и завести флотъ.

Петръ собралъ боярскую думу въ село Преображенское и предложилъ нѣсколько вопросовъ; первый состоялъ въ томъ, чтобы опредѣлить, кѣмъ населить опустошенный и кое-какъ поправленный Азовъ. Положили переселить въ него 3000 семей изъ низовыхъ родовъ, съ 400 всадниками изъ калмыковъ.

За первымъ послѣдовалъ второй вопросъ. Когда Азовъ будетъ населенъ, то надобно позаботиться о томъ, чтобы удержать его за собою, и жителямъ доставить возможность вести торговлю; но упрочить за Россіей Азовъ и начать торговое плаваніе на Азовскомъ морѣ можно было только при содѣйствіи флота. Петръ такъ ясно доказалъ необходимость флота, что послѣ двухъ совѣщаній и послѣ того, какъ собраны были всѣ необходимыя справки, положено было:

корабли построить, оснастить и вооружить къ 1698 году, на суммы всего русскаго народа, а именно: вотчинниковъ, и помѣщиковъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ; посады, слободы и всякіе другіе собственники должны были участвовать въ этой общей повинности; лица духовнаго званія, патріархъ и монастыри съ каждаго 8,000 крестьянскихъ дворовъ должны были построить по одному кораблю; съ бояръ и со всѣхъ служащихъ государству лицъ, съ каждаго 10,000 крестьянскихъ дворовъ по кораблю; со всѣхъ торговыхъ людей, со всѣхъ слободъ и городовъ, вмѣсто одной десятой деньги, которую съ нихъ собирали въ прошедшіе годы, они должны были выстроить 12 кораблей, со всѣми припасами.

Далѣе положено было изъ землевладѣльцевъ духовныхъ и свѣтскихъ составить отдѣльные *кумпанства* для постройки кораблей; тогда духовные составили 17, а свѣтскіе 18 компаній. Чтобы составить эти кумпанства, царскимъ указомъ въ Москву были вызваны всѣ вотчинники, имѣющіе сто крестьянскихъ дворовъ; мелкопомѣстные должны были внести по полтинѣ съ двора. Всѣ дѣла по кораблестроенію отданы были въ особый приказъ, которымъ управлялъ окольнічій Протасевъ; онъ по этому случаю получилъ званіе адмиралтейца; его обязанность состояла въ томъ, чтобы сдѣлать правильную раскладку этой новой статьи сбора. Собравшіеся въ Москву вотчинники соединились въ кумпанства для постройки кораблей, духовные сошлись съ духовными, свѣтскіе съ свѣтскими; гости и другихъ званій люди изъ среды своей выбрали надежныхъ людей для сбора и для расходованія денегъ, собранныхъ на корабельную повинность. Изъ приказа по всѣмъ кумпанствамъ разосланы были списки предметовъ и матеріаловъ, нужныхъ для постройки и для вооруженія кораблей; къ нимъ приложены были чертежи корабельныхъ частей и ихъ размѣры. Каждая компанія обязана была, кромѣ русскихъ плотниковъ, содержать на свой счетъ иностраннаго корабельнаго мастера, переводчика, кузнеца, рѣзчика, столяра, живописца, и лекаря съ аптекою. Заготовлять матеріалы должны были въ верховьяхъ Дона и по Волгѣ; преимущественно въ лѣсахъ уѣздовъ Воронежскаго, Усманскаго, Бѣлохолдскаго, Романовскаго, Сокольскаго, и Козловскаго. Изъ западной Европы, особенно изъ Венеціи, Голландіи, Даніи, Швеціи положено было вызвать искусныхъ и опытныхъ корабельныхъ мастеровъ и распре-

дѣлать ихъ по кумпанствамъ. Въ тѣ же засѣданія положено было, со временемъ выкопать соединительный каналъ между Дономъ и Волгою, а именно между рѣками Иловлею и Камышинкою.

Ближайшій надзоръ за работами и заготовленіе матеріаловъ поручено было Францу Тиммерману. Но царь чувствовалъ, что для приведенія въ исполненіе его великихъ замысловъ ему нужны люди, на которыхъ ему можно положиться. Петръ зналъ, что вызвать изъ-за границы иностранныхъ мастеровъ можно; оттуда найдетъ много народу, но кто поручится, что прійдутъ люди дѣйствительно знающіе, которые честно будутъ строить; кто ихъ будетъ повѣрять? Для того, чтобы понимать во всякомъ дѣлѣ, что хорошо и что дурно сдѣлано, самому надобно быть знакомымъ съ дѣломъ. Петру надобно было имѣть побольше такихъ людей, которые могли бы наблюдать за работами, и онъ рѣшился послать за границу молодыхъ, способныхъ людей, которые бы учились архитектурѣ, корабельному искусству, инженернымъ и другимъ наукамъ. Петръ выбралъ для этой цѣли пятьдесятъ комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ и отправилъ ихъ за границу: 28 человѣкъ въ Италію, преимущественно въ Венецію, 22 человѣка въ Англію и въ Голландію.

Но это еще не успокоило молодаго и пылкаго царя; у него родилось опасеніе: хорошо-ли исполнять дворяне возложенное на нихъ порученіе, будутъ ли они ревностно учиться, поймутъ-ли они то, чего отъ нихъ требуетъ польза Россіи? Къ тому же, Петръ замѣтилъ, съ какою неохотой предпринималось путешествіе. Чтобы какъ можно больше хорошаго вышло изъ отправленія ихъ за границу, надобно было самому Петру побывать вездѣ заранѣе, все узнать самому, чтобы потомъ быть въ состояніи оцѣнить, съ какою пользою молодые дворяне провели свое время въ иностранныхъ государствахъ. И Петръ рѣшился, съ своими надежными бомбардирами Преображенскаго полка, отправиться въ чужія земли, гдѣ болѣе всего развелось мореходство, чтобы на дѣлѣ изучить кораблестроеніе во всѣхъ видахъ до высшихъ, основныхъ началъ и ежели представится случай, то узнать и управленіе кораблемъ. Лефортъ много содѣйствовалъ порожденію и приведенію въ исполненіе этого плана; онъ указалъ Петру вѣрный способъ скорѣе и основательнѣе двинуть впередъ еще дремлюція въ Россіи силы, и пробудить ее къ новой жизни. Въ разговорахъ съ Лефортомъ Петръ изливалъ всю свою

пылкую душу, которая видѣла всѣ недостатки у себя дома и стремилась къ тому, что могла ей открыть жизнь въ западной Европѣ.

Чтобы не стѣсняться формами и церемоніямъ, неизбѣжнымъ, ежели-бы онъ поѣхалъ за границу, какъ русскій царь, чтобы свободнѣе вездѣ бывать и учиться, гдѣ и чему захочетъ, Петръ придумалъ снарядить большое посольство въ главнѣйшія государства западной Европы и самъ присоединиться къ нему подъ скромнымъ названіемъ урядника Преображенскаго полка *Петра Михайлова*.

Петръ нисколько не хотѣлъ прятаться отъ другихъ государей, не избѣгалъ знакомства съ ними, но хотѣлъ видаться съ ними просто, избѣжать всѣхъ торжественныхъ въѣздовъ и представлений и все свое время распредѣлить такъ, какъ ему удобнѣе.

Великими, полномочными послами были назначены: адмираль, намѣстникъ новгородскій — Лефортъ, генераль и воинскій комиссаръ, намѣстникъ сибирскій — Головинъ и думный дьякъ, намѣстникъ бѣлевскій — Возницынъ; имъ даны были вѣрюція полномочныя грамоты для утвержденія древней дружбы и любви между Россіей и западными державами Европы, для того чтобы согласиться, какимъ способомъ ослабить враговъ креста Господня — турецкаго султана, крымскаго хана и всѣхъ басурманскихъ ордъ. Расходъ на издержки посольскія были увеличены противъ того, какъ бывали во времена предъидущихъ царствованій. Къ посольской свитѣ было прикомандировано 20 дворянъ и 35 волонтеровъ.

Обязанность дворянъ состояла въ томъ, чтобы безотлучно находиться при посольствахъ, исполнять всѣ порученія, присутствовать при аудіенціяхъ, сопровождать посольство во время торжественныхъ въѣздовъ и т. д. въ посольскіе дворяне были выбраны, или родственники, или знакомые пословъ.

Волонтеры отправлялись на этотъ разъ съ исключительною цѣлью изучать морское дѣло; они составляли особый отрядъ, раздѣленный на три десятка, подъ начальствомъ *командора*, князя Черкаскаго. Это были бомбардиры Преображенскаго полка; они участвовали во всѣхъ потѣхахъ и во всѣхъ походахъ Петра; они вмѣстѣ съ нимъ строили суда на Переяславскомъ озерѣ, были и работали въ Архангельскѣ, въ Воронежѣ; они вынесли вмѣтѣ съ царемъ всѣ битвы подъ Азовомъ и первые были въ траншеяхъ и на приступѣ. Къ тремъ десяткамъ испытанныхъ бомбардировъ по

волѣ царя, волонтерами приписаны были маленькій сынъ князя Голицына, два сына Головина, Нарышкинъ и царевичъ имеретійскій Аргиловичъ. Десятникомъ перваго десятка былъ Гавріилъ Кобылинъ, втораго десятка *Петръ Михайловъ* (царь), въ третьемъ Ѳедоръ Плещеевъ.

Петръ для памяти составилъ для посольства собственноручную записку, въ которой изложилъ всѣ предметы, необходимые, или исполнить, или купить за границей: между прочимъ говорилось о принсканіи искусныхъ морскихъ офицеровъ, боцмановъ, штурмановъ, матросовъ, о наймѣ корабельныхъ мастеровъ, о покупкѣ оружія и разныхъ принадлежностей для флота: полотень, блоковъ, большихъ и малыхъ пилъ и другихъ инструментовъ. Купить бумаги для картушей, свинцу, мѣдныхъ листовъ, кожи для помпъ, *гарусу*, т. е. шерстяной флаговой матеріи назвамена и вымпелы — бѣлаго, синяго и краснаго цвѣту и т. д.

Политическая цѣль посольства состояла въ томъ, чтобы съ Австріей заключить оборонительный и наступательный союзъ противъ турокъ, съ Бранденбургомъ, Голландіей и Англіей—торговый договоръ.

Управленіе государствомъ Петръ поручилъ тремъ знатнѣйшимъ вельможамъ: боярину Льву Кириловичу Нарышкину, князю Борису Алексѣевичу Голицыну и князю Петру Ивановичу Прозоровскому; предоставилъ имъ право управлять государствомъ отъ имени Петра, какъ будто онъ и не оставлялъ Москвы. Они могли давать указы воеводамъ, призывать ратныхъ людей на службу, двигать войсками, рѣшать дѣла тяжёбныя и уголовныя. Управленіе Москвы поручено было ближнему стольнику, князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому, главному начальнику полковъ Преображенскаго и Семеновскаго; на его отвѣтственности было спокойствіе столицы.

Петръ не упустилъ изъ вниманія оборону южныхъ границъ Россіи, гдѣ надобно было ожидать нападенія турокъ. Къ Азову стянута была значительная армія и командованіе ею было поручено боярину А. С. Шеину; ему же поручено было передѣлать и укрѣпить Азовъ по плану австрійскаго инженера Лавалля, построить за Таганъ-Рогомъ укрѣпленный фортъ, промѣрить рукава Дона и устроить корабельную гавань съ крѣпостью на Таганрогѣ. На низовьи Днѣпра, отправленъ былъ особый отрядъ и значительное войско приказано собрать и придвинуть къ границамъ Польши.

Польскій король Янъ III Собіескій, умеръ уже восемь мѣсяцевъ тому назадъ; но сеймъ не могъ рѣшиться, кого избрать на его мѣсто; тамъ народъ и дворянство спорило, волновалось, непокорное войско шумѣло и грабило коронныя земли, потому что жалованья ему не давали. Сеймъ, утомленный раздорами непріязненныхъ партій, сталъ звать на престолъ французскаго принца, союзника Турціи; Петръ безпокоился, чтобы выборъ этотъ не состоялся и, чтобы воспрепятствовать ему, рѣшился двинуть войска сначала къ границамъ, а потомъ и далѣе, ежели понадобится.

Позаботившись такимъ образомъ о внутреннемъ управленіи государства и внѣшней его безопасности, Петръ приказалъ посольству собираться въ путь. Онъ хотѣлъ, чтобы никто въ Европѣ не зналъ о томъ, что самъ онъ ѣдетъ; поэтому всѣ письма къ себѣ, даже и официальные бумаги приказалъ адресовать господину Петру Михайлову. Чтобы ктонибудь не проговорился въ письмахъ, царь приказалъ читать всѣ письма, посылаемыя въ посольство и не пропускать тѣхъ, въ которыхъ бы упоминалось о путешествіи царя. Самъ Петръ подписывался Петромъ Михайловымъ; на печати его былъ представленъ молодой плотникъ, окруженный корабельными инструментами и оружіемъ съ надписью кругомъ: *«азъ бо есмь въ чину учимыхъ и. учащихъ мя требую»*.

Посольство должно было начать свое путешествіе съ Вѣны; но проѣздъ черезъ волнующуюся Польшу былъ неудобенъ и не безопасенъ, къ тому же была надежда заключить предполагаемый союзъ и безъ личнаго содѣйствія посольства. Посольство было готово отправиться; день отъѣзда былъ уже назначенъ на 23 февраля 1697 года. Наканунѣ отъѣзда Лефортъ давалъ прощальный вечеръ въ своемъ домѣ, съ музыкою и танцами. Весело пировала *компанія* царская въ послѣдній разъ передъ долгою разлукою.

Пиръ былъ въ полномъ разгарѣ; вдругъ пришли сказать, что царя просятъ выйти въ другую комнату, гдѣ его ожидаютъ два стрѣльца. Петръ вышелъ къ нимъ; они повалились предъ нимъ на землю ницъ и просили милости и пощады. Они донесли, что думный дворянинъ Иванъ Цыклеръ подговариваетъ стрѣльцовъ зажечь въ ту же ночь домъ Лефорта и на пожарѣ умертвить государя.

Петръ хладнокровно выслушалъ донесеніе, распросилъ, гдѣ собрались заговорщики и пошелъ назадъ къ пирующимъ. Тамъ онъ очень спокойно объявилъ, что есть дѣло, которое требуетъ его немедленнаго присутствія, но просилъ дожидаться его и не прерывать веселья, выбралъ нѣсколькихъ сильныхъ и приверженныхъ къ себѣ людей, вмѣстѣ съ ними вышелъ, и не говоря имъ, въ чемъ дѣло, прямо поѣхалъ въ домъ Цыклера. Неожиданно вошелъ въ комнату, наполненную заговорщиками, грознымъ видомъ своимъ навелъ на нихъ цѣпенѣющій ужасъ и тутъ же приказалъ схватить и связать Цыклера и отвезти его въ село Преображенское, гдѣ и допросилъ его.

Цыклеръ сначала во всемъ отпирался, но послѣ очныхъ ставокъ съ стрѣльцами Елизарьевымъ и Силинымъ признался, что хотѣлъ зажечь домъ и во время пожара умертвить царя, подговоривъ на это дѣло пять человѣкъ, или пять ножей, какъ онъ выразился. При пыткѣ онъ выдалъ своихъ сообщниковъ Соковнина и Пушкина.

Объяснить, почему состоялся этотъ заговоръ—трудно, но предположить можно: бояре были недовольны посылкою дѣтей за границу учиться, были недовольны тѣмъ, что на ихъ счетъ строятся корабли, были недовольны нововведеніями. Цыклеръ еще прежде принадлежалъ къ приверженцамъ Софіи и какъ человѣкъ честолюбивый, первый оставилъ ее, когда власть ея поколебалась; первый явился къ Троицѣ, надѣясь такой покорностью заслужить любовь Петра и его милости, но Петръ всегда чуждался его и никогда нога его не переступала порога его дома, что очень оскорбляло Цыклера; при отъѣздѣ за границу, Петръ назначилъ Цыклера въ Азовъ на воеводство, что, по тогдашнимъ понятіямъ, равнялось вѣжливому изгнанію. Цыклеръ хотѣлъ отомстить за это; онъ воспользовался постояннымъ неудовольствіемъ стрѣльцовъ за то, что Петръ имъ предпочиталъ солдатъ и задумалъ у нихъ искать себѣ сообщниковъ. Соковнинъ, какъ заборенѣлый раскольникъ, ненавидѣлъ всѣ новизны и присталъ къ партіи Цыклера, а вслѣдъ за тѣмъ и родственникъ его Пушкинъ, раздосадованный тѣмъ, что его племянника насильно отправили учиться за границу.

Все это обнаружилось мало-по-малу послѣ допросовъ и пытки; оказалось, что начало этого злаго умысла тайлось еще въ стрѣлечкомъ волненіи, что Цыклеръ принималъ участіе въ замыслахъ Ми-

лославскаго. Раздраженный царь хотѣлъ страшнымъ примѣромъ остановить дальнѣйшіе заговоры и бунты. Онъ созвалъ боярскую думу и приказалъ судить Цыклера, Соковнина и Пушкина; ихъ приговорили къ четвертованію. Петръ хотѣлъ показать, что даже и могила не примиряетъ преступника съ оскорбленнымъ обществомъ. За 12 лѣтъ передъ тѣмъ Милославскій умеръ безнаказанно; его тогда похоронили въ церкви Николая Столпника, со всѣми почестями, приличными его сану. Петръ приказалъ выкопать его тѣло изъ земли и открытый гробъ привезти на свиньяхъ до мѣста, назначеннаго для казни и поставить подъ эшафотомъ, такъ чтобы кровь текла прямо въ гробъ. Послѣ казни, обезглавленные трупы изъ Преображенскаго перевезли въ Москву на Красную площадь. Здѣсь уже приготовленъ былъ каменный столбъ съ вдѣланными на верху его желѣзными спицами; палачи разложили тѣла казненныхъ вокругъ столба, а головы ихъ воткнули на приготовленные спицы. Милославскаго бросили тутъ же. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ торчали головы на спицахъ, а разлагающіеся трупы наполняли площадь невыразимымъ запахомъ гніенія. На четырехъ сторонахъ столба, прибиты были жестяные листы съ надписью о злодѣйскомъ умыслѣ Соковнина, Цыклера и Пушкина.

Родственники ихъ были разсланы въ разныя далекія отъ Москвы города; три внука Соковнина въ Бѣлгородъ на службу; братья его въ деревню; два сына Цыклера въ Курскъ; отецъ Пушкина лишенъ боярскаго сана и съ женою и дѣтьми отправленъ въ Енисейскъ.

Должно быть, родственники царицы, Лопухины, принимали какое нибудь косвенное участіе въ этомъ заговорѣ, потому что они безъ суда и безъ слѣдствія были отправлены въ ссылку.

Когда всѣ смуты были покончены, Петръ опять далъ приказаніе посольству собираться въ путешествіе

Посольство поѣхало на своихъ лошадяхъ на Тверь, Псковъ и Ригу Пруссію. Изъ Пскова воевода написалъ рижскому губернатору, что посольство ѣдетъ и требовалъ приличнаго пріема, какъ то положено по договору съ Швеціей. Губернаторъ Дальбергъ отвѣчалъ, что ему надобно знать, какъ велико число людей составляющихъ посольство, но что на всякій случай онъ велѣлъ приготовить подводы и содержаніе, а для исполненія назначилъ особаго при-

става, но въ то же время присовокуплялъ, что въ Лифляндіи большой голодъ и потому просилъ довольствоваться, чѣмъ Богъ послалъ.

Но когда наше посольство явилось на границѣ, оказалось, что никакихъ подводъ и никакихъ съѣстныхъ припасовъ не приготовлено; поэтому путешествіе продолжалось на тѣхъ же лошадяхъ, на которыхъ выѣхали изъ Пскова; навстрѣчу выѣхалъ приставъ, Глазенапъ, но извинялся въ недостаточномъ количествѣ приведенныхъ лошадей тѣмъ, что лошади въ Лифляндіи умираютъ съ голоду и потому большая часть экипажей ѣхало на псковскихъ лошадяхъ; но приходилось очень часто останавливаться по 8 и 10 часовъ, чтобы по сторонамъ дороги, на сосѣднихъ мызахъ закупать сѣно и овесъ, за дорогуу цѣну.

За милю отъ Риги посольство дожидали три легкія кареты отъ губернатора, а за полмили—60 рейтаровъ и 6 каретъ, въ томъ числѣ одна золоченая. Начальникъ рейтаръ сказалъ поздравительную рѣчь, за нимъ вторую произнесъ начальникъ выборныхъ рижскихъ гражданъ (шварцгейптеровъ); они выѣхали навстрѣчу на прекрасныхъ лошадяхъ, въ богатой сбруѣ, въ роскошной бархатной одеждѣ въ парадныхъ мантияхъ, съ бѣлыми страусовыми перьями на шляпахъ и съ обнаженными мечами въ рукахъ, съ знаменами, трубами и литаврами. Они частію окружали, частію сопровождали посольскую карету, при громкихъ кликахъ народа, при трубныхъ звукахъ и неумолкаемой пушечной пальбѣ. Посольство торжественно въѣхало въ Ригу и помѣстилось въ трехъ нарочно для нихъ приготовленныхъ домахъ.

На слѣдующій день двое посольскихъ дворянъ представлялись Дальбергу и благодарили его за хорошій пріемъ; онъ отвѣчалъ ласково, обѣщая позаботиться о всѣхъ нуждахъ посольства и извинялся въ тѣхъ неудобствахъ, какія посольство встрѣтило на дорогѣ, и которыя произошли единственно оттого, что въ Лифляндіи неурожайный и голодный годъ.

Петръ былъ доволенъ пріемомъ, но Двина вскрылась и продолжать путешествія нельзя было, надобно было недѣлю прожить въ полномъ бездѣйствіи. Со стороны губернатора пошли неприятности; онъ не доставлялъ съѣстныхъ припасовъ, не позволялъ посольскимъ людямъ свободно ходить по городу, за ними присматри-

вали, какъ за шпионами; самъ Дальбергъ не отдалъ визита посольству и хотя ему извѣстно было, что царь находился въ свитѣ, онъ дѣлалъ видъ, что этого не знаетъ и не постарался доставить Петру ни малѣйшаго удовольствія, не позволилъ осмотрѣть крѣпости и достопримѣчательностей Риги — ратушу и думу шварцгейптеровъ. Онъ не позволилъ ему даже издаться, въ зрительную трубу, посмотреть на крѣпость; отъ Лефорта онъ требовалъ, чтобы никто изъ русскихъ не выходилъ изъ домовъ и не позволялъ себѣ никакихъ вольностей. Лефортъ всѣми силами доказывалъ раздраженному Петру, что Дальбергъ имѣетъ право такъ поступать, потому что Рига пограничный городъ и губернаторъ долженъ заботиться о томъ, чтобы система ея укрѣпленій осталась тайною для такого опаснаго сосѣда, какъ Россія, но Петръ былъ оскорбленъ такою невнимательностію и Ригу прозвалъ *проклятымъ мѣстомъ*. Рижскіе жители съ своей стороны показали непростительное корыстолюбіе: за все они брали втрое дороже того, что слѣдовало и когда наконецъ псковскіе ямщики, совершенно прокормившіеся, вздумали продавать лошадей и сани, чтобы идти домой, имъ въ Ригѣ за лошадь съ сбруей и санными давали не болѣе 10 копѣекъ.

Петръ, раздраженный всѣмъ этимъ, при первой возможности, въ рыбацкѣй лодкѣ съ нѣсколькими изъ своихъ бомбардировъ, переправился черезъ Двину и уѣхалъ одинъ въ Курляндію предоставивъ посольству пробираться далѣе, какъ оно знаетъ.

Пріемъ, сдѣланный посольству въ Курляндіи герцогомъ, былъ самый радушный и на столько пышный и щедрый, насколько позволяли небогатые средства герцога. Онъ лично отдалъ визитъ посольству, и долго разговаривалъ съ Петромъ и послами о польскихъ и турецкихъ дѣляхъ. Посольство провело недѣлю въ Митавѣ, но Петру и здѣсь стало скучно: нечего было осматривать, ни заводовъ, ни фабрикъ, но онъ зналъ, что въ Курляндіи есть приморскій городъ Либанъ, или Либавъ; его туда тянуло; онъ опять оставилъ посольство, простился съ герцогомъ, поблагодарилъ его за ласковый пріемъ и поѣхалъ въ Либаву; тутъ онъ въ первый разъ *познакомился съ Балтійскимъ моремъ*, какъ онъ говоритъ и для дальнѣйшаго путешествія своихъ бомбардировъ и своего, нанялъ купеческій корабль, приказавъ посольству продолжать путешествіе по твердой землѣ.

Но изъ Либавы тоже нельзя было тронуться; шумѣли вѣтры и море бушевало во всемъ своемъ грозномъ величіи; дѣлать Петру и здѣсь нечего было, но онъ не скучалъ, а осматривалъ, все, что можно было; заходилъ даже въ аптеку, гдѣ видѣлъ необыкновенное для него животное, о которомъ самъ пишетъ: «Здѣсь я видѣлъ диковинку, о которой у насъ говорятъ, какъ о небывальщинѣ: въ аптекѣ, въ склянкѣ со спиртомъ я видѣлъ саламандру (сулесткандру); я ее вынималъ, осматривалъ, держалъ въ рукахъ; она точь въ точь такая, какъ описываютъ.»

Только 2 мая подулъ попутный вѣтеръ и Петръ на купеческомъ кораблѣ «Св. Георгія» вышелъ изъ гавани и черезъ два дня былъ уже у Фришгафа; отсюда далъ знать курфирсту Бранденбургскому Фридриху III о своемъ прибытіи, и о желаніи видѣться съ нимъ запросто. Курфирстъ пригласилъ Петра къ себѣ въ Кенигсбергъ; здѣсь его называли московскимъ оберъ-командоромъ и заботились, чтобы ни онъ, ни свита его не терпѣли ни въ чемъ недостатка.

Въ ожиданіи прибытія посольства, Петръ осматривалъ Кенигсбергъ и занялся изученіемъ артиллеріи, подъ руководствомъ главнаго инженера прусскихъ крѣпостей, Штейгнера-фонъ-Штернфельда; впоследствии Петръ получилъ отъ него аттестатъ на имя Петра Михайлова, въ томъ, что признаетъ его за отличнаго осторожнаго и искуснаго огнестрѣльнаго художника, одинаково хорошо изучившаго теорію и практику.

По приѣздѣ пословъ въ Кенигсбергъ, учрежденъ былъ торжественный въѣздъ, за придворными конюшими съ верховыми лошадьми, ѣхалъ отрядъ конной лейбъ-гвардіи курфирста; за каретами, пажами, въ пышныхъ придворныхъ костюмахъ, ѣхали калмыки въ своихъ одеждахъ съ луками и колчанами, полными стрѣлъ, далѣе слѣдовали царскіе солдаты верхомъ, въ зеленыхъ кафтанахъ съ серебряными нашивками, русскіе гайдуки въ венгерскихъ кафтанахъ, на груди съ кованными серебряными бляхами, на которыхъ изображался русскій гербъ, а въ рукахъ у нихъ былъ серебряный обухъ. Въ парадной каретѣ курфирста ѣхали послы, въ русскихъ кафтанахъ, съ брилліантовыми двуглавыми орлами на шапкахъ; по сбѣимъ сторонамъ кареты шли по 12 драбантовъ съ вызолоченными аллебардами; шествіе заключалось экипажами, въ которыхъ размѣстилась посольская свита. При въѣздѣ, посольство встрѣчено было

пушечными выстрѣлами; пѣхотные полки и вооруженные граждане, разставленные по дорогѣ, отдавали имъ честь; музыка и барабанный бой провожали ихъ. Въ приготовленномъ для посольства домѣ ихъ дожидался роскошный столъ, а на порогѣ встрѣтилъ ихъ камергеръ курфюрста съ поздравительною рѣчью. Столъ былъ накрытъ великолѣпно, вездѣ блистало серебро, подавали и ужинали на серебрянѣ, прислуживали придворные чиновники и пажы; тосты за здоровье превозглашалъ генераль-кригскомиссаръ, а когда пили за здоровье царя, загремѣли трубы, литавры и раздались пушечные выстрѣлы.

Аудіенція у курфюрста великолѣпнѣе и торжественностію соответствовала встрѣчѣ. Русскіе послы были въ русскихъ парчевыхъ кафтаныхъ, унизанныхъ жемчугомъ и дорогими камнями, съ брилліантовыми пуговицами и съ алмазными двуглавыми орлами на дорогихъ мѣховыхъ шапкахъ.

Курфюрстъ принялъ ихъ на тронѣ, подѣ балдахиномъ, въ красной бархатной одеждѣ, усѣянной брилліантами, въ шляпѣ съ перьями, съ рыцарскимъ знакомъ, тоже усаженномъ брилліантами, на груди. По обѣимъ сторонамъ трона стояли маркграфъ Албрехтъ и герцогъ Гольштинскій, далѣе оберъ-президентъ, министры и вельможи. Послѣ обычныхъ привѣтствій и поздравленій курфюрстъ выразилъ желаніе заключить съ Россіей оборонительный и наступательный союзъ. Но Петръ не хотѣлъ нарушать своихъ отношеній съ ближайшими сосѣдями, Польшей и Швеціей, поэтому только словесно заключилъ оборонительный союзъ, а на бумагѣ дружественный договоръ, въ которомъ были постановлены правила свободной торговли между обѣими державами, позволеніе провозить товары изъ Россіи въ другія европейскія государства, а изъ Бранденбурга — въ Персію и Китай. Было выговорено, что всѣхъ бунтовщиковъ и политическихъ преступниковъ та и другая держава будетъ выдавать и положено было русскимъ подданнымъ беспрепятственно проѣзжать черезъ Пруссію, когда будутъ отправляться для наукъ въ Голландію, или въ другія земли.

Петръ остался въ Кенигсбергѣ долѣе, чѣмъ предполагалъ: его задержали волненія въ Польшѣ, гдѣ французская партія усилилась; чтобы противодѣйствовать ей, Петръ послалъ грамоты своему резиденту, въ которыхъ ясно выразилъ, что всѣми силами будетъ

противодѣйствовать избранію короля, находящагося въ дружбѣ съ Турціей и Крымомъ, враждебными Россіи. «Мы, заключаемъ Петръ свою грамату, такого короля французской и турецкой партіи видѣть въ Польшѣ не хотимъ; хотимъ, чтобы вы выбрали изъ каковаго ни есть народа; только-бы онъ былъ въ дружбѣ и союзѣ съ нами и цесаремъ римскимъ, противъ общихъ непріятелей Святаго Креста.

Выборы окончились, грамата Петра пришла во время, за два дня до выборовъ и произвела желанное дѣйствіе: въ Польшѣ двѣ партіи избрали двухъ королей: одна партія избрала французскаго принца Конти; другая курфюрста саксонскаго Августа; послѣдняго поддерживалъ русскій резидентъ. Петръ послалъ поздравительную грамату Августу и велѣлъ объявить польскимъ избирателямъ, что для защиты республики отъ Конти и его партіи, къ Литовской границѣ придвинуто войско. Августъ съ своимъ войскомъ вступилъ въ Польшу, присягнулъ, принялъ католичество и далъ честное слово царю быть съ нимъ заодно противъ враговъ христіанской вѣры.

ГЛАВА XIV.

Свиданіе Петра съ курфюрстинами Софіей и Шарлоттой. Пріѣздъ въ Саардамъ и пребываніе въ немъ. Отправленіе въ Амстердамъ, работы на верфи. Причины поѣздки въ Англію.

Дѣла въ Польшѣ приняли хорошей оборотъ; была надежда, что курфирсть саксонскій—Фридрихъ Августъ—утвердится на польскомъ престолѣ; Петръ успокоился и рѣшилъ продолжать свое путешествіе. Петръ выѣхалъ вмѣстѣ съ посольствомъ, но, по своему обыкновенію, оставилъ его въ дорогѣ и поѣхалъ впередъ одинъ. На пути осматрѣлъ желѣзные заводы въ Гарцѣ и взбирался на гору Брокенъ, чтобы посмотрѣть прекрасный видъ съ нея.

Вѣсть о Петрѣ между тѣмъ предшествовала ему; двѣ образваннѣйшія европейскія принцессы: Ганноверская курфюрстина Софія и дочь ея курфюрстина Бранденбургская Шарлотта поспѣшили къ нему навстрѣчу, чтобы увидѣться съ этимъ великимъ человекомъ, молва о которомъ уже распространилась при всѣхъ дворахъ западной Европы. Онѣ не посмотрѣли ни на дурную дорогу, ни на неудобное помѣщеніе въ бѣдномъ мѣстечкѣ Коппенбургѣ и съ нетерпѣніемъ дожидались пріѣзда Петра.

Около 8 часовъ вечера прибылъ царь и остановился въ крестьянскомъ домѣ. Къ нему тотчасъ пришелъ камергеръ и просилъ пожаловать къ курфюрстинамъ, но Петръ наотрѣзъ отказался идти: ему непріятно было быть предметомъ любопытства. Но приближенные и посланные не переставали уговаривать его; черезъ часъ Петръ наконецъ согласился идти, но только съ условіемъ, чтобы при свиданіи не было никого изъ придворныхъ, а только члены сѣмеества.

Придворные, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ хотѣли взглянуть на царя, хоть мимоходомъ и толпою собрались у входныхъ дверей дома, но это имъ не удалось: Петръ прошелъ дворами и вошелъ въ домъ заднимъ крыльцомъ.

Принцессы встрѣтили своего гостя въ комнатѣ подлѣ столовой и дружелюбно привѣтствовали его, но онъ такъ смѣшался, что какъ застѣнчивый ребенокъ рукою закрылъ себѣ глаза и на всѣ любезности принцессъ отвѣчалъ: «я не могу говорить». Принцессы были поражены высокимъ ростомъ и наружностію Петра и вотъ, что онѣ сами пишутъ: «Царь высокъ ростомъ, у него прекрасныя черты лица, осанка и движенія исполнены силы и благородства; умъ у него живой и оборотливый; отвѣты быстры и метки. Но при всѣхъ достоинствахъ, которыми его одарила природа, хорошо было-бы, еслибы въ немъ было поменьше грубости. Это государь очень хорошій и вмѣстѣ съ тѣмъ очень дурной: въ нравственномъ смыслѣ онъ вполне представитель своей страны. Еслибы онъ получилъ лучшее воспитаніе, изъ него вышелъ-бы человѣкъ совершенный, потому что у него много достоинствъ и умъ—необыкновенный.»

Принцессы посадили царя между собою за ужиномъ и не переставали съ нимъ разговаривать; первоначальная застѣнчивость его исчезла, и онъ очаровалъ ихъ своимъ умомъ и находчивостью. Ужинъ продолжался около четырехъ часовъ. Петръ не тяготился разспросами, рассказами и замѣчаніями принцессъ, на все отвѣчалъ быстро и ежели забывалъ какое либо слово, или выраженіе, обращался къ переводчику, но это бывало рѣдко, потому что хорошо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ.

Петру особенно понравилась живая, остроумная курфюрстина Софія Шарлотта; онъ на память обмѣнялся съ нею табакеркою.

Когда Петръ уже освоился и развеселился, принцессы уговорили его позволить придворнымъ войти въ залъ. Какъ скоро дамы и кавалеры наполнили залъ, царь приказалъ одному изъ своихъ приближенныхъ стать у дверей и никого не выпускать и самъ началъ угощать виномъ всѣхъ поочередно; онъ велѣлъ принести большіе стаканы, самъ наливалъ и подавалъ ихъ придворнымъ: мужчины принуждены были, въ угоду ему, выпивать по три и по четыре стакана, а дамы по одному; принцессы тоже пили вмѣстѣ

съ нимъ, по его просьбѣ, по московскому, обычаю, стоя, за здоровье царя, курфюрста и свое собственное.

Для большаго удовольствія и для того, чтобы посмотрѣть какое впечатлѣніе произведетъ на Петра пѣніе, курфюрстины велѣли позвать италіанскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, нарочно привезенныхъ съ собою и заставили ихъ пѣть. Петръ слушалъ очень внимательно, потомъ поднесъ стаканъ вина лучшему пѣвцу, но объявилъ, что особенной любви къ музыкѣ у него нѣтъ.

— Можетъ быть, вы лучше любите охоту? спросила курфюрстина.

— Нѣтъ, отецъ мой былъ страстный охотникъ, но я къ этой забавѣ не чувствую никакой склонности; но за то очень люблю плавать по морю, строить корабли и пускать фейерверки! При этомъ онъ показалъ принцессамъ свои руки, покрытыя мозолями и огрубѣвшія отъ работы.

Петръ еще въ дѣтствѣ поражалъ своею необыкновенною красотою и живостію; современники не могли нахвалиться имъ; то и другое и теперь осталось; но раннее развитіе, страшныя потрясенія, вынесенныя имъ въ жизни, неумѣренный трудъ и потѣхи потрясли его крѣпкое сложеніе и оставили слѣды на его прекрасномъ лицѣ; голова его невольно тряслась и по лицу бѣгали конвульсивныя подергиванія. Быстрый и пронзительный взглядъ его производилъ непріятное впечатлѣніе на непривычныхъ. Новгородскій архіепископъ Яновскій рассказываетъ, что, когда онъ представлялся обоимъ молодымъ царямъ, Иоанну и Петру, то «къ рукѣ перваго подошелъ я безъ всякаго страха; а какъ пришелъ къ рукѣ царя, Петра Алексѣевича, тогда такой страхъ напалъ на меня, что колѣни у меня затряслись и я чуть не упалъ, и съ того времени мнѣ все казалось, что меня отъ той руки ожидаетъ смерть.»

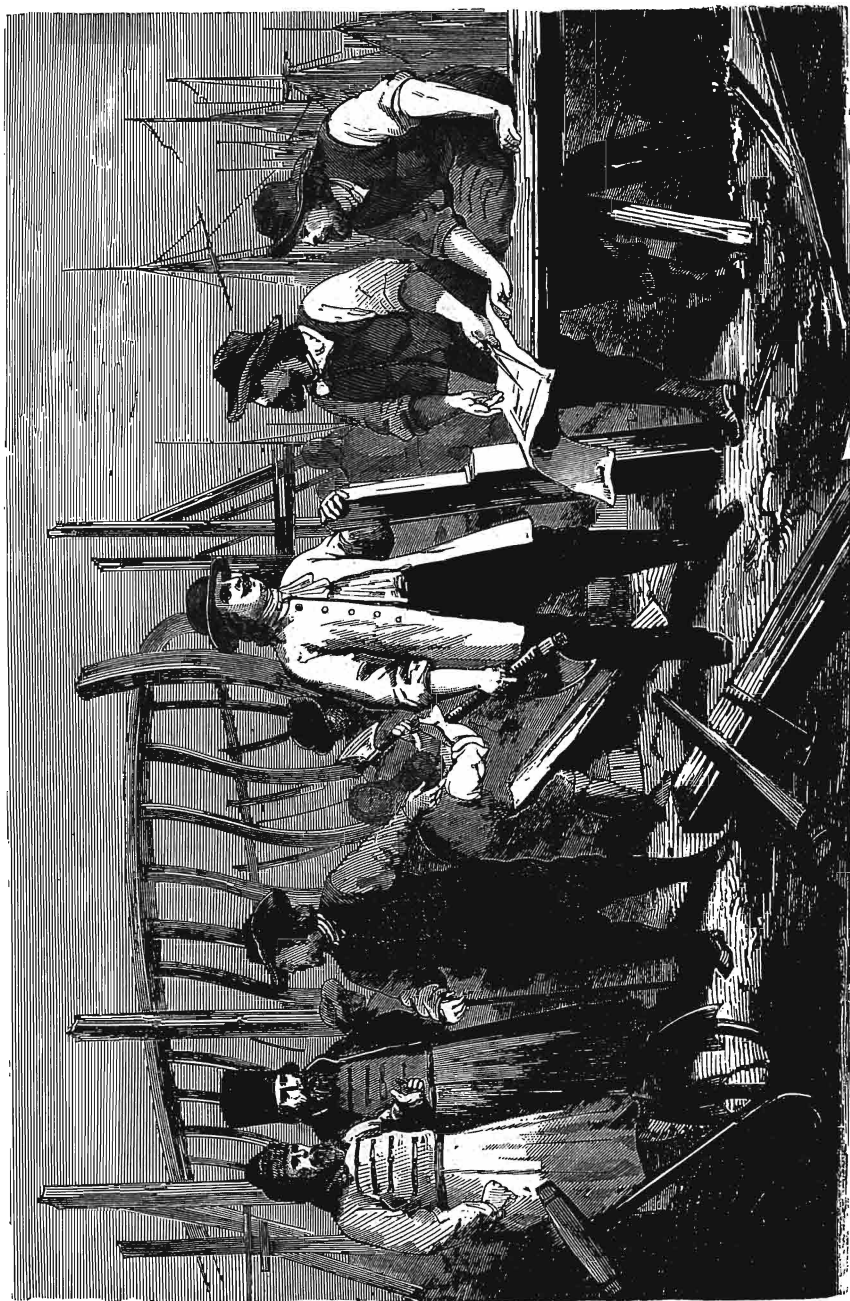
Говоря о конвульсивныхъ подергиваніяхъ лица у Петра, курфюрстина пишетъ: «Я представляла себѣ его гримасы еще хуже, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ, удержаться отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не въ его власти. Видно также, что въ дѣтствѣ его не выучили ѣсть опрятно; но мнѣ понравилась его естественность и непринужденность».

Послѣ ужина принцессы хотѣли посмотрѣть, какъ пляшутъ по русски и велѣли позвать русскихъ музыкантовъ; но Петръ не хо-

тѣлъ начать танцевъ, если сами принцессы не покажутъ ему, какъ онѣ танцуютъ; онѣ охотно согласились исполнить его желаніе и сами открыли балъ съ своими придворными, потомъ начали вмѣстѣ съ Петромъ танцовать русскую, Лефортъ объяснялъ позы и движенія. Русская пляска понравилась принцессамъ и балъ продолжался до 4 часовъ утра. Петръ былъ очень веселъ и любезенъ; онъ взялъ принцессу Софію—Доротею (будущую королеву прусскую, мать Фридриха II) тогда еще десятилѣтнюю дѣвочку за уши, приподнялъ и поцѣловалъ ее два раза и при этомъ измялъ ея головной уборъ; цѣловалъ также и брата ея Георга, бывшаго впослѣдствіи англійскимъ королемъ.

Петру очень понравились принцессы; ему и на слѣдующій день хотѣлось увидѣться съ ними и представить имъ всю свою свиту; но онѣ со своею свитою прямо послѣ бала отправились къ себѣ въ замокъ Герренгаузъ; потомъ онѣ очень сожалѣли о своемъ торопливомъ отъѣздѣ, когда узнали о намѣреніи царя. Петръ на память послалъ имъ четыре пары соболей и три куса парчи, но куски такіе маленькіе, что были годны только для обивки стульевъ.

Изъ Коппенбурга Петръ далѣе поѣхалъ вмѣстѣ съ посольствомъ; но у рѣки Липпе опять оставилъ его и въ лодкѣ спустился далѣе. пробрался къ Рейну и но немъ, съ 18 человекъ волонтеровъ, поплылъ въ Голландію. Въ первой голландской гостинницѣ русскихъ разсматривали съ любопытствомъ, потому что вѣсть о приближавшемся великомъ посольствѣ царя русскаго уже дошла до Голландіи и его тамъ ожидали съ нетерпѣніемъ. Петръ по каналамъ и по рукаву Рейна отправился къ Саардаму, или Заандаму—мѣстечко на сѣверо-западъ отъ Амстердама, близъ морскаго залива Эй. Всѣхъ своихъ спутниковъ царь оставилъ въ Амстердамѣ, взялъ съ собою только шестерыхъ, въ томъ числѣ царевича Имерегійскаго, Гавріила и Александра Меншиковыхъ, своихъ любимыхъ преображенскихъ плотниковъ—бомбардировъ и съ ними поплылъ къ Саардаму на лодкѣ. Ночь 7 августа застала его неподалеку отъ мѣста назначенія, и онъ къ величайшей досадѣ своей, долженъ былъ остановиться. На другой день на разсвѣтѣ царь поплылъ дальше; подъ городомъ въ Форзанѣ онъ замѣтилъ знакомаго; на лодкѣ ловилъ рыбу бывший въ Россіи кузнецъ Кистъ: Петръ окликнулъ его; Кистъ не вѣрилъ глазамъ своимъ и остолбенѣлъ отъ удивленія, когда въ одеждѣ

Петръ Великій на корабельной верей въ Свардажъ.

голландскаго плотника—красной фризовой курткѣ, бѣлыхъ холщевыхъ шароварахъ, съ круглой клеенчатой шляпой на головѣ, увидѣлъ передъ собою царя Московскаго. Удивленіе его еще усилилось, когда царь сказалъ ему: «Ну, товарищъ Кистъ, я твой жилецъ и прошу тебя отдать мнѣ у себя въ домѣ квартиру!»

— Царь, и бѣдець, жить тебѣ въ моей лачугѣ не пристало, да и свободной комнаты у меня нѣтъ.

— Все равно, отдай мнѣ чуланъ какойнибудь: неужели ты одинъ занимаешь весь домъ?

— Что у меня за домъ? просто хижина: въ одной половинѣ я самъ живу съ женою, а въ задней половинѣ живетъ у меня вдова поденщика. Петръ настоялъ на томъ, чтобы эта задняя часть дома была приготовлена для него, далъ задатокъ; Кистъ причалилъ и опрорметью бросился домой, чтобы исполнить царскую волю; за семь гульденовъ онъ уговорилъ вдову очистить квартиру.

Царь съ своими спутниками пока вошелъ въ гостиницу *Видры*. День былъ воскресный; народъ толпился на улицахъ. Русскій костюмъ царскихъ спутниковъ привлекалъ вниманіе, и въ народѣ слышались вопросы: «Кто они? Откуда? Какого званія? Зачѣмъ пріѣхали?»

— Мы простые плотники, ищемъ работы; за тѣмъ только и пріѣхали!

Изъ гостиницы Петръ отправился въ домъ къ кузнецу Кисту. Это былъ простой деревянный домъ въ два окна, раздѣленный перегородкой на двѣ небольшія комнаты, съ изразцовой, разрисованною печкою, для приготовленія пищи; у Петра была глухая каморка для кровати и чуланъ при входѣ въ сѣни, гдѣ онъ сохранялъ свои плотничьи инструменты. Домъ находился въ самой уединенной части Саардама. Петръ нашелъ, что помѣщеніе очень хорошо и первую ночь ночевалъ въ своемъ новомъ дворцѣ.

Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ разсвѣта, и въ понедѣльникъ рано утромъ, отправился въ лавку, накупилъ себѣ плотничьихъ инструментовъ и въ тоже утро записался плотникомъ на корабельной верфи Линста Рогге въ Бейтензанѣ, подъ именемъ Петра Михайлова.

Ежедневно, съ восходомъ солнца, отправлялся онъ на работу и не отставалъ ни въ чемъ отъ простыхъ плотниковъ; работалъ безъ

отдыха и перерыва до полудня; тутъ онъ заходилъ въ какую нибудь гостинницу, или харчевню, обѣдалъ или отправлялся къ какому нибудь семейству саардамскихъ корабельныхъ плотниковъ, уѣхавшихъ въ Москву. Въ ихъ потомствѣ до сихъ поръ сохранились преданія о томъ, что дѣлалъ, что говорилъ у нихъ царь Московскій. У одной старухи онъ выпилъ стаканъ вина, у другой обѣдалъ; третья пришла къ молодому, красивому московскому плотнику разузнавать о своемъ мужѣ, той онъ отвѣчалъ: «онъ хорошій и прилежный мастеръ, я хорошо его знаю, потому что рядомъ съ нимъ строилъ корабль».

Голландка недовѣрчиво посмотрѣла на царя и спросила: развѣ ты тоже плотникъ?

— Да, я плотникъ, отвѣчалъ царь.

Чаще другихъ заходилъ Петръ къ вдовѣ умершаго въ Москвѣ искуснаго корабельнаго мастера Клауса Муша. Незадолго до пріѣзда чуждаго плотника, она получила отъ русскаго царя подарокъ въ 500 гульденовъ; она догадывалась, что и Петръ Михайловъ не простой плотникъ и потому убѣдительно просила его при случаѣ сказать Московскому царю что она его благодарить за помощь, оказанную ей, помощь эта облегчила ей тяжесть перваго устройства послѣ потери мужа. Петръ обѣщался слово въ слово передать царю ея благодарность и охотно остался у нея обѣдать.

Въ свободное отъ работъ время, русскій плотникъ ходилъ по фабрикамъ и заводамъ; все осматривалъ со вниманіемъ и вникалъ въ мельчайшія подробности; иногда его вопросы ставили мастеровъ въ недоумѣніе, иногда они не умѣли отвѣчать на его вопросы, или не хотѣли, и тогда отдѣльвались грубою выходкою отъ навязчиваго и любопытнаго плотника. Очень часто онъ самъ брался за дѣло и всегда показывалъ большую ловкость и переимчивость. Однажды онъ былъ на бумажной фабрикѣ, подъ фирмою *Кохъ*, осматривалъ все производство работъ, долго приглядывался къ пріемамъ мастера черпальщика и наконецъ попросилъ у него форму, взялъ ее, проворно изъ чана черпнулъ массы сколько нужно, стряхнулъ и выкинулъ превосходный листъ, безъ малѣйшаго недостатка. Мастеръ похвалилъ его за ловкость, а онъ подарилъ ему талеръ на водку. Съ такимъ же вниманіемъ и любопытствомъ осматривалъ онъ лѣсопильни, маслобойни, бумагопрядильни, сукновальялни и другія мельницы

наполнявшія Заанландскія деревни. Онъ помогаль строить крупчатку для купца Кальфа; она существуетъ до сихъ поръ, подъ названіемъ крупчатки *великаго князя*.

На другой день послѣ пріѣзда въ Саардамъ Петръ купилъ для себя за 40 гульденовъ лодку, на которой катался каждый вечеръ послѣ работы.

Но пріемы иностраннаго плотника, его замѣчательная красота, привычка повелѣвать, нетерпѣливыя движенія, гнѣвъ, по временамъ вырывавшійся у него во время противорѣчій, все показывало, что онъ не принадлежитъ къ тому сословію, въ которомъ онъ находился. Голландцы и особенно голландки не могли повѣрить, чтобы человѣкъ съ такою необыкновенною наружностію былъ простой плотникъ; онѣ считали его какимъ нибудь знатнымъ человѣкомъ, для какой-то цѣли переодѣвшимся въ работника; но этого убѣжденія для ихъ было мало: имъ хотѣлось узнать, кто онъ? Они начали наводить разпросы, съ любопытствомъ слѣдили за каждымъ его шагомъ и очень часто надоѣдали ему.

Отъ женщинъ молва о томъ, что Петръ Михайловъ не простой плотникъ распространилась и вскорѣ дознались, кто онъ такой. Одинъ саардамскій плотникъ, отправившійся въ Москву написалъ своему отцу, что въ Голландію отправляется великое русское посольство и въ его свитѣ находится самъ царь; что онъ много слышался о Саардамѣ и навѣрное побываетъ въ немъ; узнать его не трудно по примѣтамъ онъ очень высокаго роста, у него голова трясется, онъ очень часто размахиваетъ правой рукой и у него есть небольшая бородавка на правой щекѣ. Отецъ плотника съ письмомъ этимъ пришелъ къ цирюльнику и они вмѣстѣ читали и перечитывали его, соображая, ужъ нѣтъ ли царя среди этихъ на дняхъ прибывшихъ плотниковъ, въ это время дверь цирюльни отворилась и вошли шестеро иностранцевъ; одинъ изъ нихъ говорилъ съ жаромъ и размахивалъ правой рукой; остальные примѣты тоже подходили и цирюльникъ разгласилъ о своемъ открытіи. Но дѣло это казалось до того неправдоподобнымъ, что никто вѣрить не хотѣлъ и многіе съ распросами обратились къ Кисту: онъ хранилъ тайну и твердо отвѣчалъ, что у него въ домѣ живетъ простой плотникъ; но жена его, бывшая при разговорѣ, съ досадою слушала увѣренія мужа и воскликнула: «Терпѣть не могу, когда ты говоришь неправду!»

Молва росла, во всемъ находила пищу, а Петръ попрежнему работалъ на верфи; однажды наработавшись до полного утомленія, онъ возвращался домой и по дорогѣ купилъ себѣ много сливъ, высыпалъ ихъ себѣ въ шляпу и шель, кушая ихъ, по дорогѣ. Къ нему пристала толпа мальчишекъ и начали просить у него сливъ, нѣкоторымъ онъ далъ по нѣскольку сливъ, другимъ ничего не далъ, онъ забавлялся тѣмъ, что первые радовались, дразнили вторыхъ, а тѣ сердились; но они начали бранить Петра, потомъ бросать въ него пескомъ, грязью и камнями, и кидали такъ метко и такъ много, что Петръ долженъ былъ спрятаться въ гостинницу *Трехъ Лебедей*; его разсердила дерзость мальчишекъ, онъ приказалъ тотчасъ позвать бургомистра.

Толпа и шумъ были ужасные; многіе изъ жителей видѣли всю эту сцену и съ своей стороны объ этомъ происшествіи уже дали знать, бургомистру, любопытные столпились на плотинѣ передъ гостинницей и ждали что будетъ; они со страхомъ шептались между собою: ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ это Московскій царь и не его ли обидѣли уличные мальчишки. Сторожевой баркасъ пришелъ наконецъ съ бургомистромъ; вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ шкиперъ много разъ бывавшій въ Архангельскѣ и выдавшій царя. Онъ вошелъ въ гостинницу, гдѣ Петръ сидѣлъ за столомъ и пилъ чай, узналъ его, вернулся на набережную и сказалъ собравшимся: «Это точно самъ Московскій царь: я его хорошо знаю.»

Бургомистръ пошелъ къ Петру и разспросилъ, какъ все было. извинился передъ нимъ, посовѣтовался съ другими членами управы и обнародовалъ слѣдующее распоряженіе: «Бургомистры къ своему сожалѣнію узнали, что дерзкіе мальчишки осмѣлились бросать грязью и камнями въ знатныхъ чужестранцевъ, которые у насъ гостятъ и хотятъ быть *неизвѣстными*; мы строжайше запрещаемъ такого рода своевольство, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія. Ослушниковъ немедленно предписываемъ отводить къ господину балы. Объ этомъ да будетъ извѣстно всѣмъ и каждому въ предостереженіе отъ наказанія и стыда.»

Въ тотъ же день на мосту, черезъ который Петру надобно было идти, чтобы попасть въ домъ Киста поставили караулъ, съ приказаніемъ не позволять народу толпиться и надоѣдать путешественнику; это

еще болѣе подтверждадо слухи, что въ Саардамѣ живеть русскій царь.

Вечеромъ, послѣ работы, Петръ зашелъ къ купцу Кальфу, встрѣтился тамъ съ бургомистромъ, снялъ передъ нимъ шляпу и низко поклонился; обрадованный бургомистръ черезъ переводчика спросилъ Петра: «Не угодно ли высокому *господину* пожаловать къ нему откушать рыбы, по-саардамски?»

Царь отвѣчалъ что *господинъ* еще не пріѣхалъ и отказался отъ обѣда; на предложеніе Кальфа переѣхать въ его домъ, который и больше и удобнѣе дома Киста, Петръ отвѣчалъ: «Мы не знатные господа, а люди простые, рабочіе; для насъ довольно и той квартиры, гдѣ теперь живемъ.»

Молва о царѣ-плотникѣ возростала и дошла до Амстердама; одни вѣрили ей, другіе доказывали ея невозможность; одинъ богатый негоціантъ, бывавшій въ Архангельскѣ и много разъ принимавшій царя въ своемъ домѣ, послалъ въ Саардамъ своего главнаго прикащика посмотрѣть, точно ли царь тамъ. Избрандесъ, такъ называли прикащика, пошелъ на верфь и издали увидѣлъ Петра, въ ту минуту, какъ онъ прилаживалъ что-то въ строящемся кораблѣ, но не смѣлъ подойти къ нему, испугался, тотчасъ поѣхалъ обратно въ Амстердамъ и весь блѣдный, взволнованный, разсказалъ своему хозяину, что видѣлъ. Негоціантъ немедленно самъ отправился въ Саардамъ встрѣтилъ царя, взглянулъ на его матросскую куртку, снялъ передъ шляпу, низко поклонился ему и съ изумленіемъ воскликнулъ: «Вы ли это, ваше величество?»

— Вы сами видите, что я! ласково отвѣчалъ царь, пригласилъ его къ себѣ въ домъ и долго разговаривалъ съ нимъ. Потомъ вмѣстѣ пошли на верфь и Петръ купилъ себѣ за 450 гульденовъ красивый и прочный буеръ, и самъ придѣлалъ къ нему новый бугшпритъ. Моряки удивлялись съ какимъ стараніемъ и съ какимъ искусствомъ царь придѣлалъ бугшпритъ и какъ отлично исправилъ всю оснастку буера.

Весь слѣдующій день Петръ провелъ на водѣ. Но любопытные голландцы всюду подбарауливали его и всюду слѣдовали за нимъ; даже на морѣ не оставляли его въ покоѣ. Пообѣдавъ у Кальфа, царь опять плавалъ по заливу; но мало по малу вокругъ него и за нимъ появились яхты и буеры. Петръ попробовалъ уйти отъ нихъ,

но они не отставали; куда бы онъ ни направлялся неотвязная вереница слѣдовала за нимъ. Онъ рѣшился пристать къ берегу, причалить къ плотинѣ, отдѣлявшей Нѣмецкое море отъ залива, но и тутъ стояла сплошная толпа любопытныхъ. Петръ, однакожь, причалилъ, ловко выскочилъ на берегъ; толпа сомкнулась вокругъ него и онъ долженъ былъ проталкиваться. Петръ разсердился, глаза его грозно сверкнули, а тутъ одинъ мѣщанинъ, Корнелій Марсенъ, съ разинутымъ ртомъ, выпученными глазами неотвязнѣе прочихъ лѣзъ къ нему и не давалъ ему дороги; царь раза два отталкивалъ его, но тотъ все вывѣртывался и его глупая рожа опять торчала передъ Петромъ; онъ разсердился и далъ пощечину Марсену. Въ толпѣ раздался хохотъ и послышались слова: «Браво Марсенъ! Ты пожалованъ въ рыцари!» и съ этихъ поръ его постоянно называли рыцаремъ Марсеномъ. Петръ протолкался черезъ толпу и заперся въ гостинницѣ, гдѣ и просидѣлъ до самаго вечера, и ушелъ къ себѣ домой только поздно вечеромъ, когда весь народъ уже разошелся.

Въ Саардамѣ приготовлялось любопытное зрѣлище; въ Занландскихъ мѣстечкахъ корабли строились на верфяхъ, во внутреннихъ водоемахъ, огражденных отъ моря, подобно всѣмъ голландскимъ берегамъ, широкимъ и высокимъ валомъ; посредствомъ воротъ и шлюзъ изъ нихъ выводили вновь построенные корабли въ заливъ; но этотъ путь годился только для мелкихъ судовъ; когда же спускали большой корабль, то его подводили къ плотинѣ, посредствомъ машинъ поднимали его на саженную насыпь плотины, переталкивали черезъ валъ въ 150 футовъ ширины и по другую сторону спускали его опять въ воду; это была въ высшей степени трудная и опасная операція; ею преимущественно занималась особая компанія, которой платили отъ 50 до 250 гульденовъ за корабль, смотря по величинѣ его. Теперь поспѣлъ одинъ очень большой корабль, принадлежавшій Кальфу; его надобно было перевозить. Городское начальство пригласило Петра присутствовать при этомъ любопытномъ зрѣлищѣ; ему сказали, что для него и для его приближенныхъ нарочно устроено мѣсто, огороженное палисадомъ, чтобы народъ не мѣшалъ ему и что городская стража будетъ отгонять слишкомъ назойливыхъ. Кальфъ кромѣ того пригласилъ Петра на обѣдъ. Царь охотно согласился посмотрѣть на перетаскиваніе корабля, но отказался отъ обѣда.

Въ назначенный день, рано утромъ, народъ началъ стекаться къ мѣсту, и всѣ предосторожности магистрата оказались напрасными: палисадъ опрокинулся, городскую стражу разогнали и затолкали; несмѣтныя толпы народа, подвижными массами своими, наполнили не только улицы, но и дома, и крыши, и заборы; царь видѣлъ, что пройти нельзя и къ величайшему сожалѣнію, рѣшился остаться дома. Явились бургомистры, члены совѣта компаніи и городскіе старшины, просили царя не отказать имъ въ чести быть при спускѣ корабля, обѣщались проводить его до мѣста особеннымъ ходомъ такъ, что онъ избѣжитъ любопытной толпы; Петръ было согласился и началъ одѣваться, повторяя: сейчасъ, сейчасъ! (Stracks, stracks!), но подошелъ къ окну, посмотрѣлъ, увидѣлъ густую толпу народа, неспускавшую глазъ съ его дома и очевидно поджидавшую его, онъ съ досадой отвернулся, сказавъ: «Нѣтъ, не пойду, слишкомъ много народу!» Захлопнулъ дверь за бургомистромъ и его свитою, и цѣлый день просидѣлъ у себя, никуда не показываясь. Это было въ субботу.

Въ воскресенье народу собралось еще больше; всѣ мастеровые въ Саардамѣ были свободны; изъ Амстердама набралось множество любопытныхъ, чтобы посмотреть на царя-плотника; плотина, находившаяся между домомъ Киста и мѣстомъ, гдѣ стоялъ царскій буеръ, была до того переполнена народомъ, что нельзя было двинуться ни назадъ, ни впередъ. А между тѣмъ Петръ хотѣлъ отправиться въ Амстердамъ, куда на другой день должно было прибыть посольство и торжественно вступить. Петръ съ гнѣвомъ смотрѣлъ на толпы народа, нетерпѣніе его съ каждымъ мгновениемъ увеличивалось; наконецъ, видѣ себя, Петръ рѣшился протѣсниться; онъ вышелъ на улицу и работая грудью и локтями ему, только послѣ долгихъ усилій, удалось пробиться до пристани, гдѣ стоялъ его буеръ. Но между тѣмъ вѣтеръ съ утра очень сильный превратился почти въ бурю. Опытные матросы, видя намѣреніе царя пуститься въ море, обступили его и совѣтовали не выходить въ заливъ, подкрѣпляя свои слова многими примѣрами несчастій. Но раздосадованный царь ничего не слушалъ, распустилъ паруса и вышелъ въ заливъ; черезъ три часа онъ безъ всякаго приключенія прибылъ въ Амстердамъ, но и тутъ на пристани тѣснился народъ, ожидая прибытія знаменитаго плотника. И тутъ не безъ труда проложилъ онъ себѣ

путь до главной городской гостинницы, назначенной для приема русскаго посольства.

Петръ въ посольской свитѣ присутствовалъ при всѣхъ торжествахъ, какими встрѣтили въ Амстердамѣ русское чрезвычайное посольство; Штаты не поскупились и назначили, сверхъ положенныхъ въ подобныхъ случаяхъ суммъ на приемъ посольствъ, еще 10,000 гульденовъ; чтобы оправдать себя въ глазахъ другихъ державъ и избавиться отъ ихъ зависти, штаты объявили, что въ Голландіи еще никогда не бывало такого великаго и почетнаго посольства, что при немъ три вице-короля и самъ царь и что, слѣдовательно, по этому случаю можно дѣлать лишнія издержки.

Петръ вмѣстѣ съ посольствомъ и съ бургомистрами осматривалъ ратушу, адмиралтейство, корабельныя верфи и магазины; и даже былъ въ театрѣ; бургомистры пригласили его на великолѣпный обѣдъ съ фейерверкомъ. Примѣрное морское сраженіе въ заливѣ Эй, подъ начальствомъ опытнаго адмирала Схея заключило всѣ торжества, данныя городомъ Амстердамомъ по случаю посѣщенія русскаго царя. Примѣрное сраженіе на морѣ лучше всего понравилось ему; всѣ парусныя суда, какія можно было собрать, выстроились въ двѣ боевыя линіи, при входѣ въ заливъ. Петръ, вмѣстѣ съ бургомистрами и послами, пріѣхалъ на богато-украшенной яхтѣ остиндской компаніи. Флотъ привѣтствовалъ царя залпомъ изъ всѣхъ орудій, а за тѣмъ начались морскія эволюціи съ непрерывною пушечною пальбою съ береговыхъ баттарей и съ судовъ; по словамъ очевидцевъ, облака дыма заслоняли солнце, и отъ пушечнаго грома ничего нельзя было слышать. Царь не вытерпѣлъ, не могъ оставаться спокойнымъ зрителемъ; онъ съ яхты перешелъ на военный корабль и постоянно направлялъ его туда, гдѣ огонь былъ сильнѣе.

Въ самый день вѣзда пословъ, онъ разговаривалъ съ бургомистромъ, Витзенемъ, съ которымъ былъ знакомъ уже прежде; черезъ него заказывалъ корабль и выписывалъ всякіе матеріалы для кораблестроенія. Витзень былъ ему еще извѣстенъ, какъ авторъ описанія путешествія по Россіи и къ Каспійскому морю: *Татарія восточная и южная, и путешествіе въ Китай*. Петръ объявилъ ему, что пріѣхалъ въ Голландію съ цѣлью изучать кораблестроеніе и потому хотѣлъ бы, если только возможно, заняться этимъ на

остъиндской, или другой какой верфи, менѣе доступной черни, которая ему такъ надосадила въ Саардамѣ.

Витзенъ похлопоталъ о томъ, чтобы желаніе его исполнилось; до свѣдѣнія остъ индской компаніи было доведено, что знатный иностранецъ, находящійся въ свитѣ посольства, желаетъ изучать кораблестроеніе и проситъ компанію доставить ему для этого случай. Отвѣтъ былъ слѣдующій: «По совѣщанію компанія изъявила полное согласіе на то, чтобы высокая особа изучала на компанейской верфи кораблестроеніе и поручала господину Витзену узнать, въ какомъ размѣрѣ гость желаетъ видѣть построеніе фрегата въ 130, или въ 100 футовъ; если же для него все равно, то компанія желаетъ заложить фрегатъ въ 100 футовъ длиною».

Получивъ объ этомъ извѣстіе, Петръ по своему обыкновенію, хотѣлъ тотчасъ же приняться за дѣло; послѣ фейерверка ночью же поѣхалъ въ Саардамъ за своими инструментами и возвратился къ утру въ Амстердамъ; и все это на своемъ буерѣ; плаваніе было опасное, но царь былъ нетерпѣливъ и не послушался ни просьбы пословъ, ни увѣщаній бургомистровъ; въ короткое время, проведенное близъ залива, царь настолько ознакомился съ нимъ, что могъ безъ лощмана, въ темную ночь безопасно доѣхать до Саардама уложилъ тамъ всѣ свои инструменты и къ утру возвратился въ Остенбургъ, часть города Амстердама, гдѣ находилась верфь остъ индской компаніи и гдѣ для него была притоввлена квартира въ домѣ канатнаго мастера.

Въ тотъ же день онъ записался плотникомъ къ корабельному мастеру Герриту-Класу Полю и размѣстилъ своихъ волонтеровъ по разнымъ работамъ, для изученія корабельнаго дѣла; однихъ оставилъ при себѣ; другихъ назначилъ къ постройкѣ мачтъ, третьихъ заставилъ учиться строить боты, четвертыхъ точить блоки, пятыхъ учиться артиллеріи, иныхъ опредѣлилъ матросами на разные корабли. «Спальники, писалъ Петръ Виніусу, посланные мною раньше, выучились употребленію компаса, не побывавъ на морѣ, и собрались было ѣхать домой въ Москву, думая, что выполнили порученіе; но адмиралъ нашъ и я объ этомъ разсудили иначе и приказали имъ на кораблѣ отправиться къ устью Эльбы, чтобы на дѣлѣ познакомиться съ моремъ и съ компасомъ во время плаванія.»

На остъиндской верфи Петръ работалъ наравнѣ съ простыми

плотниками втеченіи четырехъ мѣсяцевъ. Первые три недѣли прошли въ подготовкѣ матеріаловъ и только 9 сентября онъ собственноручно заложилъ фрегатъ въ 100 футовъ длиною, во имя апостоловъ Петра и Павла, и на слѣдующій день написалъ объ этомъ митрополиту: «Мы теперь живемъ въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ; живы и здоровы вашими молитвами, исполняя слово Божіе, сказанное Адаму, трудимся въ потѣ лица своего; дѣлаемъ это не изъ нужды, а для того, чтобы изучить морское дѣло, чтобы по возвращеніи оставаться побѣдителями надъ врагами имени Господня и освободить христіанъ изъ-подъ ига нечестиваго; чего я до послѣдняго дыханія своего не перестану желать.»

Петръ работалъ, какъ простой плотникъ и безпрекословно исполнялъ всякое приказаніе своего мастера. Однажды, одинъ знатный англичанинъ нарочно пріѣхалъ въ Амстердамъ, чтобы посмотреть на знаменитаго плотника; онъ пришелъ на верфь и просилъ мастера показать ему царя; въ это время Петръ сидѣлъ на бревнѣ и отдыхалъ; другіе плотники тащили тяжелое бревно; мастеръ крикнулъ ему: «Петръ, плотникъ Саардамскій! что же ты сидишь и не поможешь своимъ товарищамъ?» Петръ тотчасъ всталъ и подставилъ свое плечо подъ бревно, которое несли.

Втеченіе многихъ десятковъ лѣтъ рабочіе на верфи рассказывали своимъ женамъ и дѣтямъ о томъ, какъ Петръ работалъ, какъ искусно онъ владѣлъ инструментами, какую необыкновенную силу выказывалъ и какъ иногда утомленный садился на обрубокъ дерева, вытиралъ потъ, катившійся съ лица его, сидѣлъ опустивъ топоръ между колѣнями и разговаривалъ съ товарищами, шутилъ и рассказывалъ имъ разные занимательные случаи. Любопытные ежедневно приходили посмотреть на знаменитаго работника и поговорить съ нимъ; онъ разговаривалъ охотно, когда обращаясь къ нему, говорили просто: *Piter timmerman* (Петръ-плотникъ) но отворачивался и не отвѣчалъ, когда обращались къ нему съ словами: Ваше Величество или Государь! Но онъ постоянно дорожилъ временемъ и избѣгалъ длинныхъ разговоровъ; послѣ короткаго отдыха опять принимался за дѣло.

Такъ проходилъ цѣлый день, но и ночью Петръ не отдыхалъ достаточно; съ каждою почтою изъ Москвы приходили кипы бумагъ, писемъ и дѣлъ; все надобно было прочесть, обдумать, рѣшить и

на все отвѣчать. Онъ издали продолжалъ слѣдить за общимъ ходомъ дѣлъ, писалъ приказанія, но въ тоже время находилъ время отвѣчать на веселыя письма своихъ ближнихъ бояръ и каждую пятницу отсылалъ свою корреспонденцію въ Москву. — Иногда не успѣвалъ отвѣчать на частныя письма, тогда просилъ не печалиться, писалъ, что онъ здоровъ, а не пишетъ частію за недосугомъ, частію за отлучкой для знакомства съ тѣмъ, чего нѣтъ въ Россіи, частію за хмѣльницкимъ (за пирами). Волю свою боярамъ правиламъ онъ всегда выражалъ ясно, твердо, и очень часто рѣзко.

Въ Голландіи Петръ занимался не однимъ кораблестроеніемъ онъ съ Витзенемъ и Лефортомъ ѣздилъ въ Утрехтъ, чтобы повидаться и познакомиться съ голландскимъ штатгалтеромъ и Вильгельмомъ Оранскимъ англійскимъ королемъ. Витзену было поручено все показывать царю и повсюду провожать его, а это было дѣло не легкое; Петръ все хотѣлъ знать, все видѣть; онъ подробно осматрѣлъ китоловныя суда и все производство на нихъ, ни одинъ чанъ ни одинъ котель для жира не ускользнулъ отъ его вниманія. Онъ ходилъ по госпиталямъ, по воспитательному дому, бывалъ на фабрикахъ, въ мастерскихъ, ко всему руку прикладывалъ и всегда выказывалъ ловкость и проворность.

Онъ познакомился, при помощи Витзена, съ тогдашними знаменитыми учеными въ Голландіи. Особенно понравился ему знаменитый профессоръ анатоміи—*Рюйшъ*.

Разсказываютъ, что царь остановился, какъ пораженный громомъ, когда въ первый разъ увидѣлъ знаменитый анатомическій театръ этого ученаго; съ любопытствомъ разсматривалъ его и когда подошелъ къ стеклянному ящику, въ которомъ сохранялся трупъ набальзамированнаго Рюйшомъ дитяти, не могъ оторваться отъ него: дитя лежало, какъ живое, съ улыбкой, точно будто спитъ и видитъ что-то хорошее во снѣ. Петръ не вѣрилъ, что дитя мертвое, Рюйшъ открылъ стеклянную крышку и только прикосновеніемъ царь убѣдился, что это трупъ; царь наклонился и поцѣловалъ дитя. Долго оставался Петръ въ этомъ привлекательномъ для него кабинетѣ и впослѣдствіи часто бывалъ у Рюйша, обѣдалъ у него запросто и присутствовалъ на его лекціяхъ; ходилъ съ нимъ въ госпиталь Св. Петра, смотрѣлъ, какъ онъ изслѣдуетъ болѣзни, какъ обращается съ больными; онъ такъ часто ходилъ въ госпиталь,

что для него была нарочно продѣлана отдѣльная дверь, съ цѣлью избавить его отъ назойливости любопытныхъ, преслѣдовавшихъ его повсюду. Слѣды этой двери до сихъ поръ существуютъ. Петръ и въ послѣдствіи помнилъ о Рюйшѣ, переписывался съ нимъ и посылалъ ему рѣдкихъ животныхъ, какія ему случалось находить. Рюйшъ съ своей стороны писалъ ему, какъ удобнѣе сохранять пойманныхъ животныхъ, какъ кормить личинки насѣкомыхъ, или гусеницы, какъ накалывать бабочекъ и пересылать ихъ. Удивительно, что царь, подавленный трудными и многосложными занятіями, находилъ время переписываться съ ученымъ и собирать для него насѣкомыхъ и другихъ животныхъ!

Во время своей поѣздки въ Лейденъ, Петръ познакомился съ другимъ знаменитымъ профессоромъ медицины Бургавомъ и также осматривалъ его анатомическій кабинетъ; въ немъ не было отвращенія къ трупамъ; онъ долго стоялъ передъ однимъ изъ нихъ, у котораго мускулы были раскрыты для того, что насытить ихъ терпентиномъ. Петръ при этомъ замѣтилъ, что нѣкоторые изъ приближенныхъ его съ отвращеніемъ отворачиваются отъ труповъ и не хотятъ прикоснуться къ нимъ, тогда Петръ разсердился и приказалъ имъ зубами разрывать мускулы трупа. Когда гнѣвъ сверкалъ въ глазахъ царя, и рука его судорожно сжималась, слушниковъ не могло быть и приговоренные съ отвращеніемъ исполнили его волю.

Времени у Петра было мало, и онъ дорожилъ каждымъ мгновеніемъ; поэтому во время поѣздки въ Лейденъ онъ на яхтѣ провелъ часа два съ натуралистомъ Леувенгокомъ, который показывалъ ему свои аппараты, толковалъ ихъ и вмѣстѣ съ нимъ подъ микроскопомъ разсматривалъ инфузорій и другіе организмы. Голландскіе провожатые не успѣвали удовлетворять любознательности своего великаго гостя; онъ съ жадностью хотѣлъ все знать, все видѣть. Каждый новый предметъ поражалъ его, онъ останавливался и спрашивалъ: «Что это такое? Я долженъ это видѣть?» Никакія отговорки, никакія убѣжденія, никакія опасности его не останавливали, онъ все разсматривалъ, все изслѣдовалъ, всему учился, все замѣчалъ. Даже ночью, во время путешествія, онъ не могъ оставаться безъ дѣла. Иногда темный контуръ какого либо зданія, или мельницы поражалъ его, онъ останавливалъ экипажъ, приказывалъ

зажигать фонари, факелы и при свѣтѣ ихъ осматривалъ предметъ, возбудившій его вниманіе.

Петръ въ Амстердамѣ перепробовалъ много новыхъ для него искусствъ и мастерствъ; онъ даже пробовалъ гравировальное искусство и до сихъ поръ въ петербургской публичной бібліотекѣ сохраняется оттискъ гравюры, сдѣланной Петромъ, подъ руководствомъ художника Шхонебека; на гравюрѣ опять выражается господствующая мысль Петра: торжество христіанской религіи надъ мусульманской: въ овальной рамкѣ изображенъ ангелъ съ крестомъ и пальмовою вѣтвью въ рукахъ, ногами онъ попираетъ рогъ луны и турецкіе бунчуки; оригинальный оттискъ этой гравюры сохраняется въ амстердамскомъ музеѣ и на немъ современная надпись на голландскомъ языкѣ: «Петръ Алексѣевъ, великій русскій царь награвировалъ это иглою и крѣпкою водкою, подъ надзоромъ Адриана Шхонебека, въ Амстердамѣ, въ 1698 году, въ спальнѣ своей квартиры на верфи остъ-индской компаніи»; на гравюрѣ можно примѣтить поправки, сдѣланные искусною рукою Шхонебека.

На одной изъ гравюръ дочери того же художника Шхонебека представленъ музей древностей ученаго Вильде; здѣсь видны—египетскія древности, глобусы и книги; посреди стоитъ столъ, а за нимъ сидятъ два человѣка; одинъ по правую руку—самъ Яковъ Вильде въ современной европейской одеждѣ, въ парикѣ; въ одной рукѣ статуэтка, другою показываетъ монету. На лѣво отъ него сидитъ молодой человѣкъ въ шапкѣ, опушенной мѣхомъ, въ кафтанѣ съ узкими рукавами, въ высокихъ сапогахъ, съ саблей на боку, онъ внимательно слушаетъ толкованіе ученаго и разсматриваетъ статуэтку и вещи разложенныя на столѣ. Этотъ молодой человѣкъ—царь Петръ Алексѣевичъ, это доказывается русскимъ двуглавымъ орломъ, изображеннымъ у ногъ его.

Изъ Москвы Петръ получилъ пріятныя для него извѣстія: постройка кораблей кумпанствами быстро подвигалась; военные предприятия и постройка крѣпостей на югѣ шли успѣшно; изъ Швеціи получено въ подарокъ 300 пушекъ для зарождающагося флота, другія пушки тамъ заказаны; но этого еще недостаточно было для того, чтобы спустить флотъ; его надобно было оснастить, найти опытныхъ капитановъ и порядочныхъ матросовъ; на Петрѣ лежала трудная обязанность найти и закупить все нужное за границей,

но для этого требовались большія деньги, а ихъ не доставало у Петра. Царь рѣшился просить помощи у Голландіи и послы его отправились въ Гагу; въ свитѣ отправился самъ царь, оставивъ на нѣсколько дней свои работы. Пословъ приняли торжественно, Петръ у богатой Голландіи не просилъ денегъ, а только просилъ дать ему опытныхъ и надежныхъ капитановъ и матросовъ, кромѣ того оружія, боевыхъ снарядовъ, полотна и канатовъ, обѣщаясь за все щедро заплатить впослѣдствіи. Купцы-правители осыпали посольство любезностями, обѣщаніями, но изъ своихъ торговыхъ видовъ не хотѣли ссориться съ Турціей и подѣ предлогодъ, что ихъ финансы въ настоящую минуту разстроены войной съ Франціей, отказались помочь царю; но дали ему право самому отыскивать мореходцевъ, покупать оружіе и всякаго рода корабельные припасы, заключать контракты и сдѣлки съ голландскими купцами.

Между тѣмъ постройка фрегата быстро подвигалась и приходила къ концу. Ноября 16 онъ былъ торжественно спущенъ, въ присутствіи пословъ и всѣхъ городскихъ властей. Но Петръ былъ еще недоволенъ знаніемъ, приобрѣтеннымъ на верфи; онъ изучилъ кораблестроеніе на практически, но ему хотѣлось имѣть болѣе обширныя, теоретическія знанія, и онъ обратился къ Витзену съ просьбою, найти ему такого учителя, который научилъ бы его по чертежамъ строить корабли всякихъ размѣровъ и чтобы по рисунку можно было узнать, какой ходъ у него будетъ. Нашли такого учителя, но послѣ нѣсколькихъ дней занятій съ нимъ, Петръ убѣдился, что знаній у его учителя слишкомъ мало. что онъ не можетъ объяснить ему все такъ подробно и ясно, какъ бы ему хотѣлось, и учитель наконецъ чистосердечно признался Петру, что онъ многого на чертежѣ самъ не понимаетъ и показать ему не можетъ и что на верфяхъ корабли по большей части строятся по привычкѣ; а не по наукѣ.

Петру стало грустно, что онъ предпринялъ такое дальнее путешествіе и все-таки не достигнулъ желаемыхъ результатовъ. Въ такомъ настроеніи духа посѣтилъ онъ купца Яна Тессинга въ его загородномъ домѣ; за обѣдомъ, не смотря на общее оживленіе, веселые разговоры и музыку, Петръ сидѣлъ хмурый и молчаливый; его старались развеселить, но напрасно; тогда хозяинъ обратился къ нему съ вопросомъ: «Саардамскій мастеръ! скажи мнѣ, отчего ты сегодня такъ не веселъ?»

Петръ не вытерпѣлъ и высказалъ мысль, его занимавшую, и сожалѣніе о неудовлетворительности знаній, имъ пріобрѣтенныхъ. За столомъ сидѣлъ одинъ англичанинъ, онъ услышалъ слова Петра и сказалъ, что у нихъ въ Англіи кораблестроеніе достигло высшей степени совершенства, что корабельная архитектура, какъ и всякая другая, имѣетъ свои опредѣленные правила, что она подчиняется геометрическимъ вычисленіямъ и законамъ, и что полный курсъ кораблестроенія можно пройти въ самое короткое время по чертежамъ и вычисленіямъ. Это извѣстіе очень обрадовало Петра, и онъ тутъ же задумалъ предпринять путешествіе въ Англію.

Корабль, построенный Петромъ и спущенный имъ, остался собственностью Остъ-индской компаніи и совершилъ нѣсколько путешествій въ Азію; мнѣніе, будто онъ былъ подаренъ царю, совершенно несправедливо. Но за то штатгальтеръ Вильгельмъ Оранскій, король англійскій, тотчасъ послѣ своего знакомства съ Петромъ написалъ въ Лондонъ и приказалъ осмотрѣть, снарядить и приготовить въ подарокъ русскому царю свою лучшую яхту *Transport royal*, построенную незадолго передъ тѣмъ, по новѣйшему способу, очень легкую, красивую и вооруженную 20 мѣдными пушками. Черезъ недѣлю послѣ спуска фрегата «Петръ и Павелъ,» Петръ получилъ письмо отъ главнаго лорда адмиралтейства, который просилъ царя принять яхту *Transport royal* въ подарокъ отъ короля, прибавивъ, что ни одинъ англійскій корабль не можетъ сравниться съ этою яхтою, ни въ быстротѣ хода, ни красотою отдѣлки; управление ея поручено опытному капитану, Рипли, въ тоже время отличному корабельному архитектору; когда его величеству угодно будетъ, то капитанъ отведетъ яхту въ Россію, куда ему указано будетъ. Петръ съ большою благодарностью принялъ подарокъ и просилъ оставить ее въ Лондонѣ до его собственнаго пріѣзда туда.

ГЛАВА XV.

Путешествіе въ Англію и пребываніе тамъ. Вѣна. Непріятныя вѣсти изъ Россіи и возвращеніе изъ Вѣны. Новое возстаніе стрѣльцовъ. Сраженіе подъ Воскресенскимъ. Розыски и жестокость Петра къ стрѣльцамъ. Постриженіе царевнъ Марыи и Софіи. Александръ Даниловичъ Меншиковъ.

Итакъ, Петръ былъ недоволенъ теоретическимъ знаніемъ голландцевъ въ корабельной архитектурѣ и спѣшилъ въ Лондонъ, чтобы пополнить пробѣлъ въ своихъ знаніяхъ. Въ Голландіи узналъ онъ многое, что впоследствии могъ показать своимъ подданнымъ и чему могъ научить ихъ: онъ научился строить плотины, шлюзы, прорывать каналы; полюбилъ голландцевъ и все голландское, какъ родное, часто писалъ и говорилъ по-голландски, но ихъ искусство строить корабли въ его глазахъ потеряло цѣну, и онъ корабельныхъ мастеровъ впоследствии выписывалъ преимущественно изъ Англіи.

На Остъ-индской верфи Петру выдали аттестатъ, какъ отличному корабельному мастеру, опытному въ построеніи и архитектурѣ корабельной.

Петръ въ Амстердамѣ сѣлъ на яхту и каналами выѣхалъ въ море, добрался до Гельветслюйса въ устьѣ Мааса, ночью перебрался на присланную за нимъ изъ Англіи яхту и переночевалъ на ней. Съ разсвѣтомъ двѣ яхты, назначенныя для перевозки Петра и его свиты въ Англію, снялись съ якоря и вышли въ открытое море; погода была бурная; парусовъ нельзя было развернуть, но вѣтеръ былъ попутный, и яхты, рано утромъ 10 января, уже были въ виду береговъ Англіи; царя привѣтствовали съ крѣпости Орфорда пушеч-

ными выстрѣлами. За милю отъ устья Темзы эскадра, провожавшая царскую яхту, отсалютовала ей и повернула къ Чаттаму, а яхта продолжала путь свой къ Лондону, вошла въ Темзу, проплыла цѣлую ночь и только къ утру бросила якорь. Петръ и его свита, не теряя ни минуты, пересѣли на гребныя суда, миновали лондонскій мостъ вышли на берегъ въ Йоркъ-билдингсѣ, гдѣ для него приготовлены были три дома.

Въ тотъ же день къ Петру явился камергеръ отъ короля, чтобы поздравить его съ прїѣздомъ, поблагодарить за любовь и предложить все услуги, зависящія отъ короля, и спросить, когда можно будетъ королю видѣться съ царемъ. Петръ благодарилъ за радушный прїемъ, сказалъ, что всегда радъ принять короля, но просилъ, нельзя-ли прикомандировать къ нему вице-адмирала Митчеля, знающаго голландскій языкъ, потому что самъ онъ не зналъ по-англійски и Митчель могъ ему служить переводчикомъ. На другой день къ царю явился Митчель вмѣстѣ съ лордомъ Кармартемомъ, который удивлялся Петру и хотѣлъ быть ему полезенъ. Петръ принялъ его ласково и впослѣдствіи очень полюбилъ за веселость и за всегдашнюю готовность кататься вмѣстѣ съ нимъ по Темзѣ.

Король и царь обмѣнялись визитами и каждый разъ по нѣскольку часовъ разговаривали другъ съ другомъ. Петръ осматривалъ Лондонъ; былъ въ Королевскомъ Обществѣ Наукъ, гдѣ, какъ онъ самъ писалъ: *видѣлъ всякія дивныя вещи*, былъ въ арсеналѣ, въ Тоуэрѣ, на монетномъ дворѣ, на обсерваторіи; вездѣ все осматривалъ съ одинаковымъ любопытствомъ и вниманіемъ; былъ въ театрѣ; но все это его занимало слегка, главнымъ стремленіемъ его оставались корабли; онъ чаще всего бывалъ на корабельныхъ верфяхъ въ близлежащемъ городкѣ Дептфордѣ, на правомъ берегу Темзы, верстахъ въ трехъ отъ Лондона.

Каждый день ѣздить въ Дептфордъ ему наконецъ надоѣло и онъ совсѣмъ переселился туда, нанявъ себѣ квартиру въ домѣ мистера Эвелина; самое большое удобство новаго помѣщенія состояло въ томъ, что Петръ могъ проходить прямо на работу, не показываясь на улицахъ. Здѣсь Петръ около двухъ мѣсяцевъ съ половиною серьезно изучалъ кораблестроеніе, какъ науку, подъ руководствомъ ученыхъ корабельныхъ инженеровъ; здѣсь онъ нашелъ то,

чего искалъ въ Голландіи; онъ узналъ геометрическую пропорцію судовъ всѣхъ видовъ и размѣровъ.

Лишь только царь поселился въ Дептфордѣ и началъ чертить, вычислять и дѣлать проекты и планы судовъ, съ свойственнымъ своей природѣ увлеченіемъ, тайный агентъ нашъ при вѣнскомъ дворѣ донесъ, что ходятъ слухи, будто въ Москвѣ неспокойно, вспыхнулъ бунтъ, будто Софія опять взошла на престоль, Василий Голицынъ возвратился изъ ссылки и принялся за управленіе государствомъ и будто весь народъ уже присягнулъ царевнѣ.

Но извѣстія эти не смутили Петра; онъ продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ, учился и не вѣрилъ слухамъ, потому что каждую почту получалъ письма изъ Москвы и въ нихъ не было ни слова о предполагавшихся волненіяхъ.

Для отдыха, Петръ ѣздилъ то въ Вуличъ, главный складъ корабельныхъ принадлежностей, и на оружейный заводъ, смотрѣлъ, какъ отливали корабельныя пушки, стрѣлялъ изъ нихъ въ цѣль, металлъ бомбы и учился морской артиллеріи. На монетномъ дворѣ изучалъ, какъ чеканяютъ монеты, и съ истинною печалью говорилъ о томъ, какая дурная монета въ Россіи и увѣрялъ, что безобразіе ея не видалъ въ цѣлой Европѣ; онъ рѣшился, по англійскимъ образцамъ, перечеканить русскую монету. Онъ бывалъ въ парламентѣ, въ Оксфордскомъ университетѣ и даже въ разныхъ религіозныхъ обществахъ, разговаривалъ съ епископами англиканской церкви и удивлялъ ихъ тѣмъ, что такъ непоколебимъ въ догматахъ православной вѣры; сколько они ни пытались, но ни могли найти слабыхъ сторонъ въ его сужденіяхъ.

Яхта, подаренная Петру еще во время его пребыванія въ Голландіи, теперь поступила въ полное распоряженіе его и онъ тотчасъ попробовалъ ея ходъ; катался на ней по Темзѣ вмѣстѣ съ маркизомъ Кармартеномъ и остался ею очень доволенъ. Онъ рѣшился сначала отправить ее въ Архангельскъ, а оттуда по рѣкамъ и волокомъ довести до Волги, а тамъ какъ нибудь и въ Азовское море. Но этотъ планъ никогда не исполнился; яхта дальше Архангельска не пошла.

Не меньшее удовольствіе доставили Петру морскія примѣрныя сраженія. Однажды Петръ вечеромъ пріѣхалъ въ Портсмутъ, переночевалъ у губернатора, а утромъ на шлюпкѣ поплылъ осматривать военный

Петръ изучаетъ корабельную архитектуру.

флотъ, состоявшій изъ 12 большихъ судовъ, въ томъ числѣ 2-хъ 100 пушечныхъ кораблей. Лишь только царская шлюпка показалась, какъ ее встрѣтили пальбою со всѣхъ кораблей, а матросы веселымъ и дружнымъ крикомъ привѣтствовали царственнаго капитана. Осмотрѣвъ всѣ корабли, Петръ взомель на 80 пушечный фрегатъ и съ восторгомъ вглядывался въ стройный порядокъ и единство маневровъ; точность, съ какою матросы распускали паруса и выходили въ открытое море, восхищала его. Въ тотъ же день флотъ обогнулъ островъ Уайтъ, но вѣтеръ упалъ и на ночь пришлось бросить якорь. Царь побывалъ на всѣхъ корабляхъ, собралъ всѣхъ капитановъ къ себѣ на ужинъ и порядочно повеселился съ ними.

Утромъ, при попутномъ вѣтрѣ, къ величайшему удовольствію Петра можно было маневрировать, и примѣрная битва производилась съ величайшею точностію и искусствомъ, къ какому только способенъ такой превосходно устроенный флотъ, какъ англійскій. Послѣ возвращенія флота на Портсмутскій рейдъ Петръ распрощался съ капитанами и отправился въ Лондонъ. По дорогѣ онъ осмотрѣлъ королевскій загородный замокъ Уиндзоръ, построенный Вильгельмомъ Завоевателемъ, побывалъ въ церкви, гдѣ жалуются рыцари ордена Подвязки,—замокъ и церковь ему понравились, и онъ въ письмѣ своемъ о нихъ говорить, что замокъ *это наряденъ*.

Между занятіями въ Дептфордѣ и увеселеніями, Петръ не забывалъ однакожъ цѣли своей поѣздки; онъ отыскивалъ людей, годныхъ для службы въ Россіи и нашелъ около 60 человекъ. Чтобы составить съ ними формальные контракты и подписать ихъ, Петръ изъ Амстердама вызвалъ посла, боярина Головина; въ числѣ нанятыхъ людей были: маіоръ фанъ-деръ-Стамъ, содѣйствовавшій ему въ приобрѣтеніи чертежей корабельныхъ, Джонъ-Перри особенно искусный мастеръ, для устройства шлюзъ; онъ былъ нанятъ для того, чтобы устроить каналъ между Дономъ и Волгою, на мѣсто полковника Вренкеля, бѣжавшаго изъ Россіи, потому что не умѣя, взялся за устройство канала; когда работы пошли неудачно, онъ бѣжалъ подъ именемъ и съ паспортомъ своего слуги; были литейщики, кузнецы, слесара, инженеры; поступилъ еще на русскую службу профессоръ математики, окончившій курсъ въ Эбердин-

скомъ университетѣ; приглашенъ онъ былъ для устройства морской *навигаторской* школы въ Москвѣ.

Не смотря на всѣ старанія свои, Петру однакожь не удалось найти горнаго инженера ни въ Голландіи, ни въ Англіи; правда, въ Англіи онъ было нашель горнаго инженера, но тотъ запросилъ такое дорогое жалованье, какого Петръ ему дать не могъ и не хотѣлъ; а между тѣмъ изъ Москвы Виніусъ писалъ, что на Уралѣ найдена желѣзная руда отличнѣйшаго качества, и что разработка ея представитъ большія выгоды. Такъ какъ англійскіе горные инженеры показались Петру слишкомъ дорогими, то онъ рѣшился искать не найдеть ли въ Саксоніи болѣе согласныхъ на его предложенія.

Головинъ привезъ Петру пріятное извѣстіе о томъ, что отыскалъ и пригласилъ въ Голландіи нѣсколько морскихъ офицеровъ, а между ними одного изъ лучшихъ голландскихъ капитановъ, Корнелія Крейса.

Это былъ норвежець родомъ, съ дѣтства переселившійся въ Голландію; онъ уже совершилъ нѣсколько дальнихъ путешествій и занималъ видное мѣсто въ голландскомъ флотѣ. Петръ по возвращеніи въ Амстердамъ лично познакомился съ нимъ и оцѣнилъ его нравственныя качества, отличное знаніе морскаго дѣла, и не смотря на его строптивый и горячій характеръ, уважалъ его за благородство и непоколебимую честность. Царь видѣлъ, что это человѣкъ вполне достойный, поэтому въ свою службу принялъ его прямо вице-адмираломъ съ жалованьемъ въ шестеро больше того, какое онъ получалъ въ Голландіи. Кромѣ него въ Голландіи на русскую службу поступило болѣе 100 человѣкъ.

Одни задатки по найму столькихъ иностранцевъ и отправленіе ихъ въ Россіи требовало значительныхъ денегъ, а между тѣмъ Петръ, при всей своей экономіи, съ трудомъ могъ покрывать свои ежедневные расходы по посольству. Надобно было найти денегъ; онъ еще изъ Амстердама послалъ въ Москву приказаніе выслать денегъ, соболей и камки. Между тѣмъ, занимаясь корабельной наукой въ Дентфордѣ и катаясь въ яхтѣ съ маркизомъ Кармартеномъ, онъ нечаянно нашель средство пополнить свой недостатокъ въ деньгахъ.

Въ Россіи со временъ царя Михаила Ѳедоровича, т. е. со времени Самозванцевъ во время частыхъ сношеній съ Польшей табакъ вошелъ въ употребленіе; напрасно духовенство и приверженцы стари-

ны старались истребить это зелье, напрасно рвали ноздри и рѣзали носы, табакъ все-таки появлялся то тутъ, то тамъ; явно его не продавали, а тайной продажи искоренить не могли, и русскіе за большія деньги покупали у иностранцевъ и посольскихъ людей *табаку, эту богомерзкую и проклятую бьсовскую траву*, какъ называли его.

Передъ отъѣздомъ за границу, Петръ позволилъ явную продажу табака и на ввозъ его назначилъ пошлину, въ первый годъ пошлина шла на устройство табачныхъ лавокъ, а во второй уже въ казну; на третій положено было продажу табака отдать на откупъ; торговля табакомъ оказалась такъ выгодна, что одинъ изъ русскихъ купцовъ тогда же предложилъ взять торговлю на откупъ за 15,000 руб. сер.

При разговорѣ о торговлѣ съ маркизомъ Кармартеномъ, рѣчь зашла о табачной и маркизъ предложилъ Петру взять эту торговлю на откупъ и тутъ же далъ втрое больше, чѣмъ русскіе торговцы, а именно 20000 фунтовъ стерлинговъ, что по тогдашнему курсу составляло 48,000 рублей серебромъ, и къ тому же обязался выплатить всю сумму разомъ, за годъ впередъ. Для Петра это было истинной находкой; онъ тотчасъ же заключилъ условіе, дозволивъ ввезти въ Россію 3000 бочекъ табаку, или полтора милліона фунтовъ табаку и уничтожилъ всѣ прежнія постановленія, запрещавшія употребленіе табака.

Въ Англіи Петръ вполнѣ изучилъ корабельную архитектуру; онъ самъ говаривалъ:— ежели бы я не побывалъ въ Англіи, на всю жизнь остался бы простымъ плотникомъ. Король Вильгельмъ III удивлялся дѣятельности и геніальности Петра, и на память о его пребываніи въ Англіи хотѣлъ сохранить черты его лица, онъ просилъ позволенія сдѣлать съ него портретъ. Петръ согласился и лучший въ Англіи портретистъ, Годфридъ Кнеллеръ, сдѣлалъ портретъ двадцатилѣтняго Петра. Онъ такъ вѣрно схватилъ мужественное, прекрасное лицо, Петра, что впоследствии, года три спустя, путешественникъ Ле-Брейнь, нечаянно увидѣвши Петра въ домѣ голландскаго резидента, тотчасъ узналъ его по этому портрету. Петръ представленъ въ латахъ, съ горностаевою мантиею черезъ плечо, застегнутою драгоценнымъ, усыпаннымъ жемчугомъ и самоцвѣтными камнями запаномъ. Волосы представлены вьющіеся, короткіе, въ скобку, не по

плечамъ, какъ онъ носилъ впослѣдствіи, усы, чуть пробивающіеся, лицо и глаза выразительные, даже бородавка на правой сторонѣ носа не забыта. Портретъ этотъ до сихъ поръ хранится въ королевскомъ загородномъ дворцѣ Гамптонъ-Кортъ.

Петръ простился съ королемъ, поблагодарилъ его за ласковый пріемъ, еще разъ осмотрѣлъ монетный дворъ и на своей яхтѣ «Транспортъ-Рояль» отправился въ Голландію; свита слѣдовала за нимъ на другой яхтѣ, вмѣстѣ съ багажемъ. Передъ окончательнымъ разставаньемъ съ Англійей, онъ еще разъ останавливался въ Вуличѣ, еще пострѣлялъ изъ пушекъ, въ Чаттамъ осмотрѣлъ военные корабли и далъ прощальный пиръ англійскимъ капитанамъ и адмираламъ.

Царская яхта наконецъ вышла въ море; къ ней у города Мергета присоединился почетный конвой изъ нѣсколькихъ военныхъ кораблей и всѣ вмѣстѣ вышли въ море, но поднялся ураганъ и вся эскадра должна была возвратиться и бросить якорь. Ночь простояли близъ Мергета, а утромъ вѣтеръ перемѣнился, но царь не смотря на его порывы и силу безъ страха вышелъ въ море и только подъ вечеръ былъ въ виду голландскихъ береговъ; это было 25 апрѣля 1698 года, но только 28 удалось ему, послѣ многихъ остановокъ, войти въ Амстердамскій портъ и пристать прямо на Ост-индскій дворъ.

Въ Амстердамѣ наемъ служилыхъ людей продолжался; Крейсъ нанялъ около 580 человѣкъ; теперь забота Петра состояла въ томъ, какъ бы получше и подешевле отправить ихъ въ Россію; нанято было 4 купеческихъ корабля; на нихъ нагрузили купленные Петромъ корабельные припасы, инструменты и оружіе, все въ ящикахъ подъ клеймомъ *П. М.* (Петръ Михайловъ), помѣстили всѣхъ нанятыхъ иностранцевъ и отправили ихъ въ Архангельскъ. Царь при себѣ отправилъ свою яхту съ полнымъ комплектомъ экипажа и нанятыхъ иностранцевъ, всего въ числѣ 110 человѣкъ.

Окончивъ это дѣло, Петръ направилъ свой путь въ Вѣну; въ Голландіи переговоры насчетъ помощи въ войнѣ противъ турокъ не удались, и къ тому же Петръ узналъ, что штаты, вмѣстѣ съ англійскимъ королемъ, хлопчуть о томъ, чтобы Австрія заключила миръ съ Турціей, не включая въ него Россіи, потому что выгода той и другой державы состояла въ томъ, чтобы Австрія была въ мирѣ съ Турціей и могла на свободѣ все свое вниманіе обращать

на другія европейскія дѣла; ежели бы Россія начала дѣятельно войну съ Турціей, это было бы выгодно для всѣхъ европейскихъ державъ, потому что занята была бы войною съ Россіей и такимъ образомъ не мѣшала бы имъ; вотъ почему Австрія хотѣла заключить миръ съ Турціей, помимо Россіи.

Путешествіе по Германіи было благополучно; добравшись до Вѣны, Петръ съ посольствомъ остановился въ двухъ миляхъ отъ города, чтобы торжественно въѣхать въ Вѣну. Тутъ начались переговоры о церемоніяхъ, и австрійцы выказали неуваженіе къ русскимъ; не захотѣли выставить кирасирскихъ трубачей, а назначили земскихъ, не захотѣли дать верховыхъ лошадей и цесарскихъ экипажей въ достаточномъ количествѣ; вообще для приѣма не назначили довольно большаго торжества; русское посольство хотѣли встрѣтить какъ бы посольство всякаго незначительнаго владѣтеля Германіи.

Лефорть и его товарищи, по приказанію Петра, однакожь не спорили, но замѣтили только, что австрійскіе послы на будущее время будутъ принимаемы въ Россіи точно также, какъ русскіе въ Австріи. Но квартирой, приготовленной для посольства, были совершенно недовольны и требовали, чтобы для нихъ домъ, или два дома были наняты въ предмѣстіи и непременно съ садомъ. Но такъ какъ уполномоченный не могъ удовлетворить этого желанія, то посланецъ былъ одинъ изъ посольской свиты и нанялъ на счетъ посольства два дома, по дорогѣ въ Шенбрунъ, на берегу Вѣны. Когда австрійскій императоръ узналъ объ этомъ, онъ приказалъ одинъ изъ домовъ отвести подъ посольство.

Въ день, назначенный для торжественнаго въѣзда, Петръ измѣнилъ своему обыкновенію, не захотѣлъ присутствовать на торжествѣ въ свитѣ своего посольства, а на почтовыхъ уѣхалъ впередъ. И хорошо сдѣлалъ, потому что, можетъ быть, не вынесъ бы непріятности, случившейся при въѣздѣ въ Вѣну: въ то самое мгновеніе, когда посольство приблизилось къ Дунаю и было уже въ виду комиссара и экипажей, высланныхъ императоромъ, имъ на встрѣчу, къ берегу причалили суда, нагруженные императорскими войсками. Они вышли на берегъ и потянулись черезъ дорогу, на перерѣзъ такъ, что посольство должно было остановиться. Напрасно комиссаръ посылалъ къ командиру войскъ, требуя, чтобы остановили полки и пропустили посольство; генераль и слушать не хо-

тѣль; шествіе солдатъ продолжалось и посольство должно было простоять, не шевелясь, до 8 часовъ вечера, пока войска не очистили дороги: Лефорть, оскорбленный такимъ невниманіемъ, жаловался въ сильныхъ выраженіяхъ, но комиссаръ отвѣчалъ только: «Господа, вы сами виноваты, поторопились бы пріѣхать раньше и захватить дорогу». Въѣздъ въ Вѣну былъ ночной; трубы гремѣли въ темныхъ улицахъ, экипажи тянулись неосвѣщенные; для пажей и посольскихъ дворянъ, вмѣсто императорскихъ верховыхъ лошадей, были наемныя, обывательскія. У посольскаго двора стоялъ ничтожный караулъ съ фендрихомъ. Для посольскаго продовольствія отъ двора въ недѣлю назначено было только по 3000 гульденовъ.

Торжественной аудіенціи посольство еще не могло просить, потому что изъ Москвы еще не привезли обычныхъ въ этомъ случаѣ подарковъ и ихъ надобно было дожидаться; но Петръ не могъ такъ долго оставаться въ бездѣйствіи: ему нужно было знать, въ какомъ положеніи миръ съ Турціей; онъ далъ знать императору, что находится въ посольской свитѣ, и что желаетъ за-просто по-видаться съ императоромъ, безъ всякой свиты. Но дворъ не торопился отвѣтомъ, только послѣ третьяго запроса положено было устроить свѣданіе, ужъ слишкомъ неперемонное.

Мѣстомъ свиданія назначенъ былъ увесилительный замокъ Фаворита, находившійся недалеко отъ посольскаго дома. Петръ отправился туда съ Лефортомъ не въ придворномъ, а въ частномъ экипажѣ, а два посла съ однимъ посольскимъ дворяниномъ въ наемной каретѣ. Во дворецъ царя не повели по главному входу, а черезъ садъ, по померанцевой аллеѣ, по небольшой спиральной лѣстницѣ, прямо въ галерею, а оттуда въ пріемную залу. Въ то самое мгновеніе, когда царь входилъ въ одну дверь, императоръ съ небольшою свитой въ другую; по предварительному условію монархи должны были встрѣтиться по срединѣ залы, у пятаго окна; но Петръ, по своей живости, пошелъ очень быстро и встрѣтился съ императоромъ Леопольдомъ у третьяго окна. Послѣ обыкновенныхъ комплиментовъ, Леопольдъ пригласилъ Петра садиться и просилъ надѣть шляпу; Петръ сначала отказывался, но Леопольдъ настаивалъ, тогда Петръ надѣлъ шляпу, но черезъ минуту опять снялъ ее, Леопольдъ тоже и все остальное время оба остались съ открытой головой.

Разговоръ шелъ вполголоса, по-нѣмецки, Лефортъ служилъ переводчикомъ, но говорилъ такъ тихо, что свита, находившаяся въ нѣсколькихъ шагахъ, не могла ничего слышать; но должно быть дѣло шло также и о турецкихъ дѣлахъ. Разговоръ продолжался всего только четверть часа; оба встали и раскланялись; Леопольдъ пошелъ въ свои комнаты, а Петръ по тому же ходу, по которому пришелъ. Въ саду на пруду онъ замѣтилъ гондолу и не утерпѣлъ, чтобы не сѣсть въ нее и не покататься. Современники говорятъ, что Петръ былъ въ кафтанѣ темнаго цвѣта, голландскаго покроя, въ старомъ галстукѣ, при вызолоченной шпагѣ, безъ темляка. Австрійскимъ министрамъ онъ показался немного сутоловать, впрочемъ, прибавляютъ они, онъ довольно строенъ и красивъ собою.

Петръ послалъ письменные вопросы министрамъ, касательно мира съ Турціей, но пока дождался отвѣта, осматривалъ Вѣну и всѣ ея достопримѣчательности; онъ былъ даже въ оперѣ и во время представленія увидѣлъ императрицу и принцессъ; возвратившись домой, онъ объявилъ, что хочетъ познакомиться съ ними безъ особенныхъ церемоніальныхъ представленій. Лефортъ передалъ это желаніе и императрица согласилась принять царя въ присутствіи оберъ-гофмейстерины и статсъ-дамъ. Мѣстомъ свиданія выбрана была зеркальная зала въ замкѣ Фаворитъ. Царь долженъ былъ войти такою же лѣстницею, какъ при свиданіи съ императоромъ. Царь долженъ былъ взять съ собою одного только Лефорта, но, отправляясь изъ посольскаго дома, взялъ еще съ собою Головина и Возницына. Приставъ успѣлъ дать объ этомъ знать двору и тамъ успѣли увеличить свиту императрицы, такъ что правила этикета не были нарушены.

Императрица, окруженная принцессами, дождалась Петра въ залѣ, когда обергофмейстерина доложила о его пріѣздѣ и дверь передъ нимъ распахнулась, императрица пошла къ нему на встрѣчу, ласково привѣтствовала его у самаго входа и возвратилась на свое мѣсто къ принцессамъ посреди залы. Петръ подошелъ къ ней, сказалъ ей привѣтствіе по-русски, Лефортъ переводилъ; потомъ Петръ заговорилъ съ принцессами, спрашивалъ сколько имъ лѣтъ и хвалилъ ихъ красоту. Весь разговоръ ограничился вѣжливостями съ той и съ другой стороны. Но свиданіе это оставило сильное и глу-

бобое впечатлѣніе въ императрицѣ; она начала думать о болѣе тѣсномъ, не только дружественномъ, но и родственномъ союзѣ съ Петромъ. Узнавъ, что царь намѣренъ для воспитанія отправить своего сына Алексѣя Петровича въ Берлинъ, просила, чтобы онъ прислалъ его въ Вѣну, обѣщаясь дать ему воспитаніе наравнѣ съ своимъ сыномъ и ежели ему впослѣдствіи понравится одна изъ принцессъ, отдать ее за него замужъ.

Послѣ этого свиданія Петръ еще видѣлся съ наслѣдникомъ престола, сыномъ императора, римскимъ королемъ Іосифомъ. Они видѣлись въ саду загороднаго дворца, разговаривали стоя въ большой аллеѣ сада, снявъ шляпы и называя другъ друга братомъ; но свиданіе и разговоръ не продолжались больше четверти часа.

Переговоры о турецкомъ мирѣ начались, не дождавшись торжественнаго представленія пословъ: императоръ на письменные вопросы царя отвѣчалъ письменно, что не Австрія, а Турція ищетъ мира черезъ посредничество Англій и Голландіи, и султанъ предоставилъ этимъ посредникамъ постановить условія мира; но императоръ до тѣхъ поръ не положитъ оружія, пока не заключитъ выгоднаго и прочнаго мира для себя и своихъ союзниковъ; что миръ можетъ состояться только на томъ основаніи, ежели каждой изъ враждебныхъ сторонъ предоставлено будетъ спокойно владѣть тѣмъ, что въ военное время захватила. Но Петръ не находилъ такое условіе выгоднымъ для себя; остаться при одномъ Азовѣ, значило не имѣть выхода изъ Азовскаго въ Черное море, поэтому онъ объявилъ, что можетъ помириться только тогда, когда крымскіе татары будутъ усмирены и когда крѣпость Керчь попадетъ въ полное владѣніе Россіи. На это императорскіе министры отвѣчали, что признаютъ справедливость требованій государя, но по многимъ опытамъ извѣстно, что турки добровольно не отдаютъ своихъ земель, городовъ и крѣпостей, поэтому на такого рода уступку съ ихъ стороны рассчитывать нечего: но мирные переговоры будутъ долго продолжаться, поэтому русскимъ вѣрнѣе всего до тѣхъ поръ напасть на Керчь и овладѣть ею, а тогда обладаніе его и можетъ войти, какъ условіе въ мирный договоръ.

Наступило между тѣмъ 29 іюня, день ангела Петра; послы пригласили къ себѣ все высшее вѣнское общество; гости явились въ пышныхъ придворныхъ бальныхъ костюмахъ: кавалеровъ и дамъ

было около 1000 человекъ. Праздникъ начался концертомъ; пѣли и играли императорскіе камермузыканты и итальянскіе пѣвцы и пѣвицы; когда смерклось, царь въ сопровожденіи всѣхъ гостей отправился черезъ садъ въ роскошно убранный домъ на берегу рѣки. Самъ пустилъ летучую ракету и ею зажегъ великолѣпный фейерверкъ, приготовленный на противоположномъ берегу. При громѣ орудій, при звукѣ мѣдныхъ инструментовъ неожиданно для самаго царя вспыхнули буквы: V. Z. P. A. Vivat Zar Petrus Alexiewicz. Послѣ фейерверка начался балъ, который продолжался до самаго разсвѣта; самъ царь не отставалъ отъ другихъ и весело танцевалъ съ дамами и впослѣдствіи съ удовольствіемъ вспоминалъ объ этомъ праздникѣ.

Петръ въ сущности былъ недоволенъ неизмѣннымъ желаніемъ императора помириться съ Турціей, но обманутый торжественнымъ обѣщаніемъ не упускать выгодъ Россіи изъ виду, онъ назначилъ полномочнымъ въ конгрессъ посла Возницына и собирался ѣхать въ Венецію, чтобы изучить тамъ послѣднюю отрасль корабельнаго искусства, чего онъ не могъ узнать ни въ Голландіи, ни даже въ Англіи, а именно методу, приемы и теорію постройки галеръ, галеасовъ и другихъ гребныхъ судовъ, которыми особенно славилась Венеція. Онъ рѣшился изучить это на мѣстѣ и уже готовился туда ѣхать, но въ это время пришло изъ Москвы письмо, извѣщавшее его о томъ, что стрѣльцы взбунтовались и идутъ къ Москвѣ. Петръ все бросилъ и вмѣсто Венеціи поспѣшилъ въ Москву.

Стрѣльцы съ первыхъ дней царствованія Петра находились во враждебномъ отношеніи къ его матери, къ его родственникамъ и къ нему самому; по этому и въ сердцѣ царя постоянно таилась вражда къ нимъ; въ воображеніи его часто мелькали сцены перваго стрѣleckаго бунта, ему представлялись окровавленные копы и растерзанныя тѣла Нарышкиныхъ и Матвѣева. Эта ненависть къ стрѣльцамъ не переставала выказываться то въ томъ, то въ другомъ случаѣ: въ нихъ все досадовало его: и костюмъ, напоминавшій старину, и приверженность къ расколу, и столкновенія между новыми солдатскими и потѣшными полками съ стрѣльцами; въ этихъ столкновеніяхъ не всегда стрѣльцы бывали зачинщиками, но Петръ всегда обвинялъ ихъ.

Стрѣльцы съ своей стороны были недовольны: царь всегда вы-

казывалъ къ нимъ недověрчивость и нелюбовь; даже въ потѣшныхъ, примѣрныхъ битвахъ солдатскіе и потѣшные полки назывались *нашими*, при нихъ находился царь, а стрѣльцы составляли *вражеское* войско; оно всегда терпѣло поражение и должно было подвергаться унижительнымъ и оскорбительнымъ обрядамъ. Стрѣльцы сами чувствовали, что конецъ ихъ войску приходитъ, что привольной, спокойной и веселой жизни ихъ не долго длиться. Они сами говорили: «Нашъ конецъ подходитъ, мы люди пропащіе!»

Этимъ образомъ мыслей воспользовались Пыелеръ и Соковнинъ и хотя не успѣли увлечь всѣхъ стрѣльцовъ, но нѣкоторыхъ привлекли на свою сторону; и это, хотя неполное участіе стрѣльцовъ, опять подновило ненависть Петра къ нимъ, и онъ передъ отправленіемъ изъ Москвы распорядился, чтобы всѣ стрѣлецкіе полки выведены были изъ Москвы и распредѣлены по крѣпостямъ вдоль южной и западной границы Россіи. Въ Москвѣ всего оставалось шесть стрѣлецкихъ полковъ, а остальные все были солдатскіе и потѣшные.

Когда партіи особенно сильно заволновались въ Польшѣ, по приказанію Петра обнародованному Рамодановскимъ, остальные шесть полковъ должны были двинуться изъ Москвы къ Азову, на смѣну четырехъ стрѣлецкихъ полковъ, занимавшихся тамъ крѣпостными работами. Четыре полка вышли изъ Азова, уступивъ свое мѣсто вновь прибывшимъ и уже съ восторгомъ мечтали о томъ, какъ возвратятся въ Мосеву, назадъ въ свои слободы, къ женамъ и дѣтямъ, какъ займутся своей торговлей, ремеслами и какъ по прежнему тихо и счастливо заживутъ въ своихъ домахъ.

Но на дорогѣ они получаютъ предписаніе, вмѣсто Москвы идти въ Великія-Луки, къ западнымъ границамъ. Какъ, не побывавъ въ Москвѣ, не повидавшись съ семействами опять въ походѣ? Это возмутило стрѣльцовъ; они роптали, и многіе изъ нихъ рѣшились умереть, но побывать въ Москвѣ, повидаться съ своими.

Въ началѣ марта, около полутораста человѣкъ стрѣльцовъ бѣжали изъ полковъ и явились въ Москву—челобитчиками. На вопросъ начальства, зачѣмъ они ушли изъ полковъ, они отвѣчали: «Наша братья, стрѣльцы, нуждаемся въ кормѣ и отъ голоду оставляемъ службу и возвращаемся въ свои семейства.» Въ отвѣтъ имъ назначенъ срокъ, 3 апрѣля, къ которому должны оставить Москву;

а кормовыя деньги имъ приказано было выдавать вполнѣ, безъ всякихъ вычетовъ.

Между тѣмъ въ Москвѣ ходили недобрые слухи и толки; раскольники шептались въ одномъ мѣстѣ, стрѣльцы толковали въ другомъ о томъ, что царь совсѣмъ покинулъ Россію, что уѣхалъ въ нѣмцамъ и тамъ совсѣмъ онѣмѣчится. Что въ Москвѣ теперь дѣлами правятъ бояре, что они хотятъ умертвить царевича и сами сдѣлать царемъ одного изъ своихъ; а стрѣльцамъ ужь никогда больше не видать Москвы, что они люди пропадшіе и никакой милости имъ никогда ни откуда не ждаты, пока царь будетъ знаться съ нѣмцами.

Царевна Софія изъ своего затворничества слѣдила за тѣмъ, что дѣлается и что говорится въ Москвѣ; она видалась и переписывалась съ своей сестрою Марѳою и вмѣстѣ съ нею горько оплакивала свои былые, счастливые дни владычества, когда казна была въ ихъ распоряженіи, когда онѣ могли, по прихоти, сыпать царскими деньгами и волновать стрѣлецкія массы. Отъ сожалѣнія о быломъ до желанія, чтобы опять повернулось къ старому оставался одинъ шагъ и царевны этотъ шагъ сдѣлали; онѣ черезъ женъ стрѣлецкихъ, часто бывавшихъ въ Кремлѣ *въ Верху* послали грамоты къ стрѣльцамъ, приглашая всѣ ихъ четыре полка придти въ Москву, лагерь раскинуть подъ Дѣвичьимъ монастыремъ и подать челобитную царевнѣ, чтобы она по прежнему приняла управленіе царствомъ въ свои руки; далѣе извѣщали стрѣльцовъ, что отъ бояръ никакого добра ожидать нельзя, что они хотѣли было задушить царевича и что его только тѣмъ удалось спасти, что на него надѣли другое платье, а убили другаго мальчика, на котораго надѣли одежду царевича. Къ тому же отъ царя писемъ нѣтъ, неизвѣстно живъ ли онъ, или мертвъ; остальнымъ же стрѣльцамъ посланъ былъ указъ идти назадъ въ Москву.

Такого содержанія разговоры и письма естественнымъ образомъ навели стрѣльцовъ на мысль: «Ежели всѣ остальные стрѣльцы придутъ въ Москву, то намъ не для чего и выходить изъ нея; дождемся ихъ». Въ срокъ, назначенный для выхода изъ Москвы, толпа стрѣльцовъ явилась къ приказу и просила, чтобы князь Троекуровъ ихъ начальникъ выслушалъ ихъ; онъ приказалъ выбрать четверыхъ лучшихъ, толковыхъ стрѣльцовъ и явиться къ нему. Четверо пришли и просили не высылать стрѣльцовъ изъ Москвы, пока дороги не уста-

новятся, не просохнуть; представляли свои нужды и просили отсрочки. Бояринъ прервалъ ихъ и приказалъ всѣмъ безъ исключенія отпра- вляться на службу. Выборные отвѣчали, что не пойдутъ; бояринъ при- казалъ ихъ схватить и посадить въ тюрьму. Но по дорогѣ товарищи— стрѣльцы отбили ихъ и они гурьбою возвратились въ слободу съ кри- ками, что опять будутъ *набольше* въ Москвѣ и перебыютъ бояръ.

Страшныя сцены перваго стрѣлецкаго бунта воскресли передъ воображеніемъ испуганныхъ бояръ; царя нѣтъ, вѣстей отъ него тоже никакихъ; Ромодановскій послалъ за Гордономъ и разсказалъ ему о волненіяхъ между стрѣльцами; Гордонъ успокоивалъ князя, говоря, что всѣ эти слухи преувеличенны и самъ только что ѣздилъ въ два полка солдатскіе и видѣлъ, что у нихъ все спокойно, люди на сво- ихъ мѣстахъ и что, на всякій случай, приказалъ имъ быть готовыми, ежели потребуется. На другой день стрѣльцы оставались въ сво- ихъ слободахъ; только двое приходили въ приказъ совершенно пья- ные, бушевали и кричали. Боярская дума однако не успокоивалась и рѣшила непокорныхъ стрѣльцовъ силою выгнать изъ Москвы; ночью сотня Семеновскихъ потѣшныхъ врасплохъ ворвалась въ стрѣ- лецкія слободы и при помощи посадскихъ они выгнали стрѣльцовъ за заставу; при этомъ только двое сопротивлялись; одного солдаты избили такъ, что онъ вскорѣ умеръ, а другаго схватили и вмѣстѣ съ буянившими въ приказѣ сослали въ Сибирь.

Выбитые изъ Москвы, стрѣльцы пошли къ своимъ полкамъ и понесли съ собою письма и призывы изъ Новодѣвичьяго монастыря, отъ царевны Софіи; на дорогѣ ихъ нагнала еще посланная отъ Софіи, съ письмомъ, въ которомъ она стрѣльцовъ призывала въ Москву: «Теперь вамъ худо, писала она, а будетъ еще хуже; идите къ Мос- ковѣ, чего медлите? Пользуйтесь временемъ: о государѣ нѣтъ ника- кихъ извѣстій».

Изъ Москвы пришелъ между тѣмъ приказъ Ромодановскому распустить свои пѣшіе и конные полки, самому пріѣхать въ Мос- кву, а стрѣльцамъ оставаться на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь стоятъ, до новаго распоряженія. Полкамъ строго предписывалось выдать стрѣльцовъ, отправлявшихся въ Москву, всего 155 человекъ, что- бы отправить ихъ на жительство въ малороссійскіе города. Осталь- нымъ стрѣльцамъ, остававшимся споконно на своихъ мѣстахъ, объ- явлено царское спасибо и милостивое слово. Когда указъ этотъ про-

читали полковники четырех полковъ представили Ромодановскому 50 человекъ бѣглыхъ стрѣльцовъ; имъ приказано было ихъ немедленно сдать торопецкому воеводѣ; но стрѣльцы опять напали и отбили ихъ палками, гонялись за конвоемъ, бросали въ него камнями и палками; Ромодановскій послалъ было на нихъ отрядъ новгородскихъ стрѣльцовъ, но разбушевавшихся было такъ много, что тѣ ничего не могли сдѣлать и должны были уйти. Полковники непокорныхъ четырехъ полковъ просили послать въ указы прочитать подлинный указъ; Ромодановскій послушался ихъ и, послалъ читать указы: въ двухъ полкахъ ихъ выслушали; одинъ объявилъ, что за бѣглыхъ стоять не будетъ и ежели явятся, то выдадутъ ихъ, другой объявилъ, что бѣглыхъ у нихъ нѣтъ, а тѣ стрѣльцы, которые отправлялись въ Москву, ходили туда по причинѣ голода и вовсе не по воровскому дѣлу. Полковникъ колзаковъ изъ своего полка добромъ и угрозами выловилъ 15 человекъ и повелъ ихъ за карауломъ къ воеводѣ, но по дорогѣ стрѣльцы бросились отбивать ихъ, избили палками провожавшихъ и чуть не убили Колзакова; онъ спасся только тѣмъ, что по мосткамъ перебѣжалъ черезъ рѣку Торопу, бросивши лошадь на противоположномъ берегу. Стрѣльцы же двухъ полковъ — Чернаго и Гундертмарка вовсе не захотѣли слушать царской грамоты, кричали, шумѣли, ломали изгороди и съ кольями въ рукахъ грозно обступили домъ Ромодановскаго.

Онъ испугался буйной толпы; наскоро собралъ конные, дворянскіе полки и съ ними выступилъ за городъ въ поле и по московской дорогѣ сталъ лагеремъ, охраняя Москву; стрѣлецкіе полковники были при немъ. Ромодановскій приказалъ Колзакову, Чубарову и Гундертмарку ѣхать къ своимъ полкамъ и порознь, по одинакѣ, выводить ихъ изъ слободы и вести въ назначенныя мѣста. Ромодановскій съ конными полками и ротами выстроился по дорогѣ въ два ряда и когда полкъ Чубарова пошелъ между строемъ, подѣхалъ къ нему и началъ уговаривать выдать непокорныхъ и бунтовавшихъ стрѣльцовъ. Стрѣльцы отвѣчали: «Мы царскій указъ исполнить готовы; мы за бѣглыхъ не стоимъ, но у насъ нѣтъ силы выдать ихъ!» На это Ромодановскій отвѣчалъ: «Какъ силы нѣтъ? бѣглыхъ небольшое количество, а васъ 500 человекъ!»

Но стрѣльцы не шевелились, прошелъ часъ времени, Ромода-

новскій опять требовалъ выдачи и опять тотъ же отвѣтъ: «силы нѣтъ выдать ихъ!»

Полкъ двинулся дальше, а бѣглецы, сами не надѣясь на дальнѣйшее заступничество, отдѣлились и повернули назадъ къ Торопцу. Ромодановскій приказалъ переловить ихъ и для того послалъ отрядъ конныхъ: но въ это мгновеніе изъ Торопца выступалъ полкъ Гундертмарка, бѣглецы окольными болотистыми тропинками добрались до него, ускользнули отъ гонящихся за ними рейтаръ и скрылись между показавшимися изъ города стрѣльцами. Полковники и стрѣleckіе старшины кричали рядовымъ, чтобы не пускать въ полкъ бѣглыхъ, но ряды раздвинулись и бѣглецы въ нихъ скрылись. Стрѣльцы между тѣмъ взяли за оружіе, намѣреваясь отбиваться отъ рейтаръ, и кричали: «У насъ въ полкахъ воровъ бѣглыхъ нѣтъ, а въ Москву ходили отъ нужды и голода (безкормицы)!» Не смотря на это волненіе стрѣльцы однакожь пошли по указаннымъ имъ городамъ, и Ромодановскій отослалъ имъ жалованье за два мѣсяца, чтобы отнять у нихъ предлогъ къ ропоту.

Но этого для стрѣльцовъ было недостаточно; имъ хотѣлось возвратиться въ Москву; они боялись наказанія за ослушаніе: они по царскому указу не выдали бѣглыхъ, чуяли, что это пройдетъ не даромъ; что же дѣлать? Первый шагъ сдѣланъ; надобно попытаться дальше; отчего бы не идти къ Москвѣ и не вернуть стараго времени? На бѣду пришли письма отъ царевны; зовутъ въ Москву, приглашаютъ станъ раскинуть подъ Новодѣвичьемъ монастыремъ и совѣтуютъ просить ее опять вступить въ управленіе царствомъ.

Стрѣльцы четырехъ полковъ шумѣли, собирались, шли въ указанные города нехотя, медленно, дѣлали по 5 верстъ въ день, не больше; наконецъ 6 іюня, на берегахъ Двины, бунтъ окончательно вспыхнулъ: стрѣлецъ Масловъ, пятидесятникъ Чубарова полка, взлѣзъ на пушку и передъ всѣми полками читалъ призывное письмо царевны. Толпы всколыхнулись и крикнули: «Идемъ къ Москвѣ! Разоримъ нѣмецкую слободу, перебьемъ нѣмцевъ; черезъ нихъ православіе гибнетъ!» Мысль идти въ Москву, вернуть старое время, жить опять, какъ жили отцы и дѣды ихъ, прельщала стрѣльцовъ. Они тотчасъ оставили своихъ полковниковъ и старшинъ; выбрали, по большей части изъ рядовыхъ, по четыре человекъ и съ рѣше-

ніемъ: «того, кто къ Москвѣ не пойдетъ, сажать на копьѣ!» двинулись къ Москвѣ.

На пути ихъ взяло было раздумье и нѣкоторые хотѣли повернуть на другую дорогу, но самые ярые зачинщики, съ своими сообщниками, загородили имъ дорогу и не пустили ихъ. Стрѣльцы волею-неволею пошли къ Москвѣ; до нихъ дошелъ слухъ, будто въ Москвѣ бояре перепугались и въ ужасѣ не знаютъ, что начать; это придало имъ смѣлости и они съ большею увѣренностью пошли впередъ.

Только 10 іюня пришло въ Москву извѣстіе о стрѣлецкомъ бунтѣ; бояре собрались на совѣтъ и всю ночь сидѣли, разсуждая: что дѣлать. На слѣдующій день свѣдѣнія о стрѣльцахъ были положительнѣе: прискакали 4 капитана, которые донесли о стрѣлецкомъ бунтѣ, объ отставкѣ полковниковъ и офицеровъ, о томъ, что стрѣльцы идутъ къ Москвѣ, тогда какъ полковники ихъ отправились въ города, имъ назначенные, и будутъ тамъ дожидаться приказаній.

Бояре положили: послать воеводу Шеина на ослушниковъ съ солдатами и съ ратными московскими людьми, стрѣльцовъ къ Москвѣ не пускать, заставить ихъ выдать бѣглецовъ и зачинщиковъ бунта, а остальныхъ отправить въ города, назначенные имъ для житья; въ товарищи къ Шеину назначили Гордона и князя Кольцова-Масальскаго съ войскомъ. Только 16 іюня приготовления всѣ были кончены и полки двинулись изъ Москвы, войска всего было 4,000 человекъ и 25 пушекъ.

Въ первые дни не было никакихъ вѣстей о стрѣльцахъ, наконецъ узнали, что они приближаются къ монастырю Воскресенскому; Шеинъ поторопился къ нему, чтобы опередить стрѣльцовъ, и занялъ на примонастырскихъ высотахъ очень выгодную позицію.

Наконецъ дали знать, что передовые стрѣлецкіе отряды подошли къ рѣкѣ Истрѣ и переправляются черезъ нее въ бродъ, на дуга, на которыхъ по холмамъ расположилось войско Шеина. Гордонъ поскакалъ къ стрѣльцамъ и угрозами и добромъ пытался не пускать ихъ черезъ рѣку; но они не слушались и очевидно направлялись къ московской дорогѣ. Гордонъ тотчасъ приказалъ двумъ ближайшимъ полкамъ потѣшныхъ пройти черезъ слободу и стать на московской дорогѣ такъ, чтобы отрѣзать ее, а двумъ другимъ

полкамъ занять высоты надъ нею. Послѣ этого онъ опять отправился къ стрѣльцамъ и уговаривалъ ихъ покориться.

Стрѣльцы на другой день прислали къ Шеину письмо, въ которомъ жаловались на несправедливость и притѣсеніе; писали, что въ Азовѣ они терпѣли нужду, работали надъ укрѣпленіями выше силъ человѣческихъ; потомъ изъ Азова перевели ихъ подъ начальство князя Ромодановскаго и тутъ опять терпѣли холодъ, голодъ и всякую нужду; на одномъ дворѣ и въ одной избѣ помѣщали ихъ по полтора-ста человѣкъ, кормовыхъ денегъ въ мѣсяцъ имъ отпускали такъ мало, что не доставало даже на двѣ недѣли; чтобы не умереть съ голоду, многіе ходили по міру, а за это ихъ нещадно были батогами. Изъ Торопца Ромодановскій, Богъ вѣсть по какому навету, велѣлъ ихъ выводить по одному полку, на различныя дороги; самъ же конницу свою выстроилъ и, приказавъ у стрѣльцовъ отобрать ружья, знамена, полковую казну, пушки и наконецъ ихъ, безоружныхъ, окружить и изрубить. Испугавшись такой безвременной смерти, стрѣльцы не пошли въ указанные города и теперь идутъ въ Москву, чтобы не погибнуть безъ всякой вины и безъ пользы для другихъ; что бунта никакого не затѣваютъ, а просятъ только пропустить ихъ въ Москву, повидаться съ женами и дѣтьми, а тамъ, отдохнувши немного, когда надобно, то они готовы идти, куда царь и бояре укажутъ.

Въ отвѣтъ на это письмо Шеинъ послалъ Гордона въ стрѣлецкій лагерь опять повторить приказаніе: выдать 145 человѣкъ, ходившихъ въ Москву; остальнымъ отправляться въ города, имъ назначенные, и съ покорностію дожидаться царскаго прощенія, которое обѣщался выхлопотать для всѣхъ, кромѣ главныхъ зачинщиковъ. Гордонъ отправился; стрѣльцы окружили его, выслушали рѣшеніе боярина Шеина, и заволновались; Гордонъ истощалъ всѣ средства увѣщаній и убѣжденій, но непокорные стрѣльцы продолжали свое: «Умремъ всѣ до послѣдняго, или будемъ въ Москвѣ!» Гордонъ повторилъ, что къ Москвѣ ихъ не пустятъ, совѣтовалъ одуматься, посоветоваться и не начинать бесполезной борьбы, но въ стрѣлецкихъ полкахъ кричали: «Нечего намъ думать и совѣтоваться!» Гордонъ объявилъ имъ: «Даю вамъ еще четверть часа времени; если вы не покоритесь, то потомъ не ждите пощады!»

Онъ отправился назадъ въ свой лагерь, стрѣлецкіе священники

отслужили молебень и сказали колѣнопреклоненнымъ стрѣльцамъ: «Стойте, братцы, и мужайтесь! что Богъ ни дастъ!» послѣ этого начали готовиться къ битвѣ. Они попытались было найти сообщниковъ и сочувствіе въ солдатскихъ полкахъ, послали туда смущать солдатъ, но тѣ съ негодованіемъ прогнали отъ себя возмутителей.

Бояринъ Шейнъ между тѣмъ тоже приготовился къ битвѣ, но жалость взяла у него перевѣсъ надъ долгомъ; онъ къ бунтовщикамъ послалъ князя Кольцова-Масальскаго, чтобы уговорить ихъ добромъ; навстрѣчу къ князю вышелъ десятникъ Зоринъ съ черновою челобитною, еще не вполнѣ дописанною, требуя, чтобы ее прочитали передъ цѣлымъ войскомъ Шейна (передъ Большимъ полкомъ). Въ челобитной стрѣльцы хвалились своею службою при прежнихъ царяхъ, оправдывали свои прежніе бунты, приписывая ихъ простому желанію привести все въ порядокъ и настаивая на томъ, что указомъ запрещено ихъ попрекать прежними бунтами. Далѣе указывали на свою вѣрную службу въ Азовѣ и на то, что нѣмецъ *Францко-Лефортъ* всегда ненавидѣлъ стрѣлцкое войско и чтобы истребить его, ставилъ на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, гдѣ они гибли сотнями; даже подкобы дѣлалъ такъ, чтобы они вредили больше стрѣльцамъ, нежели туркамъ и что поэтому злomu умыслу подъ Азовомъ ихъ побито больше, чѣмъ турокъ. Потомъ, послѣ взятія Азова, нѣмцы ихъ морили голодомъ, работой и побоями. Потомъ, вмѣсто того, чтобы вести стрѣльцовъ къ Москвѣ, ихъ повели на западную границу, гдѣ они терпѣли всякую нужду и отъ нея умирали, какъ мухи; на зимовье повели ихъ въ полкъ князя Ромодановскаго, въ пустой Ржевѣ, опять не заходя въ Москву; повинувшись царскому приказанію они шли день и ночь и отъ усталости и нужды пришли чуть живые; но и тутъ, на польской границѣ еще больше терпѣли отъ зимняго холода, въ лѣсу безъ крова, одежды и пищи, но все надѣялись на царскую милость. Наконецъ пришелъ указъ: всѣ полки распустить, вотъ, бояринъ Ромодановскій выводилъ ихъ по полку изъ Торопца и велѣлъ рубить неизвѣстно за что. Изъ Москвы между тѣмъ идутъ слухи, что бояре тамъ самовольничаютъ: городъ запираютъ, рано, растворяютъ поздно, часу въ третьемъ пополудни, народъ обижаютъ, да на Москву идутъ нѣмцы и съ собою вводятъ бѣсовскіе обычаи—брить бороды и употреблять табакъ, для окончательнаго искорененія благочестія и православія». Въ такомъ смыслѣ была написана че-

лобитная, правда перепутана съ клеветою; на нѣмцевъ и царскаго любимца Лефорта были на правлены обвиненія и хотя о царѣ говорилось съ притворною покорностію, но видно было, что ропоть на него еще сильнѣе, чѣмъ на иностранцевъ.

Шейнъ убѣдился, что добромъ не усмирить непокорныхъ полковъ, что чѣмъ болѣе ихъ уговариваютъ, тѣмъ смѣлѣе и заносчивѣе они становятся. Онъ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ, но такъ, чтобы выстрѣлы пролетѣли надъ головами стрѣльцовъ и только испугали ихъ; выстрѣлили изъ 25 орудій; всѣ ядра перелетѣли черезъ головы стрѣльцовъ; это не только не испугало ихъ, но еще больше ободрило; они скинули шапки, замахали ими и закричали свой военный крикъ: «Сергіевъ! Сергіевъ!» и начали стрѣлять изъ пушекъ и изъ ружей; нѣсколько человѣкъ было ранено. Тогда бояринъ Шейнъ приказалъ стрѣлять, какъ слѣдуетъ; пушки надѣлили, выстрѣлили, и стрѣльцы увидѣли рененыхъ и убитыхъ: нѣкоторыя роты кинулись всторону въ дефилеи между холмами, чтобы спрятаться отъ пушекъ, но здѣсь ихъ встрѣтили солдаты Лефортова полка; стрѣльцы хотѣли было прорваться и всею толпою кинулись впередъ съ криками: «пойдемъ, братцы, грудью на проломъ!» но еще нѣсколько залповъ; послѣ четвертаго: одни, полные ужаса, бросились бѣжать по полямъ, другіе преклонили знамена и молили о пощадѣ; солдаты тотчасъ заняли ихъ лагерь; сраженіе продолжалось не больше часу.

Разбѣжавшихся мятежниковъ почти всѣхъ переловили и подъ крѣпкимъ карауломъ посадили въ монастырскія тюрьмы. Послѣ этого начались розыски, пытки и допросы; Шейну надобно было узнать зачинщиковъ возмущенія. Средства для этого употреблялись жестокия; всѣхъ допрашивали—сами ли они собою начали бунтъ, или кто либо подговорилъ и подстрекалъ ихъ. На пыткѣ всѣ признавались въ своихъ винахъ, но ни одинъ не выдалъ царевны, никто не сказалъ, что отъ нея были письма. Шейнъ по дорогѣ многихъ замучилъ въ пыткахъ, многихъ повѣсили, многимъ отрубили голову, остальныхъ виновныхъ заковали въ цѣпи и разослали подъ стражей по тюрьмамъ и монастырямъ.

Когда Петръ получилъ извѣстіе о стрѣльцкомъ бунтѣ, въ немъ опять воскресло все долго-затаенное негодованіе на своихъ коренныхъ враговъ—изъ дома Милославскихъ и ихъ орудія—стрѣльцовъ.

Онъ рѣшился самъ ѣхать въ Москву и примѣрною жестокостію положить конецъ всѣмъ кознямъ своихъ враговъ и разомъ устранить всякое съ ихъ стороны противодѣйствіе; онъ въ волненіи стрѣльцовъ видѣлъ только неудовольствіе русскихъ на его сближеніе съ иностранцами и ихъ нежеланіе принять образованность западныхъ европейскихъ народовъ; поэтому онъ думалъ жестокимъ примѣромъ надъ стрѣльцами испугать всѣхъ приверженцевъ старины. Въ отвѣтъ на письмо Ромодановскаго онъ отвѣчалъ темною угрозою: «Ваша милость пишетъ, что сѣмя, брошенное Милославскими, растетъ; прошу васъ быть твердымъ; строгостію можно загасить разгорающійся огонь. Мнѣ очень жаль отказаться отъ необходимой поѣздки въ Венецію, но по случаю смуть мы будемъ къ вамъ такъ, какъ вы совсѣмъ не ожидаете».

Августа 26 въ Москвѣ разнеслось извѣстіе, что царь пріѣхалъ, побывалъ кое-гдѣ, но не заходя во дворецъ, чтобы повидаться съ царицею, провелъ вечеръ у Лефорта и ночевать отправился въ Преображенское, гдѣ рѣшился прибѣгнуть къ кровавымъ мѣрамъ, чтобы запугать своихъ противниковъ.

Петръ видѣлъ недостатки своего народа; сравнивъ его съ западными образованными государствами, онъ поневолѣ ужаснулся той низкой степени развитія, на которой стояла Россія; за что онъ ни брался, все было въ Россіи или очень дурно, или не было и начато; въ русскихъ все поражало дикою необразованностію, начиная съ одежды и бороды, до языка; русскіе всѣмъ отличались отъ западной Европы. Петру по своей горячей, нетерпѣливой природѣ, хотѣлось бы перемѣнить все разомъ; хотѣлось бы, чтобы весь народъ мгновенно созналъ пользу образованія и, подобно ему самому, всѣми силами стремился къ ученію и къ тому, чтобы у иностранцевъ перенимать всѣ особенности ихъ жизни. Всякое противорѣчіе раздражало его; особенно озлобила его челобитная стрѣльцовъ, которые клеветали на мѣмцевъ, на Лефорта, на самого царя и подъ видомъ покорности укоряли его въ потворствѣ нѣмецкимъ обычаямъ—бритьѣ бороды и куреніи табаку. Всю ночь Петръ читалъ челобитную, обдумывалъ ее и въ полномъ негодованіи восклицалъ: «Я самъ нѣмецъ! Я брѣю бороду! Пстой же, я вамъ дамъ ваши бороды!»

Августа 27 въ Преображенскомъ собрались, по обыкновенію, множество бояръ и всякаго званія люди. Петръ очень ласково разго-

варивалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, но невзначай бралъ за бороду и съ словами: «видишь, я безъ бороды и тебѣ неприлично являться такимъ косматымъ,» обрѣзывалъ бороду; началъ онъ съ боярина Шеина и съ Ромодановскаго, не тронулъ только бородъ самыхъ старыхъ и всѣми уважаемыхъ бояръ—Тихона Никитича Стрѣшневà и князя Михаила Алегуквича Черкаскаго; они одни остались съ бородами. Многие бояре горько горевали о потерѣ бородъ, другіе догадались, чего царь хочетъ, и въ день новаго года на пиршество къ Шеину, явились обритые, но остались и бородатые, но тутъ уже не самъ царь остригалъ имъ бороды, а царскій шутъ хваталъ то того, то другаго за бороду и ножницами остригалъ ее, при громкомъ хохотѣ пирующихъ, которые утѣшались чужимъ несчастіемъ въ своемъ собственномъ горѣ.

Одно нововведеніе шло за другимъ: черезъ три дня у Лефорта былъ вечеръ съ музыкой и танцами; гостей набралось еще больше, чѣмъ у Шеина было. Жители Нѣмецкой слободы на вечеръ явились съ женами и дочерьми; до 500 человѣкъ набралось на этотъ балъ и между ними не видно было ни одного съ бородою: бояре, царедворцы, люди приближенные къ царю, или желавшіе угодить ему походили на иностранцевъ, переряженныхъ въ русскіе кафтаны.

Царь со всѣми видался, вездѣ бывалъ, не видался только съ царицею Евдокіей Ѳедоровной, которая печально проводила дни въ Кремлѣ и со страхомъ и надеждой ожидала свиданія съ Петромъ; онъ уже давно охладѣлъ къ ней и только думалъ о томъ, какъ бы избавиться отъ нея, по старинному русскому обычаю, а именно уговорить ее постричься. Но Евдокія на предложеніе подобнаго рода, присланное еще изъ Лондона, отвѣчала твердымъ отказомъ; Нарышкинъ, Стрѣшневъ и духовникъ, по порученію царя, уговаривали ее исполнить его волю, но она отвѣчала, что дождется возвращенія царскаго въ Москву, повидается съ нимъ и постарается уговорить его, попытается вернуть его любовь и сохранить свое мѣсто. Но царица не дождалась свиданія съ Петромъ; по возвращеніи въ Москву онъ прямо отправился въ Преображенское, пріѣзжалъ въ Москву только мимолетно, но съ нею не видался. Наконецъ, такъ какъ Евдокія не хотѣла добровольно исполнить желанія Петра, онъ приказалъ своей сестрѣ Натальѣ Алексѣевнѣ взять къ себѣ своего вось-

милтняго сына; его перевезли въ Преображенское, а царицу Евдокію Ѳедоровну посадили въ простую карету и 23 сентября отвезли въ суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь, гдѣ въ іюнь слѣдующаго года ее постригли въ монашество подъ именемъ Елены. Неизвѣстно, что заставило царя и еще болѣе патріарха промедлить исполненіемъ этого обряда.

Между тѣмъ Петръ не упускалъ изъ виду главной цѣли—борьбы съ стариною; ему нужно было напугать своихъ противниковъ, страшнымъ примѣромъ отнять у нихъ охоту дерзко вступать съ нимъ въ борьбу. Стрѣльцовъ отовсюду привозили и ими наполнили всѣ окрестныя съ Преображенскимъ села и монастыри; всего было до 1700 человекъ. Въ тотъ самый день, въ который за 16 лѣтъ тому назадъ казнили Хованскихъ, безъ допроса и суда, т. е. 17 сентября, въ имянины царевны Софіи, начались допросы съ пытками, въ 14 застѣнкахъ трудились палачи и страдали болѣе, или менѣе виновныя стрѣльцы; пытки отличались необыкновенною жестокостію. Многіе не вынесли ихъ, и въ неслыханныхъ мученіяхъ признались, что хотѣли идти въ Москву, раскинутъ станъ подѣ Новодѣвичьимъ монастыремъ и предложить Софіи опять вступить въ управленіе. Стрѣльцы показали, что письма имъ отъ царевенъ Марѣи и Софіи доставлены были черезъ стрѣлецкихъ женъ; ихъ потребовали и тоже пытали и отъ нихъ узнали всѣ вышесказанныя подробности.

За тѣмъ наступили страшные дни; дѣлались приготовленія къ неслыханнымъ со временъ Іоанна Васильевича IV казнямъ; строили висѣлицы въ разныхъ мѣстахъ: у Новодѣвичьяго монастыря, у сѣвѣжныхъ избъ возмущившихся полковъ, и въ разныхъ частяхъ города. Приготовленія къ такимъ многочисленнымъ казнямъ испугали московскихъ жителей: уныніе и страхъ были на всѣхъ лицахъ; каждый боялся, какъ бы его не оговорили, какъ бы не быть замѣшану, потому что у каждаго между стрѣльцами были родные и знакомые; патріархъ съ духовенствомъ поднялъ икону Богородицы и съ нею отправился къ царю, чтобы заступиться за обвиненныхъ, просить имъ помилованія. Но Петръ былъ раздраженъ и каждое вмѣшательство еще больше возмущало его; выслушавъ патріарха, онъ крикнулъ: «Къ чему эта икона? Развѣ твое дѣло приходитъ сюда? Уходи скорѣе и поставь икону на свое мѣсто. Быть можетъ, я больше

твоего почитаю Бога и Пресвятую его Матерь. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и вазню злодѣевъ, умышляющихъ противъ него!»

Петръ увидѣлся съ своими сестрами и самъ допросилъ ихъ; Марѳа призналась, что говорила Софѣѣ о томъ, что стрѣльцы подходятъ къ Москвѣ и желаютъ ее видѣть на царствѣ; но вполне отреклась отъ того, что писала стрѣльцамъ и передавала имъ письма отъ Софѣи. Софѣя ни въ чемъ не призналась, говорила, что никакихъ сношеній съ стрѣльцами не имѣла, и на вопросъ о письмѣ отвѣчала: «Письма, о которыхъ стрѣльцы говорятъ, я не писала и въ полки не посылала». А что стрѣльцы говорятъ, будто шли въ Москву съ намѣреніемъ поставить ее по прежнему правительницею, это придумали они не вслѣдствіе письма ея, а потому, что она такъ долго управляла государствомъ.

Разборъ кончился: тѣмъ стрѣльцамъ, которые содержались въ монастырскихъ темницахъ, сентября 30 была первая казнь: стрѣльцовъ, 201 человекъ, изъ Преображенскаго везли на телѣгахъ; въ каждой сидѣло по-двое съ зажженными свѣчами въ рукахъ; за телегами бѣжали жены, дѣти и матери осужденныхъ, съ отчаянными воплями и рыданіями. У Покровскихъ воротъ процессія остановилась и имъ былъ прочитанъ смертный приговоръ за то, что пришли на Москву съ тѣмъ, чтобы истребить бояръ, перебить нѣмцевъ, разорить Нѣмецкую слободу, возмутить чернь и вмѣстѣ съ нею своевольничать.

Послѣ прочтенія приговора, телѣги опять двинулись и приговоренныхъ повезли въ разныя мѣста для исполненія приговора; пятерымъ еще раньше, въ Преображенскомъ, были отрублены головы. За этой казнью слѣдовали другія: отъ 11 октября до 21 казнили 770 стрѣльцовъ. Многимъ изъ нихъ головы рубили въ присутствіи Петра и рубили его приближенные бояре; послушаться не смѣли, зная, что за каждымъ противорѣчіемъ слѣдуетъ ужасная вспышка гнѣва, за послѣдствія котораго отвѣчать нельзя. Петръ, сидя на лошади, смотрѣлъ, какъ бояре упражняются въ ремеслѣ палачей, и сердился на того, у кого руки отъ страха тряслись. Болѣе всѣхъ отличался тутъ бомбардиръ Преображенскаго полка Алексашка (Меншиковъ); онъ впоследствии хвалился, что отрубилъ 20 головъ. Передъ окнами

царевны въ Новодѣвичьемъ монастырѣ повѣшено было 195 стрѣльцовъ, передъ кельею царевны, прямо передъ окномъ, висѣли трое; въ рукахъ они держали челобитныя, въ которыхъ просили царевну принять не себя управленіе государствомъ. Трупы казненныхъ оставались на висѣлицахъ, плахахъ и колахъ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ, заражая воздухъ міазмами; цѣлыхъ пять мѣсяцевъ передъ окнами царевны качались повѣшенные съ челобитными въ рукахъ.

Это мрачная, печальная и кровавая страница изъ исторіи великаго преобразователя Россіи! но пройти ее молчаніемъ нельзя; безъ этого картина его дѣйствій была бы не полна!

Во второй день послѣ казни, Петръ созвалъ соборъ изъ всѣхъ чиновъ государственныхъ, чтобы судить царевну Софью за ея участіе въ заговорѣ стрѣльцовъ; неизвѣстно, что постановили государственныя чины, но Петръ самъ рѣшился отнять у царевны всякую мысль о царствованіи, а у ея приверженцевъ всякій предлогъ къ возмущенію. По розыску стрѣлецкому и по допросу царевенъ ничего нельзя было доказать. Не смотря на это, положено было Софію постричь въ монашество подъ именемъ Сусанны, на житіе оставлена она въ томъ же Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ стражею сотни солдатъ. Сестры могли ее посѣщать только на Свѣтло-Христово Воскресенье и на Святой недѣлѣ, да въ храмовой монастырской праздникъ, да еще въ случаѣ болѣзни инокини Сусанны. Петръ лично назначилъ довѣренныхъ людей, черезъ которыхъ можно было справляться о ея здоровьѣ, и на списокѣ этихъ лицъ собственно ручно приписалъ: «Пѣвчихъ никакихъ въ монастырь не пускать, и старицы хорошо поютъ; лишь бы вѣра была, а то, въ церкви поютъ: *Спаси отъ бѣдъ*, а на паперти деньги на убійство даютъ».

Марѳа была виновниѣ Софы; она призналась, что говорила сестрѣ о приходѣ стрѣльцовъ и объ ихъ желаніи передать ей управленіе; Марѳу также постригли подъ именемъ Маргариты въ Успенскомъ монастырѣ города Александрова, во Владимірской губерніи.

Печальныя событія въ царскомъ семействѣ и кровавая расправа съ стрѣльцами держали Петра въ постоянномъ раздраженіи, которое иногда переходило въ порывы бѣшенства. Такъ 14 сентября

на пиру у Лефорта, Петръ началъ нападать на Шеина и бранить его за то, что онъ въ полковники и офицеры производитъ за деньги; Шеинъ защищался; Петръ выскочилъ изъ-за стола и выбѣжалъ изъ комнаты, чтобы справиться, сколько офицеровъ и полковниковъ онъ произвелъ за деньги. Не узнавъ ничего, Петръ возвратился въ страшной ярости, эфесомъ шпаги ударилъ по столу такъ, что всѣ стаканы и тарелки задребезжали, и воскликнулъ: «вотъ, точно такъ я разобью и полкъ твой, а съ тебя сдеру кожу!» Князь Ромодановскій и Зотовъ попытались защитить Шеина; но ярость Петра отъ этого только усилилась; онъ бросился на нихъ, Зотова ударилъ эфесомъ по головѣ, такъ что онъ зашатался, а Ромодановскаго рубнулъ по рукѣ, сильно ранилъ и чуть не отрубилъ всѣхъ пальцевъ; Шеинъ навѣрное былъ бы убитъ на мѣстѣ, еслибы Лефортъ не удержалъ разгнѣваннаго Петра. Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ, блѣдные отъ ужаса; но молодой царскій любимецъ Александръ Меншиковъ, или какъ его звали, Алексашка, не потерялся, ласково и успокоительно заговорилъ съ Петромъ, умѣлъ успокоить его и минуту спустя, какъ ни въ чемъ не бывало, Петръ пригласилъ всѣхъ остальныхъ садиться и пропировалъ съ ними до утра.

Молодой сержантъ Преображенскаго полка Александръ Даниловичъ Меншиковъ былъ сынъ придворнаго конюха. Отецъ его, одинъ изъ первыхъ записался въ потѣшные, когда Петръ призывалъ къ себѣ охотниковъ. Конюхи и потѣшные получали очень недостаточное содержаніе и потому должны были изыскивать средства, чтобы удовлетворять свои нужды; они сами, подобно стрѣльцамъ, не могли заниматься ремеслами и торговлею, поэтому предоставляли это своимъ женамъ и дѣтямъ; вотъ почему рассказъ о томъ, что Меншиковъ былъ продавцемъ пироговъ, болѣе чѣмъ правдоподобенъ. Пока сынъ потѣшнаго конюха *Алексашка* самъ не поступилъ въ потѣшные, онъ торговалъ пирогами.

Одинъ изъ очевидцевъ рассказываетъ сцену, случившуюся въ то время, когда Меншиковъ былъ уже очень знатнымъ и богатымъ человѣкомъ; въ этой сценѣ есть намекъ на дѣтство этого любимца Петрова и на первоначальныя его занятія.

Петръ однажды очень сильно разсердился на Меншикова и грозно сказалъ ему: «Знаешь-ли ты, если захочу, то могу возвратитъ

тебя тотчасъ-же въ твое прежнее состояніе? Заставлю, такъ ты у меня тотчасъ-же возьмешь свой кузовъ съ пирогами и пойдешь бродить по лагерю, между солдатскими палатками и будешь выкрикивать: «пироги подовые! Помнишь, какъ встарину дѣлывалъ!.. Вонъ изъ комнаты!» и вытолкалъ его за дверь. Огорченный немилостью государя, Меншиковъ поспѣшно отправился къ императрицѣ, рассказалъ ей свое горе и просилъ ея ходатайства; она пошла къ Петру, уговаривала и успокоивала его. Между тѣмъ Меншиковъ гдѣ-то досталъ себѣ кузовъ съ подовыми пирогами, повѣсилъ его себѣ ремнемъ на шею и явился въ такомъ видѣ къ Петру. Тотъ взглянулъ на своего любимца и не могъ удержаться отъ смѣха и сказалъ: «Слушай, Александръ! перестань балагурить и бездѣльничать, или ты будешь хуже всякаго пирожника!»

Гнѣвъ царскій совершенно прошелъ; императрица пошла въ свои комнаты, а Меншиковъ пошелъ за нею, подперъ голову ладонью и источнымъ голосомъ закричалъ: «Пироги подовые! Хорошіе пироги подовые!» Государь смотрѣлъ ему вслѣдъ и смѣялся, но говорилъ: «Смотри, Александръ, помни!»

— Помню, ваше величество, и никогда не забуду: *пироги подовые!*»

Алексашка уже во время стрѣleckаго розыска и казней былъ ближе другихъ къ царю; послѣ Лефорта онъ былъ царскимъ любимцемъ, но подобно Лефорту, и на него пала ненависть за царскую привязанность. Наружность молодаго сержанта была очень замѣчательная: онъ былъ высокъ ростомъ, худощавый, черты лица у него были умныя, красивыя и выразительныя глаза горѣли огнемъ разума, приемы у него были вѣжливыя; онъ былъ строенъ и ловокъ; любилъ одѣваться нарядно и былъ необыкновенно чистъ и опрятенъ, качество въ тогдашнее время очень рѣдкое между русскими, даже иностранцы отдавали полную справедливость его опрятности. Меншиковъ нравился Петру не одною своею наружностію; онъ поражалъ всякаго своею ясною, отчетливою рѣчью; въ разговорѣ онъ былъ уменъ, ловокъ, оборотливъ и проницателенъ. Онъ имѣлъ удивительную набрюдательность и умѣлъ выбирать людей. Но у него были и большіе недостатки: онъ былъ очень честолюбивъ; для достиженія знатности и почестей онъ готовъ былъ всѣмъ пожертвовать; въ немъ было столько же корыстолюбія, сколько и честолюбія,

чтобы удовлетворить своей страсти къ деньгамъ, онъ часто употреблялъ безчестныя средства, бралъ взятки; онъ былъ вспыльчивъ и сердитъ; вообще недостатки его походили на недостатки Петра, но у него не было тѣхъ великихъ достоинствъ, какія мы находимъ у Петра.

ГЛАВА XVI.

Московская бурмистерская палата. Гербовая бумага. Смерть Лефорта. Флотъ подъ Азовомъ. Плаваніе его въ Керчи. Первый русскій корабль на Черномъ морѣ и въ Константинополѣ. Пребываніе Украинцева въ Константинополѣ и заключенный имъ 30-лѣтній договоръ о перемиріи.

Наконецъ стрѣлецкіе розыски и казни прекратились; стрѣльцы уже потеряли свою силу: но въ государствѣ все-таки еще было неспокойно. На югѣ былъ грозный врагъ — турки, миръ съ которыми еще не былъ заключенъ. Внутри государства, по городамъ, селамъ, а больше всего, по большимъ дорогамъ отъ разбойниковъ не было проходу и проѣзду. Въ городахъ былъ беспорядокъ: никто не былъ увѣренъ, что его домъ и имущество въ безопасности; воеводы, вмѣсто того, чтобы смотрѣть за порядкомъ, чтобы разбирать тяжбы и жалобы, только о томъ думали, какъ-бы поскорѣе разбогатѣть, и потому обирали свои воеводства.

Доходы были очень небольшіе, а Петру для его различныхъ предпріятій нужны были большія суммы: онъ строилъ флотъ для Азовскаго моря, строилъ крѣпости; онъ учреждалъ новое войско взамѣну стрѣлцаго; онъ видѣлъ, что нужно учить народъ и дворянство и поэтому нужны книги и школы, а на все это надобны деньги, надобно увеличить государственные доходы. Съ этою цѣлью онъ еще въ Англіи отдалъ табачную торговлю на откупъ; но этого было недостаточно; чтобы доходы увеличились, надобно, чтобы народъ самъ сдѣлался богаче и больше могъ платить. Сдѣлаться богаче народъ можетъ только тогда, когда онъ можетъ сохранять то, что у него есть, когда онъ можетъ къ тому, состоянію, какое

у него есть, прибавлять новое приобретение, когда въ городахъ и въ управленіи будетъ порядокъ, когда ни разбойники, ни сильные бояре его обирать не будутъ. Петръ это зналъ и началъ понемногу исправлять безпорядки, какіе нашелъ въ своемъ царствѣ.

За границей ему понравилось городское управленіе посредствомъ ратуши, — совѣта, составленнаго изъ городскихъ жителей подъ предсѣдательствомъ бургомистра. Петръ рѣшился завести въ Россіи нѣчто подобное: онъ въ январѣ 1699 года велѣлъ въ Москвѣ учредить *Бурмистерскую палату*, въ которой разбирались бы всѣ дѣла, касающіяся торговыхъ и промышленныхъ людей; членовъ въ эту палату предоставлено было выбирать ежегодно изъ гостей, изъ московскихъ слободъ и изъ гостиныхъ сотенъ, съ тѣмъ, чтобы президентомъ бывалъ одинъ изъ членовъ, на каждый мѣсяць новый. Промышленное и торговое сословіе въ прочихъ городахъ и посадахъ царства также могли выбирать изъ *добрыхъ* и правдивыхъ людей *земскихъ бурмистровъ*; всѣ дѣла, которыхъ они сами рѣшить не могли, всѣ оклады и подати, которые они собирали съ купцовъ и промышленниковъ они должны были отсылать въ Москву въ бурмистерскую палату. Она не зависѣла ни отъ какого другаго приказа и съ докладомъ входила къ самому государю.

Для засѣданій бурмистерской палаты въ Кремлѣ отведенъ былъ домъ съ крѣпкими погребами для храненія денежныхъ капиталовъ. Безъ царскаго указа, сверхъ однажды утвержденныхъ пошлинъ, палата не отпускала ни одного рубля. Дѣла и тяжбы съ иностранцами также приказано было разбирать въ бурмистерской палатѣ. Такимъ образомъ купеческое и промышленное сословіе избавилось отъ всѣхъ прежнихъ притѣсненій и лишнихъ поборовъ и когда Петръ потребовалъ двойнаго платежа податей, сословіе это безпрекословно, съ благодарностію согласилось на эту плату. Такъ Петръ достигнулъ однимъ учрежденіемъ двойной цѣли, исправилъ бытъ самаго производительнаго въ общественной жизни сословія и увеличилъ доходы государственные.

Около того же времени Алексѣй Курбатовъ, дворецкій боярина Шереметева, путешествовавшій съ нимъ по Италіи, человѣкъ умный и догадливый, показалъ Петру новую статью дохода. По возвращеніи въ Москву, онъ въ Ямскомъ приказѣ подкинулъ письмо, адресованное на имя государя а именно: «*поднести великому госуда-*

рю нераспечатать». Въ тогдашнее время такимъ образомъ обыкновенно бросали письма съ доносомъ. Петръ получилъ письмо это, распечаталъ его и вмѣсто доноса о какомъ либо умыслѣ нашель планъ о введеніи гербовой бумаги, для увеличенія государственныхъ доходовъ. Мысль эта чрезвычайно понравилась Петру и онъ немедленно приказалъ въ цѣломъ государствѣ ввести употребленіе гербовой бумаги трехъ видовъ: 1) подъ большимъ орломъ, цѣною въ 10 коп. за листъ; 2) подъ среднимъ орломъ по 1 коп; 3) подъ меньшимъ орломъ по 1 деньгѣ за листъ.

Введеніе гербовой бумаги Петръ считалъ очень важнымъ 1) для увеличенія государственныхъ доходовъ; 2) для уничтоженія ябедничества и подлоговъ и 3) онъ посредствомъ гербовой бумаги хотѣлъ утвердить крѣпостные акты на имѣнія и дома. Какъ важна эта мысль казалась Петру, видно изъ того, какъ онъ за нее наградилъ Курбатова: онъ далъ ему званіе дьяка оружейной палаты; въ ней приказано было наблюдать за сборомъ съ продажи гербовой бумаги; сверхъ того пожаловалъ ему каменный домъ въ Москвѣ и значительное помѣстье.

Переговоры о мирѣ съ Турціей тянулись. Петръ могъ ожидать, что они прекратятся, и тогда ввести войну придется ему одному, безъ союзниковъ, потому что Австрія и Польша уже подписали миръ. Надобно было приготовиться къ войнѣ, но Петръ хотѣлъ перенести ее съ суши на море и потому спѣшилъ постройкою флота. Послѣ обычныхъ праздниковъ, шутокъ и фейерверковъ на масляницѣ, Петръ наканунѣ начала Великаго поста отправился въ Воронежъ, чтобы осмотрѣть работы и рѣчной флотъ изготовить для спуска къ Азову съ наступленіемъ весенняго половодья. Лефортъ остался въ Москвѣ; онъ не былъ знатокомъ морскаго дѣла и потому ему въ Воронежѣ нечего было дѣлать; Петръ взялъ съ собою только знатоковъ—спеціалистовъ, чтобы пользоваться ихъ совѣтами и замѣчаніями.

Въ Москвѣ толковали о сооруженіи флота и не вѣрили возможности построить его на степной рѣкѣ, въ разстояніи 1200 верстъ отъ моря. Иностранцы, пріѣзжавшіе въ Москву, хотѣли собственными глазами убѣдиться въ справедливости такого неслыханнаго предпріятія; въ числѣ ихъ находился датскій и бранденбургскій посланники. Они выразили царю свое желаніе посмо-

трѣтъ на строящіеся корабли; онъ охотно согласился исполнить ихъ желаніе, потому что участіе къ его предпріятіямъ всегда радовало его.

Наканунѣ отъѣзда въ Воронежъ, Лефортъ далъ прощальный вечеръ и ужинъ. Угощеніе было роскошное, чисто русское. Погода, не смотря на февраль, стояла теплая; гостямъ сдѣлалось жарко въ комнатахъ и пирующие вышли на чистый воздухъ въ садъ и до полуночи гуляли и пировали подъ открытымъ небомъ. Наконецъ гости распрощались съ своимъ щедрымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ; на другой день отправились въ Воронежъ и счастливо доѣхали до мѣста; между тѣмъ Лефортъ на другой день почувствовалъ сильнѣйшій ознобъ и слегъ въ постель.

Сначала Лефортъ не обращалъ вниманія на свою болѣзнь, считая простуду ничтожною, не отмѣнилъ даже обѣда, назначеннаго въ пятницу на первой недѣлѣ поста, но самъ не могъ встать съ постели, чтобы присутствовать на немъ, и поручилъ роль хозяина своему племяннику. Болѣзнь быстро усиливалась и наконецъ открылось, что у Лефорта злая тифозная горячка. Врачей было много; больному пустили кровь, но ему отъ этого стало еще хуже; Лефортъ лишился сна, впалъ въ безпамятство и доктора объявили, что спасенія нѣтъ и лучше всего позвать духовника, чтобы приготовить его къ смерти. Пришелъ пасторъ, Лефортъ, какъ бы опомнился, покрайней мѣрѣ онъ молча слушалъ, что тотъ ему говорилъ; но вскорѣ бредъ опять усилился, Лефортъ прогонялъ отъ себя пастора, насмѣхался надъ нимъ и требовалъ вина и музыкантовъ. Доктора не знали, что дѣлать; они наконецъ рѣшились призвать музыкантовъ къ больному, надѣясь, что любимыя мелодіи успокоятъ его; вошелъ лучшій въ то время хоръ музыкантовъ изъ Нѣмецкой слободы и заигралъ любимыя Лефортовы аріи и пьесы. Звуки сначала благотѣльно подѣйствовали на больного; онъ утихнулъ и съ удовольствіемъ прислушивался, закрывъ глаза; но улучшеніе было очень кратковременное. Бредъ снова появился, еще сильнѣе и мучительнѣе прежняго и продолжался почти до самой смерти; онъ пришелъ въ себя только за часъ передъ кончиной. Жена стояла подлѣ его постели на колѣняхъ и горько рыдала; она просила у него прощенія, ежели чѣмъ нибудь огорчила его, или надосадила ему въ теченіе жизни: «Нѣтъ, мнѣ нечего прощать, отвѣчалъ

онъ, ты предо мною ни въ чемъ не виновата; тебя я всегда любилъ и уважалъ!» Вскорѣ послѣ этого Лефортъ скончался, на 40 году отъ рожденія.

Петръ ничего не зналъ ни о болѣзни, ни о кончинѣ своего любимца, по прежнему строилъ суда и приготовлялъ ихъ къ спуску. Къ нему былъ отправленъ нарочный съ извѣстіемъ о кончинѣ Лефорта. Прочитавъ письмо Ромодановскаго, Петръ заплакалъ и въ горѣ воскликнулъ: «Друга моего не стало. Онъ одинъ любилъ меня и всегда былъ мнѣ вѣренъ. На кого могу я теперь положиться?» Царь долго и неутѣшно тосковалъ о потерѣ друга, но положиться могъ онъ на вѣрность многихъ, искренно преданныхъ ему бояръ.

Послѣ полученнаго извѣстія, Петръ тотчасъ поскакалъ въ Москву для торжественнаго погребенія Лефорта: наканунѣ этого дня онъ собственноручно возложилъ на Головина, только что учрежденный имъ орденъ Андрея Первозваннаго, девизъ котораго *за вѣру и вѣрность* показываетъ, что Петръ находилъ подлѣ себя людей преданныхъ, и что слова тѣ были сказаны только въ печати.

Похоронный обрядъ былъ съ пышностью, еще въ то время небывалою при боярскихъ похоронахъ. Передъ выносомъ тѣла царь приказалъ открыть гробъ и въ присутствіи всего двора и посланниковъ, громко рыдая долго цѣловалъ мертваго въ лобъ и щеки. До самой лютеранской церкви онъ шелъ за гробомъ въ траурѣ, передъ первую ротю Преображенскаго полка, за нею слѣдовали полки Семеновскій и Лефортъ съ погребальной музыкой и съ опущенными къ землѣ ружьями. Всѣ офицеры были въ глубокомъ траурѣ. Гробъ несли на рукахъ полковники; передъ гробомъ шли офицеры: они на бархатныхъ подушкахъ несли золотыя шпоры, пистолеты, шпагу, трость и шлемъ покойника. За гробомъ шелъ егo племянникъ, Петръ Лефортъ, окруженный иностранными посланниками, боярами и придворными—всѣ въ глубокомъ траурѣ, за ними вдова Лефорта окруженная толпою громко плачущихъ женщинъ. За войсками ѣхалъ на черномъ конѣ рыцарь въ черныхъ латахъ съ обнаженнымъ мечемъ, остріе котораго обращено было къ землѣ; за нимъ вели трехъ верховыхъ лошадей; двухъ въ богатыхъ чалракахъ и сѣдлахъ, какъ бы готовыхъ къ торжественному шествію,

а третья шла подъ черною попоною, съ понуренной головой; то была любимая лошадь Лефорта.

Въ лютеранской церкви была торжественная служба и пасторъ произнесъ очень длинную надгробную рѣчь. По окончаніи обряда процессія въ томъ же порядкѣ пошла на лютеранское кладбище; когда гробъ опустили въ могилу, раздался залпъ изъ 40 пушекъ и бѣглый огонь трехъ полковъ. Съ кладбища Петръ возвратился прямо въ домъ Лефорта, чтобы помянуть друга за обычнымъ похороннымъ обѣдомъ; нѣкоторые бояре хотѣли было уѣхать раньше, прямо съ кладбища, но это разсердило Петра и онъ въ обычныхъ рѣзкихъ выраженіяхъ сдѣлалъ имъ выговоръ.

Черезъ два дня послѣ похоронъ, Петръ уѣхалъ въ Воронежъ, гдѣ опять получилъ печальное извѣстіе: лучший корабельный мастеръ, вывезенный изъ Англіи, Джонъ Денъ, не вынесъ суроваго климата и умеръ. Петръ такъ былъ огорченъ этимъ, что хотѣлъ ѣхать въ Москву, чтобы похоронить его съ торжественностію, для выраженія уваженія къ его занятіямъ.

Къ веснѣ 1699 года постройка кораблей была окончена. Офицеры, капитаны и большинство матросовъ были иностранцы. При осмотрѣ кораблей оказалось, что многое не соотвѣтствуетъ требованіямъ; то нужно было передѣлать, другое дополнить, вооруженіе увеличить и т. д., но при лихорадочной дѣятельности Петра это не могло быть препятствіемъ. Работа шла торопливо и успѣшно; и флотъ былъ готовъ къ выступленію; 27 апрѣля приказано было сняться съ якоря. Самъ Петръ былъ командиромъ 44 пушечнаго корабля, но безъ его воли ничего не дѣлалось. Изъ Воронежа флотъ выступалъ партіями, и первое время плылъ медленно.

Близъ Коротояка флотъ остановился; царя поразилъ живописный видъ береговъ; мѣловыя скалы, въ 8 аршинъ высоты, пирамидально выступали надъ горами; въ одной изъ такихъ мѣловыхъ скалъ высѣчена была церковь во имя Іоанна Предтечи, съ пещерою въ 60 сажень; въ другой скалѣ было сдѣлано нѣсколько монашескихъ келій, въ третьей тоже мѣловой скалѣ была устроена колокольня. Но главная церковь монастыря была построена на косогорѣ и обнесена деревянною оградою съ башнями и бойницами. Петру это мѣсто такъ понравилось, что онъ его назвалъ земнымъ раемъ, богато одареннымъ природой. Онъ собралъ на берегу ко-

мандировъ судовъ и угостилъ ихъ роскошнымъ обѣдомъ при громкихъ залпахъ изъ пушекъ; монахи въ первый разъ услышали пушечные выстрѣлы и съ ужасомъ затыкали себѣ уши.

Далѣе, путешествіе по Дону все еще казалось увеселительною поѣздкою: царь по временамъ останавливался, выходилъ на берегъ раскидывали шатеръ и онъ по нѣскольку часовъ проводилъ на сушѣ. Однажды, передъ обѣдомъ, онъ зашелъ къ вице-адмиралу Крюксу и увидѣлъ, что онъ съ своими соотечественниками вскрываетъ наловленныхъ въ Дону черепахъ. Царь спросилъ: «Для чего это вы дѣлаете?»

«Мы изъ этихъ черепахъ изготовимъ въ сегодняшнему обѣду отличное, очень вкусное фрикассе, похожее на цыпляче». Петръ тотчасъ же далъ приказаніе наловить черепахъ для себя и изготовить ихъ къ обѣду; фрикассе подали, Петръ угощалъ имъ бояръ и радовался, что бояре съ такимъ аппетитомъ ѣдятъ мнимыхъ цыплятъ. Послѣ обѣда царь спросилъ у нихъ: «Какъ вамъ понравилось фрикассе?—Отличное кушанье, лучше этого и не ѣдали, былъ отвѣтъ... «А знаете ли вы изъ чего оно сдѣлано?» — Надо полагать, изъ молодыхъ цыплятъ.—«Постойте же, я вамъ покажу перья этихъ цыплятъ», и приказалъ принести черепа и лапы черепахъ. Удивленіе было общее и многіе смѣялись своей ошибкѣ, только Шеинъ и Салтыковъ были недовольны тѣмъ, что ихъ накормили нечистымъ мясомъ и имъ даже сдѣлалось дурно. Наконецъ весь флотъ подошелъ къ Азову, его съ крѣпости привѣтствовали пушечною пальбою и въ отвѣтъ съ кораблей выстрѣлъ слѣдовалъ за выстрѣломъ: оставалось флотъ, т. е. особенно крупныя суда, вывести въ море черезъ мелководье устьевъ Дона.

Петръ три года не видалъ Азова; не видалъ укрѣпленій, выстроенныхъ по плану инженера Лавала, и осмотрѣвъ ихъ остался очень доволенъ: укрѣпленія Азова были такъ хороши, что нечего было опасаться нападенія турокъ и татаръ.

Послѣ Азова Петръ на гребной флотилии отправился осматривать Таганрогъ, и тамъ многое было сдѣлано; хотя стѣны еще не были готовы, но съ высотъ смотрѣли такія грозныя батареи, что онѣ вполне защищали флотъ, какой бы ни помѣстился у Таганрога. Гавань оказалась отличная и флотъ могъ помѣщаться въ ней совершенно безопасно отъ морскихъ непогодъ; были уже

выстроены молы, а отъ преслѣдованія враговъ—батареи съ пушками большаго калибра. Изъ Таганрога Петръ еще ѣздилъ осматривать заложенную крѣпостцу—Павловскъ, но нашель, что она стоитъ на неудобномъ и невыгодномъ мѣстѣ, и приказаль ее оставить недоконченною.

Послѣ возвращенія въ Азовъ Петръ думаль о томъ, какъ бы получше вывести крупныя суда въ море; пришлось ждать недѣлю, пока наконецъ не подулъ вѣтеръ, отъ котораго воды прибыло и можно было переѣхать черезъ мели въ устьяхъ Дона. Самъ царь выводилъ корабли, какъ опытный и искусный лоцманъ; онъ въ продолженія невольнаго бездѣйствія, изучаль русло и дно рѣки и когда воды стало достаточно, начиная съ своего 44 пушечнаго корабля «Апостоль Петръ», онъ, одинъ за другимъ, выводилъ всѣ корабли черезъ песчанья мели. Царь былъ съ утра до ночи занятъ; онъ самъ исполняль должность лоцмана и съ такою ловкостію и умѣньемъ, что наконецъ весь флотъ свой увидѣль на водахъ Азовскаго моря; радость свою онъ выразилъ пушечною пальбою и пиромъ.

Извѣстія о затѣяхъ Петра, о новыхъ укрѣпленіяхъ Азова о постройкахъ въ Таганрогѣ, а особенно о появленіи флота на морѣ достигли до татаръ, и имъ хотѣлось убѣдиться на сколько рассказы вѣрны. Они послали посольство отъ крымскаго хана съ поздравленіемъ по случаю перемирія, заключеннаго съ турками на два года. Посланныхъ Петръ приняль на адмиральскомъ кораблѣ, выслушаль ихъ привѣтствіе, прилично отвѣчалъ на него и отпустиль ихъ послѣ получасоваго разговора. Глядя имъ вслѣдъ Крюйсъ, обращаясь къ Петру сказалъ: «Глаза у этихъ шпіоновъ быстры, какъ у морской собаки; а бороды съ рѣдкими волосами, остры и раздвоенны, какъ у индѣйскихъ козловъ».

Іюня 29 въ день св. Петра и Павла весь флотъ былъ уже въ гавани Таганрога. Петръ праздноваль свои именины пиромъ съ музыкой, стрѣльбою изъ пушекъ и ружей и великолѣпнымъ фейерверкомъ.

Для заключенія окончательнаго договора съ султаномъ, Петръ рѣшилъ послать въ Константинополь чрезвычайнаго посла; частію съ намѣреніемъ показать туркамъ свой корабль, онъ посольство вздумаль отправить моремъ: до Керчи рѣшилъ проводить посольскій корабль со всею своею эскадрою. Дѣла у Петра было много: онъ

собственноручно писалъ инструкцію, по которой посоль долженъ заключить договоръ, и приготовлялъ флотъ для выхода въ море. «Мы принялись за килеванье, конопаченіе и мазанье кораблей, пишеть Крюйсъ, съ такою ревностью и съ такимъ проворствомъ, какъ будто работаемъ на амстердамской корабельной верфи».

Больше всѣхъ работалъ самъ Петръ; онъ цѣлый день не выпускалъ изъ рукъ топора и молота, самъ конопатилъ, мазалъ смолою, гораздо прилежнѣе самаго искуснаго и ловкаго работника. Нароботавшись днемъ до усталости, ночью Петръ не отдыхалъ, а садился писать и обдумывать инструкцію, или просматривалъ и исправлялъ морской и сухопутной артикуль, давалъ указы и большую часть ночи работалъ, запершись въ своей коютѣ.

Для переѣзда посланниковъ въ Константинополь, онъ снарядилъ 46 пушечный корабль «*Кръпость*»; кромѣ посольской свиты и офицеровъ, на кораблѣ было 16 матросовъ и 111 солдатъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ.

На адмиральскомъ кораблѣ собрался военный совѣтъ изъ капитановъ всѣхъ кораблей, назначенныхъ къ походу въ Керчь, провожать посольскій корабль и всѣ единодушно донесли царю, что суда готовы идти въ море, что они вполне оснащены, вооружены и снабжены военными и съѣстными принадлежностями. Но Петръ, опасаясь какой нибудь хитрости со стороны враговъ, хотѣлъ посмотреть, можетъ ли флотъ его, въ случаѣ надобности, вступить въ сраженіе; довольно ли искусны экипажъ и морская команда въ управленіи судовъ и пушекъ; чтобы рѣшить этотъ вопросъ, онъ далъ приказаніе, до выступленія къ Керчи, дать примѣрное морское сраженіе. Но вышли неожиданныя препятствія: сначала за бурею пришлось бросить якорь. Наконецъ выбрали удобное время и примѣрная битва длилась полтора часа; она прекратилась тогда, когда на адмиральскомъ кораблѣ поднялся бѣлый флагъ. Въ этихъ маневрахъ не было ни раненыхъ, ни убитыхъ, но изъ нихъ Петръ заключилъ, что флотъ его *изряденъ* (хорошъ).

Пробывши дня четыре въ Таганрогѣ, корабли исправили поврежденія, какія у нихъ сдѣлались отъ бури, потомъ вся эскадра отправилась провожать корабль *Кръпость* до Керчи, а оттуда нужно было отправить его въ Константинополь. До Керченскаго про-

лива эскадра дошла съ попутнымъ вѣтромъ, но тутъ подулъ совершенно противный и пришлось бросить якорь въ проливѣ, въ 15 верстахъ отъ Керчи; только послѣ суточной стоянки можно было продолжать плаваніе, до Керчи, гдѣ въ знакъ привѣтствія всѣ суда палили изъ всѣхъ орудій; имъ въ отвѣтъ турки тоже отвѣчали выстрѣлами изъ всѣхъ пушекъ. Царь увидѣлъ, что у турокъ, подъ Керчью, не больше 4 кораблей, подъ командой адмирала.

Русская эскадра бросили якорь въ 10 верстахъ отъ Керчи, съ адмиральскаго корабля спустили шлюпку, подъ бѣлымъ флагомъ, въ нее сѣлъ офицеръ и поплылъ къ пашѣ, чтобы извѣститъ его о приѣздѣ русскаго посланника Украинцева. Паша съ своей стороны на двухъ лодкахъ отправилъ двухъ беевъ къ адмиральскому кораблю съ вопросомъ: «Зачѣмъ пришелъ такой большой флотъ?» Имъ отвѣчали: «Флотъ провожаетъ русскаго посланника къ султану. Но турецкій правитель объявилъ, что почтетъ себя сумасшедшимъ, если пропуститъ, хоть одинъ иностранный корабль черезъ проливъ въ Черное море; не смотря на долгія убѣжденія, онъ ни подъ какимъ видомъ не соглашался дать конвой для посланническаго корабля». Ежели такъ, сказалъ Головинъ, мы сами, со всею эскадрою проводимъ нашего посланника.

Турки съ величайшимъ любопытствомъ осматривали русскіе корабли; они оцупывали спасты и пушки руками, во многихъ мѣстахъ соскабливали смолу, чтобы посмотрѣть, изъ какого дерева построены корабли и не хотѣли вѣрить, чтобы простые русскіе мастеровые умѣли сдѣлать такія большія ходкія суда. Къ тому же они роптали на ложное донесеніе татаръ, посланныхъ въ Азовъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается; тѣ сказали будто русскіе корабли безъ пушекъ и черезъ Азовскія мели никакимъ образомъ переплыть не могутъ, а между тѣмъ эти же самые корабли здѣсь передъ Керчью и вооруженные мѣдными пушками.

На другой день на адмиральскій корабль опять пріѣхали два бея и просили Украинцева сойти на берегъ и путешествіе въ Константинополь продолжать сухимъ путемъ. Но посланникъ нашъ отвѣчалъ, что онъ на берегъ не сойдетъ, сухимъ путемъ не поѣдетъ, а отправится въ Константинополь на царскомъ кораблѣ *Крѣпость* и требовалъ, чтобы турки немедленно прислали своего пристава. Приставъ тотчасъ пріѣхалъ и объявилъ, что онъ нарочно присланъ провожать посольство, но не моремъ, а сухимъ путемъ. Послан-

никъ повторишь, что ему приказано ѣхать моремъ, а не сухимъ путемъ, что моремъ и ближе, и спокойнѣе путешествовать, а пашѣ нѣтъ никакой надобности ѣдетъ ли онъ на кораблѣ, или въ экипажѣ.

— Такъ видно вы нашего моря не знаете, замѣтилъ приставъ, не даромъ зовуть его Чернымъ: плаваніе по немъ до того опасно и до того страшно, что сердце человѣческое на немъ отъ ужаса чернѣетъ.

— Дѣлать нечего, отвѣчалъ Украинцевъ, пусть будетъ, что Богу угодно, предаемъ себя его милости а намъ все-таки надобно ѣхать моремъ, такъ царь нашъ приказалъ.

Непреклонность русскаго посланника подѣйствовала на пашу онъ просилъ только нѣсколькихъ дней сроку, чтобы приготовить свои корабли для того, чтобы выйти въ море и просилъ корабль посланника придвинуть ближе къ Керчи и къ турецкимъ судамъ, а прочему русскому флоту идти домой въ Азовъ. Посланникъ отвѣчалъ, что корабль его подойдетъ ближе къ Керчи, но что флотъ тогда только уйдетъ, когда турецкая эскадра съ русскихъ кораблемъ поплывутъ къ Константинополю. На другой день фрегатъ *Крѣпость* отсалютовалъ положеннымъ числомъ выстрѣловъ адмиральскій корабль, вышелъ изъ линіи нашего флота и сталъ въ 5 верстахъ отъ Керчи, въ виду турецкихъ кораблей, привѣтствовавшихъ его выстрѣлами.

Вице-адмиралъ Крюйсъ хотѣлъ воспользоваться свободнымъ временемъ и осмотрѣть на сколько удастся укрѣпленія Керчи и турецкіи корабли; онъ съ позволенія царя, подъ предлогомъ закупки различныхъ вещей, съ капитанами Рокусъ-Киномъ, Бэкономъ и полковникомъ преображенскимъ Блюмбергомъ на двухъ шлюпкахъ поплылъ прямо къ Керчи. Турецкій адмиралъ, Гассанъ-паша, принялъ ихъ очень учтиво, угостилъ кофеемъ, спрашивалъ, какой они націи и чрезвычайно удивился, какъ они, англичане и голландцы, лучшіе друзья Турціи, могутъ служить враждебному ей, русскому царю. Крюйсъ отвѣчалъ, что англичане и голландцы дружны также и съ Россіей, что между ихъ родинами и Россіей существуютъ торговныя сношенія очень выгодныя для нихъ и къ тому же они служатъ тому, кто лучше и больше денегъ даетъ. Послѣ этого адмиралъ опять заговорилъ о томъ, какъ опасно плавать на Черномъ морѣ, о томъ, какіе огромные корабли у турокъ, какія у нихъ необычно-

венно большія пушки, ядра которыхъ каменные и вѣсомъ бывають до трехъ пудовъ.

Крейсь отвѣчалъ: «Плаваніе по Черному морю вовсе не такъ опасно, у насъ во флотѣ много капитановъ, бывавшихъ на этомъ морѣ и они по немъ легче найдутъ путь изъ Керчи въ Константинополь, чѣмъ турки изъ Константинополя въ Керчь; каменныхъ ядеръ у нашего царя нѣтъ, и онъ ихъ не употребляетъ, потому что камень очень часто отъ выстрѣла разлетается на части, тогда какъ чугунныя ядра въ 6, въ 12, 18 и 30 фунтовъ; какими стрѣляютъ съ русскихъ кораблей летятъ вѣрнѣе и сильнѣе пронизываютъ бока непріятельскихъ кораблей».

Крейсь накупилъ у Гассанъ—паши кофе на 80 червонцевъ, поплылъ съ своими товарищами къ Керчи, присталъ къ берегу и пошелъ прямо въ городскія ворота: но турки и татары перепугались и въ городъ его не пустили, а послали сказать Муртазъ-пашѣ (губернатору) что русскіе хотятъ войти въ городъ; паша тотчасъ прислалъ своихъ беевъ просить извиненія въ томъ, что онъ не можетъ пускать русскихъ военныхъ въ крѣпость и обѣщался прислать на корабли все, въ чемъ русскіе нуждаются. Крейсь однакожь успѣлъ осмотрѣть стѣны и измѣрить фарватеръ. Онъ нашелъ, что стѣны очень стары, не достаточно толсты, что ихъ легко пробить шести-фунтовыми ядрами. Въ этотъ же день у турецкаго адмирала былъ русскій адмиралъ Головинъ и больше часу разговаривалъ съ нимъ; самъ царь присутствовалъ при этомъ свиданіи, въ видѣ боцмана адмиральской шлюпки, въ одеждѣ саардамскаго плотника.

Срокъ, назначенный для приготовленія турецкихъ судовъ къ морскому путешествію прошелъ; Украинцевъ послалъ сказать туркамъ, что ждетъ пристава и что сниматься съ якоря пора, дуетъ попутный вѣтеръ: но приставъ отвѣчалъ, что при такой бурной погодѣ онъ не намѣренъ выходить въ море. Украинцевъ велѣлъ отвѣчать: ежели приставъ не пріѣдетъ и не пришлетъ лопмана, то царскій корабль, не дожидаясь болѣе выйдетъ въ море, одинъ пойдетъ въ Константинополь и вся отвѣтственность падетъ на нихъ. Приставъ пріѣхалъ и сказалъ: «при такой бурной погодѣ плыть по Черному морю невозможно, на пути лежитъ большой камень; его обойти при такомъ вѣтрѣ невозможно и гораздо лучше и безопаснѣе отправиться въ Константинополь сухимъ путемъ по маршруту, присланному

отъ *дивана*». Украинцевъ не уступалъ, а послалъ осмотрѣть, какой тамъ камень лежитъ въ проливѣ; оказалось, что никакого камня нѣтъ, а есть мысъ, вовсе не мѣшающій плаванію, потому что его всегда можно обойти. Послѣ этого Украинцевъ опять послалъ спросить, поѣдетъ ли приставъ съ нимъ, или нѣтъ; ежели поѣдетъ, то перебирался бы тотчасъ на корабль. Приставъ обѣщался пріѣхать, какъ скоро вѣтеръ поутихнетъ, а пока прислалъ лодмана, съ приказаніемъ посольскому кораблю *Крѣпость* подойдуться къ турецкимъ, чтобы вмѣстѣ съ ними выйти въ море, потому что они уже готовы распустить паруса.

Петръ не сомнѣвался болѣе, что турки отпустятъ Украинцева моремъ и потому, когда тотъ, попросившись съ царемъ и съ эскадрой поѣхалъ къ Керчи, Петръ отсалютовалъ крѣпость и турецкіе корабли, распустилъ паруса и пошелъ въ обратный путь къ Таганрогу.

Но Украинцеву еще не пришлось отправиться изъ Керчи; лишь только русскій флотъ ушелъ, турки опять заупрямились. Распущенные паруса были убраны, подъ предлогомъ приближавшей бури. Украинцевъ прождалъ сутки, вѣтеръ опять перемѣнился и онъ послалъ звать пристава, потому что пора отправляться въ путь. Но приставъ толковалъ свое: «Вѣтеръ противный, пускаться въ Черное море опасно, русскій капитанъ человекъ молодой, неопытный, погубить себя и всѣхъ насъ!»

Въ тотъ же день на посольскій корабль пріѣхалъ самъ адмиралъ со множествомъ капитановъ кораблей и моряковъ; въ числѣ капитановъ былъ одинъ голландецъ, принявшій магометанство; всѣ они толковали объ опасности какой подвергаются корабли въ Черномъ морѣ и совѣтовали подождать три дня; если черезъ это время противный вѣтеръ не уляжется, то можно будетъ къ кораблю прицѣпить канаты и вывести его изъ пролива посредствомъ гребныхъ судовъ. Но Украинцевъ вспылилъ и воскликнулъ: «Никогда не поущу я такого безславія, не позволю, чтобы царскій корабль тащили на веревкахъ и обратившись къ капитану Пембруку, спросилъ: «Можно ли идти въ путь при такой погодѣ?»

Пембрукъ отвѣчалъ: «Очень можно, не заходя ни въ одинъ изъ крымскихъ портовъ, я по компасу пройду прямо въ Константинополь! При этомъ онъ развернулъ свою морскую карту и объяс-

нилъ, какъ онъ поплыветъ, гдѣ, при какомъ вѣтрѣ, какъ повернетъ корабль. Турки слушали и соглашались, что карта Пембрука похожа на ихъ чертежъ, но что онъ толкуетъ ее иначе. Паша убѣдительно просилъ Украинцева не пускаться въ море при такой жестокой непогодѣ, сознаваясь, что для турокъ плаваніе по Черному морю крайне опасно, потому что имъ вовсе незнакомы пути по немъ, и что они боятся, какъ смерти плавать по бурнымъ волнамъ этого непостояннаго моря.

Два часа шли переговоры и споры; кончилось тѣмъ, что Украинцевъ рѣзко объявилъ: ежели приставъ не явится, русскій корабль пойдетъ одинъ безъ него и безъ конвоя прямо въ Константинополь, какъ только вѣтеръ сдѣлается попутнымъ. Такая твердость поразила турокъ; они просили посланника дать имъ письменное свидѣтельство, что отправляются въ Черное море своевольно, чтобы въ случаѣ гибели, имъ не отвѣчать за него. Украинцевъ отвѣчалъ, что онъ идетъ не *самъ собою*, а по приказанію его царскаго величества. Адмиралъ больше не спорилъ и объявилъ, что вслѣдъ за посольскимъ кораблемъ пойдутъ четыре турецкихъ, на одномъ изъ нихъ приставъ, а галеры всѣ останутся въ Керчи.

Августа 28, при слабомъ вѣтрѣ на *Крѣпости* распустили паруса и *первый русскій военный корабль вошелъ въ Черное море!* За нимъ потянулись турецкіе корабли; плыли вдоль южныхъ береговъ Крыма сперва очень медленно, потому что тяжелые и неуклюжіе турецкіе корабли подвигались медленно и часто вовсе останавливались. Приставъ уговаривалъ Украинцева зайти въ Балаклаву отдохнуть, но въ сущности для того, чтобы съ города взять порядочную дань на *посольскіе кормы*; но Украинцевъ не согласился, не доѣзжая до Балаклавы повернулъ въ открытое море и поплылъ прямо по направленію къ Константинополю.

Нетерпѣливый капитанъ Пембрукъ распустилъ всѣ паруса и вскорѣ скрылся изъ виду турецкой эскадры. Вѣтеръ былъ ровный и сильный; снасти скрипѣли, корпусъ корабля прыгалъ и качался на волнахъ, течъ была порядочная, но подъ искусственнымъ управленіемъ опытнаго капитана корабль летѣлъ стрѣлой.

Черезъ два дня показалась земля: это былъ берегъ Анатоліи въ 150 верстахъ отъ Босфора; капитанъ нѣсколько ошибся и не попалъ въ проливъ; но онъ тотчасъ поправилъ свою ошибку и въ

полдень 2 сентября, безъ лоцмана вошелъ въ Константинопольскій проливъ, прямо по самой его срединѣ. До самаго вечера корабль шелъ, осторожно вымѣривая глубину и при захожденіи солнца бросилъ якорь подъ греческимъ селеніемъ Ново, въ трехъ итальянскихъ миляхъ отъ Константинополя, чтобы дождаться приставы, далеко отставшаго вмѣстѣ съ турецкою эскадрою. Она пріѣхала сутками позже; приставъ тотчасъ отправился въ столицу, чтобы донести о пріѣздѣ русскаго посольства. Возвратился онъ въ тотъ же день съ отвѣтомъ: пресвѣтлѣйшій султанъ никакъ не ожидалъ, чтобы посольство пріѣхало такъ скоро; но приметь его съ надлежащими почестями, просить только отложить торжественный въѣздъ на три дня, потому что домъ, назначенный для посольскаго пріема, еще не готовъ. Въ день въѣзда султанъ за посольствомъ пришлетъ свои кайюки и гребныя суда подъ село Ново. Украинцевъ долго не соглашался ѣхать въ Константинополь въ лодкахъ, но приставъ говорилъ, что не слѣдуетъ обижать султана, что присылая свои собственныя лодки, онъ оказываетъ особенную почесть русскому посольству. Послѣ долгихъ переговоровъ Украинцевъ согласился ѣхать на лодкѣ съ тѣмъ однакожь условіемъ, что царскій корабль пойдетъ впереди. Въ назначенный день, къ русскому кораблю приплыло 50 богато украшенныхъ султанскихъ судовъ съ придворными чинами, для пріема пословъ. Украинцевъ съ своей свитой размѣстились въ суда и предшествуемый кораблемъ поплыли въ Константинополь; но за совершеннымъ безвѣтріемъ *Жръность* должна была бросить якорь, не доѣзжая одной мили до столицы. Гребныя суда съ посольствомъ причалили у серальской пристани, гдѣ посланника ожидала торжественная встрѣча и почетный караулъ изъ янычаръ. Украинцевъ сѣлъ на великолѣпно украшеннаго коня, свита тоже на приготовленныхъ лошадехъ и торжественное шествіе, на удивленіе многочисленныхъ зрителей, отправилось въ домъ, приготовленный для посольства.

На слѣдующій день русскій корабль ловко и красиво съ пушечною пальбою вошелъ въ гавань и бросилъ якорь прямо противъ сераля. Появленіе его не на шутку встревожило султана; онъ не переставалъ спрашивать: какимъ образомъ такой большой корабль могъ выйти изъ мелководнаго донскаго устья и какъ онъ могъ одинъ безъ лоцмана проплыть черезъ Черное море и войти въ проливъ. Прибли-

женные успокоивали султана тѣмъ, что корабль плоскодонный, во все не приспособленный къ морскимъ путешествіямъ, что русскіе въ мореплаваніи не имѣютъ понятія и что добрались только по особенной счастливой случайности. Хотя приближенные этими рѣчами успокоивали султана, но сами тревожились и спрашивали Украинцева: «Много ли такихъ кораблей у царя, оснащены и вооружены ли они, плоскодонные они, или килевые?» — Украинцевъ отвѣчалъ, что кораблей много, подъ Азовомъ стоитъ цѣлый флотъ, что вышли они изъ устьевъ Дона очень свободно и безопасно, что всѣ вооружены пушками и оснащены не хуже этого, что дны у всѣхъ килевыя, а не плоскія и что по морю плаваютъ, какъ чайки.

Встревожились турки больше прежняго и горько упрекали голландскаго посланника за то, что голландцы учатъ русскихъ кораблестроенію, служатъ у нихъ на корабляхъ матросами и капитанами, будучи въ дружбѣ съ Турціей вредятъ ей тѣмъ, что придаютъ силу враждебной ей Россіи. Посланникъ отвѣчалъ, что голландцы люди вольные и служатъ тому, кому хотятъ; Пембрукъ же выгнанъ изъ Голландіи и теперь воленъ идти, куда ему угодно.

Жители Константинополя часто пріѣзжали осматривать царскій корабль; самъ султанъ былъ на немъ. Знатокъ особенно хвалили оснастку за ея прочность и красоту. Слухи о томъ, что царь сопровождалъ посольство въ Европу дошли и сюда; любопытные вглядывались въ каждаго матроса, въ каждаго солдата, каждаго дворянина посольской свиты: нѣтъ ли между ними царя?

Капитанъ Пембрукъ однажды не на шутку встревожилъ султана и весь Константинооль: онъ пригласилъ съ себѣ на корабль общество знакомыхъ французовъ и голландцевъ, угощалъ ихъ обѣдомъ, послѣ котораго вина появились въ огромномъ количествѣ и началась попойка, которая продолжалась до глубокой ночи. Всѣ были въ неестественномъ состояніи; хозяинъ вздумалъ повеселить своихъ гостей по военному и открылъ пальбу изъ всѣхъ орудій. Султанъ, его жены и министры ужаснулись; они подумали, что царскій флотъ подошелъ къ Константинополю и началось нападеніе.

На слѣдующій день къ Украинцеву явился секретарь тайныхъ государственныхъ дѣлъ — Маврокордато; онъ жестоко упрекалъ капитана за такую несвоевременную стрѣльбу, нарушившую городское спокойствіе; говорилъ, что султанъ перепугался, недѣтый выбѣжалъ изъ

своихъ комнатъ, что его жены захворали и прибавиль, что султанъ требуетъ капитана, примѣрно и жестоко наказать, а корабль поручили другому, болѣе надежному капитану. Если же посланникъ не обратитъ вниманія на требованіе султана, то онъ его посадить въ торьму въ семибашенный замокъ, а корабль отведеть въ адмиралтейство.

Украинцевъ не испугался угрозы и спокойно отвѣчалъ: «Ежели стрѣльба непріятна его султанскому величеству, то онъ строго-на-строго запретить ее впередъ; капитана же не выдасть, а отъ командованія кораблемъ не можетъ лишать его безъ царскаго указа. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Только 19 октября была торжественная аудіенція у султана; 4 ноября Украинцевъ отдалъ главному визирю свою полномочную грамоту, а черезъ двѣ недѣли начались переговоры о мирѣ. Каждый пунктъ оспаривали, рѣшали, перерѣшали нѣсколько разъ; турки не хотѣли уступать, русскіе тоже. Прошли три мѣсяца, дѣло не подвинулось ни на одинъ шагъ. Русскіе не хотѣли отдавать завоеванныхъ городовъ близъ Азовскаго моря и по днѣпровскимъ низовьямъ. Переговоры начались съ того, что посланникъ нашъ объявилъ, что вѣчный миръ, или продолжительное перемиріе можетъ состояться только въ такомъ случаѣ, ежели слѣдующія условія будутъ приняты: 1) Русскіе удержатъ за собою всѣ завоеванныя мѣста. 2) Татары перестанутъ тревожить наши южныя губерніи. 3) Азовъ и приднѣпровскіе города необходимы Россіи для того, чтобы мѣшать набѣгамъ на границы обоихъ государствъ, какъ со стороны казаковъ, такъ и со стороны татаръ. 4) Казаковъ, татаръ и турокъ, которые своевольно сдѣлаютъ набѣгъ на сосѣднія земли казнить, какъ разбойниковъ и истреблять всѣми средствами. 5) Денежную плату (дачу), которую до сихъ поръ производили крымскому хану; за его неправды и вѣроломство навсегда уничтожить. 6) Всѣхъ военноплѣнныхъ размѣнять. 7) Свободу торговли допустить между Россіей и Турціей. 8) Запорожцамъ дозволить заниматься звѣринными и рыбными промыслами до днѣпровскаго устья. 9) Пограничныя ссоры впередъ рѣшать посланникамъ. 10) Дозволить свободный пропускъ русскимъ для поклоненія Св. мѣстамъ. 11) Св. мѣста возвратитъ грекамъ. 12) Дать позволеніе православнымъ отправлять свое богослуженіе въ турецкихъ областяхъ.

Переговоры тянулись около года и наконец положили: заключить перемирие на 30 лѣтъ. Уступки были сдѣланы съ той и другой стороны; Азовъ, Таганрогъ и Мюса съ прилежащими къ нимъ землями по Азовскому морю укрѣпить за Россіей. Приднѣпровскіе форты и городки разрушить до основанія и мѣста, на которыхъ они стояли, отдать во владѣніе турецкаго султана съ тѣмъ, чтобы не строить новыхъ крѣпостей и не поправлять остатковъ старыхъ. По Днѣпру отъ Запорожской сѣчи до Очакова не строить ничего, оставаться пустымъ пространствомъ и только на поль-пути позволено содержать перевозъ черезъ Днѣпръ; при этомъ перевозѣ можетъ быть деревня, обнесенная небольшимъ валомъ, рвомъ и палисадомъ, какіе приличны для защиты деревни, но не придавать этому укрѣпленію вида крѣпости. Вся окраина Азовскаго моря отъ Перекопа до перваго вновь построеннаго укрѣпленія оставаться незаселенною. Съ противоположной стороны, къ Кубани, турки уступили русскимъ земли на 10 часовъ ѣзды.

На счетъ татаръ султанъ просилъ о продолженіи имъ *дачи денежной* не по праву, а изъ милости, безъ хана же миръ не можетъ тостояться. Св. мѣста остаются подъ турецкимъ вѣдѣніемъ, потому что султанъ никому не позволитъ вмѣшиваться въ свои внутренія дѣла, но впоследствии, когда царь попроситъ, тогда, можетъ быть, желаніе его исполнится.

Договоръ былъ уже окончательно рассмотрѣмъ, оставалось подписать его, но тутъ турки опять заупрямились и чуть-чуть дѣла не испортили. Но Украинцевъ остался твердъ и опять все уладилось. Около этого времени Украинцевъ узналъ, что польскій посоль Лецинскій, отъ имени сената просилъ турокъ, чтобы они не мирились съ русскими, а лучше заключили противъ нихъ союзъ съ поляками и помогли имъ отнять у московскаго царя Кіевъ и всю малороссійскую Украину. На своего короля Лецинскій жаловался, что онъ другъ русскаго царя, что поляки его не любятъ, не будутъ повиноваться ему и скоро прогоняютъ его. Такимъ образомъ объяснилось, почему турки было опять заупрямились не зная, на какую сторону склониться, но наконецъ твердость Украинцева восторжествовала и договоръ на 30-лѣтнее перемирие былъ подписанъ.

ГЛАВА XVII.

Отношенія Лифляндіи къ Швеціи. Патгуль. Переговоры съ Польшей. Шведское посольство. Наступательный союзъ. Новый годъ съ 1 января. Перемѣна костюма и монеты. Война съ Швеціей Карлъ XII. Миръ съ Турціей и объявленіе войны Швеціи. Движеніе русскихъ къ Нарвѣ. Пораженіе. Петръ готовится къ дальнѣйшей войнѣ. Свиданіе съ Августомъ.
Побѣда Карла XII подъ Ригой

Въ то время, когда русскіе мирились на югѣ съ Турціей, на сѣверѣ готова была начаться другая война; война, имѣвшая самыя важныя послѣдствія, не только для насъ, но и для всей остальной Европы, а именно: война съ Швеціей. Еще во время возвращенія своего изъ Вѣны, Петръ видѣлся съ Августомъ, очень долго и обстоятельно говорилъ съ нимъ о дѣлахъ и на словахъ они составили дружественный союзъ, чтобы вмѣстѣ идти на общихъ враговъ: но письменнаго ничего не было и Петръ прежде всего хотѣлъ покончить дѣло на югѣ.

Въ сосѣдственной съ Россіей Лифляндіи, провинціи шведской, существовало большое неудовольствіе на шведовъ, за то, что король отобралъ у дворянства большую часть земель, издавна ему принадлежащая, на владѣніе остальными требовалъ ясныхъ письменныхъ доказательствъ за печатами. Но такихъ письменныхъ крѣпостныхъ актовъ не было, потому что все дворянство Ливоніи принадлежало къ рыцарству, завоевавшему этотъ край и подѣлившему землю между собою. Были также и письменныя доказательства на владѣніе, но не у всѣхъ.—Притѣсненія со стороны шведовъ вооружили ливонскихъ дворянъ и одинъ изъ нихъ, энергическій, пылкій и твердый по природѣ, капитанъ Юганъ Рейнгольдъ фонъ Патгуль явился защитникомъ дворянскихъ правъ. Онъ отправился въ Стокгольмъ, съ жаромъ говорилъ въ пользу своихъ собственныхъ правъ и правъ

своихъ соотечественниковъ. Въ Лифляндіи усиливалась партія недовольныхъ, Паткуль доказывалъ имъ, что нужно освободиться отъ притѣсненій шведовъ и ежели нельзя убѣжденіемъ и кротостью, то нужно крутыми мѣрами отстаивать то, что имъ принадлежитъ. При дворѣ на Паткуля смотрѣли, какъ *на безпокойнаго челоуька*; въ Стокгольмѣ и въ Ригѣ губернаторъ Гастферъ одинаково не любилъ его. Наконецъ его вызвали въ Стокгольмъ и обвинили въ государственной измѣнѣ; чтобы избавиться отъ опасности, Паткуль бѣжалъ; его заочно приговорили къ смертной казни. Онъ долгое время скитался по Европѣ, но сердце его стремилось на родину; притѣсненія шведовъ и постоянный отборъ земель (подъ названіемъ редукаціи) волновали его; онъ любилъ свое отечество и денно и ношно думалъ о томъ, какъ бы его освободить отъ гнета шведскаго.

Самостоятельно Лифляндія существовать не могла, поэтому Паткуль колебался кому отдать ее: Польшѣ, или Россіи, ближайшимъ и сильнѣйшимъ сосѣдямъ ея; онъ видѣлъ что только та, или другая держава могла защитить ее отъ могущественной въ то время и воинственной Швеціи. Въ Польшѣ царствовалъ король, принцъ изъ саксонскаго дома, слѣдовательно къ нему, Паткуля больше влекло чѣмъ къ царю московскому. Такого рода побужденія заставили Паткуля выбрать Польшу, и онъ отправился въ Варшаву для переговоровъ; онъ втеченіи 1699 года подалъ Августу нѣсколько проектовъ; въ нихъ онъ указывалъ на средства завоевать Ливонію, для этого совѣтовалъ заключить союзъ съ Даніей, Россіей и Бранденбургомъ; но толки о предприимчивомъ характерѣ Петра со дня на день уже возростали въ Европѣ, Паткуль больше всего боялся, что бы царь, послѣ завоеванія Ливоніи какъ союзникъ не забралъ себѣ большей, львиной доли. «Надобно, писалъ онъ, чтобы этотъ могущественный союзникъ не выхватилъ у насъ изъ подъ носа жаркаго, которое мы воткнемъ на вертелъ; надобно ему доказать, что онъ долженъ ограничиться Ингерманландіей и Кареліей. Надобно съ царемъ условиться, чтобы онъ не шелъ дальше Наровы и Пейпуса; если онъ овладѣетъ Нарвой, то ему легко будетъ захватить, и Лифляндію, и Эстляндію. Надобно также уговориться съ царемъ, чтобы при завоеваніи Ингерманландіи и Карелии москвитяне не предавались своей обыкновенной жестокости, не истребляли жителей, не жгли и не грабили. Надобно у царя выговорить войско,

особенно пѣхоту, которая отлично работаетъ въ траншеяхъ подъ непріятельскими выстрѣлами. Въ сношеніяхъ надобно соблюдать величайшую тайну, чтобы лѣвая рука не знала, что дѣлаетъ правая; на Швецію слѣдуетъ напасть врасплохъ и овладѣть Ригю.»

Совѣты Паткуля нравились королю Августу, и онъ рѣшился слѣдовать имъ. Начались переговоры, сначала съ датскимъ королемъ Христіаномъ V, потомъ съ Петромъ. Паткуль дѣятельно принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ; онъ бывалъ и въ Лифляндіи, и въ Даніи, и въ Польшѣ; получилъ отъ лифляндскаго дворянства договоръ, по которому Ливонія навѣки присоединялась къ Польшѣ, удерживала за собою право присылать депутатовъ въ польскій сеймъ, содержать свое собственное войско, и во внутреннемъ управленіи рѣшать дѣла по своимъ собственнымъ законамъ и нравамъ. Кромѣ явнаго договора былъ еще тайный: ливонское рыцарство признавало надъ собою верховную власть короля Августа и его потомковъ, даже и въ такомъ случаѣ, ежели бы онъ пересталъ быть польскимъ королемъ.

Въ Москву Паткуль пріѣхалъ тайно, видался съ Петромъ, и легко уговорилъ его къ союзу съ Польшей и съ Даніей противъ Швеціи; это было тѣмъ легче, что у Петра уже утвердилась мысль проникнуть до Балтійскаго моря и на немъ стать твердою ногою; но для начала военныхъ дѣйствій ему необходимо было сперва помириться съ Турціей, чтобы отозвать оттуда войска и двинуть ихъ на Швецію. Польскій король обѣщался дать свои лучшія саксонскія войска и самъ лично напасть на такую точку, куда бы шведы поневолѣ сосредоточили всѣ свои силы и тогда царю удобно будетъ дѣйствовать съ своей стороны; но главное условіе заключалось въ томъ, чтобы соблюдена была глубочайшая тайна.

Петръ въ точности сохранилъ тайну; явилось шведское посольство отъ имени молодаго короля Карла XII, чтобы подтвердить старинный мирный договоръ. Петръ принялъ посольство съ обыкновеннымъ церемоналомъ, увѣрилъ, что мирный договоръ не будетъ нарушенъ, но креста на этомъ не цѣловалъ и не клялся, говоря, что договорныя статьи не измѣнились и въ соблюденіи ихъ Петръ уже клялся прежнему королю Карлу XI. Послы отправились домой и повезли съ собою только одну, да и ту непріятную статью: они повезли съ собою требованіе отъ русскаго правительства въ

удовлетвореніи «за оскорбленія, нанесенныя въ Ригѣ великому посольству, при которомъ находился самъ царь».

Между тѣмъ турецкія дѣла еще тянулись и Петръ заключилъ съ Августомъ тайный наступательный союзъ противъ Швеціи. Августъ обѣщался начать войну, съ саксонскими войсками вступить въ Ливонію и уговорить поляковъ принять участіе въ войнѣ; царь обязывался вступить въ Ингрію и Карелію *тогда послѣ заключенія мира съ Турціей*, не позже апрѣля 1700 года, а до того времени, ежели миръ не будетъ еще подписанъ, то послать Августу вспомогательное войско подъ видомъ наемнаго. Если же съ Турціей вовсе нельзя будетъ заключить мира, и Августъ не захочетъ одинъ вести войны, то царь обязывался всѣми способами помирить его съ Швеціей.

Петръ смотрѣлъ на начинающуюся борьбу съ Швеціей, какъ на начало новой жизни для Россіи; онъ предвидѣлъ, что съ той минуты, когда въ его рукахъ будетъ, хотя бы клочекъ Балтійскаго берега, онъ войдетъ въ прямыя сношенія съ государствами западной Европы и Россія пріобрѣтетъ между ними почетное мѣсто. Наступало новое столѣтіе, 1700 годъ; Петръ хотѣлъ, чтобы съ началомъ его и самое лѣточисленіе измѣнилось въ Россіи; до тѣхъ поръ года считали отъ сотворенія міра, а Петръ хотѣлъ, чтобы подобно остальнымъ европейскимъ государствамъ, новый годъ считали отъ Рождества Христова и не съ 1 сентября, какъ до сихъ поръ, а съ 1 января.

Съ этою цѣлью 20 декабря былъ изданъ указъ, чтобы новый годъ, по примѣру всѣхъ остальныхъ христіанскихъ державъ считать съ 1 января, 8 дней послѣ Рождества Христова; чтобы въ этотъ день поздравляли другъ друга съ Новымъ годомъ и съ началомъ новаго столѣтія, чтобы на главныхъ московскихъ улицахъ дома были украшены сосновыми, еловыми и можжевельновыми вѣтками; когда же на Красной площади зажгутъ фейерверкъ и начнутъ стрѣлять изъ пушекъ и изъ ружей, то во всѣхъ крупныхъ строеніяхъ, какъ военныхъ людей, такъ и дворянъ и купцовъ стрѣлять изъ ружей и пускать ракеты; кромѣ того повсюду, гдѣ мѣсто удобное, отъ 1 до 7 января, зажигать костры и смоляныя бочки.

Очевидецъ пишетъ, что пушечная пальба изъ 200 орудій на Красной площадіи и изъ мелкихъ ружей по частнымъ дворамъ не

умолкала цѣлую недѣлю. Ночью горѣли огни, и трещали, и лопа-лись ракеты. Торжество окончилось только 6 января крестнымъ ходомъ на Иордань. Вопреки старинному обычаю, царь не шелъ за духовенствомъ въ царскомъ облаченіи, какъ это изстари велось, но въ мундирѣ стоялъ при своемъ полку на Москвѣ-рѣкѣ. Тутъ же находились новые солдатскіе полки, набранные, вмѣсто уничтожен-ныхъ стрѣльцовъ, 12,000 хорошо вооруженные и красиво одѣтые. Но лучше и красивѣе всѣхъ былъ царскій *лейбъ-регіментъ* (Пре-ображенскій полкъ) въ темнозеленыхъ кафтанахъ съ золотыми га-лунами и пуговицами.

Боярамъ, царедворцамъ и служащимъ людямъ 4 января данъ былъ указъ явиться тоже въ новомъ костюмѣ, въ венгерскихъ каф-танахъ; ежели кто не успѣетъ себѣ сшить новой одежды, къ 6-му января, тому давался срокъ до масляной. Къ лѣту же, всѣ обяза-ны были одѣться въ саксонскіе кафтаны. Придворные, приказные и знатнѣйшіе купцы явились 6-го января въ красивыхъ венгер-скихъ костюмахъ и съ нѣкоторымъ удивленіемъ и любопытствомъ поглядывали другъ на друга; бородъ, какъ мы говорили, по большей части у молодыхъ людей уже не было, остались одни усы и пото-му въ боярахъ въ короткихъ кафтанахъ, обритыхъ, причесанныхъ, никто не могъ бы узнать длиннобородыхъ и длиннополыхъ важ-ныхъ и медленныхъ сановниковъ прошедшаго столѣтія.

Новизна одежды коснулась и дамъ, имѣвшихъ пріѣздъ ко двору; онѣ могли являться не иначе, какъ въ нѣмецкомъ платьѣ—въ ро-бронахъ и фижмахъ. Первый примѣръ подали сестры царскія. Вскорѣ распоряженія о перемѣнѣ костюма распространились и на прочія сословія; на купчихъ, стрѣлецкихъ женъ, солдатокъ, и женъ священниковъ и дьяконовъ.

Въ одно время съ перемѣной одежды, Петръ перемѣнилъ и мо-нету. Какъ мы говорили, онъ еще во время своихъ посѣщеній на ан-глійскомъ монетномъ дворѣ задумалъ перемѣнить монету въ Россіи, но привелъ это въ исполненіе только въ 1700 году. До тѣхъ поръ единственная монета въ обращеніи—были серебряныя копѣйки, т. е. кованныя пластинки неправильной, овальной формы; на одной сторо-нѣ былъ грубо сдѣланъ скачущій всадникъ, на другой имя государя, при которомъ чеканилась монета. Встарину копѣйки были гораздо тяжелѣе, а именно въ XVI вѣкѣ, онѣ вѣсили отъ 17 до 18 до-

лей, а при Петрѣ только отъ 6 до 7 долей серебра. Ихъ чеканили изъ серебра, привезеннаго въ слиткахъ, или изъ заграничной серебряной монеты, тоже перечеканивали старинныя болѣе тяжелыя копѣйки на новыя легкія; это было очень выгодно для казны.

Чеканка не требовала большаго знанія дѣла; она и при Петрѣ производилась не лучше того, какъ при Димитріи Донскомъ. Серебро плавилъ въ тигелѣ, отливали его въ видѣ прутевъ, изъ нихъ тянули проволоку опредѣленной толщины, потомъ дѣлили ее на ровные куски, сообразно съ вѣсомъ, назначеннымъ правительствомъ и наконецъ разсѣкали на мелкіе куски, по возможности ровные на глазомѣрѣ, чеканщики молоткомъ расплющивали кусочки проволоки въ видѣ неправильныхъ кружковъ, или пластинокъ, накладывали кружки на стальной пунсонъ, (штамбъ) представлявшій скачущаго всадника, вдѣланный въ наковальню, прикрывали пластинку другимъ пунсономъ, на которомъ были вырѣзаны титулъ и имя царя, ударяли молоткомъ и монета была готова. Кружки своею неправильною формою часто не закрывали всего пунсона, ихъ по большей части клали небрежно, оттого лошадь подъ всадникомъ выходила, или безъ ногъ, или безъ головы, или безъ хвоста, или всадникъ безъ головы, а въ надписи не доставало нѣсколькихъ буквъ.

Иностранную серебряную монету, иногда не переплавляли, а принимали за извѣстную цѣну въ казну, разрубали на части, къ каждой прикладывали клеймо и пускали въ оборотъ почти вдвое дороже, чѣмъ слѣдовало.

По мѣрѣ того, какъ дѣйствительная цѣнность монетъ падала, стоимость предметовъ возвышалась, такъ на примѣръ то, что прежде можно было купить за 10 копѣекъ при Алексѣѣ Михайловичѣ стоило уже 150 копѣекъ, оттого, что вмѣсто серебряныхъ копѣекъ начали чеканить мѣдныя; серебряныя куда-то исчезли, пропали, а въ обращеніи осталась одна мѣдная монета. Но царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ отмѣнить мѣдную монету, замѣнить ее серебряными копѣйками, рубленныхъ иностранныхъ монетъ не употреблять больше и при Петрѣ ходили одни только серебряныя копѣйки. Но расчеты всѣ производились рублями, алтынами и деньгами, хотя рублей и алтына, деньги, какъ монеты не существовало; на примѣръ купецъ продавалъ товару на 264 копѣйки, а онъ покупателю говорилъ 2 рубля 21 алтынъ 2 деньги; деньга хотя и существовала, какъ

монета, но ея было такъ мало, что она обыкновенно замѣнялась или кожанымъ знакомъ или копѣйкою, разрубленною на двѣ, или на три доли.

Отъ недостатка крупной и мелкой монеты торговля терѣла при своихъ заграничныхъ оборотахъ, даже казна теряла, а простой бѣдный классъ народа страдалъ больше всего: къ тому же монету обрѣзывали, оскабливали и тѣмъ уменьшали ея цѣнность.

Чтобы устранить всѣ ощутительныя неудобства отъ несовершенства русской монеты, Петръ далъ новое основаніе нашей монетной системѣ; онъ ввелъ въ нее и золото, и серебро, и мѣдь, но при этомъ наблюдалъ, чтобы и стоимость ея была довольно близкая къ дѣйствительной; началъ онъ съ мелкой размѣнной монеты. Для этого онъ приказалъ начеканить денежки, полушки и полуполушки; для каждой изъ этихъ монетъ, по образцу иностранному, была сдѣлана особая форма: изъ серебра дѣлали полтинники, полуполтинники, гривенники и позже рубли; изъ золота червонцы одинокіе и двойные. Изъ одного фунта серебра чеканили монеты на 15 рублей; изъ одного фунта мѣди—чеканили монетъ на 60 денегъ, или 30 копѣекъ; изъ этого видно, что одна мѣдная копѣйка была въ 45 разъ тяжелѣе серебряной.

Такимъ образомъ Петръ ничего не упустилъ, чтобы подготовить народъ свой къ сношеніямъ съ западными государствами и чтобы они не слишкомъ страдали отъ невыгоднаго сравненія съ ними.

При такихъ обстоятельствахъ начался 1700 годъ; Августъ торопился начать войну съ Швеціей и торопилъ Петра, но Петръ отвѣчалъ: миръ съ Турціей еще не заключенъ. Августъ не смотря на это двинулъ свои саксонскія войска въ Ливонію и взялъ Дюнамюнде, но Ригѣ ничего сдѣлать не могъ: она была хорошо укрѣплена и не сдавалась. Второй союзникъ, датскій король, дѣйствовалъ успѣшнѣе: онъ занялъ Шлезвигъ-Гольштейнъ и герцогъ бѣжалъ въ Швецію, искать помощи и покровительства. Петръ, третій союзникъ, на всѣ понужденія пословъ Августа отвѣчалъ: «войска двину на другой день послѣ того, какъ получу извѣстіе о мирѣ съ турками.» Но чтобы не остаться въ бездѣйствіи, для переговоровъ отправилъ посольство въ Швецію.

Августъ лично поторопился къ Ригѣ, но отъ этого осада не по-

шла успѣшнѣе. Наконецъ 8 августа Петръ получилъ отъ Украинцева вѣсть, что миръ съ Турціей утвержденъ; на другой день, 9 августа, Петръ приказалъ своимъ войскамъ выступать къ Нарвѣ и извѣстить о томъ своего союзника Августа; но тотъ уже охладѣлъ къ дѣлу, а датскій король еще болѣе, вслѣдствіе столкновенія съ такимъ противникомъ, каковъ былъ Карль XII.

Карль XII былъ ровно на 10 лѣтъ моложе Петра; и въ немъ съ самаго малолѣтства выказывалась исключительная натура. Онъ отличался удалью, безразсудною храбростью; онъ нарочно отыскивалъ опасности и тѣшился ими. Въ ранней молодости его порывы и безразсудства дѣлали его неприятнымъ для людей въ нему близкихъ. Особенно надосадила онъ всѣмъ, когда ему было 15 лѣтъ и онъ сошелся съ женихомъ своей сестры герцогомъ Голштейнъ-Готторпскимъ Фридрихомъ III. Карль и Фридрихъ были неразлучны, и наклонности у нихъ были одинаковыя; продѣлкамъ ихъ не было конца, то они потѣшались охотой съ собаками и трубными звуками въ залѣ, назначенной для государственнаго сейма, то устраивали торжественный въѣздъ въ Стокгольмъ съ многочисленной свитой верхомъ, въ однихъ рубашкахъ, съ мечами на-голо; при неистовыхъ крикахъ, шумѣ и гамѣ неслись по улицамъ; то съ хмѣльной ватагой отправлялись ночью по городскимъ улицамъ и разбивали стекла. Иногда потѣшались тѣмъ, что невзначай бросались на придворныхъ пажей, несшихъ кушанье, срывали съ нихъ парики, вышибали изъ рукъ миски и блюда и хохотали до слезъ, когда тѣ чуть не со слезами уходили испачканные, обожженные; иногда, въ порывѣ своеволія, ломали дорогую мебель, выбрасывали ее изъ оконъ. Однажды ворвались въ церковь, изломали и исковеркали всѣ скамейки и хохотали надъ тѣмъ, что прихожане должны были молиться стоя. Друзья нѣсколько дней сряду потѣшались тѣмъ, что приказывали загонять въ дворцовыя залы телятъ и барановъ и саблями рубили имъ головы; полъ и стѣны дворца были обрызганы и залиты кровью. Потѣхи эти отбили 16 лѣтняго Карла отъ всякихъ занятій; нѣкоторые достойные приближенные вельможи пытались образумить его, но онъ только сердился и выталкивалъ ихъ изъ комнаты. Народъ ропталъ; говорили что Фридрихъ нарочно портить и развращаетъ Карла, чтобы погубить его и самому занять его мѣсто.

Общество имъ противодѣйствовало: со всѣхъ сторонъ являлись

письма, упрекавшія Карла за его поведеніе; три проповѣдника, въ трехъ различныхъ церквахъ говорили сильныя проповѣди на одинъ и тотъ же текстъ: «Горе странѣ, въ которой *правитель юнъ*!» Все это раздражало Карла и *повидимому* ни къ чему не вело: но когда герцогъ уѣхалъ изъ Швеціи, Карлъ совершенно измѣнился; сдѣлался сдержанъ, серьезенъ, дѣятеленъ; онъ занимался такъ много и съ такимъ жаромъ, что не было возможности уговорить его, хоть немного отдохнуть и развлечься; но потомъ вдругъ, безъ всякаго видимаго повода, опять предался удовольствіямъ—баламъ, маскарадамъ, театрамъ, однимъ словомъ, молодыя силы бушевали и кипѣли въ молодомъ королѣ и не находили себѣ дѣятельности.

Герцогъ Фридрихъ между тѣмъ, надѣясь на помощь Швеціи, ссорился съ своимъ ближайшимъ сосѣдомъ, Даніей, и своими незаконными поступками вызвалъ Данію на враждебныя дѣйствія. Непріязнь разгоралась: Данія не боялась ни Гольштиніи, ни Швеціи, потому что заключила наступательный союзъ съ Августомъ и Петромъ. Датскія войска вступили въ Гольштинію, заняли ее; Фридрихъ бѣжалъ въ Швецію къ Карлу и объявилъ ему, что отдаетъ себя и свою страну подъ его покровительство.

— Я буду вашимъ покровителемъ, отвѣчалъ Карлъ, хотя бы это мнѣ стоило короны! Жребій былъ брошенъ: господствующая, но еще не сознанныя страсть Карла проснулась; онъ жаждалъ завоеваній; ему хотѣлось военной славы; онъ хотѣлъ сравняться славою съ своими воинственными предками; онъ считалъ себя непобѣдимымъ съ своими храбрыми, испытанными солдатами. Государственный совѣтъ противился войнѣ, но Карлъ далъ своимъ войскамъ приказаніе двинуться изъ Помераніи въ Гольштинію. Въ это время пришло извѣстіе, что явился второй врагъ: король Августъ осадилъ Ригу. Извѣстія это получилъ Карлъ на охотѣ; онъ не показалъ ни малѣйшаго волненія, улыбаясь обернулся къ французскому посланнику и сказалъ: «Скоро мы заставимъ короля Августа убраться во-сво-яси». По возвращеніи въ Стокгольмъ онъ въ государственномъ совѣтѣ объявилъ: «я никогда не начну несправедливой войны, но справедливую окончу только тогда, когда врагъ мой будетъ лежать на землѣ, безъ силы и вполнѣ побѣжденный: сперва я покончу съ однимъ, а потомъ потолкую и съ другимъ».

Карла удерживали въ Стокгольмѣ, но онъ вечеромъ 13 апрѣля

1700 года попрощался съ своею бабушкою, двумя сестрами и сказалъ, что ѣдетъ въ загородный дворець Кунглеръ. Ночью король дѣйствительно выѣхалъ изъ Стокгольма, но только не для увеселеній; онъ послѣшилъ на мѣсто военныхъ дѣйствій. Онъ съ 15,000 войска совершенно неожиданно переплылъ черезъ Зундъ и явился перёдъ Копенгагеномъ, почти совершенно беззащитнымъ. О сопротивленіи нечего было думать. Король согласился на миръ, призналъ полную независимость Голштиніи и обязался заплатить герцогу за военныя издержки 260,000 талеровъ. Договоръ былъ подписанъ 8 августа, въ тотъ самый день, когда Петръ получилъ извѣстіе о заключенномъ съ турками мирѣ и двинулъ свои войска къ шведской границѣ.

Паткуль и Августъ болѣе всего опасались, чтобы Петръ не овладѣлъ Нарвою, а Петръ именно на Нарву и на Нотебургъ (Орѣшекъ), направилъ свои войска; онъ хотѣлъ утвердиться на этихъ двухъ точкахъ, чтобы успѣшнѣе вести войну. Между Нарвой и Орѣшкомъ не было другихъ крѣпостей, и Петръ рассчитывалъ, что овладѣвъ ими, вся мѣстность между ними будетъ въ полномъ его распоряженіи. Нарва была важнѣе Нотебурга, потому что была ближе къ Ригѣ, осажденной Августомъ; вотъ почему Петръ прежде всего двинулся къ Нарвѣ.

Въ день, когда объявленъ былъ миръ съ турками, его праздновали въ Москвѣ великолѣпнымъ фейерверкомъ, баломъ и обѣдомъ. На слѣдующій день объявлена была война съ Швеціей, куда уже тянулись войска изъ Новгорода и другихъ мѣстъ. Война объявлена: «за многія неправды шведскаго короля, но особенно за то, что во время проѣзда посольства и вмѣстѣ съ нимъ государя черезъ Ригу, рижскіе жители и самъ губернаторъ были въ отношеніи ихъ невѣжливы и дѣлали имъ непріятности».

Посланникъ Августа и датскій посланникъ всѣми салами старались отклонить Петра отъ намѣренія идти къ Нарвѣ: но это оказалось бесполезно. Паткуль обрадовался извѣстію, что Петръ объявилъ войну Швеціи, но въ то же время встревожился извѣстіемъ, что наши войска идутъ къ Нарвѣ, откуда открывался путь въ Ревель и дальше, въ Ригу явилась возможность покорить всю Ливонію. Во всякомъ случаѣ онъ не хотѣлъ мѣшать движеніямъ русскихъ и только совѣтовалъ Августу взять всевозможныя мѣры

предосторожности, чтобы Ливонія не зависѣла отъ произвола этого могущественнаго союзника. О Нарвѣ спорить не совѣтоваль изъ опасенія раздражить Петра, у польскаго короля и у Паткуля было намѣреніе на первое время воспользоваться русскимъ оружіемъ противъ Швеціи, когда же потомъ въ немъ не будетъ больше надобности, то можно Петра, какъ нибудь отгѣснить отъ Балтійскаго моря; ежели же нельзя будетъ, то получить вознагражденіе со стороны Кіева. Но это все были предположенія, которыя никогда не осуществились.

Капитанъ бомбардирской роты Петръ Михайловъ выступилъ вмѣстѣ съ ротой Преображенскаго полка и шелъ съ нею до Твери. Здѣсь получилъ онъ непріятное извѣстіе, что Карлъ XII идетъ въ Ливонію съ 18,000 войска и готовится высадиться въ Пернау. Извѣстіе это обезпокоило Петра; но онъ не совсѣмъ довѣрялъ ему, потому что ему казалось невозможнымъ, чтобы датскій король былъ уже побѣжденъ.

Въ Новгородѣ Петръ рѣшился идти дальше къ Нарвѣ; извѣстій о Карлѣ XII не было, а между тѣмъ со всѣхъ сторонъ говорили, что Нарва плохо укрѣплена и взять ее не трудно. Походъ былъ рѣшенъ, но затрудненій было много: военныхъ запасовъ оказалось недостаточно; войска, по причинѣ распутицы, подвигались медленно и дорогое, невозвратное время уходило; подъ Нарвою собралось отъ 35 до 40,000 русскаго войска, изнуреннаго походомъ и недостаткомъ сѣѣстныхъ припасовъ: пушки оказались негодными. Еще въ Новгородѣ въ русскую службу поступилъ герцогъ де-Круа и часть войска ему отдана была подъ начальство.

Наконецъ 20 октября русскія батареи были готовы и открыли огонь по городу, а къ Ревелю отправленъ былъ отрядъ для наблюденія. Бомбардированіе Нарвы продолжалось, городъ нѣсколько разъ загорался; ожидали, что худо защищенный городъ немедленно сдаться; но пришло извѣстіе, что Карлъ XII высадился въ Пернау и подвигается къ Нарвѣ. И при этой осадѣ нашелся измѣнникъ, также, какъ при первой осадѣ Азова! Одинъ изъ иностранцевъ, Гуммеръ, вмѣстѣ съ Петромъ служившій въ Преображенскомъ полку и пользовавшійся особенною довѣренностію его, бѣжалъ въ Нарву, покинувъ въ Москвѣ жену и дѣтей; его изображеніе Петръ впослѣдствіи приказалъ повѣсить передъ его же домомъ.

Бомбардированіе Нарвы пришлось прекратить за недостаткомъ

пороха и бомбъ. Въ сѣстныхъ припасахъ и фуражѣ тоже былъ недостатокъ; резервныя войска не приближались, а между тѣмъ извѣстіе о высадѣ шведовъ съ каждымъ днемъ подтверждалось болѣе и болѣе—Петръ видѣлъ, что ему самому надобно немедленно спѣшить въ Новгородъ, чтобы двинуть продовольствіе и главное, чтобы лично увидѣться съ польскимъ королемъ Августомъ и условиться съ нимъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Ноября 17, въ день назначенный для выѣзда государя, въ укрѣпленный лагерь прибылъ Шереметевъ съ извѣстіемъ, что шведы съ своимъ королемъ приближаются. Петръ поручилъ главное начальство надъ арміею герцогу де-Круа; тотъ сначала отказывался, но Петръ, полагаясь на его военныя знанія, считалъ его способнѣе всякаго другаго встрѣтиться съ шведами, настоялъ на своемъ и герцогъ де-Круа принялъ начальство, а Петръ вмѣстѣ съ прежнимъ главнокомандующимъ Головинымъ уѣхалъ.

Карлъ быстро шелъ вслѣдъ за Шереметевымъ; на разсвѣтѣ 19 ноября съ 8,500 чел. войска явился передъ русскимъ укрѣпленнымъ лагеремъ. Приближеніе непріятельскихъ войскъ не мало встревожило русскихъ, но еще больше встревожило новобранныхъ солдатъ то, что ими начальствуютъ не русскіе, а иностранные офицеры. Главное начальство надъ войскомъ Петръ поручилъ герцогу де-Круа, а вторымъ послѣ него поставилъ Долгорукаго; между обоими были несогласія и ссора эта отозвалась въ распоряженіяхъ. Герцогъ де-Круа растянулъ все войско въ одну линію, по одному человѣку, чтобы разомъ защитить весь лагерь. Карлъ приближался очень быстро съ войскомъ, шедшимъ массою; погода была ужасная: сильнѣйшая вьюга съ снѣгомъ била прямо въ лицо русскимъ солдатамъ, изнуреннымъ недостаткомъ сѣстныхъ припасовъ, голодныхъ и холодныхъ, прозябшихъ отъ вѣтра и вьюги: у войска зимою не было теплой одежды.

Карлъ ударилъ всею массою своего войска на лагерь и безъ всякаго труда прорвалъ нашу растянутую линію. Испуганные русскіе солдаты смѣшались и первая мысль у нихъ была, что нѣмцы-офицеры и начальники измѣнили; они крикнули: «Нѣмцы измѣнили!» и вмѣсто того, чтобы сражаться съ шведами, принялись бить своихъ офицеровъ. Крикъ: «Нѣмцы измѣнили!» отнялъ послѣднее мужество у солдатъ и они побѣжали. Шереметевъ съ своею конницею бросился

вслѣдъ за бѣгущими и вплавь началъ перебираться черезъ рѣку Нарову; при этомъ утонуло до 1000 человекъ. Карлъ обрадовался бѣгству конницы; онъ болѣе всего опасался, чтобы она не налетѣла на него съ тыла и не смѣшала его полковъ; теперь всѣ опасенія исчезли и шведы съ большею силою погна́ли бѣгущую пѣхоту: она бросилась на мостъ, мостъ обломился и множество народу перетонуло. Послѣ этого солдаты совершенно перестали слушаться, крики: «нѣмцы измѣнили!» стали яростнѣе, и необузданная толпа съ ожесточеніемъ бросилась на своихъ офицеровъ. Увидѣвъ это, герцогъ де-Круа закричалъ: «Пусть самъ чортъ дерется съ такими солдатами!» бросился бѣжать вмѣстѣ съ другими иностранцами и отдался въ плѣнъ шведамъ. Все пространство между рѣкою и городомъ было покрыто нестройными, бѣгущими солдатами; остались на своихъ мѣстахъ только два полка, Преображенскій и Семеновскій: они огородились полковыми повозками, рогатками и чѣмъ попало, и изъ за этого укрѣпленія, не нарушая каре, продолжали стрѣлять до самой ночи. Кромѣ того отрядъ Вейде также твердо оставался на своемъ мѣстѣ и отбивался. Самъ Карлъ былъ въ переднихъ рядахъ шведовъ и своимъ мужествомъ воспалялъ войско; онъ лошадь свою увязилъ въ болотѣ и съ трудомъ высвободился самъ и пересѣлъ на другую; но и эту убили подъ нимъ; садясь на третью лошадь, онъ замѣтилъ: «Русскіе хотятъ меня, видно, упражнять въ верховой ѣздѣ.» Сраженіе прекратилось только по случаю совершенной темноты.

Побѣда была еще не окончательно рѣшена; Преображенскій и Семеновскій полки и отрядъ Вейде твердо стояли на своихъ мѣстахъ; между шведами былъ безпорядокъ, такъ, на примѣръ, два отряда въ мятелищѣ, не узнавъ другъ друга, долгое время сражались между собою и потеряли много людей. Ночью солдаты забрались въ русскій лагерь; въ оставленныхъ палаткахъ нашли много вина и такъ пили и пировали, что потеряли всякое сознаніе. Еслибы русскіе воспользовались этимъ мгновеніемъ, то могли бы вернуть то, что потеряли; но ими некому было распоряжаться; русскіе генералы не знали, гдѣ, что дѣлается, гдѣ отрядъ Вейде, что Преображенцы и Семеновцы, долго ли они могутъ продержаться?

Опасаясь, какъ бы со свѣтомъ не возобновилось сраженіе и какъ бы русскимъ не слишкомъ потерпѣть отъ него, генералы Долгору-

вій, кн. Имеретинскій, Головинъ и Бутурлинъ начали съ Карломъ переговоры о свободномъ отступленіи русскихъ войскъ за Нарову, отдавши шведамъ артиллерію. Карлъ радъ былъ избавиться отъ русскихъ и согласился, сказавъ: «Я позволяю русскимъ сохранить оружіе въ награду за храбрости, съ какою защищались». Вейде съ своимъ отрядомъ послѣдовалъ примѣру русскихъ генераловъ. Шведы немедленно принялись наводить мостъ и къ утру онъ былъ готовъ; когда стройные и твердые полки Преображенскій, Семеновскій и отрядъ Вейде переправились и слѣдовательно, ихъ опасаться нечего было, шведы нарушили свое слово: задержали генераловъ военноплѣнными и отобрали все оружіе у оставшихся по сю сторону солдатъ, а со многихъ, вмѣстѣ съ аммуниціей, срывали одежду; нарушили они договоръ подъ тѣмъ предлогомъ, зачѣмъ русскіе увезли съ собою денежную казну, тогда какъ о ней не было и разговора.

Карлъ торжественно вступилъ въ освобожденную имъ Нарву и привелъ съ собою 79 человекъ знатныхъ русскихъ военноплѣнныхъ, въ томъ числѣ 10 генераловъ; ему досталась вся русская полевая и осадная артиллерія, много знаменъ, ружей, обозъ и весь лагерь. Побѣда была вполнѣ блистательная; она совершенно отуманила голову молодого, 18 лѣтняго побѣдителя. Онъ началъ смотрѣть на себя, какъ на непобѣдимаго героя, самимъ Богомъ посланнаго въ міръ, какъ великаго завоевателя.

Русскихъ онъ презиралъ, какъ трусовъ и насмѣхался надъ ними; вотъ, что онъ писалъ въ одномъ письмѣ: «Нѣтъ никакого удовольствія биться съ русскими; они не сопротивляются, какъ другіе народы, а просто бѣгутъ; если бы Нарова была покрыта льдомъ, то намъ едвали удалось убить, хотя одного человека, всѣ бы убѣжали. Очень смѣшное зрѣлище было, какъ русскіе взбѣжали на мостъ, какъ онъ подъ ними проломился и они были поглощены водою, какъ Фараонъ Чернымъ моремъ, повсюду изъ воды высывались людскія и конскія головы, руки и ноги; наши солдаты стрѣляли ихъ, какъ дикихъ утокъ!»

При такомъ настроеніи Карла въ военномъ совѣтѣ начали разсуждать о томъ, какъ воспользоваться побѣдою: идти ли вслѣдъ за бѣгущими русскими полками, или двинуться къ Ригѣ на Августа. Колебаніе было непродолжительное: Карлъ считалъ Августа сильнѣе и опаснѣе русскихъ, онъ рѣшился сперва идти на него, раз-

бить его и лишить престола; управившись съ нимъ, онъ считалъ ничтожнымъ дѣломъ уничтожить презрѣнныхъ полудикарей—русскихъ.

Король дѣлалъ то, что ему казалось лучше; постороннихъ совѣтовъ онъ не слушалъ, генералы писали о немъ: «Король ни о чемъ больше не думаетъ, какъ о войнѣ; онъ чужихъ совѣтовъ не принимаетъ; онъ принимаетъ такой видъ, какъ будто Богъ непосредственно внушаетъ ему, что онъ долженъ дѣлать!» Нашъ король такъ крѣпко надѣется на помощь Божию, что съ 4000 человекъ не боится напасть на 60,000. Не смотря на холодъ, король еще не хочетъ отпустить насъ на зимнія квартиры. Думаю, еслибы у него было только 800 человекъ, онъ съ ними готовъ былъ бы вторгнуться въ Россію, не заботясь о томъ, чѣмъ будутъ питаться его 800 солдатъ. Если кого нибудь изъ нашихъ убиваютъ, это его нисколько не трогаетъ».

Современные льстецы по всей Европѣ разгласили о неслыханной чудесной побѣдѣ Карла; въ честь его писали стихотворенія, цѣлыя похвальные сочиненія, выбивали медали съ разными изображеніями и надписями. На одной медали былъ портретъ Карла съ надписью: *«истинна превосходитъ въроятіе»* superant superata fide). На другой—Карлъ низлагаетъ троихъ непріятелей, съ надписью: *«Наконецъ правое дѣло торжествуетъ»*. Кромѣ этихъ и другихъ медалей, были еще нѣкоторыя, выбитыя въ насмѣшку надъ Петромъ и съ кощунскими сближеніями съ исторіей апостола Петра: такъ на одной сторонѣ медали былъ представленъ царь Петръ, грѣющійся при огнѣ своихъ пушекъ, изъ которыхъ ядра и бомбы летѣли въ Нарву, съ надписью: *«Въ же Петръ стоя и грѣяся»*. На другой сторонѣ было изображено бѣгство русскихъ изъ подъ Нарвы; впереди скорѣе всѣхъ бѣжитъ Петръ, царская шапка падаетъ у него съ головы, шпага брошена; онъ платкомъ утираетъ слезы; надъ нимъ надпись: *«Измедъ вонъ плакася горько»!*

Но Петръ не плакалъ, оружія не бросалъ, а также, какъ послѣ неудачи подъ Азовомъ, думалъ о томъ, какъ бы лучше поправить дѣло. Первымъ распоряженіемъ его было привести въ порядокъ полки, въ *конфузи* отступавшіе отъ Нарвы. Ожидая преслѣдованія шведовъ, Петръ велѣлъ на-скоро укрѣпить пограничные города: Новгородъ, Псковъ и Печерскій монастырь, подъ Псковомъ. Работы за-

кипѣли съ лихорадочною торопливостію; всѣ жители должны были помогать солдатамъ: священники и монахи, мужчины, женщины и дѣти должны были таскать землю, рѣзать дернъ. Въ городѣ богослуженіе прекратилось во всѣхъ церквахъ, кромѣ соборной; городскія башни обсыпали землею и сверху обладывали дерномъ, укрѣпленія дѣлали земляныя; когда надобны были доски, для накатовъ бойницъ и т. п., то за неимѣніемъ готоваго лѣса раскрывали крыши домовъ. Горе тому, кто хотѣлъ при этихъ работахъ поживиться, копѣйкою; царь былъ вездѣ, все видѣлъ, все зналъ; онъ казнилъ виновнаго безъ дальняго суда и разбирательства. За лѣность и невниманіе онъ наказывалъ очень строго. Когда въ Печерскомъ монастырѣ Петръ своими руками заложилъ первое земляное укрѣпленіе близъ Святыхъ воротъ, онъ призвалъ къ себѣ подполковника Шеншина и приказалъ ему безотлучно быть при работахъ. Черезъ нѣсколько часовъ Петръ опять пришелъ на работу, не нашелъ Шеншина и узналъ, что онъ ушелъ тотчасъ вслѣдъ за нимъ; Петръ разсердился, велѣлъ его привести подъ конвоемъ и тутъ же на укрѣпленіи жестоко наказалъ его плетьюми и сослалъ въ Смоленскъ рядовымъ солдатомъ.

Укрѣпивши Псковъ, Печерскій монастырь и Новгородъ, Петръ дѣятельно занялся приведеніемъ войска въ порядокъ и вооруженіемъ его. Послѣ нарвскаго пораженія осталось 23,000 войска; Петръ приказалъ набрать новыхъ 10 драгунскихъ полковъ, по 1000 человекъ въ каждомъ; приказаніе было исполнено и весною они уже могли выступить въ Псковъ; набирали полки изъ охотниковъ. Артиллеріи не было; ее нужно было создать; но это было труднѣе, чѣмъ набрать солдатъ, людей было достаточно, а мѣди вовсе не было. Петръ нашелся; онъ далъ повелѣніе—со всего государства, во всѣхъ значительныхъ городахъ, съ церковей и монастырей собрать часть колоколовъ и перелить ихъ на пушки и мортиры. Мѣдь такимъ образомъ нашлась; надобно было тотчасъ приняться за отливку пушекъ: выборъ Петра палъ на дѣятельнаго, знающаго дѣло—надзирателя за артиллеріей, Виніуса. Одинъ только этотъ добрый, неутомимый, опытный старикъ могъ исполнить царскую волю и онъ ее исполнилъ превосходно: меньше чѣмъ въ одинъ мѣсяцъ было сдѣлано 300 отличныхъ пушекъ и при этомъ экономіи соблюдено 10,000 рублей. Но Виніусу при исполненіи этого труднаго порученія пришлось много

бороться съ невѣжествомъ мастеровъ, или съ ихъ пороками, пьянствомъ и буйствомъ. Чтобы на будущее время приготовить хорошихъ инженеровъ, артиллеристовъ, литейщиковъ и другихъ мастеровъ Виниусъ учредилъ школу, въ которой обучалось 250 мальчиковъ.

Когда всѣ полки послѣ нарвскаго пораженія собрались въ Новгородъ, царь начальство надъ войскомъ поручилъ Шереметеву; на мѣсто бывшихъ *нѣмецкихъ* (иностранныхъ) офицеровъ и полковниковъ, или бѣжавшихъ, или отдавшихся въ плѣнъ, или убитыхъ, назначилъ новыхъ, по большей части русскихъ. Шереметеву далъ приказаніе дѣлать частые и дальніе набѣги на Ливонію; преимущественно для этого употреблять конницу, съ которою теперь, при застывшихъ болотахъ и повернутыхъ льдомъ рѣкахъ, повсюду гладкая и удобная дорога. Никакихъ отговорокъ Петръ не допускалъ: людей и лошадей довольно; ежели будетъ отговорка — болѣзнь, то и она не принимается, потому что болѣзнь нажита поспѣшнымъ бѣгствомъ изъ подъ Нарвы.

Шереметевъ послалъ было отрядъ къ замку Маріенбургу, но шведы укрѣпили его и съ урономъ отбили русскихъ. Въ январѣ слѣдующаго 1701 года полковникъ Шлиппенбахъ съ отрядомъ приблизился къ Печерскому монастырю; но не доходя 15 верстъ до него встрѣтились съ русскими; произошла битва, шведы были отбиты, потеряли 60 человекъ убитыми и 25 плѣнныхъ, Шлиппенбахъ ушелъ; этимъ ограничились военныя дѣйствія; Шереметевъ не рѣшался далеко проникать въ Ливонію; только казаки дѣлали набѣги на сосѣднія деревни, все жгли, истребляли и болѣе 4000 жителей увели къ себѣ въ плѣнъ.

Для дальнѣйшихъ предпріятій Петру нужно было лично переговорить съ королемъ Августомъ и условиться съ нимъ, какъ дѣйствовать поэтому они съѣхались близъ Дюнабурга въ мѣстечкѣ Биржахъ, видались каждый день, вмѣстѣ обѣдали, ужинали, пировали и рѣшали дѣла; иногда пиры длились до утра и Августъ не всегда могъ являться къ обѣднѣ, но Петръ присутствовалъ при католическомъ богослуженіи, ко всему присматривался, обо всемъ разспрашивалъ; одинъ изъ польскихъ сенаторовъ, обманутый вниманіемъ царя, въ которомъ думалъ, что замѣчаетъ склонность къ католицизму, заговорилъ о соединеніи церкви римско-католической съ православною, но

Петръ выслушалъ его и отвѣчалъ: «Господь, дѣйствительно, далъ царямъ власть надъ народами; но надъ совѣстію человѣка властенъ одинъ Христосъ, и соединеніе церкви можетъ совершиться только по волѣ Божіей.»

Царь, не смотря на пиры, не упускалъ изъ виду главной цѣли своей поѣздки; онъ улаживалъ свои дружелюбныя отношенія къ Польшѣ и подготавливалъ дальнѣйшія военныя дѣйствія. Онъ отклонилъ всѣ претензіи поляковъ на Кіевъ и на приднѣпровскіе города, говоря, что этого никогда не уступитъ Польшѣ, что съ нея и того довольно, что уступаетъ ей Лифляндію и Эстляндію, а самъ довольствуется бѣднымъ ненаселеннымъ краемъ Ингрии и Кареліи. Послѣ долгихъ переговоровъ съ польскими сенаторами оказалось, что Польша по прежнему не хочетъ принимать участія въ войнѣ. За то съ Августомъ былъ подтвержденъ старый и заключенъ новый договоръ, по которому Петръ обязался прислать къ нему отъ 15 до 20,000 хорошо вооруженной пѣхоты и денегъ на устройство хлѣбныхъ магазиновъ, а въ Витебскъ доставить 10,000 ф. пороху и въ теченіе 3-хъ лѣтъ королю выплачивать по 100,000 рублей въ годъ. За это король всѣми силами обязывался отвлекать войска отъ Ингрии и Кареліи и предоставить Петру тамъ дѣйствовать. Кромѣ того былъ еще тайный договоръ, по которому Петръ давалъ Августу 20,000 рублей на то, чтобы награждать тѣхъ изъ вліятельныхъ людей въ Польшѣ, которые привлекутъ и самую Польшу къ этому союзу. Даниі положено дать знать о новомъ союзѣ.

Петръ поспѣшилъ въ Москву, чтобы тотчасъ выполнить условія. Денегъ въ казнѣ было мало, чего недоставало пополнили добровольныя пожертвованія, набрали сколько слѣдовало. Петръ все до копѣйки выплатилъ нарочно для того присланному генералъ-адъютанту короля и вслѣдъ за нимъ въ Лифляндію двинулся 20,000 корпусъ подъ начальствомъ князя Рѣпина. Генералъ, фельдмаршалъ Штейнау—начальникъ саксонскихъ войскъ Августа осмотрѣлъ русское войско близъ Кокгаузена, нашелъ его отличнымъ и писалъ: «въ цѣломъ войскѣ не больше 50 человѣкъ найдется негодныхъ; у всѣхъ хорошія мастихтскія ружья, у нѣкоторыхъ полковъ шпаги вмѣсто штыковъ. Они въ походѣ идутъ такъ хорошо и такъ тихо, что на нихъ нѣтъ ни одной жалобы; работаютъ очень прилежно, хорошо и скоро, безпрекословно исполняютъ всякое приказаніе.

Особенно хорошо то, что при войскѣ нѣтъ ни женщинъ, ни собакъ. Въ военномъ совѣтѣ московскій генераль Рѣпинъ жалуется, что саксонскія маркитантки ходятъ въ русскій лагерь и утромъ, и вечеромъ продаютъ солдатамъ водку, что очень вредно для солдатъ, приучаетъ ихъ къ пьянству. Генераль Рѣпинъ человекъ, лѣтъ сорока; въ войнѣ мало смыслить, но очень почтителенъ; полковники—нѣмцы, старые неспособные люди, а русскіе офицеры люди молодые, ничего не смыслящіе».

Вмѣсто того, чтобъ присоединить русскія войска къ саксонскимъ, Штейнау послалъ большую часть русскихъ строить укрѣпленія вдоль береговъ Двины, а къ Ригѣ призвалъ только четыре русскихъ полка. Готовность Петра дать Штейнау Рѣпина съ войскомъ въ полное распоряженіе проистекала изъ очень хорошей причины; онъ далъ нарочно молодые полки, чтобы они скорѣе и лучше научились военнымъ дѣйствіямъ при старомъ, опытномъ и хорошо обученномъ войскѣ, но вышло не такъ, какъ Петръ надѣялся.

Карль XII перезимовалъ въ Дерптѣ, усилилъ свою армію до 25,000 человекъ и весною, оставивъ въ Дерптѣ сильный корпусъ подъ начальствомъ генерала Шлиппенбаха, двинулся къ Ригѣ также быстро и также неожиданно, какъ напалъ на Нарву. Войско саксонское было поставлено вдоль Двины, чтобы помѣшать шведамъ переправиться черезъ нее, но Карль въ виду непріятелей, съ немовѣрною отвагою не только переправился, но искуснымъ движеніемъ напалъ на Штейнау и вполне разбилъ его; отнялъ всю артиллерію, весь лагерь, перебилъ 2,000 человекъ войска, и саксонская армія должна была отступить по направленію къ Ковно, а оттуда двинулась къ Пруссіи. Въ этомъ сраженіи русскихъ солдатъ было всего 4,000, остальные съ Рѣпинымъ оставались по Двинѣ и работали тамъ, какъ люди безотвѣтные, покорные.

Итакъ, Карль одержалъ вторую побѣду и этотъ разъ не надъ русскими, а надъ саксонцами. Онъ опять былъ въ нерѣшительности, куда направиться: въ Польшу, свергнуть Августа съ престола, или въ Россію докончить пораженіе Петра, потому что до него дошли слухи объ усиліяхъ царя возсоздать разбитую армію и отнятую артиллерію; но ненависть къ Августу переселила опасеніе, что презрѣнный непріятель ободрится. Карлу нужно было прежде всего наказать Августа; онъ смотрѣлъ на него, какъ на первую причину со-

юза и войны: онъ неоднократно говаривалъ: «поведеніе Августа такъ позорно, что заслуживаетъ мщенія отъ Бога и прирѣнія отъ всѣхъ благомыслящихъ людей.» На совѣтъ войти съ Августомъ въ сношенія и заключить съ нимъ союзъ, чтобы всею силою обрушиться на Россію, онъ отвѣчалъ: «Если король Августъ позволилъ себѣ надежды такой обманъ, то нельзя имѣть никакого довѣрія къ его обѣщаніямъ и войти въ сношенія съ человѣкомъ, который себя такъ обезчестилъ, значить причинить ущербъ собственной чести!» При такомъ настроеніи, для Карла былъ одинъ исходъ покончить войну съ Августомъ—низвергнуть его съ престола: и поэтому Карлъ рѣшился всѣми силами стремиться къ этой цѣли. Для Петра Августъ такимъ образомъ дѣлался неоцѣненнымъ союзникомъ; онъ отвлекалъ шведовъ отъ него и далъ ему время твердо преслѣдовать свою цѣль: ободрить свои войска, доставивъ имъ нѣсколько болѣе, или менѣе важныхъ побѣдъ, послѣ которыхъ они начали бы больше до-вѣрять своимъ силамъ и меньше опасались непобѣдимости шведовъ.

ГЛАВА XVIII.

Первые успѣхи русскихъ въ войнѣ съ Швеціей. Побѣда при Эрестферѣ и Гуммельсгофѣ. Взятіе Маріенбурга. Екатерина Алексѣевна. Петръ въ Архангельскѣ. Походъ въ Ладогѣ и въ Невѣ. Взятіе Нотебурга. Покореніе Ніеншанца. Первая морская побѣда.

Когда Карлъ XII съ своими главными силами двинулся къ Ригѣ и оттуда, вслѣдъ за саксонскими войсками, Шереметевъ въ концѣ 1701 года началъ наступать на шведовъ въ самой Ливоніи.

Послѣ неудачной попытки русскихъ напасть на шведскія войска, Шлиппенбахъ расположился на зимнія квартиры близъ Эрестфера; но чтобы развѣдывать, что дѣлается близъ русской границы, отправилъ отрядъ въ 600 человекъ съ маіоромъ Розеномъ; весь отрядъ былъ истребленъ и спасся только одинъ поручикъ, который принесъ печальную вѣсть въ шведскій лагерь; русскимъ отрядомъ командовалъ сынъ Шереметева.

Послѣ этой первой удачи, Шереметевъ и самъ двинулся, чтобы потревожить Шлиппенбаха въ его зимнихъ квартирахъ. Трое сутокъ шелъ онъ осторожно, по сугробамъ снѣга, по неѣзженнымъ и непроходимымъ дорогамъ, чтобы незамѣтно подойти къ шведамъ. Декабря 27 шведскій полковникъ Паленъ замѣтилъ небольшое волнение на противоположномъ берегу рѣки *Аа* и извѣстилъ о томъ Шлиппенбаха, но эту тревогу почли только нападеніемъ какихъ нибудь летучихъ казачьихъ отрядовъ, какъ это уже нѣсколько разъ бывало. На другой день подполковникъ Платеръ далъ знать въ главную квартиру, что появились русскіе. Шлиппенбахъ тотчасъ вы-

лалъ на нихъ отрядъ въ 300 человекъ и приказалъ своимъ войскамъ стягиваться къ Эрестферу.

На зарѣ 29 декабря русскій авангардъ встрѣтился съ однимъ отрядомъ, окружилъ его и почти весь истребилъ, взявши въ плѣнъ начальниковъ; вслѣдъ за тѣмъ, близъ главной квартиры, попалъ на баталіонъ и тоже истребилъ его до послѣдняго человекъ. Генералъ Шлиппенбахъ собралъ всѣ войска, какія были у него подъ руками, захватилъ 6 пушекъ и бросился навстрѣчу къ непріятелю. Произошла упорная битва, но русскіе отступали къ своимъ главнымъ силамъ; Шлиппенбахъ съ своей стороны тоже отступилъ къ своей главной квартирѣ, онъ догадывался, что передъ нимъ былъ не одинъ только авангардъ и началъ готовиться къ главному нападенію; онъ стягивалъ къ себѣ всѣ свои полки.

Не успѣли шведы занять своихъ мѣстъ и приготовиться, какъ вся русская армія показалась. Началась битва, которая продолжалась четыре часа; у шведовъ осталось мало зарядовъ; Шлиппенбахъ былъ окруженъ русскими; онъ рѣшился пробиться съ остатками своего войска: для этого приказалъ артиллеріи и пѣхотѣ идти впередъ, а конницѣ сзади удерживать натискъ. Лишь только артиллерія и пѣхота двинулись, какъ испуганная конница, ни на что не обращая вниманія, кинулась вслѣдъ за ними и беспорядочной толпой бросилась бѣжать, смяла пѣхоту, предоставивъ ей защищаться, какъ можетъ; вся пѣхота была истреблена, спаслись только нѣсколько офицеровъ. Шлиппенбахъ бѣжалъ изъ Эрестфера, за нимъ гнались русскіе болѣе тридцати верстъ отъ мѣста сраженія. Шведы потеряли больше 3000 чел. убитыми и 350 чел. плѣнными, въ томъ числѣ много полковниковъ и офицеровъ, 6 полевыхъ орудій и 8 знаменъ.

Казаки разсыпались по Ливоніи и производили ужасныя опустошенія—жгли, грабили, истребляли жителей и уводили ихъ въ плѣнъ.

Петръ невыразимо обрадовался этой первой крупной побѣдѣ надъ шведами; онъ воскликнулъ: «Славу Богу, мы можемъ наконецъ бить шведовъ!» Онъ призвалъ своего любимца Александра Меншикова и съ нимъ послалъ награды въ войско. Шереметева возвелъ въ генералъ-фельдмаршалы и послалъ ему орденъ Андрея Первозваннаго и свой портретъ, осыпанный брильянтами; всѣмъ офицерамъ далъ слѣдующій чинъ и денежную награду на солдатъ, по одному рублю изъ вновь отчеканенной монеты.

Въ Москвѣ праздновали побѣду молебствіемъ въ Успенскомъ соборѣ, пушечною стрѣльбою изъ 100 орудій въ теченіе цѣлаго дня; шведскія знамена и штандарты развѣвались на кремлевскихъ стѣнахъ; на площадь для народа выкатили бочки съ виномъ, медомъ и пивомъ; вечеромъ былъ большой фейерверкъ.

Плѣнныхъ шведовъ размѣстили въ Нѣмецкой слободѣ, преимущественно въ домѣ, принадлежавшемъ измѣннику Гуммерту. Шереметевъ просился у государя въ Москву; онъ писалъ: «Жена живетъ на чужомъ подворьѣ, надобно ей домъ сыскать и устроить, гдѣ бы ей можно было голову приклонить». Петръ не согласился на отпущку и далъ повелѣніе разорять Ливонію, чтобы шведамъ было неудобно вести въ ней войну, кормиться и укрѣпляться въ ней. Шереметевъ вновь просился въ Москву, чтобы переговорить о важныхъ дѣлахъ. Позволеніе пріѣхать на одну недѣлю было дано и по истеченіи ея тотчасъ же Петръ велѣлъ ему ѣхать обратно, потому что до него дошли слухи, будто Карлъ готовится возвратиться изъ Помераніи съ войскомъ въ 10,000 человекъ, поэтому нужно его предупредить и какъ можно больше разорить край и истребить шведовъ.

Шереметевъ узналъ, что Шлиппенбахъ съ 8 тысячами конницы и пѣхоты стоитъ на мызѣ Сагницъ; Шереметевъ двинулся на него съ цѣлой арміей; Шлиппенбахъ отступилъ за рѣку Эмбахъ; но русскіе настигли его при Гуммельсгофѣ: первый ударъ русскихъ былъ опрокинутъ, но имъ на помощь пришелъ Преображенскій полкъ съ драгунами, но послѣ жестокаго боя должны были уступить отчаянной храбрости шведовъ, и отступили, потерявъ пушки, знамена и обозъ. Шведы преслѣдовали ихъ и казалось, что сраженіе выиграно, но Шереметевъ послалъ еще подкрѣпленіе и вслѣдъ за нимъ двинулъ всю свою армію, которая со всѣхъ сторонъ напала на шведовъ; здѣсь повторилось тоже, что было при Эрестферѣ, конница бросилась бѣжать, смяла пѣхоту и оставила ее на произволь судьбы; Шлиппенбахъ съ конницею бѣжалъ въ Пернау, а вся пѣхота была истреблена, или взята въ плѣнъ; убитыхъ со стороны шведовъ было 5,500 человекъ, 300 взято въ плѣнъ; 15 пушекъ, 16 знаменъ и 25 барабановъ, множество оружія и обозъ.

Послѣ этой побѣды Лифляндія осталась безъ защиты; Шереметевъ съ своимъ войскомъ началъ разрушать одинъ за другимъ замки, построенные еще рыцарями Ливонскаго ордена, жители по-

гибали подъ ихъ развалинами; деревни пылали, крестьянъ уводили въ неволю, слабыхъ, больныхъ убивали, старыхъ женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей тоже убивали, чего нельзя было брать съ собою рубили, жгли и истребляли. Лифляндія была залита кровью и лежала въ развалинахъ: ужасное дѣло! сердце содрогается при описаніи его. Долгое время несчастная страна не могла поправиться, и нѣсколько лѣтъ спустя въ зараженномъ воздухѣ были такія вредныя частицы, что сдѣлалась чума. Многіе замки со времени похода Шереметева и до сихъ поръ лежатъ въ развалинахъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ: въ Ригѣ, Пернау и Дерптѣ были еще шведскіе гарнизоны, но они были такъ малочисленны, что не могли сопротивляться русскимъ и не могли защищать бѣдствующаго края.

Замки истреблялись одинъ за другимъ, города сравнивались съ землею, жителей уводили въ неволю тысячами; долѣе другихъ сопротивлялся Мариенбургъ, старинный и хорошо укрѣпленный городъ на островѣ озера Пойнъ, или Мариенбургскомъ. Шереметевъ съ своею арміею 12 дней осаждалъ его; бросалъ въ него бомбы и ядра, но приступомъ взять не могъ, потому что вода была кругомъ и единственный мостъ, ведущій въ городъ, былъ разрушенъ. «Хотя Богъ и не допуститъ взять крѣпости, писалъ онъ царю, но я разорю и выжгу ее на сколько бомбы помогутъ; долго стоять подъ Мариенбургомъ мнѣ нельзя: кормы для кавалеріи, версты на 30 кругомъ, истреблены; все выжжено, хлѣба для солдатъ достать неоткуда; лошади исхудали, еле ноги волочатъ; половина пѣхоты въ конецъ обезхлѣбила, патаются какъ тѣни; Богъ питаетъ шведскимъ мясомъ».

На другой день послѣ этого донесенія Мариенбургъ, однакожь, былъ взятъ штурмомъ. Такъ какъ мостъ былъ сожженъ и истребленъ, фельдмаршалъ приказалъ сдѣлать плоты и на нихъ съ двухъ сторонъ идти на приступъ. Самые отважные охотники поплыли на нихъ къ городу; со стѣнъ гремѣли выстрѣлы, на плотяхъ живые убивали мертвыхъ, но это не останавливало ихъ и на выстрѣлы осаждающіе отвѣчали выстрѣлами; когда плоты были уже близко къ крѣпости, двѣ русскія бомбы упали въ пороховую камеру, ихъ разорвало и крѣпостная стѣна на пять сажень въ длину обвалилась, оставивъ войскамъ свободный проходъ.

Шведы забарабанили и вывѣсили бѣлый флагъ, въ знакъ того,

что хотять вступитъ въ переговоры о сдачѣ. Шереметевъ увидѣлъ, что шведы оробѣли и приказалъ сказать имъ, что требуетъ безусловной покорности и приказалъ возобновить стрѣльбу изъ пушекъ: между тѣмъ русскіе полки пристали къ острову и готовились къ приступу. Крѣпостные ворота отворились и комендантъ съ офицерами, инженеромъ и аптекаремъ вышли и отдались военноплѣнными: но крѣпость не сдавалась: прапорщикъ Вульфъ, штыкъ-юнкеръ Готшлихъ и нѣсколько солдатъ продолжали отстрѣливаться; фельд-маршалъ приказалъ стрѣлять бомбами; тогда опять отворились ворота и вышли остальные солдаты съ прапорщикомъ и остатками жителей и отдались въ плѣнъ; остался одинъ только штыкъ-юнкеръ Готшлихъ; выждавъ, когда русскіе начали входить въ городъ, онъ поджегъ пороховой погребъ и взорвалъ его вмѣстѣ съ стѣнами. «Едва Богъ спасъ и насъ, писалъ Шереметевъ Петру, слава Вышнему, что мостъ былъ разрушенъ, иначе много изъ нашихъ погибло бы. И того жаль, что много всякаго добра пропало: одного хлѣба въ магазинахъ сожжено 1500 пудовъ. Не только мы, но и плѣнные *того проклятаго* клянуть!»

Августа 31 Шереметевъ донесъ Петру, что онъ долженъ возвратиться въ Псковъ; весь край въ конецъ разоренъ, нигдѣ нѣтъ ни жителей, ни одного зерна хлѣба, ни одной былинки травы, все истреблено; лошадей не стало, не на чемъ возить пушекъ, люди обезсилѣли отъ голода, а плѣнныхъ столько, что не достаетъ возможности кормить ихъ и отсылать въ Россію. Желаніе, Петра было выполнено, кажется, даже слишкомъ усердно!

Больше другихъ войскъ поживились при грабежѣ казаки, но они были недовольны; имъ было мало. Возвратившись въ свои деревни, они жаловались на трудность царской службы, на то, что попортили лошадей, что имъ досталось мало добычи и царскаго жалованья недостаточно на содержаніе. Гетманъ Мазепа извѣщалъ объ этомъ Петра и жаловался на то, что у казаковъ русское войско отбирало пушки, ими захваченныя и другую военную дабычу, которую по стариннымъ правамъ они всегда увозили съ собою. Петръ велѣлъ разобрать жалобы и удовлетворить казаковъ. Поведеніе Мазепы въ это время было уже очень двусмысленно; какихъ совѣтовъ у него ни спрашивали, чтобы умиротворить казаковъ, какъ украинскихъ такъ и запорожскихъ, но онъ отдѣлывался пустыми словами, гово-

рилъ, что самъ опасается неудовольствія казачьяго войска и проситъ, для своей личной защиты, усилить въ Батуринѣ стрѣлецкій гарнизонъ.

Штурмъ Маріенбурга для насъ имѣетъ особенное значеніе: вмѣстѣ съ военноплѣнными изъ города вышелъ лифляндскій пробстъ, Глюкъ, одно изъ главныхъ духовныхъ лицъ лютеранскаго народонаселенія Лифляндіи. Вмѣстѣ съ нимъ въ плѣнъ попалась его воспитанница, семнадцатилѣтняя красавица, сдѣлавшаяся впоследствии супругою Петра и императрицею—Екатерина Алексѣевна.

Происхожденіе Екатерины неизвѣстно, послѣ матери, служившей на мызѣ Рингенъ молочницей; она осталась трехъ лѣтъ на попеченіи крестнаго отца своего, пастора и терпѣла крайнюю бѣдность. Въ домѣ пастора ее увидѣлъ пробъжавшій черезъ Рингенъ пробстъ Глюкъ: пасторъ жаловался на бѣдность, на многочисленное семейство и на то, что кромѣ своихъ дѣтей ему приходится содержать еще чужое дитя и при этомъ указалъ на малютку. Глюкъ былъ тронутъ красотою худенькаго и печальнаго личика дѣвочки, взялъ ее къ себѣ въ Маріенбургъ, поручилъ ей прислуживать своимъ дочерямъ—одѣвать ихъ, водить въ кирку и наблюдать за чистотою въ домѣ.

Катерина съ дѣтьми пастора ходила въ кирку; туда же ходилъ и шведскій гарнизонъ слушать проповѣди. Одинъ красивый, бѣлокурый драгунъ засматривался на красавицу. 17 лѣтнюю Катерину, которая одѣвалась лучше обыкновенныхъ служанокъ, потому что въ домѣ пробста почти занимала мѣсто дочери. Молодой солдатъ просилъ у Глюка руки его воспитанницы; Глюкъ отвѣчалъ, что онъ препятствовать не будетъ, ежели Катерина согласна и ежели майоръ, ближайшій начальникъ драгуна, дастъ ему позволеніе жениться. Спросили майора; онъ отвѣчалъ, что не только даетъ позволеніе жениться на красавицѣ Катеринѣ, но по этому случаю производить его въ капралы. Оставалось получить согласіе молодой дѣвушки, она, ни минуты не задумываясь, твердо отвѣчала, что согласна. Въ тотъ же вечеръ произошло обрученіе.

Русскіе между тѣмъ подъ начальствомъ Шереметева, подступили къ Маріенбургу и остановились въ нѣсколькихъ верстахъ. Женихъ просилъ, чтобы поскорѣе совершить бракосочетаніе, потому что времена небезопасны и можно ждать нападенія. Но во время обряда про-

изошла тревога, надобно было о положеніи Маріенбурга дать знать Шлиппенбаху и молодого драгунскаго капрала прямо отъ вѣнца отправили съ отрядомъ въ Ригу.

Впослѣдствіи увѣряли, будто фамилія родителей Екатерины была Славронская, но вѣрнаго все-таки ничего неизвѣстно.

Какъ мы уже говорили, Шереметевъ осадилъ Маріенбургъ, довель его до крайности и когда изъ него вышелъ гарнизонъ и большинство жителей, пробсть Глюкъ, его дѣти и воспитанница Катерина вышли вслѣдъ за нимъ и молили побѣдителей о спасеніи жизни. Глюкъ несъ въ рукахъ передъ собою славянскую біблію, представилъ ее Шереметеву и объявилъ, что онъ хорошо знаетъ славянскій и русскій языкъ и своими переводами можетъ быть полезенъ государю. Фельдмаршалъ ласково принялъ Глюка, обласкалъ его и замѣтивъ Катерину спросилъ: кто она такая? Глюкъ отвѣчалъ, что она его воспитанница и что на дняхъ выдана замужъ за одного шведскаго драгуна. «Это ничего, замѣтилъ Шереметевъ, она останется въ моемъ домѣ, а другіе всѣ будутъ отправлены въ Москву.»

Столъ былъ накрытъ, Шереметевъ посадилъ Глюка и Катерину за столъ и въ то мгновеніе, когда гобой и трубы заиграли, раздался страшный взрывъ; это штыкъ-юнкеръ взорвалъ замокъ.

Полгода спустя, къ Шереметеву пріѣхалъ Александръ Меншиковъ, тогдашній любимецъ Петра, увидѣлъ Екатерину, былъ пораженъ ея красотой и къ величайшей досадѣ Шереметева взялъ ее къ себѣ въ домъ; тутъ однажды за обѣдомъ увидѣлъ ее царь и какъ всѣ, былъ пораженъ наружностію и умомъ молодой дѣвушки, съ этихъ поръ сблизился съ нею и она стала просто извѣстна, какъ Катерина Васильевна. Въ 1703 году она приняла православное крещеніе; воспріемникомъ ея отъ купели былъ царевичъ Алексѣй Петровичъ и вотъ почему она съ этого времени называлась Екатериной Алексѣевной.

Пробсть Глюкъ въ Москвѣ основалъ школу, занимался ею очень усердно, устраивалъ курсы, самъ преподавалъ и выбиралъ учителей; Петръ назначилъ жалованье ему, учителямъ и положилъ извѣстную сумму на учебныя пособія. Но Глюкъ не долго прожилъ; послѣ его смерти Петръ и Катерина Алексѣевна заботились о его вдовѣ и дѣтяхъ: сынъ поступилъ на службу, а младшая дочь была фрейлиною.

Война съ Швеціей шла своимъ чередомъ. Швеція попыталась нанести Россіи вредъ съ сѣвера, поэтому въ іюнѣ 1701 года, семь шведскихъ военныхъ судовъ тайкомъ, подъ англійскими и голландскими флагами пробирались къ Архангельску, но русскіе военные суда замѣтили это, напали на нихъ, и отбили; два шведскихъ корабля сѣли при этомъ на мель и достались русскимъ, какъ первая морская добыча; Петръ былъ очень доволенъ и писалъ Апраксину, что это чудесно и поздравлялъ съ этимъ неожиданнымъ счастіемъ!

На слѣдующее лѣто Петръ ожидалъ новаго нападенія на Архангельскъ и потому, распорядившись движеніемъ войскъ въ Лифляндіи, самъ почти все лѣто 1702 года провелъ въ Архангельскѣ; онъ укрѣпилъ берега, строилъ и вооружалъ корабли, и все поджидалъ нападенія; но пришло наконецъ извѣстіе, что въ шведскихъ портахъ не замѣтно никакого движенія, что вѣроятно нападенія вовсе не будетъ. Тогда Петръ въ сентябрѣ явился въ Ладогу, чтобы оттуда начать завоеваніе Ингрии, или что все равно, морскаго берега. Еще въ Архангельскѣ Петръ получилъ донесеніе отъ Апраксина, что онъ съ своимъ отрядомъ дѣлалъ *поиски*, т. е. набѣги до самой Невы и дѣлалъ опустошенія, чтобы лишить шведовъ подвоза сѣстныхъ припасовъ, но такъ какъ царь намѣревался оставить этотъ край за собою, то былъ недоволенъ *поисками* Апраксина и высказалъ это ему въ отвѣтъ на донесеніе; приказалъ щадить остальные мызы и деревни и нападать только на города, въ которыхъ засѣли шведы.

Чтобы овладѣть Невой, Петру прежде всего нужно было овладѣть крѣпостью Нотебургомъ, или стариннымъ новгородскимъ Орѣшкомъ, а нынѣшнимъ Плюссельбургомъ. Но этого можно было только достигнуть, ежели самъ Петръ Михайловъ, капитанъ бомбардировъ, поведетъ осаду. Онъ это хорошо зналъ и поэтому изъ Архангельска намѣревался прямо отправиться на мѣсто военныхъ дѣйствій. Ожидать нападенія на Архангельскъ долѣе нечего было; Петръ поѣхалъ въ Соловецкій монастырь, далъ тамъ разныя льготы и преимущества архимандриту, отслужилъ напутственный молебень послѣ литургіи и выѣхалъ къ Нюхоцкой пристани, куда и прибылъ 16 августа. Здѣсь онъ прожилъ около недѣли, пока подошло войско, выгрузили съ кораблей орудія и военные снаряды, но главное, пока не поспѣла вновь продѣланная дорога къ Онежскому озеру.

Это трудное дѣло онъ поручилъ сержанту Преображенскаго полка Щепотеву; нужно было, по непроходимымъ и лѣсамъ, болотамъ прорубать дорогу на разстояніи 120 верстъ. Щепотевъ показалъ изумительную распорядительность и дѣятельность; онъ проложилъ дорогу, сдѣлалъ нѣсколько мостовъ отъ 60 до 120 сажень въ длину, собралъ больше 2000 подводъ для багажа и перевозки тяжестей и наконецъ извѣстилъ Петра, что все готово и что на Онежскомъ озерѣ дожидаются баркасы для перевозки войска. Петръ съ 5 батальонами гвардіи, съ артиллеріей и съ двумя яхтами, которыя тащили волокомъ, прошелъ по вновь проложенной дорогѣ и 28 августа посадилъ войско на баркасы, на яхты и поплылъ по Онежскому озеру. Въ Ладогѣ Виніусомъ приготовлена была значительная артиллерія и болѣе чѣмъ нужно боевыхъ снарядовъ—пороху и ядеръ; для осадныхъ работъ приготовлены были кирки, заступы, лопаты и кульки.

Шереметеву Петръ еще ранѣе послалъ приказаніе съ войскомъ, не медля ни минуты, идти къ Ладогѣ, потому что время очень благоприятное и терять его нельзя. Дождавшись прибытія Шереметева, Петръ поручилъ ему главное начальство надъ войскомъ, и двинулся къ Нотебургу: за недостаткомъ лошадей артиллерію тащили люди; Ладожскимъ озеромъ оказалось на лодкахъ плыть неудобно и опасно: былъ противный вѣтеръ и карбасы могли разбиться о мели и прибрежные камни: вотъ почему предпочли сухой путь. Въ полночь 21 сентября 400 Преображенскихъ солдатъ явились на берегу Невы; двѣ шведскія яхты подошли, чтобы наблюдать за берегомъ. Преображенцы дали по нимъ залпъ и суда отплыли, а изъ крѣпости началась стрѣльба, впрочемъ, совершенно безвредная. Къ передовому отряду за ночь подоспѣло подкрѣпленіе и къ 7 часамъ утра уже все войско расположилось лагеремъ на лѣвомъ берегу Невы, на мысу, въ двухъ верстахъ ниже Нотебурга. Комендантъ поднялъ на башнѣ королевское знамя, чтобы призвать подкрѣпленіе. На слѣдующій день изъ Карелии пришли три шкуны и привезли съ собою подкрѣпленіе.

Русское войско принялось за земляныя работы и приблизилось въ двое сутокъ посредствомъ апрошей къ берегу, прямо противъ крѣпости; тутъ устроили двѣ батареи, пушки и мортиры были по-

ставлены ночью, и въ праздникъ Покрова открылась жесточайшая канонада.

Петръ предвидѣлъ, что безъ штурма не обойдется; моста не было, поэтому онъ придумалъ сухимъ путемъ перетащить лодки и баркасы прибывшія по Ладожскому озеру въ Неву. Черезъ лѣсъ, незамѣтно отъ крѣпости, сдѣлали просѣку, версты въ три длиною. Это было очень трудное дѣло: царь находился почти неотлучно на работѣ и самъ съ топоромъ въ рукахъ работалъ, какъ простой солдатъ и подавалъ примѣръ другимъ; черезъ 24 часа послѣ начала работъ, 50 лодокъ уже были спущены на Неву, къ величайшему недоумѣнію шведовъ, которые не понимали откуда взялись лодки.

Петръ не терялъ времени; на другой день взявши 1000 человекъ изъ своихъ любимыхъ гвардейскихъ полковъ, онъ съ ними переплылъ черезъ Неву и стремительно напалъ на береговое укрѣпленіе прямо противъ Нотебурга. Шведы побросали оружіе и разбѣжались послѣ первыхъ выстрѣловъ, а русскіе заняли укрѣпленіе тремя полками, подоспѣвшими вслѣдъ за гвардіей. Фельдмаршалъ на лодкѣ послалъ трубача съ письмомъ къ коменданту Нотебурга, предлагая ему сдать крѣпость, къ которой теперь ни откуда никакого подкрѣпленія не допустятъ. Комендантъ поблагодарилъ и просилъ четыре дня срока, чтобы успѣть послать въ Нарву къ коменданту Горну и получить отъ него приказаніе сдавать ли крѣпость, или нѣтъ. Отвѣтъ данъ былъ словесный и заключалъ въ себѣ насмѣшку, на которую изъ русскихъ укрѣпленій отвѣчали выстрѣлами со всѣхъ батарей; ядрами и бомбами осыпали крѣпость; канонада не прекращалась уже больше до самаго штурма; городъ нѣсколько разъ загорался.

Октября 2 на правомъ берегу Невы показался сильный отрядъ шведской пѣхоты съ кавалеріей и пушками. Шведы напали на русскихъ, вѣроятно съ намѣреніемъ отнять завоеванное береговое укрѣпленіе, но на выстрѣлы подоспѣла помощь изъ главнаго лагеря на лѣвой сторонѣ и шведы должны были уйти, оставивъ многихъ убитыхъ, раненыхъ и три пушки.

На третій день осады, жена коменданта крѣпости, Шлиппенбахъ, брата Лифляндскаго, прислала въ русскіе шанцы на правой сторонѣ, барабанщика съ бѣлымъ значкомъ; онъ привезъ отъ нея

письмо, въ которомъ она отъ себя и отъ офицерскихъ женъ просила позволенія выйти изъ крѣпости, гдѣ невозможно оставаться по причинѣ огня и дыма. На батарее въ это время случился капитанъ Преображенскаго полка *Петръ Михайловъ*, онъ принялъ письмо, прочиталъ его и сказалъ, что нельзя тратить времени на пересылку письма къ фельдмаршалу, поэтому отвѣчать можно и за него: «Къ фельдмаршалу посылать незачѣмъ; онъ не согласится опечалить шведскихъ дамъ разлукою съ мужьями: ежели же онъ непремѣнно хотятъ оставить крѣпость, то лучше всего имъ взять съ собою своихъ мужей.» Барабанщика угостили и отпустили обратно. Отвѣтъ не понравился осажденнымъ, потому что вслѣдъ за возвращеніемъ барабанщика открылся ужаснѣйшій огонь съ крѣпости.

На четвертый день осады, самъ Петръ, пользуясь ночью темнотою, высадился на островъ и занялъ позицію подлѣ самой крѣпости, оставивъ въ ней 300 человекъ. На слѣдующій день Гордонъ вздумалъ было завладѣть тремя шведскими шкунами подъ крѣпостью, но оказалось, что онѣ были на берегу и прикрѣплены цѣпями; со стѣнъ крѣпости охотниковъ осыпали ядрами, пришлось отказаться отъ намѣренія, но Гордонъ на шкунахъ забралъ богатую добычу ветчины, масла, крупы, сухарей, изрубилъ шкуны и возвратился въ свой лагерь, потерявъ только 14 человекъ убитыхъ.

Послѣ семи-дневной непрерывной стрѣльбы изъ пушекъ и мортиръ орудія такъ разгорѣлись, что изъ нихъ больше нельзя было стрѣлять; Петръ рѣшился покончить осаду штурмомъ. Вызвали охотниковъ; явилось много изъ Преображенскаго, Семеновскаго и другихъ полковъ. Въ двухъ башняхъ и стѣнѣ на югозападной сторонѣ замѣтны были проломы, но всходъ къ нимъ былъ крутой, поэтому солдатамъ были розданы лѣстницы, а офицерамъ указаны мѣста приступа. Въ воскресенье, 11 октября въ крѣпости опять сдѣлался сильный пожаръ, часу во 2-мъ ночи; охотники въ лодкахъ дожидались сигнала. Въ половинѣ четвертаго часа три раза данъ былъ залпъ изъ пяти мортиръ; по этому сигналу лодки разомъ двинулись впередъ и бросились на крѣпость: однако первый приступъ былъ неудаченъ. Но Семеновскій отрядъ подъ начальствомъ Голицына не подавался; въ Преображенскомъ командиръ былъ раненъ

первыми выстрѣлами. Нападенія и битва продолжались 13 часовъ; лѣстницы оказались слишкомъ коротки и русскіе никакъ не могли ворваться въ проломы. Шведы защищались упорно: стрѣляли картечью и раскаленными ядрами.

Петръ видѣлъ, что солдаты гибнутъ, а успѣха нѣтъ, онъ послалъ приказаніе отступить; но посланный, не смотря на все стараніе, не могъ въ тѣснотѣ добраться до главнаго начальника. Князь Голицынъ увидѣлъ, что нѣкоторые солдаты побѣжали; чтобы предупредить общее разстройство приказалъ отъ берега оттолкнуть всѣ лодки, чтобы отнять у солдатъ всякую мысль о бѣгствѣ и продолжалъ приступъ съ новыми силами. Наконецъ послѣ 13 часовъ боя, Меншиковъ привелъ новыя, свѣжія войска. Комендантъ крѣпости потерялъ большую часть гарнизона, но не хотѣлъ положить оружія, тогда собственные солдаты потребовали сдачи, грозясь въ противномъ случаѣ застрѣлить его. Принужденный уступить, Шлиппенбахъ приказалъ бить въ барабаны, что значило, что просить пощады; на барабанный бой въ крѣпости самъ Петръ на своей батарее лично ударилъ въ барабанъ, стрѣльба затихла, переговоры о сдачѣ крѣпости начались, не смотря на то, что по военнымъ обычаямъ фельдмаршалъ могъ требовать безусловной сдачи, во избѣжаніе лишняго кровопролитія, крѣпость сдавалась на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Весь горнизонъ съ больными, ранеными, со всѣми вещами отпускается водою, или сухимъ путемъ, въ сопровожденіи русскаго войска; собственноручно Петръ подписалъ: «Это фельдмаршалъ общаетъ именемъ его царскаго величества и даетъ его царское слово, которое всегда держитъ не только въ отношеніи христіанъ, но и турокъ.»

2) Коменданту Нотебурга и всѣмъ офицерамъ позволяется свободно выступить съ женами и дѣтьми изъ трехъ проломовъ съ распущенными знаменами, музыкою и четырьмя желѣзными пушками, въ полномъ вооруженіи, съ достаточнымъ количествомъ пороку и съ пулями во рту.

3) Русскіе офицеры и солдаты находящіеся въ крѣпости останутся въ ней со всѣми вещами имъ принадлежащими и съ оружіемъ.

4) Крѣпость должна быть сдана безъ всякаго обмана, не такъ

какъ Маріенбургъ, гдѣ, вопреки данному слову, взрывомъ пороховаго магазина погубили нѣсколько сотъ своихъ и русскихъ.

Вечеромъ фельдмаршалъ подписалъ капитуляцію, а въ ночь русскія войска заняли три пролома, тогда какъ въ городѣ еще шведскіе караулы были не смѣнены; шведы могли оставаться въ Нотебургѣ трое сутокъ, чтобы собрать и уложить свои вещи. Но на другой день утромъ пришло извѣстіе, что къ Нотебургу идетъ сильное шведское подкрѣпленіе; Петръ немедленно самъ переплылъ черезъ Неву и приказалъ смѣнить всѣ шведскіе караулы въ городѣ, а особенно поставленный подлѣ пороховаго магазина. Комендантъ не хотѣлъ снимать своихъ часовыхъ, но его принудили силой.

Черезъ три дня послѣ штурма, изъ Нотебурга по договору вышелъ гарнизонъ, съ музыкой и распущенными знаменами съ пулями во рту, сѣлъ на русскія лодки и поплылъ внизъ по Невѣ. Въ тотъ же день фельдмаршалъ совсѣми генералами и офицерами и съ гвардіей вступилъ въ Нотебургъ, гдѣ, послѣ благодаренія Богу за побѣду, при троекратной пушечной и ружейной стрѣльбѣ, крѣпость была переименована въ Шлюссельбургъ; на западной башнѣ, извѣстной теперь подъ названіемъ царской, по приказанію царя надъ входомъ прикрѣпленъ ключъ, поднесенный царю комендантомъ. Этимъ царь хотѣлъ выразить, что Нотебургъ есть ключъ, посредствомъ котораго для него отворился путь въ непріятельскую землю. Петръ послѣ этого каждый годъ въ день покоренія Шлюссельбурга 11 октября ѣздилъ туда и весело праздновалъ его.

Главный герой этого дня, князь Голицынъ, былъ произведенъ въ полковники Семеновскаго полка, ему даны помѣстья; офицеры и рядовые награждены, но за то были и наказанія: за попытку бѣжать отъ приступа изъ Преображенскаго полка казнили 8 чело-
вѣкъ, а изъ Семеновскаго 4.

Въ крѣпости найдено было 23 мѣдныхъ, 116 чугунныхъ пушекъ, множество гранатъ, бомбъ, ядеръ и картечи, солдатскихъ ружей, шпагъ, 270 бочекъ пороху, 172 латъ и множество всякихъ воинскихъ и съѣстныхъ припасовъ.

Губернаторомъ Шлюссельбурга назначенъ былъ любимецъ Петра, бомбардиръ-поручикъ Преображенскаго полка, Александръ Даниловичъ Меншиковъ; онъ съ этого времени становится лицомъ историческимъ, своимъ вліяніемъ и своими дѣйствіями приобрѣтаетъ

высокое званіе, огромное богатство и въ теченіи десяти слишкомъ лѣтъ остается другомъ и близкимъ человѣкомъ къ Петру.

Побѣду надъ шведами царь праздновалъ въ Москвѣ обычными пирами, выстрѣлами, фейерверками и т. д. но за праздниками не забывалъ дѣла; онъ Виніусу далъ приказаніе снабдить Шлиссельбургъ достаточнымъ количествомъ артиллеріи, военныхъ снарядовъ и лекарствами. Виніусъ, не смотря на свою старость, былъ обремененъ дѣлами: онъ передъ этимъ ѣздилъ въ Сибирь, чтобы отыскать и изслѣдовать сибирскія желѣзныя руды и устроить заводы; онъ это выполнилъ отлично и въ Москву возвратился съ большимъ запасомъ желѣза. Но по артиллерійскому и аптекарскому приказу былъ очень недѣятеленъ и, какъ современники утверждаютъ, изъ корыстныхъ видовъ не заботился о царскомъ дѣлѣ....

Изъ Турціи приходили непріятныя слухи; опасались новаго разрыва съ нею; извѣстія эти сильно тревожили Петра, потому что всякая новая война въ такое время, когда шведская въ полномъ разгарѣ, была бы очень опасною. Война съ Турціей могла быть морская, при помощи флота, поэтому тотчасъ послѣ торжествъ, по случаю побѣды надъ шведами, Петръ поспѣшилъ въ Воронежъ осмотрѣть работы и строящіяся суда. Холодъ стоялъ жестокой, зима была суровая, но Петръ отправился, и самъ осматривалъ каждый изъ стоявшихъ на рѣкѣ Воронежѣ пятнадцати судовъ. Но работа тутъ шла медленно; между рабочими открылись повальные болѣзни, отъ которыхъ многіе умирали, или были долго больны и не могли взяться за топоръ. Петръ поспѣшилъ написать Головину, чтобы онъ собралъ человѣкъ 600 плотниковъ изъ Вологды, Ярославля, Костромы и Галича и, прислалъ ихъ на верфи, а не то все дѣло остановится и, въ случаѣ начала войны съ Турціей, нечего будетъ на воду спустить.

Въ желѣзѣ оказался тоже недостатокъ; Петръ собственноручно написалъ Виніусу, чтобы онъ три четверти всего сибирскаго желѣза, нисколько не медля, прислалъ ему, а одну четверть оставилъ себѣ; кромѣ того приказывалъ доставить ружья, сабли и другія вещи, сдѣланныя изъ сибирскихъ рудъ. Лишь только Виніусъ получилъ указъ, онъ тотчасъ же отправилъ 300 пудовъ сибирскаго желѣза.

Но въ немъ уже не было крайней надобности; изъ Турціи при-

шли благопріятныя вѣсти, и Петръ поспѣшилъ въ Шлюссельбургъ, куда призывала его крайняя необходимость: Меншиковъ писалъ и жаловался на Виніуса, что онъ пушекъ и военныхъ снарядовъ не присылаетъ, что въ крѣпости много больныхъ, а лекарствъ тоже не присылаетъ Виніусъ и лечитъ не чѣмъ. Петръ на мѣстѣ все это повѣрилъ и очень разсердился на небрежность Виніуса; послалъ приказаніе Ромодановскому допросить Виніуса: по какому случаю вышла такая непростительная оплошность? Виніусъ оправдывался, увертывался и просилъ только, чтобы съ него сняли завѣдываніе Артиллерійскимъ и Аптекарскимъ приказомъ, что онъ старъ и съ него довольно будетъ одного Сибирскаго. Впослѣдствіи его допрашивалъ по этому же предмету Меншиковъ, но тоже ничего не вывѣдалъ. Но какъ бы то ни было, съ этихъ поръ Петръ не прощалъ Виніусу его небрежности, лишилъ его своей довѣренности, одинъ за другимъ отнялъ у него всѣ приказы и велѣлъ съ него взыскаы 13,000 рублей за растроченныя казенныя суммы.

Петръ старался поправить упущенія Виніуса; къ 23 апрѣля призвалъ изъ Пскова къ Шлюссельбургу Шереметева съ 20,000 войска и началъ приближаться къ Ніеншанцу, укрѣпленію, построенному на сліяніи рѣки Охты и Невы, на правомъ берегу ея, тамъ, гдѣ теперь корабельная верфь. Съ трехъ сторонъ онъ былъ укрѣпленъ землянымъ валомъ еще не конченнымъ вполнѣ, съ четвертой стѣною. Приблизившись на 15 верстъ къ Ніеншанцу Шереметевъ послалъ 2.000 человекъ подъ командою полковника Нейтгарта, чтобы осмотрѣть крѣпость, занять постъ, и добыть какогонибудь плѣннаго, чтобы развѣдать. Ночью 25 числа отрядъ подошелъ къ самымъ крѣпостнымъ стѣнамъ, напалъ на 150 человекъ у самаго рва, взялъ двухъ въ плѣнъ и нѣкоторые смѣльчаки взбѣжали даже на самый бастионъ. «Если бы остальные помогли, писалъ Петръ, то вѣроятно укрѣпленіе это досталось бы русскимъ безъ всякой осады, но такъ какъ приказанія не было дано и полковникъ долженъ былъ ограничиться постановкою поста, то онъ и не преслѣдовалъ шведовъ далѣе, отступилъ и дожидался дальнѣйшихъ распоряженій.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ крѣпости былъ земляной валъ Шереметевъ воспользовался имъ и расположилъ свои войска такъ, чтобы валъ служилъ имъ защитой отъ крѣпостныхъ выстрѣловъ

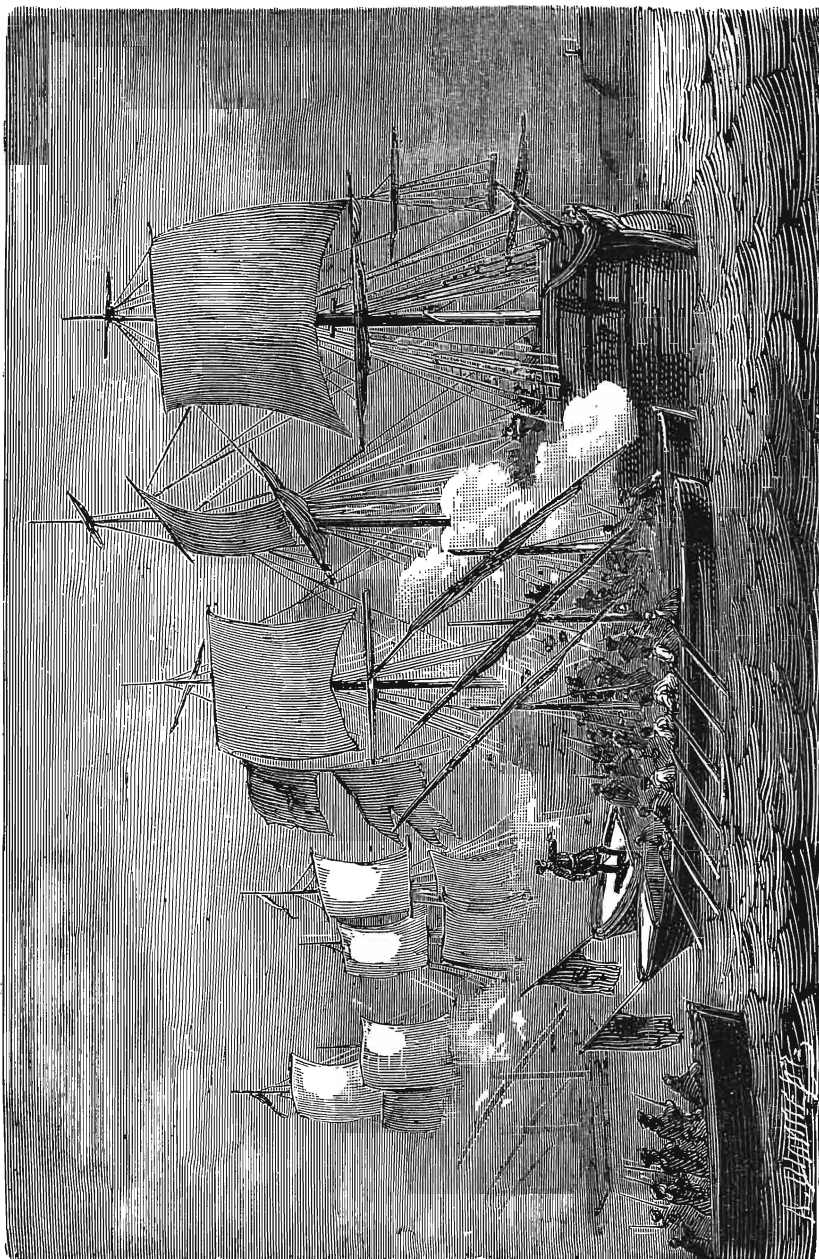
Начались осадныя работы и, не смотря на сильную канонаду, русскіе подошли такъ близко, что устроили сильную батарею изъ 48 пушекъ и 16 мортиръ. Прибылъ и самъ Петръ, осмотрѣлъ укрѣпленія и написалъ Меншикову: «Городъ гораздо больше, чѣмъ говорили, но все-таки не больше Шлюссельбурга. Проваль предъ нашими войсками, увѣряли, будто онъ ниже городскаго, но я нахожу, что онъ выше и насыпанъ по правиламъ фортификаціи, только не обложенъ дерномъ.»

Недовольствуясь осмотромъ крѣпости, *капитанъ бомбардирскіи* съ 7-ю ротами гвардіи сѣлъ на баркасы и лодки и поплылъ внизъ по Невѣ, чтобы осмотрѣть ея устье. Онъ проходилъ мимо Нюеншанца, откуда открылась жесточайшая канонада, не причинившая никакого вреда нашимъ лодкамъ. На взморьѣ царь устроилъ укрѣпленіе и оставилъ въ немъ три роты гвардіи, подъ командою урядника Щепотова, а самъ возвратился въ лагерь, гдѣ батареи были уже совершенно готовы.

Когда все было готово, чтобы начать бомбардированіе города, фельдмаршалъ послалъ въ крѣпость трубача съ предложеніемъ сдать крѣпость; но прошло 6 часовъ, а трубачъ не возвращался, тогда послали еще барабанщика и полученъ отвѣтъ: «Крѣпость поручена мнѣ для обороны, а не для сдачи.» Тогда начали стрѣлять въ городъ изъ пушекъ и бросать въ него бомбы; сначала съ крѣпостныхъ стѣнъ отвѣчали очень исправно, но къ утру выстрѣлы замолкли и на стѣнахъ забарабанили къ сдачѣ.

Русскіе прекратили огонь; изъ города аманатами (заложниками) вышли капитанъ и поручикъ и отъ имени коменданта просили нѣсколькихъ часовъ времени, чтобы написать статьи сдачи; имъ дали два часа. Но время прошло, а отвѣта не было, тогда фельдмаршалъ послалъ сказать: ежели черезъ часъ статьи не будутъ доставлены, то огонь съ русскихъ батарей снова откроется и никому никакой пощады не будетъ. Изъ крѣпости вышелъ майоръ и просилъ отсрочки на нѣсколько часовъ, потому что условія не готовы; фельдмаршалъ сурово отказалъ; тогда принесли неоконченный договоръ. Петръ собственноручно написалъ почти такой же, какъ при сдачѣ Шлиссельбурга.

Вечеромъ того же дня Преображенскій полкъ вошелъ въ городъ, а Семеновскій занялъ укрѣпленія. На слѣдующій день было тор-

Первая морская удача в устьях Невы.

жественное благодарственное молебствіе за покореніе крѣпости, а, еще больше за *пріобрѣтеніе давно желанной морской пристани*. Крѣпость Ніеншанць тутъ же переименована въ Шлотбургъ.

Дня черезъ два пришелъ одинъ изъ поста, оставленнаго на взморьѣ и донесъ, что на морѣ показались шведскіе корабли. Подойдя къ устью Невы, шведы выстрѣлили изъ пушки два раза; на выстрѣлы тотчасъ отвѣчали съ крѣпости двумя же выстрѣлами, надѣясь такимъ образомъ обмануть шведовъ, привлечь ихъ поближе и, ежели можно будетъ, воспользоваться ихъ ошибкою. Съ адмиральскаго корабля спустили ботъ и послали его къ берегу за лодчанами. Матросы, ничего не подозрѣвая, пристали къ берегу; солдаты вышли, но на нихъ кинулись спрятанные въ лѣсу караульные, поймали одного, а остальные ушли. Пойманный матросъ показалъ, что эскадрю изъ 9 кораблей командуетъ вице-адмиралъ Нуммерсъ; чрезъ три дня къ устью Невы подошли шведская шнява и большой ботъ; они бросили якорь подлѣ берега, потому что при ночной темнотѣ идти въ рѣку было опасно.

Капитанъ бомбардировъ и поручикъ Меншиковъ съ своими вѣрными гвардейцами въ тотъ же вечеръ сѣли на 30 лодокъ, тихонько пробрались къ устью Невы и скрылись въ лѣсу и въ камышахъ за островомъ, который лежитъ противъ Сватерингофа и дожидались ночи. Ночь съ вечера была ясная, но потомъ на небѣ показались тучи и пошелъ дождь. Пользуясь темнотою, капитанъ распорядился нападеніемъ; 7 мая еще до свѣту половина лодокъ поплыла тихою греблею подлѣ Васильевскаго острова, подъ тѣнью нависшаго на воду лѣса и зашла съ моря въ тылъ шведамъ, а другая половина лодокъ спустилась на нихъ сверху по теченію. Наши лодки, какъ рой пчелъ, облѣпили два шведскіе корабля; началась стрѣльба изъ ружей, бросали ручныя гранаты. Петръ былъ вездѣ впереди, ободряя своихъ и показывая имъ примѣръ мужества.

Непріятельскія суда тотчасъ распустили паруса и отстрѣливаясь хотѣли отойти назадъ къ своей эскадрѣ, но движенія ихъ были затруднены узкимъ фарватеромъ; они не могли поворачивать и лавировать, какъ слѣдуетъ, чтобы избавиться отъ несносныхъ, не дававшихъ имъ хода лодокъ.

Не смотря на жестокую стрѣльбу изъ пушекъ, изъ ружей и сыпавшіяся съ судовъ гранаты, солдаты взяли ихъ на абордажъ и со

всѣхъ сторонъ полѣзли; послѣ жестокой рукопашной схватки, и шнява, и боть достались русскимъ, и 8 мая въ полдень ихъ привели въ русскій лагерь. На этихъ судахъ было 77 человекъ солдатъ; изъ нихъ въ живыхъ остались только 19; плѣнные объявили, что они плыли въ Ніеншанць съ письмами къ коменданту.

За эту, еще никогда не бывавшую морскую побѣду, пишетъ самъ Петръ, было благодареніе Богу сего 10 мая, съ троекратною стрѣльбою изъ пушекъ и ружій. Командовавшіе лодками, бомбардирскій капитанъ и поручикъ Меншиковъ удостоены ордена Св. Андрея Первозваннаго. Офицерамъ даны золотыя медали съ цѣпями, а солдатамъ малыя золотыя медали, безъ цѣпей. Эта первая морская побѣда невыразимо радовала Петра; онъ писалъ о ней своимъ товарищамъ и просилъ ихъ праздновать побѣду съ такою же радостью, съ какою онъ самъ ее праздновалъ.

Вице-адмиралъ Крейсъ, получивъ отъ Петра извѣстіе о взятіи двухъ судовъ, писалъ ему изъ Амстердама: «Славное дѣло нападать съ 30 лодками на вице-адмирала Нуммерса и при этомъ два корабля принуждены были спустить флагъ! Это ужасаетъ жителей Амстердама, говорятъ, у такого капитана солдаты должны быть мужественны! Я всегда буду служить вашему величеству, гдѣ бы я ни былъ.»

ГЛАВА XIX.

Основаніе Петербурга: Петропавловская крѣпость. Дворецъ Петра Великаго и другія строенія. Встрѣча со шведами при рѣкѣ Сестрѣ. Постройка кораблей на Свири, у Лодейнаго поля. Основаніе Кроншлота и крѣпости на Котлинѣ островѣ. Учрежденіе верфи и Адмиралтейства въ Петербургѣ. Нападенія шведовъ на Петербургъ съ суши и съ моря. Наводненія.

Устье и все теченіе Невы съ незапамятныхъ временъ принадлежало Россіи, а именно Великому Новгороду, и названія всѣхъ острововъ, какъ на примѣръ Өоминъ островъ, нынѣшняя Петербургская сторона и все мѣсто отъ Ладожскаго озера до Финскаго залива называлась *Водьскою пятинною*. Но по мирному договору, извѣстному подъ названіемъ Столбовскаго, вся эта мѣстность, какъ и многія другія, сдѣлались шведскою собственностію и русскія названія мало по малу истребились и замѣнены были чухонскими.

Селеній большихъ въ устьяхъ Невы не было, кромѣ нѣкоторыхъ разбросанныхъ въ лѣсахъ, болотахъ и топяхъ рыбацкихъ хижинъ. Страна вся была пустынная, заросшая лѣсомъ и кустарникомъ; при юго-западномъ вѣтрѣ вода поднималась въ Невѣ и заливала всю мѣстность; жители покидали свои бѣдныя хижины и гдѣ на лодкахъ, гдѣ пѣшкомъ спасались на Дудергофскія высоты.

Когда Ніеншанцъ достался русскому войску, тотчасъ составили совѣтъ и возникъ вопросъ: укрѣпить ли Канцы (Ніеншанцъ), или отыскать мѣсто болѣе удобное и ближе къ устью Невы, слѣдовательно — къ морю.

Ніеншанцъ осмотрѣли внимательно, нашли въ немъ много неудобствъ и послѣ зрѣлаго обсужденія положено было срыть шведскія укрѣпле-

нія и построить новую крѣпость ближе къ взморью. Для выбора мѣста Петръ вмѣстѣ съ знатнѣйшими приближенными своими сѣлъ въ лодки и поплылъ осматривать острова, образованные устьями Невы; во время этого плаванія, у Петра родилась мысль въ этомъ уединенномъ, но удобномъ мѣстѣ, заложить большой торговый городъ; болота, и непроходимыя лѣса не испугали Петра; онъ говорилъ, что лѣсъ не можетъ быть препятствіемъ; его надобно вырубить и бревна пойдутъ на постройки, слѣдовательно лѣса не придется возить издалека.

Небольшой низменный островъ Заячій, или Енисари, лежащій на Большой Невѣ противъ нынѣшней Петербургской стороны показался Петру удобнымъ и онъ избралъ его для новой крѣпости.

Есть преданіе, что Карль XI подарилъ знатному шведскому вельможѣ, графу Стенбоку, участокъ земли въ устьѣ Невы. Графъ осмотрѣлъ свое новое владѣніе; оно ему понравилась по своей дикости и онъ построилъ мызу, назвавъ ее Lust-holm (увеселительный устровъ) и населилъ ее шведами и окрестными финнами. Но не прошло трехъ лѣтъ; осенью вода поднялась въ Невѣ необыкновенно высоко, вышла изъ береговъ, затопила все селеніе и все перепортила. Графу стало досадно; онъ не захотѣлъ опять устроить, и поправлять вредъ, нанесенный водою, все покинулъ на произволь судьбы и мѣсто назвалъ Teufelsholm (чортовъ островъ) и навсегда покинулъ берега Невы.

Петръ избралъ Заячій островъ для крѣпости, какъ мѣсто, самую природой хорошо защищенное глубокими невскими рукавами, замѣнявшими обыкновенные крѣпостные рвы. Петръ собственноручно положилъ первое основаніе земляной Петропавловской крѣпости, въ день Св. Троицы. Чтобы работы шли быстро и стройно надобно было во-первыхъ много рукъ; для этого изъ Новгорода и ближайшихъ пограничныхъ уѣздовъ вызвано было множество плотниковъ и каменщиковъ; работали солдаты и согнанные отовсюду мѣстные жители; крѣпость сначала строили деревянную и только нѣсколько лѣтъ спустя вывели каменные стѣны. Во-вторыхъ, чтобы работы шли стройно, царь крѣпостные бастіоны назвалъ по именамъ приближенныхъ; начиная съ правой стороны отъ нынѣшнихъ Петровскихъ воротъ были бастіоны: Государевъ, Нарышкина, Трубецкаго, Зотова, Головкина и Меншикова и надзоръ за работа-

Петръ Великій закладываетъ Санктъ Петербургъ.

ми каждого бастиона былъ порученъ тому, чьимъ именемъ онъ назывался.

Работа закипѣла въ пустынной, молчаливой мѣстности; топоры стучали въ лѣсу, *Петръ прорубалъ окно въ Европу*; мѣстность болотистая, неудобная своею близостью къ морю восхищала его; онъ ее называлъ *раемъ* (парадизомъ). Препятствій къ исполненію его замысловъ было много; ни землекопныхъ, ни плотничьихъ орудій, ни телѣгъ, ни тачекъ не было достаточно и согнанный народъ долженъ былъ многое дѣлать руками: на себѣ таскали бревна, горстями собирали землю въ полу своего кафтана и таскали ее, куда нужно было.

Въ день своего ангела Петръ заложилъ основаніе первой деревянной церкви, во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла. Черезъ десять мѣсяцевъ она была готова. Церковь была небольшая, но по словамъ иностранцевъ, красивая; снаружи она была окрашена желтою краскою, подъ мраморъ. Колокольня была высокая, остроконечная; на ней повѣшено было нѣсколько колоколовъ и къ нимъ нарочно былъ приставленъ искусный звонарь, который каждый часъ ударялъ въ колоколь, чтобы по числу ударовъ знать, который часъ; но сперва онъ долженъ былъ вызванивать какую нибудь мелодію, чтобы привлечь вниманіе работающихъ.

Постройка деревянной крѣпости была окончена въ четыре мѣсяца и она могла уже встрѣтить непріятельское нападеніе. По срединѣ крѣпости былъ прокопанъ каналъ, чтобы, въ случаѣ осады, не было недостатка въ водѣ. По обѣимъ сторонамъ его были выстроены четыре ряда домовъ, крытые, по примѣру финскихъ, дерномъ, или берестю. На Государевомъ бастионѣ, на высокомъ шестѣ развѣвался крѣпостной флагъ; по праздничнымъ днямъ, вмѣсто него поднимали царское желтое знамя, съ русскимъ двуглавымъ орломъ, который въ клювахъ и въ лапахъ держалъ четыре моря: Бѣлое, Каспійское, Азовское и Балтійское; первые два принадлежавшіе изстари Россіи, а послѣдніе два, прибрѣтенные Петромъ.

На другой сторонѣ канала, противъ церкви стоялъ небольшой домъ коменданта и близъ него—дома гарнизонныхъ офицеровъ; по южную сторону церкви, тамъ, гдѣ теперь домъ коменданта, была большая гауптвахта, съ маленькою площадкою, называвшеюся *плясовою*; на ней наказывали солдатъ: для этого была сдѣлана дере-

вянная лошадь съ острою сниную, и столбъ съ вбитыми вокругъ него въ землю заостренными кольями; провинившагося солдата въ наказаніе, или сажали верхомъ на лошадь на довольно долгое время, или становили на столбъ, гдѣ онъ долженъ былъ стоять не шевелясь, чтобы не упасть на острые кольца—наказанія вполнѣ соотвѣтствующія тогдашнему грубому времени.

Кромѣ упомянутыхъ строеній были еще: домъ плацъ-маіора, арсеналь, провіантскіе магазины, домъ для священника и церковнаго причта, для аптеки и докторовъ, казармы и еще нѣсколько другихъ строеній. Подъемный мостъ соединялъ крѣпость съ Петербургскимъ островомъ. Каждый день, послѣ утренней зари, какъ сигналъ для работъ, поднимали крѣпостной флагъ при пушечномъ выстрѣлѣ; въ 10 часовъ опять стрѣляли изъ пушки, чтобы люди шли обѣдать, а вечеромъ, послѣ вечерней зари, опять стрѣляли изъ пушки, чтобы рабочіе шли по домамъ.

Въ то самое время, когда строилась крѣпость, чтобы быть, какъ можно ближе къ работамъ, Петръ въ 200 саженьяхъ отъ крѣпости, на мѣстѣ, гдѣ стояла бѣдная рыбацья хижина, велѣлъ построить для себя царскій дворець, сохранившійся и до сихъ поръ подъ именемъ *Домика Петра Великаго*. Шириною онъ въ восемь, длиною въ три сажени. Въ немъ всего только двѣ небольшія комнаты, раздѣленные узкими сѣнями и кухнею. Внутри онъ обиты полотномъ и просто выбѣлены, безъ всякихъ украшеній; въ комнатахъ также простота. Снаружи домикъ былъ выкрашенъ на манеръ голландскихъ, подъ кирпичъ; крыша покрыта дощечками, въ видѣ черепицы; оконныя рамы изъ свинцовыхъ желобковъ. На крышѣ были укрѣплены по серединѣ—мортира, а по обѣимъ концамъ конька двѣ пылающія бомбы, но и та и другія — деревянные, выкрашенныя.

Недалеко отъ дворца, Меншиковъ построилъ для себя болѣе обширный и великолѣпный домъ, но тоже деревянный; въ немъ Петръ принималъ иностранныхъ пословъ, отчего его иногда называли посольскимъ домомъ: въ немъ давались торжественные обѣды и пиры. Далѣе за домомъ Меншикова, на берегу Большой Невки построили себѣ дома Головкинъ, Брюсъ, Шафировъ, да разбросаны были шалаши рабочихъ и сараи для нихъ, на зимнее время.

Подлѣ крѣпостнаго моста находилось еще зданіе, куда и царь,

и всѣ вельможи, и простые рабочіе заходили выпить рюмку водки и закусить; это была гостинница *Остерія*, впоследствии получившая названіе *Австеріи четырехъ фрегатовъ*; здѣсь продавали вино, пиво, медъ, табакъ и карты. За остеріею, на сѣверъ, были наскоро построены лавки—торговые ряды.

Безъ флота удержать новаго завоеванія нельзя было и поэтому, лишь только работы были распределены и пущены въ ходъ, Петръ занялся устройствомъ флота: въ новгородскомъ воеводствѣ, на рѣкѣ Сясъ устроена была верфь, съ которой въ 1703 году спустили три шнявы и до 300 различныхъ перевозныхъ барокъ.

Петербургъ, какъ бы выросъ изъ земли по мановенію волшебника, но его надобно было защищать съ твердой земли и съ моря; вице-адмиралъ Нуммерсъ съ 9 кораблями стоялъ въ устьѣ Невы; на него нападать нельзя было за совершеннымъ недостаткомъ военныхъ судовъ. Шведскій генералъ Кроніортъ съ значительнымъ войскомъ стоялъ на рѣкѣ Сестрѣ; чтобы защититься отъ нападенія съ этой стороны, Петръ на мызу Васильевскаго острова въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Биржа, на Стрѣлкѣ поставилъ батарею; а самъ съ сухопутнымъ войскомъ и съ конницею пошелъ на Кроніорта; вотъ какъ Петръ собственноручно объ этомъ писалъ Ромодановскому.

«Мы съ генераломъ Чамбергомъ ходили на Кроніорта; утромъ въ 8 часу, мы пришли къ переправѣ на рѣкѣ Сестрѣ. Непритель открылъ жестокой огонь, но генералъ послалъ полковника Репа съ драгунами, которые подъ огнемъ батарей овладѣли мостомъ и переправою. Шведы при такой отвагѣ русскихъ тотчасъ отослали свои пушки назадъ и сами начали отступать. Вслѣдъ за Репомъ двинулись и другіе полки; такъ какъ дорога была узкая, то наши полки не могли развернуться и шли вслѣдъ за шведами колонной. Но лишь только позволила мѣстность, драгуны атаковали гору, на которой находились непрительскія войска; пѣхота пошла за кавалеріей и шведы побѣжали, русскіе за ними гнались до самаго лѣса и многихъ изрубили; въ этомъ нападеніи дѣйствовала только конница; артиллерія и пѣхота, сколько ни бились, догнать не могли.»

О себѣ Петръ ничего не пишетъ, а между тѣмъ онъ лично принималъ участіе и командовалъ русскими; Паткуль послѣ этого случая говорилъ ему: «что онъ подобно всѣмъ людямъ смертенъ,

и что какая нибудь пуля мушкетера можетъ поставить всю армію и все государство въ крайнюю опасность: ему можно командовать, но лично опасности подвергаться не слѣдуетъ.» Петръ милостиво выслушалъ это предостереженіе.

Когда больше нельзя было ожидать немедленнаго нападенія шведовъ, Петръ занялся постройкою кораблей; онъ поѣхалъ на берега Свири въ Лодейное поле, гдѣ строились фрегаты и другія военныя суда.

Меншиковъ осмотрѣлъ берега Свири и еще въ 1703 году заложилъ верфь у Лодейнаго поля, потому что нашелъ тамъ лѣсъ, годный не только для постройки небольшихъ судовъ, но годный даже для 50-пушечныхъ фрегатовъ. Работа тамъ шла очень дѣятельная; между олончанами нашлось много отличныхъ и знающихъ плотниковъ; Меншиковъ, братъ Александра Даниловича, какъ искусный корабельный инженеръ направлялъ работы, съ разрѣшенія и подъ отвѣтственностію старшаго брата.

Петръ прибылъ къ Лодейному полю, осмотрѣлъ работы и остался недоволенъ однимъ, уже спущеннымъ кораблемъ; на его замѣчанія Александръ Меншиковъ отвѣчалъ: «Теперь исправить недостатки въ рисунокѣ и размѣрахъ корабля нельзя и придется употреблять его въ дѣло такимъ, какимъ онъ вышелъ; ежелибы капитанъ пріѣхалъ во время самой закладки его, то все было бы иначе и лучше.»

Петръ собственноручно заложилъ одну шняву и приказалъ додѣлать ее черезъ 13 недѣль послѣ него.

Съ 1 августа 1703 года начался спускъ судовъ, выстроенныхъ на верфи Лодейнаго поля; спущена шнява *Willkommen* въ честь Меншикова, пріѣхавшаго въ тотъ день. Черезъ недѣлю спущенъ фрегатъ *Штандартъ*; Петръ, подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ, оснастилъ его и пошелъ на немъ къ Петербургу; это былъ царскій фрегатъ и Петръ почти не разставался съ нимъ; плавалъ по Невѣ и только выжидалъ отступленія Нуммерса, чтобы выйти въ Финскій заливъ. Въ началѣ октября Петръ развѣзжалъ на *Штандартъ* по Ладожскому озеру, когда получилъ отъ Меншикова письмо, въ которомъ тотъ доносилъ ему, что Нуммерсъ, стоявшій въ устьѣ Невы, ушелъ, должно быть на зиму.

Это извѣстіе обрадовало Петра и онъ тотчасъ поплылъ къ Пе-

тербургу; по Невѣ уже шелъ ледъ; несмотря на это, Петръ сѣлъ на яхту и вышелъ въ море. Низменный островъ *Котлинъ*, или Ретусари, находящійся въ 25 верстахъ отъ Петербурга, обратилъ на себя вниманіе Петра: не смотря на льдины, плывущія по рѣкѣ, царь съ лотомъ въ рукахъ внимательно измѣривалъ морскую глубину вокругъ острова. Онъ нашелъ, что на сѣверъ, со стороны Финляндіи, много мелей и камней и поэтому плавать кораблямъ съ той стороны неудобно; но напротивъ съ южной фарватеръ совершенно хорошій и удобный. Въ изобрѣтательномъ умѣ Петра явилась мысль укрѣпить островъ и посредствомъ этого затруднить доступъ къ Петербургу; на Котлинѣ выстроить сильную крѣпость и на пушечный выстрѣлъ отъ нея къ югу, на берегу выстроить другую крѣпость, такъ чтобы вполне защитить Петербургъ съ моря, «какъ бы Дарданеллами,» говорилъ Петръ.

За тѣмъ забота о средствахъ защиты Азовскаго моря призвала его въ Воронежъ, но это нисколько не изглаживало у него однажды появившейся мысли. Изъ Воронежа Петръ прислалъ Меншикову модель крѣпости, сдѣланной имъ собственноручно, чтобы яснѣе выразить свое намѣреніе. Онъ приказалъ, не теряя времени, приняться за дѣло: пока ледъ стоитъ на Невѣ опустить, въ назначенномъ мѣстѣ, деревянную крѣпость, нагрузивъ ее землею и камнями и поставить на нее нѣсколько пушекъ. Изъ огромныхъ деревьевъ, при сильномъ зимнемъ холодѣ построены были ящики, вышиною въ 10 футовъ, наполнены камнями и опущены въ воду. Въ началѣ мая 1704 года Петръ освящалъ новую крѣпость; съ митрополитомъ Ювомъ онъ пріѣхалъ на яхтѣ, осмотрѣлъ работы, остался доволенъ, при себѣ поставилъ батарею изъ 4 пушекъ и назвалъ морское укрѣпленіе Кроншлотомъ, или Короннымъ замкомъ. Въ продолженіи трехъ дней длилось торжество; на Котлинѣ островѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии построенъ былъ Кронштадтъ сдѣлана была батарея въ 60 пушекъ.

Кроншлотскому коменданту даны приказанія самыя строгія: указано, какъ защищаться, какъ стрѣлять изъ пушекъ; приказано защищаться до послѣдняго человѣка. Указано не довѣрять незнакомымъ кораблямъ и пушечнымъ выстрѣломъ заставлятъ ихъ останавливаться, чтобы посылать подробно развѣдывать: какой корабль, откуда идетъ и зачѣмъ? осматривать каждый корабль, нѣтъ ли гдѣ тайно запрятанныхъ

людей, оружія, или военныхъ припасовъ. Указано, какихъ почестей цитадели требовать отъ приходящихъ кораблей, но больше всего приказано опасаться непріятельскихъ брандеровъ и собственнаго огня.

Иностранцы не мало удивились, когда узнали отъ нашихъ посланниковъ, что у Петра на Балтійскомъ морѣ уже есть флотъ изъ 20 кораблей и фрегатовъ и 78 галеръ и судовъ меньшаго размѣра, и, главное, что въ 6 миляхъ отъ Петербурга на островѣ Котлинѣ есть укрѣпленіе и на самомъ фарватерѣ построена крѣпость, со множествомъ пушекъ и построена она зимою, въ жестокой морозъ изъ дерева и камней и теперь уже вооружена пушками.

Это писалъ Головицъ, должно быть, съ намѣреніемъ заманить въ Петербургъ иностранныя суда; потому что въ дѣйствительности морской силы у Россіи еще не было; и вмѣсто 20 кораблей и фрегатовъ былъ всего только одинъ *Штандартъ* и штукъ пятнадцать судовъ меньшаго размѣра. Извѣстіе однакожь подѣйствовало: мало по малу начали приходить иностранныя корабли. Въ Петербургъ пришелъ первый фрисландскій купеческій флиботъ съ солью и виномъ, въ ноябрѣ 1703 года; Меншиковъ, по приказанію царя, радостно встрѣтилъ гостя, угощалъ шкипера въ губернаторскомъ домѣ и въ награду далъ ему 500 золотыхъ; а каждому матросу по 30 талеровъ; кромѣ перваго общана была награда еще двумъ слѣдующимъ кораблямъ.

На Свири на верфи работа шла удачно и быстро; въ маѣ 1703 года спустили нѣсколько шнявъ, а къ концу сентября еще семь фрегатовъ. Петръ былъ доволенъ и заложилъ еще новый корабль, больше всѣхъ прежнихъ, длиною въ 116 футовъ, шириною въ 30 футовъ. Плаваніе отъ Олонецкой верфи до Петербурга шло очень медленно; свирѣпствовалъ жестокой вѣтеръ съ дождемъ и снѣгомъ.

Петръ самъ испыталъ неудобство плаванія по Ладожскому озеру; онъ увидѣлъ, что при перевозкѣ вновь построенныхъ судовъ на Свири многіе могутъ погибнуть отъ бури и не дойти до своего назначенія. Поэтому Петру надобно было найти средство избѣжать этого неудобства. Для этого онъ рѣшился основать корабельную верфь ближе къ Финскому заливу, а именно въ С.-Петербургѣ... Онъ заложилъ на лѣвомъ берегу Невы, Адмиралтей-

скій домъ на лѣвомъ берегу Невы, противъ Васпльевскаго острова, длиною въ 200 саж. а шириною во 100 сажень, Черезъ годъ стали укрѣплять. Адмиралтейство, строить укрѣпленія изъ фашинъ по чертежамъ, составленнымъ Меншиковымъ.

Между тѣмъ отъ Апраксина пришло донесеніе, въ которомъ говорилось, что при устьѣ Наровы показался шведскій флотъ въ 35 судовъ, а къ Нарвѣ ждуть большое войско, подъ командой Шлиппенбаха; русское войско слабо и онъ просилъ подкрѣпленія. Это извѣстіе встревожило Петра; онъ двинулъ къ Нарвѣ Преображенскій и Семеновскій полки, кавалерію и Рѣпина съ нѣсколькими полками и самъ вмѣстѣ съ Меншиковымъ отправился къ Нарвѣ.

Въ Петербургѣ комендантомъ крѣпости и начальникомъ войскъ назначенъ былъ полковникъ Брюсъ. У Кроншлота, на Невѣ стоялъ флотъ изъ семи 24 пушечныхъ фрегатовъ, построенныхъ въ прошедшемъ году. Чтобы знать, что дѣлается въ окрестностяхъ, Брюсъ посылалъ казаковъ и татаръ развѣдывать; они напали на шведскій отрядъ, прогнали его, взяли плѣнныхъ, но наткнулись на 8 тысячный отрядъ, перебили плѣнныхъ и въ страхѣ прискакали въ Петербургъ съ извѣстіемъ, что у нихъ по пятамъ идутъ шведы. Брюсъ приготовился къ встрѣчѣ и при первомъ появленіи шведовъ встрѣтилъ ихъ такимъ сильнымъ огнемъ, что они должны были отступить къ Охтѣ; тутъ они въ нерѣшительности простояли около мѣсяца, ничего не предпринимая.

Также неудачна была попытка шведскаго флота противъ Кроншлота. Вице-адмиралъ де-Пру съ сильною эскадрою еще, въ началѣ іюня, явился подъ Кроншлотомъ; но его встрѣтилъ жестокой, убійственный огонь новой крѣпости. Вице-адмиралъ отступилъ, исправилъ поврежденія, подерѣвился и въ то самое время, когда нападеніе было сдѣлано на Петербургъ напалъ не на Кроншлотъ, а на Котлинъ. Шведы пристали къ мели на мелкихъ судахъ и начали выходить на островъ Котлинъ; но въ эту минуту, подждавшіе ихъ русскіе напали на нихъ, перебили многихъ, шведы побѣжали, торопливо сѣли въ свои лодки и поплыли къ флоту. Послѣ того де-Пру не рѣшался нападать на Кроншлотъ, но только издали бросалъ въ него бомбы, которыя, однакожъ, не причинили никакого вреда, ни крѣпости, ни войскамъ ея.

Подъ Петербургомъ все еще стояли сухопутныя войска шведовъ,

а подѣ Кроншлотомъ морскія силы, но рѣшительнаго до поздней осени ничего не предпринимали; повсюду встрѣчали они сильный отпоръ и сколько разъ ни пытались нападать, каждый разъ ихъ отбивали. Шведскій главнокомандующій пытался мирнымъ способомъ овладѣть Петербургомъ; написалъ письмо къ коменданту Брюсу; упрекалъ его за неправильно, безъ причины начатую войну и совѣтовалъ отдать вновь построенныя на шведской землѣ крѣпости, которыхъ все-таки русскіе за собою удержать не могутъ. На это письмо Брюсъ отвѣчалъ, что не его дѣло мирить коронованныя лица, что онъ только подчиненный и его дѣло исполнять приказанія; ему приказано защищать крѣпости, онъ ихъ не сдастъ, а если шведамъ угодно взять ихъ, то пусть попробуютъ, встрѣча для нихъ приготовлена.

Шведскій генераль Майдель попытался было нечаянно овладѣть Котлинымъ зимою 1705 года, въ январѣ мѣсяцѣ, въ сильный морозъ. Онъ послалъ отрядъ въ 1000 человекъ изъ Финляндіи по льду, но проводникъ попался незнающій и шведы всю ночь потеряли въ напрасныхъ поискахъ; къ утру русскіе узнали о приближеніи непріятелей, успѣли приготовиться, съ успѣхомъ отбили нападеніе и прогнали шведовъ.

Постоянныя неудачи подѣ Петербургомъ встревожили шведовъ, у нихъ начали серьезно думать о томъ, что завоеванная Нева, пожалуй, останется за русскими; чтобы прогнать ихъ и отнять новыя крѣпости, снарядили сильный флотъ изъ 22 военныхъ кораблей, подѣ начальствомъ адмирала Анкерштерна.

Теперь и съ морской стороны Кроншлотъ былъ не беззащитенъ подѣ его стѣнами стоялъ русскій флотъ, правда гораздо меньше и слабѣе шведскаго, но ему помогали морскія и береговыя укрѣпленія; да, чтобы затруднить плаваніе и частію съ цѣлью обмануть шведовъ, поперегъ всего фарватера, передѣ русскимъ флотомъ были устроены пловучія рогатки, которыя держались на якоряхъ и издали съ моря походили на мачты, вбитыя въ землю, или мачты затопленныхъ кораблей, такъ что казалось будто никакого проѣзду нѣтъ. За этими то пловучими рогатками и раскинулся нашъ флотъ, подѣ начальствомъ адмирала Крейса, за годъ передѣ тѣмъ возвратившагося изъ Голландіи.

На мызу Санктъ-Яна, противъ того мѣста, гдѣ впоследствии

построена была цитадель, заблаговременно построили сильную батарею из 28 пушек; а на Котлиномъ островѣ, на западной косѣ, расположились два полка — Толбухина и Островскаго съ 3 пушками; Главнымъ комендантомъ Кроншлота и Петербурга съ званіемъ генерала за удачную защиту, по прежнему оставался Брюсъ. Юня 4 показался сильный шведскій флотъ, остановился въ одной милѣ и выслалъ эскадру къ Кроншлоту, но съ батареей С.-Яна и съ русскихъ фрегатовъ ихъ встрѣтили такою стрѣльбою, что эскадра горюливо поворотила назадъ и присоединилась къ большому флоту.

На другой день весь флотъ подошелъ на пушечный выстрѣлъ къ эскадрѣ Крейса и бросивъ якорь началъ осыпая наши корабли градомъ ядеръ и бомбъ, но безъ большаго вреда; между тѣмъ часть мелкихъ судовъ отдѣлилась отъ главнаго флота и пошла къ косѣ Котлина, гдѣ находились полки Толбухина и Островскаго. Открылась съ моря жесточайшая канонада, но на нее съ берега не отвѣчали и солдатъ не видно было; по приказанію начальниковъ, всѣ легли на землю и тѣмъ избавились отъ ядеръ и бомбъ. Полагая, что коса не защищена съ судовъ спустили гребныя лодки и боты и шлюпки съ десантомъ приближались къ косѣ; уже 128 гренадеръ вышли на берегъ, а остальные причаливали; въ это мгновеніе Толбухинъ приказалъ своимъ солдатамъ подняться; открылся огонь изъ трехъ пушекъ и ружейный. Неожиданное сопротивленіе смѣшалось шведовъ, они бросились назадъ къ своимъ лодкамъ; многія изъ нихъ опрокинулись, другія были пробиты нашими ядрами и шведы съ большою потерей бѣжали. На берегу и въ морѣ погибло больше 350 человекъ, въ плѣнъ взято до 30 человекъ. По словамъ плѣнныхъ, Анкерштернъ выбралъ незащищенное мѣсто на мысѣ о. Котлина потому, что трудно на корабляхъ пройти и прорваться черезъ рядъ вбитыхъ въ землю мачтовыхъ деревьевъ въ фарватерѣ.

Шведскій флотъ уже больше недѣли стоялъ подъ Кроншлотомъ, нападалъ то на батарею С.-Яна, то на русскія суда и все безъ успѣха. Наконецъ 10 юня, въ воскресенье, шведскій флотъ рѣшился дѣйствовать рѣшительнѣе. Утромъ, въ прекрасную погоду, весь флотъ распустилъ паруса и прямо пошелъ на нашъ, пишетъ адмиралъ Крейсъ. «Мы стояли тихо, ожидая, что будетъ, поверотся широкою стороною кораблей. На пушечномъ выстрѣлѣ шведы бросили якорь; впередъ выдвинули бомбардирскія суда. Въ 11 часу на-

чали бросать бомбы и стрѣлять изъ пушекъ, но бомбы, или перелетали черезъ мой фрегатъ, или не долетали до него, или падали подлѣ него въ море, отъ чего много тысячъ рыбъ выскакивали изъ воды, только одна бомба упала на галеру, въ ящикъ съ патронами и взорвала ихъ, но другаго вреда не причинила. До 2-го часа продолжалась канонада съ обѣихъ сторонъ, но тутъ вдругъ все смолкло; непріятельскіе фрегаты начали отступать. Я приказалъ на своемъ поднять красный флагъ, на Кроншлотѣ тоже подняли красный; адмиралъ Анкерштернъ на своемъ спустилъ шведскій флагъ и началъ поднимать тоже красный, но дотянулъ его только до половины и опять спустилъ; я же своего не спускалъ до поздняго вечера.

Я лично ходилъ на галерѣ противъ непріятельскихъ бомбардирскихъ судовъ, видѣлъ какъ отъ нашихъ выстрѣловъ съ нихъ щепы летѣли; они отступили и зашли на западъ непріятельской линіи. Я пошелъ на вице-адмиральскій корабль, но шведы отступили безъ выстрѣла, тогда какъ наши галеры ни на минуту не умолкли.

На слѣдующій день многіе изъ шведскихъ кораблей повернулись, очевидно они были повреждены нашими выстрѣлами; весь флотъ началъ отступать; болѣе всѣхъ былъ поврежденъ корабль вице-адмирала де-Пру. Въ это время изъ Петербурга привезли мортиры и одну гаубицу; скрытно въ лѣсу, прямо противъ адмиральскаго корабля поставили эти орудія и дали имъ достаточное прикрытіе и прислугу; я приказалъ начать стрѣлять въ адмиральскій корабль тотчасъ, когда съ батареи С.-Яна дадутъ сигналъ одинъ выстрѣлъ изъ пушки и одинъ изъ гаубицы.

Съ 11 до 15 іюня все было тихо; я увидѣлся съ комендантомъ Брюсомъ и отъ него узналъ, что шведы требовали сдачи Петербурга, но не посмѣли атаковать его и ушли ни съ чѣмъ. На непріятельскомъ флотѣ было тихо; тамъ къ обѣду собрались всѣ командиры судовъ къ контръ-адмиралу Шпарре и пировали при музыкѣ—трубахъ и литаврахъ. У меня обѣдалъ Брюсъ; послѣ обѣда я предложилъ ему сѣсть со мною въ шлюпку, обѣщаясь показать ему, какъ шведскій адмиралъ изъ почтенія къ русскому флагу спуститъ свои снасти. Мы сѣли въ шлюпку и поплыли къ батарее С.-Яна. При мнѣ, по моему приказанію на адмиральскій корабль навели гаубицу

и пушку; сперва выстрѣлили изъ пушки, но за дальностію ядро не долетѣло и упало въ воду, но за то выстрѣлъ гаубицы попалъ прямо въ рѣзную галерею и спибы ея; немедленно за этими двумя сигнальными выстрѣлами открылась неумолкаемая канонада изъ всѣхъ пушекъ и мортиръ на косѣ Котлина. Мое угощеніе пришлось очень не по вкусу непріятелю, на корабляхъ произошло сильное безпокойство; тотчасъ спустили всѣ паруса, гребныя лодки спустили въ море и они на буксирѣ потащили поврежденные корабли назадъ изъ подъ нашихъ выстрѣловъ. Комендантъ Брюсъ былъ очень радъ и благодарилъ меня за зрѣлище ему представленное.

До 21 іюня флотъ стоялъ поперегъ фарватера въ 3-хъ верстахъ отъ нашей линіи и дѣятельно занимался починкою своихъ попорченныхъ нами снастей и судовъ. Наконецъ 21 іюня мы только было приготовились бомбардирскими лодками и галерами подойти къ непріятелю, но онъ совершенно неожиданно поднялъ якорь и на всѣхъ парусахъ пошелъ въ море, точно будто за нимъ гнался кто нибудь».

Непріятелей не видно было, но тѣмъ усерднѣе занимались защитою крѣпостей, Котлина острова и береговъ. До 12 іюля не было видно шведовъ, но тутъ появились двѣ шнявы, очевидно посланныя за тѣмъ, чтобы промѣривать проходъ между Котлинымъ и Выборскимъ берегомъ. У насъ поставили на меляхъ фальшивыя вежи, чтобы заманить шведовъ и посадить ихъ на мель. На косѣ готовились еще лучше прежняго къ защитѣ; солдатамъ давали по чаркѣ вина, чтобы придать имъ силу и энергію. Черезъ два дня показался шведскій флотъ и отъ него отдѣлились гребныя суда, которыя потянулись по Выборскому берегу, а главный флотъ расположился полукругомъ. Въ 6 часу открылась жестокая стрѣльба со всѣхъ кораблей по косѣ; съ нашихъ кораблей отвѣчали, но на косѣ все оставалось тихо; Толбухинъ и Островскій съ своими полками лежали на пескѣ въ углубленіи и дожидались. Передъ полуднемъ мелкія суда приблизились къ косѣ, тогда съ нашей батареи открылся огонь по нимъ, но они не смѣшались и продолжали идти къ берегу; на ружейный выстрѣлъ отъ него солдаты бросились въ воду и пошли по ней пѣшкомъ; сначала воды имъ было по колѣно, потомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глубже и они шли по горло, а нѣкоторые дажеплыли; изъ нашихъ пушекъ не переставали осыпать

ихъ картечью; только нѣкоторые добрались до берега, русскіе взяли ихъ въ плѣнъ; остальные не выдержали огня и бѣжали назадъ къ своимъ судамъ; убитыхъ было много; въ тотъ же день выбросило 400 труповъ а на другой день еще больше ста.

Юля 15 опять весь шведскій флотъ принужденъ былъ уйти въ море и такъ торопливо, что два корабля не успѣли поднять якорей, а обрубили канаты.

Въ томъ же 1705 году еще дѣлали нѣсколько нападеній на Петербургъ съ сухаго пути, но комендантъ и гарнизонъ были насторожѣ; разъѣзды постоянно посылались по всѣмъ дорогамъ; незамѣтно подойти къ укрѣпленіямъ невозможно было, а явныя нападенія отражали такъ успѣшно, что ни одного бревна, ни одной крыши не испортили ни въ Петербургѣ, ни въ Кроншлотѣ. Петръ былъ доволенъ своими генералами, хвалилъ и награждалъ ихъ. Семеновскій и Преображенскій полки, хотя не оставались болѣе въ Петербургѣ, они съ царемъ ушли къ Нарвѣ, но другіе полки не хуже ихъ сражались, что мы видѣли при защитѣ косы на Котлинѣ островѣ.

Гораздо опаснѣе шведовъ для молодаго Петербурга были наводненія. Петербургъ стоялъ на топкомъ болотѣ, почти въ уровень съ невскими рукавами: при сильныхъ западныхъ вѣтрахъ тогда вода въ Невѣ поднималась и выходила изъ береговъ гораздо сильнѣе и чаще теперешняго, потому что не было каналовъ для стока лишней воды, напиравшей въ устье; почва была не осушена и не поднята и болотистыя лѣсныя низменности не представляли никакого оплота отъ воды.

Въ Петербургѣ въ 1703 году было очень сильное наводненіе; Петръ въ то время былъ у Лодейнаго поля и хлопоталъ о спускѣ вновь построенныхъ кораблей; князь Решнинъ писалъ ему изъ Петербурга: «У насъ стоитъ сильная непогода, вѣтеръ съ моря; въ томъ мѣстѣ, гдѣ я стою съ полками, набиваетъ воды и она даже поднялась до моей палатки. Въ Преображенскомъ полку и у харчевень подмочило многихъ сонныхъ людей, и перепортило много запасовъ и вещей. Постоянные жители увѣряютъ, что это повторяется каждый годъ осенью». Другіе пишутъ, будто въ то же наводненіе утонуло много больныхъ и раненныхъ, помѣщенныхъ въ низменныхъ мѣстахъ.

Наводненія тогда, также какъ и въ наше время, не повторялись каждый годъ; но черезъ три года, въ 1706 году самъ Петръ пишетъ Меншикову: «Третьяго дня вѣтромъ вестъ-зюйдъ-вестомъ такъ много воды нагнало, какой по словамъ старожиловъ, здѣсь никогда не бывало. У меня въ комнатахъ вода выше пола стояла на 21 дюймъ; а по огороду и по улицамъ свободно ѣздили на лодкахъ. Но она не долго держалась, не больше трехъ часовъ. Очень смѣшно было смотрѣть, какъ люди сидѣли на кровляхъ домовъ и на деревьяхъ, точно во время потопа и взлѣзали на деревья не только мужчины, но и женщины. Вода, правда, поднялась очень высоко, никакой бѣды не надѣлала».

Петербургъ, кромѣ наводненія представлялъ не мало другихъ неудобствъ: отъ сырой мѣстности развивались болѣзни, свойственныя болотистой почвѣ; долгая, почти 20 лѣтняя борьба съ шведами, дороговизна по причинѣ отдаленности отъ богатыхъ и населенныхъ полосъ Россіи, все это приводило въ недоумѣніе и даже ужасъ людей, близкихъ къ Петру: «Петербургъ не останется за нами, говорили они, придется его разорить.» Умнѣйшій въ то время чело-вѣкъ, князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій, увидѣвъ Петербургъ 15 лѣтъ послѣ его основанія, не могъ удержаться отъ того, чтобы не написать о немъ Шафирову: «Губернаторамъ теперь, хотя и худо — но кому теперь жить легко? — но я полагаю ни одинъ изъ нихъ, оставивъ свою губернію, не захочетъ *нхатъ жить въ Петербургъ.*» Только самые преданные Петру люди, какъ напримѣръ: Александръ Даниловичъ Меншиковъ, не раздѣляли этого мнѣнія.

Совсѣмъ другими глазами на Петербургъ смотрѣлъ Петръ; въ своихъ письмахъ къ Меншикову, онъ не переставалъ восхищаться и мѣстоположеніемъ Петербурга, и климатомъ, и очень часто называлъ его *парадизомъ.*

ГЛАВА XX.

Разореніе Лифляндіи и Эстляндіи. Повореніе Дерпта. Осада Нарвы и штурмъ. Русскій посланникъ въ Турціи. Петръ въ Воронежѣ. Болѣзнь Петра и его прибытіе въ Полоцкъ. Происшествіе въ монастырѣ. Пораженіе Шереметева. Положеніе русскаго вспомогательнаго отряда въ Савсоніи. Патвиль. Русскіе въ Гродно. Отступленіе въ Кіевъ. Меншиковъ въ Польшѣ. Побѣда надъ Мандерфельдомъ подъ Калишемъ.

Полное обладаніе Петербургомъ могло быть обезпечено только тогда, когда шведы будутъ оттѣснены отъ береговъ Финскаго залива; это сознавалъ Петръ и потому, устроивъ все для защиты Петербурга, направилъ главныя силы на остававшіеся непокоренными города въ Лифляндіи и главное на Нарву.

Еще немедленно послѣ основанія Петербурга, фельдмаршалъ Шереметевъ, по приказанію Петра, продолжалъ свой походъ завоевателя и истребителя. Онъ взялъ Копорье и Ямбургъ: шведскіе коменданты обыкновенно сначала защищались, но потомъ сдавались и уходили къ Нарвѣ безъ знаменъ и безъ пушекъ. Послѣ покоренія Ямбурга, Шереметевъ просился на зимнія квартиры, чтобы отдохнуть самому и дать отдыхъ измученнымъ войскамъ, но Петръ приказалъ ему также, какъ въ прошедшемъ году, сначала пройти съ огнемъ и мечемъ несчастную завоеванную Эстляндію и Лифляндію. Но Шереметевъ отвѣчалъ: «Идти въ походъ еще нельзя; городъ Ямбургъ еще не достаточно приготовленъ къ защитѣ; походъ не къ спѣху; еще лучшая пора не пришла, когда уберутъ съ полей хлѣбъ въ гумны и свезутъ сѣно въ сараи, когда все это покончатъ, тогда мы, при помощи Божіей, можемъ большую бѣду имъ сдѣлать.»

Въ концѣ іюля все было готово и, послѣ совѣщанія съ Меншиковымъ, проектъ разоренія Эстляндіи и Лифляндіи былъ готовъ, путь обозначенъ, жертвы могли ожидать появленія грозныхъ полчищъ. Проектъ, сохранившійся до сихъ поръ, былъ отправленъ къ Петру въ Лодейное поле и возвратился съ его собственноручною резолюціею: «Извольте въ запасъ взять съ собою маленькія мортиры; ежели въ Везенбергѣ, или въ какомъ нибудь другомъ городѣ найдется какой либо хлѣбный, или иной магазинъ, то конечно его надобно выжечь. Если же узнаешь, что идетъ подкрѣпленіе къ непріятелю, чего Боже сохрани! ни въ какомъ случаѣ отъ Ямбурга не удаляйся: если даже во время похода навѣрное узнаешь о подкрѣпленіи, тотчасъ повероти назадъ и остановись недалеко отъ Ямбурга.»

Шереметевъ съ своимъ войскомъ, какъ грозовая туча, понесся къ Везенбергу: его татары, калмыки, казаки и башкирцы, вмѣстѣ съ пѣхотой и артиллеріей, все истребляли направо и налево, все опустошали, жгли и рубили; онъ былъ также жестокъ и неумолимъ, какъ въ прошломъ году. При встрѣчѣ съ шведами разбивалъ посланныхъ на него, ломился впередъ, все опрокидывалъ и разбивалъ. Шведы бѣжали къ Ревелю, разметывая за собою мосты, а русскіе разѣзды татаръ и калмыковъ гнались за ними, какъ гончія собаки.

Шереметевъ вступилъ въ Везенбергъ, большой красивый и богатый каменный городъ, съ королевскимъ замкомъ, множествомъ магазинововъ, лавокъ и погребовъ. Шереметевъ остановился въ королевскомъ замкѣ; до прихода русскихъ, жители сами сожгли провіантскіе магазины и выпустили все вино изъ бочекъ королевскаго и частныхъ погребовъ. Фельдмаршалъ и солдаты особенно разсердились за это и грабили и разрушали городъ четыре дня сряду; отъ богатаго города остались развалины и пепель, залитой кровью. Отсюда всѣ окрестности до самаго моря и до Нарвы и къ Ревелю были разорены и пожжены. Замки Вейсенштейнъ, Феллинъ, Оберъ-Паленъ подверглись той же участи; остались цѣлы только Нарва, Дерптъ, Ревель, Пернау и Рига, да маленькое мѣстечко за болотами Лемсаль. Въ концѣ сентября Шереметевъ изъ своего разрушительнаго похода возвратился въ Печерскій монастырь на зимнія квартиры; онъ привезъ съ собою множество плѣнныхъ и богатую

добычу. Онъ доносилъ царю: «Офицерамъ и солдатамъ посылаю списокъ, а сколько взято чухонъ и женщинъ я за большимъ количествомъ и переписывать не велѣлъ: ратные люди разобрали ихъ для себя. Скота и лошадей въ твою пользу, Государь, взято вдвое больше прошедшаго года; чухонъ мужчинъ взято меньше прошлаго года, потому что вести было трудно; только на всякаго солдата по человѣку; остальныхъ, или отпускали, или рубили, ежели противились.»

Въ концѣ апрѣля зимній отдыхъ для войскъ Шереметева прекратился; ему дано было приказаніе осадить и взять Дерптъ. Шереметевъ началъ готовиться къ походу особенно внимательно, потому что по слухамъ въ Дерптѣ былъ сильный шведскій гарнизонъ. Чтобы облегчить нападеніе и отрѣзать Дерптъ отъ сообщенія съ моремъ, къ устью Эмбаха былъ посланъ отрядъ, подъ начальствомъ Вердена; ему было поручено мѣшать шведскимъ судамъ нападать на берега Чудскаго озера. Верденъ отъ рыбаковъ узналъ, что по Эмбаху, со стороны Дерпта, идетъ сильная эскадра изъ 13 вооруженныхъ яхтъ и бригантинъ; Верденъ нечаянно напалъ на эскадру съ берега, верстахъ въ 10 отъ устья Эмбаха. Командиръ эскадры только что пообѣдалъ и выпилъ лишнее, распорядиться не могъ, отбиться не умѣлъ и въ отчаяніи взорвалъ свой 14-ти пушечную яхту на воздухъ, а остальныхъ всѣ, кромѣ одной, достались русскимъ: на нихъ взято 98 пушекъ, капитаны и прочіе морскіе чины, солдаты и матросы. Такая удача превосходила всѣ ожиданія.

Послѣ этого Шереметеву нечего было больше медлить. Дерптъ былъ отрѣзанъ отъ Чудскаго озера. Шереметевъ осадилъ Дерптъ, старинный городъ, основанный великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, подъ именемъ Юрьева, за 675 г. тому назадъ; 200 лѣтъ послѣ своего основанія онъ подпалъ подъ власть рыцарей Ливонскаго ордена и превратился въ совершенно нѣмецкій городъ. Въ 1704 году Дерптъ былъ хорошо укрѣпленъ, по всѣмъ правиламъ фортификаціи; гарнизону было 5000 человѣкъ, артиллеріи достаточно для защиты стѣнъ и для вылазокъ. Самая слабая сторона Дерпта была при рѣкѣ Эмбахѣ, вдоль которой была только стѣна.

Шереметевъ осадилъ городъ; 13 іюня открылъ огонь со всѣхъ русскихъ батарей; бомбардированіе продолжалось восемнадцать дней безъ всякаго успѣха; бросали каленныя ядра, производившія пожары:

магазины, кирка и большая часть домовъ были попорчены, но комендантъ Скитте не думалъ сдаваться, а напротивъ приготовился къ сильной вылазкѣ. Юня 27, со стороны Текельфера, вышло изъ города 1000 человекъ кавалеріи и пѣхоты съ тѣмъ, чтобы отгнать русскихъ и засыпать апроши; русскіе отразили вылазку, но Скитте не падалъ духомъ и о сдачѣ не думалъ; такое упрямство обезпокоило Петра; онъ самъ рѣшился ѣхать и удостовѣриться, все ли сдѣлано со стороны Шереметева.

Петръ пріѣхалъ въ лагерь, ночью 3 іюля, осмотрѣлъ городъ и осадныя работы и нашелъ, что апроши ведены не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а тамъ, гдѣ удобнѣе и суше работать. Онъ приказалъ прежнія работы продолжать только для виду, а настоящее нападеніе начать со слабой стороны, а именно: за Эмбахомъ поставить батареи, а осадныя работы вести по болотистому берегу къ Нейтурму т. е. новой башнѣ.

Іюля 6 открылся огонь съ удвоенной силой и солдаты, работая по поясъ въ водѣ въ болотѣ, дошли до башни въ самое короткое время, въ стѣнахъ сдѣлались проломы въ трехъ мѣстахъ; ночью навели мостъ на Эмбахъ, немного выше города, и посланъ былъ отрядъ, чтобы занять мѣсто у палисада. Шведы бросились изъ города, чтобы отгнать русскихъ, къ которымъ тотчасъ подоспѣло подкрѣпленіе, къ шведамъ тоже; у палисада въ короткое время столпилось до 2000 человекъ, и они бились всю ночь до разсвѣта. Тутъ русскіе отчаянно кинулись впередъ, отгнали гарнизонъ и заняли за палисадомъ одно укрѣпленіе. Нашли тутъ 5 пушекъ и одну мортиру, повернули ихъ и начали стрѣлять по городу. Шведы начали изъ воротъ отвѣчать картечью. Русскіе, не смотря на убійственный огонь, рванулись еще впередъ и овладѣли входомъ въ башню и готовы были ворваться въ городъ. Доведенный до крайности, комендантъ приказалъ бить въ барабанъ къ сдачѣ, но одинъ барабанщикъ былъ убитъ, вслѣдъ на немъ другой, тогда приказано было трубить трубочу. Шереметевъ услышалъ сигналъ и спѣшилъ прекратить нападеніе, но солдаты такъ разсвирѣпѣли, что только съ величайшимъ трудомъ можно было остановить кровопролитіе.

Комендантъ прислалъ къ фельдмаршалу условія сдачи; но они были слишкомъ требовательны и вмѣсто нихъ были даны другія,

менѣе выгодныя съ объявленіемъ, что тѣ не могутъ быть допущены послѣ штурма, надобно было ихъ предложить раньше, а теперь уже поздно. Впрочемъ коменданту, всему гарнизону и городскимъ жителямъ позволено было выйти изъ города безъ осмотра, съ провіантомъ на мѣсяць; офицеры могутъ оставить при себѣ шпаги, а изъ солдатъ только три роты съ ружьями, но безъ пороха и пуль; позволеніе дано взять съ собою женъ и дѣтей и всѣмъ, кому угодно, оставивъ городъ позволено отправиться въ Ревель подъ конвоемъ. На требованіе коменданта составить подробную опись всему имуществу, оставленному въ Дерптѣ, на случай, чтобы при возвращеніи города шведамъ по ней отдать его, отвѣчали: «будущее извѣстно только Всевышнему!» и требовали немедленной сдачи крѣпости, ежели не хотятъ продолженія приступа. Коменданту Скитте нечего было дѣлать; онъ согласился и русскіе войска торжественно вступили въ городъ послѣ пятинедѣльной осады.

Распорядившись защитой города и отпустивъ гарнизонъ и жителей, Шереметевъ оставилъ въ Дерптѣ свой сильный гарнизонъ и съ войскомъ обратился къ Нарвѣ, куда Петръ торопилъ его.

Защита Ямбурга на зиму поручена была боярину Апраксину; въ началѣ весны 1704 года онъ узналъ, что къ устьямъ Наровы отъ Ревеля идетъ эскадра въ нѣсколько кораблей, съ нѣсколькими пѣхотными полками и съ конницею, Апраксинъ пошелъ къ Балтійскому морю и остановился подлѣ устья Наровы. Замѣтивъ русскихъ, два корабля подошли къ берегу и начали стрѣлять, но русская артиллерія дѣйствовала такъ удачно, что корабли, сильно поврежденные, должны были отойти. Недѣли двѣ флотъ простоялъ противъ устья Наровы, ничего не предпринимая, а околичнѣй Апраксинъ разсылая разъѣзды по берегу, не позволялъ подвозить съѣстныхъ припасовъ къ Нарвѣ ни по морскому берегу, ни по Ревельской дорогѣ; разбивалъ мелкіе отряды и отъ плѣнныхъ узналъ, что въ Нарвѣ нуждаются въ съѣстныхъ припасахъ. Къ шведскому флоту пришло еще нѣсколько кораблей. Отъ плѣннаго капитана знатной фамиліи Сталь-фонъ-Голштейнъ, Апраксинъ узналъ, что передъ Наровой стоятъ не одни военные корабли, но между ними много транспортныхъ судовъ съ съѣстными припасами для голодающей Нарвы. У Апраксина было мало войска, но онъ держался, какъ могъ и охранялъ берегъ; несмотря на все свое усердіе однако не замѣтилъ, какъ

ночью на мелкихъ судахъ мимо него прошло 700 солдатъ съ небольшимъ количествомъ провіанта и дошли до Нарвы. Русскіе узнали объ этомъ слишкомъ поздно, бросились за ними, но не могли помѣшать имъ. Узнавъ объ этой высадкѣ, Петръ остался очень недоволенъ.

Между тѣмъ армія русская собиралась со всѣхъ сторонъ и 30 мая переправилась черезъ Нарову, по приготовленному заранѣе мосту и расположилась въ пяти верстахъ отъ Нарвы, потомъ заняла то самое мѣсто, гдѣ за четыре года передъ тѣмъ потерпѣла жестокое пораженіе. Комендантомъ Нарвы былъ тотъ самый Горнъ, который такъ удачно защищался въ 1700 году. Онъ и теперь не оставался въ бездѣйствіи: дѣлалъ постоянныя вылазки и тревожилъ русскихъ; иногда по два раза въ день, утромъ и вечеромъ и очень часто ночью высылалъ по 700 человекъ и больше.

Но русскіе больше всего опасались не Горна, а внѣшней помощи, которая могла придти со стороны Ревеля; носились даже слухи, что самъ Карлъ съ войскомъ сѣлъ на суда и идетъ отъ Гданска. Посылали развѣзды, но ничего положительнаго не узнали, нигдѣ не видно было ни одного шведа. Петръ придумалъ хитрость, чтобы вызвать изъ Нарвы большую вылазку, разбить ее и вмѣстѣ съ нею ворваться въ крѣпость.

Отъ плѣнниковъ узналъ онъ, что въ Нарвѣ ожидаютъ подкрѣпленіе—Шлиппенбаха съ отрядомъ. Меншиковъ присовѣтовалъ царю сдѣлать засаду особаго рода. Преображенскій, Семеновскій и два драгунскіе полка переряжены были въ шведскіе синіе мундиры, съ шляпами, обшитыми бѣлымъ галуномъ; съ желтыми и бѣлыми знаменами; ихъ ночью отвели на Везенбергскую дорогу, верстъ за восемь и оттуда, подъ предводительствомъ самого царя, во второмъ часу по полудни двинулись къ Нарвѣ. Для отраженія мнимаго корпуса Шлиппенбаха, Меншиковъ выступилъ изъ лагеря, а самъ ночью обошелъ и притаился подъ самую Нарову, въ садахъ и въ лѣсу.

«Въ два часа пополудни, рассказываетъ шведскій офицеръ, бывшій въ Нарвѣ, мы на Везенбергской дорогѣ слышали два сигнальные выстрѣла изъ пушекъ, вскорѣ они повторились. Комендантъ Горнъ, увидѣлъ синіе мундиры, подумалъ, что идетъ давно ожидаемый корпусъ Шлиппенбаха и отвѣчалъ лозунгомъ. Потомъ вдали показался дымъ перестрѣлки, мы думали, что это русскіе

напали на Шлиппенбаха. Черезъ нѣсколько времени мнѣніе это, казалось, подтвердилось; русскіе сняли шатры, двинулись въ сторону двумя длинными рядами и готовились къ битвѣ, шведскій корпусъ показался изъ лѣсу; въ немъ была конница и пѣхота; оба войска сошлись; раздались пушечные и ружейные выстрѣлы».

При этомъ шведы нарочно стрѣляли стройно, какъ слѣдуетъ хорошо обученному войску, а русскіе вразбросъ и какъ бы нарочно путались, но тѣ и другіе наблюдали, чтобы пули летали выше головы. Потомъ русскіе, какъ бы смѣшались и начали отступать передъ мнимымъ Шлиппенбахомъ; въ обозѣ произошло движеніе; начали снимать палатки и запрягать лошадей.

Для содѣйствія мнимому Шлиппенбаху Горнъ приказалъ сдѣлать сильную вылазку изъ 1000 человекъ пѣхоты 150 драгунъ и 4 пушекъ. Но пока пѣхоту собирали, конница выѣхала, а за нею въ надеждѣ на добычу высыпали многіе нарвскіе жители, даже женщины и дѣти. На встрѣчу къ драгунамъ, съ конницею, въ синихъ мундирахъ, выѣхалъ польскій посланникъ, бывшій въ русскомъ лагерѣ, полковникъ Арнштедтъ; полковникъ шведскій поздоровался съ нимъ; Арнштедтъ обнялъ его и въ ту же минуту выхватилъ у него саблю, одновременно обезоружили остальныхъ офицеровъ и отвели ихъ въ русское войско.

Надѣялись выманить большую вылазку; но пѣхота замѣшчалась, а одинъ изъ драгунскихъ офицеровъ, совершенно пьяный не отдавалъ оружія, самъ застрѣлился и тѣмъ испугалъ прочихъ; шведы бросились назадъ, русскіе за ними; полковникъ Ренне выскочилъ изъ засады и подъ самыми городскими воротами произошла ужасная свалка; до 300 шведовъ было убито, въ числѣ ихъ много женщинъ и дѣтей и до 46 взято въ плѣнъ; маскарадъ не удался, но и потери большой не было: убито всего 4 драгуна.

Отъ плѣнныхъ узнали, что подъ Везенбергомъ стоитъ Шлиппенбахъ и не приближается потому только, что поджидаетъ конницу изъ Риги и Ревеля, но скоро придетъ на выручку Нарвы. Такая вѣсть обезпокоила Петра и онъ отправилъ къ Везенбергу сильный отрядъ, подъ начальствомъ полковника Ренне; тотъ быстро напалъ на Шлиппенбаха, отгѣснилъ его и окончательно такъ разбилъ, что онъ только съ трудомъ спасся въ Ревель съ 200 человекъ рейтаръ;

онъ потерялъ пушки, обозъ и даже собственную верховую лошадь.

Осада шла вяло; между тѣмъ изъ Москвы пріѣхалъ австрійскій генераль Огильви, поступившій въ русскую службу, въ званіи фельдмаршала. Рекомендація у него была отличная и прежнія заслуги давали ему право на это высокое званіе. Петръ приказалъ всей Нарвской арміи выстроиться, сдѣлалъ ей смотръ вмѣстѣ съ Огильви и вручилъ ему команду надъ всѣмъ осаднымъ корпусомъ. Огильви осмотрѣлъ войско осадныхъ работы и написалъ донесеніе, въ которомъ нашелъ все не такъ, и войско плохо обучено, и офицеры незнаючи, и вооружены, и одѣты не такъ. Изложивъ это, онъ объ осадѣ тоже доносилъ, что ее ведутъ не такъ и предложилъ сперва всѣ силы направить на Иванъ-городъ, отрѣзать его сообщеніе съ Нарвою, перевести осадный корпусъ на другой берегъ рѣки, чтобы въ случаѣ нападенія шведскаго вспомогательнаго войска, было меньше опасности потерять осадную артиллерію, фельдмаршала Шереметева отправить для наблюденія за шведскимъ королемъ, и какъ скоро онъ покажется, отступать и присоединиться къ главной арміи подъ Нарвой. Для командованія войсками къ Огильви помощниками назначили четырехъ генераль-адъютантовъ съ однимъ генераль-квартирмейстеромъ, но всѣхъ знающихъ по русски и по нѣмецки.

Донесеніе это было прочитано и рассмотрѣно Петромъ, но изъ всего сказаннаго въ немъ во вниманіе было взято только то, что надобно осаждать городъ изъ-за рѣки, съ праваго берега Наровы. Заложены были батареи; недоставало только пушекъ и мортиръ чтобы начать канонаду; ихъ ожидали изъ Петербурга, куда самъ царь уѣзжалъ, чтобы ускорить ихъ перевозку. Главнаго плана осады Петръ не измѣнилъ и работы велъ на Нарву на бастионы Викторія и Гоноръ; здѣсь, какъ вездѣ неутомимо работали солдаты Преображенскаго полка, дѣло было очень трудное; шведы не давали имъ покоя, постоянно стрѣляли изъ пушекъ и дѣлали сильныя вылазки; однажды чуть было не захватили въ плѣнъ большаго отряда, уже окружили его, но изъ лагеря къ нимъ на помощь прибѣжали солдаты и выручили Преображенцевъ; но изъ нихъ около 10 человекъ было убито и между ними ихъ отважный командиръ Кар-

Не смотря однакожь на все это, русскіе съ каждымъ днемъ приближались къ крѣпости и держивались въ своихъ мѣстахъ; наконецъ привезли осадную артиллерію. Изъ Петербурга Невою и морскимъ берегомъ на мелкихъ судахъ привезли въ 8 дней ядра, бомбы, другіе военные припасы и пушки и мортиры. Суда шли морскимъ берегомъ подъ конвоемъ 10 пушечнаго корабля и счастливо миновали шведскій флотъ. Осадную артиллерію немедленно поставили на приготовленныя батареи, по правому берегу Наровы и преимущественно противъ бастіоновъ Викторія и Гоноръ.

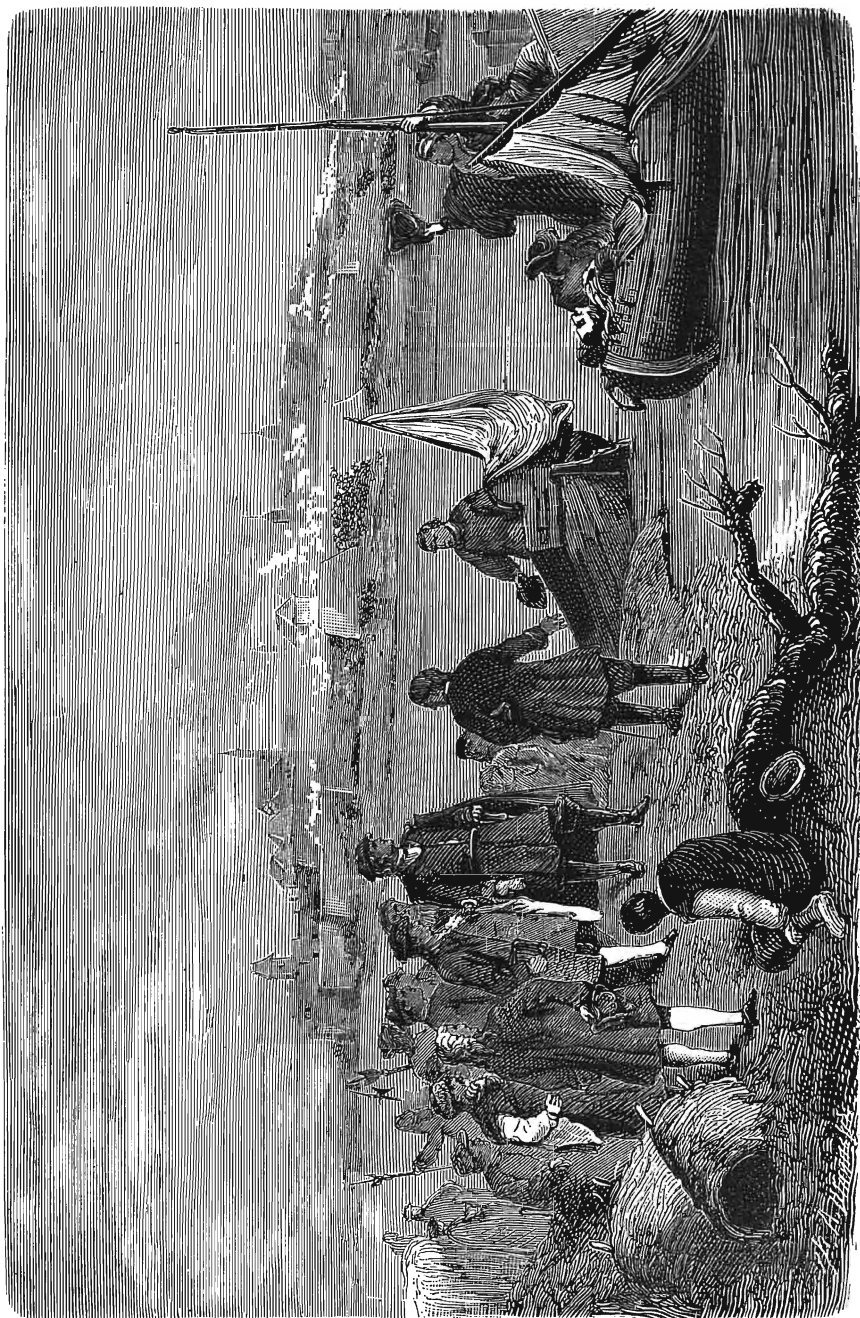
Бомбардированіе началось 30 іюля, въ воскресенье и продолжалось десять дней; началось залпомъ изъ 46 пушекъ и 15 мортиръ, впослѣдствіи число орудій дошло до 100. Изъ пушекъ стрѣляли отъ зари до зари, а изъ мортиръ днемъ и ночью безъ промежутка. Въ городѣ зданія горѣли, крѣпость во многихъ мѣстахъ обрушилась, но комендантъ Горнъ оставался непоколебимъ.

На восьмой день бомбардированія, Огильви послалъ плѣннаго дерптскаго коменданта Скитте съ барабанщикомъ въ крѣпость съ предложеніемъ сдать Нарву, а Скитте для того, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ, какъ поступили русскіе при сдачи Дерпта. Но Горнъ незахотѣлъ видѣться съ Скитте, на письмо обѣщался отвѣчать на другой день, но пока требовалъ перемирія. Въ отвѣтъ Огильви совѣтовалъ Горну сдаться, потому что средства защиты истощены, путь къ приступу открытъ и гарнизонъ и жителей спасти можно только покорностью. Бомбардированіе все еще продолжалось; Русскіе придвинулись къ самому рву.

На другой день Горнъ прислалъ отвѣтъ, что безъ приказанія короля крѣпости сдать не можетъ и отдавая письмо, проклиналъ и бранилъ русскихъ.

Въ совѣтѣ русскаго войска положено было взять Нарву приступомъ, потому что путь въ городъ, чрезъ проломы въ бастіонахъ Викторія и Гоноръ, открытъ; солдатамъ роздали штурмовыя лѣстницы.

Августа 9, послѣ 5 сигнальныхъ выстрѣловъ изъ мортиръ, войска пошли на приступъ. Шведы отчаянно защищались; взорвали подкопъ, нашихъ пало много, но мѣсто убитыхъ заступили живые и смѣло шли впередъ; на нихъ съ высотъ скатывали штурмовыя бочки, давили ими однихъ, а другіе лѣзли впередъ. Преображен-

Осада Нарвы.

скій полкъ былъ впереди и первый взлѣзъ на бастіонъ Гоноръ; за нимъ—двѣ другія волонны. Шведовъ опрокинули, и они побѣжали въ Старый городъ, затворивъ за собою ворота. Но комендантъ видѣлъ, что все пропало и приказалъ барабанщикамъ бить сдачу, чтобы поскорѣе забарабанили, самъ кулакомъ ударилъ по барабану; онъ надѣялся получить капитуляцію, но солдаты, разгоряченные битвой не слышали и не хотѣли слышать барабана; яростно взбѣжали на высокую стѣну, разломали ворота Старого города и гнали шведовъ до замка Иванъ-города, куда чуть не ворвались вслѣдъ за бѣгущимъ непріятелемъ. И только видъ богатой и легкой добычи въ лавкахъ и домахъ отвлекъ ихъ; они бросились грабить и убивать. Кровопротіе было ужасное; никому не было пощады ни мужчинамъ, ни женщинамъ, ни старикамъ, ни младенцамъ.

«Мы все ожидали смерти, пишетъ одинъ очевидецъ. Въ день штурма я страдалъ лихорадкою и отправился въ домъ бургомистра Шварца, чтобы присоединиться къ своему отряду; по пути мы встрѣтили бѣгущихъ въ испугѣ; они кричали, что Новый городъ въ рукахъ у русскихъ. Я бросился въ домъ Шварца и съ его женою, пасторомъ, бывшимъ комендантомъ Нотебурга — Шлиппенбахомъ и другими лицами, заперлись. Не успѣли мы задвинуть засовы, какъ появились русскіе и начали стучаться. Къ счастью, съ ними былъ нѣмецкій маіоръ, именемъ Вейде; онъ намъ приказывалъ отворить дверь, обѣщаясь сохранить намъ жизнь. Мы послушались, отворили дверь, но ужаснулись, когда въ комнату ринулась толпа русскихъ солдатъ съ окровавленными саблями. Но маіоръ сдержалъ слово и благодареніе Всевышнему — мы спасены. Только все наше имущество разграблено; на мнѣ остался старый домашній кафтанъ.»

Черезъ два часа Петръ въѣхалъ въ городъ вмѣстѣ съ Огильви; его возмутилъ видъ убійства и грабежа; онъ приказалъ трубить по всемъ улицамъ, чтобы прекратить грабежъ и поставилъ караулъ у уцѣлѣвшихъ домовъ; одного солдата, который не обращалъ вниманія на трубные звуки и продолжалъ грабить, онъ закололъ шпагой. Войдя въ домъ Гетте и бросая окровавленную шпагу на столъ онъ воскликнулъ: «Не бойтесь, это не шведская, а русская кровь!»

Коменданта Горна, взятаго въ плѣнъ, Петръ принялъ очень сурово, далъ ему пощечину за дерзкія слова, съ которыми отправ-

лялъ письмо и велѣлъ его посадить въ тюрьму, въ ту самую, въ которой русскіе томились со дня первой Нарвской битвы. Онъ въ ней остался двѣнадцать дней, потомъ отвезенъ въ Россію, гдѣ въ плѣну оставался двадцать лѣтъ. Жена его погибла во время приступа, а одинъ сынъ и четыре дочери спасены генераломъ Чамберсомъ, который взялъ ихъ на свое попеченіе.

Впослѣдствіи, когда послѣ смерти Карла XII, на шведскій престолъ взошелъ король Фридрихъ, генераль-маіора Горна, по его просьбѣ, отправили въ Швецію съ тѣмъ, чтобы онъ вмѣсто себя вымѣнялъ какогонибудь изъ русскихъ, столько же значительныхъ плѣнныхъ, съ обязательствомъ ежели это ему не удастся, то возвратиться назадъ въ Россію, въ противномъ случаѣ все его семейство должно было пойти въ Сибирь на каторгу. Не смотря на общія, Горнъ за себя никого изъ русскихъ не прислалъ, самъ не возвратился и галеру, на которой онъ пріѣхалъ, шведы задержали со всѣми матросами, подъ предлогомъ, что у нихъ объявлено—ни одного изъ русскихъ судовъ не принимать, а всѣ переговоры вести сухимъ путемъ, посредствомъ трубача, или барабанщика.

Иванъ-городъ, послѣ покоренія Нарвы держался еще съ недѣлю. Въ день штурма Нарвы предъ Иванъ-городомъ явился русскій офицеръ съ требованіемъ сдачи; но ему отвѣчали, что коменданта нѣтъ, что неизвѣстно живъ ли онъ, или убитъ, что его надобно отыскать и просили подождать; а въ сущности дѣло было въ томъ, что хотѣли выиграть время и комендантъ приготовился къ защитѣ; хотя у него солдатъ было не больше 200 человекъ.

Черезъ нѣсколько часовъ изъ русскаго стана явился другой офицеръ съ письмомъ отъ коменданта Горна, приказывавшаго покориться, но на это отвѣчали: комендантъ Горнъ теперь въ плѣну и приказывать не можетъ; а гарнизонъ Иванъ-города рѣшился защищаться до послѣдней капли крови. Въ отвѣтъ на это Арнштедтъ объявилъ: ежели крѣпость не отворитъ воротъ, то всѣ плѣнные, взятые въ Нарвѣ, всѣ жители безъ исключенія, до новорожденныхъ младенцевъ, будутъ истреблены.

«Государь воленъ дѣлать, что ему угодно, отвѣчалъ комендантъ, но я считаю большимъ стыдомъ отдавать, по первому требованію крѣпость, порученную королемъ моей защитѣ; если же предложены

будутъ выгодныя условія, тогда можно будетъ подумать о капитуляціи.

Огильви приказалъ сказать коменданту, что ему удивительно, какъ можно упрямиться съ голоднымъ гарнизономъ и не хотѣтъ воспользоваться царскою милостію, и между прочимъ велѣлъ спросить: на какихъ условіяхъ комендантъ хочетъ сдать крѣпость? Онъ совѣтовалъ прислать трехъ офицеровъ въ русскую главную квартиру для переговоровъ и съ своей стороны обѣщался тоже отправить трехъ же офицеровъ въ Иванъ-городъ, какъ заложниковъ. Коменданту не хотѣлось сдавать крѣпости, онъ со слезами на глазахъ обратился къ военному совѣту и спросилъ: «Скажите, что дѣлать?» Всѣ единогласно отвѣчали: «покориться, иначе гарнизонъ погибнетъ отъ голоду: на всѣхъ осталось не больше пяти мѣръ хлѣба».

Августа 15 несчастные голодные шведы хотѣли вступить въ переговоры, но русскимъ некогда было, они пировали по случаю покоренія Нарвы; Меншикова царь объявилъ губернаторомъ; передъ его домомъ поставлена была новая мортира; ее до краевъ наполнили виномъ; самъ царь черпалъ изъ нея и пилъ за здоровье своихъ генераловъ и офицеровъ. На слѣдующій день начались переговоры; коменданту, гарнизону и тѣмъ изъ жителей, кому угодно съ женами и дѣтьми позволено было удалиться въ Ревель, но гарнизону отказано было въ оружіи, знаменахъ и пушкахъ. Гарнизонъ вышелъ и отправился въ Ревель и Выборгъ, частію сухимъ путемъ, частію на судахъ, а русскіе спокойно вошли въ крѣпость и заняли караулы.

Вѣсть о покореніи Нарвы была принята въ Москвѣ съ восторгомъ; царь приказалъ отпраздновать это событіе обычными торжествами, какъ церковными, такъ и общественными.

Турція между тѣмъ съ завистью смотрѣла на постройку Азовскаго укрѣпленія, на Таганрогъ и другія прибрежныя крѣпости. Борьба съ Швеціей все-таки не отнимала у Петра возможности слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось у такого сосѣда, какъ Турція. Въ Константинополь отправленъ былъ посломъ Толстой съ тѣмъ, чтобы онъ внимательно присматривался, не дѣлаютъ ли какихъ либо приговленій къ походу, не обучаютъ ли солдатъ на европейскій ладъ, не готовятъ ли артиллеріи и конницы: однимъ словомъ, не дѣлаютъ ли какихъ нибудь приготовленій къ войнѣ. Но глав-

ное приказано ему было разузнать не толкуютъ ли о томъ, чтобы засыпать Керченскій проливъ, о чемъ было говорено въ прошломъ году.

Толстаго встрѣтили очень недружелюбно; туркамъ непріятно было появленіе небывалаго посольства, долго заставили дожидаться аудіенціи и послѣ нея начали требовать разныхъ уступокъ, а главное, платы за то, что запорожцы напали на греческихъ купцовъ, перебили нѣкоторыхъ и разграбили товары, которые они везли. При свиданіи съ Толстымъ главный визирь требовалъ немедленной уплаты 30,000 р. сер. Толстой отвѣчалъ, что царь вовсе не хочетъ ссоры съ Турціей и потому готовъ заплатить половину суммы, а остальную уплачивать ежегодно вычетомъ изъ жалованья, отпускающагося на запорожское войско.

Но турки становились требовательнѣе; они хотѣли, чтобы Азовъ и Таганрогъ были разорены, а корабли, или отведены назадъ въ Воронежъ, или сожжены, но плавать имъ по Азовскому морю не подобаетъ. На это Толстой объявилъ, что обо всемъ этомъ нечего и думать; Петръ ни на одно изъ этихъ требованій не можетъ согласиться. Послѣ долгихъ переговоровъ насилу можно было уговорить главнаго визиря не разрывать мира, такъ недавно заключеннаго, и унять Крымскаго хана, который преимущественно требовалъ войны.

Петръ, не смотря на заверенія со стороны турокъ все-таки не довѣрялъ имъ и совѣтовалъ коменданту Азова беречься шпионовъ; никакихъ незнакомыхъ кораблей не пускать къ Таганрогу, а морскую торговлю съ турками и татарами вести подъ пушками азовскихъ укрѣпленій.

Въ 1703 году получено извѣстіе, что султанъ Мустафа II свергнутъ съ престола янычарами и преемникъ его Ахметъ III посылаетъ въ Россію посла. Его въ Москвѣ приняли со всѣми должными почестями; но это былъ человекъ грубый, необразованный и дерзкій. Онъ ни о чемъ говорить не хотѣлъ, на всѣ вопросы отвѣчалъ: «мнѣ приказано отдать грамоту, а словесно ничего не наказать передавать». Такъ какъ Петръ въ Москвѣ оставаться не могъ, то онъ велѣлъ турецкому посольству пріѣхать въ Нарву; тутъ у царя была тайная мысль, показать турку свое войско, чтобы внушить ему мысль о своей сильной арміи. Рѣшительнаго отвѣта на

грамоты послу не давали; онъ жилъ безъ дѣла, скучаль, былъ недоволенъ пріемомъ, содержаніемъ и почестями. Должно быть онъ отозвался обо всемъ этомъ очень невыгодно, потому что его неудовольствіе отразилось на нашемъ посланникѣ въ Константинополѣ.

«Посоль турецкій, пишетъ Толстой въ 1705 году, который былъ въ Москвѣ еще въ Константинополѣ не возвратился, но прислалъ изъ Крыма человѣка съ письмомъ; не знаю, что писалъ, но меня страшно стѣснили: не выпускаютъ изъ дома ни меня, ни моихъ людей и ко мнѣ никого не пускаютъ; мы нѣсколько дней сидѣли безъ пищи, потому что не позволяли покупать хлѣба; только большими подарками добился я того, что стали по одному человѣку пускать за покупкой хлѣба. Въ это время ко мнѣ изъ Москвы прибыли подарки для новаго визиря; я ихъ отдалъ; они были милостиво приняты и мое положеніе нѣсколько измѣнилось къ лучшему, но все-таки я никогда еще не находился въ такомъ тѣсномъ заключеніи, какъ теперь. Кромѣ того у меня есть еще большой страхъ, я три года живу въ Константинополѣ, люди мои научились по-турецки, свели знакомство съ турками, боюсь, какъ бы не поколебались въ вѣрѣ и не приняли магометанства, столь заманчиваго для необразованныхъ людей, а когда это случится, между ними можетъ найтись Юда-предатель и выдать всѣ мои тайны, указать съ кѣмъ я вхожу въ сношенія и тѣмъ надѣлать мнѣ и преданнымъ нашему дѣлу людямъ много вреда. У меня уже былъ такой примѣръ. Молодой подъячій Тимоѣей хотѣлъ обасурманиться; мнѣ удалось узнать это, я призвалъ его къ себѣ, усовѣщевалъ, и уговаривалъ, но онъ на отрѣзъ объявилъ мнѣ, что намѣренъ перейти въ турецкую вѣру. Тогда я его не отпускалъ отъ себя изъ спальни до ночи; ночью онъ выпилъ у меня рюмку вина, отъ которой вскорѣ умеръ. Такъ Богъ его сохранилъ отъ отступничества. Но многіе знаютъ о его намѣреніи. Опасаясь того же впередъ, я хотѣлъ было отпустить моего сына въ Москву и съ нимъ отправить ненадежныхъ людей, но турки не пускаютъ сына моего.»

Но Толстому вскорѣ удалось султану внушить подозрѣніе къ послу, его донесеніямъ перестали придавать важность и съ нашимъ стали обращаться лучше; этому много содѣйствовалъ патріархъ Іерусалимскій. Вообще отношенія съ Турціей исправились, не было

никакого повода опасаться войны съ этой стороны, и Петръ могъ всѣ свои силы обратить въ глубь Литвы и подать помощь королю Августу, положеніе котораго въ Польшѣ становилось очень стѣсненнымъ и отъ шведовъ, и отъ своихъ польскихъ подданныхъ.

Послѣ покоренія Нарвы, Петръ отправился въ Москву и занялся дѣлами внутренняго управленія, издавалъ законы касательно сохраненія жизни и здоровья русскаго народа: запретилъ продавать различныя лекарства и травы, которыя въ рукахъ невѣжественныхъ людей могли приносить вредъ; запретилъ продавать и носить ножи съ острыми концами, потому что во время ссоръ ими ссорящіеся нерѣдко наносили другъ другу раны и убивали; издалъ разныя постановленія для предохраненія городовъ и деревень отъ пожаровъ; выписалъ пожарныя трубы; въ Москвѣ въ Кремлѣ и Китаѣ-городѣ запрещено строить деревянные дома и на мѣсто ихъ по возможности строить каменные; пустопорожнія мѣста, владѣльцы которыхъ не въ состояніи строить каменныхъ должны были продавать ихъ и строиться на окраинахъ города. Къ этому же времени относятся разныя постановленія на счетъ монастырей и управленія монастырскими вотчинами. Запрещено подписываться уменьшительными именами. Заведены новыя школы.

Въ февралѣ Петръ отправился въ Воронежъ, посмотрѣть, что дѣлается на его верфи; тутъ онъ спустилъ 80 пушечный корабль *Старый-Дубъ*, прожилъ здѣсь два мѣсяца, при себѣ спустилъ еще нѣсколько судовъ и приказалъ Апраксину къ слѣдующей веснѣ оснастить и вооружить до 24 судовъ. Верфь на Воронежѣ оказалась неудобною, по причинѣ мелководья, хотя построены были шлюзы, но отъ нихъ все-таки достаточной глубины нельзя было получить; Петръ осмотрѣлъ мѣстность и рѣшилъ верфь перенести почти къ самому устью Воронежа, и въ 3 верстахъ отъ Дона положено основаніе новой верфи и крѣпости *Тавровой*.

Въ концѣ апрѣля Петръ возвратился въ Москву и готовился тотчасъ же отправиться въ Полоцкъ, гдѣ было собрано большое, отлично вооруженное и за зиму хорошо обученное войско; но Петръ сильно захворалъ лихорадкою, долженъ былъ вернуться съ дороги и больной пролежалъ три недѣли.

Еще изъ Воронежа Петръ командованіе арміи хотѣлъ раздѣлить между своими двумя фельдмаршалами такъ, чтобы пѣхота ос-

тавалась подь командою Огильви, и вся конница—Шереметева. Но и тотъ, и другой такимъ распоряженіемъ были недовольны; писали объ этомъ Петру и онъ наконецъ положилъ до своего приѣзда все оставить по старому, и каждому изъ фельдмаршаловъ имѣть при себѣ по ровну и пѣхоты, и конницы. Огильви свое неудовольствіе на такое распоряженіе царя высказывалъ въ частной корреспонденціи и въ измѣненномъ обращеніи съ русскими офицерами; князь Репнинъ пишетъ Меншикову: «Истинно не могу узнать этого челоувѣка, такъ онъ измѣнился въ сравненіи съ тѣмъ, какъ былъ въ прошломъ году. Сдѣлался неприступенъ, живетъ безвыходно въ іезуитскомъ домѣ и съ утра до вечера окруженъ ими. Дай Богъ, чтобы ты поскорѣе приѣхалъ къ намъ и все самъ увидѣлъ».

Здоровье Петра поправилось, и онъ приѣхалъ въ Полоцкъ; первое время жилъ очень пріятно и весело; этому немало содѣйствовало извѣстіе о счастливомъ отраженіи шведовъ отъ Петербурга. Но пребываніе въ Полоцкѣ окончилось непріятнымъ происшествіемъ. Петръ былъ раздраженъ противъ іезуитовъ, орденскіе члены которыхъ входили въ сношенія съ шведами и съ партіей Сапѣги, противной королю Августу. Одинъ изъ монаховъ, бывшій прежде православнымъ, особенно сильно противудѣйствовалъ русскимъ; онъ бранилъ Петра и Августа, возбуждалъ простой народъ къ тому чтобы разомъ напасть и перебить всѣхъ русскихъ солдатъ. Петръ зналъ многое, но молчалъ, не желая вмѣшиваться во внутреннія дѣла управленія своего союзника и не желая возбуждать подозрѣнія католиковъ, будто онъ тѣснитъ уніатовъ и ищетъ ихъ уничтоженія, хотя Меншиковъ неоднократно на этомъ настаивалъ.

Наканунѣ своего отъѣзда изъ Полоцка, Петръ съ своими приближенными вошелъ въ уніатскій монастырь, чтобы осмотрѣть его. Въ церкви онъ было хотѣлъ войти въ алтарь, но монахи загородили ему дорогу и не пустили, какъ противника ихъ вѣры. Петръ вспыхнулъ, но сдержался, ничего не сказалъ и не пошелъ. Увидѣвши образъ особенно богато украшенный онъ спросилъ: «Чей это образъ?»

Монахи отвѣчали: «Это образъ нашего священно-мученика Юсафата (Кунцевича), котораго ваши нечестивые еретики, едино-вѣрцы умертвили.» Тутъ Петръ не вытерпѣлъ и приказалъ своимъ

приближеннымъ схватить монаха и самъ вышелъ изъ костела. Монахи видѣли, что ихъ много, а царской свиты мало и не сдались, начали кричать, вырваться, звали на помощь; сбѣжались вооруженные послушники и монастырскіе слуги; началась свалка, нѣкоторые изъ царской свиты были ранены, четверо монаховъ смертельно ранены; русскіе одолѣли. Вслѣдствіе этой схватки раздраженіе Петра дошло до крайней степени, и онъ велѣлъ повѣсить монаха, отличавшагося своими яростными выходками на русскихъ.

Чтобы предупредить клевету и ложь, Петръ описалъ это происшествіе; но тѣмъ не избавился отъ клеветы. Католики донесли папѣ объ этомъ происшествіи въ преувеличенномъ и превратномъ видѣ, Петра выставили, какъ яростнаго тигра, который безъ причины своими руками рубить монаховъ. Въ Россіи раскольники и противная Петру партія также по своему рассказала это происшествіе, такъ наприм. каторжный колодникъ, бывший солдатъ въ 1708 году такъ рассказывалъ: «Когда Петръ былъ въ Полоцкѣ, день св. Петра и Павла припелся въ пятницу: государь пошелъ въ монастырь и приказалъ монахамъ ѣсть мясо; они не согласились; Петръ позвалъ ихъ въ церковь молебень служить и когда они начали служить, царь ни съ того, ни съ сего вынулъ палашь и разрубилъ двухъ монаховъ, а третьяго ранилъ. Въ это время благочестивымъ людямъ было видѣніе: Иисусъ Христосъ явился въ облакахъ; въ одной рукѣ держалъ копьё, въ другой огненныя стрѣлы и говорилъ съ гнѣвомъ: «Наступило время покарать его за такое дѣло!» но Богородица упросила Его подождать, чтобы покался.»

Передъ отправленіемъ изъ Полоцка, за нѣсколько дней, Петръ послалъ Шереметева въ Курляндію, противъ шведскаго генерала Левенгаупта, но далъ ему строгое приказаніе солдатъ держать въ дисциплинѣ, не позволять имъ ни жечь, ни грабить, ни разорять жителей, а только дѣйствовать противъ шведовъ. Фельдмаршалъ Шереметевъ съ кавалеріею шелъ впередъ, а пѣхота и артиллерія отстали; не дождавшись ихъ, кавалерія старымъ обычаемъ нестройно, но стремительно, ударила на неприятельскую кавалерію, разбила ее и такъ распугала, что нѣкоторые бѣжали даже до самыхъ прусскихъ границъ. Генералъ Левенгауптъ отступилъ къ лѣсу; а русская кавалерія вмѣсто того, чтобы тоже отступить и дождаться пѣхот и артиллеріи, и напасть вмѣстѣ съ нею на шведскую пѣ-

хоту, бросилась грабить непріятельскій обозъ: между тѣмъ наша пѣхота пришла, Левенгауптъ атаковалъ ее и разбилъ, а кавалерія вмѣсто того, чтобы выручить своихъ, бросилась бѣжать; большая часть пѣхоты легла на мѣстѣ, ушли очень немногіе; знамена и пушки достались побѣдителю.

На донесеніе Шереметева о своей неудачѣ Петръ отвѣчаетъ съ благородствомъ и величіемъ, достойнымъ его: «Не извольте слишкомъ печалиться о бывшемъ несчастіи; постоянная удача привела многихъ людей къ погибели; но неудача хороша тѣмъ, что не даетъ забываться и придаетъ бодрость».

Петръ самъ выступилъ изъ Вильны, чтобы перерѣзать дорогу Левенгаупту въ Ригу; съ этою же цѣлью онъ послалъ Шереметеву приказаніе: «Пойти, какъ можно скорѣе, отрѣзать дорогу непріятелю отъ Риги, но ни въ какомъ случаѣ битвы не давать, какъ бы она выгодна ни казалась; ежели удастся пресѣчь ему путь, то окопаться и дать о томъ знать главнымъ силамъ. Подъ опасеніемъ смертной казни не преслѣдовать непріятеля, не скакать за непріателемъ, а идти медленно шагомъ.» Порученіе это было тѣмъ труднѣе, что у Шереметева кромѣ конницы, ничего не осталось: поэтому онъ отвѣчалъ: «Тебѣ, государь, извѣстно, что у непріятеля пѣхота и пушки, гдѣ намъ одними ружьями управиться противъ пушекъ? У меня никакихъ орудій для окоповъ нѣтъ, все отослано въ Полоцкъ съ пѣхотными полками.» Но до схватки не дошло: Шереметеву не удалось перерѣзать Левенгаупту дорогу; онъ счастливо перебрался черезъ Двину въ Ригу.

Петръ оставилъ Шереметева подъ Ригой, а самъ съ остальнымъ войскомъ пошелъ отнимать у шведовъ Митаву. Послѣ семнадцатидневной осады, при которой одна вылазка была особенно сильная, чуть было не выбившая русскихъ изъ занятой позиціи, шведы здали столицу Курляндіи и вслѣдъ за тѣмъ Баускъ. На эти двѣ побѣды Петръ смотрѣлъ, какъ на большую удачу, потому что шведы такимъ образомъ были еще болѣе отрѣзаны отъ Лифляндіи и можно было двинуться дальше въ Польшу.

Въ Митавѣ Петръ получилъ непріятное извѣстіе; сдѣлался бунтъ въ Астрахани; для усмиренія его изъ подъ Риги фельдмаршалу Шереметеву приказано было съ двумя эскадронами драгунъ и однимъ батальономъ пѣхоты, на подводахъ, слѣзть туда, на пути

приказано было къ нему присоединиться тремъ полкамъ изъ Петербурга, Смоленска и Москвы.

Такимъ образомъ въ западной арміи остался одинъ фельдмаршалъ, Огильви, но ему отъ этого было не свободнѣе; въ расчеты Петра не входило, чтобы главное начальство надъ какою бы то ни было отраслю управленія, а тѣмъ менѣе войска, поручать иностранцу; поэтому, вслѣдъ за приказаніемъ Шереметеву слѣзть въ Астрахань, въ Вильно къ Огильви отправленъ былъ царскій любимецъ Алекс. Дан. Меншиковъ; къ нему обращались всѣ русскіе генералы; отъ него требовали совѣта, приказаній, разрѣшеній и ходатайствъ передъ царемъ. Между нимъ и Огильви согласіе длилось не долго; у нихъ начались разногласія на счетъ зимнихъ квартиръ: Огильви хотѣлось помѣстить войско подъ Меречемъ, а Меншиковъ доказывалъ, что его надобно помѣстить въ Гродно, мѣстѣ укрѣпленномъ, гдѣ въ случаѣ нападенія можно долго держаться и съ небольшимъ отрядомъ, тѣмъ болѣе съ большою арміей. Спросили рѣшенія царскаго и онъ приказалъ для зимнихъ квартиръ выбрать Гродно, куда и самъ царь вскорѣ поѣхалъ изъ Митавы. Въ октябрѣ сюда же пріѣхалъ Августъ; Петръ здѣсь сдалъ ему главное начальство надъ войскомъ, а самъ отправился въ Москву. Такимъ образомъ Августъ могъ соединенными войсками дѣйствовать противъ шведовъ, и желаніе Паткуля, которому еще прежде данъ былъ вспомогательный русскій корпусъ, исполнилось.

Посмотримъ, въ какомъ положеніи находился въ Дрезденѣ русскій вспомогательный корпусъ? Начальникъ его, князь Голицынъ, жаловался на крайній недостатокъ: у солдатъ не было одежды, обуви, оружіе было плохое, нельзя было являться на службу, стыдно въ люди показаться; русскія деньги по курсу стояли очень низко, размѣнивали ихъ неохотно: «Не знаю, какъ мнѣ содержать этихъ бѣдныхъ людей, писалъ кн. Голицынъ. Польскій король непрерывно упрекаетъ за дурное состояніе людей и за то, что отъ нихъ никакой помощи ожидать нельзя. Изъ Литвы идутъ жалобы на русское войско и король опасается, что вмѣсто добра отъ русской помощи одна только вражда разгорится между обоими народами, а общій врагъ ихъ, шведы воспользуются этой враждою. Провіанту мало выдаютъ и надобно ожидать полнаго голода, потому что въ Саксоніи вообще плохой урожай; артиллерія и обозъ въ самомъ отчаянномъ

видѣ, новыя телѣги и станки строить дорого, потому что, здѣсь не то что въ Россіи, нигдѣ ни кусочка дерева даромъ взять нельзя. Лошадей вовсе нѣтъ, всѣ перемерли отъ недостатка корма, или отъ трудностей похода, такъ что ни обоза, ни артилеріи не на чемъ везти.» Въ заключеніе Голицынъ, да и Паткуль въ своихъ письмахъ спрашивали: дозволено ли будетъ, въ случаѣ ежелибы положеніе солдатъ еще ухудшилось, всему вспомогательному корпусу перейти на службу къ другому государю, подразумѣвая подъ этимъ австрійскаго.

Августъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ и напротивъ увѣрялъ, что войско въ отличномъ порядкѣ и никогда въ такомъ видѣ не бывало, какъ теперь; а дѣло вотъ въ чемъ: вмѣсто того, чтобы выдать жалованье 40,000 присланное изъ Россіи, онъ приказалъ имъ купить башмаки, камзолы, чулки и прочія принадлежности костюма, а на провіантъ ничего не оставилъ; русскіе жаловались, что всѣ вещи для нихъ куплены въ три-дорога; вмѣсто 40,000 до нихъ дошло только 33,000 и т. д. Паткуль съ своей стороны описывалъ отчаянное состояніе вспомогательнаго корпуса; онъ говорилъ, что до сихъ поръ ихъ кормилъ въ кредитъ, на свое имя и ежели ему не будутъ немедленно доставлены средства, то онъ это прямо объявитъ солдатамъ и такъ, какъ ихъ на службу въ Австрію не пускаютъ, чтобы вывести ихъ изъ этой крайности, то онъ ихъ распуститъ и пусть они промышляютъ себѣ пропитаніе, хотя бы грабежемъ и разбоемъ и населяютъ тюрьму и къ позоры русскаго имени погибаютъ на висѣлицахъ, колесахъ и плахахъ.

Жизнь русскаго вспомогательнаго корпуса, какъ легко вообразить себѣ, въ Дрезденѣ была невыносимая; къ тому же надобно прибавить, что къ физическимъ страданіямъ присоединялись и нравственныя. Дрезденскіе жители презирали русскихъ солдатъ; никто не хотѣлъ съ русскими офицерами садиться за одинъ столъ, ѣсть съ ними съ одного блюда.

Положеніе Паткуля въ Дрезденѣ было не лучше: министры Августа не любили его и готовы были воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы погубить его. Тайно отъ нихъ онъ извѣщалъ Петра, что находится въ когтяхъ волчьихъ и потому долженъ быть по-волчьи, поэтому не довѣрятъ всему, что писано его рукою, потому что онъ иногда поневолѣ долженъ писать не то, что ему

хочется, а то, что приказывают и то, съ чѣмъ онъ вовсе не согласенъ. Такъ онъ предостерегалъ на счетъ характера и образа мыслей короля Августа; говорилъ что онъ въ Польшѣ держится слабо, на помощь рѣчи Посполитой надѣяться не можетъ, что собственные его земли разорены и онъ очень охотно отказался бы отъ войны и при первой возможности былъ бы готовъ помириться и теперь сильно сожалѣетъ о томъ, что не позаботился о дружбѣ и о союзѣ съ Бранденбургскимъ домомъ; да и самому царю необходимо возобновить и поддержать эту дружбу, потому что отсюда одна надежда, ежели Петру одному придется вести войну съ Швеціей, что можетъ всегда случиться.

По порученію Петра Паткуль ѣздилъ въ Берлинъ. Ему поручено было укрѣпить дружбу съ королемъ прусскимъ, склонить его къ союзу съ Россіей и Польшей, въ случаѣ ежели бы Швеція не приняла прусскаго посредничества для заключенія мира, прочнаго и выгоднаго для воюющихъ державъ. Ежели же шведы заупрямятся и мира не захотятъ, то новому союзнику, Пруссіи, царь предлагалъ принудить Швецію къ миру силою оружія, а въ вознагражденіе предлагалъ польскую Пруссію; ежели же шведскій король прусскому предлагалъ больше выгодъ, то и царь съ своей стороны постарается превзойти его. Если же король прусскій не можетъ, или не захочетъ вступить въ наступательный и оборонительный союзъ съ Россіей, то уговорить его къ строгому нейтралитету.

Возвратившись изъ Берлина, Паткуль извѣстилъ Петра, что прусскій король готовъ неизмѣнно хранить къ нему дружбу и готовъ ему служить, или посредникомъ у шведовъ, или союзникомъ противъ нихъ; министры его жаловались, что союзъ и прежде не состоялся только по проискамъ польскаго короля, который только и помышляетъ о томъ, какъ бы заключить отдѣльный миръ.

Паткуль писалъ, что въ Берлинѣ Августа считаютъ человѣкомъ двуличнымъ и готовы на мѣсто его въ польскіе короли лучше возвести Станислава Лещинскаго и хотѣли отъ него вывѣдать какого мнѣнія объ этомъ Петръ, но Паткуль сказалъ, что ему объ этомъ ничего не говорено. Въ союзъ съ королемъ Августомъ Пруссія вступать не захотѣла, какъ съ человѣкомъ двоедушнымъ, съ которымъ ни одинъ государь не хотѣлъ имѣть дѣла. Паткуль увѣдомлялъ, что онъ старался оправдывать Августа и всю вину

слагалъ на его министровъ, а въ заключеніе писалъ, что король и министры прусскіе готовы примириться съ Августомъ и заключить съ нимъ союзъ, ежели онъ смѣнитъ *всѣхъ своихъ* злыхъ совѣтниковъ. Паткуль далъ за него слово, что это будетъ и просилъ Петра, чтобы онъ при личномъ свиданіи съ Августомъ постарался уговорить его къ тому, въ противномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о союзѣ и онъ, Паткуль, умываетъ руки и ни во что больше не вмѣшивается, пусть все идетъ, какъ Бугу угодно».

Паткуль ненавидѣлъ саксонскихъ министровъ и такимъ образомъ, при содѣйствіи Петра, хотѣлъ избавиться отъ нихъ, потому что и они съ своей стороны платили ему такую же ненавистью и искали случая погубить его. Случай этотъ нашелся.

Паткуль, видя бѣдственное положеніе русскаго вспомогательнаго корпуса искалъ возможности передать его на службу другому государю и много разъ писалъ объ этомъ Головину, наконецъ получилъ отъ него отвѣтъ въ 1705 году: ежели всѣ усилія вывести русскія войска изъ Саксоніи будутъ неудачны, чего Боже сохрани, въ этой крайности предоставьте ихъ цесарю на возможно выгодныхъ условіяхъ, но только на годъ, не больше; возвратиться же въ Россію они могутъ черезъ Венгрію.

Паткуль ни слова не сказалъ Голицыну о переводѣ войска въ австрійскую службу и предложилъ ему въ военномъ совѣтѣ вопросы, съ цѣлью свалить съ себя отвѣтственность: Такъ какъ царь приказываетъ вывести войско изъ Силезіи, то 1) какимъ путемъ сдѣлать это возможно? Черезъ Пруссію, Польшу, или Австрію? 2) Откуда взять продовольствіе во время похода; 3) на которомъ пути меньше опасности попасться въ плѣнъ? 4) Можно ли идти безъ конницы, а ежели нельзя, то откуда взять ее? 5) Кто съумѣетъ показать лучшей способъ, тому въ награду будетъ дано 1000 червонцевъ и слѣдующій чинъ,

Послѣдній пунктъ оскорбилъ князя Голицына, онъ смотрѣлъ на него, какъ на вызванный желаніемъ подкупить его и потому отвѣчалъ, тоже пунктами. 1) Совѣта дать не могу: неизвѣстно, дадутъ ли позволеніе пройти, это вамъ, какъ министру и генералу лучше знать: 2) существуетъ царскій указъ, по которому войско кормить должны королевскіе комиссары; если путь будетъ свободенъ, то провіантъ солдаты могутъ на себѣ нести; 3) отвѣчаю

тоже, что и на первый пунктъ; 4) по договору провожать должны конные саксонскіе полки. 5) Не отвѣчаю, потому что не мое дѣло давать совѣты *за деньги*. Весь военный совѣтъ объявилъ, что черезъ Польшу полкамъ невозможно идти.

Черезъ нѣсколько дней Паткуль опять предложилъ военному совѣту слѣдующіе вопросы: 1) Удобны ли настоящія квартиры? 2) Есть ли у князя Голицына деньги на пищу и на одежду для войска? Тутъ же объявлено повелѣніе Петра: ежели войскамъ черезъ Польшу въ Россію нѣтъ дороги, то войска для службы передать другому государю. Декабря 15 Паткуль въ Дрезденѣ заключилъ съ австрійскимъ посланникомъ договоръ, по которому русское войско переходило на службу къ Австріи на одинъ годъ для опыта; съ тѣмъ, чтобы его употребили на Рейнѣ, въ Нидерландахъ и только въ крайнемъ случаѣ въ Италіи.

Министры, управлявшіе Саксоніей въ отсутствіи короля не соглашались отпускать русскаго войска, потому что тогда Саксонія останется почти безъ защиты; они отъ Паткуля требовали, чтобы онъ уничтожилъ договоръ; Паткуль не соглашался. Тогда прибѣгли къ крайней, насильственной мѣрѣ: Паткуля арестовали и отвезли въ крѣпость Зонненштейнъ; Голицынъ тутъ же протестовалъ, ссылаясь на народныя права, по которымъ посланника и генерала, находящагося въ русской службѣ нельзя арестовать; но на протестъ его не было обращено вниманія. Самъ Паткуль и князь Голицынъ писали объ этомъ Петру, и онъ съ своей стороны находилъ этотъ поступокъ жестокимъ и противнымъ всѣмъ правамъ международнымъ. Саксонскіе министры не хотѣли выпускать изъ рукъ своей жертвы; для объясненій послали нарочнаго уполномоченнаго къ Петру; но доводы его не убѣдили царя, и онъ остался при своемъ мнѣніи. Ссориться съ Августомъ, своимъ единственнымъ союзникомъ, въ виду шведскихъ войскъ Петру нельзя было и потому онъ ограничивался одними словесными и письменными протестами, на которые саксонскіе министры тоже только отписывались.

Положеніе Августа въ Польшѣ было самое стѣсненное; всѣ польскіе магнаты, войско и народъ раздѣлились на двѣ партіи: на саксонскую, въ главѣ которой стоялъ Августъ и польскій магнатъ Сапѣга, и шведскую, во главѣ которой стоялъ Карлъ XII и про-

изведенный имъ въ королѣ и коронованный въ Варшавѣ: Станиславъ Лещинскій.

При наступленіи осени, когда наши войска стягивались въ Гродно, а Петръ находился въ Курляндіи, Карлъ XII стоялъ подъ Варшавою и содѣйствовалъ утвержденію Станислава Лещинскаго на престолѣ: но въ концѣ января Карлъ изъ Польши двинулся къ Гродно не смотря на сильный морозъ. Петръ совсѣмъ больной изъ Москвы поспѣшилъ къ своему войску; съ дороги и изъ Москвы онъ писалъ фельдмаршалу Огильви и Меншикову, что въ генеральный бой съ шведами отнюдь не вступать, а для лучшаго обученія военному искусству, сражаться съ ними небольшими партіями: но главное—совѣтовалъ не дожидаться въ Гродно, чтобы Карлъ соединился съ своими отдѣльными корпусами—лифлядскимъ и курляндскимъ, а лучше отступалъ къ своимъ границамъ, гдѣ недостатокъ въ продовольствіи быть не могло.

Но фельдмаршалъ отступать не хотѣлъ, а предпочиталъ остаться или въ Гродно, или идти въ Польшу, чтобы соединиться съ Саксонскимъ войскомъ. Напрасно Петръ писалъ объ отступленіи и приказывалъ, но его приказанія оставались безъ послѣдствій. Меншиковъ объ этомъ рѣшеніи извѣстилъ Петра и прибавилъ: ежели бы два иностранныхъ генерала на совѣтѣ военномъ не пристали къ его сторонѣ и не удержали Огильви, то онъ непременно выступилъ бы съ войскомъ въ Польшу; въ концѣ письма онъ просилъ Петра, какъ можно скорѣе пріѣхать и лично принять начальство надъ войскомъ.

Но Петръ не могъ пріѣхать, а вмѣсто него подъ Гродно явился самъ Карлъ съ войскомъ; онъ перешелъ Нѣманъ, прогнавши русскихъ драгунъ, которые хотѣли помѣшать его переправѣ. Онъ подступилъ къ стѣнамъ Гродно и вызывалъ русское войско на бой; но битвы не приняли и готовились защищаться отъ осады и приступа; но за недостаткомъ тяжелой артиллеріи Карлъ не могъ приступить ни къ тому, ни къ другому, отступилъ отъ Гродно и расположился въ 70 верстахъ отъ него, довольствуясь тѣмъ, что посылалъ для развѣдыванья сильныя развѣзды.

Польскій король Августъ, находившійся въ Гродно во время приближенія къ нему Карла, не захотѣлъ дожидаться исхода, взялъ четыре русскихъ полка драгунъ и ушелъ къ Варшавѣ; и такъ русскіе

были отрѣзаны отъ границы и, главное, терпѣли недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ и въ фуражѣ. Меншиковъ еще раньше былъ вызванъ Петромъ въ Дубровну. Тутъ Петръ узналъ, что Карлъ расположилъ войска въ сосѣдствѣ съ Гродно и что, слѣдовательно, отступление для русскихъ, ежели не совершенно невозможно, то крайней мѣрѣ очень опасно, и что самому ему туда проѣхать нельзя. Извѣстіе это очень огорчило царя и онъ совершенно унылый уѣхалъ въ Смоленскъ.

Изъ Гродно не было никакихъ извѣстій; Петръ опять написалъ князю Репнину для сообщенія Огильви: чтобы ни въ какомъ случаѣ не дожидаться соединенія Карла XII съ двумя отдѣльными корпусами, а отступить, не теряя времени, куда удобнѣе; ежели нѣтъ лошадей, то взять у жителей, ежели тяжелая осадная артиллерія затруднитъ движеніе, то потопить ее въ Нѣманѣ, испортивъ сначала пушки. Въ Гродно не ждять понапрасно подкрѣпленія саксонскаго войска, ежели достовѣрно неизвѣстно, что оно приближается.

Прошла зима, отвѣта на это письмо царь не получалъ; наступилъ февраль и тутъ только Огильви написалъ, что исполнить царскаго повелѣнія до сихъ поръ не могъ, потому что рѣки подольдомъ, переправа вездѣ удобная и при малѣйшемъ движеніи русскаго войска угрожаетъ непріятельская конница. Онъ упрекалъ Меншикова, зачѣмъ онъ уѣхалъ изъ Гродно, въ виду непріятеля, оставивъ войско безъ денегъ, безъ хлѣбныхъ запасовъ, безъ лошадей для полковыхъ обозовъ и артиллеріи, жаловался на дурное состояніе войска и на то, что русскіе генералы не слушаются его и распоряжаются помимо него.

Рѣпининъ съ своей стороны писалъ, что Огильви нисколько не заботится о выгодахъ русскаго войска, что онъ въ ежедневной перепискѣ съ королемъ Августомъ, и что носятя слухи, будто вмѣсто отступления изъ Гродно къ русскимъ границамъ, фельдмаршалъ намѣренъ вести войско къ Варшавѣ. Петръ былъ крайне недоволенъ полученными извѣстіями, но сдержалъ свое негодованіе и убѣдительно просилъ и приказывалъ своему фельдмаршалу не терять времени въ напрасныхъ ожиданіяхъ, а изыскивать средства, какъ бы скорѣе и удобнѣе приблизиться къ русскимъ границамъ, отъ которыхъ отрѣзанъ. Въ тоже время писалъ Августу о томъ,

чтобы онъ позаботился доставить русской арміи провіанту, потому что онъ находится въ свободной мѣстности и ему легко доставить арміи все нужное и прибавляетъ: «Ежели же, по случаю недостатка въ пищѣ, что нибудь дурное случится съ русскимъ войскомъ, то вашему величеству съ нашей стороны нельзя надѣяться на помощь. Августъ отвѣчалъ, что изъ Гродно выѣхалъ за тѣмъ, чтобы поскорѣе привести саксонскія войска на помощь и вѣрнѣе доставлять провіантъ русскому, и просилъ царя прислать ему поскорѣе денежное вспомошествованіе, безъ котораго ничего нельзя предпринимать.

Петръ по многимъ опытамъ мало надѣялся на помощь саксонцевъ, поэтому самъ придумывалъ средства болѣе вѣрной помощи: онъ далъ приказаніе гетману Мазепѣ изъ Волыни съ казаками идти въ Минскъ, что было легко исполнить, потому что въ Брестѣ находился сильный казачій отрядъ. Онъ совѣтовалъ русскому отряду, ежели только достанетъ съѣстныхъ припасовъ, оставаться въ Гродно до половины марта, до того времени, когда ледъ пойдетъ на Нѣманѣ, потомъ отступать и самъ съ 8000 отрядомъ и съ казаками общался выйти на помощь. Чтобы затруднить движеніе шведовъ, царь приказалъ отъ Смоленска до Пскова вездѣ, гдѣ есть лѣса, дѣлать широкія засѣки въ триста шаговъ шириною, а гдѣ лѣсовъ нѣтъ, тамъ строить земляные валы и оставить только топкія болота незащищенными, потому что они сами непроходимы и могутъ служить защитой.

Во время этихъ распоряженій Петръ получилъ извѣстіе, что 20000 саксонское войско на голову разбито въ началѣ февраля при Фрауштадтѣ, шведскимъ генераломъ Реншильдомъ, у котораго было не больше 12000 человекъ. При саксонскомъ войскѣ находился русскій вспомогательный корпусъ; саксонская кавалерія, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, бѣжала, большая половина пѣхоты побросала ружья и отдалась въ плѣнъ; бились одни русскіе, и большая часть погибла; шведы истребляли ихъ безъ всякаго сожалѣнія и не брали въ плѣнъ даже тѣхъ, которые отдавались, а всѣхъ поголовно убивали.

Болѣе въ Гродно медлить нельзя было; Петръ послалъ приказаніе немедленно выступить изъ Гродно; заблаговременно приготовить мостъ; изъ города нѣкого изъ жителей не выпускать, чтобы не дали шведамъ извѣстіе о выступленіи русскихъ; крѣпостныхъ

пушекъ не трогать съ мѣстъ, пока войско не приготовится выступить; но ежели до тѣхъ поръ ледъ на Нѣманѣ не тронется, то заранѣе понадѣлать проруби, въ которыя побросать осадныя орудія. Въ городѣ не производить грабежа, но отобрать тайно всѣ ножи и всякое оружіе и побросать въ воду. Лошадей всѣхъ обработать у жителей. Выступать позднимъ вечеромъ, когда смеркнется, чтобы всю ночь идти можно было; когда отойдутъ отъ города миль на десять, до тѣхъ мѣстъ, гдѣ начнутся лѣса, тамъ войску раздѣлиться по полкамъ и идти въ разныхъ направленіяхъ, а не кучею, потому что шведамъ неудобно будетъ гнаться въ разсыпную. При выходѣ изъ города конницу оставить назади, чтобы она защищала мостъ и отступленіе; не жалѣть ни артиллеріи, ни добра, ни оставленныхъ плѣнниковъ, ежели ихъ взять съ собою затруднительно, заботиться только о сохраненіи жизни людей.

Вслѣдъ за этимъ приказаніемъ Петръ присылалъ еще нѣсколько другихъ, такого же содержанія, но Огильви все еще медлил, отговаривался, что шведскій король погонится за нимъ со всѣмъ своимъ войскомъ и совѣтовалъ даже цѣлое лѣто продержаться въ Гродно.

Но Петръ настаивалъ на своемъ и наконецъ далъ послѣднее рѣшительное предписаніе, объявляя, что на дальнѣйшія проволочки и на неисполненіе приказанія будетъ смотрѣть, какъ на измѣну.

Петръ изъ Минска уѣхалъ въ Петербургъ, сдавъ начальство Меншикову. Но и здѣсь въ своемъ любимомъ парадизѣ ему не было покоя; душа его томилась и тосковала о войскѣ, заключенномъ въ Гродно. Наконѣцъ, 24 марта, въ день Свѣтлаго Воскресенія, получено радостное извѣстіе: русское войско, воспользовавшись вскрытіемъ Нѣмана по заранѣе приготовленному мосту вышло изъ Гродно; и черезъ три дня 27 встрѣтило отрядъ Меншикова. Предположеніе Петра оправдалось. Карлъ узналъ объ отступленіи русскихъ, но болѣе недѣли не могъ преслѣдовать ихъ за вскрывшимися Нѣманомъ и другими рѣками; когда же наконецъ устроили переправу и погнались за отступавшими, было уже поздно и передвиженіе войскъ по засѣкамъ и болотистой мѣстности стало невозможно. Карлъ далъ своимъ войскамъ отдыхъ и повелъ ихъ въ Саксонію, чтобы покончить съ Августомъ.

Петръ писалъ Меншикову, поздравлялъ его и сожалѣлъ о томъ,

что не можетъ самъ прѣхать къ войску, что болѣзнь задерживаетъ его въ Петербургѣ. Между тѣмъ русскіе отступали къ Кіеву съ намѣреніемъ защитить этотъ древній городъ; ни Меншиковъ, ни Огильви не знали о движеніи шведовъ въ Саксонію и полагали, что Карлъ со всѣмъ войскомъ идетъ за ними по пятамъ. Несогласія между Меншиковымъ и Огильви продолжались; одинъ жаловался на другаго. Когда въ Кіевъ пришло извѣстіе о побѣдѣ Шереметева надъ астраханскими бунтовщиками и о взятіи города, Меншиковъ, въ знакъ радости, приказалъ стрѣлять изъ ружей, но Огильви запретилъ это, а между тѣмъ все-таки стрѣляли. Наконецъ, чтобы покончить эти несогласія Петръ объявилъ 25 іюля, что главнокомандующимъ всей арміи опять назначается Шереметевъ, а Огильви дается отдѣльный, самостоятельный корпусъ изъ 13 полковъ, какъ это сказано въ контрактѣ, съ нимъ заключенномъ. Два мѣсяца спустя, фельдмаршала совсѣмъ уволили отъ службы и отпустили съ большими подарками и почестями, *чтобы не жаловался*.

Меншиковъ осмотрѣлъ окрестности Кіева и нашелъ, что всего города ни защищать, ни укрѣплять въ случаѣ нападенія шведовъ нельзя, но есть очень удобное для крѣпости мѣсто—Печерскій монастырь; тамъ и мѣстность удобная и каменныхъ построекъ много, тогда, какъ въ городѣ всего только одна каменная церковь—соборная.

Петръ поѣхалъ въ Кіевъ, осмотрѣлъ городъ и монастырь, во всемъ согласился съ Меншиковымъ и распорядился укрѣпленіемъ монастыря, а самъ поспѣшилъ къ сѣверо-западнымъ границамъ, чтобы воспользоваться отсутствіемъ Карла и обезпечить свой *парадизъ* отъ нападенія со стороны Финляндіи. Онъ лично повелъ войска къ Выборгу и осадилъ его; но осада пошла очень неудачно; онъ долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ, потому что изъ-за грязной дороги, недостатка корму для лошадей осадная артиллерія остановилась на дорогѣ и къ Выборгу подоспѣли только пять мортиръ; ихъ установили и въ теченіе четырехъ сутокъ день и ночь непрерывно въ городъ бросали бомбы; тамъ дѣлались пожары, но русскіе не могли взять города и войско отступило къ Петербургу.

При самомъ началѣ осады Выборга, Петръ понесъ потерю, о которой долго не могъ позабыть и о которой писалъ Меншикову; «Случилось происшествіе, которое очень меня опечалило: городъ Вы-

боргъ стоитъ на протокаѣ, простирающемся до самой Карелии; черезъ протокаѣ—мостъ, у насъ было очень мало судовъ. Еслибъ я зналъ, взялъ бы съ собою нѣсколько мелкихъ судовъ; очень досадно, что тѣ, которые живутъ въ сосѣдствѣ, ничего не знаютъ. Кромѣ бомбардированія, за позднимъ временемъ года ничего предпринять нельзя было. Посылаю при семъ описаніе чуднаго боя Щепотева, съ неслыханною славою окончившаго жизнь свою.»

«Октября 12 были отправлены Преображенскаго полка сержантъ Щепотевъ, бомбардиръ Дубасовъ, два флотскіе унтеръ-офицера и 48 солдатъ и гренадеровъ на пяти маленькихъ лодкахъ къ шведскимъ торговымъ кораблямъ, которые отъ города шли въ море. Но пока отыскивали лодки, шведскіе корабли успѣли отойти довольно далеко: настала туманъ и вмѣстѣ съ нимъ пришла ночь. Въ темнотѣ посланные наѣхали на адмиральскій ботъ *Эспернз*; на немъ было 5 офицеровъ, 103 солдата и 4 пушки; наши атаковали его и взяли; большая часть людей была перебита, остальные ушли подъ палубу, гдѣ ихъ заперли. На стрѣльбу пришелъ другой ботъ, для выручки взятаго: наши отбились, стрѣляя изъ пушекъ, и взятый ботъ привели въ лагерь, но при этомъ у насъ изъ 48 человѣкъ въ живыхъ осталось только 18, а раненныхъ только 4. Изъ непріятелей много перебито; живыхъ въ плѣнъ взяли только 23 солд. и 3 женщины. Это подвигъ неслыханный; на нашихъ лодкахъ помещалось по 7 и по 5 человѣкъ, на одной только 15 человѣкъ; наши 18 человѣкъ отбились сверхъ того отъ втораго бота и привезли въ лагерь раненныхъ, вооруженныхъ 23 человѣка. Изъ нашихъ совсѣмъ раненыхъ было 4, а помогать могли еще 4, или 5, остальные же замертво лежали на палубѣ, вмѣстѣ съ трупами убитыхъ».

Тѣла Щепотева и Дубасова были перевезены въ Петербургъ и похоронены торжественно съ пушечною и ружейною стрѣльбою.

Почти въ тоже самое время Меншиковъ съ кавалеріей пошелъ въ Польшу, противъ оставленнаго тамъ генерала Мандерфельда и около Люблина долженъ былъ соединиться съ королемъ Августомъ. О томъ, что Августъ вошелъ въ сношенія съ Карломъ, чтобы заключить съ нимъ отдѣльный отъ Россіи миръ, никто не зналъ, и Августъ это глубоко скрывалъ.

Въ Люблинѣ Меншиковъ сѣхался съ Августомъ: король сдѣлалъ смотръ русскимъ полкамъ и остался ими очень доволенъ,

былъ весель и разговорчивъ, но оставшись съ Меншиковымъ наединѣ, горько жаловался на безденежье и просилъ у Меншикова денегъ взаймы, говоря: «Я такъ обнищаль, что ѣсть нечего; на Саксонію мнѣ надѣяться нечего: Карль собираетъ тамъ по 170,000 ефимковъ въ мѣсяць». Увидѣвъ его бѣдность, Меншиковъ далъ ему взаймы своихъ собственныхъ 10,000 ефимковъ. Онъ объ этомъ написалъ Петру и тотъ на это отвѣчалъ ему: «Ваша милость пишетъ, что король тоскуетъ о деньгахъ; но ты самъ знаешь отъ него безпрестанно только и слышишь: *дай, дай, деньги, деньги*; ты самъ знаешь, что значать деньги и какъ мало ихъ у насъ; впрочемъ, ежели король останется намъ преданъ въ нашемъ теперешнемъ положеніи, то его надобно постоянно обнадеживать, что деньги будутъ при моемъ пріѣздѣ, а я съ своей стороны постараюсь уладить это дѣло самымъ непродолжительнымъ временемъ».

Между тѣмъ Меншиковъ присоединилъ короля съ саксонскимъ отрядомъ къ своему конному войску и пошелъ къ Пьетрокову; черезъ два дня послѣ него выступилъ король. Здѣсь къ королю тайно пріѣхалъ Пфингстенъ и представилъ ему стажи мирнаго договора съ Швеціей; Августъ безусловно на все согласился и тотъ отправился назадъ въ Саксонію.

Октября 10 въ лагерь Мандерфельда изъ Пьетрокова явился трубачъ съ требованіемъ освободить королевскаго камердинера, взятаго въ Варшавѣ; подозрѣвали, что у трубача есть письма къ главнокомандующему и дѣйствительно, онъ привезъ письмо отъ обермаршала, который увѣдомлялъ о мирѣ, заключенномъ между Августомъ и Карломъ, и совѣтовалъ до времени не принимать битвы, а отойти за рѣчку Просну, на западъ отъ Калиша, гдѣ русскіе не будутъ его беспокоить. Вслѣдъ за первымъ письмомъ было прислано отъ обермаршала еще два письма съ тѣмъ же, но Мандерфельдъ съ гордостію отвѣчалъ, что онъ вражескимъ письмамъ не вѣритъ и совѣтовъ отъ враговъ не принимаетъ, отпустилъ обоихъ трубачей и остался подъ Калишемъ.

Меншиковъ, не подозрѣвая о готовящемся мирѣ, быстро шелъ впередъ; верстахъ въ 60 отъ Пьетрова стоялъ отрядъ изъ 13 полковъ поляковъ изъ нѣсколькихъ шведскихъ; авангардъ, Меншикова состоявшій изъ иррегулярной конницы, калмыковъ, татаръ и каза-

вовъ, напалъ на нихъ, смялъ и болѣе 600 человекъ изрубилъ; еслибы не подошли драгуны, то ни одного не осталось бы въ живыхъ, пишетъ Меншиковъ: «такое повелѣніе имъ отъ насъ дано».

Меншиковъ разослалъ партіи, чтобы разузнать, гдѣ находятся главные силы непріятельскія; ему донесли, что по направленію въ Калишу Мандерфельдъ сталъ на укрѣпленномъ мѣстѣ за рѣвою Просною, съ твердымъ намѣреніемъ дать генеральную битву. «Мы догнали непріятеля, писалъ Меншиковъ царю, при Калишѣ; шведовъ было 8000 человекъ, а поляковъ 26,000; онъ насъ дожидался на очень крѣпкой и выгодной позиціи; кругомъ шли непреступныя болота и рѣвки, черезъ которыя не было переправы. Однакожь мы, не смотря на такую крѣпкую позицію, съ помощію крѣпкаго Бога браней, созвали военный совѣтъ, все порядкомъ разсудили, устроили все, какъ слѣдуетъ, и дали непріятелю генеральное сраженіе; спѣшившіеся драгуны замѣняли пѣхоту; жестокій огонь ружейный и пушечный безостановочно продолжался три часа сряду; однакожь благодаря помощи Божіей и вашему счастью, на нашу долю досталась великая побѣда; на мѣстѣ непріятелей—шведовъ легло больше 5000 человекъ, да 1000 человекъ поляковъ. Не въ похвалу себѣ скажу: такой битвы еще прежде никогда не бывало, весело и пріятно было смотрѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ регулярно бились; все поле было устлано мертвыми тѣлами. Поздравляю васъ съ преславною побѣдою и говорю: вивать! вивать! вивать! Дай Богъ и впередъ вашему оружію такое счастье».

Плѣнныхъ офицеровъ, по просьбѣ Мандерфельда, Меншиковъ оставилъ у себя; плѣнный генералъ обѣщался, именемъ Карла, что на него и на прочихъ офицеровъ король вымѣняетъ взятыхъ при Нарвѣ нашихъ офицеровъ: генерала Вейде, Долгорукаго, имеретинскаго царевича и другихъ.

Петръ несказанно радовался этой побѣдѣ, но радость его скоро помрачилась: онъ получилъ извѣстіе, что союзникъ его, Августъ, покинулъ его, что шведы не останутся больше въ Польшѣ и что вся тягость войны впередъ падетъ на Россію.

ГЛАВА XXI.

Начало борьбы Петра съ Швеціей безъ союзниковъ. Приготовленія. Попытки заключить миръ съ Карломъ. Карль въ Польшѣ и Литвѣ. Битва при Головчинѣ. Битва при Добромъ. Движеніе Карла въ Малороссію. Битва при Лѣсной. Доносъ Кочубея на Мазепу. Казнь Кочубея. Измѣна Мазепы. Взятіе Батурина. Избраніе новаго гетмана.

Петръ не рѣшался вступать въ борьбу съ такимъ страшнымъ соперникомъ, какъ Карль XII, безъ союзниковъ; онъ хотѣлъ лучше помириться съ нимъ, нежели предоставить все начатое случайностямъ войны. Немедленно послѣ мира, заключеннаго между Августомъ и Карломъ, Петръ послалъ запросъ Августу, зачѣмъ онъ оставилъ союзъ? Августъ отвѣчалъ, что это единственное средство спасти Саксонію, его наслѣдственное достояніе, но союза съ царемъ онъ все-таки не нарушаетъ окончательно; какъ только шведскія войска выйдутъ изъ Саксоніи, которую теперь въ корень разоряютъ и народъ немного оправится, онъ опять наберетъ войско и пойдетъ на шведскаго короля и постарается воротить польскую корону, отъ которой отказался.

Такой отвѣтъ былъ нерѣшительный; Августу нельзя было вѣрить, да и борьба съ Карломъ его совсѣмъ разорила: онъ отказался отъ польской короны, выдалъ остатокъ русскаго вспомогательнаго корпуса, выдалъ Паткуля и обязался заплатить большую сумму денегъ и прокормить всю шведскую армію въ теченіе зимы.

Петръ тогда обратился къ Польшѣ; она была раздѣлена на двѣ враждебныя партіи, на партію короля Станислава Лещинскаго, поставленнаго шведскимъ королемъ, и на партію, враждебную ему,

оставшуюся теперь безъ короля: но нерѣшительную, недověрчивую въ русскимъ и раздѣленную на мелкія партіи; Петръ хотѣлъ, пользуясь ею, возвести на престолъ своего короля, предлагалъ корону различнымъ польскимъ магнатамъ, но получалъ отказъ: никто не рѣшался вступать въ борьбу съ страшнымъ и непобѣдимымъ Карломъ. Къ тому же стоявшее въ Польшѣ русское войско было для нея обременительно: иррегулярныя войска грабили, для регулярныхъ требовали съѣстныхъ припасовъ больше, чѣмъ надобно было; польскіе паны жаловались, требовали вознагражденія, требовали вдесятеро больше того, что первоначально обѣщано было ежегодно давать.

Положеніе было очень трудное; только обѣщаніями, частными, тайными подарками и жалованьемъ можно было кое-какъ заставить недověльныхъ молчать, а у Петра денегъ мало было, раздавать нечего.

Въ этой крайности, предвидя большія издержки для наступающаго похода, Петръ приказалъ изъ царскихъ и монастырскихъ сокровищъ взять все наличное серебро, въ вещахъ и монетахъ, кромѣ самыхъ древнихъ и курьезныхъ, или чѣмъ нибудь особенно замѣчательныхъ и перечеканить все въ монету, но въ оборотъ ея не пускать.

Шведскому войску теперь оставаться въ Саксоніи и Польшѣ не зачѣмъ было; Петръ предвидѣлъ, что оно пойдетъ въ Россію и надобно приготовить для встрѣчи: поэтому отдано было тайное приказаніе во всѣхъ пограничныхъ мѣстахъ приготовить бѣжать при приближеніи шведовъ; у cadaго селенія, гдѣ есть лѣса, неприступныя болота, или неудобныя для движенія войска мѣста, заранее приготовить себѣ, для семейства и скота убѣжище; заранее зарывать хлѣбъ въ ямахъ въ землю, сѣно и солому отвозить въ лѣса и прятать тамъ, имущество также прятать, чтобы при первомъ появленіи непріятели немедленно съ семействомъ и скотомъ уходить въ назначенное убѣжище, а избы предоставлять на волю непріятели. Ежели скота и хлѣба спрятать некуда, то при приближеніи шведовъ все истреблять, чтобы только имъ не доставалось.

Москву и Кіевъ приказано укрѣпить, въ первой работникова должны были доставлять жители, а именно такъ: на *пять дымовъ*

.т е. на 5 трубъ, одинъ работникъ; ежели дома маленькіе и пяти дымовъ нѣтъ, то соединяться по нѣсколько и на общій счетъ нанимать работника. Въ Кіевѣ, для укрѣпленія Печерскаго монастыря пригнать казаковъ и заставить ихъ работать.

Въ одно время съ внутренними распоряженіями на счетъ укрѣпленія городовъ и устройства засѣкъ по дорогамъ, Петръ все еще не терялъ надежды заключить миръ; онъ обращался ко всѣмъ европейскимъ дворамъ попеременно, прося ихъ посредничества, предлагалъ большія выгоды деньгами, войсками, беспошлинной торговлей, уступкою Лифляндіи и Эстляндіи; чрезвычайные послы ѣздили въ Пруссію, въ Англію, въ Голландію, во Францію и Австрію; вездѣ увѣряли въ готовности содѣйствовать миру, всякому государству хотѣлось воспользоваться предлагаемыми выгодами; но ни одно не хотѣло ссориться съ Карломъ XII; большая часть были заняты собственною войною. Были и попытки къ удовлетворенію царя, начинали переговоры съ Карломъ, старались убѣдить его, пощадить подданныхъ, прекратить бесполезное кровопролитіе. Но Карлъ былъ упоенъ удачей; войско его отдохнуло въ Саксоніи, вновь укомплектовано, хорошо вооружено, боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ много, всѣ прежнія лишенія были забыты и довольные и счастливые солдаты гордились своимъ предводителемъ и считали его непобѣдимымъ. Да и самъ Карлъ не меньше ихъ считалъ себя покорителемъ, передъ которымъ все должно склоняться. На попытки начать мирные переговоры, сдѣланныя со стороны европейскихъ державъ, Карлъ высокомерно отвѣчалъ: «войнѣ съ Россіей тогда только будетъ конецъ, когда царь возвратитъ все завоеванное безъ исключенія и вознаградитъ всѣ военныя издержки, внесетъ деньги за все попорченное и разграбленное въ Лифляндіи и Эстляндіи и что онъ, Карлъ, скорѣе пожертвуетъ послѣднимъ жителемъ своего государства, чѣмъ согласится оставить Петербургъ въ рукахъ царскихъ. И такъ, всѣ дипломатическія средства были употреблены; для того, чтобы пріобрѣсти посредниковъ, чрезъ которыхъ можно бы заключить миръ, но съ тѣмъ, чтобы древнее достояніе русскихъ царей, начиная отъ Ладожскаго озера все теченіе Невы съ обоими берегами осталось въ рукахъ Петра; всѣ надежды на миръ рушились, надобно было приступать къ борьбѣ.

Но тутъ у Петра была еще новая забота: бунты астраханскій и бу-

лавинскій; надобно было усмирить восточные предѣлы Россіи, чтобы обезопасить теченіе Дона, верфи Воронежскія, также и съ Турціей нельзя было дойти до разрыва, чтобы можно было всё свои силы сосредоточить для борьбы съ Карломъ. Противъ бунтовщиковъ были приняты самыя рѣшительныя мѣры и край былъ усмиренъ, виновные или перебиты, или наказаны. Съ Турціей переговоры Толстаго тоже приняли удачный оборотъ; онъ употребилъ подарки, давалъ соборей, деньги и другіе драгоценныя предметы, такъ что наконецъ положено было подтвердить миръ и разграничить предѣлы государства; такъ какъ при этомъ къ Турціи отходили днѣпровскіе низовья, то, чтобы не возбудить неудовольствія запорожцевъ и украинскихъ казаковъ, договоръ составленъ былъ на бумагѣ, а пограничныхъ столбовъ и замѣтокъ нигдѣ не ставили; но для казаковъ было выговорено свободное плаваніе безоружнымъ до самаго Чернаго моря, и свободное право ловить рыбу и промыслять за лѣсными и степными звѣрями. Но за то и Азовъ, и Таганрогъ, и прочія крѣпости и городки, построенныя русскими, остались у нихъ въ рукахъ.

Карлъ еще зимою 1707 года вышелъ изъ Саксоніи и направился съ войскомъ въ Польшу; думали, что онъ быстро, по обыкновенію пойдетъ впередъ, но онъ остановился на правомъ берегу Вислы и четыре мѣсяца оставался въ бездѣйствіи. Эта остановка была очень полезна для Петра; онъ еще лучше успѣлъ приготовиться къ встрѣчѣ неожиданныхъ гостей. Шведы, привыкнувъ къ роскошному житію въ богатой Саксоніи, начали хозяйничать въ бѣдной, обобранной Польшѣ; грабежъ былъ повсемѣстный; Петръ сквозь пальцы смотрѣлъ на безчинство. Станиславъ Лещинскій жаловался, но на его жалобы не обращали ни малѣйшаго вниманія; шведы, въ томъ числѣ и король, презирали поляковъ и считали ихъ недостойными пощады ни относительно правительства, ни относительно народа и отдѣльныхъ лицъ.

Въ концѣ декабря, Карлъ двинулся съ береговъ Вислы; напрасно хотѣли отклонить его отъ зимняго похода, совѣтовали остаться на зимнихъ квартирахъ въ Польшѣ, но совѣты не нравились Карлу и онъ всегда поступалъ вопреки ихъ; не смотря на холодъ онъ пошелъ въ Литву. Морозныя ночи солдаты проводили на снѣгу, подъ открытымъ небомъ. Люди погибали, лошади падали и приходилось бросить часть обоза. Раздраженные жители ненавидѣли

пришельцевъ; при ихъ приближеніи, они разбѣгались, прятались въ лѣса и изъ-за деревьевъ стрѣляли въ шведовъ и убивали ихъ; самъ Карлъ чуть было не погибъ отъ такого выстрѣла; раздраженный этими невидимыми врагами, онъ приказалъ вѣшать крестьянъ и сжигать ихъ хижины. Шведы охотно исполняли этотъ королевскій приказъ. Однажды захватили пятьдесятъ человѣкъ такихъ вооруженныхъ жителей; шведы придумали варварскій способъ для ихъ истребленія: заставили ихъ убивать другъ друга, пока послѣдній не былъ убитъ. Солдаты не щадили ни женщинъ, ни дѣтей.

Петръ встрѣтилъ новый 1708 годъ въ Москвѣ, осмотрѣлъ укрѣпленія, и черезъ недѣлю выѣхалъ въ Гродно; на пути онъ узналъ, что Карлъ идетъ прямо на сѣверъ. Петръ распорядился, чтобы Псковъ запасся провіантомъ и дожидался нападенія.

Отрядъ въ 2000 русскихъ долженъ былъ защищать мостъ на Нѣманѣ, подлѣ Гродно; но при первомъ появленіи шведовъ, командиръ отряда, Мюленфельдъ; отступилъ и шведы безъ выстрѣла заняли Гродно, откуда Петръ только что уѣхалъ. Поступокъ Мюленфельда былъ признанъ за измѣну, его предали военному суду, но не дождавшись рѣшенія онъ бѣжалъ и передался шведамъ.

Петръ отправился въ Вильно, предоставивъ Меншикову и Шереметеву наблюдать за движеніемъ Карла. Въ Вильнѣ Петръ зорко слѣдилъ за тѣмъ, въ какую сторону двинется Карлъ; никто не зналъ пойдетъ ли онъ въ Лифляндію, или на Новгородъ, на Смоленскъ, или на Украину. И самъ Карлъ, казалось, былъ въ нерѣшительности; сначала онъ, казалось, намѣренъ былъ идти на Псковъ и Новгородъ, но потомъ двинулся на югозападъ и долго въ бездѣйствіи простоялъ въ Радотковичахъ.

Петръ изъ Польши поспѣшилъ въ Петербургъ; его мучила лихорадка, и онъ такъ ослабѣлъ, что не могъ заниматься дѣлами. Онъ о своей болѣзни писалъ Головкину: «Какъ говорится, гдѣ Богъ сдѣлалъ церковь, тутъ дьяволъ поставилъ алтарь: хотя я всегда здѣсь, какъ въ раю, былъ здоровъ, но теперь не знаю, какимъ образомъ изъ Польши привезъ лихорадку, хотя и очень внимательно пересматривалъ при отъѣздѣ платье и сани; но я всю страстную мучился и самый праздникъ по болѣзни на заутрени кромѣ начала евангелія ничего не слыхалъ; нынѣ, слава Богу, мнѣ лучше, но еще нигуда изъ избы не выхожу.» Эта лихорадка вмѣстѣ съ

болью горла и кашлемъ, которымъ многіе страдаютъ, кончилась сама собою...

Между тѣмъ, не смотря на болѣзнь, Петру не было покою; онъ долженъ былъ давать указы, дѣлать распоряженія, переписываться, заботиться объ укрѣпленіяхъ, о продовольствіи войска, о его передвиженіи.

Въ іюлѣ Карль выступилъ изъ Радотковичей на востокъ, къ Борисову, чтобы переправиться черезъ Березину. У Борисова дождался русскій отрядъ, чтобы помѣшать переправѣ: но Карль пошелъ внизъ по теченію, по непроходимымъ болотамъ и лѣсамъ и переправился въ пяти миляхъ отъ мѣстечка Головчина. Шереметевъ и Меншиковъ рѣшились задержать переправу черезъ небольшую, но болотистую рѣчку Бибичь. Тутъ произошла битва. Шведовъ было больше 30.000 человекъ пѣхоты и конницы, нашихъ было гораздо меньше; всего одна треть нашей арміи вступила въ дѣло, выдержала натискъ и въ порядкѣ отступила, послѣ трехъ часовой битвы. Послѣ этого русскіе со всей артиллеріей и пѣхотой отступили къ Горкамъ, а всей кавалеріи и конной пѣхотѣ приказано было раскинуться по Днѣпру отъ Шклова до Могилева, мѣшать переправѣ черезъ Днѣпръ и смотрѣть, куда направится Карль: къ Смоленску, или къ Украинѣ.

Карль дѣйствительно вступилъ въ Могилевъ и засѣлъ здѣсь на долго: онъ дождался корпуса Левенгаупта изъ Лифляндіи съ артиллеріей и съѣстными припасами, недостатокъ которыхъ уже чувствовался. Петръ наблюдалъ за нимъ изъ Горокъ и слѣдилъ за постепеннымъ уменьшеніемъ непріятельскихъ силъ отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ. Петръ писалъ: «Новаго писать мнѣ нечего; непріятель стоитъ въ Могилевѣ по прежнему тихо; онъ, какъ видно, подъ Головчиномъ потерялъ половину драбантовъ, изъ которыхъ каждый—офицеръ въ маіорскомъ чинѣ; убить генераль Врангель, два полковника, сто офицеровъ, кромѣ драбантовъ и множества рядовыхъ. Каждый день изъ шведскаго лагеря къ намъ являются переметчики и не только иноземцы, но и природные шведы, которые всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что въ лагерѣ голодь.»

Недождавшись Левенгаупта, Карль въ августѣ выступилъ и пошелъ къ юговостоку по рѣкѣ Сожѣ. Походъ былъ изнурителенъ по странѣ опустошенной и безлюдной; солдаты руками срывали

на поляхъ колосья ржи, мололи зерна между камнями и изъ нихъ пекли лепешки. А тутъ еще непрерывные дожди, негдѣ укрыться, негдѣ высушить одежды. Вслѣдствіе голода и сырости явились болѣзни; говоря о своихъ нуждахъ, солдаты говорили, что у нихъ для болѣзней припасено три доктора: докторъ водка, докторъ чеснокъ и докторъ—смерть. Вслѣдъ за Карломъ изъ Горокъ двинулся Петръ; онъ постоянно тревожилъ шведовъ своими легкими отрядами кавалеріи, не давалъ ему переправиться черезъ Сожу. Карлъ повернулъ на сѣверъ, навстрѣчу къ главной русской арміи. Встрѣтились у мѣстечка Добраго, на рѣкѣ Черной Налѣ, 29 августа. Петръ замѣтилъ, что правое непріятельское крыло нѣсколько удалено отъ центра арміи; послѣ совѣщанія съ генералами, Петръ направилъ на него двѣхъ генераловъ Голицына и Флюка, произошло жаркое сраженіе, продолжавшееся два часа; непріатели потеряли 3000 убитыми, да кромѣ того было много раненыхъ и плѣнныхъ; русскимъ достались знамена и пушки. Послѣ двухъ часовой битвы Карлъ лично поспѣшилъ на помощь къ правому крылу съ своею арміей, наши отступили въ порядкѣ; при окончаніи письма Петръ объ этомъ пишетъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ служу, такого порядка и огня съ нашей стороны не видалъ и не слыхаль, дай Богъ, чтобъ и впередъ такъ было! да и самъ король шведскій въ этой войнѣ ни отъ кого ничего подобнаго не видалъ. Боже! не лиши насъ и впередъ Твоей милости!»

Русская армія, послѣ сраженія при Добромъ, пошла къ сѣверу, шведская за нею, но опять остановилась, все поджидая Левенгаупта; онъ не шель, а въ войскѣ голодъ усиливался.

Изъ Гаги русскій посланникъ писалъ Петру, что онъ изъ досто-вѣрнаго источника узналъ: Карлъ рѣшился идти въ Украйну; онъ видитъ, какъ осторожно дѣйствуетъ русское войско, какъ упрямо защищаетъ путь къ Смоленску, пробиться нѣтъ возможности; въ лагерѣ съѣстныхъ припасовъ и фуража нѣтъ, поэтому ему открытымъ остается одинъ путь — въ Украйну. 1) Тамъ страна богатая хлѣбомъ, рогатымъ скотомъ и лошадьми и никакихъ крѣпостей нѣтъ; 2) между казаками шведскій король надѣется найти много знающихъ людей, которые его прямыми дорогами проведутъ до Москвы; 3) прямой путь изъ Украйны открытъ въ Турцію, къ крымскому хану и къ полякамъ, партія Станислава Лещинскаго и слѣ-

довательно съ ними можно входить въ сношенія и наконецъ 4) въ Украинѣ найдутся казаки, которыхъ можно будетъ отправить въ Москву съ тѣмъ, чтобы взбунтовать простой народъ, недовольный нововведеніями, налогами и другими отягощеніями, придуманными Петромъ. И такъ, Карлъ повернулъ рѣшительно къ Украинѣ 14 сентября, оставивъ корпусъ Левенгаупта въ жертву русскимъ.

Левенгауптъ получилъ отъ Карла извѣстіе о движеніи его въ Украину и приказаніе послѣпить къ Стародубу съ съѣстными припасами и съ войскомъ для того, чтобы дѣйствовать соединенными силами. Левенгауптъ и его подчиненные были поражены, какъ громовымъ ударомъ: двѣ рѣки Днѣпръ и Сожь отдѣляли ихъ отъ главной шведской арміи и еще больше: московскій царь съ войскомъ, котораго уже нельзя было считать такимъ ничтожнымъ, какъ при Нарвѣ.

Оставалось одно, постараться пройти тайкомъ, незамѣтно: Левенгауптъ у Шклова перешелъ Днѣпръ, подкупилъ жида, и послалъ его въ русскій лагерь съ извѣстіемъ, что шведы на правомъ берегу Днѣпра и еще не думаютъ переправляться; чтобы напасть на Левенгаупта Петръ своимъ войскамъ приказалъ переправиться черезъ Днѣпръ; переправа была устроена и началась, но въ это время встрѣтился шляхтичъ Петровичъ, который объявилъ, что извѣстіе, полученное Петромъ, ложное и что шведы уже давно перешли на лѣвый берегъ Днѣпра. Петръ остановилъ переправу и погнался за Левенгауптомъ уже настоящею дорогой. Сентября 27 онъ достигъ шведовъ при деревнѣ *Льсной*, недалеко отъ Пропойска, и 28 начался жестокой, кровавый бой, продолжавшійся до самаго вечера. На другой день къ Ромодановскому, Апраксину и Долгорукому курьеры повезли извѣстіе о побѣдѣ. «Вчера мы догнали непріятеля; онъ стоялъ въ крѣпкой позиціи; было до 16,000 конницы и пѣхоты. Шведы насъ атаковали изъ лѣсу во флангъ, но мы поворотились и давши по нимъ залпъ, прямо бросились на нихъ. Шведская пѣхота стояла крѣпко, сильно стрѣляла изъ пушекъ и ружей, но русскіе ихъ тѣснили и прогнали черезъ лѣсъ къ конницѣ. Тутъ возобновился жестокой бой, продолжавшійся до самаго вечера; шведы и русскіе попеременно то наступали, то отступали, неизвѣстно было на чьей сторонѣ останется побѣда; наконецъ уже въ сумеркахъ русскимъ удалось сломить вражескія силы и Левенгауптъ по-

терпѣль совершенное пораженіе. Множество труповъ осталось на полѣ сраженія (больше 8000), кромѣ того калмыки и татары перебили множество по лѣсамъ, много умерло впоследствии отъ жестокихъ ранъ; русскимъ достался весь обозъ: 2000 телегъ, 16 пушекъ, 42 знамени. За отступающимъ остаткомъ войска погнался генераль Флюкъ, при этомъ еще погибло 500 шведовъ, 700 рядовыхъ взято въ плѣнъ и 45 человекъ офицеровъ, да вторую, остальную половину обоза, всего 3000 телегъ. За остатками корпуса гнались калмыки, брали въ плѣнъ и истребляли.

У русскихъ подъ Лѣсною изъ 14,000 человекъ убито 1111 и ранено 2,856 человекъ; потеря шведовъ, какъ мы уже замѣтили, была гораздо значительнѣе и, что хуже всего, Левенгауптъ наконецъ присоединился къ королю безъ военныхъ и съѣстныхъ припасовъ, безъ обоза и артиллеріи; вся шведская армія приуныла; голодъ являлся со всѣми своими ужасами. Битва при Лѣсной для шведской арміи была роковою и въ нравственномъ отношеніи; шведы потеряли прежнюю самоувѣренность, тогда какъ на русскихъ побѣда эта имѣла самое хорошее вліяніе, эта побѣда, по словамъ Петра, можетъ назваться первою правильною побѣдою одного регулярнаго войска надъ другимъ, такимъ же. Она была причиною всѣхъ дальнѣйшихъ успѣховъ русскаго оружія; побѣда при Лѣсной истинно была матерью побѣды Полтавской.

Одновременно съ побѣдою при Лѣсной, Петра обрадовало извѣстіе съ сѣвера: въ Ингерманландію вторгнулся генераль Любекеръ съ сильнымъ корпусомъ; но русскіе не дремали; Шведовъ встрѣтилъ сильнѣйшій отпоръ, они были разбиты и должны были бѣжать; оставивъ на мѣстѣ 3000 убитыми, множество плѣнныхъ и потерявъ всѣхъ лошадей, всѣ военные припасы, обозъ и артиллерію. Но радость Петра была омрачена неприятнымъ извѣстіемъ; ему донесли, что малороссійскій гетманъ Мазепа измѣнилъ и передался на сторону шведовъ.

Мазепа съ самаго начала царствованія Петра пользовался расположеніемъ и довѣренностію царя; онъ сильною рукою поддерживалъ гетмана въ постоянной борьбѣ съ казачьими старшинами и полковниками, привыкшими къ неповиновенію, къ тому, чтобы по произволу смѣнять своихъ гетмановъ, или, во время войны съ сосѣдними государствами, выдавать своихъ гетмановъ, какъ выдавали и

полковниковъ и ближайшихъ начальниковъ. Но Петръ далъ Мазепѣ войско, всегда защищалъ его выгоды, не вѣрилъ доносамъ на него, считая ихъ клеветою, и доносчиковъ для суда и расправы выдавалъ гетману. За то и Петръ былъ увѣренъ въ преданности Мазепы и рассчитывалъ на его содѣйствіе въ начавшейся войнѣ, перенесенной въ Украину.

Въ Малороссіи казаки были недовольны: зачѣмъ ихъ принуждаютъ строить крѣпость въ Кіевѣ, зачѣмъ русское правительство вмѣшивается въ ихъ внутреннее управленіе, отмѣняя старыя обыкновенія, зачѣмъ безпрестанно черезъ Малороссію туда и сюда ходятъ русскія войска, проводятъ рекрутовъ, берутъ подводы, чтобы возить провіантъ. Жаловались на притѣсненія, на то, что казаковъ при постройкѣ Кіевопечерской крѣпости, по головѣ палкой бьютъ, что они должны идти на работу, оставивъ дома, женъ и дѣтей: некому убирать сѣно и снимать хлѣбъ съ поля и вмѣсто того, чтобы заботиться о своихъ нуждахъ, они на царской службѣ терпятъ зной солнечный, а дома москали ихъ дома разоряютъ, жгутъ, женъ и дочерей обижаютъ, скотъ обираютъ и старшинъ бьютъ до полусмерти. Такими жалобами осыпали русскихъ; Мазепа зналъ все это и рѣшился воспользоваться общимъ неудовольствіемъ для своихъ выгодъ; но рѣшиться на такой поступокъ было страшно, и Мазепа долго колебался, долго раздумывалъ и до самой послѣдней минуты былъ въ нерѣшительности.

Неудовольствія Мазепы и мысль о томъ, чтобы передаться на сторону Польши, была давнишняя, какъ мы это видѣли по его прежнимъ сношеніямъ съ польскимъ королемъ. При свиданіи съ Петромъ въ Жолквѣ Мазепа принималъ участіе въ военномъ совѣтѣ, но чѣмъ-то оскорбился, потому что не пошелъ обѣдать къ царю, у себя ничего не ѣлъ и все говорилъ: «Еслибы я Богу такъ усердно служилъ, какъ служу царю, то выслужилъ бы себѣ награду, а здѣсь хоть въ ангела превратись, но никакой награды себѣ не выслужишь.»

Каждое новое распоряженіе Петра, касательно малороссійскаго войска, порождало въ гетманѣ и въ казакахъ подозрѣніе и толковалось не въ пользу русскихъ. Около этого времени переписка съ княгиней Долской, черезъ посредничество которой велись переговоры съ королемъ Станиславомъ Лещинскимъ, сдѣлалась дѣятель-

пѣ, но Мазепа хранилъ письма въ тайнѣ ото всѣхъ своихъ приближенныхъ. Но однажды, въ сентябрѣ 1707 года, Мазепа между множествомъ писемъ отъ княгини Дольской получилъ письмо отъ самого Станислава Лещинскаго; войсковый писарь Орликъ, ничего не подозрѣвавшій, нечаянно распечаталъ его. Мазепа очень встревожился и воскликнулъ: «О проклятая баба, погубить она жена и всѣхъ насъ!» Послѣ этого онъ долго просидѣлъ въ задумчивости и наконецъ, обратившись къ Орлику сказалъ: «Я въ большой нерѣшительности: не знаю, посылать ли мнѣ это письмо къ царю, или нѣтъ? Теперъ ступай домой, я за ночь подумаю, а завтра поговоримъ, молися Богу, твоя молитва доступнѣе къ Нему, потому что ты живешь, какъ истинный христіанинъ. Богъ видитъ, что я дѣлаю, то дѣлаю не для себя, а для моей отчизны и для всѣхъ казаковъ, для вашихъ женъ и дѣтей!»

Была уже поздняя ночь, когда Орликъ вышелъ отъ Мазепы. Онъ былъ тоже встревоженъ, пошелъ къ себѣ домой, взялъ два рубля мелочью и пошелъ въ монастыри, раздавалъ ихъ монахамъ, монахинямъ и нищимъ, уже давно спавшимъ въ своихъ шалашахъ, будилъ всѣхъ и велѣлъ молиться усерднѣе Богу во всю ночь, чтобы Богъ послалъ совѣтъ и умъ нуждающимся.

На другой день Мазепа призвалъ къ себѣ Орлика: тотъ засталъ его сидящаго передъ столомъ, на которомъ лежалъ крестъ съ мощами; Мазепа долго говорилъ о состояніи Малороссіи, о нуждахъ народа, о постоянно увеличивающейся силѣ русскаго царя, о томъ, что борьба съ Швеціей навѣрное обрушится и на Малороссію и ежели, чего Боже сохрани, шведы пойдутъ на Украину, то казакамъ не въ силахъ отбиваться отъ нихъ. Мазепа прибавилъ, что просилъ царя дать ему вспомогательное войско, тысячъ въ десять человекъ, но царь не даетъ, а велитъ самимъ защищаться, какъ знаютъ. Мазепа говорилъ Орлику, что благоразуміе требуетъ приготовиться на всякій случай: ежели царь не устоитъ противъ шведовъ, то нечего губить понапрасну Украину, лучше пристать къ сильному Карлу, чѣмъ защищать побѣжденнаго. Мазепа заставилъ Орлика поклясться надъ Св. крестомъ и мощами, что не измѣнитъ; что до смертнаго часа останется нѣмъ, какъ рыба и не выдастъ гетманской тайны ни изъ-за награды, ни изъ-за страха. Станиславу Мазепа отвѣчалъ нерѣшительно, уклончиво и изъ письма можно

было заключить только одно, что Мазепа не будет мѣшать королямъ и ни въ чемъ не будетъ вредить ни интересамъ Станислава, ни шведскаго войска.

Орликъ остался вѣренъ, не измѣнилъ, но въ Малороссіи, наполненной людьми различныхъ партій, не занятыхъ, тайна, какъ бы она хорошо ни скрывалась, не могла оставаться тайною; къ тому же у Мазепы были личные враги, всегда готовые воспользоваться его ошибками, чтобы погубить его. Къ числу этихъ враговъ принадлежалъ войсковой судья Кочубей и искренній преданный другъ его, полковникъ Искра. Кочубей прежде былъ друженъ съ Мазепою; они часто видались и Мазепа даже былъ крестнымъ отцомъ одной изъ его дочерей, Матрены; Мазепа часто видался съ семействомъ Кочубея и плѣнилъ его дочь, а свою крестницу, своимъ краснорѣчіемъ и образованностію.

Когда жена Мазепы умерла, посѣщенія его къ Кочубею стали еще чаще и разговоры съ Матреною еще продолжительнѣе; неизвѣстно, полюбила ли молодая Матрена сѣдовласаго, но умнаго и живаго гетмана, или ей захотѣлось сдѣлаться женою гетмана, только съ ея согласія онъ просилъ у отца и матери руки ихъ дочери. Старики ужаснулись того, что крестный отецъ хочетъ жениться на крестной дочери, и наотрѣзъ отказали гетману; но Матрена, никому ничего не говоря, бѣжала отъ родителей въ домъ Мазепы. Мазепа немедленно возвратилъ ее въ родительскій домъ; съ этихъ поръ началась дѣятельная переписка между гетманомъ и Матреною, а со стороны ея родителей ненависть къ гетману и желаніе повредить ему. Особенно возненавидѣла Мазепу мать Матрены и больше всѣхъ поджигала своего мужа. Мать начала притѣснять и даже дурно обходиться съ дочерью, мучила и запирала ее; та объ этомъ писала гетману и онъ съ своей стороны на столько же возненавидѣлъ старыхъ Кочубеевъ и между прочимъ однажды написалъ: «Не буду болѣе терпѣть отъ своихъ враговъ и непременно отомщу имъ, сама увидишь, какъ.»

Но Кочубей тоже не дремалъ: онъ нашелъ монаха-странника и съ нимъ послалъ доносъ къ царю о томъ, что Мазепа намѣренъ измѣнить, но въ доносѣ не было ничего рѣшительнаго, все основывалось на отдѣльныхъ словахъ, сказанныхъ Мазепою, на наме-

вахъ, ни одного факта не было, ни одного вѣрнаго указанія не было.

На вопросъ Ромодановскаго странникъ сказалъ, что онъ случайно въ своихъ странствіяхъ съ товарищемъ зашелъ въ Батуринъ, сидѣлъ на площади и отдыхалъ у церкви; добрые люди ему посоветовали идти въ хоромы Кочубея, что тамъ рады принять странниковъ и напоить, и накормить ихъ; они пошли и провели трое сутокъ у Кочубея; онъ самъ, а особенно жена его были къ нимъ очень ласковы и когда они собирались въ дорогу, то уговаривали ихъ остаться и еще погостить.

Обѣдалъ странникъ за однимъ столомъ съ сыномъ Кочубея, приходила его мать и при всѣхъ громко бранила гетмана, называя его беззаконникомъ. Между прочимъ жаловалась на горе имъ причиненное сватовствомъ Мазепы, на то, что черезъ него дочь ея Матрена теперь несчастна; говорила, что гетманъ человекъ двуличный, что обманулъ ихъ дружбу, обманетъ и дружбу другихъ, которые довѣряютъ ему. «Я многое знаю, говорила жена Кочубеева, еслибы великій государь проѣзжалъ черезъ Батуринъ, я сама пошла бы къ нему и била челомъ на измѣнника гетмана, все, все бы донесла на него.

Этимъ разговоромъ кончилось первое посѣщеніе странниковъ; Кочубей отпустилъ ихъ съ подарками и деньгами и просилъ архимандрита монастыря Спасскаго, изъ котораго были монахи, или самому побывать въ Батуринѣ, или опять прислать того же монаха для того, чтобы черезъ него въ монастырь доставить большой вкладъ. Самому архимандриту пріѣхать нельзя было, поэтому къ Кочубею явились тѣже два странника, а вмѣстѣ съ ними служитель. Опять ласковый пріемъ и угощенье, но однажды утромъ, когда одинъ изъ странниковъ іеромонахъ Никаноръ остался одинъ, къ нему вошла жена Кочубея и просила его придти такъ, чтобы никто не видалъ, въ свѣтлицу Кочубея, а по дорогѣ запереть всѣ двери, какія попадутся, а нужно это за важнымъ дѣломъ. «Я въ то же число, говорилъ Никаноръ Ромодановскому на допросѣ, въ полдень пошелъ къ нему и по дорогѣ у сѣней и свѣтлицъ, проходя мимо трехъ дверей, запиралъ ихъ закладками и крючьями и такъ дошелъ до его спальни, у которой двери завѣшаны были ковромъ. Когда я прочиталъ обычную молитву, ко мнѣ вышелъ Кочубей одинъ,

спросилъ: нѣтъ ли со мною кого и не позабылъ ли я запереть дверей? Самъ пошелъ и осмотрѣлъ, въ самомъ ли дѣлѣ всѣ двери заперты. Когда мы вошли въ комнату, заставилъ меня поклясться, цѣловать крестъ, что я не разглашу того, что онъ мнѣ будетъ говорить. Тутъ пришла жена его, принесла крестъ и мы всѣ трое поклялись и поцѣловали крестъ, а Кочубей сказалъ: «Гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа хочетъ измѣнить великому государю, хочетъ отложиться отъ московскаго государства, хочетъ нанести большой вредъ Украинѣ и овладѣть царскими городами.» Я спросилъ: которыми городами хочетъ овладѣть; на это Кочубей отвѣчалъ: «объ этомъ подробнѣе я самъ скажу, а ты иди поскорѣе въ Москву и донеси боярину Мусину-Пушкину, что я тебѣ говорилъ и скажи ему, чтобы гетмана поскорѣе захватили въ Кіевѣ, а меня бы поберегли, а то онъ меня убьетъ.» И далъ онъ мнѣ на дорогу семь золотыхъ червонцевъ и 12 ефимковъ для найма подводъ; вотъ для этого-то донесенія я и приѣхалъ въ Москву!»

Послѣ этого донесенія не дѣлали никакихъ розысковъ, это дѣло совсѣмъ заглохло; но въ Малороссіи не забывали о немъ. Ахтырскій полковникъ Осиповъ получилъ письмо отъ полковника Искры, который приглашалъ его, по очень важному царскому дѣлу, приѣхать въ назначенное мѣсто. Они съ Искрою съѣхались и тутъ Искра подъ великою тайною, съ клятвами въ неизмѣнной преданности государю, говорилъ, что войсковою судья Кочубей узналъ, что гетманъ Мазепа вошелъ въ соглашеніе съ королемъ Лещинскимъ, чтобы извести царя, или, захвативши его силою, выдать шведамъ и полякамъ. Что Мазепа однажды уже совсѣмъ приготовился къ этому, сердюки его сторожили съ заряженными ружьями, и умыселъ навѣрное удался бы, ежели бы государь приѣхалъ въ то время въ Батуринъ, но вмѣсто себя онъ прислалъ Кикина и тѣмъ избавился отъ опасности. До сихъ поръ гетманъ только и думаетъ о томъ, какъ бы исполнить этотъ злой умыселъ. Въ концѣ прошлаго 1707 года онъ было хотѣлъ съ своими полками идти разорять великороссійскіе города, но не могъ исполнить этого намѣренія за оттепелью, отъ которой дороги попортились и рѣки разошлись, или и вовсе не стали. Теперь у него на умѣ, какъ бы ему съ полками перейти Днѣпръ къ Бѣлой Церкви, присоединиться къ шведамъ и полякамъ и вмѣстѣ съ ними разорять царскую державу. Заднѣ-

провскіе полки давно готовы возмутиться; они привержены Мазепѣ и готовы стоять за него, для того онъ ихъ туда и перевелъ; всѣ свои несмѣтныя сокровища, Мазепа тоже, или перевелъ за Днѣпръ, или постоянно возить съ собою. Обогатился онъ неправильными поборами съ казачьихъ полковъ, которые онъ обираетъ, какъ будто по царскому указу; въ народѣ онъ произвелъ неудовольствіе, которое только ждетъ случая, чтобы вспыхнуть бунтомъ; запорожцевъ запугиваетъ тѣмъ, что ихъ переименовуютъ въ драгуны, или въ другіе солдатскіе полки и недовольные запорожцы готовы идти на войну съ царемъ за свои права. Старшины и полковники достовѣрно не знаютъ о замыслахъ Мазепы, но подозрѣваютъ ихъ, лучше же всѣхъ все извѣстно Орлику, черезъ котораго ведутся всѣ переговоры. Искра и Кочубей, дѣлая эти показанія, просятъ сохранить ихъ до времени втайнѣ, потому что у Мазепы есть кто-то при дворѣ, который ему обо всемъ тотчасъ доноситъ и слѣдовательно и это отъ него не скроется.

Ахтырскій полковникъ пустилъ это дѣло въ ходъ и подробно о своемъ разговорѣ донесъ въ Москву; въ отвѣтъ получилъ благодарность за ревность къ выгодамъ царскимъ и за преданность; но, чтобы дѣло это разобрать, ему вмѣстѣ съ Искрой и Кочубеемъ ѣхать, какъ можно скорѣе, въ войско царское, чрезъ Смоленскъ, а до тѣхъ поръ все содержать въ величайшей тайнѣ, чтобы предупредить всякое покушеніе на зло и отвратить пролитіе невинной крови.

Почти одновременно съ этимъ письмомъ, царь собственноручно написалъ Мазепѣ; онъ его извѣщалъ о доносѣ Искры и Кочубея; смотрѣлъ на него, какъ на клевету и объявлялъ, что вытребовалъ къ себѣ Искру и Кочубея, вмѣстѣ съ другими доносчиками, какъ бы для того, чтобы отъ нихъ узнать всѣ подробности, а въ дѣйствительности затѣмъ, чтобы разобрать дѣло и ежели они окажутся виновными, то наказать клеветниковъ. Ежели сами полковники не поѣдутъ, то Петръ приказывалъ гетману ихъ поймать и доставить въ Смоленскъ. Гетмана Петръ утѣшалъ и говорилъ, что какія бы клеветы на него ни были, вѣра въ его преданность престолу и русскому народу никогда не поколеблется, и просилъ его не печалиться тѣмъ, что находятся люди, ненавидящіе и клеветующіе на него.

Кочубей не только черезъ Осипова доносилъ на гетмана, но и

лично посылалъ одинъ доносъ за другимъ, но на всѣ одинаково смотрѣли, какъ на клеветы.

По царскому приказанію Искра, Кочубей и полковникъ Ахтырсаго полка пріѣхали въ Витебскъ; не доѣзжая мили до города, ихъ остановили на одномъ пустынномъ дворѣ; съ ними пріѣхало еще 8 человѣкъ преданныхъ имъ людей. На слѣдующій день къ нимъ ѣздили Головкинъ и Шафировъ для допроса; всѣхъ троихъ спрашивали врозь и къ несчастію показанія ихъ были несогласны; всѣ ссылались на то, что слышали обовсемъ отъ Кочубея. При тогдашнемъ судопроизводствѣ, когда обвиняемые, или свидѣтели говорили не одно и то же, ихъ пытали; также было и въ этомъ случаѣ; Кочубея пытали не жестоко, изъ сожалѣнія къ его старости, а Искру изъ сожалѣнія къ его болѣзни; Искра во всемъ ссылался на Кочубея, а Кочубей подтвердилъ слухи до него дошедшіе, на которыхъ онъ основывалъ свое предположеніе объ измѣнѣ Мазепы, что же касалось главнаго обвиненія—покушенія на жизнь Петра, или его свободу, онъ сказалъ, что достовѣрно не знаетъ и то же по слухамъ говорилъ.

Послѣ этого его пытали сильнѣе онъ сознался, что все взвелъ на гетмана изъ ненависти къ нему. Затѣмъ спрашивали: не подучилъ ли его кто нибудь изъ царскихъ враговъ и приверженцевъ короля Станислава, или Карла; но въ этомъ Кочубей оставался твердъ, отказывался отъ всякаго посторонняго вліянія и повторялъ, что оговорилъ гетмана самъ, по личной къ нему ненависти.

Петру донесли о слѣдствіи, но Петръ не могъ повѣрить, чтобы личная месть заставила Искру и Кочубея начать такое дѣло; онъ былъ увѣренъ, что ихъ подкупили шведы, или поляки для того, чтобы лишить царя такого вѣрнаго и преданнаго человѣка, какъ Мазепа; поэтому царь однимъ слѣдствіемъ не удовольствовался и приказалъ повторить и допросы, и пытку на сколько возможно, чтобы дознаться, кто подучилъ Кочубея. Воля царя была исполнена и ничего новаго не узнали.

Между тѣмъ Мазепа писалъ о волненіяхъ въ Малороссіи, о томъ, что на него казаки негодуютъ, что никто его не хочетъ слушаться, что ссылаются на то, будто его власти скоро конецъ, что Кочубей и Искра у московскаго царя въ милостяхъ, что одного изъ нихъ царь назначитъ гетманомъ, что они теперь для царя города

завоевываютъ и когда окончатъ это дѣло, то вернутся, и будутъ награждены.

Мазепа вслѣдствіе этого представлялъ, какъ необходимо обоихъ главныхъ виновныхъ прислать въ Малороссію и казнить ихъ для примѣра, публично, да и самый розыскъ дѣла слѣдуетъ сдѣлать всенародно.

Послѣ втораго допроса Головкинъ и Шафировъ доносили Петру, что, сколько ни пытали того и другаго, ничего новаго не узнали и что они твердо стояли на томъ, что доносъ сдѣланъ Кочубеемъ по ненависти къ Мазепѣ, а Искрой по пріязни къ Кочубею и тоже по ненависти къ гетману. Петръ приговорилъ виновныхъ *въ клеветѣ* къ смертной казни. Послѣ этого, вслѣдствіе желанія Мазепы, Кочубея и Искру отправили въ Кіевъ, оттуда въ мѣстечко Боряцаговку въ 8 миляхъ отъ Бѣлой Церкви, гдѣ находился гетманъ съ казачьимъ обозомъ; здѣсь несчастные были казнены іюля 14, въ присутствіи огромнаго количества казаковъ и при главныхъ предводителяхъ войска.

Послѣ казни Кочубея и Искры, полковники и старшины начали торопить Мазепу, чтобы онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ и наконецъ высказалъ свое намѣреніе: но Мазепѣ не того хотѣлось; ему было бы пріятнѣе всего отойти съ обозомъ и главными силами къ Батурину и выжидать, въ чью пользу рѣшится великая борьба съ Швеціей и тогда дѣйствовать въ пользу той стороны, которая останется побѣдительницею. Но на бѣду Карлъ совершенно неожиданно повернулъ и пошелъ прямо на Украину; медлить нечего было; Мазепа это видѣлъ и негодовалъ: всѣ его расчеты опровергались. Старшины торопятъ, Карлъ идетъ, а царь пишетъ письмо, въ которомъ предлагаетъ, ежели здоровье позволитъ самому гетману принять начальство надъ войскомъ, тревожить непріятеля, мѣшать его переправамъ, постоянно находиться у него съ боку и въ тылу, чтобы отрѣзывать отсталыхъ, портить и истреблять обозы, а когда онъ пойдетъ на малороссійскіе, или великорусскіе города, то, соединившись съ главною арміею, ударить соединенными силами на шведовъ и ихъ союзниковъ—поляковъ.

Мазепа отвѣчалъ, что ему никакъ нельзя отлучиться изъ Малороссіи, что тамъ безпорядки, неурядица въ Запорожьѣ, что онъ кромѣ того хилъ и боленъ, и что только личнымъ вліяніемъ и не-

усыпнымъ надзоромъ можетъ казачьи полки удержать въ повиновеніи. Мазепа такъ расписалъ внутреннее волненіе въ Малороссіи, что Петръ нашель для себя удобнѣе и выгоднѣе, чтобы Мазепа не шель на войну, а лучше старался о сохраненіи порядка и безопасности въ Малороссіи, и всѣми силами препятствовалъ, чтобы враги не распространяли возмутительныхъ граматъ въ Украинѣ.

Послѣ побѣды при Лѣсной, Меншиковъ двинулся на югъ и послалъ приказаніе казакамъ идти къ нему навстрѣчу, чтобы дѣйствовать за-одно.

Мазепа собралъ недовольныхъ и своихъ сообщниковъ и спрашивалъ ихъ: идти ли на встрѣчу къ московскимъ войскамъ, исполнять ли царскій указъ, и всѣ единодушно отвѣчали, что идти не надобно. Мазепа кое-какъ опять отписался. Меншиковъ звалъ Мазепу къ Стародубу, для личнаго свиданія и для соглашенія въ военныхъ дѣйствіяхъ; но когда Мазепа сообщилъ это требованіе полковникамъ, всѣ воскликнули: «Если поѣдешь, то себя и насъ и всю Украину погубишь!» Заговорщики были увѣрены, что ихъ переговоры съ непріателемъ извѣстны и что Меншиковъ зоветъ Мазепу для того только, чтобы его схватить, также, какъ схватили Кочубея. Мазепа отправилъ къ Меншикову своего племянника Войнаровскаго съ письмомъ, въ которомъ писалъ, что болѣзнь его усилилась и что посылаетъ, кажется, послѣднее письмо и поклонъ, онъ чувствуетъ приближеніе смерти и спѣшитъ, чтобы его перевезли въ Борзну, куда пріѣдетъ кіевскій архіерей, чтобы соборовать его масломъ. Мазепѣ не хотѣлось ѣхать къ царю и опасался передаться Карлу; онъ хотѣлъ, чтобы или обстоятельства толкнули его, или другіе принудили.

Соумышленники требовали, чтобы гетманъ послалъ къ Карлу рѣшительный отвѣтъ; опять всѣ поклялись сохранять глубокую тайну, позвали Быстрицкаго, управляющаго имѣніями Мазепы и обязали его клятвою; Орликъ по-латыни написалъ грамоту къ Карлу, и послалъ ее съ Быстрицкимъ и съ плѣннымъ шведомъ въ непріятельскій лагерь. Въ грамотѣ Мазепа выразилъ радость, что Карлъ явился въ Украинѣ, просилъ протекціи себѣ, запорожцамъ, всему малороссійскому казачеству и народу, освобожденія отъ тяжелаго русскаго ига, увѣдомлялъ, что, переходя на сторону шведовъ, онъ подвергается большой опасности, отъ которой защититъ можетъ

только быстрое приближеніе шведскаго войска, обѣщался пригото-
вить на Деснѣ паромы для переправы.

Меншиковъ шелъ быстрѣе шведовъ; онъ съ кавалеріей опередилъ пѣхоту; увидѣвшись съ Войнаровскимъ и осмотрѣвъ полки, онъ чувствовалъ крайнюю необходимость лично увидѣться съ гетманомъ и посовѣтоваться съ нимъ, какъ бы исправить плохое состояніе казачьяго войска. Вѣсть о смертельной болѣзни Мазепы опечалила и обезпокоила Меншикова; ему тяжело было терять *такого преданнаго и опытнаго совѣтника*. Меншиковъ обо всемъ этомъ написалъ царю и просилъ его, какъ можно скорѣе, ѣхать въ армію, чтобы самому все видѣть и обо всемъ распорядиться. Петръ уже ѣхалъ къ арміи.

Быстрицкій возвратился къ Мазепѣ съ извѣстіемъ, что Карлъ къ 22 октября самъ съ войскомъ будетъ у переправы черезъ Десну. Но шведы въ назначенный срокъ не явились; а на слѣдующій день къ Мазепѣ прискакалъ Войнаровскій съ извѣстіемъ, что Меншиковъ ѣдетъ въ Борзну для свиданія съ нимъ и прибавилъ: «до русскихъ, должно быть, дошли слухи о нашемъ предпріятіи, потому что я подслушалъ, какъ нѣмецкіе офицеры говорили между собою: «Помилуй Боже этихъ людей; завтра они будутъ въ кандалахъ!» Этого довольно было, чтобы испугать Мазепу; куда дѣлась болѣзнь его! Онъ ночью вскочилъ на лошадь и помчался въ Батуринъ; на другой день къ вечеру доѣхалъ до Коропа, переночевалъ и на третій день къ вечеру былъ уже въ лагерѣ передоваго драгунскаго полка; съ нимъ былъ отрядъ въ 2000 сердюковъ. Впередъ къ королю послалъ онъ Орлика и полковника Ломиковскаго, главныхъ своихъ сообщниковъ; Мазепа надъ евангеліемъ клялся имъ и другимъ полковникамъ, что присоединяется къ Швеціи не изъ личныхъ выгодъ, а для пользы Украйны и Запорожья. Въ селѣ Бихмачѣ принялъ онъ присягу шведскому королю и по его желанію все знатное товарищество и старшины присягнули, что будутъ вѣрны ему, Мазепѣ, и будутъ признавать протекторство короля шведскаго.

Между тѣмъ Меншиковъ ѣхалъ въ Борзну для свиданія съ гетманомъ, но на дорогѣ узналъ, что онъ уѣхалъ въ Батуринъ, но и тутъ, не настигнувъ гетмана, онъ узналъ что тотъ уѣхалъ въ Копорь; въ Батуринѣ его поразило то, что онъ не нашелъ гетманскихъ сердюковъ, и встрѣтилъ его одинъ только московскій пѣхотный полкъ,

въ Батуринѣ же въ замкѣ засѣли и укрѣпились всѣ приверженцы Мазепы; мостъ былъ разведенъ, на стѣнахъ виднѣлись вооруженные люди и развѣвались знамена. Меншиковъ послалъ спросить, почему они его не пускаютъ въ замокъ и встрѣчаютъ его, какъ непріятеля? и получилъ въ отвѣтъ: «таково приказаніе.» Меншиковъ поѣхалъ было за гетманомъ въ Коропъ, но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Батурина узналъ объ измѣнѣ Мазепы и о томъ, что онъ уже на той сторонѣ Десны. Меншиковъ возвратился къ войску и обо всемъ извѣстилъ Петра; измѣна Мазепы поразила его.

Но, какъ и всегда, онъ не потерялся, а только принялъ рѣшительныя мѣры; собранъ былъ военный совѣтъ, на которомъ положено было Меншикову спѣшить въ Батуринъ и овладѣть имъ, а вслѣдъ за тѣмъ приступить къ избранію новаго гетмана.

Мазепа вполне былъ увѣренъ въ преданности себѣ стародубскаго полковника Скоропадскаго; чтобы поднять войско и привлечь его на сторону шведовъ, писалъ убѣдительныя письма и воззванія къ Скоропадскому, представлялъ, какой гибели подвергается Малороссія, ежели восторжествуетъ Петръ, и потому уговаривалъ всѣхъ истинныхъ патріотовъ принять сторону Карла. Скоропадскому Мазепа совѣтовалъ истребить русскій отрядъ, занявшій Стародубъ, а ежели этого нельзя, то спѣшить къ Батурину и вмѣстѣ съ тамошнимъ гарнизономъ отстаивать его до тѣхъ поръ, пока не подоспѣтъ все шведское войско. Но Мазепа не зналъ, что Скоропадскій былъ дальновиднѣе его и уже вполне присоединился къ русскимъ и считалъ поступокъ Мазепы крайне безумнымъ.

Меншиковъ спѣшилъ къ Батурину, чтобы поспѣть туда раньше шведовъ. Въ Батуринѣ были приготовлены огромные запасы оружія, съѣстныхъ припасовъ и находилась богатая казна Мазепы. Петръ посылалъ курьеровъ къ Меншикову и торопилъ его, но въ то же время совѣтовалъ отступить, ежели бы шведы предупредили его. Октября 31 Меншиковъ пришелъ къ Батурину; его здѣсь уже дожидался Голицынъ; онъ уже входилъ въ переговоры съ засѣвшими въ крѣпости Чечеломъ и Кеничсекомъ и совѣтовалъ имъ, безъ дальнѣйшаго, покориться царю; но ему отвѣчали, что безъ гетманскаго указа царскихъ войскъ въ крѣпость не пустятъ, а гетмана надобно выбирать по старинѣ, вольными голосами, но пока шведы уйдутъ изъ Малороссіи, до тѣхъ поръ этого нельзя сдѣлать. Мен-

шиковъ хотѣлъ по мостамъ прямо идти въ замокъ, но приверженцы Мазепы вывезли изъ замка пушки и навели ихъ на мосты. Меншиковъ отвелъ войска внизъ по рѣкѣ и выстроилъ ихъ на берегу, отыскивая мѣста для переправы; изъ замка вышло нѣсколько казаковъ и съ другаго берега кричали: «Не ходите! Если пойдете силою, то бить будемъ!» Меншиковъ велѣлъ сказать имъ, чтобы прислали нѣсколькихъ толковыхъ человѣкъ для переговоровъ, но ему отвѣчали бранью и уѣхали въ свои ряды. Тогда Меншиковъ на лодкахъ переправилъ человѣкъ пятьдесятъ гренадеръ; увидѣвъ ихъ на той сторонѣ, казаки, стоявшіе на мосту съ пушками, кинулись со страхомъ бѣжать и попрятались въ городъ, а Меншиковъ съ войсками безпрепятственно перебрался черезъ рѣку по мосту.

Твердая рѣшимость казаковъ, держаться до послѣдняго человѣка, поколебалась; ночью они прислали письмо, увѣряли въ покорности царской волѣ, готовы были отдать замокъ и просили только трехдневнаго сроку, чтобы свободно выйти изъ замка. Но на другой день не дождавшись отвѣта отъ Меншикова, съ самаго ранняго утра начали стрѣлять по царскимъ войскамъ и зажгли предмѣстья. Меншиковъ все еще хотѣлъ покончить безъ кровопролитія: онъ написалъ, чтобы казаки свободно выходили изъ Батурина, что ихъ не тронутъ; письмо прочитали въ кругу начальниковъ; они закричали: «Отвѣчать намъ некогда и хотѣли было тутъ же убить царскаго посланнаго, но одумались и выпустили его съ крикомъ: «Мы здѣсь всѣ умремъ, а царскаго войска не пустимъ!»

Батуричь шурумовали съ двухъ сторонъ и взяли его; весь гарнизонъ и всѣ жители, кромѣ очень небольшого числа плѣнныхъ, были убиты; Меншиковъ нашелъ, что укрѣпленія ненадежны и потому, когда все было вывезено, что можно было взять, городъ и укрѣпленія были сожжены и до тла разрушены.

Взятіе и истребленіе Батурина, потеря магазиновъ и казны были для Мазепы страшнымъ ударомъ; впечатлѣніе, которое оно произвело на малороссіянъ, было столько же невыгодно для Карла и Мазепы, сколько выгодно для царя; значеніе шведовъ падало отъ очень простаго разсужденія: «ежели царскія войска, почти въ виду непобѣдимыхъ шведовъ, могли взять и истребить Батуричь, значить, они сильнѣе ихъ.» Мазепа упалъ духомъ; съ потерей Батурина онъ

терялъ самыхъ лучшихъ и преданныхъ ему казаковъ; кто послѣ такого примѣра будетъ держать его сторону?

Петръ между тѣмъ разослалъ по Украинѣ приказаніе старшинамъ собраться въ Глуховъ для избранія новаго гетмана, и уже 7 октября Стародубскій полковникъ Скоропадскій былъ единодушно избранъ гетманомъ, на мѣсто измѣнника и предателя Мазепы. Изъ Кіева, Чернигова и Переяславля пріѣхали три архіерея и торжественно соборомъ предали Мазепу проклятію. Въ тотъ же день вынесли куклу, одѣтую въ платье Мазепы, всенародно сняли съ нея знаки ордена Св. Андрея Первозваннаго, разжаловали и отдали палачу; онъ навязалъ петлю на шею куклы и волочилъ ее за собою по улицѣ, по площади, до нарочно поставленной висѣлицы и повѣсилъ ее; въ тотъ же день были казнены Чечель и другіе приверженцы Мазепы. Проклятіе Мазепы было провозглашено въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царевича Алексѣя Петровича, всей царской думы и бояръ.

По всей Малороссіи читали объявленія малороссійскихъ архіереевъ объ измѣнѣ Мазепы, объ отлученіи его отъ церкви, равно какъ и всѣхъ его единомышленниковъ и о томъ, что всѣ они прокляты церковью. Изъ Глухова Петръ послалъ указъ запорожцамъ, приглашая ихъ остаться вѣрными царю и признать новаго гетмана Скоропадскаго. Карлъ съ своей стороны посылалъ по Малороссіи манифесты о томъ, чтобы храбрые казаки ободрились и свергнули съ себя тягостное иго московское. Но Петръ на эти манифесты отвѣчалъ тоже воззваніями, въ которыхъ объяснялъ, что шведы хотятъ поработить Украину польскому королю Станиславу Лещинскому, что сначала онъ обѣщаетъ имъ много, но потомъ также, какъ въ Польшѣ, Литвѣ и Силезіи, отберетъ у казаковъ церкви и превратитъ ихъ въ лютеранскія; король обѣщаетъ народу новыя права, вольности и льготы, но это только льстивыя слова; что же касается до возвращенія старыхъ правъ, то старые казаки помнятъ, какія это были права. — Въ заключеніе, въ манифестѣ Петра было обращеніе ко всему вѣрному казачьему войску сопротивляться всѣми силами общему врагу, королю шведскому, вредить ему, чѣмъ могутъ, лишать его продовольствія и жилища; кто поймаетъ и живаго шведа представить въ русскій лагерь, тому назначалась награда; за генерала 2000 р., за полковника 1000 р., за офицера по

разсчету по чину; за солдата по 5 р., а за убитого по 3 р. Скоропадскій тоже разослалъ универсалы, въ которыхъ напоминалъ народу вѣрность къ царю и то, что отъ преданности къ нему можно ожидать больше пользы, чѣмъ отъ иновѣрнаго и враждебнаго народа шведскаго.

Универсалы Мазепы, проклятаго православною церковью, и шведскаго короля не производили ни малѣйшаго вліянія на малороссіянъ; крестьяне прятали свое имущество и хлѣбъ въ лѣсахъ и въ землѣ, гдѣ можно было, захватывали шведовъ и приводили ихъ въ русскій лагерь, отгоняли у нихъ скотъ и лошадей, и вредили имъ, сколько могли.

Такимъ образомъ измѣна Мазепы не принесла Карлу ни малѣйшей пользы, а тутъ еще въ концѣ 1708 года наступили жестокіе морозы; было такъ холодно, что птицы замерали на лету и мертвыя падали на землю. Въ началѣ декабря царь на военномъ совѣтѣ положилъ выманить непріятеля изъ Ромень и захватить этотъ городъ. Для этого, не смотря на ужасный морозъ, русскіе пошли къ Гадячу и одинъ отрядъ къ Ромнамъ. Планъ удался: не смотря на всѣ совѣты, Карлъ вышелъ изъ Ромень на помощь Гадячу, надѣясь при этомъ поразить всю армію, но русскіе отступили отъ Гадяча къ Лебедину, а отрядъ, посланный въ Ромны, захватилъ его. Эта передвижка войскъ совершилась въ самые сильные морозы; хотя наши войска большую часть дороги шли подлѣ лѣсовъ и ночевали подлѣ деревень, да и одѣты были теплѣе, но все-таки челоуѣкъ около полтораста отморозили себѣ руки и ноги, да нѣсколько десятковъ совсѣмъ замерзло и погибло; шведы пострадали несравненно больше; Карлъ продержалъ ихъ двое сутокъ въ открытомъ мѣстѣ, въ степи; онъ дожидался, что русскіе подойдутъ къ Гадячу и начнутъ его штурмовать, слѣдовательно стануть къ нему въ такомъ положеніи, что ихъ можно будетъ поразить на голову.

Но битвы при Гадячѣ не было; однакожь, не только Карлъ, но и Петръ чувствовалъ, что зима не пройдетъ безъ генеральнаго сраженія; Петръ писалъ Апраксину: «Не надѣюсь, чтобы нынѣшняя зима прошла безъ генеральной баталіи: но игра эта въ рукахъ Божіихъ и кто вѣдаетъ, на чью долю выпадеть счастье!»

Всѣ сосѣднія европейскія государства и Турція тоже дожидались, чѣмъ кончится походъ Карла въ Украину.

ГЛАВА XXII.

Запорожцы. Измѣна ихъ. Взятіе и разореніе Сѣчи. Осада Полтавы. Полтавскій бой. Отношенія Россіи къ западнымъ державамъ. Осада Риги. Триумфальный въѣздъ побѣдителей въ Москву. Гражданскія учрежденія и законы Петра. Финансовыя распоряженія. Раздѣленіе Россіи на губерніи. Сенатъ. Покореніе Выборга, Кексгольма, Риги, Пернау и Аренсбурга. Отношенія Россіи къ Турціи: Война съ Турціей. Ненадежные союзники. Приготовленія къ походу. Екатерина Алексѣевна — супруга Петра.

Весна наступала и надобно было ожидать возобновленія военныхъ дѣйствій; въ концѣ зимы Шереметевъ послалъ только отрядъ на мѣстечко Рашевку, между Гадячемъ и Глинскомъ, но отрядъ этотъ, хотя и сдѣлалъ, что ему было приказано, взялъ мѣстечко, отнялъ 2000 лошадей, но этотъ успѣхъ стоилъ очень дорого; потеря была большая и отъ сраженія, и отъд урныхъ дорогъ. Петръ былъ недоволенъ неудачными дѣйствіями Шереметева, отнялъ у него изъ-подъ команды Преображенскій полкъ и перевелъ его въ войско Меншикова. Шереметевъ жаловался на это, объяснялъ неудачу, но Петръ остался при своемъ рѣшеніи и не обратилъ вниманія на жалобы своего фельдмаршала.

Мазепа былъ въ очень дурномъ положеніи; въ отношеніи къ Карлу онъ не выполнилъ своихъ обѣщаній, не поднялъ Малороссіи, одни только запорожцы, въ числѣ 8 тысячъ, послѣдовали за нимъ. Мазепа даже думалъ о двойной измѣнѣ; онъ прислалъ къ царю полковника Апостола съ предложеніемъ выдать самого шведскаго короля и всѣхъ его главнѣйшихъ генераловъ, да и самое войско отдать ему въ руки: но взамѣнъ требовалъ, чтобы царь не только

возвратилъ ему утраченное гетманское достоинство, но и объявилъ полное забвеніе и прощеніе, какъ ему, такъ и всѣмъ его сообщникамъ; но непремѣннымъ условіемъ при заключеніи этого договора было, чтобы иностранныя державы гарантировали исполненіе его. Съ перваго раза царь и его министры не повѣрили словамъ полковника, но когда немного спустя они подтвердились новымъ посланіемъ отъ гетмана, тогда Головкинъ отвѣчалъ, что всѣ условія приняты, лишь бы Мазепа съ своей стороны выполнилъ ихъ, какъ нельзя лучше; даже на гарантію иностранныхъ державъ соглашались; но пока полковникъ и посланные Мазепою остаются въ русскомъ лагерѣ заложниками.

Дальнѣйшихъ слѣдствій эти переговоры не имѣли; но Апостоль совсѣмъ остался въ войскѣ Петра и между прочимъ показалъ и отдалъ одно изъ писемъ Мазепы и Карла къ Лещинскому, гдѣ приглашали его поскорѣе съ войскомъ занять Малороссію, свое древнее достояніе, и тутъ же говорилось о томъ, что Лещинскій съ Мазепою останутся на Украинѣ, а Карлъ съ подкрѣпленнымъ и оправившимся войскомъ пойдетъ на Москву. Петръ воспользовался этимъ письмомъ и обнародовалъ его; впечатлѣніе, произведенное письмомъ, было очень неблагопріятное: казаки не хотѣли быть подданными Лещинскаго, не хотѣли, чтобы древнее достояніе ихъ перешло опять къ Польшѣ и повлекло за собою всѣ тѣ же невзгоды, которыя были причиною ея отторженія отъ нея. Одни только запорожцы пошли вслѣдъ за Мазепою. Тотчасъ послѣ измѣны Мазепы, Петръ послалъ къ запорожцамъ грамоту и подарки всему войску, кошевому атаману и старшинамъ. Посольство, подарки и деньги запорожцы приняли, но посланниковъ оскорбили, одного изъ нихъ хотѣли бросить въ воду, іеромонаха называли шпиономъ и хотѣли его сжечь въ смоляной бочкѣ, написали дерзкую отвѣтную грамоту, требовали небывалыхъ вольностей и разоренія построенныхъ русскими укрѣпленій. Вслѣдъ за тѣмъ русскіе перехватили письмо отъ запорожскаго коша къ Мазепѣ; они требовали, чтобы присланы были въ Сѣчу уполномоченные для заключенія договора, кому передаться, и просили, чтобы были присланы войска для разоренія Каменнаго Затона; лишь только эта крѣпость будетъ разорена, запорожцы поспѣшатъ въ шведское войско для нападенія вмѣстѣ съ ними на царское войско.

Около этого времени запорожцы перехватили бунчужнаго товарища, посланнаго Скоропадскимъ къ крымскому хану съ извѣщеніемъ о его избраніи на гетманство. Запорожцы до полусмерти избили посланнаго и отправили его скованнаго къ Мазепѣ. Чигиринскій староста, приверженецъ Мазепы, убилъ посланнаго къ нему отъ Скоропадскаго и самъ ушелъ въ Запорожье.

Въ началѣ 1709 года запорожцы начали куда-то собираться. Чтобы удержать ихъ отъ необдуманнаго поступка, Петръ приказалъ послать въ Сѣчу вѣрныхъ людей, чтобы подкупомъ, уговорами, или иными кроткими мѣрами удержать ихъ въ повиновеніи и отклонить отъ измѣны; совѣтовалъ смѣнить кошеваго атамана и достигнуть этого подкупомъ, не жалѣя даже большихъ суммъ. Между прочимъ приказалъ въ крѣпость Каменный Затонъ послать командира помунѣе, потому что тамъ не только оружіемъ, но и языкомъ надобно было уговорить запорожцевъ и быть съ ними снисходительными до послѣдней возможности и только тогда, когда они не послушаются добра, когда окажутся явными измѣнниками, тогда только прибѣгнуть къ явной силѣ.

Марта 11 кошевой атаманъ съ 1000 пѣшихъ запорожцевъ, съ 9 пушками и 500 коннымъ отрядомъ составили раду; читали письма Мазепы, въ которыхъ обвинялись русскіе за то, что разоряютъ Украину, вдесятеро хуже поляковъ и шведовъ; раздались крики: «быть на Мазепиной сторонѣ!» и въ ту же ночь сдѣлали нечаянное нападеніе на царскія войска, но были отражены съ большою потерею; однакожь захватили въ плѣнъ нѣсколько солдатъ и съ торжествомъ привели ихъ въ шведскій лагерь.

Петръ придвинулъ войска къ Каменному Затону; при встрѣчѣ съ запорожцами одними, или вмѣстѣ съ шведами, ихъ постоянно разбивали; но примѣръ запорожцевъ могъ быть заразителенъ для всего простаго народа въ Украинѣ; поэтому Петръ объявилъ, что кошевой атаманъ смѣняется за измѣну, а на мѣсто его былъ избранъ другой, Сорочинскій, котораго Петръ считалъ вѣрнымъ: но и онъ оказался не лучше своего предшественника, тогда царь послалъ Меншикову грозный указъ взять и разорить Сѣчу.

Войска, назначенныя въ Запорожье для покоренія ея, сѣли на лодки и поплыли внизъ по теченію; начальство надъ ними поручено было Яковлеву; на пути онъ встрѣтилъ нѣсколько тысячъ за-

порожцевъ, уговаривалъ ихъ добромъ покориться царю, но принужденъ былъ сразиться съ ними, разогнать ихъ и при этомъ не обошлось безъ большой потери съ той и другой стороны. Такія сопротивленія Яковлевъ встрѣчалъ нѣсколько разъ; мая 11 подошелъ онъ къ Сѣчи и началъ съ того, что посылалъ письма и увѣщанія покориться царю, принести ему повинную.

Запорожцы, какъ бы колебались, просили времени, чтобы посоветоваться, подумать, но въ сущности это была хитрость, чтобы протянуть время, потому что Сорочинскій поѣхалъ въ Крымъ за помощью. Видя, что проволочки ни къ чему не ведутъ, Яковлевъ рѣшился взять Сѣчь оружіемъ: но подступъ къ ней былъ неудобенъ, вода окружала ее; солдаты напали на лодкахъ, но запорожцы защищались отчаянно и русскіе должны были отступить съ большимъ урономъ; нѣсколько солдатъ попало въ плѣнъ и несчастныхъ замучили до смерти самымъ жестокимъ и постыднымъ образомъ.

Вдали показалось войско; запорожцы думали, что это идетъ къ нимъ на помощь крымская орда, и сдѣлали было вылазку; но это шли не крымцы, а шли драгуны на помощь къ Яковлеву. Увидѣвъ свою ошибку, запорожцы смѣшались; этимъ мгновеніемъ воспользовались осаждающіе, вмѣстѣ съ ними ворвались въ Сѣчь и овладѣли ею. Большая часть запорожцевъ погибла въ схваткѣ, только немногимъ удалось бѣжать, въ плѣнъ взято 300 человекъ, пушекъ и боевыхъ снарядовъ взято много.» Предводителей я посадилъ подъ караулъ, писалъ Меншиковъ, а прочихъ казнилъ; надъ Сѣчею исполненъ твой, государь, указъ, она разорена до основанія, также какъ и всѣ мѣста, чтобы вполнѣ искоренить это измѣническое гнѣздо.

Въ Кіевѣ и Украинѣ, благодаря предпринятымъ мѣрамъ, все было тихо, Сѣча лежала въ развалинахъ; турки, татары и поляки не двигались съ мѣста, все какъ будто притаилось, выжидая, чѣмъ кончится борьба между Петромъ и Карломъ. Петръ, по обыкновенію, былъ болѣнъ лихорадкою и лѣчилъся на пути въ Азовъ, но надѣялся къ 15 мая быть уже въ войскѣ; о своей болѣзни онъ пишетъ: «лѣкарство мое сильно дѣйствуетъ, только я отъ него сталъ безсиленъ, какъ ребенокъ.»

Между тѣмъ, въ началѣ мая непріятель напалъ на Полтаву; дѣлалъ нѣсколько приступовъ и каждый разъ отступалъ съ сильною

потерею. Въ военномъ совѣтѣ Меншикова рѣшили отвлечь непріятеля отъ Полтавы и для этого 7 мая на разсвѣтѣ пѣхота Меншикова перешла р. Ворсклу по мостамъ, а конница вплавь и съ однѣми шпагами бросилась на шведское укрѣпленіе, выбили непріятеля, взяли 300 рядовыхъ и шестерыхъ офицеровъ въ плѣнъ, но при этомъ и сами потеряли 600 человекъ. Вслѣдъ за передовымъ отрядомъ, Меншиковъ со всѣмъ своимъ войскомъ расположился у Полтавы; съ шведами, осаждавшими городъ, были безпрестанныя встрѣчи; дѣлали вылазки и довольно сильныя; дѣлали набѣги на непріятельскій флангъ и отбивали людей и лошадей; такъ въ одинъ день отбили сначала 1000 лошадей, потомъ еще 100 и забрали всѣхъ людей бывшихъ при нихъ. Меншиковъ извѣщалъ Петра, что каждый день происходятъ столкновенія, болѣе или менѣе важныя, но все-таки просилъ царя поспѣшить къ Полтавѣ и стянуть туда побольше войска, потому что, какъ съ одной стороны нападеніе шведовъ упорно, такъ съ другой стороны и защита не ослабѣваетъ.

Петръ изъ Азова могъ выѣхать только 27 мая, но изъ Харькова писалъ, что спѣшить, на сколько возможно, но такъ какъ въ военномъ дѣлѣ каждый часъ очень важенъ, то велѣлъ пользоваться всякимъ случаемъ и дѣлать, что можно, не дожидаясь его. Но Меншиковъ дожидался; Петръ прибылъ къ арміи 7-го числа.

Итакъ, Петръ былъ опять лицомъ къ лицу съ нарвскими своими побѣдителями и сталъ говорить о необходимости дать генеральную битву. Но ни русскіе, ни шведы, стоявшіе теперь другъ передъ другомъ, не походили на тѣхъ, какіе встрѣтились подъ Нарвой въ 1700 году. Войско Карла было изнурено страданіями долгой зимы; оно упало духомъ: Карлъ, хотя и не проигралъ ни одной битвы и считалъ себя по прежнему непобѣдимымъ, но блестящее, увѣренное въ себѣ и веселое войско его уменьшилось на половину въ сравненіи съ тѣмъ, съ которымъ онъ такъ недавно вступилъ изъ Саксоніи въ Польшу. Въ Швецію первый министръ Карла, Пиперъ писалъ своей женѣ: «Походъ такъ труденъ и положеніе наше такъ печально, что нѣтъ возможности ни описать, ни вообразить себѣ.» Солдаты и офицеры одинаково тяготились; дисциплина ослабѣла. Карлъ по прежнему кидался въ опасности, но теперь это никого не одушевляло, говорили: «онъ ищетъ смерти, потому что видитъ дурной конецъ!» Генералы совѣтовали перейти Днѣпръ и отступить

въ Польшу. Министръ Пиперъ объ этомъ говорилъ Карлу, но онъ и слышать не хотѣлъ: Это отступленіе, говорилъ онъ, будетъ походить на бѣгство!»

До осады Полтавы у Карла былъ любопытный разговоръ съ генераломъ Гилленкрокомъ. *Карль*. Вы должны все приготовить для нападенія на Полтаву; вы должны вести осаду и сказать намъ, въ какой день мы ее возьмемъ; такъ дѣлалъ Вобанъ во Франціи, а вы нашъ маленький Вобанъ. *Гилленкрокъ*. Я думаю и самъ Вобанъ задумался бы при видѣ нашихъ недостаточныхъ средствъ для осады. *Карль*. У насъ довольно матеріала, чтобы взять такую ничтожную крѣпость, какъ Полтава. *Гилленкрокъ*. Крѣпость не сильна, но въ ней 4000 чел. гарнизону, кромѣ казаковъ. *Карль*. Русскіе сдадутся при нашемъ первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. *Гилленкрокъ*. А я думаю, что русскіе будутъ защищаться до послѣдней крайности и пѣхотѣ вашей сильно достанется отъ продолжительныхъ осадныхъ работъ. *Карль*. Я вовсе не намѣренъ употреблять своей пѣхоты. А Мазепины запорожцы на что? *Гилленкрокъ*. Но развѣ можно употреблять для осадныхъ работъ людей, не смыслящихъ ничего въ этомъ дѣлѣ, съ которыми объясняться надобно посредствомъ переводчиковъ, которые разбѣгутся, когда работа имъ покажется слишкомъ трудною и когда товарищи ихъ начнутъ падать отъ русскихъ пуль. *Карль*. Я васъ увѣряю, запорожцы будутъ работать усердно и не разбѣгутся, потому что я имъ буду щедро платить. *Гилленкрокъ*. Но съ нашими пушками ничего нельзя сдѣлать и крѣпость придется брать приступомъ, при чемъ пѣхота непременно погибнетъ. *Карль*. А я васъ увѣряю: штурмъ не понадобится. *Гилленкрокъ*. Въ такомъ случаѣ, не понимаю, какъ можно городъ взять, развѣ только будетъ какойнибудь необыкновенно счастливый случай. *Карль (смѣясь)*: Да, намъ надобно сдѣлать чтонибудь необыкновенное, за это намъ будетъ честь и слава. *Гилленкрокъ*. Боюсь, какъ бы все это не кончилось *необыкновеннымъ* образомъ.

Послѣ этого разговора Гилленкрокъ пошелъ къ министру Пиперу и просилъ его употребить все свое вліянія, чтобы отклонить Карла отъ намѣренія—осадить Полтаву. Пиперъ съ малой надеждой на успѣхъ, пытался однакожь исполнить это, но Карль запальчиво отвѣчалъ: «Еслибы Богъ послалъ ко мнѣ своего ангела небе-

снаго съ приказаніемъ отступить отъ Полтавы, то я бы и тогда не отступилъ».

Въ то же время въ русскомъ войскѣ шли толки о томъ, какъ бы освободить Полтаву, безъ генеральной битвы; на военномъ совѣтѣ положено было земляными работами, апрошами, подходить къ городу, къ самой стѣнѣ. Іюня 16 начаты были новые апроши, но шведы не дремали; и они вели поперечную линію апрошъ и перерѣзали путь русскимъ; ни съ какой другой стороны нельзя было, земляными работами, подходить къ городу: мѣшали болота и рѣки. Въ сношеніе съ городомъ входить тоже нельзя было; придумали письма посылать въ пустыхъ бомбахъ, пришлось употребить этотъ опасный способъ, потому что другаго не было. Посредствомъ такихъ пересылокъ узнали, что у осажденныхъ остается очень мало пороху и что непріятель уже подкопался черезъ валъ и хотя осажденные отрѣзали его, но долго держаться не могутъ. Опять собрали военный совѣтъ и положили: такъ какъ другаго способа снять осаду нѣтъ, то перейти рѣку и дать битву. Іюня 19 русская армія пошла вверхъ по Ворсклѣ, переправилась черезъ нее; повернула по другому берегу назадъ къ Полтавѣ и 25 числа остановилась въ четверти мили отъ непріятели такъ, чтобы шведы не могли принудить ихъ къ битвѣ раньше, чѣмъ построены будутъ окопы. Ретраншаментъ сдѣлали въ одну ночь; кавалерію поставили передъ лѣсомъ и передъ нею сдѣлали редуты и усадили ихъ пушками.

Ночью, когда рускіе подступили къ шведамъ, Карлъ хотѣлъ лично осмотрѣть положеніе приблизившихся русскихъ. Онъ отправился съ небольшою свитою и наткнулся на казацій отрядъ, слишкомъ неосторожно выдвинувшійся впередъ; безпечные казаки лежали воеругъ огня и ужинали. Увидѣвъ ихъ, Карлъ не утерпѣлъ, схватилъ ружье, сошелъ съ лошади и выстрѣлилъ въ одного казака; казаки мгновенно были на ногахъ и три ружейныхъ выстрѣла въ ту сторону, откуда былъ выстрѣлъ, были отвѣтомъ на вызовъ. Одна изъ пуль попала Карлу въ ногу и ранила его.

26 числа приготовлялись къ битвѣ съ той и другой стороны, размѣщали войска и обозрѣвали непріятельскую позицію. Въ центрѣ русской арміи былъ Шереметевъ, правымъ крыломъ командовалъ Репне, лѣвымъ Меншиковъ, а всею артиллеріей Брюсъ. У

шведовъ вмѣсто раненаго короля главное начальство надъ войскомъ принялъ фельдмаршалъ Реншельдъ; всюю пѣхотой командовалъ Левенгауптъ, а кавалеріей—Крейцъ; по причинѣ недостатка въ артиллерійскихъ снарядахъ, артиллерія совершенно не имѣла значенія.

Юня 27, въ день битвы, шведы до свѣта бросились на русскую конницу съ яростію и овладѣли двумя еще недоконченными редутами, при этомъ Ренне былъ раненъ и начальство передалъ Боуру; но при этомъ шесть батальоновъ шведской пѣхоты и нѣсколько десятковъ эскадроновъ были отрѣзаны отъ главной арміи и должны были уйти въ лѣсъ. Генералу Боуру послано было приказаніе отступить вправо отъ русскаго ретраншаментъ, чтобы дать русской пѣхотѣ время выйти изъ него. Боуръ отступилъ, шведы преслѣдовали его и зашли такъ далеко, что русскій ретраншаментъ пришлось имъ во флангъ; когда Левенгауптъ съ пѣхотой приблизился къ нему на 30 сажень, по немъ открылся убійственный пушечный огонь, отъ котораго онъ прекратилъ преслѣдованіе конницы и спасся только тѣмъ, что отошелъ въ лѣсъ, гдѣ и остановился внѣ выстрѣловъ. Между тѣмъ русскіе напали на шведское войско, еще при самомъ началѣ отрѣзанное отъ главной арміи; и здѣсь шведы были вполнѣ разбиты; Шлиппенбахъ и Розенъ попались въ плѣнъ. Пользуясь смятеніемъ, русская пѣхота вышла изъ ретраншаментъ и стала въ боевой порядокъ; часть кавалеріи съ праваго крыла была проведена за пѣхотой и поставлена на лѣвое крыло. Русскіе рѣшились атаковать всю шведскую армію, но шведы предупредили ихъ и съ своимъ обыкновеннымъ пыломъ ринулись на русскихъ.

Два часа кипѣлъ отчаянный бой. Петръ былъ вездѣ, гдѣ было опасно; одна пуля прострѣлила его шляпу, вторая попала въ крестъ на его груди, третья осталась въ арчакѣ сѣдла, полы кафтана были изодраны, но ни одна не коснулась царя. Карла съ больною, раненою ногою въ коляскѣ возили между рядами солдатъ, но вдругъ пушечное ядро ударило въ коляску и Карлъ очутился на землѣ. Солдаты увидѣли паденіе Карла, подумали, что онъ убитъ; вѣсть объ этомъ, какъ электрическая искра пробѣжала по полкамъ и ужасъ овладѣлъ и безъ того колеблющимися солдатами. Карлъ приказалъ посадить себя на скрещенныя пики и тутъ его

глазамъ представилась печальная картина общаго замѣшательства, и онъ въ отчаяніи воскликнулъ: «Шведы, шведы, стойте!» Но шведы бѣжали и не обращали вниманія на голосъ своего короля. Прискакаль Рейншильдъ и торопливо крикнулъ: «Ваше величество, наша пѣхота потеряна! Товарищи, спасайте короля!» Съ этими словами онъ опять бросился къ своему войску и старался возстановить порядокъ, но попался въ плѣнъ и тогда бѣгство сдѣлалось общимъ.

Битва была яростная, отчаянная, но она не продолжалась больше двухъ часовъ. Шведы бѣжали такъ скоро и безостановочно, что ни разу не остановились и ни разу не пытались сопротивляться; русскіе гнались за ними и поражали бѣгущихъ штыками и шпагами, брали въ плѣнъ. Шведскихъ тѣлъ на полѣ сраженія насчитали у редутовъ до 9,234 человекъ, а по полю и по лѣсамъ было еще множество. Русскія войска не всѣ вступали въ битву, только передняя линія принимала участіе, а вторая вовсе не трогалась съ мѣста.

По окончаніи битвы, къ Петру со всѣхъ сторонъ съѣзжались русскіе генералы и офицеры; радостный царь передъ каждымъ изъ нихъ преклонялъ свой мечъ, обагранный кровью и поздравлялъ ихъ съ побѣдою. Къ нему въ это время привели шведскихъ плѣнныхъ принца Вюртембергскаго и Шлиппенбаха, Такельберга и Гамальтона. Петръ принялъ ихъ очень ласково, общалъ бытъ къ нимъ милостивъ, не приказалъ отнимать у нихъ шпагъ и приказалъ отвести ихъ въ ретраншментъ. Когда же приѣхалъ Меншиковъ, Петръ встрѣтилъ его съ истинно-дружескимъ чувствомъ: онъ обнялъ его и цѣловалъ въ голову нѣжно, и передъ всѣми выставилъ заслуги его въ этотъ день.

Все войско выстроилось и привѣтствовало Петра; передъ фронтомъ поставили походную церковь и нѣсколько шатровъ и принесли благодарность Богу—подателю побѣдъ; за тѣмъ побывалъ у раненыхъ, благодарилъ за службу и общалъ всѣхъ наградить, распорядившись тѣмъ, чтобы раны ихъ были перевязаны и чтобы все было сдѣлано для облегченія ихъ страданій.

Во второмъ часу былъ готовъ обѣдъ; всѣ собрались въ палатки: радостный Петръ не питалъ никакой досады къ своимъ недавнимъ врагамъ; онъ пригласилъ къ своему обѣду всѣхъ плѣнныхъ

Полтавская битва.

генераловъ. Петръ съ улыбкою обратился къ нимъ и сказалъ: «Вчера братъ мой, Карлъ, просилъ васъ на обѣдъ въ свои шатры, но такъ какъ ему не удалось сдержать своего королевскаго слова, то я считаю своимъ долгомъ выполнить его обѣщаніе сегодня и прошу васъ отобѣдать съ нами». Петръ былъ очень ласковъ къ фельд-маршалу Рейншильдъ, хвалилъ его за храбрость, подарилъ ему свою шпагу. Во время обѣда привели министра Пипера; когда онъ замѣтилъ общее бѣгство войска, онъ сначала слѣдовалъ за королемъ, но въ сумятицѣ потерялъ его и самъ не зналъ, куда бѣжать, пріѣхалъ прямо въ Полтаву и отдался въ плѣнъ; вмѣстѣ съ нимъ отдались и два королевскихъ секретаря. Его, вмѣстѣ съ товарищами, Петръ посадилъ также за свой столъ и угощалъ за обѣдомъ и каждому самъ подносилъ рюмку своей любимой водки. Во время тостовъ была непрерывная пушечная стрѣльба. Во время обѣда царь разговаривалъ съ шведскими генералами, спрашивалъ ихъ о числѣ и составѣ войска до сраженія и узнавъ, что у шведовъ всего было только 30,000 солдатъ, Петръ спросилъ: какъ они могли отважиться на битву съ такими незначительными силами? Рейншильдъ отвѣчалъ: «Отъ насъ совѣтовъ не спрашивали, и мы, какъ вѣрные поданные и слуги королевскіе, только исполняли повелѣнія своего государя: впрочемъ, съ начала кампаніи при вступленіи въ Украину, у насъ было гораздо больше войска; отъ холода, болѣзней, въ битвахъ и отъ разныхъ причинъ у насъ погибло до 33.000 человекъ».

Петръ выслушалъ этотъ отвѣтъ и обратясь къ своимъ воскликнулъ: «Вотъ, какъ надобно служить своему государю!» Потомъ, наливъ бокалъ вина, поднялъ его и обратясь къ своимъ знатнымъ плѣнникамъ, сказалъ: «Шю за здоровье моихъ учителей въ военномъ искусствѣ!» Рейншильдъ спросилъ: «Кого, ваше величество, изволите называть своими учителями?»

— Васъ, господъ шведовъ, отвѣчалъ Петръ.

— Значить, ваше величество, очень не благодарны своимъ учителямъ, потому что такъ худо ученики отблагодарили своихъ учителей.

Долго еще длился обѣдъ; разговоръ шелъ о томъ, что шведскіе генералы и министры много разъ представляли королю, что лучше было бы заключить миръ съ русскими, чѣмъ продолжать не-

вѣрную борьбу. Петръ съ своей стороны замѣтилъ, что онъ вовсе не любитъ войны и что для всякаго государства война большое несчастіе и что подданные воинственнаго государя не могутъ быть счастливы.

Но пока русскіе радовались и пировали, гдѣ же былъ шведскій король? Что случилось съ остатками его войска. Побѣда сначала такъ отуманила Петра и его генераловъ, что никто и не думалъ преслѣдовать бѣжавшую армію. и только вечеромъ Петръ отрядилъ Голицына съ гвардією, а Боура съ драгунами въ погоню за Карломъ. Въ тотъ же вечеръ Петръ собственноручно написалъ нѣсколько писемъ съ извѣстіемъ о *превеликой побѣдѣ*, дарованной самимъ Богомъ.

Утромъ 28 числа отправился и самъ Меншиковъ въ погоню за шведами. Остатки арміи Карла, бѣжавшей изъ подъ Полтавы, были въ самомъ печальномъ положеніи; шведы бѣжали вдоль Ворсклы къ Днѣпру; измученнаго, истомленнаго Карла ночью внесли въ домъ въ Новосенжаровѣ и перевязали ему ногу; отъ усталости и душевнаго томленія онъ впалъ въ глубокой лихорадочный сонъ. Когда уже совершенно разсвѣло его разбудили и сказали: «Русскіе приближаются, ваше величество, не прикажете ли идти дальше?»

— Да, да, дѣлайте, что хотите, отвѣчалъ Карлъ. И генералы распорядились: повозки запылали, лошадей роздали пѣхотнымъ солдатамъ и послѣшно отправились вдоль по Днѣпру, къ маленькому городку Переволочнѣ, гдѣ надѣялись найти возможность переправиться; но вмѣсто города нашли только груды развалинъ и ни одного паромъ, ни одной лодки; не нашли ни одного человѣка въ опустошенныхъ окрестностяхъ. Вопросъ, какъ переправиться за Днѣпръ, тревожно повторялся повсюду; русскіе близко; какъ защититься отъ нихъ? Генералы наконецъ уговорили Карла одному переправиться на ту сторону Днѣпра, а армію оставить на лѣвомъ берегу. Кое-какъ, на берегу отыскали двѣ лодки, связали ихъ между собою и поставили на нихъ коляску такъ; чтобы переднія колеса приходились въ одной лодкѣ, а заднія въ другой и такимъ образомъ поздно ночью переправили Карла на противоположный берегъ; Карлъ взялъ съ собою изъ всѣхъ своихъ вещей только любимый серебрянный сервизъ и деньги, собранныя имъ въ Саксоніи. Мазепа нашель тоже лодку и въ ней переправился; онъ за-

хватили съ собою два боченка съ золотомъ. Драбанты и свита королевская, казаки и запорожцы переправились вплавь, кто какъ могъ и какъ умѣлъ; запорожцы показали свое искусство и многимъ помогли добраться до берега; но многіе потонули.

Большая часть войска осталась, однакожь, на лѣвомъ берегу, подъ начальствомъ Левенгаупта; но о повиновеніи не могло быть и рѣчи; никто не слушался; одни только и толковали и думали о томъ, какъ бы переправиться на другую сторону, вслѣдъ за Карломъ; другіе, измученные, лежали на землѣ и спали мертвымъ сномъ.

Когда разсвѣло Левенгауптъ и Крейцъ приказали трубить сборъ, чтобы привести армію въ какой-нибудь порядокъ; но къ знаменамъ собралось меньше половины войска; многіе стояли на берегу рѣки, какъ будто ничего не слышали и тупо смотрѣли въ воду, не отвѣчая на вопросы; на всѣхъ лицахъ ясно выражалось отчаяніе. Когда сталъ совершенный день, Левенгауптъ подѣхалъ къ Крейцу и сказалъ ему: «Генераль, уже поздно, нечего думать, ни о бѣгствѣ, ни о защитѣ; появились русскіе и требуютъ сдачи». На всѣхъ возвышенностяхъ въ то же время показались солдаты и раздались трубные звуки и бой барабановъ; Меншиковъ пришелъ съ своими полками. Между испуганными шведами разнеслась вѣсть, что передъ ними 30.000 русскихъ, готовыхъ напасть на нихъ. Глядя на свое войско, Левенгауптъ съ глубокимъ огорченіемъ сознавалъ, что о сопротивленіи и думать нечего. Онъ отправилъ Крейца съ тремя товарищами къ Меншикову, чтобы договориться объ условіяхъ сдачи. Меншиковъ предложилъ имъ сдать военнопленными, выдать оружіе, военные припасы, но сохранить платье и частное имущество; Запорожцы и бунтовщики не могли пользоваться этимъ условіемъ. Предложеніе было принято. Такимъ образомъ окончила свое существованіе непобѣдимая армія Карла, наводившая ужасъ на сосѣднія съ Швеціей государства. У Полтавы и у Днѣпра въ пленъ взято 59 штабъ-офицеровъ 1102 оберъ-офицера и прочихъ военныхъ чиновъ 16,947 человекъ.

Послѣ возвращенія Меншикова въ Полтаву, Петръ объявилъ большія награды по войску; фельдмаршалу Шереметеву пожалованы были большія вотчины, князю Меншикову титулъ втораго фельдмаршала; генералу князю Репнину орденъ Св. Андрея Первозваннаго и вотчины, фельдцейхмейстеру Брюсу — тоже; и такъ далѣе

всѣмъ генераламъ даны ордена, помѣстья; офицеры повышены чиномъ и всѣмъ штабъ-и оберъ-офицерамъ розданы золотые портреты съ алмазами и золотыя медали, смотря по чину, а солдатамъ—серебряныя медали и деньги.

Никто не остался безъ награды, какъ же было оставить Петра безъ награды? До сихъ поръ онъ по гвардіи состоялъ полковникомъ, а по морской службѣ капитаномъ. Всѣ министры, генералы, офицеры и вся армія послѣ полтавской побѣды поднесли государю по сухопутной арміи чинъ генерала, а по флоту—чинъ шаутбенахта (вице-адмирала); царь принялъ чины и радовался поздравленію, съ котрымъ его встрѣчали.

Когда въ Москвѣ получено было извѣстіе о великой Полтавской побѣдѣ, царевичъ Алексѣй Петровичъ присутствовалъ при благодарственномъ молебствіи и созвалъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ иностранныхъ и русскихъ министровъ, знатныхъ офицеровъ и угощалъ ихъ въ Преображенскомъ въ своихъ покояхъ и въ шатрахъ, нарочно съ этой цѣлью раскинутыхъ. Царевна Наталья Алексѣевна тоже дала обѣдъ, а по ея примѣру и многіе вельможи. Пиръ длился нѣсколько дней сряду. По вечерамъ жгли фейерверки; не въ домахъ, а на улицахъ для простаго народа стояли накрытые столы, Комендантъ, князь Гагаринъ, для народа и шведскихъ плѣнныхъ выставилъ столы съ кушаньемъ и выкатилъ бочки съ виномъ, водкою, медомъ и пивомъ; пушечная стрѣльба и колокольный звонъ не умолкали восемь дней сряду; во всѣхъ церквахъ позволено звонить, какъ въ Святую недѣлю всякому, и не только мужчинамъ, но и женщинамъ и дѣвушкамъ.

Поздравленія отовсюду посыпались къ царю; но объ окончаніи войны нечего было думать. Карлъ ушелъ въ Турцію; его отсутствіемъ надобно было воспользоваться, чтобы укрѣпить за Россіей завоеванія Прибалтійскія. Петръ далъ повелѣніе войску изъ подъ Полтавы идти: Шереметеву къ Ригѣ, а Меншикову въ Польшу; оставаться далѣе, подъ Полтавой нельзя было по причинѣ невыносимаго запаха распространявшагося съ поля сраженія, гдѣ трупы, недовольно глубоко закопанныя, разлагались. Самъ Петръ отправился въ Кіевъ, гдѣ познакомился съ умнымъ и краснорѣчивымъ проповѣдникомъ Теофаномъ Прокоповичемъ; онъ въ Софійскомъ соборѣ произнесъ такую поразительную рѣчь, что Петръ былъ тронутъ; онъ никогда

ничего подобнаго не слыхаль. Царь приказаль напечатать это похвальное слово вмѣстѣ съ переводомъ его на латинскій языкъ, чтобы во всей Европѣ его могли прочитать.

Петръ изъ Кіева намѣревался отправиться дальше, но здѣсь опять захватила его болѣзнь, и онъ писалъ Меншикову: «За грѣхи мои на меня здѣсь болѣзнь обрушилась; немедленно послѣ вашего отъѣзда 6 августа у меня сдѣлалась лихорадка. Но въ понедѣльникъ я принялъ лекарство и тѣмъ съ помощью Божіей прервалъ болѣзнь, хотя эта проявлятая болѣзнь не покинула меня и если не ознобомъ и жаромъ, то тяжестію и другими припадками давить меня въ свои дни. За слабостію и болѣзнію полагаю, что раньше Успенія выѣхать изъ Кіева не могу.»

Побѣда при Полтавѣ дала Петру не только выгоды въ отношеніи шведовъ, но и положеніе его относительно европейскихъ державъ значительно улучшилось. Въ Польшѣ опять появился Августъ съ 11,000 войскомъ саксонскимъ; при свиданіи съ Петромъ онъ осыпаль сильнаго союзника своими льстивыми рѣчами и союзъ былъ вновь заключенъ, оборонительный и наступательный, но больше въ пользу Августу, нежели Россіи, потому что у Петра было только одно въ мысляхъ—удержать за собою устье и теченіе Невы, приобрести портъ на Балтійскомъ морѣ, и для достиженія этой цѣли онъ готовъ былъ приносить всевозможныя жертвы.

Въ Торнѣ, гдѣ Августъ договаривался съ Петромъ, явился и датскій посланникъ, чтобы заключить, или возобновить оборонительный и наступательный союзъ противъ общаго врага — шведовъ. Русскому посланнику Долгорукому удалось этотъ союзъ заключить очень выгодно для Россіи, но только тогда, когда пришло извѣстіе о Полтавской побѣдѣ, но до тѣхъ поръ Данія медлила и требованія ея были чрезмѣрны. Англія и Голландія мѣшали во многомъ заключенію этого договора, потому что они не хотѣли принять Россіи въ великій союзъ сѣверныхъ народовъ Европы и боялись, какъ бы съ усиленіемъ Россіи она не сдѣлалась опасна для сосѣднихъ державъ, поэтому они болѣе склонялись на сторону Швеціи и готовы были помогать Карлу противъ Петра.

Послѣ Полтавской побѣды эти два государства сдѣлались сговорчивѣе, а Франція прямо искала дружбы русскаго царя и предлагала свое посредничество для прекращенія войны.

Пока министры Петра вели свои переговоры, царь уже спѣшилъ къ Ригѣ, гдѣ стояли полки Шереметева; послѣ прибытія въ лагерь, Петръ собственноручно направилъ въ городъ и бросилъ три первыя бомбы: «благодарю Бога, что онъ сподобилъ его *«этому проклятому мѣсту учинить начало отмищенія.»* Но этими тремя бомбами, пока ограничилась осада Риги; зима наступала. Петръ оставилъ передъ Ригею сильный осадный корпусъ, а войска съ Шереметевымъ ушли въ Курляндію на зимнія квартиры. Самъ Петръ посѣдѣшилъ въ свой *парадизъ*, такъ давно оставленный. Здѣсь онъ Положилъ основаніе каменной церкви Сампсона, въ память полтавской побѣды, приказалъ богатымъ и знатымъ людямъ строить каменные дома, потому что не сомнѣвался болѣе въ томъ, что Петербургъ останется въ его власти; на адмиралтейской верфи заложилъ 6 декабря корабль *Полтава* и на другой день отправился въ Москву, чтобы зимою заняться исключительно гражданскими дѣлами.

Декабря 12 онъ пріѣхалъ въ село Коломенское, гдѣ до 21 декабря дожидался прибытія гвардейскихъ полковъ, а пока изъ всѣхъ ближайшихъ городовъ свозили плѣнныхъ шведовъ для триумфальнаго шествія въ Москву, распредѣляли ихъ по полкамъ, раздавали взятыя знамена по полкамъ, и артиллерію. Наконецъ къ 21 декабря все было приготовлено, по дорогѣ къ Кремлю построено было семь триумфальныхъ воротъ, украшенныхъ золотомъ и символическими картинами и покрытыхъ надписями. Триумфальное шествіе было устроено великолѣпно; вотъ, какъ современникъ описываетъ одну изъ триумфальныхъ арокъ, поставленную московскими купцами: «Купцы великороссійскіе поставили торжественныя врата величайшему истребителю свейскія силы. Въ первой картинѣ, вмѣсто Феба, котораго баснописцы называютъ солнцемъ, на колесницѣ, влекомой огненными конями, представленъ самъ Петръ, монархъ нашъ, и надъ нимъ изображены знаки зодіака: рака и льва, для обозначенія мѣсяцевъ іюня и іюля. Это означаетъ: когда солнце вступило въ знакъ зодіака-рака т. е. въ іюнь мѣсяць, тогда по непонятной дерзости *Левъ* шведскій пришелъ въ наше отечество, но потерявши въ немъ всю свою львиную силу ракомъ ушелъ обратно, съ великимъ посрамленіемъ. Надъ престоломъ изображена богиня правды въ видѣ молодой прекрасной дѣвы, съ вѣсами въ рукахъ. Близъ

престола правды изображена вѣра христіанская въ образѣ дѣвы съ крестомъ Господнимъ въ рукахъ. Въ перспективѣ изображена Москва, а надъ нею парящій орелъ, на спинѣ котораго сидитъ царевичъ Алексѣй Петровичъ. Смыслъ этого изображенія: стремленіе сердечное царственнаго отрока всѣми средствами помогать мужественнымъ защитникамъ отечества; оставшись въ своей наслѣдственной столицѣ онъ посылаетъ въ шведскаго льва молніи въ видѣ собраннаго и вновь приготавлиаемаго въ Москвѣ войска. Во второй картинѣ представленъ виноградникъ въ видѣ лабиринта, съ хитро переплетающимися тропинками; это изображеніе хитрыхъ, измѣнчивыхъ и коварныхъ замысловъ короля швейскаго. Въ этотъ хитрый лабиринтъ входитъ Петръ объ руку съ дѣвою, въ рукахъ у которой зеркало и змѣя, означающая, что съ умомъ и свѣтлымъ правдивымъ глазомъ можно проникнуть во всѣ тайны козни и обнаружить ихъ. Другія триумфальныя арки и самое шествіе было исполнено такого же аллегорическаго значенія.»

Послѣ окончанія празднествъ въ Москвѣ, Петръ, не теряя времени приступилъ къ изысканію средствъ искоренять вкравшіяся и продолжавшіяся злоупотребленія во внутреннемъ управленіи Россіи. Война постоянно отвлекала его отъ правительственныхъ распоряженій и заставляла его спѣшить на поле сраженія, предоставляя боярамъ управленіе государствомъ: они для совѣщаній должны были съѣзжаться въ Палату, но не всѣ являлись въ назначенные дни и оттого дѣлъ не подписывали и отговаривались: «я дѣлъ не рѣшаль, потому что не былъ.» Петръ еще въ 1707 году далъ указъ изъ Вильны, чтобы въ Палатѣ каждое дѣло было подписываемо *всѣми* членами—*министрами*, во избѣжаніе безпорядковъ.

Всѣ дѣла болѣе важныя посылались царю на утвержденіе; кромѣ извѣстныхъ намъ лицъ въ это время близкими къ нему были кабинетъ-секретарь Александръ Васильевичъ Макаровъ; онъ былъ не важенъ чиномъ, но важенъ своимъ вліяніемъ. Петръ ему довѣрялъ, онъ прочитывалъ всѣ дѣла и докладывалъ о нихъ; отъ него зависѣло задержать дѣло, или пустить его въ ходъ и поэтому всѣ вельможи почитали его и даже старались жить съ нимъ въ ладу. Для дѣлопроизводства вмѣстѣ съ Петромъ неразлучна была его походная канцелярія, начальникомъ которой оставался Зотовъ (князь-папа) подъ титуломъ: Ближняго совѣтника и президентъ

ближней канцеляріи; но значеніе Зотова далеко уступало значенію Макарова, правой руки Александра Даниловича Меншикова; въ это время канцеляріи уже выдавался молодой человекъ Остерманъ, употреблявшійся для иностранной корреспонденціи.

Около этого времени дѣятельность старика Виніуса прекращается; онъ уже не въ силахъ былъ соперничествовать съ молодымъ *прибыльщикомъ* Курбатовыми; въ тому же, въ послѣднее время замѣчено было, что старикъ Виніусъ больше заботился о своихъ личныхъ выгодахъ, чѣмъ о царскихъ. Курбатовъ своими заслугами, какъ мы уже видѣли, возвысился, и въ 1705 году онъ уже стоялъ во главѣ всего финансоваго управленія въ Россіи. Онъ сознавалъ, въ какомъ бѣдственномъ состояніи находится Россія, какъ война истощаетъ ея денежныя средства и изыскивалъ мѣры, какъ бы увеличить доходы, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что лица, поставленныя Петромъ для управленія областей нисколько не заботятся объ увеличеніи доходовъ казенныхъ и только думаютъ о собственныхъ выгодахъ, поэтому, опираясь на сильную протекцію *милостивца* своего, Александра Даниловича Меншикова, онъ писалъ царю письмо за письмомъ, въ которыхъ раскрывалъ злоупотребленія людей сильныхъ и указывалъ, что всѣ тяжелые налоги падаютъ не на знатныхъ, сильныхъ и богатыхъ людей, а на бѣдныхъ и безъ того изнуренныхъ; онъ писалъ: «Въ прежнихъ окладахъ есть большіе недосмотры: тѣ, которымъ было бы легко платить по сту рублей, платятъ только пятнадцать, а бѣдные отягчены налогами.»

Петръ далъ Курбатову приказаніе пересмотрѣть Московскую ратушу во всѣхъ подробностяхъ и увеличить государевы доходы по возможности, безъ отягощенія народа. Курбатовъ пересмотрѣлъ всѣ дѣла, нашелъ много злоупотребленій и указалъ средства искоренить ихъ, на сколько возможно. Онъ въ 1706 году уже указывалъ прямо на лица, занимавшіяся скорѣе воровствомъ, чѣмъ сбереженіемъ царскаго интереса, и даже говорилъ о цифрѣ украденныхъ суммъ и показывалъ царю въ чемъ можно сдѣлать сокращеніе расходовъ и въ какой отрасли можно увеличить доходы.

Курбатовъ не только слѣдилъ за кражею казеннаго добра, но и за злоупотребленіями: такъ, на примѣръ, городамъ дано было самоуправленіе, но бурмистры недостаточно справедливо распредѣляли налоги и богатые и бѣдные одинаково должны были платить,

при чемъ, само собою разумѣется, страдали послѣдніе. По представленію Курбатова, Петръ далъ постановленіе: въ члены городского управленія одинаково выбирать сколько изъ богатыхъ обывателей, столько же изъ бѣдныхъ, чтобы они защищали интересы и заботились о выгодахъ своихъ бѣдныхъ согражданъ.

Не на однихъ бурмистровъ жаловался Курбатовъ; онъ жаловался тоже и на губернаторовъ, которые не присылали въ московскую ратушу денегъ, собранныхъ по ратушамъ другихъ городовъ, при этомъ онъ не щадилъ людей сильныхъ и знатныхъ, какъ, напримеръ Апраксина, котораго обвинялъ въ томъ, что доставлено только 10.000 р. тогда какъ у него навѣрно собрано около 70 тысячъ.

Знаменитый прибыльщикъ не ограничивался одними финансами; онъ также прискивалъ средства увеличивать войско пѣхоту и кавалерію, совѣтовалъ брать мелкопомѣстныхъ и городскихъ неслужащихъ дворянъ и составлять изъ нихъ полки, да и причисленныхъ къ разнымъ частямъ управленій ограничить, чтобы не было по десяти человекъ на дѣло, которое можетъ сдѣлать одинъ; изъ этихъ посыльныхъ дворянъ можно было тоже составлять драгунскіе и другіе полки, городамъ же та выгода, что въ нихъ уменьшится число праздношатающихся людей. Вообще Курбатовъ, полагаясь на заступничество Меншикова, продолжалъ дѣйствовать прямо и не щадилъ знатныхъ людей, даже такихъ, какъ *страшный король Пресбургскій*—Ромодановскій. Но все-таки его умѣли выжить изъ Москвы такъ, что и самъ Петръ не замѣтилъ, что выживаетъ его; Курбатовъ въ 1711 году отправленъ былъ вице-губернаторомъ въ Архангельскъ. Онъ считалъ это царскою немилостью и писалъ о томъ Петру, но тотъ отвѣчалъ, что ему надобно посадить вѣрнаго человека въ такое мѣсто, куда приходитъ много иностранныхъ кораблей, гдѣ можно увеличить доходы. Курбатовъ просилъ его, по-крайней-мѣрѣ дать ему званіе губернатора; Петръ отвѣчалъ ему: «Построй три корабля и будешь губернаторомъ».

Прибыльщики показывали Петру какъ можно увеличить государственные доходы и правительство, находившееся въ крайне стѣсненномъ положеніи брало все, что можно было брать, чтобы только вынести тяжесть войны: отдали рыбные промыслы на откупъ; продажа соли сдѣлалась казенною монополіей, а поставлять ее въ казну положено было по подрядамъ. Велѣно было у гробовщиковъ пере-

писать всё дубовые гробы, собрать ихъ въ монастыри, купить ихъ у мастеровъ и продавать вчетверо дороже того, что сами заплатили, но продажу простыхъ гробовъ предоставить гробовщикамъ и съ нихъ пошлыны не брать. Въ то же время положена была пошлина на усы и бороду и сдѣланъ ярлыкъ—мѣдный, съ вычеканенной бородой и усами; кто хотѣлъ сохранить бороду и усы, тотъ платилъ пошлину и не брился; съ царедворцевъ, служилыхъ и приказныхъ за бороду положено брать по 60 рублей; съ гостей и первостатейной гостинной сотни по 100 рублей; съ средней и меньшей статьи, съ торговыхъ и посадскихъ людей по 60 р. съ боярскихъ людей, ямщиковъ, извозчиковъ, церковныхъ причетниковъ и низшихъ чиновъ московскихъ жителей по 30 рублей ежегодно; съ крестьянъ приказано брать пошлыны по 2 деньги съ головы всякій разъ при въѣздѣ и выѣздѣ изъ города. Сибирскимъ жителямъ, по причинѣ бѣдности, приказано оставаться при прежней одеждѣ и прежнихъ сѣдлахъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, съ извозчиковъ приказано брать десятинную плату съ наемныхъ денегъ. Продажа табаку, отданную, какъ мы видѣли, на откупъ англичанамъ, отнять у нихъ и продавать отъ казны: продажа дегтя, колесной мази, мѣла, жира, рыбьяго сала на перекресткахъ и по дорогамъ производилась откупщиками; въ 1707 году торговлю эту запрещено было отдавать на откупъ и она производилась отъ казны, подъ надзоромъ и отвѣтственностію мытныхъ бурмистровъ. Не смотря однакожь на ужасную нужду въ деньгахъ, нѣкоторыя слишкомъ тяжелыя повинности были уничтожены; такъ, на примѣръ, на всё домашнія бани была наложена ежегодная пошлина въ 1 рубль, но съ 1705 года эта пошлина вполнѣ уничтожена съ людей бѣдныхъ, нижнихъ чиновъ, просвирницъ и т. п., а брать по 1 рублю только съ людей достаточныхъ, съ бѣдныхъ ограничиться платою въ 3 алтына, а съ крестьянъ брать по 2 деньги. Содержаніе постоянныхъ дворовъ было казенной монополіей, но ихъ опять предоставили частнымъ лицамъ; торговля льномъ была на откупъ и сдѣлана свободной.

Заведеніе флота заставило Петра обратить вниманіе на лѣса; порубка корабельнаго лѣса запрещена была, подъ смертною казнію позволено только брать тонкія вѣтви и молодья дубовыя деревца на ободья, обручи, полозья; въ 1705 году было издано постановленіе о сбереженіи корабельнаго лѣса, и такіе лѣса стали называться

заповѣдными; указаны были предметы, для которыхъ можно было брать дубъ изъ заповѣдныхъ лѣсовъ.

И такъ, извлекали изъ всего выгоду, чтобы имѣть деньги для войны, но все ихъ недоставало, особенно недоставало такихъ хорошихъ денегъ, которыя можно было бы употреблять за границую, которыми платить жалованье войскамъ, находящимся внѣ государства: по этому распорядились мѣдными деньгами давать десятую долю жалованья внутри государства, а изъ платежей въ казну принимать только пятнадцатую долю мѣдными, а остальное серебромъ, или золотомъ. За границу же все посылать только *хорошими деньгами*.

Кромѣ усиленныхъ поборовъ для войны были и поборы для улучшения внутренняго быта. Такъ, напримѣръ въ 1709 году велѣно было мостить камнемъ московскія улицы; но такъ какъ всей Москвы разомъ вымостить нельзя было, то приказано было чинить всю деревянную мостовую и выломанныя, или украденныя бревна замѣнять новыми; также приказано было, съ улицъ убирать всякія нечистоты и падаль; хозяевъ, передъ домами которыхъ найдутся такого рода беспорядки подвергать наказанію, за первый разъ бить батогами, за второй — бить батогами и брать штрафу 5 рублей, а за третій бить кнутомъ и брать штрафу 10 рублей.

Крестьяне должны были доставлять дикій камень для московскихъ мостовыхъ; монастырскіе, подмосковные крестьяне возить можжевельникъ въ госпитальный дворъ и поставлять быковъ. Въ 1706 году была построена больница за рѣкою Яузой, противъ Нѣмецкой слободы; назначенъ былъ главный докторъ; сюда помѣстили нѣсколько молодыхъ людей, знающихъ латинскій и голландскій языки, чтобы учиться анатоміи и хирургіи. Главный докторъ *Бидлоо* впоследствии хвалился, что у него болѣе тысячи больныхъ выздоровѣло; что лучшіе его *студенты* имѣютъ не только основательное знаніе, какъ лечить хирургическія болѣзни, но также могутъ съ успѣхомъ излѣчивать всѣ внутреннія болѣзни. Въ этой больницѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ обучалось 50 человекъ разнаго званія; изъ нихъ 33 осталось, 6 умерло, 8 бѣжало, а 2 по указу взяты въ школу, а 1 за вину отданъ въ солдаты. Такъ доносилъ самъ Бидлоо о состояніи своей лечебницы.

Чтобы по улицамъ не бродили толпы тунеядцевъ и нищихъ, слабыхъ и больныхъ помѣщали въ богадѣльни при церквяхъ, а ни-

щихъ приязано было по улицамъ ловить, отводить въ монастырскій приказъ, наказывать, а деньги, какія при нихъ найдутся, отбирать: половина изъ нихъ назначалась въ монастырскій приказъ, а другая половина отдалася тому, кто приведетъ нищихъ. Также поручено строго наблюдать за тѣмъ, чтобы не подавали милостыни; ослушниковъ призывать въ монастырскій приказъ и брать съ нихъ штрафъ, половина котораго шла на монастырскій приказъ а другая тому, кто приводилъ царскаго ослушника. Кто пожелаетъ подавать милостыню, можетъ подавать въ богоугодныя заведенія.

По городамъ, селамъ, лѣсамъ и большимъ дорогамъ появлялись разбойничьи шайки, грабили и убивали проѣзжихъ, нападали на отдѣльно стоящія жилища и деревни, отгоняли лошадей и скотъ; въ Костромѣ разбойничья шайка въ полтора мѣсяца отогнала болѣе 300 крестьянскихъ и монастырскихъ лошадей, ужъ не говоря о разграбленномъ имуществѣ и сожженныхъ домахъ; чего разбойники съ собою не могли уносить, или уводить, то истребляли. Страхъ разбойническаго нападенія выгналъ многихъ изъ своихъ домовъ; они съ женами и дѣтьми уходили въ города и дожидались болѣе спокойнаго времени; противъ разбойниковъ царь отрядилъ, для искорененія ихъ, особая команда, подъ начальствомъ полковника Козина.

Петръ зналъ, что безпорядки въ его государствѣ больше всего зависятъ отъ недостатка образованія, поэтому онъ заводилъ школы и для скорѣйшаго распространенія знаній велѣлъ печатать книги. При немъ привезли изъ Голландіи въ 1707 году три новоизобрѣтенныя имъ русскія литеры. Этимъ новоизобрѣтеннымъ шрифтомъ, какъ его назвали, гражданскимъ, начали печатать книги. Первая книга такимъ образомъ напечатанная въ 1708 году была: *Геометрія славенскі землемѣріе*. За нею слѣдовалъ письменникъ, переведенный съ нѣмецкаго языка подъ заглавіемъ: «Приклады, како пишутся комплементы разные. Въ томъ же году Петръ приказалъ справщику типографіи Поликарпію составить русскую исторію, отъ начала княженія Василія Ивановича, до послѣдняго времени; для образца царь приказалъ описать лѣтъ пять пространно и коротко и прислать ему на разсмотрѣніе. Въ январѣ 1709 года, передъ рѣшительною полтавскою битвою Петръ писалъ начальнику монастырскаго приказа боярину Мусину-Пушкину, чтобы онъ собралъ и прислалъ изъ монастырей описаніе всѣхъ печатей, какія есть на

жалованныхъ грамотахъ, начиная отъ начала русскаго царства, до времени Іоанна IV. Тогда же Мусинъ-Пушкинъ получилъ для печатанія исторію Троянской войны. Печатались календари, готовили къ печати басни Эзопа, переведенныя на русскій языкъ. Но Петръ былъ недоволенъ печатью и переплетами книгъ; лучше удалась «*Книга Квинта Курція, о дѣлахъ, содѣянныхъ Александромъ великимъ, царемъ Македонскимъ.*» Петръ самъ опрaвлялъ переводы и училъ, какъ переводить; такъ въ февралѣ 1709 года писалъ онъ молодому Зотову: «Книгу о фортификаціи, которую вы перевели, мы прочли: разговоры переведены понятно и хорошо; но правила фортификаціи переведены очень темно и непонятно; въ табели—мѣра не обозначена, нѣкоторые листы мы исправили и вклеили въ книгу, а старыя, ошибочныя вырѣзали и при ней же присылаемъ, чтобы сами сличили, гдѣ ошибки и неясности. Это для того, чтобы въ слѣдующихъ переводахъ остерегались и не впали въ тѣже ошибки; особенно въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ учите, какъ что дѣлать не слѣдуетъ иностранную рѣчь переводить слово въ слово, а надобно понять смыслъ и на своемъ языкѣ точно и ясно пересказать то, что нужно растолковать.» Еще было дано приказаніе въ мартѣ 1705 года въ польскій приказъ присылать всѣ извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ, потому что государь приказалъ. Не только въ Россіи печатались книги гражданскою печатью, но печатались и за границей, по указанію Петра.

Чтобы распространять образованіе черезъ духовенство, Петръ въ 1708 году издалъ указъ, чтобы всѣ дѣти священниковъ, дьяконовъ учились въ греческихъ и латинскихъ школахъ; тѣхъ же изъ нихъ, которые не захотятъ учиться, не посвящать ни въ священники, ни въ дьяконы и на службу—никуда не принимать, кромѣ самыхъ низшихъ должностей. Управленіе церковными имѣніями, по прежнему, находилось въ рукахъ Мусина-Пушкина, но онъ съ каждымъ годомъ урѣзывалъ доходы духовенства, такъ что оно находилось въ крайне недостаточномъ положеніи; вслѣдствіе этого между духовенствомъ былъ сильный ропоть; монастырскими вотчинами монастыри также пользовались очень ограниченно: должны были платить большіе поборы, такъ что архіереямъ на содержаніе дома оставалось недостаточно и монастырскихъ школъ не на что было со-

держатъ; на уменьшеніе доходовъ, на бѣдность жаловались монастыри столько же, сколько жаловалось свѣткое, бѣлое духовенство.

Мусинъ Пушкинъ обиралъ монастыри и духовенство по необходимости; для войны нужны были деньги и на ропотъ нельзя было обращать вниманія; частныя лица и сословія должны были жертвовать своими выгодами для спасенія государства; тутъ нельзя было колебаться. Но худо то, что при обрѣзываніи архіерейскихъ и монастырскихъ доходовъ страдали учрежденія истинно полезныя и благотворительныя: закрывались школы, заведенныя при архіерейскихъ домахъ. Такъ, напримѣръ, митрополитъ Новгорода Великаго, Іовъ вполнѣ сочувствовалъ необходимости образованія для дѣтей духовнаго званія, онъ выпросилъ у Петра позволеніе завести при своемъ домѣ греко-латинско-славянскую школу и выпросилъ позволеніе взять въ эту школу, сосланныхъ въ началѣ царствованія Петра, знаменитыхъ своею ученостію монаховъ греческихъ Іоанникія и Софронія Лихудовъ и имъ поручить преподаваніе греческаго языка. Школа пошла отлично; ученики уже узнали греческій языкъ на столько, что могли переводить и знали грамматику; но въ Москвѣ стали завидовать Новгороду и начальство греко-латинской академіи, или Заиконоспасской исходатайствовало, что въ монастырскомъ приказѣ дано было повелѣніе изъ Новгорода знаменитыхъ греческихъ учителей перевести въ московскую академію и учить имъ въ московскихъ школахъ греческому языку. Знаменитыхъ учителей взяли и школа Іова, за недостаточностію средствъ, рушилась. Но у Іова была еще другая дѣятельность; у него были госпитали и гостиницы и домъ для пріюта брошенныхъ младенцевъ. Кромѣ того онъ умѣлъ, при своихъ бѣдныхъ средствахъ и при трудномъ безденежьи мірянъ и духовенства заводить училища, больницы и сиротскіе дома.

Столько же благородный труженникъ, хотя и въ другомъ родѣ былъ Св. Дмитрій Ростовскій; онъ окончилъ большой трудъ, написалъ Четивъ—Минеи, которое и до сихъ поръ имѣетъ такое важное вліяніе на чтеніе русскаго народа. Онъ не былъ челоувѣкомъ съ отсталыми, закоренѣлыми понятіями и не противодѣйствовалъ, подобно многимъ лицамъ духовнаго званія, реформамъ Петра. Такъ однажды онъ находился въ Ярославлѣ, самомъ большомъ городѣ своей епархіи; когда послѣ обѣдни онъ вышелъ изъ собора, къ нему подошло нѣсколько молодыхъ челоувѣкъ съ бородами и сказали: «Вла-

дыва святой, какъ ты намъ посовѣтуешь? По царскому указу намъ велѣно брить бороды, но мы за бороды готовы голову положить; пусть намъ лучше снимутъ головы, чѣмъ бороды обрѣютъ.»—Вопросъ этотъ крайне изумилъ митрополита и онъ нѣсколько мгновеній молчалъ, не зная, что отвѣчать; потомъ спросилъ: Что отростетъ: борода ли обритая, или голова?» Спрашивавшіе были озадачены и послѣ минутнаго молчанія съ смущеніемъ отвѣчали: «Борода опять выростетъ, а голова—нѣтъ.» «Такъ вамъ лучше лишиться бороды, которая и десять разъ сбритая опять выростетъ, чѣмъ лишиться головы, которая можетъ вырасти только въ день воскресенія мертвыхъ,» отвѣчалъ митрополитъ и пошелъ въ свою келью.

Но этимъ не кончилось сомнѣніе народное и митрополиту пришлось много разъ доказывать, что у человѣка образъ Божій заключается не въ бородѣ, а въ невидимой душѣ и что не борода краситъ человѣка, а добрая дѣла и честная жизнь. Послѣ такихъ разсужденій Св. Дмитрій Ростовскій написалъ разсужденіе *объ образѣ Божіи и подобіи въ человѣкѣ*; это сочиненіе, по приказанію Петра, нѣсколько разъ было перепечатано и его распространяли въ народѣ. Митрополитъ не только дѣйствовалъ на тѣхъ, которые, заботясь о спасеніи души своей, за совѣтами приходили къ нему; на немъ лежала еще важнѣйшая и несравненно труднѣйшая обязанность: ему надобно было бороться съ раскольниками и онъ написалъ свое знаменитое сочиненіе: *«Розыскъ о раскольничьей Брянской вѣрѣ.»*

Такъ какъ расколы преимущественно возникаютъ отъ невѣжества и отъ незнанія священной исторіи, то Дмитрій Ростовскій сдѣлалъ первый опытъ: написалъ краткую священную исторію для народнаго чтенія, съ тѣмъ, чтобы изданіе ея очень дешево стоило и она продавалась дешево. Онъ представилъ ее на судъ ученыхъ, но тѣ нашли неточности; на это митрополитъ отвѣчалъ, что это не исторія, а только конспектъ для будущей исторіи. А неточности въ лѣточисленіи не могутъ послужить причиною, или поддержкою для раскольниковъ, потому что они и безъ причины, во всѣхъ самыхъ лучшихъ и честныхъ намѣреніяхъ отыскиваютъ пищу для своихъ заблужденій.

Но стремленія и труды благочестиваго митрополита пресѣклись болѣзнію; онъ самъ говоритъ: «Рада душа въ рай—грѣхи не пус-

ваютъ. Радъ писать — здоровье измѣняется. Чего мнѣ, безсильному надѣяться? Страхъ смерти напалъ на меня. Лѣтопись моя останется; найдется ли кто послѣ меня, чтобы продолжать ее и окончить? Мнѣ ничего не жалъ въ жизни; богатства не накопиль, жалъ только, что оставляю дѣло, далеко не конченное.» Святой старецъ скончался 28 октября 1709 года на молитвѣ. По его желанію ему въ гробъ подъ голову и подъ все тѣло положили его черновыя бумаги. Кромѣ книгъ и рукописей у него ничего не осталось.

Мы видѣли, что тяжесть войны легла на всѣ сословія русскаго народа, а реформы возбуждали столько же неудовольствія и ропота, сколько и тяжесть отъ налоговъ; но ропотъ этотъ во всѣхъ слояхъ общества ограничивался жалобами и сѣтованіями; возстаніе только обнаруживалось въ окраинахъ Россіи: въ Астрахани и у Башкирцевъ. Разсчетъ Карла XII и Мазепы на это общее неудовольствіе на Петра, оказался ошибочнымъ; вторженіе перваго и измѣна втораго не подняли всей недовольной массы народной, оно еще больше скрѣпили ее и заставили употреблять крайнія усилія, чтобы защитить родину отъ иноземца и изгнать изъ отечества пришельцевъ.

Послѣ Полтавской битвы новый малороссійскій гетманъ просилъ царя подтвердить старинный договоръ и избавить Малороссію отъ нѣкоторыхъ несправедливыхъ притѣсненій, какими обременены были жители въ послѣднее время. Петръ на все согласился; только не позволилъ ни выводить гарнизона изъ Полтавы, ни возобновлять Сѣчи, а для устраненія недоразумѣній между казаками и русскими и для удобнѣйшаго управленія народомъ постановилъ, чтобы при гетманѣ безотлучно находился русскій бояринъ. Въ дѣйствительности же Петръ, наученный опытомъ, не довѣрялъ гетману и представилъ къ нему человека вѣрнаго, чтобы тотъ слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлается при гетманскомъ дворѣ; иначе сказать, при гетманѣ съ этихъ поръ были царскіе *глаза и уши*; гетманъ это понималъ и такое стѣсненіе было ему непріятно, но онъ не могъ жаловаться; сначала въ эту должность при гетманѣ назначенъ былъ намѣстникъ Суздальскій, Измайловъ, потомъ его замѣнили думнымъ дьякомъ Виніусомъ и стольникомъ Протасьевымъ. Гетманъ писалъ въ Москву и просилъ оставить при немъ Измайлова, потому что они жили

очень дружно; а между тѣмъ его смѣнили именно за эту дружбу и за податливость, съ которою онъ соглашался на желанія гетмана.

Совмѣстное управленіе сперва одного, а потомъ двухъ русскихъ чиновниковъ съ гетманомъ не нравилось малороссамъ, и они роптали; ходили даже слухи, что со временемъ все измѣнится, все будетъ по-старому, когда изъ Бессарабіи съ войскомъ вернется гетманъ Мазепа и приметъ управленіе въ свои руки. Петръ, чтобы положить конецъ всякимъ слухамъ и неудовольствіямъ, черезъ своего посланника, Толстаго, вошелъ съ Константинополемъ въ переговоры о томъ, чтобы Мазепу, все еще называвшагося гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и войска запорожскаго, выдали. Но хлопоты Толстаго были безуспѣшны, турки не хотѣли и слышать о выдачѣ; къ тому же горе и болѣзнь быстро сѣдлали жизнь гетмана; онъ умеръ 22 сентября 1709 года и похороненъ въ мѣстечкѣ Варницѣ близъ Бендеръ.

Отрядъ казаковъ, бѣжавшій съ Карломъ въ турецкія владѣнія, только пол-года спустя, въ апрѣлѣ 1710 года, выбралъ себѣ новаго гетмана—Орлика; написанъ и подписанъ былъ договоръ между казаками и Орликомъ. Онъ послалъ воззваніе въ Малороссію къ казакамъ, приглашая ихъ пристать къ нему, какъ къ законному гетману, избранному казаками безъ принужденія. Но царь послалъ своего человѣка въ Малороссію, чтобы предупредить возмущеніе и вмѣстѣ съ гетманомъ неуспѣшно старался о томъ, чтобы сохранить въ Украинѣ тишину и *благоустройство*.

Около этого же времени, только немного раньше, для лучшаго управленія, всѣ великорусскія области были раздѣлены на 8 *губерній*: Московскую, С.-Петербургскую, Кіевскую, Смоленскую, Архангельскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую; въ каждую изъ нихъ былъ назначенъ губернаторъ: въ Московскую—Стрѣшневъ, въ Петербургскую—Меншиковъ, въ остальные тоже бояре, въ вѣрности и преданности которыхъ царь не сомнѣвался; одною изъ главныхъ обязанностей управителей было—доставлять въ Москву *полный сборъ налоговъ и податей*, собранныхъ съ губерній.

Но шведская война тянулась, предвидѣлась еще новая, болѣе разорительная; несогласія съ Турціей увеличивались и должны были кончиться войною. Расходы превышали доходы. Петръ былъ въ большомъ затрудненіи, онъ, однакожь, полагалъ, и не безъ осно-

ванія, что доходы такъ незначительны частію оттого, что до казны не все доходитъ, что собирается съ народа. Это заставило его обратить особенное вниманіе на внутреннее управленіе государствѣ, усилить власть правителей и возложить на нихъ большую отвѣтственность, особенно во время его отлучекъ. Петръ по этому въ 1711 году 22 февраля учредилъ: «*Правительствующій Сенатъ*», для управленія государствѣмъ, во время отсутствій царя. Новое правительственное учрежденіе состояло изъ десяти членовъ: графа Мусина-Пушкина, Стрѣшнева, князя Петра Голицына, князя Михаила Долгорукаго, Племянникова, князя Григорія Волконскаго, генерала-кригсъ-цальмейстера Самарина, Опухтина, Мѣльницкаго. Оберъ-секретаремъ назначенъ былъ Анисимъ-Щукинъ. Марта 2 изданъ былъ указъ о правахъ и отвѣтственности Сената. Правительствующему Сенату всѣ подданные и всѣ прочія правительственныя лица и учрежденія должны повиноваться въ отсутствіи царя, какъ ему самому. Ежели Сенатъ въ чемъ нибудь произнесетъ неправильное рѣшеніе, то въ отсутствіи царя никто не имѣетъ права на него жаловаться; если же по царскомъ возвращеніи принесенная на Сенатъ жалоба окажется несправедливою, то виновные подлежатъ смертной казни.

Въ то же время Сенату данъ былъ точный наказъ дѣятельности; показано, на какія стороны управленія обращать особенное вниманіе. Всѣ члены Сената должны были обсуживать дѣла въ общемъ собраніи; всѣмъ членамъ даны равные голоса; каждый указъ должны были подписывать *все* сенаторы; если хотя одинъ не согласенъ съ мнѣніемъ остальныхъ и приговоръ считаетъ несправедливымъ, то указъ не можетъ быть обнародованъ; но при этомъ несогласный съ остальными сенаторъ долженъ подать свое мнѣніе отдѣльно, за собственноручною подписью. Для того, чтобы удобнѣе разсылать указы и для того, чтобы свѣдѣнія о губерніяхъ, какія въ Сенатѣ потребуются, были доставлены скоро и точно, при Сенатѣ изъ каждой губерніи должны были находиться особыя комиссары, которые и служили для передачи указовъ губернаторамъ и губернскихъ свѣдѣній Сенату; чтобы сношенія шли безостановочно и быстро, устроены были нарочныя почты.

Послѣ учрежденія Сената, Петръ писалъ Меншикову, что всѣ губерніи, въ томъ числѣ и его, одинаково подлежатъ вѣдѣнію Се-

ната и онъ наравнѣ съ другими долженъ подчиниться новому учрежденію и что его губернія *не составляетъ отдѣльнаго царства.*

Между прочимъ Сенату нѣсколько разъ царь подтверждалъ, чтобы *денегъ собирать, какъ можно больше, потому что деньги — артерія войны.* Устроивъ такимъ образомъ управленіе государства на болѣе прочныхъ основаніяхъ, Петръ спѣшилъ въ свой *парадизъ* Петербургъ, чтобы быть ближе къ театру войны и чтобы обезопасить свой новый городъ съ сѣвера. Съ моря и съ суши осадили Выборгъ, на этотъ разъ счастливѣе и Выборгъ сдался въ іюнѣ 1710 года и по словамъ Петра, Петербургъ могъ лежать спокойно: для него была приобрѣтена подушка. Вслѣдъ за Выборгомъ сдался Кексгольмъ и вся Карелія была такимъ образомъ покорена.

Шереметевъ еще въ 1709 году осадилъ Ригу; въ ней обнаружился голодъ и моровая язва; отъ нея одинаково страдали и осажденные и осаждающіе, но Рига не вынесла и сдалась. Шведскому гарнизону было позволено выйти изъ города; но жители, природные Лифляндцы должны были остаться и *присягнуть царю на вѣрность*; за это имъ было представлено свободное прежнее провинціальное управленіе, свобода вѣроисповѣданія. Городъ Рига сохранилъ свои земли, свои доходы, свое судопроизводство, свои преимущества и привилегіи; дано было обѣщаніе ни въ городѣ, ни въ уѣздѣ не вводить новыхъ законовъ и обычаевъ; не употреблять при дѣлопроизводствѣ другаго языка, кромѣ нѣмецкаго.

Было тогда же объявлено: ежели Пернау сдастся царю и ежели студенты университета не будутъ сопротивляться, то царь сохранить университету всѣ его права и привилегіи, будетъ заботиться о пріисканіи новыхъ и лучшихъ профессоровъ, распространить курсы и будетъ заботиться о томъ, чтобы всегда были въ университетѣ самые ученые профессора, тѣмъ болѣе, что его царское величество намѣренъ, для образованія въ университетъ присылать молодыхъ людей изъ своихъ собственныхъ государствъ, почему и предоставлялася студентамъ свобода вѣроисповѣданія; но царь предоставлялъ себѣ право при университетѣ учредить особаго профессора славянскаго языка; прочихъ же профессоровъ въ университетъ будетъ назначать Лифляндское рыцарство вмѣстѣ съ верховною консисторіею. Лифляндскимъ уроженцамъ предоставляется преиму-

щество предъ русскими при назначеніи во всѣ должности въ Лифляндіи. Въ августѣ 1710 года сдѣлся Пернауи Аренсбургъ, главный городъ острова Эзеля, въ сентябрѣ Ревель; такимъ образомъ вся Лифляндія и Эстляндія отдалась русскимъ иуже нашлись люди, какъ напримѣръ, Курбатовъ, которые совѣтовали Петру удержать эти области за собою, чтобы имѣть побольше берега Балтійскаго моря. Около этого времени Россія сблизилась съ Курляндіей посредствомъ женитьбы молодого герцога Курляндскаго на одной изъ царскихъ племянницъ, а именно, на Аннѣ Іоанновнѣ.

Такимъ образомъ улаживались дѣла на сѣверѣ; но на югѣ было совсѣмъ не то: отношенія наши къ Турціи со дня на день становились сомнительнѣе. Наши требованія о выдачѣ Мазепы и короля шведскаго не имѣли ни малѣйшаго значенія, на нихъ Порты отвѣчала, что это противно правиламъ ихъ вѣры и гостепріимства; то съ своей стороны изъявляла неудовольствіе на то, что русскіе войска, во время преслѣдованія шведовъ и Мазепы, перешли границу и вторгнулись въ турецкія владѣнія; въ то же время визирь требовалъ, чтобы русскіе полки отодвинулись отъ турецкихъ границъ. Но посланникъ нашъ, Толстой, съ своей стороны совѣтовалъ войска не только не отодвигать отъ турецкихъ границъ, но напротивъ усилить ихъ, потому что въ Турціи дѣлаются приготовленія къ войнѣ: всѣ турецкіе сановники увѣрены, что московскій царь, покончивъ войну съ Польшей и Швеціей, обратитъ всѣ свои силы на Турцію и поэтому хотятъ предупредить царя. Шведскій король, Карль XII, стоитъ у Бендеръ и не мало содѣйствуетъ недружелюбному настроенію Турціи въ отношеніи къ Россіи. Донесеніе свое посланникъ подтвердилъ и позднѣйшими извѣстіями, но 14 августа муфтіи далъ знать Толстому, что осенью турки ничего не предпримутъ, будутъ только готовиться къ войнѣ, непріязненные же дѣйствія откроютъ не ранѣ весны, но объ этомъ заблаговременно извѣстятъ посланника. Толстой старался подкупить муфтія, чтобы протянуть дѣло и ежели можно выдать шведскаго короля и Мазепу, который былъ еще живъ; но муфти обѣщался во всякомъ другомъ дѣлѣ помогать русскимъ, только выдавать никого не намѣренъ.

Карль, съ своей стороны, писалъ султану, предлагалъ ему союзъ съ Швеціей противъ Россіи, говорилъ о могуществѣ Россіи и о томъ

вредъ для Турціи, какое произойдетъ отъ возрастанія его и какъ на самое спасительное средство указывалъ на союзъ съ Швеціей: «Въ сопровожденіи вашей конницы, писалъ онъ, я возвращусь въ Польшу, подтверплю оставшееся тамъ войско мое и снова съ оружіемъ проныкну въ сердце Россіи, чтобы положить предѣлъ честолюбивымъ и властолюбивымъ замысламъ царя.»

Карль остановился не въ Бендерахъ, а въ прекрасной долинь на берегу Днѣстра; шведы раскинули свои палатки подъ прелестными тѣнистыми деревьями; но мѣсто это оказалось сыро и его часто заливала вода, выступавшая изъ Днѣстра; тогда шведскій лагерь перенесся въ деревню Варницю, расположенную на возвышенности; 500 янычаръ, въ видѣ почетной стражи, постоянно стерегли шведовъ; отъ правительства имъ отпускали съѣстныхъ припасовъ. Карль по прежнему былъ спокоенъ и веселъ; рана у него зажила; но у него былъ большой недостатокъ въ деньгахъ и онъ придумывалъ средства, какъ бы выйти изъ затрудненія; послѣ смерти Мазепы, онъ наслѣдовалъ все то, что гетманъ успѣлъ захватить съ собою изъ Малороссіи; но этого было мало; въ Константинополѣ у англійскихъ банкировъ, онъ занялъ значительныя суммы, изъ Голштиніи ему тоже прислали около ста тысячъ талеровъ.

На письмо шведскаго короля Порта отвѣчала въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ; на желаніе Карла возвратиться въ Польшу къ своимъ войскамъ было положено: что онъ изъ Бендеръ тронется съ своими людьми, но безъ казаковъ, въ сопровожденіи турецкаго отряда въ 500 янычаръ, которые будутъ провожать его до польской границы. Тутъ турки его оставятъ, сдавши по договору русскому отряду, который обязанъ провожать его до шведскихъ границъ; наблюдая, чтобы во время проѣзда черезъ Польшу онъ не входилъ въ сношенія съ приверженцами Станислава Лещинскаго. Мысль, что русскій отрядъ будетъ провожать его черезъ Польшу, приводила Карла въ негодованіе. Съ рускими по этому поводу турки составили договоръ; но Понятовскій, по порученію Карла, составилъ записку, которую вручилъ султану тайно, помимо великаго визиря, въ ней онъ доказалъ, что великій визирь подкупленъ русскими, что онъ недоброжелатель шведовъ и потому все только клонить на пользу Россіи и во вредъ Турціи и Швеціи. Великій

визирь вслѣдствіе происковъ Понятовскаго былъ отставленъ и на мѣсто его избранъ другой.

Положеніе Карла улучшилось; но со стороны Толстаго явилось требованіе, чтобы недавно подписанный договоръ исполнили далѣе жаловался на то, что шведы до сихъ поръ живутъ въ турецкихъ владѣніяхъ, а измѣнники — казаки до сихъ поръ еще не выгнаны и даже съ согласія Порты выбрали себѣ новаго гетмана — Орлика.

Въ октябрѣ 1710 года Петръ потребовалъ отъ Порты рѣшительнаго отвѣта: хочетъ ли султанъ выполнить договоръ, или нѣтъ? Если хочетъ, то пусть шведскій король оставитъ турецкія владѣнія; въ противномъ случаѣ царь, съ своимъ союзникомъ королемъ польскимъ прибѣгнутъ къ оружію. Но грамота эта не дошла до султана: царскихъ гонцовъ схватили на границѣ и посадили въ тюрьму. Ноября 20 диванъ торжественно объявилъ войну Россіи, Толстаго посадили въ семибашенный замокъ, а великому визирю дано было приказаніе выступить весною съ огромнымъ войскомъ.

Извѣстіе это сильно смутило Петра; самое сильное желаніе его — покончить войну и заняться устройствомъ государства, опять не могло исполниться; владѣніе берегомъ Балтійскаго моря было еще неупрочено, до мира съ Швеціей еще далеко, а тутъ новая война! Шведы, пожалуй, могли оправиться и, чего добраго, могли отобрать всѣ недавнія завоеванія на сѣверѣ: ихъ трудно удержать за собою, когда война вспыхнетъ на югѣ и оттянетъ туда всѣ военныя силы. Союзниковъ такихъ, на которыхъ можно бы положиться не было; всѣ союзники были такіе, которые готовы покинуть Петра при первой опасности. Польша волнуется, Малороссія не спокойна, надобно ему самому спѣшить на югъ, чтобы личнымъ вліяніемъ возвысить мужество войска; оборонительной войны, имѣя въ тылу Польшу и Малороссію вести нельзя было; лучше всего напасть прямо на Турцію, но для этого надобно въ самой Турціи отыскивать себѣ союзниковъ.

Съ Даніей, какъ мы уже видѣли, былъ заключенъ оборонительный и наступательный договоръ; тамъ начались военныя дѣйствія противъ шведовъ, но ихъ вели безъ всякой энергіи и нельзя было ожидать, чтобы датчане, съ своимъ флотомъ и сухопутными войсками, могли отвлекать враждебныхъ Россіи шведовъ. Долгоругой уговаривалъ датскихъ адмираловъ напасть на шведскій флотъ, что-

бы въ то же время съ другой стороны вывести въ море русскій и вмѣстѣ сраситься обоимъ флотамъ; но датчане не согласились, медлили и только совѣтовались между собою.

Англія и Голландія на словахъ были очень хорошо расположены къ Россіи, а на дѣлѣ тайно всякими способами старались вредить ей; Ганноверскій дворъ тоже колебался и не показывалъ ни малѣйшаго желанія вязываться въ войну; первое оболъщеніе, произведенное побѣдой подъ Полтавой прошло, Карла перестали бояться и теперь всякій думалъ только о томъ, какъ бы Московское царство не слишкомъ выросло и не усилилось во вредъ остальнымъ европейскимъ державамъ.

Въ Польшѣ было общее неудовольствіе; во всѣхъ слояхъ общества жаловались на разореніе отъ русскаго войска, находившагося подъ начальствомъ генерала Гольца. Долгорукій видѣлъ, что ни Августъ, ни его дипломатическіе переговоры, ни къ чему не поведутъ и потому писалъ въ 1710 году царю, чтобы Гольцъ строже смотрѣлъ за солдатами, не позволяя имъ грабить и притѣснять поляковъ, да и то, что самъ, какъ человѣкъ жестокой и корыстолюбивый, онъ на союзниковъ, смотритъ какъ на враговъ и немилосердо тѣснитъ ихъ, На жалобы Долгорукаго Сенатъ не сдѣлалъ никакого распоряженія. Польскій Сенатъ съ своей стороны дѣлалъ представленія Долгорукому, требуя вывода русскихъ войскъ, вслѣдствіе статей договора: такъ какъ въ Польшѣ нѣтъ больше, враговъ то и русскому войску нечего въ Польшѣ оставаться и изнурять ее своими требованіями и поборами. Вывода войска Сенатъ требовалъ такъ настоятельно, что до тѣхъ поръ ни о какихъ другихъ дѣлахъ и говорить не хотѣлъ. Долгорукій извертывался, какъ зналъ и какъ могъ.

Между тѣмъ въ Москву прибылъ изъ Польши чрезвычайный посоль съ требованіемъ, по договору, отдать Польшѣ Ригу, Ревель и другіе завоеванные города въ прибалтійскихъ областяхъ; на это требованіе отвѣчали, что, по случаю начинающейся войны съ Турціей, ни Риги, ни Ревеля, ни другихъ прибалтійскихъ городовъ отдать не могутъ, потому что поляки не въ состояніи удержать ихъ за собою; у нихъ нѣтъ столько войска, чтобы содержать въ нихъ довольно сильныя гарнизоны и снабжать ихъ достаточнымъ количествомъ артиллеріи и боевыхъ снарядовъ; но какъ скоро война съ

Швеціей и союзной ей Турціей окончится, Рига и Лифляндія будутъ отдана Польшѣ. Заднѣпровскихъ вѣрностей, которыхъ Польша также требовала, нельзя было отдать, также по причинѣ войны съ Турціей; потому что вѣрности эти слишкомъ близки къ Молдавской границѣ. Польскій посланникъ такимъ образомъ ничего не выигралъ изъ своихъ главныхъ требованій, но ему были сдѣланы второстепенныя уступки и употребляли всевозможныя средства, чтобы сохранить хорошее расположеніе польскихъ пановъ: для этого не жалѣли ни денегъ, ни обѣщаній.

Съ Пруссіей переговоры и союзъ ни къ чему не вели; она по прежнему сохраняла выжидательную систему; ни къ чему не обязывалась, но и ни отъ чего не отказывалась; прусскій король называлъ себя другомъ царя; но вмѣстѣ идти на Швецію войною не склонялся.

Петръ очень неохотно приступалъ къ новой, турецкой войнѣ; на душѣ у него было тяжело, ему даже по временамъ казалось, что смертный часъ ожидаетъ его въ этомъ дальнемъ походѣ и отправляясь въ него, онъ хотѣлъ даже снять съ своей души всѣ тяжести, какія на ней лежали. Самая большая изъ этихъ тяжестей была: оставить по себѣ сиротъ безъ правъ и безъ покровительства. Какъ мы уже говорили, онъ думалъ, что въ турецкой войнѣ ожидаетъ его послѣдній часъ и потому онъ хотѣлъ устроить не только государственныя, но и личныя свои дѣла; государственныя онъ упрочишь устройствомъ отвѣтственнаго Правительствующаго Сената и разными постановленіями, а личныя дѣла, дѣла совѣсти онъ могъ только устроить передъ своею совѣстію и лицомъ Божиимъ.

И онъ это сдѣлалъ: при взятіи Маріенбурга въ плѣнъ вмѣстѣ съ своимъ воспитателемъ попалась Екатерина Скавронская, лифляндская уроженка. Петръ познакомился съ нею въ семействѣ Меншикова; Екатерина поразила его своею красотою, находчивостію и умомъ. Знакомство, мало-по-малу, превратилось въ чувство болѣе глубокое и серьезное. Связь между Петромъ и Екатериною сдѣлалась очень прочною, но царь не хотѣлъ еще преступать обычая своихъ предковъ, не объявлялъ о своей новой супругѣ; она послѣ принятія православнаго исповѣданія жила съ нимъ въ Петербургѣ и въ Преображенскомъ, подъ названіемъ Екатерины Алексѣевны Михайловой.

Два сына Екатерины умерли; но были двѣ дочери Елизавета и Анна; онѣ не пользовались титуломъ царевнѣ, а Екатерина Алексѣевна, не пользовалась правами законной супруги, и это домашнее дѣло тяготило Петра; передъ отправленіемъ въ дальній, неизвѣстный, можетъ быть, темный, смертный путь ему надобно было исправить эту оплошность и передъ всѣмъ русскимъ народомъ признать ту, которую душа его такъ давно уже признала своею законною супругою.

Марта 6-го 1711 года Петръ снялъ съ себя это тяжелое бремя и передъ людьми и Богомъ Екатерину Алексѣевну назвалъ своею второю, Богомъ данною супругою, а дочерей призналъ царевнами.

Теперь Петръ съ большимъ спокойствіемъ приготовлялся къ походу въ Турцію; Екатеринѣ Алексѣевнѣ больше не для чего было скрываться, и она вмѣстѣ съ нимъ готовилась, какъ его признанная супруга, отправиться въ походъ. Охрана парадиза—Петербурга, была поручена вѣрному и преданному другу и помощнику Александру Даниловичу Меншикову.

ГЛАВА XXIII.

Объявление войны съ Турціей и отъѣздъ царя. Его болѣзнь. Переговоры и союзъ съ молдавскимъ господаремъ Кантемиромъ, Шереметевъ въ Турціи. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Царь у Прута. Положеніе русскаго войска, окруженнаго турками. Переговоры и миръ. Шафировъ и молодой Шереметевъ ведутъ окончательные переговоры о мирѣ. Ихъ неудачи. Новыя неудовольствія между Турціей и Россіей; новое объявленіе войны. Нерѣшительность султана и неудовольствіе Карла. Окончательный миръ.

Русскія войска уже шли къ границамъ Турціи, а народу война еще была не объявлена; наконецъ 25 февраля 1711 года въ московскомъ Успенскомъ соборѣ было прочтено объявленіе войны съ врагами имени Христова, нечестивыми турками. Передъ соборомъ въ полной походной аммуниціи стояли оба неутомимые гвардейскіе полки: Преображенскій и Семеновскій; царь поздравилъ ихъ съ походомъ; на ихъ новыхъ, красныхъ знаменахъ виднѣлся бѣлый крестъ съ надписью: «*симъ знаменіемъ побѣдимъ!*» Марта 6 самъ царь выѣхалъ изъ Москвы; но на дорогѣ заболѣлъ сильнымъ лихорадочнымъ пароксизмомъ; но на этотъ разъ онъ былъ не одинъ, за нимъ ходила Екатерина Алексѣевна. Но за то на этотъ разъ лихорадка была необыкновенно сильна, и длилась двѣ недѣли; однажды пароксизмъ продолжался полторы сутокъ и былъ такъ жестокъ, что Петръ думалъ послѣдній часъ его насталъ. Послѣ лихорадки онъ былъ до того слабъ, что, какъ маленькое дитя, долженъ былъ учиться ходить. На этотъ разъ лихорадка была такъ сильна частію и отъ душевнаго настроенія; Петръ былъ печаленъ; ему не хотѣлось войны, и онъ безъ обычной бодрости и увѣренности въ своихъ силахъ и въ по-

мощи Божіей приступалъ къ ней; можно-бы сказать — мрачныя предчувствія мучили его.

Поправившись послѣ болѣзни, Петръ продолжалъ свое путешествіе и доѣхалъ до Яворова; тутъ расположеніе духа его нѣсколько измѣнилось; онъ получилъ изъ арміи и изъ Малороссіи пріятныя извѣстія. Шереметевъ писалъ, что русскія войска къ Днѣстру придутъ не позже 15 мая; а заднѣпровская Украина, возставшая было при первомъ появленіи крымскихъ татаръ, строгостію и сильными мѣрами опять приведена въ послушаніе и въ ней опять исполняются приказанія гетмана Скоропадскаго, а не Орлика, какъ это было; «крымскіе татары разбиты и съ большою потерею ушли въ Крымъ.» Государыня Екатерина Алексѣевна тоже ожила въ Яворовѣ и веселилась; она писала, что знатные поляки дають веселые и роскошныя пиры, на которыхъ ее встрѣчали, какъ царицу.

Въ Яворовѣ Петръ опять увидѣлся съ Августомъ и отъ него получилъ обѣщаніе на дѣятельную помощь, потому что близкое соудство Польши и Турціи подвергаетъ польскія владѣнія опасности и по этому король обѣщался содѣйствовать планамъ Россіи 10,000 корпусомъ войскъ: но за эту помощь имъ со стороны царя обѣщано равносильныя войску сто тысячъ рублей денегъ.

Обѣщанія Августа были пріятны для Петра, но на сколько можно было на нихъ положиться было еще неизвѣстно. Другая, болѣе дѣйствительная помощь шла съ другой стороны; у русскихъ нашлись союзники въ самой Турціи. Христіане турецкихъ областей страдали отъ притѣсненій магометанъ и съ надеждой смотрѣли на сѣверъ, ожидая и надѣясь спасенія отъ единовѣрнаго имъ русскаго царя.

Молдавское и Валахское княжества были во главѣ христіанъ, недовольныхъ турецкимъ владычествомъ. При началѣ непріязненныхъ отношеній къ Россіи, турецкое правительство, не довѣрявшее Молдавскому господарю Николаю Маврокордато, свергло его и на мѣсто его назначило Димитрія Кантемира, считая его вполнѣ преданнымъ Турціи. Въ Валахіи господаремъ былъ Бранкованъ; онъ былъ силенъ; прямо свергнуть его турки опасались, но въ то же время не довѣряли ему, считая его тайнымъ другомъ и сторонникомъ русскихъ. Чтобы не оставить его въ такомъ важномъ, пограничномъ почти мѣстѣ, турецкое правительство, возведя *преданнаго себѣ* Кантемира въ до-

стоинство господаря, поручило ему, ежели успѣетъ, тайно захватить Бранкована, передать его въ руки турокъ и въ награду за это ему обѣщано и Валахское господарство.

Но начались непріязненныя дѣйствія, ежели не на дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ приготовленіями къ войнѣ. Утѣшенныя христіане княжествъ съ надеждой и опасеніемъ ждали, что будетъ; имъ казалось, ежели они пропустятъ настоящее мгновеніе, то нѣтъ имъ надежды вырваться изъ подъ турецкаго ига. Кантемиръ, подобно другимъ, склонялся на сторону единовѣрцевъ русскихъ и думалъ воспользоваться тѣмъ временемъ, когда полтавскій побѣдитель будетъ въ Турціи, чтобы что нибудь выгадать; къ тому же война должна была происходить въ его княжествѣ; онъ расчиталъ, лучше русскихъ имѣть друзьями, чѣмъ врагами. Онъ визирю сказалъ, что хочетъ прикинуться приверженцемъ русскихъ, чтобы вывѣдать о ихъ силахъ и потому просилъ позволенія войти съ ними въ сношенія; позволеніе было дано и Кантемиръ черезъ одного изъ своихъ повѣренныхъ вошелъ въ сношеніе съ Толстымъ, сидѣвшимъ въ семибашенномъ замкѣ и въ тоже время отправилъ другаго къ царю въ Польшу. Оба войска сходились, положеніе Кантемира было затруднительное; подданные требовали, чтобы онъ высказался.

Кантемиръ заключилъ договоръ съ царемъ, въ немъ онъ, однакожь, подумалъ и о томъ, ежели бы русскіе потерпѣли неудачу. Въ случаѣ успѣха были постановлены слѣдующія условія: 1) Молдавія получить свои старинныя границы. Всѣ укрѣпленные города, до окончателнаго устройства княжества, будутъ заняты русскими войсками. Но потомъ будутъ смѣнены молдавскими. 2) Молдавія никакой дани платить не будетъ. 3) Молдавскій господарь можетъ быть смѣненъ только въ случаѣ измѣны, или отступничества, но тогда на мѣсто его будетъ избранъ одинъ изъ членовъ семейства Кантемира. 4) Царь не заключитъ съ турками мира, по которому Молдавія должна опять возвратиться къ Турціи.

Кромѣ этого договора съ Кантемиромъ былъ заключенъ второй, тайный, обезпечивавшій участь Кантемира и его семейства, въ случаѣ неудачи русскихъ въ Турціи. По этому договору Кантемиру въ Москвѣ царь обѣщался дать два дома, обезпечить его содержаніе ежедневнымъ жалованьемъ и дать ему столько помѣстій, сколько у него было въ Молдавіи. Было даже выговорено, что все

данное царемъ останется за Кантемиромъ и въ такомъ случаѣ, когда онъ не захочетъ жить въ Россіи.

Въ одно время съ Кантемиромъ христіанскіе подданные Валахїи и Сербїи и черногорцы, помимо своихъ правителей, вошли съ Петромъ въ сношенїя, общались возстать противъ турокъ и присоединиться къ русскимъ войскамъ, какъ только они приблизятся къ ихъ границамъ. Такія общанїя и обнадеживанїя заставляли Петра поспѣшить въ Турцію; онъ Шереметеву приказалъ, не позже 15, или 20 мая, быть на берегахъ Днѣстра и приготовить тамъ, при помощи турецкихъ христіанъ, магазины, чтобы собравшееся тамъ войско не терпѣло отъ недостатка провіанту

Шереметеву неоднократно писалъ царь, чтобы онъ вошелъ въ сношенїе съ валахскимъ господаремъ и лишь только Молдавія поднимется, то дѣйствовать заодно съ Кантемиромъ, или кого изъ бояръ онъ назначить, заготовлять провизію, а самому съ войскомъ идти къ Дунаю. Въ то же время разсылать отряды; развѣдывать черезъ шпионовъ о намѣренїяхъ турецкой арміи, о ея силѣ и направленїи и идти съ большою осмотрительностію.

Шереметевъ перешелъ Днѣстръ; Кантемиръ волею, или какъ иные увѣряютъ, неволею объявилъ себя на сторонѣ русскихъ и Шереметеву дано было повелѣнїе спѣшить къ Дунаю, чтобы предупредить турокъ, разрушить мостъ и помѣшать имъ переправиться на эту сторону.

Передача Кантемира обрадовала Петра, и онъ самъ съ гвардіей и пѣхотой спѣшилъ къ передовой арміи Шереметева. Но тутъ начались неудачи: Шереметевъ извѣстилъ Петра, что онъ не могъ предупредить турокъ на Дунаѣ и что они уже переправились черезъ него. Далѣе Шереметевъ жаловался на недостатокъ въ провіантѣ; магазиновъ не изъ чего было устраивать, хлѣба вовсе не было, или его очень мало. Петръ съ своимъ войскомъ 12 іюня стоялъ на берегу Днѣстра; онъ упрекалъ Шереметева за то, что тотъ опоздалъ и позволилъ туркамъ раньше переправиться черезъ Дунай; и опять приказывалъ кавалерійскіе отряды отправлять для того, чтобы собрать съѣстныхъ припасовъ; ежели же нѣтъ хлѣба, то собрать побольше скота, но при этомъ не велѣлъ грабить молдаванъ, а все покупать на деньги; главное, позаботиться о томъ, чтобы войску не пришлось голодать.

Шереметевъ оправдывался въ своей медленности тѣмъ, что удовольствія въ поляхъ всего на мѣсяць и для пресѣченія пути туркамъ, даже при усиленныхъ переходахъ, не было возможности раньше турокъ поспѣть къ Дунаю и еслибы онъ отъ Днѣстра пошелъ прямо къ Дунаю, то владѣнія Кантемира остались бы безъ защиты и были бы разорены, или Кантемиръ принужденъ былъ бы присоединиться къ туркамъ; въ концѣ письма Шереметевъ, однакожь, успокоивалъ Петра тѣмъ, что драгуны его еще не нуждаются и на мѣсяць у нихъ и хлѣба, и скота достаточно.

Петръ надѣялся, что при появленіи его, христіанское народонаселеніе Турціи возстанетъ, какъ одинъ человекъ и поэтому спѣшилъ; но на берегахъ Днѣстра остановился изъ опасенія, что у него недостаточно будетъ свѣстныхъ припасовъ; остановка была крайне неприятна для Петра; потому что Молдавія уже открыто перешла на сторону Россіи и писалъ Шереметеву, чтобы онъ поторопился приготовить провіанту, чтобы можно было соединиться съ нимъ, а онъ на Днѣстрѣ нашель хлѣба только на пять дней, поэтому дальше двигаться нѣтъ возможности.

Шереметевъ не переставалъ заботиться о хлѣбѣ и по свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ, войско двинулось впередъ; но фельдмаршалъ требовалъ присылки денегъ; царь отвѣчалъ, что денегъ пересылать небезопасно въ чужой сторонѣ, что самъ привезетъ ихъ; но приказалъ фельдмаршалу на берегахъ Прута дожидаться его, ставъ съ своимъ войскомъ на удобномъ мѣстѣ. Съ Валахіей вошли въ сношенія; приказано было склонить господаря на сторону русскихъ, съ тѣмъ, чтобы давали провіанту, ежели же не захотятъ давать добромъ, то забирать силой, сколько найдется, но прочаго ни въ какомъ случаѣ не грабить.

Ночью на 24 іюня, Петръ достигнулъ Прута, соединился съ Шереметевымъ, оставилъ ему все войско и поспѣшилъ въ Яссы для свиданія съ Кантемиромъ. Туда же пріѣхалъ изъ Валахіи Кантакузинъ отъ народа, съ объявленіемъ готовности присоединиться къ русскимъ, какъ только они вступятъ въ Валахію. Кантакузинъ пріѣхалъ тайкомъ отъ господаря Бранкована, вполнѣ преданнаго туркамъ. Надежда на успѣхъ еще увеличилась нерѣшительностію турокъ; султанъ поручилъ іерусалимскому патріарху снестись съ Бранкованомъ, и ежели царь согласенъ, то при его посредствѣ заклю-

•

чить миръ. Но Петръ наотрѣзъ отказалъ. Вмѣстѣ съ Кантемиромъ и съ Кантакузинымъ онъ отправился къ своему войску на Прутъ. На другой день, 27 іюня, праздновалась полтавская побѣда, а на слѣдующій въ военномъ совѣтѣ разсуждали о томъ, какъ помочь недостатку провіанта. Положено было переправиться черезъ Прутъ и по правому берегу идти до урочища Фальча; ниже этого мѣста идутъ почти непроходимыя болота и переправиться черезъ нихъ не было возможности; отъ Фальчи лѣсами войско должно было идти къ рѣкѣ Серету, за которою, по общей молвѣ, находились значительныя турецкія склады съѣстныхъ припасовъ по деревнямъ, около Браилова. Чтобы скорѣе, до прибытія арміи, завладѣть этими припасами, послана была кавалерія Ренне и Чирикова; вслѣдъ за нею двинулось и остальное войско, не смотря на то, что пришло извѣстіе: крымскій ханъ перешелъ Прутъ, вслѣдъ за русскими, и идетъ по пятамъ ихъ. Въ русскомъ авангардѣ шелъ генералъ Янусъ; іюля 7 онъ далъ знать, что впереди у Прута стоитъ визирь съ турецкимъ войскомъ и что янычары уже переправляются черезъ рѣку. Петръ тотчасъ послалъ ему повелѣніе отступить къ главнымъ силамъ и къ Ренну отправленъ нарочный съ приказаніемъ, немедленно, захвативъ сколько можно провіанту, спѣшить къ арміи. Янусъ тотчасъ отступилъ, но турки тѣснили его, не давали возможности двигаться, яростно нападали, но Янусъ успѣлъ отвести свой отрядъ въ полномъ порядкѣ и безъ урону. Вслѣдъ за нимъ явились турки и немедленно напали на русскихъ; жаркая перестрѣлка и нападенія продолжались до поздняго вечера; къ ночи турки отступили и расположились на горѣ. Ночью въ русскомъ лагерѣ былъ военный совѣтъ; разсуждали о недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ и лошадиномъ кормѣ, о томъ, что турецкое войско несравненно сильнѣе русскаго; турокъ вмѣстѣ съ татарами было 189,665 чел., а у русскихъ всего 38,246. Положено было отступать, и рано утромъ войско пошло вверхъ по Пруту; непріятельская конница преслѣдовала отступавшихъ. Іюля 9 такимъ образомъ войско дошло до мѣста, носившаго названіе: *Новое Станелище*; здѣсь обозъ прислонился тыломъ къ рѣкѣ, а армія передъ нимъ растянулась въ одну линію. Къ вечеру явились турки и расположились въ одной верстѣ отъ русскихъ, прислонившись къ горѣ; на противоположномъ берегу Прута тоже были турецкія войска. Въ первый же день турецкая пѣхота и кон-

ница дѣлали нападенія на русскихъ, но безъ всякаго результата, наконецъ, съ наступленіемъ сумерекъ, конница отступла, но всю ночь, не переставая, длилась канонада; при этой непрерывной стрѣльбѣ, турки окопались въ своемъ лагерѣ и поставили на земляной насыпи 300 пушекъ.

Положеніе русскаго войска было отчаянное; оно было измучено переходами, зноемъ и долгой битвой: съѣстныхъ припасовъ оставалось очень не много; ни ихъ, ни помощи ожидать было неоткуда. Но и визирь съ своей стороны находился въ очень затруднительномъ положеніи; отчаянное сопротивление русскихъ испугало его; турки потеряли до 7000 человекъ; янычары были недовольны и рѣшительно отказывались возобновить нападеніе на людей, которые сражаются такъ ожесточенно. Въ турецкомъ лагерѣ кричали и шумѣли; янычары громко и неотступно требовали, чтобы визирь исполнилъ приказаніе султана и заключилъ миръ, кромѣ того пришло еще неприятное для турокъ извѣстіе, что Ренне взялъ Браиловъ. Юля 10 плѣнные турки рассказали, что дѣлается въ турецкомъ лагерѣ, и объявили, что визирь только и помышляетъ, какъ бы поскорѣе заключить миръ съ русскими. Это извѣстіе было для Петра манною небесною; оно давало ему надежду, посредствомъ мирныхъ переговоровъ выйти изъ своего отчаяннаго положенія.

Не думая долго, фельдмаршалъ Шереметевъ написалъ письмо и отправилъ его въ турецкій лагерь. Но отвѣта отъ визиря не было, тогда опять отъ имени Шереметева послано было второе письмо. На это второе письмо визирь отвѣчалъ, что онъ отъ добраго мира не отказывается, что онъ, какъ добрый мусульманинъ, выслушаетъ враговъ своихъ и потому проситъ прислать уполномоченныхъ, чтобы начать переговоры. Того же 10 іюля, въ турецкій лагерь отправленъ былъ подканцлеръ Шафировъ съ тремя переводчиками и съ подъячимъ: кромѣ того съ нимъ отправились для пересылокъ ротмистръ Артемій Волинскій и Михайла Бестужевъ, служившій волонтеромъ.

Положеніе русской арміи, вполне окруженной сильнымъ турецкимъ войскомъ, было отчаянное; Петръ готовъ былъ принять самыя невыгодныя условія мира, только бы самому и всему войску не попасться въ плѣнъ. Шафирову дано было право обѣщать визирю и другимъ начальникамъ большія суммы денегъ. Между тѣмъ соста-

види военный совѣтъ и на немъ положили: ежели непріатели ни подь какимъ видомъ не согласятся на миръ, ежели непременно потребуютъ, чтобы русскіе положили оружіе и безусловно отдались военноплѣнными, тогда всѣ единодушно рѣшились оружіемъ проложить себѣ дорогу вдоль по рѣкѣ.

Шафировъ далъ знать, что хотя турки отъ мира не отказываются, но протягиваютъ время. На это Петръ отвѣчалъ, ежели турки дѣйствительно склонны къ 'миру и сегодня его заключить не могутъ, то пусть по крайней мѣрѣ позволяютъ косить траву для лошадей за ихъ ретраншаментомъ. Въ то же время Петръ написалъ письмо въ Сенатъ: «Господа Сенатъ, извѣщаю васъ, что я со всѣмъ своимъ войскомъ, безъ всякой съ моей стороны вины, но только вслѣдствіе ложныхъ извѣстій, окруженъ войскомъ въ семеро сильнѣйшимъ; что у меня отняты всѣ средства къ полученію провіанта, и мнѣ остается, ежели не спасетъ меня особенная неожиданная помощь Божія, со всѣмъ моимъ войскомъ претерпѣть поражение, и погибнуть, или отдаться въ плѣнъ. Ежели случится послѣднее, то вы не должны считать меня своимъ царемъ и государемъ и не исполнять ни одного изъ моихъ повелѣній, еслибъ даже оно было собственноручно мною написано, пока я самъ лично не явлюсь къ вамъ; если же я погибну и вы о томъ получите вѣрныя свѣдѣнія, то выберите достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники.»

Оба письма были отправлены. Шафировъ вернулся въ тотъ же день и привезъ съ собою слѣдующія условія: 1) Отдать туркамъ Азовъ въ такомъ видѣ, въ какомъ былъ взятъ; новопостроенныя крѣпости: Таганрогъ, Каменный Затонъ и Новогородицкъ, на устьѣ Самары разорить, а пушки изъ Каменнаго Затона отдать туркамъ. 2) Въ польскія дѣла не вмѣшиваться, въ управление казаковъ не входить. 3) Свободная торговля между Турціей и Россіей, а царскому послу не жить въ Константинополѣ. 4) Королю шведскому предоставить свободный проѣздъ черезъ Россію и заключить съ нимъ миръ, ежели онъ того захочетъ. 5) Чтобы подданнымъ обоихъ государствъ никакихъ убытковъ и стѣсненій не было. 6) Всѣ прежнія непріязненные отношенія предаются забвенію и царскимъ войскамъ дозволено свободно и безпрепятственно возвратиться въ свое отечество. Но, до исполненія всѣхъ договорныхъ пунктовъ царемъ, за

ложниками въ Турціи остаются подканцлеръ Шафировъ и сынъ фельдмаршала, полковникъ Шереметевъ.

Петръ безпрекословно согласился на всѣ условія и немедленно отправилъ Шафирова назадъ въ турецкій лагерь, чтобы окончательно написать условіе. Оно было написано и скрѣплено 12 іюля. Шафировъ далъ знать Петру, что онъ можетъ безпрепятственно выступать. Легко вообразить себѣ, съ какою радостью было встрѣчено извѣстіе о мирѣ. Никто не надѣялся на счастливое окончаніе отчаяннаго положенія, въ какомъ находилось войско. Очевидецъ пишетъ: когда трубачъ отправился съ первымъ предложеніемъ мира къ визирю, то Шереметевъ сказалъ, что только безумный могъ царю присовѣтовать такую попытку; если же великій визирь приметъ предложеніе, то ему надобно отдать преимущество и назвать его безумнѣйшимъ въ мірѣ человекомъ.

Войско радовалось, но Петръ глубоко тосковалъ: онъ надѣялся поднять все христіанское народонаселеніе Турціи, надѣялся побѣдить турокъ и если не прогнать ихъ изъ Европы, то, по крайней мѣрѣ, предписать имъ миръ. А между тѣмъ, чѣмъ кончились его надежды? онъ долженъ былъ заключить позорный миръ, отказаться отъ Азовскаго моря, отъ южнаго флота, на постройку котораго употреблены такія огромныя суммы денегъ, потрачено столько трудовъ. Онъ упрекалъ себя за то, что самъ впалъ въ ту же ошибку, въ которой упрекалъ Карла: съ незначительнымъ войскомъ проникнуть въ чужое государство, не приготовить достаточныхъ средствъ продовольствія, шель впередъ и не обезопасилъ себѣ обратнаго пути; повѣрилъ слухамъ, что христіане поднимутся при его приближеніи, и какъ своимъ освободителямъ, будутъ доставлять съѣстныхъ припасовъ больше, чѣмъ нужно. Не такъ-ли точно поступилъ Карлъ, проникая въ Малороссію?

Іюля 14 русское войско выступило изъ прутскаго лагеря, и двинулось къ Днѣстру. Петръ былъ печаленъ и озабоченъ; онъ писалъ Апраксину о печальномъ положеніи своемъ, извѣщалъ его о постыдномъ мирѣ и приказывалъ приготовиться исполнить первый пунктъ условія. Петръ проводилъ безсонныя ночи въ думахъ о томъ, какъ бы ему вознаградить потери на югѣ, пріобрѣтеніями на сѣверѣ. Онъ придумывалъ средства, какимъ образомъ вѣрнѣе и скорѣе покончить войну со шведами и принудить ихъ къ миру, выгодному

для Россіи. Но этого достигнуть можно было только нарушеніемъ втораго прутскаго договорнаго пункта, а именно: надобно войска провести черезъ Польшу и лично увидѣться съ Августомъ, а въ договорѣ сказано: въ польскія дѣла не вмѣшиваться. Къ тому же Петръ боялся, какъ бы Карлъ XII своими происками опять не поднялъ Турціи на Россію и тогда турки займутъ уступленныя имъ мѣста, шведскаго короля не выплутъ и опять начнутъ войну. Чтобы не быть обманутымъ, Петръ написалъ Шафирову, что туркамъ Азова до тѣхъ поръ не отдадутъ, пока король шведскій не оставитъ Турціи. Положеніе Шафирова въ Турціи было очень непріятное: великій визирь требовалъ, чтобы царь помирился съ королемъ Карломъ, такъ давно покинувшимъ свое отечество, и настаивалъ, чтобы подканцлеръ приступилъ къ переговорамъ, но Шафировъ отвѣчалъ, что на это ему не дано полномочія и онъ не знаетъ на какихъ условіяхъ царь можетъ помириться. По настоянію визиря, Шафировъ писалъ объ этомъ требованіи царю и черезъ Головкина получилъ отвѣтъ: на счетъ проѣзда Карла XII черезъ Россію, какъ о томъ говорится въ договорѣ, царь согласенъ, для короля и его свиты выставить 500 подводъ. Что же касается до мира, то царь отъ мира ни прежде, ни теперь не отказывается, но приступить къ переговорамъ о мирѣ невозможно безъ согласія союзниковъ. Если король дѣйствительно желаетъ мира, то царь предлагаетъ назначить мѣсто, куда можно бы для этого съѣхаться, уполномоченнымъ, шведскимъ, русскимъ и прочимъ союзниковъ.

Что же касается до движенія русскаго войска, то объявить туркамъ, что царь лично съ своею гвардіей идетъ прямо въ Ригу, а фельдмаршалъ, переправившись черезъ Прутъ, съ остальнымъ войскомъ идетъ въ Кіевъ; а при этомъ, такъ какъ границы Польши тянутся почти до Очакова, то ея не смотря на договоръ миновать нельзя.

Русскіе двинулись, но татары обнаружили враждебныя отношенія; объ этомъ извѣстили Шафирова и сдѣлано было распоряженіе казнить виновныхъ смертію.

Карлъ, оставшись въ Турціи, и не думалъ выѣзжать изъ нея, но только старался объяснить султану, какую непростительную ошибку сдѣлалъ визирь, упустивъ изъ рукъ всю армію, которую онъ могъ, или вполнѣ истребить, или взять въ плѣнъ, вмѣстѣ съ царемъ. На слабость визиря вскорѣ начали смотрѣть подозрительно,

на поступокъ, кзѣъ на измѣну—и онъ лишился не только мѣста, но и головы.

Отъ Шафирова съ каждымъ днемъ настоятельнѣе требовали исполненія прутскаго договора; онъ отговаривался и отписывался тѣмъ, что ему приказано было отвѣчать, а именно: что Азовъ будетъ отданъ и крѣпости разрушены, какъ только Карлъ XII оставитъ турецкія владѣнія. Положеніе Шафирова становилось затруднительнѣе и ему открыто объявлено было: «ежели Петръ не исполнитъ условій, то война будетъ объявлена, а заложниковъ предадутъ смерти;» Шафировъ съ трудомъ выторговалъ двухмѣсячный срокъ для исполненія перваго прутскаго пункта, и написалъ объ этомъ въ Россію: но Петръ остался недоволенъ и отвѣчалъ, что срокъ слишкомъ коротокъ и что Азова отдать, пока Карлъ въ Турціи, невозможно. Но все-таки приступлено было къ очищенію Азова и къ разоренію Таганрога и другихъ крѣпостей. Петръ давалъ приказаніе разорять ихъ до фундамента, но его не касаться и весь матеріалъ бережно свозить въ назначенное мѣсто, чтобы найти его, когда понадобится. Онъ рассчитывалъ, покончивши войну съ Швеціей, обратить свои силы на югъ и отнять опять у турокъ города, уступленные имъ по крайней необходимости.

Переговоры шли; но извѣстіе, что русскія войска остановились въ Польшѣ, еще болѣе запутало дѣло и Шафировъ писалъ царю о своемъ непріятномъ положеніи. Царь на это отвѣчалъ, что черезъ Польшу русскія войска не шли и не пойдутъ, кромѣ гвардейскаго полка, составляющаго конвой царскій. Остальныя войска находятся на границѣ. Ежели шведскій король изъ Турціи пойдетъ черезъ Россію, то войска отодвинутся къ Кіеву и переждутъ тамъ, пока король не пройдетъ; если же онъ направится въ Польшу, то войска наши останутся на своихъ мѣстахъ, а одинъ отрядъ пойдетъ въ Литву, чтобы наблюдать за движеніемъ короля. Письмо свое Петръ оканчивалъ извѣстіемъ, что партія, приверженная Августу, проситъ не выводить окончательно русскаго войска изъ Польши и находитъ даже, что семитысячный отрядъ, предположенный оставить въ Польшѣ, слишкомъ малъ, и требуетъ усилить его.

Однакожь, оставлять ли отрядъ въ Польшѣ, или нѣтъ — царь предоставлялъ рѣшеніе этого вопроса Шафирову. Двухмѣсячный срокъ для исполненія перваго пункта приходилъ къ концу; турец-

кое войско все еще было въ сборѣ; отъ Апраксина не было извѣстія о сдачѣ Азова; визирь требовалъ исполненія этого договора; или въ противномъ случаѣ опять начнется война.

Между тѣмъ шведскій король не оставлялъ Турціи, русскіе не сдавали Азова, великаго визиря замѣнилъ султанъ другимъ—очень дурно расположеннымъ къ Россіи; положеніе русскихъ аманатовъ становилось сомнительнымъ. Новый великій визирь послалъ въ Азовъ уполномоченныхъ принять крѣпость; но они вернулись и объявили, что русскіе Азова не отдають, пока шведскій король въ Турціи. Въ концѣ декабря Шафирову и Шереметеву было объявлено: такъ какъ миръ нарушенъ съ русской стороны, условія не соблюдены, то султанъ объявляетъ войну и самъ поведетъ войско въ началѣ весны: но миръ можетъ остаться неприкосновеннымъ, ежели царь согласится на слѣдующія четыре статьи: 1) *Всѣмъ* русскимъ войскамъ оставить Польшу и не вступать въ нее ни подъ какимъ предлогомъ, хотя бы шведы пришли въ нее войною; ни кореспонденціи, ни союзу царю съ польскимъ королемъ не имѣть. 2) Короля шведскаго отпустить, когда и по какому пути захотятъ; а для того, чтобы ему свободно доѣхать до своего королевства, съ нимъ заключить перемиріе на три года. 3) Отъ Украйны царь долженъ отказаться навсегда и она поступаетъ подъ покровительство высокой Порты. 4) Азовъ отдать, а Таганрогъ разорить немедленно.

Шафировъ сдружился съ англійскимъ и голландскимъ послами и черезъ нихъ началъ дѣйствовать на турокъ, доказывая имъ, что требованія неумѣренны и приняты быть не могутъ. Шафировъ извѣстилъ Петра, что мира съ турками быть не можетъ, ежели не выполнять условій. Турки слушали наущенія шведовъ и имъ уже не такъ важно было уничтоженіе Таганрога и возвращенія Азова; имъ болѣе важнымъ казалось выводъ войска изъ Польши.

Азовъ былъ возвращенъ, Таганрогъ разорали, а между тѣмъ Карлъ по прежнему оставался въ Турціи и по прежнему домогался, чтобы непріязненные дѣйствія между Россіей и Турціей возобновились; интриги Карла и французскаго посланника смущали турецкаго султана и ставили его въ самое невыгодное для Россіи настроеніе.

Миръ, хотя и былъ заключенъ, но очень непроченъ; нашего посланника, Толстаго, хотя и выпустили изъ Семибашеннаго замка,

но вы́хаты изъ Турціи ему не позволяли, равно какъ и заложниковъ не отпускали, до исполненія всѣхъ пунктовъ; такъ какъ первый былъ исполненъ, то требовали исполненія втораго: вывода русскихъ войскъ изъ Польши. Довѣряться въ Константинополь Шафирову некому было; враги русскихъ были ловки и дѣятельны; Шафировъ боролся съ ними, сколько могъ, и явно и тайно; подкупалъ, кого можно было подкупать, и главнаго визиря, и муфтія, и мать султана, истратилъ огромныя суммы на подарки и добился того, что со стороны Порты начали поговаривать о высылкѣ Карла изъ турецкихъ владѣній. Вошли въ переговоры съ Польшею, чтобы опредѣлить условія, на какихъ Карлу проѣхать черезъ Польшу: но поляки затягивали дѣло, и медлили отвѣтомъ. Шафировъ торопилъ и просилъ царя вывести войска изъ Польши, тѣмъ болѣе, что султанъ узналъ о томъ, что войска не выведены и послалъ нарочнаго справиться, правда ли, что русскіе все еще стоятъ въ Польшѣ. Преданный Шафирову визирь, извѣщая объ этомъ, просилъ, ежели русскіе еще въ Польшѣ, то *прикрыть* ихъ такъ, чтобы посланный султана не узналъ этого: но прикрыть войска нельзя было и посланный возвратился съ извѣстіемъ, что войска въ Польшѣ *много*.

Султанъ былъ раздраженъ, называлъ заложниковъ и посланника обманщиками и посадилъ ихъ въ тюрьму, вмѣстѣ со всѣми находящимися при нихъ людьми, всего 205 человекъ, и въ такую тѣсную тюрьму, что задохнуться можно было; Шафировъ писалъ оттуда, что долѣе недѣли, или десяти дней въ такомъ тѣсномъ помѣщеніи вынести нельзя; зимою еще кое-какъ жить можно, но что будетъ лѣтомъ?

Война за невыводъ русскихъ войскъ была объявлена и самъ султанъ намѣренъ былъ начальствовать надъ войскомъ. Петръ началъ готовиться, но наступательной войны не хотѣлъ вести, не хотѣлъ отзывать своихъ войскъ съ сѣвера, изъ Помераніи и приказалъ Шереметеву вести войну оборонительную; самому съ войскомъ стоять подъ Кіевомъ, а иррегулярной легкой кавалеріи защищать границы, нападеніями тревожить турецкое войско, отрѣзывать у него обозы и вредить ему на каждомъ шагу, сколько возможно.

При такихъ обстоятельствахъ наступилъ новый 1713 годъ. Турки обманулись въ своемъ ожиданіи; они думали, что Петръ при объявленіи войны тотчасъ пришлетъ къ нимъ просить мира, а ме-

жду тѣмъ, никто изъ Россіи за этимъ не являлся и только доходили слухи, что тамъ готовятся къ войнѣ, предоставляя туркамъ идти въ Россію. Съ шведскимъ королемъ у турокъ вышли опять разногласія и заключеннымъ въ Семибашенный замокъ дано знать, что турки вовсе войны начинать не намѣрены, и готовы приступить къ переговорамъ о мирѣ, ежели царь пришлетъ уполномоченныхъ; но Шафировъ отвѣчалъ, что никакихъ, полномоченныхъ царь не пришлетъ, а ежели турки хотятъ переговариваться о мирѣ, то могутъ начать переговоры съ ними.

Султанъ войну объявилъ вопреки желанію всѣхъ министровъ и народа и такъ какъ пословъ отъ Петра не дождался, то выпустилъ русскихъ изъ тюрьмы и послалъ крымскаго хана въ Бендеры къ шведскому королю съ требованіемъ, чтобы онъ ѣхалъ прямо черезъ Польшу, въ сопровожденіи татаръ. Король началъ отговариваться, да и татары, наученные имъ, стали просить султана, чтобы ихъ не посылали, потому что боятся русскихъ и саксонскихъ войскъ. Раздосадованный султанъ требовалъ отъ короля и хана, чтобы непременно ѣхали, или чтобы король явился къ нему въ Адрианополь. Ханъ испугался этого грознаго приказанія и вмѣстѣ съ бендерскимъ пашею неотступно приставалъ къ королю, чтобы онъ ѣхалъ или туда, или сюда. «По своему варварскому обыкновенію, писалъ Шафировъ, требовали сурово, а король, по своей удалой солдатской головѣ, сталъ имъ отказывать гордо; произошла ссора и присланный султаномъ конюшій грозилъ ему отсѣчь голову, но король осердившись, выхватилъ шпагу и сказалъ, что султанскаго фирмана не слушается и ежели ему стануть дѣлать насиліе, то готовъ сражаться и съумѣетъ защититься оружіемъ. Тогда турки перестали ему выдавать кормовыя деньги, сожгли всѣ амбары и припасы, и окружили его войскомъ. Карлъ окопался и по военному обыкновенію приготовился къ защитѣ; велѣлъ перебить всѣхъ лишнихъ лошадей, между ними были и дорогія лошади, присланныя ему турецкимъ султаномъ въ подарокъ; мясо ихъ послопили для употребленія въ пищу во время осады. Султанъ узналъ объ этихъ приготовленіяхъ, приказалъ взять Карла силою и привезти его въ Адрианополь, если же будетъ сопротивляться, то чинить надъ нимъ воинскій промыселъ.» Такъ началась *эта разумная съ обѣихъ сторонъ война*

Когда турки и татары приблизились къ шведскимъ окопамъ, Карлъ началъ стрѣлять въ нихъ изъ своихъ двухъ пушекъ и изъ ружей; много турокъ было побито. Турки поставили артиллерію и разнесли окопы; но Карлъ заперся въ своемъ домѣ и отстрѣливался изъ окошекъ; этого истинно-храбраго до послѣдней крайности человѣка не легко было *взять*; турки зажгли домъ; задыхаясь отъ дыма, Карлъ съ остатками своихъ приверженцевъ началъ перебираться въ другое строеніе, но его на дорогѣ окружили янычары и послѣ отчаяннаго сопротивленія, онъ попался въ плѣнъ; при этомъ онъ потерялъ четыре пальца, часть уха и кончикъ носа.

Карла отвезли въ Бендеры и посадили въ тюрьму, вмѣстѣ съ кіевскимъ воеводой Потоцкимъ. Шведовъ и поляковъ, окружавшихъ Карла и защищавшихъ его, большею частію изрубили; остальныхъ мужчинъ и женщинъ, не убитыхъ во время приступа, турки разобрали и продали на рынкахъ въ неволю.

Послѣ этого случая Толстой и Шафировъ опять приступили къ переговорамъ о подтвержденіи мира и согласились на счетъ всѣхъ требованій, только не согласились на новую границу между Россіей и Турціей и на то, чтобы по этой границѣ поселить измѣннически передававшихся шведамъ казаковъ. Послѣ долгихъ переговоровъ однакожь окончили несогласія съ Турціей, хотя и на невыгодныхъ для Россіи условіяхъ, но по крайней мѣрѣ обезопасившихъ южныя границы отъ нападенія, и дававшія Петру возможность обратитъ всѣ свои силы на сѣверъ и тамъ принудить Швецію къ миру.

Позорный миръ, заключенный у Прута, поставилъ Петра въ необходимость, какъ можно скорѣе загладить его успѣхами на сѣверѣ; но для достиженія этого надобно было дѣйствовать заодно съ польскимъ королемъ Августомъ, и хотя по 2-му договорному пункту наши войска должны были очистить Польшу, но Петръ этотъ пунктъ понималъ буквально и считалъ дозволеннымъ войска *проводить* черезъ Польшу и потому далъ своему сыну, царевичу Алексѣю наказъ, что ему дѣлать въ Польшѣ во время своего отсутствія: 1) Собрать въ магазины провіанту на 6 мѣсяцевъ для 30,000 чел. считая на человѣка по 2 фунта хлѣба и по полуфунту мяса въ день. Магазины устроить по обоимъ берегамъ рѣкъ Варты. 2) По-

хлѣбъ сплавить къ Штетину, какъ только вскроются рѣки. 3) Для устройства магазиновъ употреблять драгунъ изъ корпуса Боура, но подъ команду русскихъ офицеровъ, которымъ, подъ опасеніемъ смертной казни, запретить употреблять насиліе, при добываніи провіанта.

Петръ второй договорный пунктъ прутскаго мира понималъ такъ: что ему до Польши не *интересоваться*, т. е. изъ польскихъ владѣній себѣ ничего не присвоивать и въ ихъ дѣла, касательно внутренняго управленія, не вмѣшиваться; такъ онъ и поступалъ, а войска проводить черезъ Польшу считалъ своимъ правомъ и магазины для продовольствія своего войска въ Помераніи устраивать на польской землѣ, тоже.

Впрочемъ и поляки ничего не имѣли противъ прохода русскихъ войскъ черезъ Польшу и противъ пребыванія ихъ въ Польшѣ, лишь бы кормились они на свой счетъ, потому что продовольствовать ихъ было имъ не по силамъ.

Въ Польшѣ по прежнему шла неурядица, были враждебныя другъ другу партіи; приверженцы короля Станислава Лещинскаго стояли за Швецію, а приверженцы Августа были болѣе склонны къ Россіи, но и эта приверженность была непрочная; на короля Августа полагаться нельзя было; по своему слабому характеру онъ готовъ былъ примириться съ Швеціей и оставить своего союзника. Въ концѣ 1713 года, когда еще отношенія съ Турціей были очень шатки, царь опасался, какъ бы Августъ помимо него не примирился съ Швеціей; а между тѣмъ Августъ съ своей стороны сомнѣвался въ преданности Петра и опасался, какъ бы царь, тоже помимо него, не заключилъ мира съ Швеціей; но еще больше боялся, чтобы Литва, недовольная притѣсненіями поляковъ и распоряженіями Августа, не обратилась за помощію къ царю.

Кромѣ того, неудовольствія между королемъ польскимъ и народомъ со дня на день увеличивались. Поляки требовали, чтобы король вывелъ свое саксонское войско; но король для вывода половины войска требовалъ и денегъ, и подводъ; народъ и дворянство не давали ни того, ни другаго. Чуть было не дошло до схватки; а ненависть между поляками и саксонцами возрастала. Саксонцы обходились съ поляками гордо и презрительно: съ cadaго двора тѣхъ округовъ, въ которыхъ стояли, брали поборы, по 32 злотыхъ въ

мѣсяцъ. Отъ непрерывнаго движенія войскъ то саксонскаго, то русскаго, то польскаго, разныхъ партій, Литва и Польша совершенно обнищали. Отъ Августа требовали неотступно, чтобы онъ вывелъ саксонское войско, и грозились, ежели они еще останутся, то его выгонять силою.

При видѣ такого настроенія въ Польшѣ; царь съ своей стороны дѣлалъ представленія королю Августу, чтобы онъ вывелъ свое войско не для пользы Россіи, но по причинѣ сильнаго неудольствія въ Польшѣ, вслѣдствіе котораго поляки готовы будутъ пристать не только къ королю шведскому, но даже и еще къ кому нибудь похуже; чтоже касается до отговорокъ короля, что саксонское войско необходимо въ Польшѣ, во время прохода шведскаго короля изъ Турціи черезъ Польшу, то и для этого саксонское войско не необходимо, потому что Карлу извѣстно: на границахъ Польши стоитъ русское войско, несравненно сильнѣе и многочисленнѣе саксонскаго.

Августу не хотѣлось выводить войска изъ Польши; онъ представлялъ, что въ случаѣ вывода, ему нечѣмъ будетъ содержать его и придется распустить на половину, что будетъ очень невыгодно для царя и остальныхъ сѣверныхъ союзниковъ.

Августъ требовалъ, чтобы ему вслѣдствіе уговора отдана была завоеванная Петромъ Лифляндія; на это ему отвѣчали, что царь не отказывается отъ этого, но опасается, какъ бы не вышло отъ этого какой либо потери, и можетъ только согласиться, чтобы въ Ригу былъ введенъ очень незначительный гарнизонъ, чтобы вмѣстѣ съ русскими содержать караулы, но что Лифляндія можетъ быть отдана только по окончаніи войны съ Швеціей, не раньше, какъ это было объявлено еще прежде.

Неудовольствія между Августомъ и польскими его подданными возрастали и приняли характеръ междоусобной борьбы; только близость пограничнаго русскаго войска еще сдерживала негодованіе поляковъ, а то и самъ король, и всѣ его саксонцы погибли бы въ Польшѣ; отношенія къ русскимъ войскамъ, находившимся въ Польшѣ и проходившимъ черезъ нее, были самыя дружелюбныя, несравненно лучше, чѣмъ прежде: указъ Петра не грабить и ничего не брать даромъ свято соблюдался; на русскихъ не было ни одной жалобы; ихъ встрѣчали и провожали одинаково дружелюбно.

Но въ концѣ 1715 года часть русскаго войска, шедшаго въ По-

меранію была остановлена: Литовскій гетманъ прислалъ просить царя, чтобы онъ содѣйствовалъ умиротворенію Польши, чтобы онъ представилъ Августу о выводѣ его саксонцевъ, что въ противномъ случаѣ вооруженные коронные конфедераты силою принудятъ Литовское княжество соединиться съ недовольными и взяться за оружіе. Царь обѣщался частнымъ образомъ войти съ представленіемъ къ Августу и хлопотать о выводѣ войска, о возвращеніи народу прежнихъ правъ и вольностей, но въ тоже время объявилъ, что сдѣлать это можетъ только частно. Если же вся Рѣчь посполитая официально, вмѣстѣ съ княжествомъ Литовскимъ изберетъ его своимъ посредникомъ, то это дастъ ему право говорить настоятельнѣе и хлопотать съ большимъ успѣхомъ о примиреніи партій и ежелибы того переговорами достигнуть нельзя было, то можно бы прибѣгнуть къ силѣ; потому что внутренній раздоръ въ Польшѣ только послужитъ во вредъ союзникамъ и дастъ новыя надежды и новыя силы шведамъ.

Предложеніе царя сдѣлаться посредникомъ между недовольными конфедератами и королемъ было принято въ 1716 году. Конфедераты приняли посредничество изъ опасенія, какъ бы царскія войска не присоединились къ королевскимъ, а король въ свою очередь согласился на посредничество царя изъ опасенія, какъ бы русскія войска не стали на сторону конфедератовъ. Дѣлать Августу было нечего, пришлось сблизиться съ могущественнымъ посредникомъ; но и это сближеніе для Августа было непріятно, потому что Петръ былъ на него сердитъ за его двоедушіе, за сношенія съ врагами и ихъ союзниками—съ шведами и французами. Но Августъ надѣялся посредствомъ личнаго свиданія успокоить разгнѣваннаго союзника, и рѣшился ѣхать въ Данцигъ, гдѣ въ то время находился царь съ своими дипломатами графомъ Головкинымъ, вице-канцлеромъ Шафировымъ и Толстымъ, столько пострадавшими въ Турціи; туда же пріѣхалъ опытный посланникъ, князь Григорій Долгорукій. Марта 24, въ домѣ Головкина начались конференціи и постановлены были статьи, о которыхъ надлежало разсуждать. Главная забота польскихъ уполномоченныхъ состояла въ томъ, чтобы примирить царя съ королемъ, оставить безъ вниманія всѣ возникшія между ними подозрѣнія; обоимъ монархамъ возобновить добрыя отношенія между собою и питать другъ къ другу братскія чувства.

Головкинъ объявилъ, что царь согласенъ увидѣться съ королемъ и съ этою цѣлью остался на мѣстѣ, а не поѣхалъ для назначеннаго имъ свиданія съ остальными союзниками, королемъ прусскимъ и датскимъ. Что касается до объясненія непріятностей, существующихъ между обоими монархами, то лучше всего разъяснить ихъ письменно. Царь соглашается содѣйствовать возстановленію внутренняго порядка въ Польшѣ по указанію, самимъ королемъ сдѣланному, но только съ условіемъ, чтобы главная причина неудовольствій между королемъ и подданными была устранена, чтобы король назначилъ срокъ, когда выведетъ саксонскія войска изъ Польши, и тотчасъ же объявилъ бы статьи, на основаніи которыхъ готовъ помириться съ конфедератами. Царь обѣщался позабыть всѣ свои подозрѣнія и неудовольствія и жить въ добромъ согласіи и въ дружбѣ съ королемъ, ежели получится удовлетворительный и откровенный отвѣтъ на письменно изложенныя имъ недоразумѣнія и неудовольствія и ежели король дастъ обѣщаніе, что впередъ ничего подобнаго не будетъ.

Въ *Меморіи досадамъ*, поданной русскими министрами, главною досадою были сношенія Августа съ французскимъ дворомъ и посредничество его, принятое для заключенія мира съ Швеціей, безъ царскаго вѣдома и посредничества; король заключилъ формальный договоръ съ Франціей, содержаніе котораго царю неизвѣстно; но по извѣстіямъ, полученнымъ стороною, онъ очень невыгоденъ для сѣверныхъ союзниковъ. Кромѣ того Августъ лично входилъ съ Карломъ въ переговоры, секретно посылалъ эмиссаровъ въ Бендеры и предлагалъ ему отдѣльный отъ Россіи миръ, съ тѣмъ же посылалъ и къ Портѣ, того же венгерца Шпигеля, чтобы кромѣ мира съ Карломъ вмѣстѣ съ шведами и турками составить противъ Россіи союзъ оборонительный и наступательный, представляя, что король обиженъ царемъ. Когда же царь объ этомъ писалъ королю и требовалъ слѣдствія, то не получалъ удовлетворенія, когда же требованія становились настоятельнѣе, то эмиссара увезли въ Саксонію и объявили, что онъ умеръ и т. д. Написанъ былъ цѣлый трактатъ о неудовольствіяхъ царя на Августа и между ними не было ни одного, котораго бы не подтверждали доказательствами.

Въ отвѣтъ получено было писаніе, составленное очень умно и изворотливо, но не объясняющее ниодного изъ неудовольствій и не

оправдывающее короля. Послѣ этого еще долго длились неудовольствія между королемъ Августомъ и Петромъ, шли конференціи, переговоры, волненія, до января 1717 года, когда наконецъ былъ собранъ однодневный сеймъ и при посредничествѣ русскаго царя, въ лицѣ полномочнаго посланника Долгорукаго, миръ между королемъ и конфедератами былъ подтвержденъ, а саксонскимъ войскамъ дано было повелѣніе очистить Польшу въ двухнедѣльный срокъ. Потомъ обѣ примирившіяся стороны приступили къ Долгорукому, чтобы и русскія войска, находившіяся въ Польшѣ, оставили ее. Долгорукій на половину исполнилъ эту просьбу: часть войска ушла въ Украйну, а другая до весны осталась въ Польшѣ.

ГЛАВА XXIV.

Поѣздка въ Карлсбадъ. Торгау и свиданіе съ Лейбницемъ. Сраженіе при Гадебуншѣ. Псбѣда при Швабштедѣ и Фридрихсштадтѣ. Соглашеніе съ Меншиковымъ и севестьрь, наложенный на померанскіе города. Походъ въ Финляндію. Битва при Гангоудѣ. Повореніе Финляндіи. Буря у Березовыхъ острововъ. Возвращеніе Карла XII. Осада Стральзунда. Бракосочетаніе герцога мекленбургскаго съ Екатериной Іоанновной. Непріятное столеновеніе между союзниками у Висмара.

Послѣ возвращенія изъ турецкаго похода, Петръ, какъ мы уже замѣтили, утѣшалъ себя мыслию, что вознаградитъ свои прутскія неудачи на сѣверѣ. Но здоровье его сильно пострадало отъ безпокойствъ и трудовъ турецкаго похода. Прежде чѣмъ начать опять новые труды и заботы, ему надобно было хотя нѣсколько отдохнуть и подкрѣпить свои силы.

Онъ рѣшился отправиться въ Карлсбадъ и полѣчиться тамошними минеральными водами. Въ Торнѣ простился онъ съ своею супругой Екатериной Алексѣевной, находившейся теперь съ нимъ во всѣхъ походахъ, оставилъ ее въ Торнѣ подъ прикрытіемъ батальона Преображенскаго полка и черезъ Дрезденъ и Фрейбергъ отправился въ Богемію на воды; но на пути осмотрѣлъ серебряные рудники въ Фрейбергѣ, спускался въ шахту, при свѣтѣ факеловъ осматривалъ галлерей и работу рудокоповъ.

Въ Карлсбадѣ Петръ провелъ три недѣли; цѣлебныя воды и спокойная жизнь благотѣльно подѣйствовали на его здоровье; оно на столько поправилось, что онъ опять могъ приняться за свои обычныя дѣла. Изъ Карлсбада онъ поспѣшилъ въ Торгау, гдѣ царевичъ Алексѣй ожидалъ его; по желанію отца, онъ изъ числа нѣ-

мецкихъ принцессъ избралъ себѣ невѣсту, и теперь Петръ спѣшилъ для того, чтобы присутствовать при его бракосочетаніи съ принцессою вольфенбюттельской Шарлоттою Софіей. Этотъ бракъ былъ заключенъ въ Торгау; Петръ былъ доволенъ; онъ надѣялся посредствомъ женитьбы на иностранкѣ примирить царевича съ иностранными обычаями и пробудить въ немъ такое-же предпочтеніе къ западному образованію, какое самъ чувствовалъ.

Но семейныя дѣла не надолго могли отвлекать царя отъ его обязанностей государя и полководца; со сцены военныхъ дѣйствій приходили тревожныя извѣстія. Стральзундъ, осажденный союзными русскими, саксонскими и датскими войсками, не сдавался; между союзниками не было согласія, личное вліяніе и присутствіе царя было необходимо.

Надобно было сократить брачныя торжества; но посреди шума веселыхъ праздниковъ Петръ нашелъ довольно свободнаго времени, чтобы принять и долгое время разговаривать съ германскимъ ученымъ Лейбницемъ, который поспѣшилъ пріѣхать въ Торгау не столько, чтобы увидѣть праздники, посмотрѣть на русскихъ, сколько для того чтобы взглянуть на колоссальнаго преобразователя Россіи. На вопросъ царя, какимъ способомъ вѣрнѣе содѣйствовать распространенію наукъ и искусствъ въ Россіи, ученый Лейбницъ высказалъ свои мысли и указалъ средства. Петръ съ своей стороны обѣщавъ позаботиться о томъ, чтобы въ разныхъ точкахъ Россіи сдѣланы были наблюденія надъ уклоненіемъ магнитной стрѣлки компаса. Царь и ученый разстались, довольноные другъ другомъ; Лейбницъ получилъ богатый подарокъ отъ Петра, и въ послѣдствіи чинъ тайнаго совѣтника юстиціи и пожизненный пенсіонъ.

Союзники медлили, ничего рѣшительнаго не предпринимали, да и предпринять, за позднимъ временемъ года, нельзя было. Царь увидѣлся съ датскимъ королемъ, чтобы условиться о томъ, какъ вести войну весною слѣдующаго года. Петръ написалъ союзнымъ министрамъ слѣдующіе пункты: 1) необходимо овладѣть Стральзундомъ, или по крайней мѣрѣ островомъ Рюгеномъ; 2) договориться съ курфюрстомъ ганноверскимъ о Бременѣ и Верденѣ, чтобы ганноверскій дворъ не мѣшалъ, и 3) военныя дѣйствія начать не позже апрѣля.

Петръ отправился въ Россію, союзники всю зиму провели въ бездѣйствіи, а русскія войска стояли передъ Штетиномъ, тоже въ

бездѣйствіи. Передъ Стральзундомъ между польскими, саксонскими и датскими военачальниками былъ разладъ; опасаясь шведскаго нападенія по зимнему пути, черезъ замерзшее море, на Копенгагенъ, датское правительство намѣревалось отозвать свои войска изъ Помераніи; а безъ датскаго войска польско-саксонскому войску одному оставаться въ Помераніи тоже не хотѣлось; къ тому же Августъ представлялъ, что выводить войска изъ Помераніи нельзя, ежели есть намѣреніе раннею весною возобновить военныя дѣйствія. Кромѣ того, начали опять носиться слухи, будто датскій король начнетъ переговариваться со шведами о мирѣ, черезъ посредничество голштейнъ—готторпскихъ министровъ; извѣстіе это сдѣлало Августа еще несговорчивѣе. Долгорукому многихъ усилій стоило кое-какъ уладить дѣла; кончилось тѣмъ, что 6,000 датчанъ осталось въ Помераніи, а саксонскія и русскія войска будутъ въ ней зимовать.

Петръ на пути въ Россію заѣхалъ въ Торнъ за своей супругой, пробылъ нѣсколько времени въ Кенигсбергѣ, нашелъ здѣсь древнюю рукопись, списокъ съ лѣтописи Нестора, приобрѣлъ ее, погостилъ въ Ригѣ, Митавѣ и Ревелѣ и къ началу новаго 1712 года прибылъ въ Петербургъ. Здѣсь его опять встревожило извѣстіе о непріязненномъ отношеніи западно-европейскихъ державъ къ Россіи, изъ которыхъ каждая только о томъ помышляла, какъ бы разорвать сѣверный союзъ и при отдѣленіи союзниковъ предоставить Россіи одной покончить борьбу съ Швеціей. Надобно было дѣла въ Помераніи вести такъ, чтобы заставить нейтральныя державы смотрѣть на союзъ благосклоннѣе.

Въ началѣ весны Меншиковъ отправился съ войскомъ въ Померанію, а князь Долгорукій долженъ былъ хлопотать на дипломатическомъ поприщѣ. Датчане опять колебались и поговаривали объ отдѣльномъ мирѣ; Августъ извѣстилъ объ этомъ Петра, а самъ съ своей стороны дѣлалъ тоже самое. Военныхъ дѣйствій не могло даже оживить присутствіе царя; датчане, не смотря на совѣты, пошли походомъ къ Бремену, русскіе стояли подъ Штетиномъ и, за недостаткомъ артиллеріи, ничего не могли предпринять. Такъ прошло полъ-лѣта.

Въ іюлѣ Петръ прибылъ въ русскій лагерь подъ Штетиномъ; рассмотрѣлъ дѣйствія Меншикова и долженъ былъ сознаться, что ничѣмъ помочь ему не можетъ. Наши войска въ Помераніи ничего

не добились; датчане имѣли маленькій успѣхъ въ Бременской области: они овладѣли крѣпостью Шаде. Петръ писалъ датскому королю и требовалъ подъ Штетинъ артиллерію, обѣщанную еще въ прошломъ году; но, къ величайшей досадѣ Петра, никакого отвѣта не было. Петръ напомнилъ тоже Долгорукому, что для общей выгоды, на шведовъ надобно дѣйствовать не только съ твердой земли, но и съ моря и что ему еще въ прошломъ году обѣщано было начальство надъ датскимъ флотомъ, къ которому тогда присоединить и свой.

Въ ожиданіи отвѣта, Петръ отправился къ Стральзунду, осмотрѣть датскій флотъ, выѣхалъ навстрѣчу къ русскимъ кораблямъ, пришедшимъ изъ Архангельска, на своемъ давно знакомомъ фрегатѣ «Св. Петръ», и на немъ подѣхалъ къ датскому флоту; здѣсь его встрѣтили, какъ главнокомандующаго, со всѣми обычными почестями, потому что получено было повелѣніе находиться въ полномъ распоряженіи русскаго царя. Церемоніальный приѣмъ понравился Петру именно тѣмъ, что этимъ отдавалась ему власть; первымъ его приказаніемъ было: сниматься съ якоря, и везти артиллерію къ Штетину. Но радость царя была непродолжительная: не успѣлъ флотъ войти въ устье Одера, какъ пришло новое приказаніе изъ Копенгагена—флоту дальше нейти и артиллеріи къ Штетину не везти. Петръ досадовалъ, но сдѣлать ничего не могъ; отъ досады онъ ночей не спалъ, сердился и здоровье его отъ непрерывныхъ досадъ опять поколебалось; у него обнаружились прежнія болѣзни, но съ новою силою. Главное начальство надъ всѣмъ своимъ войскомъ онъ передалъ Августу, а самъ отправился въ Карлсбадъ на воды.

На пути онъ посѣтилъ Виттенбергъ, побывалъ на могилѣ Лютера и осматривалъ его комнату въ Виттенбергскомъ замкѣ; тамъ между прочими достопримѣчательностями ему показали на стѣнѣ чернильное пятно и рассказали извѣстное преданіе: «Лютеръ занимался переводомъ библіи и религіозными сочиненіями съ такимъ напряженіемъ, что у него бывали видѣнія. Однажды онъ писалъ и увидѣлъ передъ собою сатану; такъ какъ это было уже не въ первый разъ и сатана надоѣлъ реформатору, онъ схватилъ чернилицу и пустилъ ея въ незваннаго гостя.» Петръ выслушалъ рассказъ, подошелъ къ стѣнѣ, на которой еще виднѣлось пятно отъ чернилицы, осмотрѣлъ его, улыбнулся, взялъ мѣлъ и написалъ на

стѣнѣ подѣ пятномъ: «Чернила новыя, разсказъ—совершенная неправда.»

Въ Карлсбадѣ, по приказанію вѣнскаго двора, царя дожидался почетный караулъ, нарочно присланный батальонъ императорской гвардіи. Три недѣли лечился Петръ водами и почувствовалъ облегченіе; изъ Карлсбада Петръ отправился въ Теплицъ; тамъ владѣтельный графъ пригласилъ его къ себѣ въ замокъ къ обѣду; графъ съ удовольствіемъ показывалъ ему свой вновь отстроенный замокъ, потомъ привелъ въ столовую и угощалъ роскошнымъ обѣдомъ, очень длиннымъ и церемоннымъ, что царю не понравилось. Послѣ обѣда графъ спрашивалъ царя: какъ ему нравится его новый замокъ? Петръ отвѣчалъ: «Замокъ очень хорошъ, но я нахожу, что кухня несоразмѣрно велика.»

Между тѣмъ шведы сдѣлали отчаянное усиліе; шведскій фельдмаршалъ Стенбокъ, собравъ послѣднія силы государства и выступилъ съ 18,000 войскомъ къ Мекленбургу. Петръ писалъ датскому королю изъ Теплица, чтобы онъ дождался соединенія съ русскимъ войскомъ и до тѣхъ поръ ничего не предпринималъ, чтобы соединенными силами напасть на непріятеля; о томъ же самомъ онъ писалъ ему изъ Дрездена. Къ Меншикову писалъ: «Ради Бога, пользуйтесь, если представится удобный случай! хотя бы я не успѣлъ къ войску пріѣхать—не теряйте времени и съ Богомъ нападайте!»

Изъ Дрездена Петръ пріѣхалъ въ Берлинъ, а оттуда, какъ обѣщано было датскому королю, къ войскамъ своимъ въ Мекленбургъ. Ноября 28 онъ пріѣхалъ въ главную квартиру, въ мѣстечко Лаго: оттуда въ Гистрой, куда приказалъ войску спѣшить. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе, что Стенбокъ двинулся къ Шверину и Гадебушу, чтобы атаковать соединенную саксонско-датскую армію, которая подѣ начальствомъ датскаго короля и фельдмаршала Флеминга заслонила шведамъ дорогу. Русскія войска шли за шведами въ недалеющемъ разстояніи. Петръ послалъ сказать союзникамъ, чтобы они уклонялись отъ сраженія, пока не соединятся съ русскими. Казалось, шведскій полководецъ, попался въ безвыходное положеніе; онъ былъ почти окруженъ; ему должно было или положить оружіе, или погибнуть со всѣмъ своимъ войскомъ, если только всѣ союзныя войска соединятся. Петръ посылалъ одного гонца за другимъ, все съ просьбою подождать. «Но господа датчане, имѣя рев-

ность не по разуму, какъ писалъ Петръ и желая побѣдить одни, вступили въ сраженіе, когда русское войско было не болѣе какъ въ трехъ миляхъ, и потерпѣли полное пораженіе.» Раздосадованный Петръ, узнавъ объ этомъ, отступилъ къ Гистроу. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ датскій король съ просьбою о помощи.

Въ началѣ 1713 года Петръ съ русскимъ войскомъ опять выступилъ, вслѣдъ за шведами. Ободренный побѣдою при Гадебушѣ, Стенбокъ пошелъ въ Гольштинію; на пути разорилъ и сжегъ городъ Альтону, вовсе не думавшій защищаться; перешелъ по льду черезъ Эйдеръ и сталъ при Фридрихштадтѣ; наступила оттепель и идти дальше нельзя было; но Стенбокъ, какъ искусный полководецъ все употребилъ, чтобы защититься отъ нападенія наступающаго русскаго войска. Онъ приказалъ открыть плюзы и затопилъ всю болотистую мѣстность, такъ что она казалась однимъ озеромъ, а двѣ дороги, ведшія къ Фридрихштадту, шли по насыпи; онъ ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ при Швабштедѣ укрѣпилъ, въ крѣпости помѣстилъ 4,000 войска и считалъ свою позицію неприступною.

Но онъ не принялъ въ расчетъ мужества Петра. Обозрѣвъ мѣстность, онъ предложилъ союзникамъ вмѣстѣ атаковать Фридрихштадтъ, но они отказались наотрѣзъ, считая предпріятіе это не только дерзкимъ, но невозможнымъ; они даже за себя опасались, когда разбитые русскіе побѣгутъ и не отступили только тогда, когда царь для ихъ подкрѣпленія оставилъ имъ четыре полка. Онъ рѣшительно и быстро пошелъ на Фридрихштадтъ съ своими неизмѣнными и неутомимыми гвардейскими полками; съ натиска овладѣли они батареями, завалили перекопы, выгнали шведовъ изъ Фридрихштадта, отняли у нихъ пушки, взяли 300 человекъ въ плѣнъ и при этомъ потеряли всего только 7 человекъ убитыми. Побѣдители остались въ Фридрихштадтѣ, а шведы отступили подъ стѣны Теннингена.

Стенбокъ попытался было пробиться назадъ въ Мекленбургъ, но это ему не удалось; тогда онъ вошелъ въ переговоры съ гольштейнскимъ курфюрстомъ и ему открыли ворота крѣпости Теннингенъ, куда онъ и укрылся со всѣми своими войсками; союзники осадили крѣпость.

Петръ передалъ начальство надъ войскомъ Меншикову, оставилъ ему подробное наставленіе какъ дѣйствовать и отправился на

задъ въ Россію; по дорогѣ онъ заѣхалъ къ курфюрсту ганноверскому, надѣясь привлечь его къ сѣверному союзу; курфюрстъ былъ ласковъ, внимателенъ, надавалъ совѣтовъ, но дѣло отъ этого ни на волосъ не подвинулось. Молодой Георгъ, будущій король Англіи, не принималъ никакихъ обязательствъ и старался только о томъ, чтобы личныя дружественныя отношенія съ царемъ не нарушились.

Отсюда Петръ поспѣшилъ въ Берлинъ. Въ это время прусскій король Фридрихъ I скончался и на престолъ вступилъ Фридрихъ Вильгельмъ I. При покойномъ королѣ Пруссія неизмѣнно слѣдовала одному правилу: держалась нейтралитета, не рѣшалась ни на одинъ твердый шагъ, и заботилась только о томъ, какъ бы побольше выгодъ извлечь изъ столкновеній союзниковъ. Петръ лично увидѣлся съ королемъ, чтобы изслѣдовать на сколько онъ преданъ русскимъ, или не склоняется-ли на противную сторону. Король былъ очень ласковъ къ царю, старался ему угождать, но ни къ чему полезному для союза царь не могъ его склонить, по двумъ причинамъ: 1) по причинѣ безденежья, и 2) по причинѣ окружавшихъ его сановниковъ, болѣе преданныхъ Швеціи, чѣмъ Россіи и которымъ королю надобно было подчиняться, пока не осмотрится въ своемъ новомъ положеніи и не привыкнетъ къ нему.

Послѣ отъѣзда Петра изъ Помераніи передъ Теннингомъ остался Меншиковъ и союзники, но ихъ какъ бы вовсе не бывало, они все не помогали Меншикову и всю тяжесть осады онъ долженъ былъ нести одинъ; осада длилась уже три мѣсяца. У осажденныхъ не было больше ни съѣстныхъ, ни боевыхъ припасовъ, и мая 3 Стенбокъ положилъ оружіе и сдался въ плѣнъ.

Послѣ уничтоженія этого послѣдняго шведскаго войска, Меншиковъ, а вслѣдъ за нимъ и союзники, двинулись въ беззащитную Померанію; взяли Рюгенъ и князь Долгорукій требовалъ, чтобы осада Стральзунда была немедленно начата, но союзники не хотѣли слушать его представленій.

Русскій посланникъ всѣми силами настаивалъ, чтобы къ датскому двору не принимали хитраго и двоедушнаго министра голштинскаго Герца, извѣстнаго своимъ противодѣйствіемъ всему сѣверному союзу и кознями въ пользу шведовъ, но это ему не удалось. Долгорукій вполнѣ понималъ талантливаго, но опаснаго Герца и всѣми силами противодѣйствовалъ ему; Герцу не удалось при-

близиться къ Петру, чего онъ такъ страстно желалъ; но эта неудача не обезкуражила его: онъ обратилъ свое вниманіе на любимца царскаго, на Меншикова. Его главною цѣлью было отторгнуть Россію отъ Даніи и по-одиначкѣ, или помирить ихъ съ Швеціей, или по крайней мѣрѣ, поссорить Данію съ Россіей и такимъ способомъ, хотъ одно изъ этихъ государствъ отторгнуть отъ союза.

Герцъ познакомился съ Меншиковымъ, очаровалъ его своими манерами и предложилъ ему, повидимому, очень заманчивый планъ: устроить удобный и судоходный каналъ черезъ шлезвигскія владѣнія, такъ, чтобы соединить Балтійское море съ Нѣмецкимъ и такимъ образомъ открыть для русскихъ кораблей свободное плаваніе изъ одного моря въ другое безъ того, чтобы заходить къ берегамъ Швеціи и проѣзжать по Категату и Зунду. Меншикову планъ этотъ очень понравился; онъ видѣлъ огромныя выгоды, какія онъ можетъ принести. Меншиковъ началъ очень часто видаться съ Герцомъ и, увлеченный его краснорѣчіемъ и доводами, уже вполне соглашался съ нимъ, что хорошо было бы для Россіи войти въ тѣсный дружественный союзъ съ Гольштейнъ-Готторпскимъ домомъ; зашла даже рѣчь о томъ, что не худо было бы женить молодаго герцога на царевнѣ Аннѣ Петровнѣ, когда они подростутъ.

Когда Герцъ узналъ, что союзники намѣрены овладѣть шведскими городами Помераніи, то онъ предложилъ отдать эти завоеванные города не которому нибудь изъ трехъ союзниковъ, но подъ *секвестръ* прусскому королю и голштинскому администратору, съ тѣмъ, чтобы пол-гарнизона въ нихъ былъ прусскій, а другая половина голштинская. Меншиковъ разсудилъ такъ: ежели Пруссія города возьметъ подъ *секвестръ*, то она невольно приметъ участіе въ войнѣ и не можетъ отказаться отъ того, чтобы не принять въ ней болѣе дѣятельныхъ мѣръ и что вѣроятно выставитъ войско. Меншиковъ принялъ предложеніе; написали условія. Въ началѣ іюня графъ Головкинъ узналъ, что голштинскій чрезвычайный посланникъ Бассевичъ что пріѣхалъ въ Берлинъ и уже началъ вести переговоры о секвестраціи Штетина въ пользу Пруссіи. Головкинъ просилъ аудіенціи у короля, протестовалъ противъ этой секвестраціи и сказалъ, что безъ соизволенія царя объ этомъ переговорахъ вести не можетъ, но каково было его удивленіе, когда король далъ ему понять, что Меншиковъ согласенъ; но король все-таки объявилъ, что у него искрен-

нее желаніе сохранить дружбу съ царемъ и потому объ этомъ надобно съ нимъ списаться.

При переговорахъ рѣчь зашла о томъ, чтобы въ случаѣ бездѣтной кончины Карла XII, наслѣдникомъ его былъ назначенъ молодой герцогъ Голштинскій. Въ предприимчивой головѣ Герца родилась мысль при этомъ не только удержать за нимъ его голштинскія владѣнія, но еще доставить ему шведскую Померанію и съ этою-то цѣлью въ секвестрованные города, вмѣстѣ съ прусскимъ гарнизономъ помѣщать и голштинскій.

Кабинеты лондонскій, ганноверскій, берлинскій и вѣнскій одобрили этотъ планъ и послѣ долгихъ переговоровъ, благодаря изобрѣтательному дипломату Герцу, положено было отдать завоеванную Померанію подъ секвестръ *нейтральной державы* Пруссіи, до окончанія войны. Но Данія не могла одобрить такого плана; онъ прямо нарушалъ ея личныя выгоды, да и упорное сопротивление шведовъ еще лишало возможности отдавать не взятые города той, или другой державѣ; да и Петръ былъ недоволенъ самовольными распоряженіями Меншикова; онъ писалъ, что нечего толковать о наслѣдствѣ шведскаго престола, когда молодой и сильный король Карлъ XII еще живъ и можетъ оставить послѣ себя законныхъ наслѣдниковъ.

Какъ бы то ни было, но переговоры велись; Петръ писалъ Меншикову предостерегательныя письма, а онъ, опутанный хитрыми доводами краснорѣчиваго Герца, одинъ отъ себя заключилъ договоръ съ Флемингомъ, что съ одними русскими войсками возьметъ Штетинъ и отдастъ его подъ секвестръ польскому королю, вмѣстѣ съ герцогомъ Голштинскимъ; въ случаѣ же, если прусскій король захочетъ взять подъ секвестръ Штетинъ вмѣстѣ съ Голштинцами, то имъ остается только заплатить польскому королю военные убытки, понесенные имъ во время осады.

Русскія войска дѣятельно осаждали Штетинъ; русскія ядра и бомбы производили гибельное дѣйствіе, городъ нѣсколько разъ загорался, стѣны рушились; въ городѣ гарнизонъ держаться болѣе не могъ; тогда комендантъ рѣшился положить оружіе и сдать городъ; капитуляцію подписали при посредствѣ Бассевича; комендантъ вышелъ изъ крѣпости 19 сентября, отдавши ее подъ секвестръ королю прусскому и герцогу голштинскому. Меншиковъ поз-

волилъ двумъ шведскимъ батальонамъ гарнизона оставаться въ крѣпости, но съ тѣмъ, чтобы они сначала присягнули въ вѣрности герцогу Голштинскому. Послѣ этого Меншиковъ поѣхалъ въ бранденбургскій городъ Шведъ, гдѣ при личномъ свиданіи съ королемъ заключилъ окончательный договоръ, не только объ уступкѣ нейтральной Пруссіи и Голштиніи подъ секвестръ, до окончанія войны, Штетина, но также и Рюгена, Стральзунда и Висмара.

Шведская армія въ Помераніи не существовала больше, крѣпости были покорены; здѣсь нечего было больше дѣлать, поэтому Меншиковъ съ русскою арміею двинулся къ границамъ Россіи, только корпусъ въ 6,000 человекъ остался въ Помераніи для наблюденія.

Прусскій король былъ въ восторгѣ; онъ получилъ то, чего такъ горячо желалъ. Онъ поручилъ Головкину благодарить царя, сказать ему, что онъ самъ и дѣти, и потомство его будутъ помнить услугу эту и готовъ доказать свою благодарность своею кровью. всѣмъ своимъ достояніемъ и ежелибъ теперь шведскій король не только предлагалъ ему всю Померанію, но и самую шведскую корону, съ тѣмъ, чтобы отвлечь его отъ союза съ русскимъ царемъ, то и тогда бы онъ отказался и не измѣнилъ бы великодушному Петру.

Радость въ Берлинѣ была безконечная, но въ Копенгагенѣ негодовали; при датскомъ дворѣ было волненіе; датскіе министры говорили, что большаго зла Даніи невозможно было сдѣлать. Предостерегали Долгорукаго отъ коварства прусскаго двора; въ Даніи сердились, что Голштинія при секвестраціи принимаетъ участіе и требовали, чтобы ее вовсе отстранили; пусть лучше Пруссія одна удержитъ секвестрованные города. Раздраженіе Даніи на Гольштинію было тѣмъ сильнѣе, что Герцъ предлагалъ и ей отдѣльный отъ Россіи миръ съ Швеціей. На секвестрацію при датскомъ дворѣ смотрѣли, какъ на обиду; говорили, что договоръ этотъ Меншиковъ и Флеммингъ заключили нарочно ко вреду Даніи, и король просилъ Петра не оставлять его, своего постояннаго и вѣрнаго союзника во всю шведскую войну, одного на гибель противъ враговъ, все еще сильныхъ.

Петръ отвѣчалъ, что онъ находитъ въ договорѣ о секвестраціи нѣкоторыя статьи не только противныя интересамъ Даніи, но и прочихъ союзниковъ, и потому еще не утверждалъ ихъ. Статьи эти со-

ставлены безъ достаточнаго обсужденія Меншиковымъ, потому только, что наши войска оставаться не могли, а прусское правительство безъ этихъ предварительныхъ статей Штетина подъ секвестръ принимать не хотѣло. Что же касается до секвестраціи Стральзунда и Висмара, то условныя статьи будутъ написаны только послѣ соглашенія съ Даніей. Головкину поручено было пересмотрѣть статьи, исключить изъ нихъ все непріятное для Даніи и только тогда представить ихъ для подтвержденія.

По окончаніи войны въ Помераніи, Петръ перенесъ свое оружіе на сѣверъ. Онъ намѣревался овладѣть Финляндіею не для того, чтобы навсегда удержать ее за собою, но для того, чтобы при окончаніи войны и при заключеніи мира, было что отдать Швеціи и чтобы можно было удержать за собою то, чего Петру хотѣлось имѣть; нападеніе на Финляндію было нужно еще для того, чтобы заставить шведовъ поскорѣе желать и просить мира. Король датскій обѣщался въ одно время съ нападеніемъ на Финляндію, напасть на Норвегію, но не сдержалъ своего слова.

Петръ съ своею обыкновенною лихорадочною дѣятельностію началъ готовиться къ походу въ Финляндію. Въ 1713 году, въ концѣ апрѣля, былъ готовъ галерный флотъ изъ 93 галеръ, 60 карбусовъ и 50 большихъ лодокъ съ 16,000 войска. Начальство было поручено генераль-адмиралу Апраксину, а самъ Петръ шелъ въ авангардѣ, подъ контръ-адмиральскимъ флагомъ; арьергардомъ командовалъ князь Голицынъ. Въ началѣ мая русскій флотъ явился передъ Гельсингфорсомъ; сильныя батареи защищали городъ; надъ гарнизономъ начальствовали генераль Армфельдъ. Русскій флотъ два раза пытался пробиться мимо батарей, но всякій разъ былъ принужденъ отступить; но такъ какъ суда были мелкія, то на нихъ легко было подойти къ берегу въ любомъ мѣстѣ, что русскіе и сдѣлали; войска высадились и намѣрены были взять городъ приступомъ: но Армфельдъ не допустилъ до приступа; зажегъ городъ со всѣхъ концовъ и съ войскомъ отступилъ въ Борго.

Русскіе не останавливались въ Гельсингфорсѣ, но пошли за Армфельдомъ къ Борго, шведы въ этомъ городѣ соединились съ отдѣльнымъ корпусомъ Либекера; но сильнаго столкновенія не произошло: шведы безъ большаго сопротивленія очистили Борго и

Либекеръ со всѣмъ своимъ корпусомъ ушелъ во внутреннія области Финляндіи. Гнаться за нимъ по недостатку кавалеріи нельзя было; кавалерія должна была выйти изъ Петербурга только весною, когда вездѣ отростетъ довольно травы для корма лошадей. Пока кавалерія пришла на помощь флоту, Петръ осматривалъ окрестности Борго, выбралъ удобное мѣсто, приказалъ устроить магазины, укрѣпить ихъ и для удобнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, сложить въ магазины провіантъ.

Послѣ этого Петръ оставилъ Апраксина съ войскомъ въ Борго, самъ отправился къ Выборгу, чтобы поторопить кавалерію, и проѣхалъ къ Петербургу, чтобы поторопить вооруженіе флота и доставить помощь въ Финляндію. Вскорѣ вице-адмиралъ Крюйсъ приготовилъ флотъ къ выступленію и вышелъ въ море, чтобы прикрывать галерный флотъ отъ шведскихъ кораблей, явившихся въ Финскомъ заливѣ.

Царь между тѣмъ постоянно ѣздилъ изъ Кроншлота въ Петербургъ и обратно, присутствовалъ при приѣмѣ и нагрузкѣ провіанта и въ концѣ іюля съ новымъ большимъ транспортомъ хлѣба и прочихъ съѣстныхъ и военныхъ запасовъ отправился къ Апраксину. Пользуясь временемъ, Апраксинъ изъ Борго перешелъ въ Гельсингфорсъ, вытѣснилъ изъ гавани нѣсколько военныхъ шведскихъ кораблей и укрѣпилъ гавань. Петръ съ транспортомъ пришелъ 6 августа. Здѣсь все войско, находившееся въ Финляндіи, просило его неотступно принять титулъ полнаго сухопутнаго генерала; царь согласился и, осмотрѣвъ предварительныя гельсингфорскія укрѣпленія, приказалъ ихъ усилить и съ войскомъ пошелъ по направленію къ Або.

Либекеръ, начальникъ шведскаго войска въ Финляндіи, не осмѣливался вступать въ битву съ русскими; онъ передъ ними отступалъ, а мелкіе его отряды, при встрѣчѣ съ русскою конницею, или погибали, или попадались въ плѣнъ. Жители бѣжали въ горы и по всему южному берегу русскія войска встрѣчали опустѣлыя деревни и покинутыя жителями города. Або, главный городъ Финляндіи, достался безъ выстрѣла, въ немъ не было ни войска, ни жителей; пустыя дома стояли съ отворенными дверями. Русскіе забирали, что имъ попадалось, по праву побѣдителей; на долю самого царя досталось дорогое приобрѣтеніе: онъ осмотрѣлъ универ-

ситетскую библиотеку и приказалъ ее отправить въ Петербургъ, бережно уложивъ книги и инструменты въ ящики.

Изъ Або Петръ на шлюбкѣ отправился осматривать шведскій флотъ, стоявшій на якорѣ близъ Твереминде. Онъ писалъ объ этомъ Апраксину; говорилъ, что осмотрѣлъ берега, острова и шкеры, подходилъ къ флоту и нашель, что стоитъ онъ съ большими предосторожностями и напасть на него при осеннихъ темныхъ ночахъ опасно. Послѣ своего возвращенія въ Гельсингфорсъ, Петръ отправился въ Петербургъ, поручивъ Апраксину и Голицыну продолжать дѣйствія противъ шведовъ. Генераль Армфельдъ заступилъ мѣсто Либекера и всѣ свои силы стянулъ къ Тавастгусу.

Апраксинъ поручилъ флотъ своему контръ-адмиралу, а самъ съ Голицынымъ сухимъ путемъ, двинулся къ Тавастгусу. Войска сошлись; движенія Армфельда были стѣснены озерами; русскіе на плотяхъ, наскоро сколоченныхъ, переправились черезъ рѣчку Пелкене и напали на шведовъ; послѣ трехъ часовъ упорной битвы шведы были окончательно разбиты. Блистательная эта побѣда покончила походъ этого года и вслѣдствіе ея почти вся Финляндія до Каяніи находилась въ рукахъ русскихъ.

Оставалось поразить шведовъ на морѣ такъ, какъ они были поражены на сухомъ пути. Петръ отправился въ Петербургъ и укрѣпилъ гавани: Ревель, Пернау, Ригу, чтобы въ случаѣ нападенія съ моря удачно отстаивать ихъ, вездѣ усилилъ гарнизоны; самъ разъѣзжалъ по этимъ городамъ. Въ новгородскихъ лѣсахъ стучали топоры, падали вѣковыя деревья, и въ теченіе всей зимы дѣятельно работали на верфяхъ въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ. Въ то же время, по приказанію царя, посланники покупали готовые корабли въ Голландіи, Англіи и Франціи, нанимали матросовъ и шкиперовъ и принимали на службу морскихъ офицеровъ.

Въ Финляндіи Голицынъ отыскивалъ хорошихъ лоцмановъ и за дорогую цѣну нанималъ ихъ. Лучшихъ архангельскихъ рыбаковъ бралъ на флотъ въ матросы. Петръ и тутъ опять выказалъ необыкновенную находчивость и дѣятельность.

Начался 1714 годъ; на твердой землѣ въ Помераніи все еще продолжались переговоры; со стороны Даніи никакихъ военныхъ дѣйствій не было; между датскимъ и саксонскимъ королями все еще продолжалось сильнѣйшее неудовольствіе: оба упрекали другъ друга

въ поступкахъ, вовсе противныхъ выгодамъ сѣвернаго союза. Въ отношеніи русскихъ дружба ихъ была только на словахъ: на дѣлѣ ея не было, потому что зависть къ усиливающемуся могуществу Петра заставляла ихъ опасаться, какъ бы онъ не вздумалъ утвердиться на нѣмецкой землѣ и для своихъ честолюбивыхъ, или другихъ цѣлей воспользоваться завоеваніями въ Помераніи. Вотъ почему союзники вмѣсто того, чтобы дружно содѣйствовать низложенію Карла и Швеціи, только мѣшали Петру и по возможности оттягивали войну.

При всеобщемъ бездѣйствіи союзниковъ въ 1714 году Петръ не могъ подражать имъ и одинъ неся войну. Князь Голицынъ по прежнему оставался съ войскомъ въ Финляндіи; и, пользуясь первою возможностью, послѣ прекращенія зимнихъ морозовъ выступилъ съ войскомъ изъ своихъ зимнихъ квартиръ въ Гельсингфорсъ, пошелъ къ Вазѣ, гдѣ стоялъ Армфельдъ съ 10,000 войскомъ. Произошла битва 19 февраля; шведы потерпѣли жестокое пораженіе.

Между тѣмъ Петръ съ своимъ галернымъ и паруснымъ флотомъ вышелъ изъ Петербурга и Кроншлота. Галернымъ флотомъ начальствовалъ Апраксинъ, а на корабельномъ командовалъ самъ Петръ. Гребной флотъ пошелъ къ Ревелю, а самъ царь съ корабельною эскадрою направился къ Або. До отправленія въ море, Петръ Михайловъ вошелъ съ прошеніемъ въ морскую коллегію и просилъ о повышеніи его въ чинъ вице-адмирала, но коллегія знала, что царь несправедливости не любитъ, и потому отвѣчала: «Коллегія не можетъ безъ причины обходить достойнѣйшаго чиномъ; передъ Петромъ Михайловымъ право на это званіе имѣетъ другой, его товарищъ по службѣ; если же контръ-адмиралъ Петръ Михайловъ чѣмъ нибудь особеннымъ отличится, то ему и будетъ данъ чинъ вице-адмирала.» Петръ остался очень доволенъ такимъ рѣшеніемъ.

Русскій галерный флотъ, достигнувъ Твереминдскаго залива, между Гельсингфорсомъ и Або, не могъ идти дальше; путь ему загородилъ весь непріятельскій флотъ: 16 линейныхъ кораблей, 5 фрегатовъ и 7 судовъ меньшаго размѣра; онъ расположился передъ мысомъ Гангоудамъ. Апраксинъ былъ въ затруднительномъ положеніи, онъ не зналъ, что дѣлать и потребовалъ помощи русской эскадры, или, чтобы Петръ присовѣтовалъ, что ему дѣлать. Петръ видѣлъ силу непріятельскаго флота, недостаточность и слабость своего и не отваживался напасть на сильнѣйшаго непріятеля;

подлѣ береговъ, ему незнакомыхъ, маневрировать на корабляхъ было опасно.

Петръ на совѣщаніе поѣхалъ къ адмиралу Апраксину; всѣ случайности были взвѣшены и согласились, какъ дѣйствовать. Петръ съ паруснымъ флотомъ сталъ такъ, что непріятель, обманутый движеніемъ, раздѣлилъ свои силы на три части. Этого ожидалъ и надѣялся царь; пользуясь удобнымъ мгновеніемъ, галеры начали пробиваться черезъ непріятельскій флотъ. Къ счастью наступилъ совершенный штиль, флюгера и паруса, какъ тряпки повисли на мачтахъ. Лучшаго случая гребному флоту нечего было желать; передъ разсвѣтомъ 27 іюля самъ Петръ пріѣхалъ къ галерамъ, весла ударили по волнамъ и вся гребная флотилія, не смотря на выстрѣлы изъ пушекъ и ружей, безъ всякаго поврежденія, прошла мимо линейныхъ кораблей и фрегатовъ непріятеля и въ виду раздосадованнаго и изумленнаго шведскаго главнокомандующаго, повернула къ мысу Гангоуду и напала на отдѣлившуюся отъ главнаго флота эскадру.

Петръ былъ во главѣ своихъ отважныхъ солдатъ; они съ своими галерами ускользали отъ шведовъ и опять нападали на нихъ оттуда, откуда ихъ не ожидали. Два часа кипѣла отчаянная битва; русскіе нападали съ возрастающею отважностію; шведы отчаянно защищались; каждое изъ отрѣзанныхъ судовъ приходилось брать приступомъ, ни одно не сдавалось добровольно; фрегатъ покорился послѣдній, командиръ его Эреншилль послѣдній оставилъ его, и бросился въ шлюбку, чтобы искать спасенія въ бѣгствѣ; но русскіе зорко слѣдили за каждою непріятельскою лодкою и не смотря на густой дымъ, стлавшійся по морю, схватили убѣгающаго и привели его къ побѣдителю. Петръ ласково встрѣтилъ побѣжденнаго, хвалилъ его за храбрость, сказалъ, что уважаетъ его за отчаянное сопротивление, совѣтовалъ быть спокойнымъ на счетъ своей участи и заняться излѣченіемъ своихъ многочисленныхъ ранъ и тутъ же приказалъ перевязать ихъ и дать ему удобное помѣщеніе въ каютѣ.

Побѣда при Гангоудѣ обрадовала Петра; посредствомъ нея онъ освободилъ галерный флотъ, запертый шведскимъ флотомъ, и добылъ одинъ фрегатъ, десять галеръ и 116 пушекъ. Побѣда эта открыла путь къ Ааландскимъ островамъ; овладѣвъ ими, Петръ навелъ ужасъ

Петръ Великій спасаетъ погибающихъ.

на Швецію. потому что Стокгольмъ находится только въ 15 миляхъ отъ острововъ. Шведскій адмиралъ Вагрангъ съ своимъ флотомъ отступилъ изъ Финскаго залива къ Стокгольму, чтобы защитить столицу отъ печальнаго нападенія.

Около этого же времени Шуваловъ взялъ Нейшлотъ, послѣднюю шведскую крѣпость въ Карелии и такимъ образомъ вся Финляндія находилась въ рукахъ русскихъ. Но на сухомъ пути тамъ и сямъ оставались незначительные отряды шведскаго войска; Апраксинъ съ своими галерами пошелъ вдоль береговъ Финляндіи до Нью-Карлеби, а князь Голицынъ съ кавалеріей двигался по сухому пути, очищая Финляндію отъ остатковъ шведскаго войска, и загнали ихъ такимъ образомъ за Улеборгъ до Торнео. Эскадра русская, по приказанію Апраксина, сдѣлала набѣгъ на шведскій городъ Умео и произвела тамъ всеобщій ужасъ; запасшись, на всякій случай, нѣсколькими лодчанами, эскадра присоединилась къ главной галерной флотилии и пустилась въ обратный путь, но настала ужасная буря, которая чуть было не погубила всего флота; отъ бури потонуло 16 галеръ и 200 человекъ погибло въ волнахъ.

Петръ, послѣ побѣды при Гангоудѣ, съ галернымъ флотомъ дошелъ до Ааландскихъ острововъ, пересѣлъ на корабль и повелъ свою эскадру къ Петербургу, чтобы побѣдой обрадовать столицу. Но и его застигла буря; положеніе кораблей было въ высшей степени опасное; ежеминутно надобно было ожидать гибели; паруса и снасти были порваны; гибель казалась неизбежною, море готовилось поглотить одинаково и побѣдителей и побѣжденныхъ: ночь была черна; чтобы спастись, готовы были рубить мачты. Знали, что находятся на высотѣ Березовыхъ острововъ, но по причинѣ темноты опасно было приблизиться къ нимъ и бросить якорь. Одинъ Петръ нашелся, что дѣлать: приказавъ капитанамъ мачтъ пока не рубить, стараться держаться подъ вѣтромъ, а самъ бросился въ шлюбку и съ опасностью жизни направился къ берегу; борьба съ теченіемъ, волнами и вѣтромъ была долгая и отчаянная, но удалось достигнуть берега. Шлюбку вытащили, Петръ съ матросами взобрался на прибрежное возвышеніе; набрали хворосту и разложили костеръ. Яркое пламя вспыхнуло и послужило спасительнымъ маякомъ для кораблей, находившихся въ смертельной опасности. Они приблизились къ берегу и въ безопасномъ мѣстѣ, за вѣтромъ, стали на якорь. Здѣсь флотъ

простоялъ до 4 сентября, но за противнымъ вѣтромъ потерялъ еще нѣсколько дней въ виду Кроншлота. Петръ вышелъ на берегъ въ Бватерингофъ, гдѣ ждала его государыня Екатерина Алексѣевна. По приказанію царя приготовлено было торжественное побѣдное шествіе въ столицу. Пять галеръ великолѣпно разукрасили золотомъ, коврами и флагами, устави́ли на нихъ отнятыя шведскіе трофеи и со всею плѣнною шведскою эскадрою, при пушечныхъ выстрѣлахъ, въ сопровожденіи остальнаго флота, побѣдители вошли въ Неву; ихъ привѣтствовало войско, народъ и пушечные выстрѣлы съ крѣпости.

Шведскія знамена отнесли въ Петропавловскій соборъ, контръ-адмираль Петръ Михайловъ съ горячею благодарностью выслушалъ благодарственный молебенъ, пошелъ въ Сенатъ и приказалъ доложить о себѣ князю-кесарю. Петръ вошелъ въ полное собраніе Сената, поклонился и подалъ написанный имъ рапортъ о гангоудской морской побѣдѣ. Кесарь хвалилъ Петра Михайлова за усердную службу отечеству и сказалъ: «Здравствуй, вице-адмираль!» Петръ поблагодарилъ за повышеніе въ морскомъ званіи и, пригласивъ сенаторовъ на обѣдъ, вмѣстѣ съ ними отправился въ домъ князя Меншикова, гдѣ приготовленъ былъ пиръ; царь не забылъ пригласить плѣннаго Эренштейна, и во время веселаго пиршества выставлялъ его подвиги и храбрость.

Осень наступила; но Петръ не терялъ времени; корабли на верфяхъ поспѣвали, онъ находилъ время то тутъ, то тамъ приложить собственную руку, додѣлать, или исправить, въ чемъ замѣчалъ недоконченность, или ошибку. Въ теченіе 1714 года русскій балтійскій флотъ увеличился нѣсколькими большими и меньшими кораблями; при спускѣ каждаго корабля Петръ радовался, какъ при рожденіи дитяти.

Ноября 24 Петръ обрадовалъ свою супругу Екатерину самымъ неожиданнымъ образомъ; онъ учредилъ орденъ Св. Екатерины, въ память освобожденія при Прутѣ. Въ этомъ случаѣ Екатерина бывшая вмѣстѣ съ Петромъ, показала необыкновенную находчивость: когда всѣ отчаявались и готовились къ послѣдней отчаянной попыткѣ пробиться черезъ многочисленное турецкое войско, Катеринѣ пришло на мысль предложить врагамъ миръ и подкрѣпить это предложеніе подарками. Мысль ея была принята, подарки изготовлены,

сама царица отдала для этого всѣ свои лучшія драгоценности и мы видѣли, какой благополучный исходъ имѣло ея предложеніе. Петръ помнилъ услугу Екатерины, оказанную ему въ такую отчаянную минуту, и въ благодарность учредилъ орденъ Св. Екатерины, названный также *орденомъ освобожденія* и въ день ангела своей супруги подарилъ ей орденскіе знаки, къ тому времени приготовленные, и самъ возложилъ ихъ на нее.

Наступила зима, Петръ по обыкновенію занялся дѣлами по внутреннему управленію и не упускалъ изъ виду того, что дѣлалось въ западной Европѣ, особенно же между членами сѣвернаго союза; тѣмъ болѣе, что шли переговоры съ Англіею, Франціею и Вѣнскимъ дворомъ. Да еще носились слухи о скоромъ возвращеніи Карла XII.

Въ ноябрѣ 1714 года слухи эти оправдались; Карлъ XII неожиданно явился въ Стральзундъ; онъ покинулъ Турцію, гдѣ султанъ столько лѣтъ водилъ его пустыми обѣщаніями и обнадеживаніями, гдѣ наконецъ прутскій миръ окончательно былъ принятъ и пребываніе Карла, послѣ происшествія подъ Бендерами, сдѣлалось совершенно невозможнымъ. Не требуя и не ожидая почетнаго, или охраннаго конвоя, Карлъ тайно оставилъ Турцію, подъ чужимъ именемъ, въ сопровожденіи одного только преданнаго человѣка, переодѣтый промчался черезъ Турцію, Венгрію, Австрію и Германію, ночью, ноября 11, прибылъ въ Стральзундъ, послѣднее укрѣпленіе, остававшееся за Швеціею въ Помераніи.

Лишь только вѣсть о прибытіи Карла разнеслась по окрестнымъ владѣніямъ, голштинскій правитель, Христіанъ Августъ, первый поспѣшилъ въ Стральзундъ поклониться своему родственнику и союзнику и представилъ ему своего уже прославившагося министра Герца. На Герца при всѣхъ дворахъ сѣвернаго союза смотрѣли непріязненно за его желаніе расторгнуть этотъ союзъ; ожидать отъ Даніи, Пруссіи и Россіи ему нечего было, а между тѣмъ, какъ человѣкъ честолюбивый, онъ жаждалъ дѣятельности и обширной власти; неожиданное появленіе Карла указало ему путь поднять свое значеніе.

Карлъ вытерпѣлъ много въ Турціи и въ Россіи, но его духъ не палъ, онъ хотѣлъ возвратитъ утраченное могущество и каждый человѣкъ, готовый помогать ему, а еще болѣе готовый указать ему

средства возратить славу и прежнее величіе, былъ для него желаннымъ явленіемъ. Герць понималъ характеръ Карла и съ перваго свиданія съ нимъ, съ перваго продолжительнаго разговора умѣлъ овладѣть умомъ короля, указалъ ему возможность повернуть всѣ политическія отношенія европейскихъ державъ въ свою пользу и этимъ такъ очаровалъ его, что разстался съ нимъ уже первымъ министромъ и любимцемъ его. Герць тотчасъ приступилъ къ исполненію своихъ обѣщаній; онъ интригами своими приносилъ Карлу больше пользы, чѣмъ можно было ожидать отъ арміи шведской, истребленной продолжительною войною и многими пораженіями.

Переговоры о томъ, чтобы курфюрстъ ганноверскій, или Георгъ, король англійскій, приступили къ сѣверному союзу, все еще продолжались и въ 1715 году. Долгорукій употреблялъ всю силу своего краснорѣчія на то, чтобы склонить датскихъ министровъ согласиться съ англійскими и прусскими министрами; представлялъ имъ всю пользу отъ союза съ этими державами и всѣ опасности, въ случаѣ разрыва съ ними; чтобы склонить датчанъ, Долгорукій обѣщалъ имъ деньги. Но министры отвѣчали, что они понимаютъ пользу отъ союза съ Англіей и Пруссіей, но союзъ этотъ должны купить пожертвованіями, вознагражденіе за которыя можно ожидать только отъ будущихъ выгодъ, приобрѣтенныхъ когда-нибудь черезъ долгое время послѣ этого союза.

Появленіе Карла всѣхъ обезпокоило; вмѣсто того, чтобы воспользоваться несогласіемъ союзниковъ и при небольшой уступчивости съ своей стороны окончательно разстроить его, Карлъ не хотѣлъ слушать благоразумныхъ совѣтовъ Герца и хотѣлъ идти на-проломъ; онъ не годовалъ за секвестрацію городовъ Помераніи и помышлялъ только о томъ, чтобы наказать завоевателей. Онъ не захотѣлъ, не смотря на посредничество Франціи, входить въ мирныя сношенія съ сѣвернымъ союзомъ. Пруссія ожидала, что Карлъ подтвердитъ секвестрованные ею до окончанія войны города и при ея посредничествѣ вступить въ переговоры о мирѣ. Но Карлъ на нейтралитетъ Пруссіи смотрѣлъ подозрительно и считалъ ее скорѣе враждебной, нежели нейтральной.

Долгорукій въ Берлинѣ хлопоталъ о томъ, чтобы Пруссія открыто вошла въ сѣверный союзъ. Но нерѣшительность прусскаго правительства продолжалась, ему хотѣлось присоединить Штетинъ

окончательно къ Пруссіи, но оно все еще опасалось предпріимчивости и смѣлости Карла и боялось начать войну съ такимъ отважнымъ государемъ, на сторонѣ котораго находилась Франція. Прусскому королю сверхъ того также не хотѣлось гарантировать Даніи Шлезвигу, чего требовали Данія и Ганноверъ; дѣйствовать противъ шведовъ Пруссія не могла безъ помощи русскаго войска, а продовольствія ему давать ей не хотѣлось; всѣ эти причины заставляли прусскаго короля и его министровъ колебаться, приступать-ли имъ открыто къ сѣверному союзу. Но Головкинъ наконецъ написалъ рѣшительное письмо къ прусскому королю, въ которомъ ясно представилъ всѣ выгоды и невыгоды союза, какъ необходимо сильнымъ и дружнымъ дѣйствіемъ противъ Швеціи поколебать Карла и принудить его къ миру, выставляя при этомъ, что изъ Вѣны получено извѣстіе о томъ, какъ императоръ недоволенъ поступками короля шведскаго, не показывающаго ни малѣйшей склонности къ миру.

Письмо это своею правдивостію такъ подѣйствовало на прусскаго короля, что, онъ объявилъ свое непремѣнное намѣреніе, не взирая ни на что присоединиться къ сѣверному союзу и вести свое войско къ Стральзунду, чтобы осадить его.

Въ половинѣ мая союзный договоръ между королями прусскимъ, англійскимъ, датскимъ, саксонскимъ и царемъ русскимъ былъ подписанъ; положено было, чтобы отряды союзныхъ войскъ—англійскій, датскій и прусскій осадили Висмаръ, а сами короли, датскій и прусскій должны осадить Стральзундъ.

Немедленно послѣ своего возвращенія, Карлъ сдѣлалъ большой наборъ и усилилъ свое войско, какъ въ Швеціи, такъ и гарнизонъ Стральзунда и лично защищалъ его. Союзники опасались Карла и находили, что войска у нихъ недостаточно для осады и чтобы усилить ихъ, готовы были на помощь призвать русскихъ; но ни тотъ, ни другой король не хотѣли содержать войска на свой счетъ и не хотѣли опять вводить его въ Померанію; переговоры въ Даніи съ Долгорукимъ, а въ Пруссіи съ Головкинымъ шли. Но сознавая свое безсиліе, сперва датскій король подписалъ договоръ, по которому требовалъ подъ Стральзундъ 15 баталіоновъ русскою пѣхоты и 1000 человекъ кавалеріи, обѣщаясь дать имъ продовольствіе и зимнія квартиры. Лишь только прусскій король узналъ объ этомъ договорѣ, тотчасъ подписалъ такой же, требуя тоже 15 баталіоновъ пѣхоты и

1000 чел. конницы и тоже обѣщался содержать ихъ. Повелѣніе Шереметеву привести столько войска было послано и Петръ между прочимъ писалъ ему: «если велеть идти—иди, если не велеть—оставайся, или иди назадъ.»

Но въ это время удалось взять островъ Узедомъ и по этому случаю у союзниковъ было торжество. Стральзундъ защищался храбро и союзникамъ передъ нимъ пришлось бы долго простоять, но нашелся измѣнникъ, который показаль способъ овладѣть имъ. Союзники воспользовались однимъ; особенно сильнымъ отливомъ и по сухому дну морскому добрались до одной стороны внѣшняго укрѣпленія, недостаточно защищеннаго, овладѣли имъ, повернули найденныя на стѣнахъ 80 пушекъ на городъ и начали обстрѣливать его. Карлъ убѣдился, что долѣе держаться не возможно; ночью сѣлъ въ рыбацью лодку и при сильномъ волненіи, среди плавающихъ льдинъ и непріятельскихъ судовъ, переплылъ Балтійское море, и около половины декабря 1715 года ступилъ на родной берегъ Швеціи, послѣ шестнадцатилѣтняго отсутствія.

Шереметевъ нѣсколько разъ намѣревался, слѣдуя полученному приказанію, идти къ Стральзунду, выступить, но всякій разъ получаль отказъ, наконецъ послѣ взятія Стральзунда онъ окончательно остался въ Польшѣ и расположилъ на зимнія квартиры отъ Вислы до границъ Бранденбургскихъ.

Между тѣмъ Куракинъ, русскій посланникъ, при англійскомъ дворѣ, дѣятельно толковаль о мирѣ съ Швеціей, при посредничествѣ Англии; но условія Петра были тяжелы: объ отдачѣ Лифляндіи и Риги Польшѣ говорилось неопредѣленно, древнія же русскія владѣнія, отобранныя Швеціей въ смутное время безотговорочно предполагалось возвратить Россіи; если англійскіе министры на счетъ Лифляндіи стануть показывать слишкомъ большую недовѣрчивость, то Куракину предоставлено было право объяснить имъ, что Россія должна ее удержать за собою, какъ вознагражденіе за потерянные въ турецкой войнѣ города и области, вслѣдствіе того, что Польша не исполнила своего обѣщанія, не поддержала царя въ войнѣ, а напротивъ своими волненіями, смутами и двоедушными сношеніями поставила русскую армію въ самое невыгодное положеніе. Къ скорѣйшему достиженію мира съ Швеціей черезъ Англию, Куракину поручено было употреблять всѣ средства убѣжденія и даже предоставлялось обѣ-

щать въ подарокъ до 200,000 ефимковъ. Но никакія убѣжденія не помогли: не было средствъ убѣдить Карла XII къ миру, или принудить его къ нему.

Петръ въ 1716 году задумалъ скорѣе окончить войну, посредствомъ высадки на шведскій берегъ, и такимъ образомъ перенести войну въ самую Швецію. Планъ былъ отличный, но союзники, какъ обыкновенно, изъ личныхъ выгодъ и меркантильныхъ опасеній, мѣшали ему; начались нескончаемые переговоры; датчане боялись за Норвегію и не сводили глазъ съ осажденнаго Висмара, который долженъ былъ сдаться не столько по причинѣ силы осаждающихъ, или вреда ими наносимаго, сколько отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ. Положено было, при личномъ свиданіи короля съ царемъ, условиться о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Послѣ взятія Висмара начали толковать о томъ, гдѣ имъ увидѣться.

Въ концѣ января 1716 года, Петръ вмѣстѣ съ царицею и съ царевною Екатериной Іоанновной выѣхали изъ Петербурга съ тѣмъ, чтобы въ Данцигѣ совершенно было бракосочетаніе царевны съ герцогомъ мекленбургскимъ, Леопольдомъ.

Мекленбургъ, страна пограничная съ театромъ военныхъ дѣйствій, страдала отъ сосѣдства съ враждующими войсками; она должна была или служить мѣстомъ для прохода войска, или волей, или неволей доставлять съѣстные припасы и фуражъ. Дворянство роптало, народъ страдалъ; недостатки и даже бѣдность быстро возрастали. Леопольдъ, герцогъ мекленбургскій, былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи; вслѣдствіе жалобъ дворянства положеніе его, въ отношеніи къ императору и имперіи, было сомнительное, союзники распорядились его землею, какъ своею собственною. Надобно было искать точки опоры внѣ имперскихъ отношеній. Самый сильный изъ союзниковъ могъ быть и самою надежною опорою; естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ взоръ Леопольда обратился на Петра. Послѣ развода съ своею первою женою, Леопольдъ могъ располагать собою; для достиженія вѣрнѣйшаго и прочнѣйшаго союзника, герцогъ сталъ домогаться руки царской племянницы, царевны Екатерины Іоанновны. Но бракъ этотъ равно, какъ и союзъ съ царемъ не могъ нравиться мекленбургскому дворянству; герцогъ, при покровительствѣ могущественнаго дяди, могъ быть опаснымъ для недовольнаго имъ дворянства и потому министры

ничего не упустили, чтобы помѣшать браку и напугать сосѣднія государства, представляя властолюбіе царя, которому надобно имѣть родственника между германскими владѣтелями и точку опоры для того, чтобы привести свои замыслы въ исполненіе. Сильнѣе всѣхъ противъ этого союза былъ Бернсторфъ, мекленбургскій дворянинъ, служившій министромъ, сначала при курфюрстѣ Георгѣ, въ Ганноверѣ, а потомъ при англійскомъ королѣ Георгѣ въ Лондонѣ. Два министра датскаго короля были тоже уроженцы мекленбургскіе и также противодѣйствовали Петру, и опутывали его сѣтми своихъ интригъ; Петръ порвалъ эти сѣти, но не вдругъ и поэтому вынесъ много неудовольствій, много бессонныхъ ночей, вслѣдствіе которыхъ здоровье его страдало.

Первые шаги для заключенія брака были сдѣланы еще въ 1714 году, но предложеніе возобновлено въ 1716 и въ Петербургѣ былъ составленъ брачный договоръ, по которому Екатеринѣ Іоанновнѣ предоставлялась свобода вѣроисповѣданія, право завести свою часовню для отправленія церковныхъ обрядовъ; герцогъ обязывался выдавать ей ежегодно по 6000 ефимковъ на булавки, содержать ея личный штатъ, а въ случаѣ вдовства, герцогиня должна была получать по 25,000 ефимковъ на свое содержаніе и на содержаніе своего двора. Царь съ своей стороны обѣщался дать племянницѣ достаточное количество брилліантовъ, платья, бѣлья и экипажей. Далѣе обязывался всѣми силами содѣйствовать покоренію Висмара и Варнемюнде и послать для этого достаточное войско; если же по какому бы то ни было непредвидѣнному обстоятельству Петру не удалось бы получить Висмара, то царь, въ видѣ приданого обязуется герцогу выплатить 200,000 рублей.

Петръ, въ сопровожденіи царицы, царевны и двора прибылъ въ Данцигъ, гдѣ находилась главная квартира Шереметева; но пріѣздъ царя и свадебныя приготовленія были не на радость жителямъ Данцига. Онъ пріѣхалъ въ Данцигъ 18 февраля въ воскресенье, въ то время, когда обыкновенно, на время обѣдни, запирали городскія ворота. Улицы были пусты, всѣ жители сидѣли дома или были въ церкви. Петръ отправился прямо въ церковь, безъ малѣйшаго шума вошелъ въ нее, сѣлъ рядомъ съ бургомистромъ на скамью и сталъ слушать проповѣдь. Въ церкви было холодно и такъ какъ Петръ парика не носилъ, то его обнаженной головѣ

стало холодно; дрожь пробѣжала по его тѣлу. Никому не говоря ни слова, Петръ преспокойно двумя пальцами взялъ напудренный, большой парикъ бургомистра и надѣлъ его себѣ на голову къ общему удивленію всѣхъ присутствующихъ: но Петръ не обратилъ вниманія на изумленіе и досаду своего сосѣда и спокойно продолжалъ слушать проповѣдь. Когда обѣдня кончилась, Петръ снялъ опять парикъ и самъ положилъ его на голову своего сосѣда и кивнувъ ему въ знакъ благодарности головою. Оставшіеся приближенные царя объяснили бургомистру, что Петръ не привыкъ церемониться; когда ему и прежде бывало холодно, то иногда бралъ парикъ у Меншикова и у другихъ.

Въ Данцигѣ Петръ узналъ, что не смотря на частыя напоминанія, жители Данцига продолжаютъ вести торговлю съ Швеціей и даже въ эту минуту въ данцигской гавани стоятъ четыре шведскіе корабли; ихъ конфисковали, а на жителей наложенъ былъ значительный денежный штрафъ. Кромѣ того, городъ на свой счетъ обязанъ былъ построить четыре капера, для преслѣдованія непріятельскихъ судовъ, и наконецъ установлена стража, подъ начальствомъ русскаго комиссара, для осмотра всѣхъ кораблей, появляющихся близъ Данцига, или въ устьѣ Вислы.

Герцогъ Леопольдъ былъ ревностный почитатель Карла XII, но не смотря на это, надѣялся, подобно остальнымъ сосѣдямъ, поживиться на счетъ побѣжденнаго короля; вотъ почему въ брачномъ договорѣ была рѣчь о Висмарѣ. Вѣсть о томъ, что царь отдаетъ свою племянницу за герцога Леопольда, возбудила неудовольствіе союзниковъ и англійскаго двора. Посланники предупреждали Петра, что разводъ съ первой женой герцога мекленбургскаго недѣйствителенъ и потому второй бракъ можетъ считаться незаконнымъ; предупреждали насчетъ характера и честныхъ видовъ герцога, но всѣ эти предостереженія пришли уже слишкомъ поздно, когда уже день бракосочетанія былъ назначенъ и съ женихомъ былъ заключенъ договоръ, съ обѣихъ сторонъ скрѣпленный.

Бракосочетаніе было совершено въ присутствіи царя, царицы и придворныхъ съ обѣихъ сторонъ и множества иностранныхъ представителей; пиры, фейерверки и балы продолжались нѣсколько дней.

Свадебные пиры, однакожъ, не отвлекали вниманія Петра отъ

существеннаго. Онъ досадовалъ на невниманіе союзниковъ къ его любимому плану—высадкѣ на берегъ Швеціи—и вмѣсто того, чтобы воспользоваться временемъ и всѣми союзными силами ударить на Швецію, думаютъ только о Висмарѣ. Чтобы выполнить обѣщаніе, данное Леопольду Мекленбургскому, а частію для того, чтобы въ государствѣ родственника имѣть безопасную гавань, Петръ приказалъ Рѣпнину идти къ Висмару и помочь союзникамъ поскорѣе овладѣть городомъ.

Рѣпнинъ спѣшилъ съ войскомъ, чтобы исполнить волю царя. Но союзники успѣли предупредить русскаго генерала: съ гарнизономъ Висмара вошли въ сношенія и городъ сдался; Рѣпнинъ пришелъ въ то самое время, когда союзныя войска уже вступали въ городъ, но его не пустили, подъ предлогомъ, что на это не получено формальнаго приказанія. Рѣпнинъ требовалъ, чтобы союзные генералы послали справиться къ своему правительству: «Ежели вы не пошлете, говорилъ онъ, то я самъ пошлю; ежели же вы моихъ людей не пустите въ городъ, то будете отвѣчать». Не смотря однакожь на это довольно рѣзкое требованіе, Рѣпнина не пустили въ Висмаръ; отъ ссоры, чуть не дошло до кровопролитія, но русскія войска должны были отступить.

ГЛАВА XXV.

Переговоры съ Даніей о высадкѣ въ Шонію. Неудача. Поѣздка Петра въ Амстердамъ. Неудовольствія съ Англіей. Путешествіе въ Парижъ. Приступъ къ началу мирныхъ переговоровъ съ Швеціей. Условія съ Пруссіей на счетъ начала мирныхъ переговоровъ съ Швеціей.

Извѣстіе о непріятностяхъ при Висмарѣ досадовало Петра, но онъ подавилъ это чувство, потому что считалъ для себя несравненно важнѣе заботиться о высадкѣ въ Швецію, нежели хлопотать о какой нибудь второстепенной непріятности. При личномъ свиданіи съ прусскимъ королемъ въ Штетинѣ и съ датскимъ въ Алтонѣ, окончательно условились на счетъ высадки въ Швецію. Съ одной стороны русскія войска должны были направиться черезъ Зундъ и высадиться на восточный берегъ, въ то-же время и на западный берегъ сдѣлать высадку, подъ прикрытіемъ англійскаго флота. Казалось, все устроилось, какъ нельзя лучше; оба союзника согласились уступить Висмаръ герцогу мекленбургскому.

Но непріятности, постоянное принужденіе сдерживать пылкіе порывы своего характера и больше всего, непрерывныя заботы и работа до того изнурили здоровье царя, что ему необходимо было отправиться на минеральныя воды въ Пирмонтъ. Но здѣсь онъ оставался всего только три недѣли, да и тѣ провелъ не спокойно: мысль его непрерывно занята была отношеніями къ союзникамъ и устройствомъ десанта.

Лишь только курсъ леченія окончился, Петръ поспѣшилъ въ Ростокъ къ своей галерной эскадрѣ, приготовленной для перевозки пѣхоты въ Копенгагенъ, а оттуда въ Швецію. Конницу же

въ числѣ 5,000 ч. послалъ сухимъ путемъ изъ Мекленбурга, черезъ Голштинію, Шлезвигъ и Фіонію. Но между тѣмъ союзники опять заколебались: Долгорукій донесъ царю, что датскій король во время разговора съ нимъ замѣтилъ, что на помощь англійскаго флота рассчитывать нельзя, потому что англійскому королю *непріятно* (*противно*) допустить десантъ въ Шонію.

— Отъ чего же непріятно? спросилъ посланникъ.

— Оттого, что англичане подозрѣваютъ царя, а подозрѣніе возбуждено поступкомъ царя въ Данцигѣ, вмѣшательствомъ въ мекленбургскія дѣла, очевиднымъ предпочтеніемъ, оказаннымъ мекленбургскому герцогу и наконецъ появленіемъ сильнаго войска въ Ростокѣ.

Петръ написалъ Куракину, чтобы онъ какъ можно скорѣе заключилъ наступательный договоръ съ королемъ, потому что безъ англійскаго флота нельзя и думать о высадкѣ. Куракинъ началъ дѣйствовать на Бернсторфа, но нашелъ въ немъ не помощника, а противника, котораго нельзя было склонить ни доводами, ни обѣщаніями.

Датчане начали еще больше прежняго опасаться за свои владѣнія въ Норвегіи; Карлъ съ 20,000 войскомъ напалъ на нее и всѣ усилія Даніи клонились къ защитѣ Христіаніи, о высадкѣ перестали и думать. Но Петръ торопиль; онъ самъ съ своею галерною эскадрою и десантомъ, іюля 6, уже былъ въ виду Копенгагена. Отсюда написалъ онъ женѣ: «Дай знать, когда вы сюда придете, чтобы я могъ васъ встрѣтить, потому что здѣсь неописанное множество церемоній; хоть бы вчера, я въ такой большой церемоніи былъ, какой уже болѣе двадцати лѣтъ не видалъ». — «О здѣшнемъ житіи», писалъ Петръ въ другомъ письмѣ къ царицѣ, объявляемъ, что остаемся безъ всякаго дѣла; наши союзники, какъ молодыя лошади въ каретѣ, не умѣютъ ходить дружно; хуже всего ртачатся коренныя: а хотятъ везти пристяжныя, а коренныя не думаютъ».

Іюль проходилъ въ бездѣйствіи, самая лучшая пора года терялась даромъ. Царь съ своимъ обычнымъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ торопиль датчанъ перевозить русское войско и свое стягивать къ Копенгагену: но ему отвѣчали уклончиво; то надобно дожидаться возвращенія адмирала Габеля, который съ эскадрою пошелъ въ Норвегію, чтобы защищать Христіанію, а безъ него ничего

нельзя начать; то представляли, что хлѣбъ стоитъ на корнѣ и до его уборки нельзя ни собирать войска, ни двигать его. Такая медленность и постоянныя отговорки крайне досадовали и огорчали Петра. Соединенные флоты—русскій, англійскій и датскій, тоже, ничего не предпринимая, плавали безъ дѣла туда и сюда; англійскій адмиралъ предложилъ крейсировать въ виду Карлскроны; Петръ согласился, но датскій адмиралъ объявилъ, что ему на то не дано указа.

Въ половинѣ августа Петръ поплылъ къ Стральзунду, чтобы ускорить отправленіе транспортныхъ судовъ, послѣ чего опять возвратился въ Копенгагенъ и отправился лично изслѣдовать берега Шоніи. Онъ увидѣлъ, что берега вообще представляютъ множество мѣстъ, способныхъ для высадки войскъ, но нашель также, что шведы не дремали, что они успѣли воспользоваться медленностью союзниковъ и отлично укрѣпили берега. Сильный огонь батареи встрѣтилъ Петра; шнява «Принцесса», на которой находился Петръ, была пробита ядромъ, другая—«Лизетта» также значительно повреждена ядрами; узнали, что въ Шоніи по берегамъ въ укрѣпленіяхъ достаточныя гарнизоны и 20,000 армія готова встрѣтить высадку союзниковъ.

Петръ возвратился въ Копенгагенъ, очень опечаленный тѣмъ, что не предвидится такъ легко и скоро окончить войну, какъ онъ надѣялся; датскія войска все еще были не въ сборѣ, а флотъ союзныхъ державъ оставался въ бездѣйствіи. Чтобы не вполнѣ терять понапрасну силы, Петръ уговорилъ датскаго короля послать соединенный флотъ въ Зундъ, гдѣ скопилось до ста купеческихъ кораблей разныхъ націй, чтобы провести ихъ по Балтійскому морю до мѣста назначенія.

Датскій король согласился на желаніе царя и поручилъ ему начальство надъ соединеннымъ флотомъ. При страстной любви къ мореплаванію такое предложеніе было очень лестно для царя, и онъ, скучая бездѣйствіемъ, радостно принялъ команду.

Царскій штандартъ развился на гротстенгѣ русскаго линейнаго корабля «Ингерманландія» и соединенный флотъ привѣтствовалъ его обычнымъ числомъ пушечныхъ выстрѣловъ. Флотъ, въ сопровожденіи купеческихъ кораблей, вышелъ въ море, и англичане подивились стройности и точности маневровъ русскихъ, такъ недавно

познакомившихся съ мореплаваніемъ. Званіе и безстрашіе Петра еще больше удивляли ихъ, но и при этомъ удовольствіи оказалась горечь, опять со стороны датчанъ. Они неохотно исполняли приказанія своего главнокомандующаго; ихъ корабли отставали, дѣлали, все, какъ будто лѣнливые наемники, которые исполняютъ чужое, а не свое дѣло, какъ выразился Петръ. Флотъ проводилъ купеческія суда до острова Борнгольма, дальше плаваніе было безопасно: шведскій флотъ ушелъ въ Карлскрону, а Петръ возвратился въ Копенгагенъ.

Тамъ дѣло ни на волосъ не подвинулось. Самое лучшее лѣтнее время было пропущено. Бернсторфъ съ товарищами вель интриги и вслѣдствіе ихъ хотѣли Петра заставить сдѣлать высадку въ самое неудобное, осеннее время. Но Петръ былъ остороженъ отъ природы, а многія военныя неудачи сдѣлали его еще осторожнѣе. Сентября 1 онъ созвалъ военный совѣтъ и предложилъ вопросъ: «Такъ какъ наступаетъ осень, то предпринимать ли высадку? тогда какъ дивизія Рѣшнина по медленности датчанъ еще не перевезена.» Всѣ единогласно отвѣчали, «что высадку надобно отложить до будущей весны.» Наконецъ 4 сентября пришелъ транспортъ; прибылъ Рѣшнинъ, но съ нимъ не было четырехъ драгунскихъ полковъ, которыхъ, не смотря на обѣщаніе, не перевезли, подъ предлогомъ недостатка въ транспортныхъ судахъ. Царь опять созвалъ вновь прибывшихъ генераловъ на военный совѣтъ и они подтвердили мнѣніе перваго.

Послѣ этого весь сентябрь прошелъ въ переговоры съ датскими министрами и генералами на счетъ того, что мало пользы въ такое позднее время года дѣлать высадку въ непріятельскую землю, что высадившись надобно дать сраженіе и взять города Ландскрону и Малме, чтобы приготовить для войска зимнее помѣщеніе. На это датскіе генералы отвѣчали, что зимовать можно въ Эльсенерѣ, окопавшись въ лагерь и надѣлавъ землянокъ для солдатъ. Напрасно русскіе говорили, что отъ такой зимней стоянки должно было погибнуть больше чѣмъ въ сраженіи.

Петръ рѣшительно объявилъ датскому двору, что высадка невозможна и что ее надобно отложить до слѣдующей весны.

Недоброжелатели обрадовались, говорили, что маска теперь снята, что русскій царь нарочно отказывается отъ высадки, нарочно за-

вель такое огромное войско, чтобы овладѣть Копенгагеномъ. Датчане встревожились, поставили пѣхоту по стѣнамъ, приготовились къ защитѣ, а адмиралу англійскому дано было приказаніе немедленно напасть на русскіе корабли, ежели царь не пойдетъ въ Шонію. Однако тревога вскорѣ окончилась: со стороны русскихъ не было и тѣни непріязненныхъ движеній; пѣхота оставалась на транспортахъ и въ началѣ октября ее обратно перевозили къ Ростоку, а фельд-маршалу Шереметеву данъ былъ указъ съ пѣхотою на зимнія квартиры расположиться въ Мекленбургѣ и оставить при себѣ одинъ кавалерійскій полкъ, а остальнымъ идти на зимовку въ Польшу.

Въ октябрѣ Петръ въ сопровожденіи царицы и ея свиты выѣхалъ изъ Копенгагена, оставилъ ее въ Шверинѣ, а самъ отправился на свиданіе съ прусскимъ королемъ. Неудовольствія ганноверскаго и англійскаго двора возрастали; по причинѣ интригъ ихъ дипломатовъ высадка въ Шонію не удалась; Петру дѣлали непріятности на каждомъ шагу; союзъ съ Даніей былъ очень ненадеженъ; къ прусскому королю посылали также меморіалы, чтобы вооружить его противъ царя, но при всѣхъ проискахъ одинъ только прусскій король оставался неизмѣнно преданнымъ Петру и довѣрляемъ ему. При личномъ свиданіи, союзъ съ нимъ еще болѣе утвердился.

Англійскіе и ганноверскіе министры встревожились помѣщеніемъ русскихъ войскъ въ Мекленбургѣ и представляли прусскому королю необходимость избавить отъ нихъ германскія земли; неудачное исполненіе намѣренія высадиться въ Шонію вполнѣ приписывали Петру, говоря, что это было только предлогомъ ввести войско въ германскія земли, чтобы утвердиться въ нихъ и завладѣть ими. Петръ представилъ королю дѣло въ настоящемъ свѣтѣ и убѣдилъ его; но остальные державы на всѣ предложенія, во всѣхъ случаяхъ твердили одно: «вывести войско изъ Мекленбурга».

Въ ноябрѣ Петръ выѣхалъ изъ Гавельсберга въ Гамбургъ, направляясь въ Голландію, съ намѣреніемъ оттуда проѣхать въ Парижъ. Къ 6 декабря Петръ прибылъ въ Амстердамъ, куда вслѣдъ за нимъ на другой день пріѣхали всѣ русскіе дипломаты: канцлеръ, графъ Головкинъ, подканцлеръ, баронъ Шафировъ, тайный совѣтникъ, графъ Толстой, генералы: князь Владиміръ Долгорукій, Иванъ Бутурлинъ и чрезвычайный посолъ при Голландскихъ штатахъ, князь Куракинъ.

Петръ намѣревался пробить въ Амстердамѣ довольно долго и посѣтить знакомыя мѣста, сюда же онъ ожидалъ царицу, которая по случаю нездоровья ѣхала очень медленно; къ тому же дороги, по словамъ Петра, были невыразимо дурны, и онъ совѣтовалъ государынѣ лучше вовсе не ѣздить; если же она непременно намѣрена ѣхать въ Голландію, то не брала бы съ собою большой свиты, потому что жизнь неимоверно дорога; изъ пѣвчихъ совѣтовалъ оставить половину въ Мекленбургѣ. Въ своихъ письмахъ Петръ неоднократно говорилъ о дурной дорогѣ, совѣтовалъ отложить путешествіе, но прибавлялъ, что предоставляетъ все на волю царицы, потому что въ ея положеніи лучше трудность и неудобство путешествія, нежели предаваться печали о невозможности путешествовать. Однакожь, въ Везелѣ царица должна была остановиться, потому что захворала. При проѣздѣ черезъ ганноверскія владѣнія, простой народъ надѣлалъ ей множество непріятностей; буйная толпа съ ругательствами и бранью окружила карету, и какъ самъ Петръ говоритъ, съ козелъ сбила кучера; всѣхъ людей придворныхъ отогнали побоями отъ кареты, посажали, какъ воровъ, на телеги и повезли, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью, не давая отдыху, по самой дурной дорогѣ, отъ чрезмѣрнаго утомленія, безпокойства и вынесеннаго испуга царица захворала въ Везелѣ; 2 января 1717 года у нея родился сынъ Павелъ и она объ этомъ приказала написать царю. Извѣстіе о рожденіи царевича очень обрадовало Петра; онъ было хотѣлъ ѣхать самъ, но у него сдѣлался сильный лихорадочный пароксизмъ, который уложилъ его въ постель; однакожь, онъ поздравилъ письмомъ царицу съ рожденіемъ сына, говорилъ, что радость оживила его и онъ уже чувствуетъ себя лучше. Но на другой день пришло извѣстіе, что новорожденный младенецъ умеръ, а мать сильно больна и очень слаба. Петръ печалился, былъ нетерпѣливъ, хотѣлъ ѣхать къ больной женѣ, но отъ душевнаго волненія собственная болѣзнь усилилась и продолжалась до 10 февраля; царица между тѣмъ отправилась гораздо раньше и была уже въ Амстердамѣ 10 февраля.

Болѣзнь держала царя въ постели, но не лишала его возможности заниматься дѣлами; онъ дѣлалъ распоряженія по внутреннему управленію Россіи, посылалъ указы въ Сенатъ, приказанія генераламъ, требовалъ, чтобы его извѣщали обо всемъ, что проис-

ходило въ государствѣ и входилъ даже въ мелочи. Ему присылали для просмотра всѣ вновь отпечатанныя въ Россіи книги; молодые люди, отправленные за границу, чтобы учиться, должны были являться къ нему и онъ самъ разговаривалъ съ ними, экзаменовалъ ихъ и поручалъ профессорамъ, извѣстнымъ по разнымъ отраслямъ знанія.

Иностранныя сношенія шли своимъ порядкомъ и министры доносили ему обо всемъ, что дѣлалось въ Европѣ. Изъ Англіи получено было извѣстіе, что открылся заговоръ противъ короля Георга, какъ писалъ нашъ посланникъ Веселовскій: «Четвертаго дня вышелъ здѣсь случай чрезвычайно *странный и очень полезный для интересовъ вашего царскаго величества*: шведскій посланникъ при англійскомъ дворѣ арестованъ, вся переписка его захвачена и отправлена въ тайный совѣтъ; въ гавани дано приказаніе не отпускать ни одного корабля безъ особаго паспорта, а адмиралтейству дано приказаніе немедленно вооружить флотъ въ 23 корабля. Дѣло въ томъ, что шведскій посланникъ вошелъ въ переговоры и переписку съ претендентомъ (Іаковомъ III Стюартомъ): было положено сдѣлать высадку шведскаго 12,000 войска въ Шотландіи, не позже марта и, соединившись съ недовольными, свергнуть короля Георга съ престола и возвести на него претендента.»

Это было такое обстоятельство, что могло побудить Англію приступить къ союзу съ врагами Швеціи и начать съ нею войну; царь своему посланнику поручилъ разузнать объ этомъ, слѣдить, что дѣлается и доносить ему обо всемъ, что узнаеть, и при случаѣ сказать, что царь желаетъ дружбы съ королемъ англійскимъ и готовъ вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовать противъ общаго непріятели. Чтобы привлечь его на свою сторону Петръ готовъ былъ на всякія уступки.

Но въ Англіи, не смотря на явное недоброжелательство Швеціи, все-таки не хотѣли дѣйствовать за-одно въ Россіей и твердили по старому: ничего нельзя постановить, ничего нельзя предпринять, пока войска русскія будутъ оставаться въ Мекленбургѣ. Но вскорѣ къ заключенію условій нашлось еще другое препятствіе, кромѣ Мекленбургскаго вопроса; въ бумагахъ шведскаго посланника найдено было одно письмо министра Герца, въ которомъ говорилось о томъ, что при русскомъ дворѣ есть вѣрный приверженецъ Стюартовъ,

лейбъ-медикъ Арескинъ. Нашлось еще другое письмо изъ Гааги отъ 17 ноября 1716 года: «У милорда Мара есть родственникъ, по имени Эрескинъ; онъ служитъ медикомъ и тайнымъ совѣтникомъ московскаго царя. Этотъ повѣренный пишетъ лорду Мару, что царь ничего больше не предприметь противъ короля шведскаго, что онъ поссорился съ своими союзниками, и никакимъ образомъ не можетъ сблизиться съ королемъ Георгомъ; потому что смертельно ненавидитъ его. Онъ убѣжденъ въ правахъ претендента и желаетъ имѣть возможность возстановить его на англійскомъ престолѣ. Царь, какъ побѣдитель, не можетъ первый сдѣлать мирныхъ предложеній, но какъ только шведскій король сдѣлаетъ одинъ шагъ, все будетъ улажено и война прекратится».

Это письмо усилило подозрительность англійскаго двора, и надобно было принять мѣры, чтобы доказать его неосновательность; посланнику была отправлена оправдательная нота, написанная въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ.

Пришелъ отвѣтъ уклончивый, что письмо это никакого вліянія на дружественное расположеніе короля не имѣло, къ тому же, еще не доказано, въ какой мѣрѣ и вообще, принималъ ли Арескинъ участіе въ заговорѣ, можетъ быть, это только козни шведскихъ министровъ, чтобы бросить тѣнь на царскаго приближеннаго, что постараются все разузнать подробно, и ежели что откроется, то извѣстятъ царя. Король очень дружелюбно расположенъ къ царю, готовъ дѣйствовать съ нимъ за-одно, *ежели сперва изъ Мекленбурга русскія войска будутъ выведены.*

Между заботами объ управленіи своего государства и политическими отношеніями, Петръ находилъ время осматривать многое въ Амстердамѣ и показывать любопытныя вещи любознательной Екаторинѣ Алексѣевнѣ. Онъ преимущественно познакомилъ ее со всѣми мѣстами, пріятными ему по воспоминаніямъ; поѣхалъ съ нею въ Саардамъ, гдѣ нашелъ многихъ изъ своихъ знакомыхъ. Онъ узналъ, что прежній домохозяинъ его Кистъ впалъ въ большую бѣдность и служить въ чужой кузницѣ работникомъ. Петръ пошелъ туда и велѣлъ его вызвать. Узнавъ, что царь его спрашиваетъ, строптивый голландецъ съ досадою воскликнулъ: «Что мнѣ до царя, не хочу его видѣть, онъ мнѣ еще долженъ за квартиру!» Петру донесли, что говорить старикъ; онъ стремительно вошелъ

въ кузницу, обнялъ сердитаго старика и съ участіемъ разспрашивалъ его объ его положеніи; щедро заплатилъ ему старый долгъ, далъ денегъ, чтобы ему поправиться и на память подарилъ ему серебряный кубокъ.

Онъ осматривалъ мастерскія, фабрики, бывалъ въ мастерскихъ живописцевъ, купилъ нѣсколько картинъ въ свой Петергофскій дворецъ, купилъ анатомическій кабинетъ профессора Рюйша и его собраніе рѣдкостей.

Недовѣрчивость англійскаго двора ясно обнаруживалось изъ каждаго донесенія нашего посланника въ Англіи; на союзъ рассчитывать нельзя было, Петръ хотѣлъ попытаться съ другой стороны: нельзя ли чего нибудь добиться черезъ Францію и 24 марта выѣхалъ изъ Голландіи во Францію; онъ оставилъ свою супругу Екатерину Алексѣвну въ Роттердамѣ, гдѣ простился съ нею; она возвратилась въ Гаагу, а царь отправился во Францію.

Во Франціи въ то время царствовалъ Людовикъ XV, семилѣтній мальчикъ, а вмѣсто него дѣлами управлялъ регентъ, герцогъ Орлеанскій. Петръ надѣялся, при личномъ свиданіи съ регентомъ, привлечь его къ себѣ, заключить союзъ съ Франціей и посредствомъ ея посредничества добиться давножеланнаго мира съ Швеціей; Петра влекло въ Парижъ это желаніе, а не одно любопытство посмотреть на образованнѣйшій городъ Европы.

Лишь только регентъ узналъ о приближеніи царя къ границамъ Франціи, онъ послалъ къ нему навстрѣчу маршала Тессе съ эскадрономъ лейбъ-гвардіи; въ Парижъ Петръ прибылъ 26 апрѣля, въ девять часовъ вечера. Покажется удивительно, отчего путешествіе было такъ продолжительно; но Петръ по пути осматривалъ все любопытное, останавливался въ Дюнкирхенѣ и осматривалъ укрѣпленія, срытыя по мирному договору, заключенному въ Утрехтѣ; въ Аббевилѣ цѣлый день провелъ на суконной фабрикѣ, чтобы изучить способъ окрашивать сукно въ красный цвѣтъ. Комнаты для царя и его свиты были приготовлены въ Луврѣ: но Петръ нашелъ что помѣщеніе это слишкомъ великолѣпно, что ежели не онъ, то прислуга, не привышая къ роскоши можетъ что нибудь испортить и требовалъ, чтобы ему отвели помѣщеніе по-проще, въ домѣ какого нибудь частнаго человѣка. Ему немедленно отвели отель Ледигьера (Ledigüères), но и въ этомъ домѣ роскошь и великолѣпіе

не соответствовали простотѣ царя; онъ приказалъ принести свою походную складную постель и для спальни выбралъ себѣ гардеробную, какъ самую простую комнату, гдѣ и поставили походную кровать его.

Колоссальное во всѣхъ отношеніяхъ явленіе Петра поразило впечатлительныхъ французовъ; они съ любопытствомъ смотрѣли на Петра и удивлялись ему; вотъ, какъ его наружность описываютъ современники: «Онъ былъ высокъ ростомъ, отлично сложенъ, строенъ, худощавъ; глаза его поражали своею красотою и живостію, но по временамъ въ нихъ сверкало дикое пламя и тогда невозможно было вынести блеска его пронзительнаго взгляда; въ такія мгновенья по лицу его пробѣгали судорожныя подергиванья. Иногда, когда онъ хотѣлъ показать ласку и привѣтливость, лице его становилось необыкновенно ясно, и очаровательно, но при всемъ томъ сохраняло величіе. Его движенія были порывисты и обнаруживали его пылкій характеръ, исполненный страстей. Онъ не стѣснялся свѣтскими приличіями и напротивъ всегда отдавался влеченію своего независимаго, оригинальнаго и дѣятельнаго духа; по его смѣлымъ и рѣшительнымъ движеніямъ и поступкамъ, онъ повсюду казался хозяиномъ и распоряжался вездѣ, какъ у себя дома. Когда толпа любопытныхъ, или посѣтителей надѣдала ему, онъ или удалялъ ихъ однимъ грознымъ движеніемъ руки, или словомъ; иногда же самъ поспѣшно уходилъ. Иногда, за какимъ нибудь обѣдомъ, или во время разговора, ему приходила въ голову какая нибудь мысль, онъ прерывалъ разговоръ и выходилъ въ другую комнату, или останавливался на фразѣ, вынималъ записную книгу записывалъ въ ней замѣчаніе; иногда вставалъ изъ-за стола, выходилъ изъ дома, садился въ первый попавшійся экипажъ и ѣхалъ осматривать то, о чемъ вспомнилъ и очень часто возвратившись, опять садился за столъ, или продолжалъ начатый разговоръ.

Маршалу Тессе и гвардіи приставленной безотлучно провожать его было не легко угодиться за нимъ, и они скакали за царскимъ экипажемъ изъ конца въ конецъ Парижа. Одѣвался Петръ очень просто: онъ носилъ по большей части короткій кафтанъ изъ сѣраго сукна, широкій кожаный поясъ, на которомъ висѣла сабля; на головѣ короткій черныи парикъ безъ пудры, не спускавшійся дальше шеи, бѣлую рубашку голландскаго полотна, безъ манжетъ. Онъ

ежедневно вставалъ въ 4 часа, обѣдалъ въ одиннадцать и ужиналъ въ восемь часовъ, а къ десяти уже ложился спать.

На другой день послѣ приѣзда Петра, регентъ, герцогъ Орлеанскій, сдѣлалъ ему визитъ; царь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ нему навстрѣчу, обнялъ и поцѣловалъ его. Потомъ движеніемъ руки пригласилъ его въ кабинетъ, быстро повернулся и первый вошелъ туда; вслѣдъ за нимъ туда же вошелъ регентъ и князь Куракинъ, какъ переводчикъ. Царь и регентъ сѣли въ кресла, а Куракинъ стоялъ; съ пол-часа продолжался разговоръ; вслѣдъ за тѣмъ Петръ всталъ, простился съ регентомъ и проводилъ его до самаго того мѣста, на которомъ встрѣтилъ его: регентъ низко поклонился царю, а онъ отвѣчалъ легкимъ поклономъ головою.

Петру хотѣлось поскорѣе все осмотрѣть въ этомъ любопытномъ городѣ, уже тогда считавшемся центромъ европейскаго образованія: но царю пришлось нѣсколько дней просидѣть дома, въ ожиданіи королевскаго визита и прочихъ церемоній, о которыхъ самъ писалъ Екатеринѣ: «Объявляю вамъ, что дня два, или три долженъ сидѣть дома для визитовъ и прочей церемоніи и поэтому еще ничего не видалъ, но съ завтрашняго, или послѣ-завтрашняго дня начну все осматривать. Сколько по дорогѣ могъ замѣтить, то нахожу, что простой народъ находится въ большой бѣдности.»

На другой день послѣ этого письма 29 апрѣля маленькій семилѣтній король Людовикъ XV сдѣлалъ царю визитъ. Петръ встрѣтилъ его у кареты; королевскій воспитатель Вильруа, вмѣсто своего воспитанника произнесъ привѣтственную рѣчь царю. Петръ взялъ малютку короля за руку и рядомъ съ нимъ вошелъ въ комнаты, король находился у царя по правую руку. Въ кабинетѣ оба сѣли чинно и разговоръ продолжался около четверти часа, потомъ Петръ всталъ, взялъ маленькаго Людовика на руки, обнималъ и цѣловалъ его, смотрѣлъ на него съ нѣжностію и сказалъ: «Я держу теперь Францію въ своихъ рукахъ!» Послѣ этого оба государя съ прежнею важностію вышли изъ кабинета и Петръ до кареты проводилъ своего гостя. На другой день Петръ отдалъ визитъ королю; когда карета подъѣзжала, царь замѣтилъ, что маленькій король бѣжитъ къ нему навстрѣчу съ лѣстницы, Петръ не дожидаясь, чтобы экипажъ остановился, выскочилъ изъ кареты побѣждалъ къ малюткѣ навстрѣчу, взялъ его на руки и по лѣстницѣ взнесъ въ залу;

церемониальное шествіе было такое же, какъ наканунѣ, съ тою только разницею, что въ этотъ день Петръ шелъ по правую руку.

Отдѣлавшись отъ церемониальныхъ визитовъ, Петръ съ жаромъ началъ осматривать Парижъ; онъ ничего не оставлялъ безъ вниманія: заходилъ въ лавки, въ мастерскія ремесленниковъ, черезъ Куракина разспрашивалъ объ ихъ работахъ, осматривалъ ихъ и поражалъ своимъ знаніемъ дѣла, но при этомъ мало вниманія обращалъ на предметы роскоши, или на вещи только красивыя: но все, что касалось полезныхъ предметомъ возбуждало его любопытство и вниманіе; онъ осматривалъ, вникалъ, хотѣлъ удержать видѣнное въ памяти и очевидно воспользоваться пріобрѣтаемыми знаніями. Онъ входилъ въ техническія подробности и всѣхъ удивлялъ своими вѣрными и точными замѣчаніями. Королевскіе, коронные брилльянты онъ осмотрѣлъ слегка, вскользь, но долго и внимательно осматривалъ гобеленовскія произведенія; съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за работой и наслаждался живостію рисунка и точностію исполненія. Зоологическій садъ (*gardin des Plantes*) понравился ему, и онъ съ величайшимъ вниманіемъ осматривалъ звѣрей и разспрашивалъ объ нравахъ и привычкахъ животныхъ. Механическій кабинетъ обратилъ на себя особенное вниманіе Петра, и онъ нѣсколько часовъ провелъ въ немъ; въ оперѣ просидѣлъ онъ только три акта, а въ тотъ же день все утро оставался въ галереѣ плановъ и чертежей. Онъ присутствовалъ при судебномъ преніи въ парламентѣ и посѣщеніе это, по опредѣленію парламента, какъ случай необыкновенный, внесенъ былъ въ парламентскіе акты *на память для потомства*. Петръ посѣтилъ Сорбонскую академію; здѣсь показали ему нѣсколько славянскихъ книгъ и рукописей, и обратили рѣчь на соединеніе церквей, представляя такой подвигъ великимъ: но Петръ отвѣчалъ, что это дѣло духовенства и что вопросъ этотъ можетъ только рѣшить патріархъ и Вселенскій соборъ.

При посѣщеніи монетнаго двора, по случаю посѣщенія Франціи такимъ государемъ, какъ Петръ, для него былъ приготовленъ сюрпризъ, крайне изумившій и обрадовавшій царя. Онъ по обыкновенію съ любопытствомъ осматривалъ все производство работъ монетнаго двора, всѣ станки и всѣ орудія, начиная отъ самыхъ мелкихъ, до самыхъ крупныхъ, потомъ просилъ, чтобы ему показали тиски и чеканы для медалей. Начальникъ монетнаго двора, показывавшій

ихъ, предложилъ Петру, не хочетъ ли онъ посмотрѣть самое производство работъ и приказалъ подать нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ кружковъ, приготовленныхъ для медалей, и велѣлъ мастеру приготовить штемпель медали. «Какой прикажете?» спросилъ мастеръ. — Все равно, какойнибудь! Какой ближе, тотъ и годится. — Штемпель вложили, мастеръ положилъ на него золотой кружокъ и оттиснулъ медаль. Царь не спускалъ глазъ съ мастера и первый подошелъ, когда изъ тисковъ начали вынимать еще совершенно горячую медаль; но каково было удивленіе царя, когда онъ взглянулъ на нее! Съ одной стороны былъ его, превосходно сдѣланный, портретъ съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и съ надписью: *Petrus Alexievitz Tzar Mag. Russ. Imperat.*, а на другой сторонѣ восходящее солнце, рѣка и парящая надъ нею слава съ двумя трубами и съ надписью *Crescit eundo* т. е. шествуя возрастаетъ; внизу *Lutet. Parisi MDCCXVII*.

Петръ долго не могъ отвести глазъ отъ этой медали, удивлялся и воскликнулъ: «Это я, дѣйствительно я!» Потомъ, въ присутствіи же царя были выбиты еще нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ медалей, золотыя были розданы знатнѣйшимъ особамъ царской свиты, а серебряныя остальнымъ. Штемпель сдѣланъ былъ еще тогда, когда узнали о намѣреніи царя побывать въ Парижѣ.

Въ Домѣ инвалидовъ Петръ осмотрѣлъ все до мельчайшихъ подробностей, разспрашивалъ обо всемъ и въ столовой попросилъ рюмку солдатскаго вина, выпилъ ее за здоровье инвалидовъ, которыхъ называлъ товарищами и въ память учредителя этого благотворительнаго заведенія Людовика XIV.

Петръ не оставилъ безъ вниманія и загородныхъ дворцовъ; ему не понравилась архитектура Версальскаго и въ разговорѣ онъ назвалъ его голубемъ съ орлиными крыльями. Онъ былъ въ Сен-Сирѣ и осматривалъ тамошній знаменитый женскій институтъ, заведенный г.-жею Ментенонъ; царь побывалъ во всѣхъ классахъ, приказалъ объяснить себѣ ходъ преподаванія и всѣ занятія дѣвицъ. Осмотрѣвъ заведеніе, царь захотѣлъ видѣть и учредительницу его. Госпожа Ментенонъ была больна и скорѣе отъ старости, чѣмъ отъ болѣзни не вставала съ постели; она не хотѣла принимать посѣщенія царя, но его не легко было отклонить отъ однажды принятаго намѣренія. Царь приказалъ сказать ей, что придетъ только на ми-

нугу, не помѣшаетъ ей. Онъ тихонько, безъ шума вошелъ въ комнату и отдернувъ занавѣску у постели, ласково поздоровался съ нею, сказавъ, что пріѣхалъ во Францію съ цѣлью видѣть все примѣчательное, видѣлъ благодѣтельное заведеніе, устроенное ею для воспитанія благородныхъ дѣвицъ и не могъ покинуть его, не повидавшись съ его знаменитой учредительницей. Петръ сѣлъ подлѣ постели г-жи Ментенонъ и спросилъ ее: чѣмъ она больна? Она отвѣчала—«старостію.» «Да, отвѣчалъ царь, это болѣзнь общая всѣмъ тѣмъ, которые заживаются на свѣтѣ.»

Юня 9 царь оставилъ Парижъ; жители, постоянно бѣгавшіе за нимъ толпами, проводили его громкими восклицаніями. Петръ отправился на минеральныя воды въ Спа и пользовался ими, въ продолженіи 4 недѣль; потомъ водою, изъ Маастрихта внизъ по Маасу, отправился въ Голландію и встрѣтился съ своей супругой въ Амстердамѣ.

Хотя главная цѣль поѣздки Петра была отвлечь Францію отъ союза съ Англіей и напротивъ привлечь ее въ свою сторону, но она не удалась, однако Петръ приобрѣлъ хорошее расположеніе регента и разстался съ нимъ и съ маленькимъ королемъ, при самыхъ дружескихъ чувствахъ, которыя въ послѣдствіи и обнаружили дружественнымъ торговымъ договорамъ, заключенномъ въ августѣ того же года, къ нему же присоединился и прусскій король и сверхъ того всѣ три государя обязались заботиться о поддержаніи мира, постановленнаго утрехтскимъ трактатомъ и всѣми силами стараться окончить сѣверную войну. Договаривающіяся державы однакожь предоставили себѣ право сохранять всѣ свои другіе договоры и союзы, не противные настоящему союзу. Въ то же время Куракинъ велъ переговоры о мирѣ съ Швеціей, но нерѣшительно.

Между тѣмъ, время начать новую кампанію приближалось, но Данія не показывала никакой посѣшности, ни король, ни министры не показывали желанія возобновлять ея и потому молчали.

Непріятности съ Ганноверомъ и англійскимъ дворомъ изъ-за мекленбургскихъ дѣлъ продолжались; чтобы разомъ положить конецъ этимъ клеветамъ, Петръ далъ приказаніе русскимъ войскамъ выйти изъ Мекленбурга. Но отъ этого отношенія съ союзниками не поправились; охлажденіе между ними возрастало; Петръ намѣревался сохранить дружбу, хотя одного союзника—короля прусскаго. Поѣздки

во Францію чуть было не возбудила здѣсь порозрѣнія, но короля успокоили тѣмъ, что поѣздка эта предпринята изъ любопытства посмотреть на Парижъ и съ цѣлью полечиться минеральными водами въ Спа.

Въ началѣ сентября Петръ, въ сопровожденіи своихъ министровъ, пріѣхалъ въ Берлинъ; начались совѣщанія о мирѣ; русскіе министры объявили, что для скорѣйшаго мира съ Швеціей Россія уступаетъ Финляндію. На возраженіе, что шведы могутъ потребовать завоеванныхъ земель по сю сторону Финскаго залива, что Швеція можетъ съ Даніей, при посредничествѣ Англіи, заключить отдѣльный миръ и тогда общими силами предписать Россіи миръ на болѣе тягостныхъ условіяхъ, русскіе министры отвѣчали: «Кромѣ Финляндіи ничего нельзя уступить, потому что Ревель—гавань, необходимая для русскаго флота, безъ нея обойтись нельзя. А Лифляндію Россія должна удерживать для сохраненія общаго мира. Ежели ее возвратить шведамъ, то у нихъ будетъ возможность вмѣшиваться въ польскія дѣла, поддерживать тамъ партію, ко вреду Россіи и Пруссіи и наконецъ, находясь на линіи сообщенія между этими двумя державами, всегда можетъ препятствовать этому сообщенію и вмѣсто прочнаго мира только дадутъ Швеціи возможность начать новую войну».

Король прусскій, при личномъ свиданіи съ царемъ, условился вести мирные переговоры, какъ предположено, Россіи прямо съ Швеціей безъ посредничества иностранныхъ государствъ, но Петръ обязался обо всѣхъ переговорахъ немедленно и точно извѣщать прусскій дворъ.

Долгая сѣверная война утомила не однихъ союзниковъ, и Англія всѣми силами желала содѣйствовать миру; въ 1717 году чрезвычайный посланникъ англійскаго короля Георга, адмиралъ Норрисъ хлопоталъ о заключеніи выгоднаго торговаго договора съ Россіей; но для этого прежде всего надобно было оружіемъ принудить Швецію къ миру, чего нельзя было достигнуть при такомъ воинственномъ королѣ, каковъ былъ Карлъ. Русскіе требовали съ этою цѣлью отъ Англіи довольно значительнаго флота въ полное распоряженіе русскаго царя. Но на это англійскіе министры не согласились и охлажденіе между дворами становилось все сильнѣе и сильнѣе.

Отношенія Россіи къ Австріи можно было скорѣе назвать друже-

скими, чѣмъ холодными, но Австрія, имѣя собственныя заботы, не вмѣшивалась въ сѣверную войну и только по временамъ выражала свое удовольствіе и неудовольствіе.

Оставивъ Пруссію, Петръ черезъ Данцигъ и Кенигсбергъ отправился въ Россію и прибылъ въ свой любимый *парадизъ*, котораго не видалъ болѣе двухъ лѣтъ.

ГЛАВА XXVI.

Царевичъ Алексѣй Петровичъ. Его воспитаніе. Поѣздка подъ Нарву. Новый учитель. Поѣздка за границу. Женитьба. Пріѣздъ кронпринцессы въ Петербургъ. Поѣздка Алексѣя на воды въ Карлсбадъ. Рожденіе сына и вончина кронпринцессы. Письменные объясненія царя съ сыномъ. Согласіе царевича на постриженіе. Письмо изъ-за границы. Отъѣздъ царевича, его бѣгство въ Вѣну и въ Неаполь. Возвращеніе въ Москву. Рзысьеъ. Приговоръ суда и вончина царевича.

Царствованіе Петра съ самыхъ первыхъ дней было, какъ мы видѣли, далеко не обыкновенное; дѣтство его было окружено опасностями; молодость прошла въ непрерывныхъ непріятностяхъ, въ борьбѣ съ сестрою, съ крамольными стрѣльцами. Самая женитьба его на Евдокии Ѳедоровнѣ было дѣломъ политическимъ, въ которомъ склонность обоюдная не имѣла мѣста. Молодой пылкій царь любившій просвѣщеніе, жаждавшій новизны и стремившійся все, старое замѣнить лучшими новѣйшими формами, не могъ найти семейнаго счастья съ женщиной необразованной и преданной предразсудкамъ старины. Однимъ словомъ, характеръ жены не пришелся по вкусу мужа, первая склонность прошла и охлажденіе окончилось заточеніемъ царицы Евдокии Ѳедоровны въ Суздальскій монастырь, гдѣ она приняла постриженіе, подъ именемъ сестры *Елены*.

Изъ трехъ ея сыновей только одинъ старшій, Алексѣй, остался въ живыхъ; это былъ прекрасный, сильный и здоровый мальчикъ; бабушка Наталья Кириловна любила своего внука и любовалась имъ, но она вскорѣ умерла и вліяніе ея кончилось. Отъ рожденія до девятилѣтняго возраста царевичъ постоянно оставался при матери и страстно любилъ ее; но къ несчастію холодность между отцемъ

и матерью гибельно отразилась на сынѣ. Онъ привыкъ любить и уважать все то, что любила мать и не любить того, чего она не любила; она не хотѣла и не могла скрывать своего раздраженія противъ Петра и явно выказывала его; она и ея приближенные при немъ осуждали нововведенія Петра и порицали его невниманіе къ царцѣ.

Петръ въ хоромы царицы являлся рѣдкимъ гостемъ, а иногда и строгимъ, что еще болѣе отъ него отчуждало сына.

Шести лѣтъ царевича начали учить грамотѣ. Самъ Петръ въ теченіе всей своей дѣятельной жизни учился и постоянно сожалѣлъ о томъ, что въ дѣтствѣ не обращали вниманія на его воспитаніе и хотѣлъ по крайнѣй мѣрѣ сына своего образовать, какъ слѣдуетъ; но занятый внѣшними и внутренними государственными дѣлами у него не доставало времени слѣдить за развитіемъ и за ученіемъ сына. Къ своему шестилѣтнему сыну для обученія чтенію и письму онъ приставилъ Никифора Вяземскаго. Вяземскій былъ человѣкъ недалъный и слабый, не умѣлъ заслужить ни уваженія, ни любви своего воспитанника. Не менѣе дурное вліяніе на царевича имѣли ближайшіе родственники царицы, Лопухины, столько же приверженные къ стариннымъ предразсудкамъ, сколько и сама царица.

Когда царица Евдокія была отправлена въ монастырь, молодой царевичъ плакалъ, тосковалъ и требовалъ мать, тетка Наталья Алексѣевна утѣшала его, какъ могла и ласками старалась смягчить ударъ, нанесенный дѣтскому сердцу. Чтобы дать царевичу хорошее воспитаніе, чтобы ознакомить его съ иностранными языками и съ науками, какъ ихъ проходятъ въ Германіи, Петръ думалъ на воспитаніе отправить сына въ Дрезденъ и, чтобы приготовить его, помѣстилъ при немъ новаго учителя Нейгебауера. Но началась сѣверная война и помѣшала исполненію этого плана; Петра испугали успѣхи оружія Карла и поэтому онъ рѣшился оставить сына въ Россіи и воспитывать его дома.

Новый наставникъ не долго пробылъ у царевича, вслѣдствіе неудовольствій, его отставили въ 1702 году: при царевичѣ по прежнему оставались его воспитатели Вяземскій и Нарышкинъ. На мѣсто Нейгебауера Петръ пріискивалъ другаго воспитателя. Въ 1702 году въ русскую службу поступилъ Гейнрихъ Гюйссенъ, или Гизенъ; это былъ человѣкъ, получившій основательное воспитаніе,

окончившій курсъ въ германскомъ университетѣ. Петръ сошелся съ нимъ въ Шлюссельбургѣ, выбралъ его въ воспитатели своего сына и поручилъ ему написать планъ воспитанія. Планъ былъ написанъ, но, чтобы слѣдовать ему, надобно было царевича прежде всего познакомить съ иностранными языками, а преимущественно съ французскимъ, какъ самымъ легкимъ, а потомъ уже приступить къ изученію исторіи, географіи, математики и т. д.

Петръ съ дѣтства въ сынѣ своемъ замѣчалъ черты характера, не соотвѣтствующія высокому положенію, къ которому призывало его рожденіе; между прочимъ въ царевичѣ была замѣтна большая лѣнь и неподвижность; ему не нравились труды и лишенія, связанныя съ военной службой, да и приближенные часто при немъ говаривали о томъ, что царю вовсе неприлично такъ утомляться и что и при дѣдѣ, и дядѣ царевича бывали войны, но тамъ царь самъ въ походъ не отправлялся и всего добивался посредствомъ своихъ воеводъ, не то, что теперь!

Петръ не могъ знать такихъ разсужденій, но онъ видѣлъ въ царевичѣ склонность къ спокойствію и лѣни, и намѣревался излечить его. Въ званіи солдата бомбардирской роты, онъ въ 1703 году, взялъ его съ собою въ походъ. Послѣ возвращенія въ Москву царь хотѣлъ серьезно позаботиться о томъ, чтобы дать сыну воспитаніе, достойное высокаго назначенія и поручая воспитаніе Гюйссену, царь сказалъ ему: «Самое лучшее, что я могу сдѣлать для себя и для своего государства — это воспитать себѣ наслѣдника. Самъ я не могу наблюдать за нимъ; поручаю его вамъ.» Въ слѣдующемъ году Петръ призвалъ царевича въ Нарву и ознакомилъ его съ военными трудами и опасностями, хотя и призвалъ его послѣ взятія города, но развалины и трупы довольно ясно говорили за себя. Должно быть во время этого пребыванія Петръ уже замѣтилъ въ царевичѣ черты характера, не соотвѣтствовавшія его требованіямъ, потому что говорилъ ему наставленіе, въ которомъ ясно высказался его образъ мыслей: «Мы благодаримъ Бога за побѣду. Побѣды отъ Него; но мы съ своей стороны должны напрягать всѣ силы, чтобы получить ихъ. Я взялъ тебя съ собою въ походъ, чтобы ты видѣлъ, что я не боюсь ни труда, ни опасностей. Я сегодня, или завтра могу умереть, но знай, ежели ты не будешь слѣдовать моему примѣру, то тебѣ отъ моей смерти мало радости будетъ. Ты долженъ любить

все, что составляет благо и честь отечества, долженъ любить вѣрныхъ совѣтниковъ и слугъ, будутъ ли они чужіе, или свои, не долженъ падить трудовъ для общаго блага. Если совѣты мои разнесетъ вѣтеръ и ты не захочешь дѣлать того, чего я желаю, то я отрекаюсь отъ тебя, не признаю тебя сыномъ, и буду молить Бога, чтобы Онъ наказалъ тебя въ этой и въ будущей жизни!» Слова отца тронули царевича; заливаясь слезами, онъ цѣловалъ руки отца и клялся, что во всемъ будетъ подражать ему.

Изъ Нарвы царевичъ отправился въ Москву и при торжественномъ входѣ русскаго войска поздравилъ отца съ побѣдою у триумфальныхъ воротъ, а потомъ сталъ въ ряды Преображенскаго полка въ мундирѣ солдата.

Гюйссенъ занимался воспитаніемъ царевича и доносилъ, что онъ не по лѣтамъ уменъ, что учится хорошо, что прочиталъ шесть разъ библію, пять разъ по-славянски и одинъ разъ по-нѣмецки, перечиталъ всѣ книги, напечатанныя на славянскомъ языкѣ; по-нѣмецки и по-французски говорилъ, читалъ и писалъ хорошо. Гюйссенъ однакожъ не очень серьезно смотрѣлъ на свою обязанность; онъ только старался ладить съ окружающими вельможами, не старался выказываться, ничего не домогался и заботился больше о своемъ спокойствіи, чѣмъ о воспитаніи царевича, и науками занималъ его слегка. Въ началѣ 1705 года Гюйссенъ получилъ другое назначеніе; онъ былъ отправленъ за границу съ дипломатическими порученіями, а молодой Алексѣй остался безъ руководителя, безъ наставника и все болѣе и болѣе втягивался въ жизнь и отношенія, погубившія его.

Царь былъ въ походахъ, или за границей; онъ отпускалъ на содержаніе царевича 12,000 рублей, но не приставилъ къ нему послѣ Гюйсена другаго воспитателя. Царевичъ бросилъ науки, и только читалъ для удовольствія и читалъ много; по временамъ ходилъ въ мастерскую нѣмецкаго токаря и учился этому искусству, и хотя точилъ хорошо, но упражненія этого не любилъ, какъ все, что требовало физическаго напряженія.

Онъ окружилъ себя людьми недовольными существующимъ порядкомъ вещей. Но отчего именно недовольные окружали его? Оттого, что въ царевичѣ ясно обнаруживалась любовь къ спокойствію, отсутствіе той подвижности и той производительности, которыя по-

ражали въ его отцѣ. Постоянные налоги, предпочтеніе иностранцевъ, долгая война, истощившая всѣ государственныя средства, тяжелымъ бременемъ упала на всѣ слои общества; даже духовенство лишилось своихъ имѣній и своихъ доходовъ, однимъ словомъ, недовольныхъ, начиная отъ самаго низшаго, до самаго высшаго состоянія было множество и эти недовольные первые замѣтили слабости въ царевичѣ Алексѣя и вмѣсто того, чтобы искоренить ихъ, старались приблизиться къ нему и развить въ немъ качества, такъ отличавшія его отъ отца. Недовольные царемъ—преобразователемъ, надѣялись, что, ежели при немъ имъ жить тяжело, то послѣ него будетъ хорошо, что тогда все пойдетъ по-старому.

Духовникъ царевича, умный и энергическій, но вполне преданный старинѣ чловѣкъ, по имени Яковъ Игнатъевъ, вмѣстѣ съ царевичемъ охуждалъ поступки и распоряженія его отца и когда царевичъ однажды на исповѣди покаялся ему, что желаетъ отцу своему смерти, духовникъ, вмѣсто того, чтобы выставить ему на видъ всю грѣховность подобнаго желанія, рѣшился даже поддержать въ немъ это противуестественное чувство и отвѣчалъ ему: «Богъ тебя проститъ, сынъ мой, и мы всѣ желаемъ ему смерти, потому что народъ весь изнемогаетъ отъ тягости.» Этотъ же духовникъ старался поддерживать въ Алексѣѣ память о матери, какъ о невинной жертвѣ отцовскаго самовластия; онъ же пробуждалъ въ немъ надежду на помощь народа, рассказывая, что въ народѣ только и разговоровъ, что о царевичѣ; пьютъ за его здоровье и называютъ его надеждой православія.

Духовникъ Яковъ Игнатъевъ, по своему уму, стоялъ выше всѣхъ окружающихъ царевича людей, въ томъ числѣ и Вяземскаго, и Нарышкина, и Колычева, и другихъ и потому всѣ, вслѣдъ за нимъ, подтягивали одну хвалебную пѣсню старинѣ, и молодой царевичъ воспитывался подъ чувствомъ неудовольствія царскими распоряженіями и въ себѣ чувствовалъ протестъ противъ его требованій. Онъ не учился и только весело жилъ въ своей компаніи; пиравалъ по-старинному, на-распашку, по-русски, какъ онъ говорилъ, и это въ такіе молодые года, когда воздержанность необходима и вотъ, почему его отъ природы некрѣпкое здоровье еще болѣе разстроилось.

Когда Петръ пріѣзжалъ въ Москву царевичемъ овладѣвалъ панической страхъ: какъ бы отецъ не узналъ о его лѣности, о томъ,

что онъ ведетъ разгульную жизнь и что онъ очень часто выражается непочтительно объ отцѣ и его любимцахъ. Чтобы не допустить до экзамена, чтобы не обнаружить своего невѣжества царевичъ прибѣгалъ къ хитростямъ и обману, а чтобы Меншиковъ и другіе любимцы не донесли, онъ льститъ имъ и притворялся въ дружбѣ къ нимъ.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ; когда отца не было, царевичъ жилъ спокойно и весело; но въ 1708 году, по приказанію отца, царевичъ поѣхалъ въ Жолкву; Петръ вызывалъ его за тѣмъ, чтобы побранить за нарушеніе приказанія, за то, что онъ тайно ѣздилъ въ Суздаль, для свиданія съ матерью, что было строго запрещено. Послѣ выговора однако, Петръ, слѣдуя своей методѣ воспитанія, приказалъ царевичу строить укрѣпленія въ Москвѣ, на случай нападенія шведовъ и, чтобы приучить его къ дѣятельности, сдѣлалъ его правителемъ въ свое отсутствіе. Но царевичу такая должность была не по сердцу: ему приходилось каждый день присутствовать то въ той, то въ другой канцеляріи министровъ. Царевичъ подъ разными предлогами уклонялся отъ дѣла, Петръ узналъ это и написалъ сыну грозное письмо, въ которомъ между прочимъ говорилъ: «Оставивъ дѣло, ходишь за бездѣльемъ!» Царевичъ испугался и просилъ заступничества близкой къ царю особы, Екатерины Алексѣевны; она его успокоила тѣмъ, что отецъ вовсе не сердится больше.

Кромѣ присутствія въ канцеляріи министровъ и кромѣ надзора за работами при укрѣпленіи Кремля, царевичъ еще долженъ былъ, все по требованію отца, учиться нѣмецкому языку, исторіи, географіи и фортификаціи. Вяземскій, извѣщая о занятіяхъ царевича, говоритъ, что онъ твердитъ нѣмецкія склоненія и спряженія, что черезъ двѣ недѣли начнетъ твердить французскую грамматику, а тамъ займется ариеметикой.» — Занятіе очень пріятное для правителя! Но усиленные занятія были не по характеру царевича, онъ ими скучалъ и постоянно изыскивалъ средства отъ нихъ избавиться.

Въ началѣ 1709 года царевичъ простудился, былъ опасно боленъ и потому оставался въ Москвѣ во время Полтавской битвы. Съ цѣлью поправить здоровье царевича, докончить его образованіе, познакомить съ иностранными обычаями и впослѣдствіи женить на одной изъ иностранныхъ принцессъ, Петръ отправилъ сына въ Дрезденъ.

При отъѣздѣ, царевичу особенно трудно было разстаться съ своей компаніей и преимущественно съ духовникомъ Яковомъ Игнатьевымъ; но съ нимъ онъ былъ въ постоянной перепискѣ, ему поручилъ, тайно отъ отца, роздать и распродать оставшіяся послѣ него вещи, о существованіи которыхъ царь не долженъ былъ знать. Въ своихъ письмахъ къ духовнику онъ его предостерегалъ, чтобы онъ не входилъ ни въ какія сношенія съ Суздалемъ, потому что туда обращено вниманіе *Вышинихъ*, т. е. царя и его приверженцевъ, и совѣтовалъ ему туда никогда не ѣздить.

Царевичъ по приказанію отца жилъ въ Дрезденѣ и учился, хорошо ли и прилежно ли, неизвѣстно, но занимался тамъ, кромѣ языковъ, геометрией, стереометріей и фортификаціей.

Петръ между тѣмъ не забывалъ того, что намѣренъ былъ женить царевича на одной изъ германскихъ принцессъ; царевичъ не раздѣлялъ мнѣнія отца, онъ охотнѣе искалъ бы себѣ невѣсту между русскими дѣвицами древнихъ боярскихъ и княжескихъ семействъ, но съ отцомъ спорить и ему прекословить не смѣлъ, и оглядѣвшись при различныхъ дворахъ царевичъ объявилъ, что больше всѣхъ ему нравится принцесса Шарлотта Бланкенбургъ-Вольфенбюттельская. Все наши отвращенія жениться на иностранкѣ не могъ онъ скрывать, и это замѣтилъ дѣдъ принцессы и писалъ объ этомъ: «Царевичъ очень встревоженъ, писалъ онъ между прочимъ, онъ догадывается, что уже идутъ переговоры о бракѣ; его поджигаютъ русскіе, которые не хотятъ утратить вліянія, приобретаемаго ими отъ кровнаго родства съ своими государями. Царевичъ вѣритъ тѣмъ, которые внушаютъ ему мысль, что иностранцы посредствомъ родства царственныхъ домовъ хотятъ проникнуть еще больше въ Россію и черезъ царицу имѣть вліяніе на дѣла государственныхъ.» Царевичъ лечился на водахъ въ Карлсбадѣ, а по окончаніи курса возвратился въ Дрезденъ, гдѣ онъ провелъ около года, занимаясь науками. Апрѣля 1711 года, какъ мы уже видѣли, брачный контрактъ былъ подписанъ, приданое опредѣлено, условія назначены и *контпринцессъ* предоставлено право исполнять обряды своей евангелической лютеранской вѣры, въ которой она родилась и воспиталась, и для этого положено было учредить въ резиденціи одну капеллу. На содержаніе ея двора положено было отпускать по 50,000

ефимковъ или рублей и кромѣ того, какъ свадебный подарокъ, выдать ей лично 25,000 рублей.

Когда брачный договоръ былъ подписанъ, царь отправился въ турецкій, прутскій, походъ, а царевичъ въ загородный замокъ Зальцдаленъ, близъ Брауншвейга, гдѣ и жилъ въ семействѣ своей невѣсты; здѣсь онъ ближе познакомился съ нею и ея родителями и писалъ о томъ, что герцогъ и герцогиня, родители его невѣсты, обходятся съ нимъ очень ласково.

По возвращеніи Петра изъ Турціи, бракъ царевича былъ совершенъ въ городѣ Торгау 14 октября 1711 года. Для этого торжества былъ въ большомъ королевскомъ залѣ приготовленъ помостъ о трехъ ступеняхъ. По срединѣ поставленъ былъ красный бархатный балдахинъ; подъ нимъ столъ, тоже покрытый краснымъ бархатомъ, а на немъ лежалъ крестъ и стояли брачные вѣнцы; по сторонамъ стояли четыре кресла для жениха и невѣсты, для царя и польской королевы и три стула для дѣда, отца и матери невѣсты. На полу постлано было зеленое сукно, а стѣны убраны шпалерами и свѣчами; окна глухо завѣшаны.

Торжественное шествіе, при звукахъ военной музыки медленно вошло въ залъ въ четвертомъ часу по-полудни; впереди шелъ царь рядомъ съ царевичемъ; за ними герцогъ съ невѣстою и подлѣ нихъ королева польская съ отцомъ принцессы; шествіе замыкали придворные дамы и кавалеры. Послѣ того, какъ всѣ присутствующіе заняли свои мѣста, началось вѣнчаніе; священникъ все говорилъ по-русски и только обращенія къ жениху и невѣстѣ и вопросы имъ дѣлалъ полатыни. Вѣнцы надъ головами держали приближенные придворные; надъ кронпринцессою — канцлеръ графъ Головкинъ. Послѣ окончанія обряда, царь обнялъ молодыхъ и поцѣловалъ ихъ и они между собою поцѣловались. Въ 8 часовъ былъ торжественный свадебный обѣдъ, гдѣ на почетномъ мѣстѣ сидѣлъ царевичъ съ своею молодою женою, подлѣ нихъ справа царь, а слѣва родители кронпринцессы. По желанію царя приглашены были придворные. Послѣ обѣда танцовали въ томъ самомъ залѣ, гдѣ было вѣнчаніе. Въ тотъ же вечеръ Петръ извѣстилъ Меншикова о совершеніи бракосочетанія и прибавилъ: «Свадьба была въ домѣ королевы польской, гдѣ и отъ васъ присланный арбузъ поставленъ былъ на столъ; на эту овощъ, здѣсь совершенно незнакомую, очень дивились.»

Но Петръ не хотѣлъ царевича оставлять безъ дѣла; онъ постоянно стремился къ одной цѣли побѣдить въ немъ лѣность и отвращеніе отъ дѣла, поэтому на четвертый день далъ ему порученіе, что ему дѣлать во время его отсутствія. Въ половинѣ ноября, т. е. мѣсяць послѣ свадьбы онъ долженъ былъ отправиться въ Польшу и тамъ по обѣимъ рѣкамъ Вартамъ собирать провіантъ и строить магазины для продовольствія тридцатитысячной арміи. Царевичъ отправился; пять недѣль спустя вслѣдъ за нимъ пріѣхала кронпринцесса и они здѣсь прожили около полугода: царевичъ занимался исполненіемъ порученнаго ему дѣла; но жизнь ихъ была невеселая, молодые крайне нуждались въ деньгахъ: имъ изъ казны не выплачивали суммы, положенной для ихъ содержанія. Меншиковъ пріѣхалъ осматривать магазины и привезъ царевичу приказаніе спѣшить въ Померанію для военныхъ дѣйствій. Кронпринцесса рѣшилась дожидаться его въ Эльбингенѣ.

«Не могу не извѣстить васъ о сынѣ вашемъ, писалъ князь Меншиковъ царю, что онъ и кронпринцесса крайне большую нужду терпятъ, потому что здѣсь живутъ на собственный счетъ, имъ никакихъ кормовыхъ денегъ не отпускается, все, что было, пошло на столъ; также ни у царевича, ни у кронпринцессы нѣтъ ни лошадей, ни экипажей и не на что ихъ купить. По этому кронпринцесса послѣ отъѣзда нашего отправится въ Эльбингенъ, гдѣ будетъ ждать или возвращенія царевича, или инаго распоряженія. Она очень проситъ о выдачѣ опредѣленныхъ ей денегъ, потому что очень нуждается на содержаніе двора своего. Видя совершенную нужду у нихъ, потому что кронпринцесса даже со слезами просила денегъ, я выдалъ ея высочеству 5,000 рублей займа изъ вычетныхъ мундирныхъ денегъ. А ежелибы я этого не сдѣлалъ, то ей невозможно было бы тронуться съ мѣста.»

Долгое, почти трехлѣтнее, пребываніе царевича за границей тревожило всѣхъ его приверженцевъ въ Москвѣ и Россіи и тамъ шли толки между боярами, а еще больше между духовенствомъ; митрополитъ Стефанъ Яворскій даже въ своей проповѣди *казанье*, произнесенной въ Успенскомъ соборѣ, молился о скоромъ возвращеніи царевича, единственной надежды Россіи.

Ропотъ народа на отсутствіе царевича и привязанность къ нему бояръ доходили до царевича и порождали въ душѣ его безумныя

надежды, которыя по временамъ высказывались въ минуты слишкомъ большой откровенности, вслѣдствіе лишняго выпитаго вина, къ чему онъ, къ несчастію, былъ очень склоненъ.

Весну и лѣто 1712 года царевичъ провелъ въ арміи, подъ Ште-тиномъ, а кронпринцесса оставалась въ Эльбингенѣ. Въ концѣ года царевичъ вмѣстѣ съ Екатериной Алексѣвной отправился въ Россію, по дорогѣ онъ заѣхалъ въ Эльбингенъ, чтобы повидаться съ супругой, но не засталъ ея, она уѣхала къ роднымъ въ Брауншвейгъ.

Послѣ личнаго свиданія Петра съ кронпринцессою она наконецъ отправилась въ Петербургъ. Изъ Нарвы дала она знать царевнѣ Натальѣ Алексѣвнѣ о своемъ прибытіи; та отвѣчала самымъ радужнымъ письмомъ и приглашала кронпринцессу, не останавливаясь, ѣхать дальше къ Петербургу. Царевича въ то время въ Петербургѣ не было, онъ вмѣстѣ съ отцомъ былъ въ Финляндіи подъ Або. У Краснаго кабачка кронпринцессу встрѣтили сенаторы и придворные вельможи; для переѣзда черезъ Неву приготовлена была богато украшенная шлюбка. На берегу встрѣтила ее царица, окруженная родственницами и придворными; она ласково встрѣтила кронпринцессу, обняла ее и обласкала, на сколько могла. Это ободрило и успокоило молодую принцессу, которая ѣхала въ Россію съ невольнымъ страхомъ.

Царевичъ изъ похода возвратился въ началѣ августа и съ своею супругой жилъ въ особомъ дворцѣ на лѣвомъ берегу Невы, близъ церкви Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ. Рядомъ съ церковью былъ домъ царевны Натальи Алексѣвны, слѣва домъ царицы Марѣи Матвѣевны. Теперь на этомъ мѣстѣ придворная шпалерная мануфактура. Дворъ въ то время, не смотря на простоту, былъ многочисленный; при кронпринцессѣ безотлучно находилась другъ ея дѣтства, принцесса Остѣ-Фрисландская; съ нею онѣ вмѣстѣ радовались и горевали. Вообще кронпринцесса отдѣлялась отъ русскихъ и своею религіей, и образомъ мыслей, и замкнутымъ собственнымъ придворнымъ штатомъ, преимущественно составленнымъ изъ иностранцевъ и иностранныхъ дамъ и дѣвицъ. Кронпринцесса ничего не сдѣлала, чтобы сблизиться ни съ народомъ, посреди котораго жила, ни даже съ мужемъ.

Пока они были за границей, Алексѣй Петровичъ неоднократно

выражалъ надежду, что, увидѣвши благолѣпіе православной службы, роскошь и богатство церквей, услышавъ голосовое пѣніе, возвышающее душу, кронпринцесса плѣнится и сама захочетъ перейти въ религію своего мужа.

Кромѣ дворца въ Петербургѣ и Москвѣ, въ исключительномъ владѣніи царевича были разныя деревни и волости, доходами съ которыхъ онъ пользовался. Онъ очень охотно занимался управленіемъ своихъ имѣній, вникалъ во всѣ распоряженія и отчеты, и донынѣ въ государственномъ архивѣ сохраняются отчеты и наказы по имѣнію съ собственоручными замѣтками и приписками царевича; по своему характеру, онъ рожденъ былъ для частной жизни, для жизни хозяина, а не наслѣдникомъ такого государя, каковъ былъ Петръ. Онъ многое передѣлалъ и переломилъ въ Россіи, но собственнаго сына ни передѣлать, ни переломить не могъ.

Долговременное пребываніе за границей мало измѣнило царевича; онъ безпрекословно исполнялъ каждое порученіе отца, участвовалъ въ походахъ отца въ Помераніи и Финляндіи; царь слѣдилъ за царевичемъ; это было испытаніе послѣ окончанія заграничнаго ученія и это испытаніе было неудовлетворительно. Петръ съ ужасомъ замѣтилъ, что сынъ его исполняетъ его волю изъ одного страха, безъ всякаго внутренняго побужденія, что онъ чувствовалъ отвращеніе отъ всякой, особенно военной, дѣятельности, которую Петръ считалъ необходимою.

Когда въ 1713 году Алексѣй возвратился изъ-за границы, отецъ однажды ласково спросилъ у него: не забылъ ли онъ того, чему учился за границей? «Не забылъ», отвѣчалъ царевичъ. Петръ велѣлъ ему принести чертежи, имъ сдѣланные; Алексѣй пошелъ за ними, но на него напалъ страхъ, что царь прикажетъ чертить, а онъ не умѣетъ. Какъ ему быть? признавался онъ самъ; оставалось одно средство—испортить правую руку; онъ взялъ пистолеть, зарядилъ его и лѣвою рукою выстрѣлилъ себѣ въ ладонь правой. Пуля скользнула не ранивъ, только порохомъ сильно опалило руку. Съ подвязанной рукой и съ чертежами явился онъ къ отцу и на вопросъ, какъ это случилось, отвѣчалъ уклончиво; а между тѣмъ отъ черченія отдѣлался.

Послѣднее порученіе, данное царемъ Алексѣю, было приготовить лѣсъ въ Ладогѣ и Старой Руссѣ для постройки кораблей и галеръ

и гребныхъ судовъ меньшаго размѣра. Но и въ этомъ, какъ во всемъ царевичъ показалъ свою неохоту и небрежность къ любимымъ занятіямъ отца. Петръ съ глубокой горестью видѣлъ, что исправить сына нельзя; онъ сначала сердился на него, бранилъ его, даже билъ неоднократно, но потомъ утомился этой непрерывной мелкой борьбой и пересталъ обращать на него вниманіе, пересталъ даже говорить съ нимъ; это былъ признакъ страшный для царевича: отецъ пересталъ браниться и бить, слѣдовательно онъ охладѣлъ къ нему и ожесточился. Но на царевича этотъ зловѣщій признакъ не произвелъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, онъ самъ уже давно охладѣлъ къ отцу и ожесточился противъ него; всѣ предпріятія, всѣ дѣла отца были ему непріятны и у него было одно только желаніе быть какъ можно подальше отъ него. Желаніе это исполнилось: его больше не беспокоятъ, никуда не посылаютъ, ничего не поручаютъ. Когда его бывало звали обѣдать къ отцу или къ Меншикову, или на спускъ корабля, то онъ говаривалъ: «Лучшебъ мнѣ быть на каторгѣ, или въ лихорадкѣ трястись, чѣмъ тамъ быть.» На досаду отца, на то, что онъ ни слова съ нимъ не говоритъ, царевичъ не обращалъ вниманія; онъ жилъ въ свое удовольствіе и мечталъ о томъ счастливомъ времени, когда сядетъ на прародительскомъ престолѣ и когда все повернетъ на свой ладъ.

Петръ глубоко страдалъ отъ того, что сынъ его такъ мало соотвѣтствуетъ его надеждамъ и требованіямъ, и мысль о томъ, чтобы отстранить его отъ престолонаслѣдія, все чаще и чаще стала у него навертываться; въ первый разъ намекъ на нее мы находимъ въ письмѣ, писанномъ у Прута въ Сенатъ, гдѣ говорится, чтобы въ случаѣ кончины царя выбрать изъ среды своей достойнѣйшаго, а не указываетъ на своего прямого наслѣдника.

Царевичъ и кронпринцесса не вели между собою жизни исполненной привязанности; царевичъ не любилъ жены и очень часто между ними выходили размолвки, особенно, когда онъ домой возвращался въ нетрезвомъ видѣ. «Такъ, пишетъ его камердинеръ: «однажды царевичъ пріѣхалъ домой послѣ пирушки и пошелъ въ покои кронпринцессы, но вскорѣ возвратился въ свой кабинетъ и призвавъ меня къ себѣ въ сердцахъ воскликнулъ: «Вотъ навязали мнѣ на шею жену; какъ ни приду къ ней, все сердится, говорить не хочетъ; оплачу же я отцовымъ совѣтникамъ за то, что связали

меня съ нсю!..» Я царевичу замѣтилъ: «Зачѣмъ, государь изволите такъ кричать и сердито говорить, узнаютъ бояре, осердятся и къ тебѣ не только они, но и другіе ѣздить не станутъ.» Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Что мнѣ до нихъ, была бы на моей сторонѣ чернь. Когда придетъ время, безъ батюшки, тогда я шепну слово архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, а священники прихожанамъ, тогда они нехотя будутъ дѣлать, что я хочу.» Я слушаю, стою и молчу. Онъ посмотрѣлъ на меня, да и говоритъ: «Что ты молчишь и задумался?» Я и вымолвилъ: «Что мнѣ, государь, говорить?» Посмотрѣлъ онъ на меня нѣсколько времени и пошелъ къ себѣ въ крестовую молиться, а я ушелъ къ себѣ.

«На другой день поутру призвалъ меня къ себѣ и говоритъ: «Не досадилъ ли я вчера кому?» Я отвѣчалъ, что нѣтъ.— «Не говорилъ я чего хмѣльной?» Я ему повторилъ, что онъ мнѣ говорилъ, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Кто безъ грѣха: у пьянаго всегда много лишнихъ словъ. Я очень досажаю на себя, что лишнее говорю, а послѣ объ этомъ очень тужу. Я тебѣ совѣтую этихъ пустыхъ словъ никому не говорить, а ежели скажешь, никто тебѣ не повѣритъ. Я запрუსь, а тебя стануть пытать.» Самъ говоритъ это и смѣется. Я ему отвѣчалъ: «Кому мнѣ сказывать, что мнѣ до этого за дѣло....»

Въ 1714 году царевичъ постоянно былъ нездоровъ и доктора нашли, что у него сильная чахотка и посоветовали ему ѣхать на воды въ Карлсбадъ. Царь согласился на просьбу сына. Кикинъ, бывшій деньщикъ Петра и который готовъ былъ прежде положить за него голову, теперь занималъ важную должность адмиралтейца и перешелъ совершенно на сторону царевича, былъ его главнымъ совѣтникомъ и поджигалъ его къ неповиновенію. Кикинъ думалъ, что поѣздка въ Карлсбадъ случай очень удобный для царевича; онъ можетъ подъ предлогомъ болѣзни продлить свое пребываніе за границей и даже остаться тамъ, чтобы избѣжать столкновенія съ отцомъ.

Царевичъ показалъ Головкину письмо, полученное отъ отца съ позволеніемъ ѣхать въ Карлсбадъ, взялъ у него паспортъ на имя офицера, отправляемаго въ Германію, и объявилъ, что намѣренъ тотчасъ выѣхать; Головкинъ просилъ его повременить немного, чтобы предотвратить опасности, какія могутъ быть во время дороги и еще болѣе во время пребыванія въ Карлсбадѣ. Но царевичъ не

только писать, но и говорить иностраннымъ министрамъ о своемъ отъѣздѣ не позволилъ и на другой день уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простившись. Но царь распорядился, чтобы Головкинъ написалъ Матвѣеву, русскому министру въ Вѣнѣ, чтобы тотъ попросилъ императора отправить въ Карлсбадъ вѣрнаго человѣка съ отрядомъ солдатъ, чтобы охранять царевича во время его путешествія и во время его пребыванія тамъ; о томъ же просили и прусскаго короля, а подозрительную Саксонію приковано было объѣхать.

Въ Карлсбадъ царевичъ пріѣхалъ въ концѣ іюля и очень недоволенъ былъ, что ему назначенъ почетный караулъ; по совѣту докторовъ онъ пилъ воду, ему пускали кровь и предпринимали всѣ извѣстные способы леченія. Во время пребыванія въ Карлсбадѣ Алексѣй читалъ много церковныхъ лѣтописей и дѣлалъ изъ нихъ выписки; нѣкоторыя изъ этихъ выписокъ имѣли отношеніе къ его собственной, скрытой борьбѣ съ отцомъ и потому казались ему особенно занимательными и онъ ихъ для памяти записывалъ.

Приходило время возвратиться въ Петербургъ и царевичъ въ нерѣшительности пишетъ къ Кикину—какъ быть? дѣлать ли такъ, какъ говорено было или нѣтъ? Кикинъ отвѣчаетъ, чтобы онъ просилъ позволенія у отца, а самовольно не оставался, чтобы не навлечь на себя гнѣва «проси позволенія, а ты своего дѣла не забывай!» Царевичъ рѣшился возвратиться въ Россію, но его тревожили мрачныя предчувствія: «Быть мнѣ пострижену, говорилъ онъ хмѣльной своимъ пріятелиамъ; если не захочу постричься волею, постригутъ неволею. Если этого не будетъ при отцѣ, то будетъ послѣ него, все равно что Василя Шуйскаго отдадутъ въ плѣнъ. Худое мое житье!»

При возвращеніи въ Петербургъ, Кикинъ спросилъ царевича: видался ли онъ съ кѣмъ нибудь, изъ принадлежащихъ къ французскому двору; на отрицательный отвѣтъ, сожалѣлъ, что царевичъ ни съ кѣмъ не видался, говорилъ, что французскій король, человѣкъ великодушный, даетъ пристанище иностраннымъ королямъ и не выдаетъ ихъ, что въ случаѣ надобности Франція мѣсто хорошее для того, кто хочетъ скрыться.

Во время отсутствія Алексѣя у него родилась дочь, которая по желанію кронпринцессы названа была Натальей; еще до рожденія дитяти, по распоряженію царя, къ ней приставлены были три

русскія боярыни, первыя при ея дворѣ — первая графиня Головкина, жена канцлера, вторая — генеральша Брюсъ и Ржевская. Кронпринцесса была этимъ распоряженіемъ очень недовольна, жаловалась на стѣсненіе, на нарушеніе брачнаго договора, по которому она одна имѣетъ право составлять свой придворный штатъ; называла приставленныхъ дамъ надзирательницами за ея дѣйствіями и т. д. Но царь ей очень спокойно отвѣчалъ, что такъ положено во всѣхъ иностранныхъ дворахъ, чтобы при рожденіи принца или принцессы были свидѣтельницы, независимыя отъ постоянныхъ окружающихъ придворныхъ лицъ, чтобы закрыть ротъ тѣмъ, кто бы вздумалъ толковать объ обманѣ или о подлогѣ. Долго принцесса не хотѣла подчиниться этому требованію, но дѣлать было нечего, воля царя была неизмѣнна.

Царевичъ изъ Карлсбада возвратился въ Петербургъ; семейная жизнь его была такая же, какъ прежде, кронпринцесса имѣла причины жаловаться на невоздержность своего мужа, на его частые пиры, и даже на невѣрность. Весь 1715 годъ принцесса хворала и была грустна, октября 12-го у нея родился сынъ, котораго по желанію матери назвали Петромъ и который впоследствии царствовалъ подъ именемъ Петра II. Недѣль за десять до рожденія сына, кронпринцесса, всходя на лѣстницу, поскользнулась, упала и очень ушиблась о ступеньку. Она постоянно чувствовала съ тѣхъ поръ боль и много разъ говорила, что ее какъ булавками колеть, и у нея была постоянная лихорадка, ей пускали кровь, отчего какъ будто ей стало немного лучше. Но, послѣ рожденія сына, первые три дня она чувствовала себя какъ нельзя лучше, и на четвертый не смотря на просьбы докторовъ и приближенныхъ встала съ постели и приказала на креслахъ перенести себя въ другую комнату, гдѣ принимала поздравленія придворныхъ. Но тотчасъ ей стало хуже и она захворала; ей давали разныя микстуры, но состояніе ея становилось хуже и въ десятый день послѣ консиліума между всѣми находившимися въ Петербургѣ докторами, положеніе ея объявлено вполне безнадежнымъ.

Больная сама сознавала свое отчаянное положеніе и на слѣдующій день приказала позвать барона Левенвольда и въ трогательныхъ выраженіяхъ объявила ему свою послѣднюю волю и желаніе. Она просила, чтобы вмѣсто матери воспитаніе дѣтей ея

было поручено лучшей ея подругѣ, принцессѣ Остѣ-Фрисландской; если же царь по чему бы то ни было найдетъ это неумѣстнымъ и невозможнымъ для исполненія, то просила Левенвольда, какъ человѣка извѣстнаго по своей честности, самому отвезти принцессу въ Германію; поручила написать ея роднымъ, что она всегда была довольна расположеніемъ къ ней царя и царицы, что все обѣщанное въ контрактѣ было въ точности выполнено, и кромѣ того царь еще осыпалъ ее многими благодѣяніями. И теперь, не смотря на свою собственную тяжкую болѣзнь, царь прислалъ къ ней князя Меншикова и всѣхъ своихъ лучшихъ докторовъ. Она съ Левенвольда взяла слово, что все это онъ выполнить въ точности и кромѣ того лично будетъ просить мать умирающей и сестру ея, императрицу, чтобы она всѣми силами постаралась возстановить и укрѣпить дружбу между царемъ и цесаремъ, потому что отъ этого союза она предвидитъ много пользы для ея дѣтей. Умирающая нѣсколько разъ требовала, чтобы Левенвольдъ далъ ей слово и руку на то, что въ точности исполнить ея желанія. «Теперь, продолжала она, на сердцѣ у меня ничего нѣтъ; я оставляю этотъ суетный міръ и всѣми мыслями своими обращаюсь къ единому Богу». Послѣ этихъ словъ она подала руку барону Левенвольду и отпустила его.

Петръ уже нѣсколько дней былъ боленъ и не выходилъ изъ комнаты; но при вѣсти о приближающемся послѣднемъ часѣ крон-принцессы посѣтилъ ее; она была еще въ памяти и просила его не оставить дѣтей ея и наградить ея слугъ. Октября 22 въ полночь молодая принцесса скончалась.

Царевичъ былъ очень опечаленъ смертію жены, онъ наконецъ узналъ ей пѣну, видѣлъ, что она добра и снисходительна, и сознавалъ свои вины въ отношеніи ея; да и какъ отецъ, онъ сожалѣлъ о томъ, что дѣти его остаются безъ матери, сиротами. Онъ нѣсколько разъ падалъ въ обморокъ, ломалъ себѣ руки и плакалъ надъ мертвою, какъ безсильное дитя. Послѣ похоронъ его ожидало еще новое горе; отецъ собственноручно отдалъ ему письмо, взволновавшее всѣ его неясныя опасенія. Письмо было подписано еще 11 октября до рожденія внука. Письмо это выражаетъ тревожное опасеніе Петра за положеніе Россіи послѣ его смерти; въ началѣ

написано: *объявленіе сыну моему*. Этимъ письмомъ Петръ еще разъ пытался въ царевичѣ пробудить чувство долга.

Въ началѣ Петръ указывалъ на Россію стѣсненную шведами, на то, какъ силою оружія освободилась отъ нея, какъ одну за другою отобранны области издревле принадлежащія Россіи, указывалъ, какъ своею неусыпною дѣятельностію образовалъ войско и доставилъ ему славу. Но при всей радости отъ побѣдъ внѣшнихъ, у него есть печаль превышающая всѣ радости; печаль эта та, что некому послѣ себя оставить начинанія свои, что въ немъ, въ своемъ наслѣдникѣ онъ не находитъ сочувствія къ своимъ преобразованіямъ; не потому, что Богъ не далъ ему ума, или лишилъ силъ физическихъ, потому что, хотя здоровье у царевича слабое, но не на столько, чтобы лишить его возможности что-нибудь дѣлать; но главное нѣтъ у него *желанія*. Военныя занятія ему противны; между тѣмъ военная сила есть основаніе благостоянія народа; что посредствомъ военной силы, Россія изъ тѣмы вышла къ свѣту; нѣтъ надобности любить войну, но надобно показывать вниманіе къ войску, надобно заботиться объ образованіи и усиленіи его, чтобы оно могло служить защитою отъ вражескаго нападенія. Войны посредствомъ однихъ генераловъ вести нельзя, надобно самому показывать къ военному дѣлу вниманіе, надобно любить это дѣло, чтобы оно находилось въ хорошемъ состояніи. Примѣромъ приводилъ то, что въ государствѣ всегда процвѣтаетъ та отрасль, которая болѣе всего нравится правителю, что самому не для чего быть крѣпкимъ воиномъ, чтобы войско было сильно; такъ напри- мѣръ, при Феодорѣ Алексѣевичѣ, человекѣ слабомъ, при дворѣ были особенно хорошія и рьяныя лошади, потому что онъ любилъ ихъ, хотя самъ никогда на нихъ не ѣздилъ и ѣздить не могъ. Отъ чего правитель показываетъ отвращеніе, отъ того и всѣ его подданные: такъ при царѣ Феодорѣ всѣ любили пышную одежду и лошадей, а теперъ военное дѣло и оружіе; ежели это замѣтно въ такихъ ничтожныхъ вещахъ, то тѣмъ болѣе въ дѣлахъ важныхъ. «Не имѣешь охоты ничему учиться и потому ничего не знаешь. Не зная дѣла, нельзя требовать хорошаго исполненія его, потому что не знаешь мѣры сколько исполнить можетъ человекъ и потому не умѣешь наградить достойнаго и наказать небрежнаго. Слабостию ли здоровья отговариваться, что воинскихъ трудовъ повести

не можешь? Но и это не причина: не трудовъ, но охоты желаю, которую никакая болѣзнь отнять не можетъ... Хоть умершій король французскій, самъ не много бывалъ на войнѣ, по любилъ ее и совершилъ столько славныхъ военныхъ подвиговъ, что его время называютъ шеолою военныхъ дѣйствій, и не только войну любилъ, но покровительствовалъ и мануфактурамъ и торговлѣ, чѣмъ и прославилъ свое царствованіе. Все это представивъ, обращусь опять къ первому, къ тебѣ: я человекъ и смертенъ; кому же я оставлю посѣянное мною и уже частію вырощенное? Неужели лѣнивому рабу евангельскому, который талантъ свой закопалъ въ землю (т. е. все, что Богъ далъ забросилъ!). Припомню еще твой злой и упрямый характеръ. Сколько я бранилъ и билъ тебя за него, сколько лѣтъ не говорю съ тобою, и на тебя это не дѣйствуетъ, тебѣ бы только дома сидѣть и веселиться... Безумный радуется своей бѣдѣ, не зная, что изъ этого выйдетъ, не только тебѣ но и всему государству... Размысливъ обо всемъ этомъ съ горемъ, и вида, что тебя ничѣмъ склонить нельзя къ добру, я рѣшился написать тебѣ это послѣднее мое увѣщаніе и еще немного подожду твоего исправленія. Ежели же оно не будетъ, то знай, я тебя лишу наслѣдства, какъ членъ пораженный гангреной откину; не думай, что ты мой единственный сынъ и что я это пишу только для того, чтобы напугать тебя: воистину (видитъ Богъ) исполню, потому что за мое отечество и подданныхъ не жалѣлъ и не жалѣю жизни своей, какъ же я пожалѣю тебя, недостойнаго? Пусть послѣ меня лучше чужой хорошій будетъ, нежели свой недостойный!»

Царевича смутило грозное письмо отца, писанное еще до рожденія внука, а теперь, ежели отецъ лишитъ наслѣдства его, то останется сынъ его; къ тому же вскорѣ по полученіи письма у Петра родился сынъ, тоже Петръ, слѣдовательно есть и прямой наслѣдникъ, братъ, сынъ мачихи, которая по словамъ приближенныхъ царевича была къ нему ласкова, пока еще не было своего сына. Положеніе царевича становилось опасно, онъ за совѣтомъ обратился къ Кикину. Тотъ совѣтовалъ отказаться отъ престола, по слабости здоровья, жить вдаль и выжидать, что будетъ. То же совѣтовалъ Василій Владиміровичъ Долгорукій, человекъ близкій къ царю. «Давай сколько хочешь отреченій, прибавилъ онъ,

это не запись съ неуступкою, какую мы встарину давали между собою». Ободренный Долгорукимъ, царевичъ черезъ три дня отдалъ письмо.

Онъ писалъ въ немъ, что въ волѣ отца лишить его наслѣдства; потому что и самъ видитъ, что не имѣетъ достаточной памяти, истощенъ болѣзнями, ослабѣлъ умомъ и не способенъ управлять народомъ;» для этого нуженъ не *инилой*, но здоровый человѣкъ и потому отъ наслѣдства отказываюсь, даже и въ такомъ случаѣ ежели бы у меня не было брата, но братъ, слава Богу, теперь есть и дай Богъ ему здоровья! На наслѣдство не претендую и впередъ претендовать не буду, въ чемъ Бога призываю въ свидѣтели и пишу это своею рукою. Дѣтей моихъ вручаю въ волю вашу; себѣ же прошу только пропитанія до смерти. Предавъ все это на ваше разсужденіе и волю милостивую, всенижайшій рабъ и сынъ Алексѣй».

Петръ былъ очень недоволенъ письмомъ сына; оно ставило его въ печальную обязанность исполнить угрозу свою; письмо не такъ подѣйствовало, какъ отецъ ожидалъ, и не образумило, но еще болѣе ожесточило молодаго человѣка: вмѣсто раскаянія и объясненій онъ получилъ холодное отреченіе отъ престола. Петръ больше мѣсяца медлил отвѣтомъ, все волновался, все раздумывалъ и какъ всякая непріятность для него оканчивалась болѣзью, такъ и теперь тяжело захворалъ. Непріятность подготовила болѣзнь, а неосторожность и простуда вызвали ее. На этотъ разъ положеніе царя было отчаянное, ждали его смерти; министры и сенаторы нѣсколько дней не выходили изъ дворца и ночевали въ царскихъ покояхъ; 2 декабря царь приобщился Св. Тайнъ, но съ этой минуты опасность миновала и царь началъ поправляться.

Во все время болѣзни царевичъ одинъ только разъ пришелъ освѣдомиться о здоровьѣ отца; любимецъ Алексѣя Кикинъ говорилъ ему: «Отецъ твой вовсе не такъ опасно боленъ, а причащался и исповѣдывался нарочно, онъ притворяется опасно больнымъ.» Неизвѣстно, повѣрилъ ли царевичъ словамъ этимъ, только въ эту болѣзнь онъ показалъ крайнюю холодность къ отцу.

Петръ поправился къ Рождеству Христову и въ первый разъ изъ дома вышелъ въ церковь.

Января 19 Петръ написалъ сыну второе письмо: *«послѣднее напоминаніе еще»*.

«Изъ-за болѣзни не могъ я до сихъ поръ дать рѣшенія, писалъ Петръ; въ письмѣ своемъ говоришь ты только о наслѣдствѣ и предоставляешь мнѣ то, что и безъ тебя въ моей волѣ. Отчего же не отвѣчалъ на то, что я говорилъ о твоей неохотѣ къ дѣлу, на это я указывалъ больше, нежели на слабость здоровья. Также оставлено безъ вниманія и то, за что я столько лѣтъ недоволенъ тобою; изъ этого я заключаю, что для тебя отцово неудовольствіе не имѣетъ значенія и это заставило меня написать тебѣ это въ послѣдній разъ: ты теперь меня не боишься, будешь ли ты хранить послѣ меня обѣщаніе мнѣ данное? Твоей клятвѣ вѣрить невозможно. Къ тому же по словамъ Давида: *«всякъ человѣкъ ложь»*. Если бы ты впослѣдствіи и хотѣлъ сдержать слово, то тебя уговорятъ и принудятъ *большія бороды*, которыя теперь изъ-за собственнаго тунеядства у меня не въ чести и къ которымъ ты очень привязанъ. Помогаетъ ли ты мнѣ въ моихъ трудахъ и печаляхъ? Нѣтъ!... Напротивъ, ты ненавидишь все то, что я дѣлаю для пользы моего народа, не жалѣя ни здоровья, ни жизни, и что ты послѣ меня разоришь. Вотъ почему оставаться такъ, какъ ты того желаешь, ни рыбой, ни мясомъ, невозможно; или измѣни свой характеръ и сдѣлайся моимъ достойнымъ наслѣдникомъ, или будь монахомъ: потому что безъ этого духъ мой не можетъ быть спокоенъ, а особенно потому, что я такъ часто бываю нездоровъ. На письмо это дай немедленно отвѣтъ, или на бумагѣ или на словахъ. Если же этого не сдѣлаешь, то поступлю съ тобою какъ съ преступникомъ. Петръ.»

Царевичъ опять обратился къ Кикину за совѣтомъ, тотъ тоже не зналъ, что совѣтовать, и ему монастырь казался безопаснымъ убѣжищемъ для царевича, до поры до времени; Кикинъ говорилъ, что ежели можно постричься, то можно и разстричься *«вѣдь, клубокъ не гвоздемъ къ головѣ приколотень, его можно и снять!»* И Кикинъ и Вяземскій говорили царевичу: *«ежели другой дороги нѣтъ, то иди въ монастырь!»* но совѣтовали заявить духовнику, а черезъ него и архіереямъ, что идетъ въ монастырь не охотою и не по винѣ какой нибудь, а для спасенія своего.

На другой день, 20 января, Петръ получилъ короткій отвѣтъ

отъ сына: «Милостивѣйшій государь батюшка! Письмо ваше я получилъ, на которое больше писать за болѣзнію не могу. Желая монашескаго чина и прошу на это милостиваго позволенія. Рабъ вашъ и непотребный сынъ Алексѣй».

И послѣднее средство не помогло! И монашество не испугало! И подлѣ царевича не нашлось ни одного истинно разумнаго и преданнаго человѣка, который бы посовѣтовалъ непокорному сыну покориться и исправиться.

Петръ горевалъ и собирался въ походъ за границу; но передъ отъѣздомъ пришелъ къ больному сыну, чтобы проститься съ нимъ и еще разъ спросить на что онъ рѣшается. Алексѣй былъ здоровъ, но притворился больнымъ и лежалъ въ постели, когда отецъ пришелъ къ нему прощаться. На вопросъ отца царевичъ отвѣчалъ, что не можетъ быть наслѣдникомъ по слабости здоровья и желаетъ въ монастырь. «Одумайся, отвѣчалъ Петръ, не спиши, потомъ напиши мнѣ, что хочешь дѣлать; а лучше бы выйти на прямую дорогу, нежели идти въ чернецы. Подожду еще полгода.» Царь уѣхалъ, а царевичъ въ тотъ же вечеръ, совсѣмъ здоровый, пировалъ съ пріятелями.

Царевичъ, оставшись одинъ, опять зажилъ своею прежнею безпечною жизнію, подготовляя себѣ приверженцевъ на случай смерти отца, да и такъ на всякій случай. Семь мѣсяцевъ прошло незамѣтно. Петръ все дожидался отъ сына рѣшительнаго отвѣта, все надѣялся, что сынъ исправится и наконецъ примется за дѣло, но изъ двухъ писемъ его, полученныхъ въ теченіе полугода, о дѣлѣ не говорилось ни слова и царевичъ писалъ только о своей болѣзни. Петръ послалъ къ сыну курьера съ третьимъ письмомъ, въ которомъ требовалъ рѣшительнаго исполненія своей воли и въ послѣдній разъ предлагалъ: или немедленно оставить Петербургъ и спѣшить къ войску, чтобы вмѣстѣ съ отцомъ заняться дѣломъ, или безотлагательно постричься въ монахи, извѣстивъ отца или о днѣ и часѣ своего выѣзда изъ Россіи или о мѣстѣ, куда намѣренъ удалиться въ монастырь.

Письмо это застало царевича на мызѣ; колебаться болѣе нельзя было; Кикинъ еще заранѣе натолковалъ ему, чтобы въ случаѣ нужды онъ искалъ пріюта у австрійскаго императора, гдѣ уже были переговоры о пріѣздѣ Алексѣя и гдѣ по родственному чувству ему

не откажутъ въ пріютѣ и въ жалованьи на содержаніе. Послѣ недолгаго колебанія и страха подѣ бдительнымъ надзоромъ отца приняться за дѣло, ненавистное его апатической природѣ, онъ рѣшился бѣжать и искать убѣжища при иностранномъ дворѣ.

Послѣ полученія письма Алексѣй отправился въ Петербургъ, явился къ Меншикову и объявилъ ему, что рѣшился немедленно ѣхать къ отцу въ Кенигсбергъ и подчиниться ему. Меншиковъ одобрилъ его рѣшимость и спросилъ только, что онъ намѣренъ сдѣлать съ крѣпостною дѣвушкой Афросиньей, къ которой въ послѣднее время онъ очень привязался. Алексѣй отвѣчалъ, что думаетъ взять ее съ собою до Риги, а оттуда вмѣстѣ съ другими отпустить въ Петербургъ. На это Меншиковъ посоветовалъ взять ее съ собою и дальше.

Царевичъ возвратился отъ Меншикова домой, приказалъ камердинеру укладываться такъ, какъ бывало и въ предъидущіе годы укладывался для путешествія за границу, но при этомъ не утерпѣлъ и проговорился, что ѣдетъ не къ отцу, а совсѣмъ. Камердинеръ Иванъ Аѳанасьевъ отвѣчалъ ему: «Воля твоя, государь, только я тебѣ не совѣтую». — «Почему?» — «Потому, ежели тебѣ удастся, то хорошо, а ежели не удастся, будешь на меня гнѣваться, зачѣмъ не остановилъ тебя.» Царевичъ на это приказалъ Аѳанасьеву никому не разглашать словъ его и прибавилъ: «Про это знаешь только ты, да Кикинъ; онъ для меня и въ Вѣну ѣздилъ развѣдывать, жаль, что не увижусь съ нимъ, развѣ только по дорогѣ встрѣчусь!»

Но царевичъ еще проговорился о своемъ намѣреніи и другимъ, обязывая ихъ сохранять его слова въ тайнѣ, послалъ черезъ вѣрнаго человѣка матери 500 рублей, простился съ Меншиковымъ, пошелъ въ Сенатъ, чтобы проститься съ сенаторами, и шепнулъ князю Якову Долгорукому на ухо: «Пожалуй, не оставь меня!» — «Всегда радъ, отвѣчалъ Долгорукій, только не говори больше, на насъ другіе смотрятъ!» Сенатъ выдалъ царевичу на дорогу 2,000 р., а Меншиковъ отъ себя 1,000 червонныхъ.

Алексѣй выѣхалъ изъ Петербурга 26 сентября 1716 года; съ нимъ были только Афросинья съ своимъ братомъ и трое слугъ. Царевичу на дорогу было мало денегъ данныхъ въ Петербургѣ и потому онъ въ Ригѣ занялъ еще 5,000 червонныхъ и 2,000 р. мелкими деньгами. Изъ Риги царевичъ отправился въ Либаву; на

дорогѣ встрѣтилъ онъ свою тетку Марью Алексѣевну, которая возвращалась послѣ леченія изъ Карлсбада. Алексѣй остановился, пересѣлъ къ ней въ карету и долго разговаривалъ съ нею. «Ѣду къ батюшкѣ,» сказалъ царевичъ.—Хорошо дѣлаешь, отвѣчала царица; отцу надобно угождать, это Богу пріятно; кому какая польза была бы ежелибъ ты пошелъ въ монастырь?—«Я и самъ не знаю: угожу ли отцу; я себя не помню отъ горя, я радъ былъ бы куда нибудь скрыться.» При этихъ словахъ онъ заплакалъ. «Куда тебѣ отъ отца уйти? вездѣ тебя найдутъ, замѣтила царица.» Царевичъ замолчалъ и не открылъ того, что у него на сердцѣ лежало. Но царица не считала нужнымъ таиться передъ племянникомъ и заговорила о томъ, что у нея тяжелымъ камнемъ душу томила; она начала упрекать Алексѣя въ томъ; что онъ позабылъ о матери, никогда не пишетъ ей ни слова, не посылаетъ ей ничего. «Забывъ ты совѣтъ матери! воскликнула она. Послалъ ли ты ей что нибудь послѣ того, какъ черезъ меня посылалъ?—«Послалъ отвѣчалъ царевичъ, думая о тѣхъ 500 р. которые отправилъ ей передъ отъѣздомъ. Царица уговаривала Алексѣя написать матери, хоть нѣсколько словъ: но онъ отвѣчалъ: «Я писать опасаюсь!»—Тамъ, чтоже? еслибъ тебѣ и пострадать за мать пришлось, такъ не бѣда; не за чужаго, а за мать!—Какая въ томъ прибыль ей, ежели мнѣ пострадать за нее? отвѣчалъ Алексѣй, ей отъ этого лучше не будетъ. Жива матушка, или нѣтъ?» спросилъ онъ.—Жива, отвѣчала царица и рассказала племяннику о предсказаніяхъ и видѣніяхъ на счетъ скорой смерти Петра и возвращенія Евдокіи на престолъ. За тѣмъ разговоръ перешелъ на Екатерину и царица свободно высказала свое неудовольствіе на эту женитьбу брата. Наконецъ совѣтовала царевичу повидаться съ Кикинымъ.

Царица Марья Алексѣевна продолжала свое путешествіе на сѣверъ въ Петербургъ, а царевичъ на юго-западъ. Въ Либавѣ онъ встрѣтился съ Кикинымъ. Алексѣй рѣшился не ѣздить къ отцу, а искать защиты у австрійскаго императора, но шагъ этотъ пугалъ его самого и онъ былъ въ раздражительномъ состояніи; съ Кикинымъ обошелся довольно сердито; однакожь рассказалъ ему все, не утаилъ даже того, что проговорился въ Петербургѣ своему камердинеру. Кикинъ напугалъ царевича тѣмъ, что Петръ очень сердитъ на него, и теперь не позволитъ ему даже пойти въ монастырь,

гдѣ онъ могъ бы прожить долго, спокойно и дожидаться лучшихъ дней, а вызываетъ его къ себѣ для того только, чтобы замучить его трудной походной жизнью, которой слабое здоровье царевича не вынесетъ.

Кийинъ умѣлъ воспользоваться боязливымъ и лѣнивымъ характеромъ царевича и представить ему дѣло такъ, что ему оставалось одно спасеніе—бѣгство. Но въ то же время его тревожило опасеніе, какъ бы участіе его въ этомъ бѣгствѣ не открылось и потому уговорилъ царевича написать нѣсколько писемъ въ такомъ смыслѣ, чтобы выгородить себя, а напротивъ навлечь подозрѣніе въ соучастіи на Меншикова и князя Василя Владиміровича Долгорукаго.

Запасшись такими документами, на всякій случай, Кийинъ отправилъ царевича въ Вѣну, а самъ вернулся въ Петербургъ. Царевичъ, полный тревоги и опасеній, не зная какой пріемъ ожидаетъ его въ Вѣнѣ, прибылъ туда 10 ноября 1716 года. Поздно вечеромъ онъ явился къ вице-канцлеру Шенборну и, съ ужасомъ оглядываясь во всѣ стороны, размахивая руками и тревожно шагая взадъ и впередъ по комнатѣ, говорилъ взволнованнымъ голосомъ, что просить у цесаря защиты и покровительства, что его и дѣтей царь хочетъ лишить наслѣдства и погубить. Клялся, что у него никогда никакого злаго умысла противъ царя не бывало и что онъ никогда съ умысломъ не сердилъ отца, что не виноватъ въ своихъ недостаткахъ, что Меншиковъ такъ дурно воспиталъ его и неумѣренностями всякаго рода погубилъ его здоровье. «Отецъ говоритъ, что я не годюсь для военныхъ занятій, но у меня есть умъ, нужный для управленія государствомъ, а меня хотятъ лишить престола и запрягать въ монастырь, но я этого не хочу, цесарь долженъ спасти мнѣ жизнь!» съ этими словами, въ полномъ изнеможеніи, царевичъ упалъ на стулъ и воскликнулъ: «ведите меня къ императору!» Потомъ просилъ стаканъ пива; ему подали мозельскаго вина и Шенборнъ просилъ его успокоиться и подождать, пока объ немъ доложатъ государю, а пока увѣрялъ его въ полной безопасности, и что его не выдадутъ. Но Алексѣй продолжалъ жаловаться на преслѣдованія, на то, что его хотѣли напоить до смерти, что онъ никогда никому не мѣшалъ, жилъ смиренно, ни во что не вмѣшивался. Отецъ былъ къ нему добръ, пока Меншиковъ и новая царица, мачиха его, не стали противъ него вооружать отца; особенно худо по-

шло съ тѣхъ поръ, какъ у него родился сынъ, и кронпринцесса умерла, а еще хуже когда у царицы родился свой сынъ, а ему братъ по отцу. Теперь неотступно требуютъ, чтобы шель въ монастырь и отказался отъ престола и за себя и за сына. Царевичъ сказалъ еще, что мачиха и Меншиковъ рѣшились уморить его, потому что здоровье отца видимо слабѣетъ и они не хотятъ допустить его до престола.

Царевичъ объяснилъ, какъ притворился, что ѣдетъ къ отцу и какъ бѣжалъ въ Вѣну, потому что ни у французовъ, ни у шведовъ, враговъ своего отца, пристанища искать не захотѣлъ. Онъ не забылъ оправдываться въ слухахъ о дурномъ его обращеніи съ кронпринцессою и говорилъ, что не онъ дурно съ нею обходился, а что отецъ и царица хотѣли ее принудить служить себѣ, какъ простую горничную, чего она выносить не могла, особенно плоха стала ея жизнь съ тѣхъ поръ, какъ у нея пошли дѣти.

Царевичъ просилъ, чтобы его и его дѣтей защитили отъ строгаго и въ гнѣвѣ жестокаго отца, который готовъ пролить невинную кровь его, какъ уже и прежде много пролилъ. Если цесарь выдастъ его, то все равно, что самъ казнить, потому что ежелибы и отецъ пощадилъ, но Меншиковъ и царица не пощадятъ.

Царевичъ непремѣнно хотѣлъ лично увидѣться съ императоромъ, но Шенборнъ отклонялъ его отъ этого намѣренія и объяснялъ, что ему лучше всего не выставляться при дворѣ, а жить гдѣ нибудь скрытно. Причины показались царевичу основательными и онъ 12 ноября тайно изъ Вѣны былъ перевезенъ въ мѣстечко Вейербургъ. Сюда присланъ былъ одинъ изъ министровъ, чтобы вновь разспросить царевича и обстоятельнѣе узнать его отношенія къ отцу, чтобы рѣшить, какъ дѣйствовать. Алексѣй повторилъ опять все, что говорилъ Шенборну при первомъ свиданіи, но еще менѣе пощадилъ отца, царицу и Меншикова, выставилъ себя, какъ жертву недоброжелательныхъ людей, которые ему особенно за то завидуютъ, что народъ, духовенство и лучшія древнія боярскія семейства, недовольныя нововведеніями Петра, привержены къ нему и только ждутъ случая, чтобы доказать эту преданность. Но все-таки опять просилъ не выдавать его; что же касается до дѣтей, то заговоривъ о нихъ, царевичъ залился слезами и сказалъ: «что увѣренъ, отецъ поща-

дить ихъ, а онъ объ ихъ участи не позаботился и не оставилъ никакого распоряженія».

Въ Вѣнѣ рѣшились скрывать царевича; для этого его перевезли въ замокъ Эренбергъ, гдѣ онъ спокойно жилъ подъ именемъ политическаго арестанта.

Въ Россіи между тѣмъ исчезновеніе царевича произвело большое смятеніе: изъ Петербурга онъ уѣхалъ, а въ Кенигсбергъ не пріѣхалъ. Но Петръ не привыкъ предаваться бесполезнымъ опасеніямъ и догадкамъ, — онъ дѣйствовалъ. По его приказанію, начали собирать свѣдѣнія, по какимъ мѣстамъ царевичъ проѣзжалъ, гдѣ останавливался. Слѣды нашлись и молодой капитанъ гвардіи, Александръ Румянцевъ съ тремя офицерами добрался до Вѣны, марта 17-го, 1717 года. Ему было приказано арестовать царевича и привезти его въ Мекленбургъ. Но въ Вѣнѣ слѣды исчезли. Неутомимымъ русскимъ посланнымъ удалось развѣдать, что въ замкѣ Эренбергѣ живетъ молодой русскій, пріѣхавшій недавно, подъ именемъ Коханскаго. Русскій посланникъ по этому поводу началъ дипломатическія сношенія, но ему отвѣчали, что австрійское правительство никакого Коханскаго не знаетъ. Румянцевъ для удостовѣренія тайно отправился къ Эренбергу и издали лично видѣлъ царевича; сомнѣній не составалось и требованія посланника сдѣлались настоятельными.

Вѣнскій дворъ убѣдился, что пребываніе царевича въ Эренбергѣ извѣстно и потому къ нему послали секретаря Кейля съ предложеніемъ, или изъявить покорность отцу и отдаться ему на милость и немилость, или уѣхать куда нибудь подальше, хоть въ Неаполь. Царевичъ съ радостію схватился за послѣднее и объявилъ, что немедленно готовъ ѣхать, куда ему прикажутъ, лишь бы не выдавали отцу.

Царевичъ немедленно оставилъ Эренбергъ и вмѣстѣ съ секретаремъ Кейлемъ и съ Ефросиньею, переодѣтою пажемъ, поѣхалъ въ Неаполь; но Румянцевъ не выпускалъ царевича изъ глазъ и скрытно слѣдилъ за нимъ до самаго Неаполя, куда онъ прибылъ 6 мая, а черезъ два дня уже былъ помѣщенъ въ крѣпкомъ замкѣ Ст. Эльмо. Петру изъ Вѣны послали уклончивый отвѣтъ.

Петръ отправилъ въ Вѣну чрезвычайнаго посланника, Толстаго вмѣстѣ съ Румянцевымъ. Они пріѣхали въ Вѣну 26 іюля и были

допущены къ частной аудіенці. Карль VI выразиль сожалѣніе, что посланная имъ объяснительная грамота показалась царю неясною и обѣщался въ самомъ непродолжительномъ времени дать отвѣтъ ясный и точный, который разъяснитъ всѣ недоразумѣнія и вполнѣ удовлетворитъ царя. Начали въ Вѣнѣ толковать о примиреніи отца съ сыномъ: но Толстой очень положительно отвѣчалъ, что о примиреніи и рѣчи быть не можетъ; сынъ долженъ покориться отцу, возвратиться къ нему и онъ можетъ, ежели найдетъ это возможнымъ, простить его, въ противномъ же случаѣ предастъ его проклятію и накажетъ его. Это было объявлено герцогинѣ Вольфенбюттельской, матери покойной кронпринцессы; она испугалась, чтобы проклятіе не пало на дѣтей царевича, очень встревожилась и обѣщалась сама написать царевичу, чтобы онъ повинился передъ отцемъ и спѣшилъ къ нему.

Толстой и Румянцевъ между тѣмъ вмѣстѣ съ русскимъ резидентомъ Веселовскимъ вели переговоры о выдачѣ царевича и даже объявили, что, ежели желаніе царя не исполнится, то онъ будетъ добывать своего сына вооруженной рукой. Министры обсудили требованіе Толстаго и въ своей конференціи положили, чтобы императоръ отъ себя написалъ письмо къ царевичу, уговаривая его добровольно возвратиться къ отцу, что пошлетъ съ письмомъ вѣрнаго человѣка, но силою выдать его, или противъ воли выслать не соглашается, потому что это противно всѣмъ народнымъ, и государственнымъ правамъ и можетъ назваться варварствомъ. Это рѣшеніе было объявлено Толстому; онъ встревожился, полагая, что Алексѣй убѣдившись, что убѣжище его открыто, куда нибудъ уѣдетъ и его будетъ трудно найти: поэтому настаивалъ, чтобы курьера къ царевичу не посылали, а лучше отправили его самого въ Неаполь.

Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній, Толстому и Румянцеву позволили ѣхать въ Неаполь; они прибыли туда 24 сентября и 26 уже видѣлись съ царевичемъ въ домѣ вице-короля. При свиданіи этомъ царевичъ выказалъ большой страхъ, ему казалось, что Толстой и Румянцевъ подосланы для того, чтобы умертвить его. Онъ чистосердечно признался, что изъ опасенія гнѣва отцовскаго уѣхалъ тайно и отдался подъ покровительство цесаря, потому что отецъ, лишая его престола, требовалъ отъ него немедленнаго постриженія, чего онъ вовсе не хотѣлъ. На вопросъ: согласенъ ли онъ возвратиться

къ отцу, онъ отвѣчалъ, что теперь на это не можетъ дать рѣшенія, потому что это дѣло важное и его надобно хорошенько обдумать.— При второмъ свиданіи Толстой объявилъ, что императоръ отъ покровительства царевичу отказывается, что при настоящихъ обстоятельствахъ войны изъ-за него вести не намѣренъ и потому на его помощь царевичу нечего надѣяться. Вице-король съ своей стороны подтверждалъ слова Толстаго и тоже уговаривалъ царевича повиниться.

Этимъ не ограничились; письмо было написано въ Вѣну къ Веселовскому съ просьбою похлопотать о томъ, чтобы императорскіе министры явно обнаружили свое нежеланіе защищать царевича оружіемъ, на что онъ больше всего надѣется и такъ какъ это единственное средство переломить *замерзлое упрямыство*.

Но это не скоро удалось, спачала всѣ старанія остались безъ послѣдствій; царевичъ не соглашался ѣхать, опираясь на обѣщанное покровительство. Вице-король вполне содѣйствовалъ Толстому, тѣмъ болѣе, что изъ Вѣны дано было приказаніе употребить всю силу своего краснорѣчія, чтобы убѣдить царевича оставить предѣлы Австріи и ежели не къ отцу, то выѣхать въ какое нибудь другое государство. Толстой страдалъ царевича войною съ Австріей и что Петръ оружіемъ добудетъ его, что несравненно для него невыгоднѣе, чѣмъ добровольная покорность, говорилъ, что самъ царь пріѣдетъ въ Неаполь и тогда опять не отвѣчаетъ за послѣдствія. Послѣ продолжительнаго колебанія, послѣ разныхъ угрозъ со стороны Толстаго и вице-короля, Алексѣй наконецъ поволебался и обѣщался объявить условія, на которыхъ рѣшается возвратиться въ Россію.

Царевичъ объявилъ наконецъ, что соглашается ѣхать къ отцу только съ слѣдующими условіями: чтобы все ему было прощено, позволено жить въ своихъ деревняхъ и чтобы ему позволено было жениться на Ефросинѣ. Толстой согласился на всѣ условія и прощеніе обѣщалъ клятвенно. Послѣ этого, Алексѣй написалъ отцу письмо, въ которомъ выразилось все тревожное состояніе его души, и въ которомъ съ покорностію молилъ о прощеніи.

Но царевичу трудно было разстаться съ Неаполемъ, онъ сперва съѣздилъ въ Бари поклониться мощамъ Св. Николая: Толстой и

Румянцевъ сопровождали его. Наконецъ 11 октября царевичъ выѣхалъ изъ Неаполя, но неотступно требовалъ, чтобы ему прислано было разрѣшеніе жениться на Ефросиньѣ до пріѣзда къ Россію и съ намѣреніемъ хотѣлъ медлить по пути, въ Римѣ и Венеціи, чтобы дожидаться указа о женитьбѣ.

Толстой уговорилъ царевича проѣхать черезъ Вѣну ночью, не останавливаясь, чтобы не представляться императору. Когда въ Вѣнѣ объ этомъ узнали, то императоръ послалъ морскому генераль-губернатору приказаніе, подѣ какимъ нибудь предлогомъ задержать царевича и постараться увидѣться съ нимъ съ глазу на глазъ, если царевичъ объявитъ, что дальше ѣхать не хочетъ, то отвести ему удобное помѣщеніе и въ случаѣ надобности, взять его подѣ свое покровительство. Сначала Толстой не допускалъ генераль-губернатора къ царевичу, но видя, что ихъ не выпускаютъ изъ города, согласился на свиданіе; но Толстой и Румянцевъ стояли съ обѣихъ сторонъ царевича и свиданіе ограничилось обыкновенными вѣжливостями.

Послѣ этой аудіенціи путешественники отправились дальше и безѣ приключеній пріѣхали съ Россію 31 января 1718 года. Ефросинья, по случаю болѣзни, осталась на дорогѣ. Въ понедѣльникъ, 3 февраля въ кремлевскія палаты собралось духовенство и свѣтскіе чины; явился царь; царевича ввели безѣ шпаги. Отецъ обратился къ нему съ строгимъ выговоромъ; царевичъ бросился на колѣни, призналъ себя во всемъ виновнымъ и со слезами просилъ помилованія. Отецъ обѣщаль ему полное прощеніе на двухъ условіяхъ: если торжественно откажется отъ своихъ правъ на престолъ и если откроетъ всѣхъ людей, принимавшихъ участіе въ его бѣгствѣ, или совѣтовавшихъ ему бѣжать. Царевичъ на все согласился и тутъ же подписалъ повинную. Послѣ этого царь вышелъ съ сыномъ въ другую комнату и царевичъ открылъ ему своихъ сообщниковъ и совѣтниковъ. Послѣ этого всѣ присутствующіе пошли въ Успенскій соборъ и царевичъ передѣ царскими вратами, положивъ руку на Евангеліе, громко отрекся отъ своихъ правъ на Русскій престолъ, далъ клятвенное обѣщаніе никогда, ни подѣ какимъ предлогомъ не домогаться его и за истиннаго наслѣдника престола призналъ малолѣтняго брата своего, Петра Петровича и цѣловаль ему крестъ. Письменное отреченіе и присягу Алексѣй тутъ же подписалъ.

Въ тотъ же день былъ обнародованъ манифестъ, въ которомъ изложены были мѣры, принятыя Петромъ для приличнаго воспитанія Алексѣя, описано недостойное поведеніе его и бѣгство; подробно рассказано, какъ царевичъ искалъ покровительства, Австріи, какъ его надобно было уговаривать, чтобы онъ возвратился къ отцу, какъ неминуемо онъ навлекъ бы на Россію новую войну, еслибы цесарь рѣшился защищать его оружіемъ. Упоминалось о клеветахъ, какія царевичъ распространялъ на отца и на приближенныхъ его; за всѣ эти вины онъ подлежить суду и осужденію, но царь, по родительской любви своей къ этому недостойному сыну, прощаетъ его, но для того, чтобы не пропали труды его царствованія, не было искоренено все то, что онъ съ такимъ трудомъ насадилъ, Алексѣй лишается права на наслѣдство престола и настоящимъ наслѣдникомъ объявленъ второй сынъ царя, еще малолѣтній Петръ и всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ повелѣвается присягнуть новому наслѣднику и защищать его права. Если же кто нибудь не захочетъ исполнять этого царскаго повелѣнія и будетъ продолжать смотрѣть на Алексѣя, какъ на наслѣдника, того будутъ преслѣдовать, какъ измѣнника отечества.

На слѣдующій день царевичу были предложены письменные пункты о его сообщникахъ, и онъ отвѣчалъ на нихъ, но къ несчастію, не съ полною откровенностію. Начался розыскъ по указанію Алексѣя. Кикинъ пытался бѣжать, но былъ пойманъ. Допросы пытки и казни шли длинною вереницей; менѣ виновные, или только оговоренные, были сосланы въ разные отдаленные города. Въ одно время съ розыскомъ въ Москвѣ, шелъ другой розыскъ, въ Суздали; открылось, что заточенная въ иночество Евдокія не носила монашеской одежды, постоянно входила въ сношенія съ различными лицами духовнаго и свѣтскаго званія, постоянно порицала поступки Петра, старалась распространять и поддерживать недовольство въ народѣ и питала надежды возвратиться на престоль, или, какъ вновь признанная супруга царя, или какъ мать царствующаго Алексѣя. Всѣхъ, входившихъ въ сношеніе съ заточницею, всѣхъ ея приверженцевъ ловили, подвергали розыску съ *пристрастіемъ* и казнили. Инокія Елена отправлена въ Ладугу, въ болѣе строгій монастырь. Царевна Марья Алексѣевна, сестра Петра, по-

казывавшая постоянное участіе къ Алексѣю и къ изгнанной царицѣ Евдокіи, тоже должна была идти въ монастырь и принять монашество.

Московскій розыскъ кончился; Петръ спѣшилъ въ Петербургъ; время, назначенное для начала переговоровъ о мирѣ на Ааландскихъ островахъ приближалось. Царица Екатерина писала Меншикову, чтобы онъ распорядился приготовить помѣщеніе для царевича, велѣлъ вымыть полы въ хоромахъ Марьи Алексѣвны, починить, что нужно и вычистить. Марта 18 Петръ выѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ царевичемъ; въ это время еще ничего не было такого, по чему можно было бы предвидѣть ужасный конецъ непріятностямъ, какія были между отцемъ и сыномъ. У царевича оставалось одно только постоянное и сильное желаніе—увидѣться съ Ефросиньей и жениться на ней; объ этомъ онъ на колѣняхъ и со слезами просилъ царицу въ первый день Свѣтлаго праздника. Въ половинѣ апрѣля Ефросинья пріѣхала въ Петербургъ; ее немедленно допросили и показанія ея были такого рода, что дали совершенно другой оборотъ дѣлу; царевичъ являлся не только, какъ непокорный сынъ, но и какъ возмутитель, который только и думаетъ о томъ, какъ бы достигнуть престола и, достигнувъ его, уничтожить все то, что отецъ сдѣлалъ. Оказалось, что онъ и въ чужой землѣ не выпускалъ русскихъ и Россію изъ глазъ и искалъ случая воспользоваться волненіемъ, порожденнымъ недовольствомъ и явиться, сильный приверженностію любителей старины, и, опираясь на нихъ, захватить верховную власть.

Эти показанія дали совершенно другой оборотъ дѣлу. Царевичу была выставлена вся вина неполноты его показаній, Алексѣй далъ новое дополнительное показаніе и показалъ на лица, на которыя больше всего надѣялся. Петръ тяжело страдалъ, онъ колебался, какъ поступить съ царевичемъ, какъ съ сыномъ, или какъ съ человѣкомъ, враждебно смотрящимъ на дѣло, за которое пролито столько крови, на которое потрачено столько силъ и здоровья: «Страдаю, писалъ онъ, а всеза отечество, желаю для него пользы; враги строятъ мнѣ демонскія козни; труденъ разборъ моихъ поступковъ тому, кто дѣла этого не знаетъ; одинъ Богъ видитъ истинну!»

Петръ не рѣшался быть судьей въ собственномъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что далъ сыну обѣщаніе простить его. Петръ созвалъ знатнѣйшее духовенство, министровъ, сенаторовъ, генералитетъ и предо-

ставилъ имъ разобрать дѣло, давъ имъ наказъ разобрать все по чистой правдѣ, не беспокоясь о томъ будетъ ли рѣшеніе пріятно, или нѣтъ. «Не смотря на лице, судите справедливо, не погубите своихъ душъ и моей, позаботьтесь, чтобы совѣсть наша осталась чиста въ день страшнаго испытанія и отечество наше безбѣдно!»

Юня 13 духовенство подало свое разсужденіе въ выраженіяхъ неопредѣленныхъ, выписывая примѣры и правила изъ Ветхаго и Новаго Завѣта относительно обязанностей дѣтей къ родителямъ и обратно... Оно было очевидно; что духовенство въ духѣ христіанскаго милосердія и, опираясь на слова Спасителя, указывало на прощеніе, но ни однимъ словомъ не упоминало о томъ, что только обѣщанное прощеніе привлекло царевича назадъ въ Россію.

Свѣтскіе чины дѣйствовали иначе; имъ нужно было убѣдиться, дѣйствительно ли царевичъ виновенъ въ возмутительныхъ замыслахъ въ отношеніи отца. Для этого Алексѣя приводили изъ крѣпости, въ которой содержался, въ общее собраніе, къ допросу; приводили нѣсколько разъ и допрашивала со всѣми формами тогдашняго судопроизводства. Въ послѣдній разъ Алексѣя приводили къ допросу 24 іюня, и онъ почти слово въ слово повторилъ то, въ чемъ сознался при первомъ строгомъ допросѣ. Того же числа Сенатъ, министры, генералы и гражданскіе чиновники, послѣ долгаго совѣщанія, послѣ того какъ взвѣсили всѣ обстоятельства *по здравому разсужденію и христіанской совѣсти* единодушно и единогласно приговорили царевича Алексѣя за всѣ вины и преступленія его, какъ противъ государя, такъ и противъ отца своего, къ смертной казни.

Юня 26, въ 8 часовъ утра въ крѣпость отправился самъ царь съ Меншиковымъ, сенаторами и министрами и прочитали царевичу смертный приговоръ; въ гарнизонѣ всѣ оставались до 11 часовъ и потомъ разбѣхались. А царевичъ до того пораженный неожиданнымъ смертнымъ приговоромъ, тяжело заболѣлъ; «сначала съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ, но хотя онъ и пришелъ опять въ полную память, исповѣдался, причастился, призвалъ къ себѣ *насъ*, (такъ писалъ Петръ въ рескриптахъ къ заграничнымъ дворянамъ); мы къ нему пришли со всѣми нашими министрами и сенаторами, онъ передъ всѣми чистосердечно покаялся во всѣхъ своихъ преступленіяхъ и просилъ у насъ со слезами прощенія, которое

мы ему и дали, какъ подобаетъ христіанину и отцу; послѣ сего іюня 26 числа, въ 6 часовъ пополудни жизнь свою христіански окончили».

Іюня 30 царевичъ быхъ похороненъ въ Петропавловскомъ соборѣ, рядомъ съ кронпринцессою.

ГЛАВА XXVII.

Съѣздъ на Ааландскихъ островахъ. Статьи мирнаго договора и споры изъ за нихъ. Смерть Карла XII и слѣдствія ея. Нападеніе Апраксина съ флотомъ на берега Швеціи и опустошеніе ихъ. Прекращеніе переговоровъ о мирѣ на Ааландскихъ островахъ. Петръ повинутъ союзниками. Дипломатическія сношенія съ европейскими дворами и успѣхъ, достигнутый ими. Вооруженное посредничество Англіи. Возшествіе на престолъ принца Гессенъ-Кассельскаго. Мирные переговоры въ Ништадтѣ. Ништадскій трактатъ. Празднество по случаю мира съ Швеціей, Петръ Великій, Императоръ и Отецъ Отечества.

Еще въ 1717 году въ Голландіи начались мирные переговоры съ Швеціей, посредствомъ Куракина и барона Герца и положено было начать настоящіе переговоры на Ааландскихъ островахъ; съ нашей стороны Герцу данъ былъ паспортъ на проѣздъ черезъ остзейскія провинціи, но положено было содержать это дѣло въ тайнѣ, пока не получится согласіе со стороны Карла XII на миръ.

Герцъ, проѣздомъ въ Швецію, былъ въ Ревелѣ и наконецъ изъ Швеціи, въ концѣ ноября, далъ знать, что Карль пришлетъ своихъ уполномоченныхъ, какъ скоро узнаетъ, что русскіе уполномоченные уже въ Або. Уполномоченными съ русской стороны назначены были обер-фельдцейхмейстеръ Брюсъ и совѣтникъ царской канцеляріи, опытный дипломатъ времени Петра—Остерманъ.

Герцъ до начала переговоровъ хотѣлъ условиться въ церемоніяхъ, въ томъ, кому быть предсѣдателемъ, кому какое мѣсто занимать; но при такихъ щепетильныхъ и церемоніальныхъ отношеніяхъ самое дѣло могло пострадать, или по крайней мѣрѣ затянуться; объ этомъ наши уполномоченные написали царю; Петръ отвѣчалъ имъ:

«Для избѣжанія всякихъ церемоній предложите барону Герцу слѣдующій способъ: зимою для конференцій занять двѣ смежныя комнаты, а среднюю стѣну между ними вырубить; въ обѣихъ комнатахъ поставить по столу; съ одной стороны будутъ входить русскіе, съ другой шведы; лѣтомъ вмѣсто комнатъ можно поставить по намету; такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ будетъ полное равенство, всякій будетъ сидѣть, или въ своей комнатѣ, или въ своемъ наметѣ, безъ всякаго спора о предсѣдательствѣ; такимъ образомъ поступали при многихъ конгрессахъ, а именно при Карловицкомъ. Надобно стараться, чтобы шведы согласились на это и съѣздъ состоялся, безъ потери времени, потому что время къ воинскимъ предпріятіямъ приближается».

Со стороны Швеціи уполномоченными были назначены баронъ Герцъ и графъ Гилленбургъ. Русскіе торопили шведовъ, отсраняли всѣ церемоніи, а между тѣмъ время шло, переговоры не начинались, насталъ апрѣль и ледъ мѣшалъ полномочнымъ собраться на Ааландскихъ островахъ.

Непремѣнныя условія мира, которыя Брюсъ и Остерманъ должны были предложить шведамъ, заключались въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Провинціи: Ингрія, Ливонія, Эстляндія съ городомъ Ревелемъ и Карелія со всѣми городами, островами, мѣстами, округами и подданными, также городъ Выборгъ должны быть уступлены царскому величеству, въ вѣчное владѣніе. 2) Великое княжество Финляндію царь уступаетъ шведскому королю съ тѣмъ, чтобы границѣ были отъ Выборга по рѣкѣ Кюмень, оттуда до Нейшлота и далѣе до старой русской границы. 3) Шхеры подлѣ финскаго берега должны быть свободны для подданныхъ русскаго царя; также и шведскимъ подданнымъ свободный проѣздъ моремъ во всѣ области царскаго величества. Гаваней на финской сторонѣ съ обѣихъ сторонъ вновь не укрѣплять; для защиты же своихъ владѣній каждому государю дозволено по своему произволу строить крѣпости, гдѣ заблагоразсудитъ на своей землѣ. 4) Торговля между обоими государствами свободная. 5) Королю Августу II оставляется спокойное владѣніе Польшей, Швеція признаетъ его королемъ, а миръ между Польшей и Швеціей уже заключенъ. 6) Въ мирный трактатъ включается король прусскій, съ уступкою ему Штетина съ округомъ. 7) Если король датскій готовъ возвратить Швеціи все, у нея завоеванное,

то и его включить въ мирный трактатъ. 8) Если король англійскій, какъ вурфюрстъ Брауншвейгскій готовъ на благоразумныхъ условіяхъ примириться съ Швеціей, то и онъ въ шестимѣсячный срокъ имѣеть право присоединиться къ мирному трактату.

Въ частныхъ письмахъ къ своимъ уполномоченнымъ Петръ предлагалъ имъ не щадить ни ласкъ, ни обѣщаній, ни подарковъ, чтобы склонить Герца принять на себя хлопоты, чтобы убѣдить Карла принять эти мирныя предложенія и дать ему знать, что Петръ, по заключеніи мира, готовъ вступить съ Карломъ въ союзъ и такимъ образомъ держать въ своихъ рукахъ судьбы сѣверныхъ державъ Европы. Намекалъ даже на то, что ежели Швеція добровольно уступитъ Россіи часть своихъ владѣній, то царь поможетъ ей потомъ вознаграждать эту потерю въ другомъ мѣстѣ.

Наконецъ мая 12 начались конференціи. Шведскіе министры просили, чтобы имъ объявить условія; русскіе отвѣчали, что условія уже объявлены барону Герцу, но Герцъ говорилъ, что онъ условій не знаетъ, что они вѣроятно затеряны его секретаремъ, еще въ бытность въ Голландіи. Шведы очевидно не хотѣли высказаться; русскіе настаивали, тогда наконецъ шведы объявили, что король ихъ готовъ примириться, ежели все, отнятое у него Петромъ, ему будетъ возвращено. Но такое требованіе было невѣроятно и русскіе объявили, что переговоры не могутъ начаться, ежели не будутъ предложены условія благоразумнѣе. Тогда Герцъ объявилъ, что прежде всего надобно завѣрить короля въ возвращеніи Лифляндіи и Эстляндіи и что только послѣ этого можно приступить къ дальнѣйшимъ переговорамъ, но тутъ русскіе сказали, что о возвращеніи Лифляндіи и Эстляндіи не можетъ быть помину; король силою оружія этихъ провинціи никогда возвратитъ не можетъ, а добровольно царь ихъ не отдастъ, и это одна изъ основныхъ статей мира.

Споры длились, Герцъ ни на что не могъ рѣшиться, зная гордый, вспыльчивый и властолюбивый характеръ короля; чтобы имѣть болѣе твердую почву подъ ногами, Герцъ объявилъ, что на время надобно прекратить конференціи, пока онъ съѣздитъ къ королю, чтобы условиться съ нимъ.

Юля 9 онъ возвратился и конференціи вновь начались. Герцъ объявилъ, что требованія Россіи очень велики и что король на уступки можетъ согласиться въ такомъ только случаѣ, ежели ему данъ

будеть достаточный *эквивалентъ*, но сколько русскіе министры ни бились, не могли допытаться, какого именно *эквивалента* Карль XII хочеть. Только впослѣдствіи изъ частныхъ разговоровъ открылось, что взаимну уступленныхъ Россіи Лифляндіи и Эстляндіи, Карль хочеть получить часть датскихъ владѣній. О Лифляндіи и Эстляндіи не спорили больше, но тѣмъ ревностнѣе шведскіе уполномоченные отстаивали Ревель и Выборгъ. Брюсъ и Остерманъ прямо говорили, что о возвращеніи Выборга и думать нечего: этотъ городъ такъ близокъ къ Петербургу, что оставивъ его въ рукахъ шведовъ, въ Петербургѣ нельзя быть спокойнымъ; каждый день можетъ быть нечаянное нападеніе.

Ревель долгое время служилъ самымъ горячимъ пунктомъ преній, отъ Лифляндіи и Эстляндіи шведамъ трудно было отказаться: эти провинціи служили хлѣбными магазинами для голодной Швеціи; у большей части шведскихъ вельможъ въ остзейскихъ провинціяхъ были свои имѣнія и на потерю ихъ имъ согласиться нельзя было. Возвращеніе Финляндіи не льстило шведамъ. «Что намъ въ Финляндіи, ежели Ревель останется за Россіей», говорили шведы. Царь всегда можетъ изъ Ревеля напасть на Финляндію и снова покорить ее. — Русскіе министры отвѣчали:—«Россія тѣмъ болѣе должна опасаться нападенія со стороны шведовъ, ежели за ними останутся какія бы то ни было владѣнія на южной сторонѣ Финскаго залива. Да, можно ли извлечь какую нибудь пользу изъ Петербурга, ежели оставить въ рукахъ шведовъ Ревель и Гельсингфорсъ — весь невскій фарватеръ будетъ отрѣзанъ отъ Балтійскаго моря.

Для Карла XII война была тяжела; народъ его, истощенный постоянными наборами и налогами, ропталъ, дворянство было недовольно; Герцъ видѣлъ одну возможность поддержать колеблющееся могущество Карла — заключить миръ съ сильнѣйшимъ изъ враговъ — съ Россіей и, ежели можно, при помощи ея вознаградить потери, понесенныя въ мирѣ съ нею, въ другомъ мѣстѣ; вотъ, объ этомъ то эквивалентѣ и толковалъ Герцъ послѣ свиданія съ королемъ.

Чтобы обо всемъ переговорить, Остерманъ поѣхалъ къ царю, а Герцъ къ Карлу; но Остерманъ возвратился на Ааландскіе острова уже къ 31 іюля. На другой день пріѣхалъ и Герцъ, печальный и нерѣшительный; онъ убѣдился, что враждебная ему партія сильно работаетъ въ Стокгольмѣ, отвращаетъ короля отъ мира съ Россіей,

представляя ему всё невыгоды: ежели король уступитъ Россіи часть своихъ владѣній съ тѣмъ, чтобы искупить вознагражденія въ иномъ мѣстѣ, то потеря очевидная, осязаемая въ настоящемъ, а вознагражденіе въ будущемъ — случайное, зависящее отъ успѣха оружія, столь непостояннаго.

Въ городѣ, въ частныхъ обществахъ раздраженіе противъ Герца возросло въ ненависть; повсюду кричали, что онъ продалъ Швецію и русскимъ золотомъ потопилъ свою честь и совѣсть; на него, какъ на иностранца и какъ на преданнаго Карлу челоуѣка, смотрѣли съ недоброжелательствомъ и готовы были всю неудачу мирныхъ переговоровъ сложить на него. Отъ заключенія мира съ Россіей Карла отговаривали еще тѣмъ, что увѣряли, будто въ Россіи вспыхнуль бунтъ и Петру теперь не до Швеціи, надобно будетъ силу оружія обратить на своихъ непокорныхъ подданныхъ; изъ Англіи внушали Карлу, что Турція недовольна и готова начать войну съ Россіей. Англичане и Польша всѣми силами старались поселить разладъ между царемъ и султаномъ и ежели удастся, то позаботиться разладъ этотъ окончить войною.

Чтобы двинуть Ааландскіе переговоры, положено было размѣнять плѣннаго шведскаго фельдмаршала Реншѣльда. Онъ пріѣхалъ на Ааландскіе острова; чтобы воспользоваться его знаніемъ Россіи, Остерманъ постарался внушить ему такой взглядъ на вещи, который бы могъ содѣйствовать скорѣйшему заключенію мира; также счелъ онъ нужнымъ объяснить ему въ подробностяхъ ходъ дѣла царевича Алексѣя до послѣднихъ минутъ его жизни, чтобы по пріѣздѣ въ Швецію, онъ могъ уничтожить всё клеветы, какія тамъ распространяли царскіе враги.

Остерманъ жилъ на Ааландскихъ островахъ; Герць былъ въ Швеціи; наконецъ въ началѣ ноября онъ возвратился и объявилъ, что король готовъ заключить миръ на объявленныхъ условіяхъ, ежели царь согласится дать ему военную и денежную помощь противъ Даніи, ежели прусскій король откажется отъ Штетина, и въ обмѣнъ возьметъ часть Помераніи и еще другія претензіи. Но русскіе полномочные на-отрѣзъ во всемъ этомъ отказали и объявили, что конференціи далѣе декабря продолжаться не могутъ и ежели король на объявленныхъ ему условіяхъ мириться не хочетъ, то всё конференціи должны быть прерваны. Герць далъ честное слово,

что через четыре недѣли все кончить и опять уѣхалъ въ Швецію.

Назначенное время прошло, а Герцъ не возвращался. Но 14 декабря на Ааландскіе острова пріѣхалъ камердинеръ барона Шпара и привезъ какое-то извѣстіе, отъ котораго всѣ шведы пришли въ сильное смущеніе. На другой день секретарь и повѣренный барона Герца, Штамкенъ пришелъ къ русскимъ и просилъ покровительства у царя; онъ объявилъ, что въ Стокгольмъ прискакалъ курьеръ изъ Норвегіи и вслѣдъ за тѣмъ молодой герцогъ Голштинскій, баронъ Герцъ и всѣ голштинцы были арестованы, всѣ корабли, стоявшіе въ гаваняхъ задержаны и вся заграничная корреспонденція остановлена. Съ 14 до 23 числа изъ Швеціи не было никакихъ извѣстій; 23 числа шведскіе полномочные обѣдали у русскихъ; имъ пришли сказать, что изъ Швеціи пришелъ корабль и на немъ пріѣхалъ капитанъ и звалъ шведовъ домой. Гиллемборгъ встревожился и поспѣшно отправился на свою квартиру; Штамкенъ не пошелъ и остался у русскихъ; за нимъ нѣсколько разъ присылали, но онъ не пошелъ и остался ночевать у русскихъ. На другой день узнали въ чемъ дѣло: Карлъ XII, находясь 30 ноября въ окопахъ Фридрихсгалла въ Норвегіи, былъ убитъ ружейнымъ выстрѣломъ. Судя по силѣ выстрѣла, потому, какъ пуля пронизала ему голову, надобно было предполагать, что выстрѣлъ этотъ былъ очень недалній не со стѣны крѣпости, а откуда нибудь по сосѣдству съ королемъ. Полагаютъ, что Карлъ палъ не отъ вражеской пули, а отъ враждебной ему шведской партіи, не хотѣвшей мира съ Россіей. Всѣ приверженцы мира съ Россіей, всѣ министры были арестованы, а самый жаркій поборникъ мира, Герцъ, на эшафотѣ кончилъ жизнь, посвященную Карлу. Капитанъ пріѣхалъ на Ааландъ за тѣмъ, чтобы арестовать Штамкена; но онъ остался у русскихъ уполномоченныхъ и тѣмъ избѣгнулъ вѣрной опасности.

Смерть Карла XII возбудила вопросъ, кому быть его преемникомъ? Прямой и ближайшій наслѣдникъ Карла былъ сынъ старшей сестры его, Карлъ Фридрихъ, герцогъ Голштинскій; онъ находился въ войскѣ дяди въ минуту его смерти; и вслѣдствіе общей вражды къ голштинцамъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ министрами и приверженцами голштинской и русской партіи, которые въ Герцѣ и голштинцахъ видѣли виновниковъ разоренія Швеціи.

Въ Стокгольмѣ образовалась сильная партія, которая нашла сочувствіе и въ другихъ городахъ; она предложила корону младшей сестрѣ Карла XII, Ульрихѣ Элеонорѣ, но съ ограниченіемъ королевской власти. Мужа ея, Фридриха Гессенскаго, любили за его красивую наружность, за ласковое обращеніе и за благоразуміе; принцъ этотъ не показывалъ воинственныхъ наклонностей, что тоже нравилось, потому что послѣ такого воинственнаго государя, какимъ былъ Карль XII, миролюбивый — былъ человѣкомъ желаннымъ. Партія противная голштинской давно прочила его въ наслѣдники Карлу, но дѣйствовала нерѣшительно, потому что боялась Карла, и его всесильнаго министра Герца и потому только намеками говорила королю о томъ, что слѣдовало бы назначить послѣ себя наслѣдника, но король отвѣчалъ: «Нечего беспокоиться; всегда найдется голова, которой корона будетъ впору. Довольно съ меня и того, что народъ повинуется мнѣ, пока я живъ; я не на столько самоувѣренъ чтобы требовать покорности еще послѣ смерти.» — И такъ, младшая сестра Карла, Ульрика Элеонора, чтобы вѣрнѣе перехватить корону у своего племянника, отказалась отъ самодержавія и этимъ купила согласіе Сената и партіи недовольныхъ настоящимъ состояніемъ дѣлъ въ Швеціи. Она была *избрана* въ королевы и коронована въ мартѣ 1719 года, а герцога Голштинскій оставилъ Швецію.

Партія недовольныхъ торжествовала; первымъ ея дѣломъ было казнить ненавистнаго Герца, а вторымъ опровергнуть все то, что онъ началъ. Миръ съ Россіей не могъ состояться; осилло мнѣніе, что лучше лишиться всѣхъ германскихъ владѣній и этою жертвою купить миръ у всѣхъ сѣверныхъ союзниковъ, но продолжать войну съ Россіей, и такимъ образомъ заставить ее согласиться на возвращеніе Лифляндіи и Эстляндіи; чтобы успѣшнѣе заключить миръ съ остальными державами, надобно было протянуть время и оставить Россіи надежду, что мирные переговоры съ нею вслѣдствіи смерти Карла, не нарушены.

Когда извѣстіе о смерти Карла XII пришло, Остерманъ уѣхалъ въ Петербургъ, а на Ааландскихъ островахъ остался Брюсъ. Въ февралѣ 1719 года Гиллемборгъ отдалъ ему грамоту отъ королевы Элеоноры съ просьбою отправить ее царю; и объявилъ, что королева надѣется утвердить дружбу между Россіей и Швеціей, желаетъ для этого не прерывать конгресса на Ааландскихъ островахъ

и вмѣсто Герца пришлетъ барона Лилиенштета. Брюсъ спросилъ Гилленборга, скоро ли шведское правительство возьмется за дѣло, потому что выгода царскаго величества заключается въ томъ, чтобы не тянуть дѣла. Гиллемборгъ отвѣчалъ, что надобно повременить, пока уладятся внутреннія дѣла, пока королева не будетъ коронована и что теперь русскіе должны предлагать мирныя условія не такія тягостныя, что шведы не согласятся теперь на уступку Лифляндіи и Эстляндіи; и чтобы запугать русскихъ объявилъ, что всѣ сѣверныя державы уже ищутъ отдѣльнаго мира у королевы и что она съ ними скорѣе помирится, чѣмъ покойный король.

Обо всемъ этомъ Брюсъ увѣдомилъ царя и въ отвѣтъ ему было послано приказаніе всѣми средствами торопить Гиллемборга, или вытребовать поскорѣе Лилиенштета, или самому получить полномочіе безъ него продолжать переговоры о мирѣ. Кромѣ того Брюсу было поручено извѣстить Гиллемборга, что при настоящемъ положеніи дѣлъ, Россія одна не можетъ переговариваться о мирѣ и по этому вмѣстѣ съ Остерманомъ на островъ ъдетъ прусскій уполномоченный Мардефельдъ. Остерману были даны самыя опредѣленныя инструкціи для заключенія мира. Лифляндія, Эстляндія, Ингерманландія со всѣми городами, островами, берегами и округами, городъ Выборгъ и точно опредѣленная граница съ финляндской стороны, кромѣ того часть Карелии, со включеніемъ Кексгольма, должны быть присоединены къ Россіи на вѣчныя времена. Если всего этого нельзя получить безъ взаимнаго обязательства, то царь согласенъ помогать Швеціи, но она должна съ точностію объявить, какая помощь и противъ кого ей нужна. Или за уступку Остзейскихъ провинцій царь готовъ въ два года, въ четыре срока заплатить, милліонъ рублей деньгами, или нужными Швеціи вещами.

Остерманъ прибылъ на Ааландъ вмѣстѣ съ Мардефельдомъ 4 апрѣля 1719 года, но Лилиенштетъ не являлся; прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ пока не пріѣхалъ Лилиенштетъ, но тутъ новыя проволочки и новыя затрудненія: Лилиенштетъ не хотѣлъ допускать Мардефельда до конференціи на томъ основаніи, что ему изъ Стокгольма не дано точной инструкціи по этому предмету. Царь, по соглашенію съ прусскимъ королемъ, велѣлъ свои и прусскія дѣла вести нашимъ полномочнымъ, пока не придетъ разрѣшеніе изъ Стокгольма. Такая медленность и преднамѣренное оттягиваніе дѣла раздражали

Петра; онъ велѣлъ сказать шведскимъ уполномоченнымъ, что совѣтуетъ имъ поторопиться дѣлами, ежели не хотятъ, чтобы для предложенія и подкрѣпленія мирныхъ условій, онъ не послалъ въ Швецію болѣе сорока тысячъ полномочныхъ, которые огнемъ и мечемъ доведутъ мирные переговоры къ скорѣйшему окончанію, чѣмъ ихъ переговоры.

Не смотря на энергическое выраженіе царя, дѣло не подвигалось, переговоры шли вяло, шведы находили сотни уловокъ и проволочекъ; наконецъ Гиллемборгу вдругъ понадобилось ѣхать въ Стокгольмъ; очевидно было, куда все это клонится—шведы протягивали время, чтобы заключить миръ и союзъ съ другими сѣверными государствами.

Петръ видѣлъ, что надобно дать еще урокъ неподатливой Швеціи. Пока велись мирные переговоры; онъ не дремалъ, а снаряжалъ флотъ. Насталъ іюль мѣсяць. Петръ придвинулъ свой корабельный и галерный флотъ къ Ааландскимъ островамъ. Узнавъ, что шведы все болѣе и болѣе противятся его мирнымъ предложеніямъ и только согласны уступить Россіи Ингрію и Нарву *и можетъ быть незначительную часть Карелии* и что они такъ возгордились оттого, что заключили оборонительный союзъ съ Англіей.

Русскій флотъ въ числѣ 30 военныхъ кораблей, 130 галеръ и ста малыхъ судовъ направился къ шведскимъ берегамъ, безпрепятственно миновалъ шкеры и присталъ у мѣстечка Грина; подъ начальствомъ генерала Ласси распространилъ ужасъ по всей странѣ. Пѣшіе и конные русскіе отряды появлялись въ виду столицы. Русскіе сожгли и истребили 135 деревень, 40 мельницъ, 16 хлѣбныхъ магазиновъ, два города—Остгаммеръ и Орегрунъ, 9 желѣзныхъ заводовъ. Огромное количество желѣза, сѣстныхъ припасовъ достались русскимъ. Чего нельзя было унести, или увезти съ собою, было или сожжено, или брошено въ море.

Генералъ Апраксинъ присталъ къ Вакстольму, въ семи миляхъ отъ Стокгольма и также опустошилъ окрестную страну. Убытокъ причиненный Швеціи этимъ набѣгомъ оцѣнивался въ 12 милліоновъ талеровъ; добыча, захваченная и увезенная русскими равнялась болѣе милліона талеровъ. Чтобы посмотрѣть, какое впечатлѣніе набѣгъ этотъ произвелъ на шведовъ, Остерманъ, подъ бѣлымъ парламентскимъ флагомъ, отправился въ Стокгольмъ и возвратился съ

грамотою, въ которой королева предлагала царю Нарву, Ревель, и Эстляндію, но требовала возвращеніе Финляндіи и Лифляндіи. Два сенатора Таубе и Делагарди обошлись очень грубо съ Остерманомъ, жестко и неприлично говорили ему о несообразіи являться съ мирнымъ договоромъ тогда, когда войска русскіе жгутъ и разоряютъ Швецію; сенаторы хвалились количествомъ и мужествомъ своего войска, которое отомститъ за разграбленіе береговыхъ округовъ, что у нихъ, правительственныхъ лицъ, прежде было желаніе мириться съ Россіей, но послѣ такого поступка трудно помышлять о мирѣ, къ которому принудить себя ни въ какомъ случаѣ не позволятъ. «Заключите со мною прелиминарный трактатъ, и непріятельскія дѣйствія сейчасъ же прекратятся», отвѣчалъ Остерманъ.

Опустошеніе береговъ Швеціи, хотя и испугало королеву, но не склонило ее къ миру. Русскій флотъ возвратился въ Ревель, а уполномоченные на Ааландскіе острова. Швеція ободрилась; сильный англійскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Норриса, до сихъ поръ стоявшій въ Зундѣ, чтобы покровительствовать англійскимъ торговымъ судамъ, двинулся въ Балтійское море у Карлскроны соединился съ шведскимъ и заслонилъ Стокгольмъ. Появленіе англійскихъ военныхъ кораблей измѣнило настроеніе шведскаго сената и народа; опять появилась надежда, что Россію можно принудить къ миру, болѣе выгодному для шведовъ.

Петръ далъ между тѣмъ указъ русскимъ министрамъ поторопить окончаніемъ переговоровъ, возобновить уже много разъ повторенныя мирныя условія и потребовать рѣшительнаго отвѣта, для котораго назначить двухнедѣльный срокъ. Если въ это время не послѣдуетъ отвѣта, или если шведы по прежнему будутъ настаивать на своихъ ни съ чѣмъ не сообразныхъ требованіяхъ, то прекратить съ ними переговоры и ѣхать въ Петербургъ. Но передъ отъѣздомъ царь велѣлъ сообщить Лиліенштету, или какому другому изъ уполномоченныхъ, что онъ всегда готовъ возобновить переговоры о мирѣ и согласенъ покончить войну, тягостную для обоихъ государствъ, на условіяхъ однажды объявленныхъ. Онъ готовъ принять полномочныхъ шведскихъ, пріѣдутъ ли они въ Петербургъ, или явятся опять на Ааландъ, или въ другой какой городъ, но съ достаточными полномочіями, а до тѣхъ поръ споръ предоставляетъ рѣшать оружіемъ.

Шведскіе уполномоченные выслушали указъ царскій и послали его къ королевѣ, требуя отвѣта. Отвѣтъ пришелъ: королева ссыла-лась на свои уступки, на свое миролюбивое настроеніе, но находила требованія царя преувеличенными и приказала объявить, что съ своей стороны никакихъ уступокъ дѣлать не намѣрена и ежели царскіе уполномоченные не могутъ согласиться на ея требованія, то лучше прервать ни къ чему не ведущія конференціи. Остерманъ на это отвѣчалъ, что ему ничего больше не осталось, какъ гото-виться къ отъѣзду. Такъ кончились переговоры на Ааландскихъ островахъ.

Шведскіе дипломаты между тѣмъ работали въ западной Европѣ. Королева должна была поступать такъ, какъ хотѣла партія, воз-ведшая ее на престолъ. Ноября 9 Швеція заключила миръ съ кур-фирстомъ Ганноверскимъ, или Георгомъ, королемъ англійскимъ, ус-тупивъ ему Бременъ и Верденъ съ округами и въ вознагражденіе получила миллионъ талеровъ. Вскорѣ съ королемъ англійскимъ послѣ мира заключенъ былъ наступательный союзъ противъ Россіи и всѣхъ другихъ непріятелей Швеціи. Англія обѣщалась помогать Швеціи день-гами, войскомъ и флотомъ, чтобы принудить царя къ миру на *правед-ныхъ* (справедливыхъ) условіяхъ. Примѣру Англіи послѣдовали и другіе союзники Петра, каждый изъ нихъ заключалъ миръ отдѣльно, ста-раясь только удержать полученное. Прусскій король получилъ Ште-тинъ и верхнюю Померанію, а съ своей стороны обязался запла-тить два миллиона рейхс-талеровъ. Августъ II тоже заключилъ тай-ный договоръ съ Швеціею, по которому признанъ былъ королемъ польскимъ, предоставивъ однакожь Станиславу Мещинскому титулъ королевскій и заплативъ ему миллионъ талеровъ. Даже датскій ко-роль не отсталъ отъ прочихъ; онъ тоже помирился съ шведскою королевой, получилъ Шлезвигъ и право собирать пошлину съ швед-скихъ кораблей, проходящихъ черезъ Зундъ, но возвратилъ за то Швеціи Висмаръ и Стральзундъ со всею нижнею Помераніею и островомъ Рюгеномъ.

Такимъ образомъ, вслѣдъ за прекращеніемъ мирныхъ перегово-ровъ на Ааландѣ и союзники, одинъ за другимъ, оставили Петра и самый сильный изъ нихъ, Англія, сдѣлалась его новымъ непріате-лемъ; но Петръ уже давно постигъ своекорыстныя дѣйствія Англіи и предвидѣлъ, что вреда отъ нея ожидать можно также мало, какъ

пользы было, когда она принадлежала къ сѣверному союзу, и вслѣдствіе этого, не очень-то беспокоился ея флотомъ и вмѣшательствомъ и рѣшился одинъ вести войну, пока не вынудитъ условій для себя выгодныхъ и прочныхъ. «Мы, писалъ онъ Куракину, ни на какія угрозы не посмотримъ и бесполезнаго мира не подпишемъ—но, что бы тамъ ни было, будемъ продолжать войну, возлагая надежду на правосуднаго Бога, противъ такихъ обманщиковъ, какъ бывшіе союзники....

Царь дѣятельно готовился къ войнѣ; строили новые корабли, пересматривали, вновь вооружали и приготавливали старые, гребной флотъ былъ въ полной исправности и его увеличили; всѣ береговыя крѣпости были исправлены, вооружены и снабжены всѣмъ, чѣмъ нужно; чтобы предупредить высадку, всѣ берега были покрыты шанцами и войсками, начиная отъ Ревеля до Риги и далѣе. Генераль Апраксинъ формировалъ и обучалъ войско въ Лифляндіи и Эстляндіи, будучи каждую минуту готовъ къ встрѣчѣ съ непріателемъ. Князь Голицынъ въ Финляндіи отыскивалъ непріятельскія партіи и истреблялъ ихъ. Меншиковъ былъ въ Украйнѣ и формировалъ казачьи полки. Государь повсюду самъ надзиралъ, все обдумывалъ, обо всемъ заботился; онъ далъ указъ, чтобы всѣ *чины, прежде бывшіе въ службѣ* военной, всѣ казаки и инородцы на всякій случай приготовились опять вступить въ службу и были по первому призыву готовы къ походу.

Но готовясь къ войнѣ, Петръ не пренебрегалъ и дипломатическими путями, чтобы обезсилить своихъ враговъ, или сдѣлать ихъ менѣе опасными. Его посланники старались противудѣйствовать проискамъ англійскаго и польскаго дворовъ. Австрійскій императоръ по случаю дѣла царевича Алексѣя имѣлъ непріятности, вслѣдствіе которыхъ негодовалъ на Петра; еще въ началѣ 1719 года выслалъ онъ русскихъ агентовъ и резидента Веселовскаго изъ Вѣны и Бреславля; Петръ съ своей стороны тоже выслалъ австрійскаго агента и выгналъ іезуитовъ изъ Россіи. Вражда разгоралась и могла вспыхнуть; тонъ императора въ сношеніяхъ съ царемъ сталъ требовательный и рѣзкій; онъ, по согласію съ Ганноверомъ и Польшею, принялъ на себя роль посредника, который, или добромъ, или силой хочетъ окончить войну на сѣверѣ. Для этого императоръ написалъ требованіе и прислалъ своихъ уполномоченныхъ въ Брауншвейгъ,

чтобы покончить наконецъ такую нескончаемую войну, какая идетъ.

Петръ спокойно и твердо отвѣчалъ, что не отвергаетъ посредства императора, что съ самаго начала войны готовъ былъ къ миру, но въ то же время разоблачилъ передъ императоромъ коварство ганноверскаго двора и въ переговорахъ показаль твердость, изъ которой Австрія заключала, что царь не опасается разрыва съ нею и сумѣетъ бороться съ однимъ лишнимъ врагомъ. Австрія хотѣла только поугаать Петра, но серьезно войны не хотѣла, поэтому дѣло кончилось ничѣмъ и прежнія дружескія отношенія, хотя наружно, были восстановлены; когда же императоръ убѣдился, что миръ между Россіей и Швеціей можетъ состояться и безъ его посредничества, тогда пересталь толковать о немъ и въ Петербургъ и Вѣну были посланы новые резиденты.

Англія, Польша и французскіе агенты, пытались поднять Турцію и заставить ее обрушиться на Россію; война съ Турціей была бы крайне неудобна и затруднительна въ такое время; поэтому Петръ немедленно отправилъ чрезвычайнаго посланника, Дашкова, въ Константинополь. Онъ встрѣтилъ тамъ большія препятствія, но сумѣль дѣйствовать уклончиво, сообразуясь съ обстоятельствами, пріобрѣль дружбу великаго визиря и, при его содѣйствіи, повернулъ дѣло такъ, что вмѣсто разрыва, утвердилъ хорошія отношенія и временной миръ между султаномъ и царемъ перемѣненъ былъ въ вѣчный. Преданность султана къ царю даже до того увеличилась, что султанъ предложилъ заключить съ царемъ наступательный союзъ, но это нисколько не соотвѣтствовало желаніямъ Петра и потому Дашковъ очень ловко умѣль отклонить изъявленіе этой неожиданной дружбы.

Съ Пруссіей дѣла тоже не вполне испортились. Заключивъ мирный договоръ съ Швеціей и получивъ давно желанный Штетинъ въ вѣчное владѣніе, осторожный Фридрихъ-Вильгельмъ не захотѣль испортить своихъ отношеній и съ своимъ могущественнымъ сосѣдомъ; помирившись съ Швеціей, онъ заключилъ въ Потсдамѣ 6 февраля тайный договоръ съ Петромъ, по которому обязывался сохранить строгій нейтралитетъ и черезъ свои земли не пропускать никакихъ иностранныхъ войскъ. Фридрихъ-Вильгельмъ сдер-

жалъ свое обѣщаніе и Швеція и Англія убѣдились, что пожертвованіемъ, хотя и купили миръ съ Пруссіей, но не приобрѣли союзника.

Напрасно приверженцы англійской партіи доказывали королю въ 1721 году, какъ опасно для Пруссіи, ежели Россія удержитъ за собою Лифляндію; король спокойно отвѣчалъ, что вполне вѣрить въ дружбу царя и не видитъ отъ него и тѣни опасности. На это возражали, что царь лично питаетъ къ королю дружбу, это правда, но спасетъ ли это наслѣдниковъ короля отъ опасности, какая можетъ быть отъ близкаго сосѣдства съ такою державою, какъ Россія, если она утвердится на морѣ. «Наслѣдники мои сами о себѣ должны заботиться», отвѣчалъ король. Видя безуспѣшность своихъ происковъ, министръ его писалъ объ этомъ французскому посланнику, что Фридриха-Вильгельма никакими средствами нельзя отворотить отъ его горячѣй преданности царю, такой же непоколебимой, какъ его страсть къ гренадерамъ высокаго роста. Петръ зналъ объ этой страсти своего друга и присылалъ ему изъ Россіи великановъ; но у Фридриха-Вильгельма страсть къ великанамъ была еще сильнѣе его привязанности къ царю, потому что изъ-за нея онъ не пожертвовалъ бы ни однимъ изъ своихъ гренадеровъ.

Англійскій дворъ отыскивалъ союзниковъ и помощи для защиты изнуренной и разбитой Швеціи, но это не удалось нигдѣ ни въ Вѣнѣ, ни въ Варшавѣ, ни въ Берлинѣ, ни въ Константинополѣ; негдѣ было найти надежное средство, чтобы защитить ее отъ нападенія Петра и доставить ей болѣе выгодныя условія мира.

Польша хотя явно не разрывала союза, существующаго съ Россіей, но Августъ не упускалъ случая тайно вредить ей. Ничего важнаго польскій король не могъ сдѣлать; ему не до того было; внутреннія волненія продолжались въ Польшѣ, одна партія прибѣгала къ помощи и защитѣ царя, тогда какъ другая напоминала ему о своихъ правахъ на Лифляндію. Русскій посланникъ умѣлъ дѣло вести такъ, что народъ отдѣлился отъ короля и тѣмъ помѣшалъ ему воспользоваться удобною минутою и соединивши силы свои повредить предпріятіямъ Петра. Онъ вполне понималъ и Польшу, и Августа, и умѣлъ удержать ихъ въ надлежащихъ отношеніяхъ къ себѣ и другъ къ другу.

Между тѣмъ въ Швеціи было тоже не спокойно. Между вельможами, овладѣвшими верховною властью не было единства, но у

всѣхъ одинаково были блистательныя надежды на помощь вооруженной силы Англи, на ея огромный флотъ; а большое количество денегъ, собранныхъ отъ различныхъ державъ за уступки при заключеніи мирныхъ договоровъ, окончательно вскружили имъ головы. Въ Швеціи дѣлали сильныя приготовленія къ войнѣ, но въ нихъ не было ни порядка, ни единства, ни предусмотрительности. Одинъ планъ, одно распоряженіе смѣнялось другимъ. Народъ ропталъ и страдалъ; правители и дворянство спорили между собою. Королева не имѣла никакой власти, ее осаждали со всѣхъ сторонъ, то просьбами, то совѣтами, то предостереженіями; она въ рукахъ партіи была безсильнымъ орудіемъ. Если ей нельзя было вполнѣ снять съ себя всей тяжести правленія, то она, по крайней мѣрѣ хотѣла облегчить ее по возможности; она рѣшилась королевскую корону отдать своему мужу, принцу Гессенъ-Кассельскому, Фридриху или по крайней мѣрѣ раздѣлить съ нимъ престолъ. Она объявила о своемъ желаніи сенату. Собрался сеймъ; толковали за и противъ желанія королевы, спорили, шумѣли, предъявили права сына старшей сестры королевы, герцога Голштинскаго и на тронъ, и на наслѣдство престола; третьи совершенно отвергали наслѣдственность монархической власти и желали, чтобы на будущее время также, какъ и послѣ Карла XII корона была отдана по выбору, безъ всякихъ родственныхъ отношеній къ предшественнику. Каждая партія горячо стояла за свое мнѣніе и для поддержанія его не скупилась, ни на доказательства, ни на энергическія выраженія. Партія королевы наконецъ одержала преимущество и принцъ Фридрихъ былъ признанъ королемъ, но онъ получилъ пустой титулъ безъ силы и власти.

Новый король видѣлъ бѣдственное положеніе Швеціи, видѣлъ, какъ ничтожна помощь союзниковъ и съ сожалѣніемъ сознавался въ томъ, что жертвы, принесенныя въ Германіи, ни на волосъ не подвинули дѣла. Надобно было опять сдѣлать первый шагъ прямо. Онъ по вступленіи на престолъ, отправилъ своего генераль-адъютанта въ Петербургъ съ извѣщеніемъ объ этомъ и съ цѣлью приступить къ мирнымъ переговорамъ. Но въ то же время въ водахъ Балтійскаго моря опять появился большой англійскій флотъ, состоявшій изъ 28 линейныхъ кораблей, нѣсколькихъ фрегатовъ, бранде-

ровъ и транспортныхъ судовъ, съ цѣлью сдѣлать высадку въ Финляндіи, или напасть на Ревель.

Но эти грозныя приготовленія не испугали Петра; онъ съ достоинствомъ принялъ королевскаго посла, отвѣчалъ, что отъ мира никогда не отказывался и всегда готовъ на него, но требуетъ, чтобы условія, имъ объявленныя, служили основаніемъ для начала переговоровъ и что ему не страшны ни шведскія войска, ни соединенные флоты, что ничто не можетъ ни запугать его, ни заставитьъ измѣнить своихъ условій. Петръ приказалъ показать шведскому посланнику Петербургъ, гдѣ онъ все осмотрѣлъ; потомъ самъ царь повезъ его на Котлинъ-островъ, показалъ ему флотъ, гавань, укрѣпленія Кроншлота, выводилъ его повсюду и, прощаясь съ нимъ, сказалъ съ улыбкою: «Между непріятелями нѣтъ обыкновенія офицеру враждебной арміи показывать крѣпости: но я этого правила не держусь и теперь шведамъ нѣтъ надобности тратить деньги на шпионовъ, потому что посланникъ самъ все видѣлъ».

Помощь Англіи, какъ ожидать надобно было, оказалась не дѣйствительною. Высадку вовсе не предпринимали, а Норрисъ съ своимъ флотомъ только подошелъ къ острову Наргену и въ виду Ревеля сталъ на якорѣ. Вслѣдъ за тѣмъ Норрисъ послалъ письмо главнокомандующему въ Ревелѣ; онъ писалъ: что по повелѣнію государя своего пришелъ съ эскадрою за тѣмъ, чтобы получить умѣренный и справедливый миръ между Швеціей и Россіей. Король желаетъ, чтобы миръ состоялся и потому приказалъ адмиралу возобновить предложеніе своего посредничества и далъ своему министру при Стокгольмскомъ дворѣ подробныя наставленія, какъ поступать при возложенномъ на него посредничествѣ. При этомъ письмѣ было другое, адресованное на имя царя. Генераль-губернаторъ, слѣдуя полученному заранѣе приказанію, это письмо отослалъ обратно, а генераль-адмиралъ Апраксинъ на первое письмо отвѣчалъ Норрису: «Его царское величество истинно желаетъ сохранить дружбу съ королевскимъ величествомъ и съ Великобританіей, избѣгая всѣхъ случаевъ, которые могли бы служить поводомъ къ неудовольствію: поэтому господинъ адмиралъ не можете найти дурнымъ, что я, при видѣ вашего приближенія съ военнымъ флотомъ къ здѣшной крѣпости, васъ покорнѣйше прошу сообщить мнѣ, съ какимъ намѣреніемъ флотъ вашъ придвинулся къ здѣш-

нимъ берегамъ. Въ ожиданіи отвѣта надѣюсь, что вы отъ здѣшнихъ крѣпостей и береговъ будете держаться въ приличномъ разстояніи, потому что королевскіе министры въ Лондонѣ объявили резиденту царскаго величества, что вы отправлены на помощь непріязненной намъ коронѣ шведской и приближеніе ваше къ нашимъ укрѣпленіямъ можетъ послужить знакомъ непріязненныхъ дѣйствій съ вашей стороны и мы принуждены будемъ употребить надлежащія мѣры предосторожности».

Норрисъ опять отвѣчалъ, что онъ явился не какъ врагъ, а какъ посредникъ между враждующими державами. На это Апраксинъ отвѣчалъ, что если королю угодно предлагать царю какія нибудь дѣла, то послѣдовалъ бы всѣми принятому обыкновенію и прислалъ, или полномоченнаго министра прямо въ Петербургъ, или его, Норриса снабдилъ нужными бумагами — кредитивомъ и полномочіемъ, тогда царь приметъ его дружелюбно и выслушаетъ.

Опять не удалось испугать Россіи, и вооруженное посредничество отклонено. Въ то самое время, какъ англо-шведскій флотъ въ бездѣйствіи стоялъ у Наргена, Голицынъ, пользуясь отсутствіемъ защитниковъ, отправилъ галерную эскадру съ десантомъ въ 5,000 человекъ, подъ командою бригадира фонъ-Менгдена, къ берегамъ Швеціи. Отрядъ углубился на 5 миль внутрь страны, разсѣялъ всѣ встрѣчавшіеся отряды, безпрепятственно занялъ Старый и Новый Умео, разграбилъ ихъ и превратилъ въ груды пепла и развалинъ; кромѣ того сжегъ 41 деревню и 1,026 крестьянскихъ дворовъ. Испуганные шведы наскоро отозвали флотъ, находящійся подъ Ревелемъ; но Менгденъ, сдѣлавъ набѣгъ, безопасно возвратился между шкерами къ финскимъ берегамъ прежде чѣмъ флотъ Норриса успѣлъ приблизиться. Петръ писалъ: «Партія наша подъ командою бригадира фонъ-Менгдена сдѣлала нападеніе на Швецію и счастливо переплыла черезъ море обратно къ нашимъ берегамъ. Правда, непріятелю не очень великій убытокъ принесенъ, только, славу Богу, это сдѣлано передъ глазами помощниковъ и они воспрепятствовать не могли».

Вслѣдъ за этимъ князь Голицынъ съ своими галерами напалъ при островѣ Гренгамѣ 27 іюля на шведскую эскадру, состоявшую изъ 5 большихъ и нѣсколькихъ меньшихъ судовъ; послѣ жестокаго боя, онъ овладѣлъ четырьмя непріятельскими фрегатами и въ виду

всего соединеннаго флота съ торжествомъ отправилъ ихъ въ Петербургъ.

Англичане сами убѣдились, что имъ угоняться за нашими галерами не было ни малѣйшей возможности; тамъ, гдѣ ихъ крупные военные корабли не могли шевельнуться, наши *стерляди* (такъ Меншиковъ называлъ галеры) между шкверами пныряли, какъ живыя и проходили тамъ, гдѣ казалось не было проѣзда. Ничто не спасало шведскихъ береговъ отъ этихъ страшныхъ непріятелей; они приставали тамъ, гдѣ ихъ меньше всего ожидали и приносили съ собою грабежъ, убійство и пожары. Но этимъ еще не оканчивались бѣдствія страны: несчастные, уцѣлѣвшіе жители, оставшись безъ хлѣба, безъ крова сами насиліемъ и разбоемъ добывали себѣ жалкое пропитаніе и разоряли тѣхъ, которыхъ пощадило непріятельское нашествіе. Толпы бродягъ и разбойничьи шайки наполняли дороги и лѣса; не было никому ни пощады, ни помилованія. Весь народъ громко, единодушно требовалъ мира: ни отъ кого нельзя было больше ожидать ни защиты, ни покровительства; англійскій флотъ съ приближеніемъ осени оставилъ Балтійское море и такимъ образомъ даже мнимые защитники ушли.

Въ это время Петръ отправилъ своего генералъ-адъютанта Александра Румянцева въ Стокгольмъ съ мирными предложеніями и съ правомъ заключить перемиріе. Его встрѣтили съ радостію, какъ желаннаго гостя. Дружескія отношенія начались освобожденіемъ всѣхъ русскихъ военнопленныхъ въ Стокгольмѣ, а ихъ было около 200 человекъ. Шведскій сенатъ, и король, и королева объявили готовность приступить къ мирнымъ переговорамъ, и просили назначить мѣсто для сѣзда, указывая между прочимъ на Або. Румянцевъ возвратился въ Петербургъ и передалъ желаніе шведскаго правительства. Но Петръ отвѣчалъ, что Або не годится для мирныхъ переговоровъ, потому что тамъ весь генералитетъ и всѣ провіантскіе склады.

Мѣстомъ для конгресса былъ выбранъ городъ Ништадтъ; министрами назначены опять тѣже—Брюсъ и Остерманъ, съ титуломъ барона и тайнаго совѣтника канцеляріи, съ шведской стороны графъ Лиліенштедъ и баронъ Штремфельдъ. Въ февралѣ 1721 года въ Петербургъ пріѣхалъ было посредникъ отъ французскаго двора, но когда ему объявлено было, что мирныя статьи уже извѣстны

французскому двору и что въ нихъ не будетъ никакой перемѣны, то онъ увидѣлъ, что посреднику дѣлать нечего; онъ по крайней мѣрѣ просилъ позволеніе отправиться къ шведскому двору, сообщить ему и уговорить къ принятію этихъ условій. Царь согласился и министръ отправился.

Русскіе уполномоченные пріѣхали въ Ништатъ 28 апрѣля 1721 года и нашли тамъ уже шведскихъ. Первый вопросъ шведовъ былъ, на какихъ условіяхъ царь намѣренъ мириться? имъ отвѣчали: «На ааландскихъ.»—«Объ ааландскихъ теперь не можетъ быть и рѣчи, отвѣчали шведы; тогда у Швеціи было четыре врага, а теперь остался одинъ только.»

Русскіе уполномоченные отвѣчали, что во все время войны, Россіи союзники мало помогали; да и Швеціи на нихъ нечего рассчитывать; явный примѣръ—англичане, они въ прошломъ году не могли защитить Швеціи отъ набѣга русскихъ.

— Царское величество думаетъ удержать за собою Лифляндію и Выборгъ; если ихъ оставить за Россіей, то намъ придется погибнуть отъ голода; мы скорѣе обрубимъ себѣ руки по-локоть, чѣмъ подпишемъ такой мирный договоръ, воскликнули шведы.

— Напрасно вы такъ думаете, — безъ Лифляндіи и Выборга царь мира не заключить, съ Швеціи и того довольно, что ей возвращается Финляндія.

Между тѣмъ англійскій флотъ опять явился въ Балтійскомъ морѣ и оправдалъ вооруженія, какія дѣлались въ русскихъ гаваняхъ. Появленіе флота было сигналомъ и генераль Ласси съ своимъ гребнымъ, галернымъ флотомъ опять напалъ на беззащитные берега Швеціи и опять опустошалъ ихъ. Онъ сжегъ три города, 19 приходовъ, 79 мызъ, 506 деревень съ 4,159 крестьянскими дворами.

Такой новыи урокъ сдѣлалъ ништадтскихъ уполномоченныхъ створчивѣе. Они уступали одинъ пунктъ за другимъ, но Выборгъ долго отстаивали, а отъ Лифляндіи требовали, хотя бы Пернау и островъ Эзель.

— Выкиньте это изъ головы, отвѣчалъ имъ Брюсъ; Пернау—часть Лифляндіи и тутъ намъ сосѣда не для чего имѣть, а Выборгъ отдать намъ вовсе нельзя.

Шведскіе уполномоченные отвѣчали, что уступать Лифляндію, ежели царь, хоть тайнымъ договоромъ обяжется заплатить за нее

извѣстную сумму денегъ, да не будетъ требовать, чтобы герцогъ Голштинскій былъ назначенъ наслѣдникомъ шведскаго престола, чего царь требовалъ; они прибавляли: этого нельзя сдѣлать насиліемъ, а всего надобно ждать отъ благопріятныхъ обстоятельствъ; да еще просили, чтобы не посылать болѣе войскъ разорять Швецію, потому что это только озлобляетъ народъ и мѣшаетъ мирнымъ переговорамъ, что по этой же причинѣ и Ааландскій конгрессъ прекратился.—Если царь пошлетъ свое войско въ Швецію, отвѣчалъ Брюсъ, то это не только не замедлитъ дѣла о мирѣ, а напротивъ, принудитъ скорѣе заключить его.

Согласившись на уступку Лифляндіи, шведы долго отстаивали Выборгъ, называя его ключемъ Финляндіи. Наконецъ уступили и Выборгъ, но тѣмъ сильнѣе спорили объ его округѣ и о границѣ.

Русскимъ уполномоченнымъ пришлось съ своей стороны сдѣлать тоже нѣкоторыя уступки. Несмотря на то, что царь сблизился съ молодымъ герцогомъ Голштинскимъ, согласился ему отдать руку своей старшей дочери Анны Петровны и обѣщался позаботиться объ утвержденіи его правъ на наслѣдство шведскаго престола, но шведы по этому поводу показали невѣроятное упрямство; не смотря на всѣ убѣжденія и дипломатическія тонкости русскихъ представителей, шведы не подавались; чтобы не упустить времени и заключить миръ во всѣхъ отношеніяхъ выгодный, надобно было пожертвовать интересами принца и отказаться отъ этого требованія.

Война уже надоѣла Петру; онъ столько же желалъ и даже нуждался въ мирѣ, сколько и Швеція, хотя матеріальныя средства Россіи еще далеко не были истощены, но у великаго преобразователя въ умѣ роились уже другіе планы и взоръ его уже обращенъ былъ въ другую сторону. Чтобы поскорѣе покончить переговоры, онъ рѣшился даже не стоять за Выборгъ, или за округъ его и отправилъ въ Ннштатъ третьяго уполномоченнаго — Ягужинскаго, съ новыми инструкціями, по которымъ долженъ былъ уступить Выборгъ.

Но выборгскій комендантъ Шуваловъ провѣдалъ объ этомъ намѣреніи и извѣстилъ о немъ Остермана. Чтобы удержать за Россіей округъ, такой важный для безопасности Петербурга и чтобы окончить самому мирные переговоры съ шведами безъ вмѣшательства третьяго лица, Остерманъ рѣшился употребить отчаянную хи-

тлость. Ему извѣстно было, что шведы не будутъ стоять за Выборгъ, если ихъ хорошенько притѣснить; онъ объявилъ имъ, что получилъ отъ царя указъ, или окончить мирные переговоры въ 24 часа, или окончательно прервать ихъ и тогда военныя дѣйствія начнутся вновь. Хитрость вполнѣ удалась: шведскіе представители, испугавшись того, что всѣ труды для достиженія мира пропадутъ даромъ, отступились отъ выборскаго округа и отъ многихъ другихъ требованій, на которыя русскіе уже готовы были согласиться, подписали прелиминарный мирный договоръ 30 августа 1721 года и размѣнялись грамотами съ русскими.

Отправивъ Ягужинскаго, Петръ уже освоился съ мыслью объ уступкѣ Выборга и 3 сентября отправился въ Выборгъ, чтобы лично осмотрѣть новыя границы, которыя намѣревался назначить. Онъ находился на Лисьемъ носу въ своемъ загородномъ домѣ Дубкахъ, такъ прозванному по дубовой рощицѣ, посаженной самимъ Петромъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ капрала гвардіи Обрѣзкова, скакавшего къ нему изъ Ништата съ радостной вѣстью о заключеніи мира. Царь, не подозрѣвая содержанія пакета, распечатываетъ и читаетъ письмо Остермана, который извѣщаетъ о заключеніи мира и извиняется, что пошлаетъ подлинный трактатъ, только что подписанный, перевестъ котораго не успѣлъ и спѣшить увѣдомить царя, чтобы кто-нибудь другой не провѣдалъ о мирѣ раньше. Такъ какъ миръ состоялся не на тѣхъ условіяхъ, на какихъ царь намѣревался заключить его, то для яснѣйшаго уразумѣнія дѣла предлагалось краткое извлеченіе изъ статей мирнаго договора. Въ концѣ письма Брюсъ и Остерманъ поздравляли царя съ счастливымъ окончаніемъ долгой и изнурительной войны, въ которой онъ выказалъ столько твердости, храбрости и понесъ столько трудовъ. Подписались «Вашего царскаго величества всенижайшіе рабы—Яковъ Брюсъ, Андрей Остерманъ. Августа 30 дня въ четвертомъ часу по полудни.»

Ништадтскій договоръ состоялъ изъ слѣдующихъ статей: 1) Вѣчный и неразрывный миръ заключенъ между царемъ русскимъ и королемъ шведскимъ и ихъ преемниками. 2) Съ той и другой стороны полная амнистія; изъ нея исключаются только казаки, полѣдовавшіе за Мазепой. 3) Всѣ непріятельскія дѣйствія прекращаются въ четырнадцатидневный срокъ и еще скорѣе. 4) Съ швед-

ской стороны уступаются въ полное и вѣчное владѣніе и неотъемлемую собственность Россіи: Лифляндія, Эстляндія, Ингрія, часть Карелии съ дистриктомъ Выборскаго лена, со всѣми принадлежностями, правами и доходами. Эти области должны быть присоединены къ русскому государству и должны навсегда остаться за нимъ. (Послѣднее условіе русскіе уполномоченные включили, чтобы устранить претензіи Польши). 5) Царь возвращаетъ Швеціи завоеванную имъ Финляндію, кромѣ той части, о которой говорено было выше. Сверхъ того царь обѣщается заплатить королю два милліона ефимковъ. 6) Король имѣетъ право безпошлинно покупать хлѣбъ въ Ригѣ, Ревелѣ и Аренсбургѣ ежегодно на 50,000 рублей, кромѣ тѣхъ годовъ, когда вывозъ хлѣба изъ Россіи будетъ запрещенъ для всѣхъ народовъ. 7) Царь даетъ крѣпкое обѣщаніе не вмѣшиваться въ домашнія дѣла шведскаго королевства, касательно формы ея правленія и законовъ престолонаслѣдія. 8) Границы между государствами точно опредѣляются. 9) Жители провинцій, уступленныхъ Россіи, пользуются тѣми же правами, какія имѣли при шведскомъ владычествѣ. 10) Жителямъ уступленныхъ областей предоставляется право совѣсти; церкви и школы остаются въ томъ видѣ, какъ были подъ шведскимъ правленіемъ; исповѣданіе греческой вѣры свободно. 11) Каждый, кто можетъ ясно доказать свои права на владѣніе землею, или домомъ въ уступленныхъ провинціяхъ, находится ли онъ въ нихъ, или нѣтъ, пользуется своимъ правомъ владѣнія безпрепятственно. 12) Въ Лифляндіи, Эстляндіи, на Эзелѣ, въ Нарвѣ и Выборгѣ конфискованныя имѣнія и дома во время войны возвращаются ихъ прежнимъ обладателямъ, также и аренды, срокъ которыхъ не вышелъ, возвращаются первоначальнымъ арендаторамъ, хотя бы они уже были отданы другимъ лицамъ: но эти владѣльцы обязаны, привсту пленіи во владѣніе, присягнуть на подданство; тѣмъ же, которые подданство принимать не захотятъ, дается трехлѣтній срокъ для продажи имѣній. 13) Военноплѣнные освобождаются безъ выкупа. Желаящіе могутъ оставаться въ Россіи, или въ Швеціи. Тоже относится и къ вывезеннымъ людямъ во время войны и къ принявшимъ греческое вѣроисповѣданіе. 14) Король польскій и Рѣчь посполитая, какъ союзники царскіе, включаются въ этотъ мирный договоръ; для ближайшихъ статей мира шведскій король отправитъ своихъ полномочныхъ въ избранное обоими королями мѣсто, и миръ

состоится при посредничествѣ русскаго царя, на условіяхъ не противорѣчащихъ ништадтскому трактату. 15) Свобода торговли между подданными Швеціи и Россіи. 16) Послы будутъ сами себя содержать. 17) Со стороны шведской, король Великобританскій влючается въ мирный договоръ, но на условіяхъ, какія Англія и Россія сами постановятъ черезъ своихъ представителей.

Въ отдѣльной статьѣ было постановлено, что обѣщанные Россією два милліона ефимковъ должны быть выплачены въ четыре срока по 500,000 въ каждый, послѣдній въ сентябрѣ 1724 года.

Петръ съ радостію прочиталъ договоръ: лучшаго онъ и желать, и ожидать не могъ. Такъ какъ вечеръ наступилъ, Петръ переночевалъ въ Дубкахъ. Утромъ, когда придворные хотѣли ѣхать дальше къ Выборгу, онъ ихъ остановилъ и объявилъ о заключеніи мира и написалъ благодарственное письмо Брюсу и Остерману, а самъ сѣлъ на свою бригантину съ однимъ пажемъ, съ трубачами и поплылъ къ Петербургу, чтобы обрадовать столицу.

Въ Петербургѣ жители заволновались; издали слышались пушечные выстрѣлы и трубные звуки: царь возвращается неожиданно, плыветъ, и каждую минуту стрѣляетъ изъ своихъ трехъ пушекъ, что бы это значило? спрашивали другъ друга; зачѣмъ выстрѣлы, за чѣмъ трубы? Народъ толпами сбѣгался на Троицкую пристань, всѣ работы были брошены, знать и служащіе бѣгутъ и скачутъ въ экипажахъ къ пристани; у всѣхъ одна мысль, одно предположеніе: *миръ заключенъ!*

И царь, сходя на пристань, радуется собравшихся этими словами; громкіе восторженные крики отвѣчаютъ ему. Петръ, а вслѣдъ за нимъ, всѣ находившіеся на набережной отправились въ Троицкій соборъ къ молебствію. Всѣ горячо благодарятъ Бога за дарованную побѣду. Приближенные царя знали, чѣмъ обрадовать царя: генераль-адмиралъ, адмиралы, флагманы, министры послѣ молебствія обступили царя и просили его принять чинъ адмирала Краснаго флага.

При выходѣ изъ церкви на Троицкой площади уже приготовлено было возвышеніе и по площади разставлены кадки съ виномъ и съ пивомъ. Царь взшелъ на помостъ, зачерпнулъ стаканъ вина и, обращаясь къ народу, громко сказалъ: «Здравствуйте, православные, и благодарите Бога! по Его милости окончилась война,

продолжавшаяся 21 годъ; Всесильный Богъ положилъ ей конецъ и даровалъ намъ съ Швеціей счастливый и вѣчный миръ.» Послѣ этихъ словъ царь выпилъ стаканъ вина, а народъ какъ бы обезумѣлъ; плачетъ и восклицаетъ: «да здравствуетъ царь-государь!» Съ крѣпости раздаются пушечные выстрѣлы, наскоро разставленные на площади войска вторятъ имъ ружейными выстрѣлами. Снарядили 12 человекъ драгунъ съ бѣлыми перевязями черезъ плечо, съ знаменами и лавровыми вѣтвями въ рукахъ: передъ ними два трубача; они ѣздили по всѣмъ улицамъ на перекресткахъ, передъ церквами и на площадяхъ останавливались и провозглашали радостную вѣсть о мирѣ.

Дано было приказаніе по всей Россіи совершить тоекратное празднованіе побѣды и молебствіе за окончаніе войны, длившейся три семилѣтія, а на будущія времена 30 августа, день, въ который подписанъ былъ мирный трактатъ, назначался для ежегоднаго торжества.

Петръ веселился съ своею всегдашнею изобрѣтательностію; пиры слѣдовали за пирами. Сентября 5 праздновали именины царевны Елизаветы Петровны большимъ катаньемъ по Невѣ, роскошнымъ обѣдомъ и баломъ, даннымъ въ почтовомъ домѣ. Числа 10 начался большой уличный маскарадъ на 1,000 человекъ, продолжавшійся цѣлую недѣлю. Этотъ карнаваль походилъ на бывшій въ 1715 году. Въ этомъ маскарадѣ костюмы были оригинальны и разнообразны, а нѣкоторыя одежды и изображенія въ наше время почли бы очень неловкими и неумѣстными. Самый замѣчательный по своему богатству костюмъ былъ на князѣ Кесарѣ—Ромодановскомъ; онъ ѣхалъ на древней колесницѣ, въ одеждѣ древнихъ царей; длинная и широкая мантия его была подбита горностаемъ; на головѣ богатая корона, усыпанная драгоценными камнями; въ рукахъ онъ держалъ скипетръ, тоже украшенный брилльянтами. Князь Меншиковъ былъ въ простомъ и скромномъ костюмѣ гамбургскаго бургомистра; на герцогѣ Голштинскомъ былъ розовый атласный кафтанъ, обложенный золотыми галунами, за нимъ была свита, щегольски и роскошно одѣтая.

Первое мѣсто въ этомъ маскарадѣ занимала символическая фигура бога Вакха; у него на плечи была наброшена тигровая кожа, а въ рукахъ онъ держалъ виноградную лозу съ зрѣлыми кистями. Роль Вакха поручена была одному изъ низшихъ чиновъ придвор-

ныхъ; онъ очень глубоко проникнуть былъ своею ролью; онъ передъ маскарадомъ трое сутокъ пилъ безпросыпно и потому, въ день маскарада, совершенно удовлетворительно изображалъ бога вина. Танцмейстеръ дѣтей князя Меншикова одѣтъ былъ сатиромъ и прыжками своими не мало потѣшалъ народъ. Многіе очень хорошо одѣты были страусами, пѣтухами и журавлями. Два крошечныхъ карлика съ подвязанными по колѣни бородами, одѣтые стариками, на веревкѣ вели двухъ великановъ, одѣтыхъ, какъ одѣваютъ маленькихъ дѣтей, когда они начинаютъ ходить. Нѣсколько человекъ съ длинными пушистыми бородами въ парчевыхъ костюмахъ древнихъ русскихъ бояръ, въ высокихъ собольихъ шапкахъ, ѣхали верхомъ на живыхъ медвѣдяхъ. Царскій шутъ былъ зашитъ въ медвѣжью шкуру; и онъ съ неподражаемою истиною подражалъ движеніямъ и пріемамъ настоящаго медвѣдя; его везли въ большой клѣткѣ, сдѣланной такъ, какъ у насъ дѣлаютъ клѣтки для бѣлокъ. Онъ былъ такъ естественъ, что всѣ думали, это настоящій медвѣдь, но онъ неожиданно выскочилъ изъ клѣтки, подбѣжалъ къ настоящему медвѣдю, вскочилъ ему на спину и поѣхалъ очень торжественно; только тутъ убѣдились, что одинъ изъ медвѣдей словесный, а другой звѣрь. Обѣдали всѣ члены маскарада въ домѣ Сената и Коллегій; послѣ обѣда начались танцы, длившіеся до тѣхъ поръ, пока не настало время разѣхаться по домамъ. Этотъ маскарадъ продолжался трое сутокъ.

За нимъ шли другія увеселенія: звѣриная травля, прогулка маскированныхъ по городу, балы и вечеринки у знатнѣйшихъ лицъ Петербурга. Петръ веселился, какъ юноша; онъ пѣлъ и плясалъ не только на полу, но на столахъ и скамьяхъ.

Въ такихъ удовольствіяхъ шло время и приближалось вторичное церковное торжество, назначенное на 22 октября. За день, Петръ пріѣхалъ въ Сенатъ и объявилъ, что въ знакъ благодарности за милосердіе Божіе, выразившееся счастливымъ миромъ, онъ прощаетъ всѣхъ преступниковъ, осужденныхъ на смерть, или къ ссылке, кромѣ отъявленныхъ разбойниковъ, уже попадавшихъ въ нѣсколькихъ убійствахъ; всѣхъ государственныхъ должниковъ прощаетъ и освобождаетъ; всѣ недоимки накопившіяся отъ начала войны до 1718 года слагаетъ. Когда царь удалился изъ Сената, всѣ сенаторы и министры рѣшились поднести Петру титулъ Отца Отечества, Императора и Великаго.

Вѣсть о милостяхъ царя искроу пробѣжала по всѣмъ слоямъ общества и народъ ликоваль; онъ забылъ всѣ тяжести войны и съ наслажденіемъ представлялъ себѣ, что теперь всѣ ужасы войны кончены.

На другой день была опять торжественная благодарственная церковная служба; Оеофанъ Прокоповичъ говорилъ длинную проповѣдь, въ которой называлъ Петра Отцомъ Отечества, Великимъ и Императоромъ. Въ это время къ царю подошли канцлеръ графъ Головкинъ и сенаторы; канцлеръ въ рѣчи, въ которой выставилъ всѣ заслуги Петра, отъ имени всего русскаго народа, синода и сената просилъ его принять титулъ Отца Отечества, Петра Великаго и Императора Всероссійскаго. Сначала Петръ не соглашался принять этотъ титулъ, но сенаторы и всѣ присутствующіе громко три раза прокричали: вивать! въ церкви и внѣ ея народъ повторилъ троекратное вивать!

Трубы, литавры и барабаны загремѣли и бѣглый огонь стоявшихъ на площади войскъ поддержалъ общее восторженное настроеніе; съ крѣпости, кораблей и галеръ, пришедшихъ изъ Финляндіи, раздавался громъ пушечныхъ выстрѣловъ.

Послѣ молебствія Петръ отправился въ Сенатъ; здѣсь герцогъ Голштинскій и всѣ иностранные министры поздравили его; императоръ объявилъ щедрыя награды всѣмъ отличившимся въ войнѣ и участвовавшимъ въ составленіи мирнаго трактата. Послѣ этого сѣли за столъ, накрытый на 1,000 человекъ; для народа былъ приготовленъ жареный быкъ цѣликомъ, начиненный дичиною и домашнею птицею, и были разставлены чаны съ бѣлымъ и краснымъ виномъ. Вечеромъ былъ балъ и фейерверкъ. Балы и фейерверки продолжались и въ слѣдующіе дни, маски ходили и ѣздили по улицамъ.

Шведскихъ военноплѣнныхъ между тѣмъ привозили изъ всѣхъ частей Россіи и ихъ отпускали на родину; но многіе отказались и остались въ Россіи, къ которой привыкли и вступили въ службу.

Новый титулъ императора Всероссійскаго неодинаково былъ принятъ европейскими дворами. Пруссія и Голландія тотчасъ признали его, и прислали Петру поздравленіе; въ Вѣнѣ титулъ императора не нравился, но рѣшительнаго отвѣта не давали, министры отмалчивались, а въ сношеніяхъ съ Россіей употребляли ста-

ринный титулъ царя, хотя благоразумные люди и совѣтовали прямо, безъ колебаній, признать титулъ этотъ за Петромъ, что гораздо лучше, чѣмъ потомъ быть въ тому вынужденнымъ.

Между тѣмъ изъ Петербурга въ Москву отправили гвардію и нѣкоторыя другія полки, съ цѣлю отпраздновать третье торжество по случаю ништадтскаго мира въ Москвѣ. Декабря 10 и Петръ отправился туда съ своимъ дворомъ и приближенными. Московскія торжества нисколько не уступали петербургскимъ, ни своимъ разнообразіемъ, ни пышностію, ни изобрѣтательною игривостію.

ГЛАВА XXVIII.

Посольство въ Китай. Походъ въ Хиву. Походъ въ персидскія владѣнія. Покореніе Дербента. Переговоры съ Персіей. Взятіе Баку. Договоръ съ Турціей. Разграниченіе владѣній турецкихъ, персидскихъ и русскихъ. Покровительство единовѣрцамъ -- армянамъ. Покровительство православнымъ въ Польшѣ. Отношенія къ Швеціи. Отношенія съ герцогомъ Голштинскимъ; оборонительный союзъ съ Швеціей. Отношенія Россіи къ Даніи и другимъ европейскимъ державамъ. Последнее плаваніе Петра по Балтійскому морю. Праздникъ по случаю привезеннаго ботика изъ Москвы въ Петербургъ. Переговоры съ Франціей.

Обширные замыслы Петра не ограничивались тѣмъ, чтобы упрочить свои сношенія съ западомъ; на пріобрѣтеніе Балтійскаго моря онъ смотрѣлъ, какъ на способъ къ этому: но онъ зналъ, что главные богатства свои Россія можетъ пріобрѣтать съ востока, что она, какъ бы самою природою назначена на то, чтобы служить посредницею между востокомъ и западомъ, и потому при всѣхъ своихъ занятіяхъ, при всѣхъ внутреннихъ преобразованіяхъ, при всѣхъ трудныхъ политическихъ и военныхъ предпріятіяхъ на западѣ, Петръ все-таки не упускалъ изъ виду востока.

Въ 1719 года Петръ отправилъ въ Пекинъ чрезвычайнаго посланника, преображенскаго полка капитана Измайлова. Онъ въ Пекинъ вѣхалъ торжественно съ большою пышностію и объявилъ ближнимъ людямъ богдыхана, что явился для того, чтобы подтвердить и возобновить дружескія отношенія, издавна существовавшія между русскимъ императорскимъ величествомъ и китайскимъ богдыханомъ. Чтобы по прежнимъ примѣрамъ не было споровъ о ти-

тулахъ, Петръ оставилъ въ своей грамотѣ пробѣль для своего титула, но вполне выписалъ всѣ титулы богдыхана.

Измайловъ постарался войти въ сношеніе съ іезуитами, утвердившимися въ Пекинѣ и дѣйствовать черезъ нихъ. Онъ объявилъ имъ, что готовъ помогать имъ пересылать всю свою корреспонденцію посредствомъ русскихъ черезъ Сибирь и доставить ихъ ордену разныя привиллеги въ Россіи, ежели они будутъ содѣйствовать его видамъ при пекинскомъ дворѣ. Іезуиты обѣщались помогать. На аудіенціи богдыханъ объявилъ, что по существующимъ законамъ онъ хотя и не имѣетъ права принимать грамоты отъ чужихъ государей, но такъ какъ онъ на русскаго государя смотритъ, какъ на равнаго себѣ, то грамоту принимаетъ. Потомъ объявилъ, что устроилъ нарочно пиръ, на который и приглашаетъ посланника. Спрашивалъ: знаетъ ли Измайловъ астрономію и прочія науки и привезъ ли онъ съ собою музыкантовъ? Измайловъ отвѣчалъ, что астрономіи не учился, а музыканты, которые играютъ на трубахъ и на скрипкахъ, у него есть. Потомъ расспрашивалъ, какимъ наукамъ и искусствамъ учатся въ Россіи. Переводчиками служили іезуиты.

Черезъ нѣсколько дней богдыханъ опять потребовалъ Измайлова во дворецъ и сказалъ ему: «Прежде ты былъ на аудіенціи по нашему обыкновенію, а теперь поступай по-своему—ѣшь, пей и веселись запросто.» Принесли накрытый столъ, уставленный кушаньями; когда посланникъ пообѣдалъ и по-европейски поклонился, богдыханъ сказалъ ему: «Скажу я тебѣ два слова, ты на нихъ ничего не отвѣчай; но только вѣрно сохрани ихъ въ своей памяти и передай своему государю. Царское величество, великій и славный монархъ, владѣніе у него большое, до меня дошло, что онъ ведетъ войну и на сушѣ, и на морѣ; море опасно, на немъ бываютъ большія волны и причиняютъ большой страхъ; такъ я ему совѣтую пусть царь хранитъ свое здоровье, потому что у него много добрыхъ воиновъ и вѣрныхъ слугъ, пусть бы ихъ посылалъ, а себя берегъ, потому что я хочу быть въ дружбѣ съ царскимъ величествомъ. Хотя изъ Россіи къ намъ и отъ насъ въ Россію уходитъ человѣкъ по 20 и по 30, но отъ такихъ негодныхъ людей дружба между нами никогда не нарушится. Намъ не-изъ-чего ссориться. Россія—государство далекое отъ Китая и холодное; еслибы я по-

слалъ туда свои войска, всѣ бы перемерли, а еслибы чѣмъ и овладѣли, то намъ отъ того никакой прибыли нѣтъ. Наша сторона напротивъ знойная и еслибы императоръ послалъ къ намъ свои войска, они перемерли бы отъ жару, потому что не привыкли къ нему. Если бы даже русскіе и завоевали часть Китая, то какая имъ въ томъ польза, потому что въ обоихъ государствахъ и безъ того много земли.»

Въ переговорахъ съ министрами Измайловъ требовалъ свободной торговли между обоими государствами, чтобы русскимъ купцамъ позволено было имѣть свои церкви въ Китаѣ и чтобы консулы и вице-консулы русскіе жили въ разныхъ городахъ Китая. Но китайцы не соглашались, выражая полное презрѣніе къ торговлѣ и къ торговцамъ, и Измайловъ наконецъ принужденъ былъ выѣхать изъ Пекина, не добившись ни одной изъ своихъ цѣлей.

Между тѣмъ до Петра доходили извѣстія, что въ Средней Азій находится множество сокровищъ и что въ Эркети, на рѣкѣ Дарьѣ, добываютъ большое количество золотого песку. Петръ рѣшился развѣдать, что это за Эркети, нельзя ли добраться до него сухимъ путемъ, или водою, да и вообще узнать получше побережья Каспійскаго моря, изслѣдовать, нельзя ли найти судоходную рѣку, или по крайней мѣрѣ заставить Аму-Дарью обратиться по старому руслу къ Каспійскому морю.

Съ этою цѣлью князь Черкасскій еще въ 1716 году былъ отправленъ съ слѣдующимъ наказомъ: 1) Надлежитъ тамъ, гдѣ было устье Аму-Дарьи, построить крѣпость на тысячу человекъ, что не противно и хану хивинскому: посоль его просилъ объ этомъ. 2) Ѣхать къ хану въ Хиву посломъ и путь держать подлѣ той рѣки, осмотрѣть ея теченіе, плотины и если можно, то воды ея обратить въ старое русло, а остальные устья запереть, которыя идутъ въ Аральское море. 3) Осмотрѣть, нельзя ли близъ плотины настоящей Аму-Дарьи построить крѣпость тайно и заложить городъ. 4) Склонить хана хивинскаго къ подданству, обѣщавъ ему наследственное владѣніе Хивой, предложить ему для этой цѣли гвардію, съ тѣмъ, чтобы онъ дѣйствовалъ въ пользу Россіи. 5) Если ханъ приметъ гвардію, то дать ему, сколько понадобится, но на его жалованьи, или въ случаѣ надобности, глядя на его безденежье, на годъ на русскомъ жалованьи, а далѣе на хивинскомъ. 6) Если ханъ согла-

сится, то уговорить его послать своихъ людей, а при нихъ двухъ знающихъ русскихъ, вверхъ по Сыръ-Дарьи, до города Эркети, чтобы изслѣдовать мѣсто нахождения золота. 7) Также просить у хана судовъ и на нихъ, по Аму-Дарьѣ, отправить купцовъ въ Индію съ тѣмъ, чтобы точно описали путь туда, какъ сухимъ путемъ, такъ и водою; если же узнаютъ о другомъ пути, прямо къ Каспійскому морю, то возвратиться тѣмъ путемъ. 8) Въ бытность у хивинскаго хана, провѣдать о бухарскомъ и ежели его нельзя принять въ подданство, то по крайней мѣрѣ заключить съ нимъ дружественный союзъ, потому что и тамъ ханы бѣдствуютъ отъ своихъ подданныхъ. 9) Для всего этого дать регулярнаго войска 4000 человекъ, судовъ сколько нужно, грамоты къ обоимъ ханамъ, а купцамъ къ вел. Моголу. 10) Назначить знающихъ морскихъ офицеровъ, которыхъ можно бы послать къ Эркети и подъ видомъ купцовъ въ Индію. 11) Дать двухъ инженеровъ. 12) Дать 500 казаковъ и 100 драгунъ, чтобы шли, какъ бы для охраны каравана изъ Астрахани и для построения города; и стать имъ на рѣкѣ подлѣ плотины и т. д.

Сенатъ сдѣлалъ всѣ распоряженія и осенью 1716 года кн. Черкасскій выѣхалъ изъ Волги въ Каспійское море, присталъ къ урочищу Тюкъ-Караганъ и заложилъ крѣпость. Далѣе поѣхалъ онъ моремъ, присталъ къ урочищу Красныя-Воды и опять заложилъ вторую крѣпость, но оба мѣста были дурно выбраны; не было по близости ни лѣса, на прѣсной воды, а въ заливахъ морскихъ вода гнилая и испаренія отъ нея вредныя. Съ Красныхъ-Водъ князь Черкасскій возвратился къ Тюкъ-Карагану и нашелъ между оставленными тамъ солдатами и матросами около 700 человекъ больныхъ и до 120 умершихъ. Въ началѣ 1717 года Черкасскій возвратился въ Астрахань; тутъ начали приходять извѣстія, что хивинскій ханъ очень недружелюбно смотритъ на появленіе русскихъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря и что хивинцы, бухарцы, кайсаки и каракалпаки собираются въ значительномъ количествѣ, чтобы силою отразить вторженіе русскихъ.

Не смотря на такіе слухи, князь Черкасскій съ отрядомъ, весною 1717 года, сухимъ путемъ пошелъ опять въ Хиву и вскорѣ разнеслась вѣсть, что весь отрядъ погибъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вернулся въ Астрахань одинъ изъ казаковъ, бывшихъ въ его отрядѣ; отъ него узнали, что князь Черкасскій 15 августа

пришелъ къ озерамъ рѣки Дарьи, не доходя пяти дней пути до Хивы, и сдѣлалъ тутъ земляныя укрѣпленія для своего отряда. На слѣдующій день явились хивинцы и осыпали русскихъ выстрѣлами изъ пицалей и стрѣлами; Черкасскій изъ своего укрѣпленія отбивался пушечною и ружейною стрѣльбою. На четвертый день явились посланные отъ хана съ мирными предложеніями, цѣловали коранъ и вѣяввенно давали обѣщаніе не причинять ни малѣйшаго вреда русскимъ. Черкасскій поѣхалъ къ хану съ подарками. Ханъ принялъ ихъ, но сталъ говорить, что Хива не можетъ прокормить всего войска, и потому просилъ разставить его отрядами въ пяти городахъ. Черкасскій согласился и отрядъ яицкихъ казаковъ, къ которому принадлежалъ и бѣжавшій въ числѣ 240 человекъ отдѣлился; 1000 хивинцевъ взялись проводить въ назначенный для нихъ городъ. На слѣдующій день хивинцы невзначай напали на казаковъ, перевязали ихъ, отобрали лошадей и оружіе и повезли дальше. Бѣжалъ одинъ Ахмедъ и прибылъ въ Хиву, тутъ онъ узналъ, что и съ остальными отрядами поступили точно такъ же, а князя Черкаскаго и бывшаго при немъ астраханскаго дворянина князя Заманова казнили и головы ихъ выставили.

Послѣ этого прошло около трехъ лѣтъ. Въ маѣ 1720 пріѣхалъ въ Астрахань хивинскій посоль съ извинительною грамотою, съ возобновленіемъ предложеній дальнѣйшей дружбы, съ обѣщаніемъ возратить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, нарочно сохраненныхъ съ этою цѣлью. Долгое время прожилъ хивинскій посланникъ въ Астрахани; наконецъ въ концѣ августа пришло астраханскому губернатору приказаніе прислать хивинскаго посланнаго въ Петербургъ и отпустить ему дорожныя и кормовыя деньги, не какъ посланнику, а какъ арестанту; впрочемъ обходиться съ нимъ ласково и объяснить ему, что его посылаютъ въ Петербургъ подъ карауломъ за то, что съ русскимъ посланникомъ, княземъ Черкасскимъ, въ Хивѣ поступили по-непріятельски.

Въ началѣ 1721 года посланника привезли въ Петербургъ и какъ подсудимаго привели въ иностранную коллегію.

— Какой у тебя словесный приказъ отъ хана? спросили его.

— Ханъ приказалъ мнѣ сказать, что между Россіей и Хивой съ давнихъ лѣтъ существуетъ торговля и дружба, теперъ то и

другое прекратились, и ханъ желаетъ возобновить и торговлю, и дружескія сношенія.

— Мы полагаемъ, что въ цѣломъ свѣтѣ, ни у одного народа нѣтъ обыкновенія убивать мирныхъ пословъ; для чего же вы убили русскаго посланника князя Черкаскаго?

— Правда, это сдѣлано, но зачѣмъ же онъ пришелъ къ намъ не какъ посланникъ, а какъ врагъ, построилъ городъ и оставилъ въ немъ 8000 человекъ? Потомъ, не доѣзжая до Хивы за 15 дней сражался съ нашими и убитъ въ бою, а остальные плѣнные живутъ въ Хивѣ и ханъ готовъ отдать ихъ.

— Твой ханъ самъ для удобнѣйшей торговли просилъ нашего государя построить городъ; это сдѣлали, а онъ велѣлъ убить посланника, и тѣмъ нанесъ обиду нашему великому монарху. Можетъ быть, твой ханъ сердитъ на тебя и прислалъ тебя для того, чтобы тебя здѣсь повѣсили за князя Черкаскаго?

— Вы можете со мною дѣлать, что хотите, но ханъ прислалъ меня съ мирными предложеніями: онъ желаетъ быть съ русскими въ дружбѣ и готовъ отдать всѣхъ плѣнныхъ.

Посланника посадили въ крѣпость, гдѣ онъ скоро и умеръ. О смерти его написали подробный отчетъ за подписью канцлера и подканцлера, и прибавивъ къ грамотѣ требованіе о возвращеніи всѣхъ плѣнныхъ, послали ее въ Хиву съ однимъ изъ хивинцевъ, состоявшихъ при посланникѣ.

Не мало хлопотъ было Петру съ калмыцкими ордами средней, степной Азіи; калмыкамъ нравились привольныя и богатыя кочевья между Волгой, Яикомъ и Дономъ; кочевья эти имъ были предоставлены и они пользовались ими; но они должны были за это признать надъ собою господство Россіи и заплатить за нихъ своею независимостью: отбывать разныя службы, платить повинности. Такая зависимость не могла нравиться полудикимъ племенамъ и они только и помышляли о томъ, какъ бы сохранить свои богатыя кочевья и въ то же время, какъ бы высвободиться изъ-подъ русскаго владычества; они поминутно входили въ сношенія, то съ независимыми ордами на востокѣ, то съ крымскими татарами и всегда готовы были пристать къ врагамъ Россіи; поэтому за ними надобно было зорко смотрѣть и чтобы держать ихъ въ уздѣ, брать у нихъ заложниковъ изъ семействъ самыхъ сильныхъ владѣльцевъ.

Положеніе дѣлъ въ Персіи заставило Петра на время позабыть объ оскорбленіи, нанесенномъ русскому посольству въ Хивѣ, и позаботиться о выгодахъ, какія можно извлечь изъ внутреннихъ волненій, раздиравшихъ Персію. Послѣ мудраго персидскаго шаха Софи на персидскій престолъ взошелъ шахъ Гуссейнъ, человѣкъ слабый, преданный удовольствіямъ и нисколько не заботящійся о своемъ народѣ, предоставлявшій управленіе государства своимъ любимцамъ и людямъ, случайно выдвинувшимся. Какъ при слабыхъ правителяхъ всегда бываетъ, такъ случилось и здѣсь: воинственное племя авганистанцевъ первое взялось за оружіе; предводитель авганцевъ, храбрый Миръ—Вейсъ разбивалъ всѣ персидскія войска, посланныя противъ него, и наконецъ объявилъ себя независимымъ владѣльцемъ Кандагара.

Такой примѣръ подѣйствовалъ и на другія покоренныя племена: успѣхъ одного породилъ желанія въ другихъ и надежда на удачу заставила подняться Курдистанъ, Хорасанъ и Кавказскія области. Къ тому же возмущившіяся области съумѣли воспользоваться религіознымъ фанатизмомъ своей партіи и всей войнѣ придали характеръ религіозный; явились два проповѣдника, которые возвѣстили, что они присланы самимъ Богомъ за тѣмъ, чтобы освободить правовѣрныхъ отъ ненавистныхъ персидскихъ шаховъ—еретиковъ и возстановить истинную магометанскую вѣру. Кавказскія области возстали, соединились съ мятежниками, опустошили Ширванскую область, напали на Шемаху, разграбили ее и при этомъ не пощадили бывшихъ тамъ русскихъ купцовъ, перебили ихъ всѣхъ, до 300 человѣкъ, и обобрали все ихъ имущество. Убытокъ, нанесенный русской торговлѣ при этомъ случаѣ, можно было оцѣнить въ нѣсколько милліоновъ рублей.

Такое нарушеніе народнаго права и постановленныхъ договоромъ статей не могло остаться безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за первую попытку могли послѣдовать и другія, отчего вся русская торговля могла пострадать, тѣмъ болѣе, что волненіе на Кавказѣ возрастало. По приказанію правительства, астраханскій губернаторъ потребовалъ отъ персидскаго шаха вознагражденія за понесенныя убытки и наказанія мятежныхъ кавказскихъ племенъ. Но персидскій шахъ самъ еле держался на престолѣ; онъ былъ окруженъ волненіями внутри государства. Турція съ жадностію

смотрѣла на распадающуюся Персію и готова была ринуться на нее. Шахъ не имѣлъ ни силы, ни желанія исполнить требованіе русскаго царя и самъ просилъ его помощи противъ своихъ непокорныхъ областей.

Астраханскому губернатору дано было порученіе слѣдить за кавказскими князьками и, пользуясь ихъ раздорами, приобрѣтать выгоды для Россіи. Чтобы осмотрѣть дороги въ Персію и въ точности ознакомиться съ внутреннимъ состояніемъ Персіи, туда посланникомъ отправленъ былъ Артемій Волынской; но ему надѣлали въ Персіи непріятностей; шахъ по своей слабости не могъ удовлетворить требованіямъ Петра; Волынской убѣдился въ полной неурядицѣ въ Персіи и возвратившись въ Россію всѣми силами уговаривалъ Петра вмѣшаться въ дѣла персидскія и по возможности извлечь изъ ея состоянія выгоды для торговли.

Въ началѣ 1722 года пришло изъ Персіи извѣстіе, что афганцы, возставшіе противъ шаха Гуссейна, подѣ начальствомъ его сына Мирвеиза, вторглись въ Персію и находятся уже подѣ самую Испаганью. Посланное на нихъ войско разбито и Гуссейнъ, по требованію народа, назначилъ своимъ намѣстникомъ сначала старшаго сына, потомъ втораго и наконецъ третьяго; далѣе пришло извѣстіе только изъ Константинополя, что афганцы овладѣли Испаганью.

Турки могли воспользоваться положеніемъ Персіи и отхватить у нея берега Каспійскаго моря, что вовсе не входило въ расчеты Петра, и онъ рѣшился дѣйствовать энергически. Генералу Матюшкину, завѣдывавшему постройкою судовъ на верховьяхъ Волги, дано было приказаніе приготовить ихъ къ 20 мая и доставить въ Нижній Новгородъ. Гвардія выступила; императоръ вмѣстѣ съ императрицей Екатериной Алексѣевной прибыли водою по Овѣ въ Нижній, къ 26 мая и пробыли тамъ до 30, т. е. до дня рожденія государя. Рано утромъ Петръ съ своей галерей съѣхалъ на берегъ, въ домъ къ генераль-адмиралу Апраксину и оттуда верхомъ отправился въ соборную церковь; послѣ обѣдни вмѣстѣ съ императрицею пѣшкомъ при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ въ городѣ пошелъ къ архіерею, оттуда въ домъ Строгонова, гдѣ былъ большой обѣдъ, оттуда въ домъ къ купцу Пушникову и въ 6 часу поплылъ къ своей галерѣ, а въ 9 всѣ суда подняли якорь и поплыли внизъ по Волгѣ къ Астрахани.

Юля 18 Петръ съ пѣхотою отплыль изъ Астрахани, а конница пошла сухимъ путемъ къ Дербенту. Графъ Апраксинъ, какъ генераль-адмираль, начальствовалъ надъ флотомъ, а государь на своей яхтѣ ѣхалъ въ передовомъ отрядѣ. Императрица съ придворными дамами осталась въ Астрахани. 27 іюля, въ день Гангеудской побѣды, флотилія была въ Астрабадскомъ заливѣ и Петръ нетерпѣливо спѣшилъ первый вступить на берегъ; за мелководьемъ ни одинъ боть не могъ подойти къ берегу; матросы соскочили въ воду и на доскѣ понесли императора. Вступивъ на твердую землю, онъ внимательно осмотрѣлъ мѣстность и приказалъ на береговомъ возвышеніи немедленно заложить ретраншантъ. Здѣсь пришлось больше недѣли дожидаться кавалеріи, которая шла берегомъ. Пришло извѣстіе, что бригадира Ветерани, начальствовавшего частью кавалеріи, которая должна была занять деревню Андрееву, въ ущельи атаковали жители; его осыпали ружейными выстрѣлами и стрѣлами. Въ первую минуту Ветерани растерялся, остановился и началъ отстрѣливаться; при этомъ погибло 80 драгуновъ. Полковникъ Наумовъ увидѣлъ ошибку начальника, съ согласія остальныхъ офицеровъ бросился впередъ, за ними весь отрядъ, стремительно напали на деревню Андрееву, овладѣли ею и сожгли до тла.

Принужденный дожидаться кавалеріи, Петръ знакомился съ тѣми изъ окружающихъ его, которыхъ до сихъ поръ не зналъ; тутъ онъ узналъ молодого офицера Соймонова, разговаривалъ съ нимъ, оцѣнилъ его умъ и расторопность и когда тотъ однажды излагалъ свое мнѣніе, что до Китая и другихъ береговыхъ азіатскихъ владѣній легче добраться черезъ Камчатку моремъ, чѣмъ сухимъ путемъ, по степной Азіи, Петръ спокойно выслушалъ его и отвѣчалъ: «Слушай: я все это самъ знаю, да не время теперь; но былъ ли ты въ Астрабадскомъ заливѣ? Знаешь ли ты, что отъ Астрабада до Балха въ Бухаріи и до Водокшана на верблюдахъ только 12 дней пути, а въ Бухаріи центръ всей восточной торговли. Видишь ли ты горы и подлѣ нихъ берегъ простирается до самаго Астрабада и на этомъ пути никто помѣшать намъ не можетъ.»

Въ свободныя минуты Петръ забавлялся тѣмъ, что крестилъ въ Каспійскомъ морѣ всѣхъ тѣхъ, кто еще не бывалъ на немъ. Такихъ оказалось много и самъ Петръ первый подчинился обряду крещенія; церемоніями распорядился Соймоновъ, человѣкъ уже не разъ

бывавшій на Каспійскомъ морѣ. Къ одной изъ рей былъ прикрѣпленъ блокъ, а черезъ него на канатѣ поднимали доску съ тяжелой гирей. На доску становился, или садился тотъ, котораго должно было крестить, и три раза погружали его въ воду.

Наконецъ кавалерія подошла. Оставивъ въ ретраншанментѣ отрядъ для охраненія судовъ, Петръ сухимъ путемъ пошелъ къ Дербенту, разславъ напередъ манифесты, въ которыхъ приглашалъ окрестныхъ владѣльцевъ подчиниться безъ борьбы. Первый примѣръ показалъ владѣлецъ Таръ, Адиль-Гирей; онъ представился императору и объявилъ, что и прежде любилъ русскихъ и впередъ будетъ служить имъ вѣрно. Петръ поблагодарилъ его; въ тотъ же день съ поклономъ явился султанъ Аксайскій съ двумя другими владѣтельными князьями. Они передъ императоромъ пали на колѣни и объявили готовность принять подданство; 12 августа русское войско съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ подошли къ Таркамъ и раскинули лагерь. За пять верстъ отъ города шевкаль Адиль-Гирей встрѣтилъ императора, сошелъ съ лошади, низко поклонился ему, поздравилъ съ прїѣздомъ; потомъ подошелъ къ каретѣ императрицы и, поклонившись въ землю, поцѣловалъ ее. На другой день Петръ съ тремя драгунскими ротами ѣздилъ въ горы, осматривалъ развалины старинной башни и отправился по просьбѣ шевкала къ нему въ домъ. Сначала гостей приняли въ комнатѣ съ двумя фонтанами, потомъ хозяинъ повелъ ихъ во внутренніе покои, гдѣ жили его жены; эта комната была убрана коврами и зеркалами. Вошли двѣ жены шевкала со многими знатными женщинами, поклонились императору, поцѣловали его правую ногу, а потомъ по ихъ просьбѣ, и руку его. Принесли скатерть и поставили передъ государемъ разныя кушанья и плоды и самъ шевкаль, наливъ въ бокаль горячаго вина, поднесъ его императору. Петръ замѣтилъ, что у шевкала много прекрасной и цѣнной посуды; онъ спросилъ его, откуда получаетъ ее и узналъ, что ее дѣлаютъ въ персидскомъ городѣ Мешетѣ. На прощанье шевкаль подарилъ государю прекраснаго сѣраго аргамака въ золотой сбруѣ. На другой день жены шевкала были у императрицы, цѣловали у нея руку и ногу и поднесли шесть лотковъ винограду. Въ день Успенія Пр. Богородицы императоръ и императрица слушали обѣдную въ походной церкви Преображенскаго полка. По окончаніи ли-

тургии самъ Петръ очертилъ то мѣсто, гдѣ стояла церковь и положилъ камень; императрица положила второй и всѣ присутствующіе и войско послѣдовало ихъ примѣру и на томъ мѣстѣ, гдѣ совершалась передъ турками первая русская литургія мигомъ набросали цѣлый курганъ.

Августа 16 войско пошло дальше къ Дербенту. Къ султану утемишскому Махмуду послали трехъ казаковъ съ письмомъ; но султанъ велѣлъ умертвить посланныхъ и съ 10 тысячами войска неожиданно напалъ на русскихъ, но былъ вполнѣ разбитъ и мѣстечко Утемишъ, его столица и до шести окрестныхъ деревень, были сожжены. Примѣръ этотъ подѣйствовалъ и на Дербентъ; онъ не сопротивлялся; дербентскій наибъ встрѣтилъ императора за версту отъ Дербента, палъ на колѣни и поднесъ Петру два серебряныхъ ключа отъ города. Жители Дербента приняли русскихъ ласково и гостепріимно, какъ Петръ говорить въ своемъ письмѣ къ Сенату: «Какъ бы своихъ выручили послѣ долгой осады.» Между тѣмъ изъ Баку пришло тоже извѣстіе, что жители изъявили покорность, и императоръ отправилъ туда гарнизонъ. Этотъ походъ не представлялъ борьбы, и походилъ бы на радостное шествіе, еслибы природа не представляла препятствій на каждомъ шагу. Зной, къ которому войска не привыкли, томилъ его и приносилъ несказанныя страданія, недостатокъ корма для лошадей и воды для питья увеличивали страданія. Въ войскѣ появились болѣзни и смертность, хотя всѣ мѣры предосторожности были приняты, еще до выступленія изъ Астрахани. Такъ, на примѣръ, данъ былъ строжайшій приказъ не позволять солдатамъ ѣсть рыбы, соленого мяса, плодовъ—особенно дынь, сливъ, шелковицы и винограду. Не позволено было выходить изъ палатокъ безъ шляпъ, отъ 9 часовъ утра до 5 ч. пополудни; чтобы втеченіе дня никто не ложился спать на дворѣ, ни подъ крышею. Самъ императоръ для этого похода остригъ себѣ волосы, велѣлъ изъ нихъ сдѣлать себѣ парикъ и днемъ ходилъ въ шляпѣ съ широкими полями, а на ночь надѣвалъ парикъ; его примѣру послѣдовали и другіе.

Петръ вошелъ въ сношенія съ Грузинскимъ царемъ Вахтангомъ и намѣревался уже отправить гарнизонъ въ Баку, но случилось неожиданное несчастіе, которое заставило отложить на время всѣ планы, роившіеся въ головѣ предприимчиваго, геніальнаго госу-

даря. Въ виду Дербента стояло 13 судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ; поднялась страшная буря и разбила ихъ; другія 30 судовъ, тоже съ хлѣбомъ, плившія изъ Астрахани также не вынесли бури и ихъ выбросило на мель, при Астраханскомъ мысѣ. Спасли очень мало; оказалось, что провіанту на войско осталось только на одинъ мѣсяць. Вновь доставлять провіантъ изъ Астрахани, по причинѣ осеннихъ непогодъ, было очень опасно, собрать провіантъ въ персидскихъ областяхъ нельзя было надѣяться; они были опустошены возставшими племенами. Составили военный совѣтъ, и взвѣсивъ всѣ обстоятельства, положили дальнѣйшія предпріятія отложить до слѣдующаго года, а теперь, оставивъ достаточный гарнизонъ въ Дербентѣ, съ остальнымъ войскомъ идти къ Астрахани, соблюдая на пути всевозможную осторожность.

На мѣстѣ, гдѣ рѣка Астрахань отдѣляется отъ рѣки Сулака Петръ заложилъ новую крѣпость Св. Креста; крѣпость эта должна была прикрывать русскія границы, вмѣсто прежней Терской крѣпости, очень неудобной. Пока Петръ закладывалъ новую крѣпость, утмышскій султанъ Махмудъ не переставалъ беспокоить русскихъ; въ концѣ сентября атаманъ Краснощекій съ донскими казаками и калмыками ударилъ на него, на голову разбилъ и сжегъ, разграбилъ и перебилъ все, что попадалось подъ руку и что уцѣлѣло отъ перваго погрома. Вслѣдъ за этимъ Петръ оставилъ въ Астраханскомъ ретраншаментѣ довольно сильный гарнизонъ, сѣлъ съ остальною пѣхотою на суда и поплылъ къ Астрахани. Его передовая эскадра счастливо добралась до устьевъ Волги, но плившій за нимъ генераль-адмиралъ Апраксинъ вынесъ жестокую, четырехдневную бурю и съ сильно поврежденными судами дошелъ до берега. Бурное Каспійское море однакожь не могло помѣшать планамъ смѣлаго и предпріимчиваго государя. Ноября 6 онъ назначилъ для отправленія отрядъ подъ начальствомъ полковника Шипова съ приказаніемъ утвердиться на персидской землѣ, въ Гиляни; но судовъ, годныхъ для плаванія по осеннему бурному морю было мало и потому нельзя было дать Шипову болѣе двухъ батальоновъ пѣхоты. Шиповъ замѣтилъ, что отрядъ слишкомъ слабый, и сомнительно, можно ли имъ защищать цѣлую провинцію Гилянъ. Надобно замѣтить, что губернаторъ Решта, главнаго города Гиляни, просилъ у императора помощи противъ мятежныхъ войскъ, и только основ-

ваясь на этой просьбѣ, Петръ рѣшился послать войско позднею осенью, чтобы не упустить случая и стать твердою ногою на берегахъ Каспійскаго моря.

Шипову дано было приказаніе идти прямо къ Решту, объявить губернатору, что присланъ на помощь, утвердиться, или подлѣ города въ ретраншементѣ, или, ежели холодно, то искать квартиръ въ городѣ, но ни тутъ, ни тамъ, не притѣснять и не обижать жителей, а только разузнать, чѣмъ жители Гиляна торгуютъ, какіе у нихъ торговые пути, какія ремесла и что производитъ почва, какіе порядки управленія, какіе налоги и пошлины—и собрать другія чисто, этнографическія свѣдѣнія.

Одновременно съ движеніемъ войскъ на берега Каспійскаго моря, русскому консулу въ Персіи приказано было дипломатическимъ путемъ добиться того, чтобы шахъ въ своемъ отчаянномъ положеніи принялъ помощь русскихъ противъ бунтовщиковъ и въ вознагражденіе за это уступилъ нѣсколько прикаспійскихъ областей. Чтобы скорѣе достигнуть этой цѣли, приказано было персіянъ пугать турками, которые готовы подать помощь бунтовщикамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними лишить шаха Гуссейна и его потомковъ престола, покорить всю Персію и истребить въ ней послѣдователей Али.

Пока русскіе управлялись съ Дербентомъ, Петръ закладывалъ крѣпость Св. Креста и возвратился въ Астрахань; Испагань была взята бунтовщиками, Гуссейнъ, вмѣстѣ съ семействомъ, посаженъ въ тюрьму и лишенъ престола; уцѣлѣлъ только одинъ Тохмасъ, котораго и провозгласили наслѣдникомъ шаха Гуссейна. Тохмасъ былъ человѣкъ молодой и неопытный, поэтому русскій консулъ велъ переговоры съ вельможами и предложилъ имъ отправить въ Россію посла съ просьбою о помощи. Персіяне согласились: государство стояло на краю гибели; афганцы разоряли и истребляли всѣ мѣста, оставшіяся преданными шаху; курды опустошали окрестности Тевриза. У наслѣдника престола Тохмаса всего было 400 человѣкъ войска: о сопротивленіи нечего было и думать.

Шиповъ между тѣмъ съ своимъ отрядомъ быстро, при попутномъ вѣтрѣ, переплылъ пространство между устьями Волги и Куры и бросилъ якорь въ виду Решта. Въ тоже время въ Рештѣ прибылъ посланникъ Измаиль-бекъ, отправленный къ русскому императору съ просьбою о помощи противъ похитителя престола Миръ-

Махмуда, который уже утвердился въ Испагани, заключилъ союзъ съ кавказскими лезгинами и ихъ предводителемъ Даудъ-бекомъ и ищетъ союза съ Турціей.

Шиповъ, пользуясь нерѣшительностію губернатора, вошелъ въ Рештъ и поселился въ Караванъ-Сараѣ. Губернаторъ, или визирь города Решта, видя слабость Тохмаса и то, что другіе визири захватываютъ каждый, что можно, не взирая на права законнаго наслѣдника, пожалѣлъ о томъ, что призвалъ русскихъ на помощь, задумалъ не пускать персидскаго посла въ Россію и отдѣлаться отъ русскихъ; но Шиповъ, Соймановъ и русскій консулъ, прибывшій въ Рештъ вмѣстѣ съ Измаиломъ-бекомъ, отправили его на тѣхъ же судахъ, которыя привезли отрядъ Шипова, въ Астрахань; Шиповъ же началъ укрѣпляться въ Караванъ-Сараѣ. Узнавъ объ этомъ, визирь прислалъ спросить Шипова: зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? Шиповъ отвѣчалъ, что это неизмѣнное правило европейской военной предосторожности, хотя и никакой опасности нѣтъ. Визирь между тѣмъ вошелъ въ сношеніе съ визирями сосѣднихъ областей и началъ набирать войско, чтобы вытѣснить русскихъ; они набрали въ Рештѣ и его окрестностяхъ до 15,000 войска. Наконецъ визирь прислалъ сказать Шипову, что теперь у него своего войска достаточно, что онъ больше не нуждается въ помощи русскихъ и требуетъ, чтобы они оставили Рештъ и Гилянъ. На это Шиповъ отвѣчалъ, что радъ бы оставить, но судовъ нѣтъ; на двухъ повезли въ Астрахань персидскаго посла, а на остальныхъ надобно будетъ сперва отправить въ Дербентъ всѣ тяжести, а потомъ ужъ идти самому съ войскомъ, когда суда возвратятся. Персіяне успокоились; они думали, что русскіе раньше всего отошлютъ страшную для нихъ артиллерію. Суда начали готовиться къ отъѣзду, потому что Соймановъ окончилъ свое порученіе, описалъ и изслѣдовалъ устья Куры и прилежація къ ней мѣста. Суда ушли, остались только три, но ни одной пушки не увезли съ собою. Персіяне опять встревожились и неотступно требовали, чтобы Шиповъ вышелъ изъ Решта; но русскіе не трогались съ мѣста, тогда персіяне обступили Караванъ-Сарай, начали стрѣлять въ него и убили нѣсколько солдатъ и одного офицера. Шиповъ дождался ночи; онъ велѣлъ одной гренадерской ротѣ тайно выйти изъ Караванъ-Сарая въ поле и обойти неприятелей такъ, чтобы напасть на нихъ съ тыла, а самъ съ двумя

остальными ротами вышелъ въ главные ворота, и напалъ на персіанъ. Увидѣвши, что ихъ разомъ атакуютъ съ двухъ сторонъ, персіане испугались, смѣшались и бросились бѣжать; русскіе преслѣдовали ихъ изъ одной улицы въ другую и перебили больше тысячи человѣкъ. Съ такою же удачею сто человѣкъ, оставленные на судахъ отразили нападеніе 5,000 персіанъ.

Въ то же время Матюшкинъ дѣйствовалъ противъ Баку. Въ іюлѣ 1723 года Матюшкинъ изъ Астрахани приплылъ съ четырьмя полками и послалъ сказать султану, что пришелъ изъ Астрахани за тѣмъ, чтобы защищать Баку отъ инсургентовъ; въ удостовѣреніе словъ своихъ прислалъ письмо Измаиль-бека, писавшаго о томъ же. Изъ Баку отвѣчали, что жители города, втеченіе четырехъ лѣтъ умѣли отбиваться отъ Даутъ-бека и что имъ и теперь никакой помощи не нужно. Но Матюшкинъ началъ высаживать войско, тогда персіане хотѣли помѣшать ему оружіемъ; но ихъ прогнали съ урономъ. Русскіе высадились и подошли къ Баку съ намѣреніемъ осадить его, или взять приступомъ, но бакинцы разсудили, что имъ нѣтъ возможности отбиться и потому сдали городъ. Матюшкинъ оставилъ въ Баку сильный гарнизонъ, подъ начальствомъ князя Барятинскаго, и самъ отплылъ назадъ въ Астрахань, чтобы извѣстить Петра о счастливомъ приобрѣтеніи.

Императоръ и императрица изъ Астрахани выѣхали 13 ноября и черезъ Царицынъ и Воронежъ прибыли въ Москву 18 декабря; Петръ торжественно въѣхалъ въ столицу, какъ покоритель Дербента. Это было послѣднее торжество побѣдителя!

Успѣхи русскихъ въ Персіи не на шутку встревожили турецкое правительство; послали протестъ, но русскій посланникъ отвѣчалъ, что Петръ только наказываетъ персидскихъ мятежниковъ за оскорбленіе, нанесенное Россіи при взятіи ими Шемахи и почитаетъ своею обязанностію поддержать колеблющійся престолъ персидскаго шаха, поэтому послалъ ему въ помощь войско, а вовсе не хочетъ дѣлать завоеваній ко вреду султана и его турецкихъ подданныхъ. Но турецкое правительство было недовольно такимъ отвѣтомъ и готовилось къ войнѣ съ Россіей.

Между тѣмъ Измаиль-бекъ прибылъ въ Петербургъ. Петръ Великій вообще не любилъ пышныхъ и великолѣпныхъ приемовъ; онъ европейскихъ посланниковъ принималъ часто за-просто, на кораблѣ,

за работой, на прогулкѣ, но съ восточнымъ челоуѣкомъ нельзя было обращаться, какъ съ челоуѣкомъ цивилизованнымъ, поэтому и пріемъ персидскому послу былъ сдѣланъ съ большою пышностію; въ залѣ Сената былъ приготовленъ тронъ и Петръ принялъ посольство, сидя на тронѣ, окруженный иностранными принцами, важнѣйшими министрами, сенаторами и придворными. Послѣ торжественной аудіенціи приступили къ переговорамъ и договоръ былъ подписанъ съ обѣихъ сторонъ въ Петербургѣ, 12 сентября 1723 г. Въ немъ было постановлено: 1) Его Величество Императоръ Всероссийскій обѣщаетъ шаху Тохмасу свою неизмѣнную дружбу и помощь противъ всѣхъ его бунтовщиковъ, для усмиренія ихъ и для того, чтобы утвердить шаха на престолѣ персидскомъ; для этого обѣщаетъ послать нужное количество войска, которое всѣми силами будетъ содѣйствовать достиженію этихъ цѣлей. 2) Съ своей стороны его шахово величество уступаетъ его императорскому величеству въ вѣчное владѣніе города Дербентъ и Баку, со всѣми къ нимъ прилежащими и по Каспійскому морю лежащими землями и мѣстами, равно какъ и провинціи: Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ, чтобы доходами съ нихъ содержать войско, посланное на помощь его шахову величеству противъ бунтовщиковъ, разоряющихъ его наслѣдственное персидское государство.

Хотя шахъ и не утвердилъ этого договора, но Петръ не отказывался отъ плановъ, однажды задуманныхъ, и онъ, подъ видомъ помощи шаху, продолжалъ утверждаться въ пріобрѣтенныхъ отъ Персіи областяхъ и распорядился въ нихъ, какъ хозяинъ. Послѣ заключенія договора, онъ писалъ Матюшкину въ маѣ 1724 года: «1) Крѣпость Св. Креста достроить; въ Дербентѣ сдѣлать и укрѣпить цитадель къ морю и устроить гавань. 2) Гилянъ въ нашихъ рукахъ, слѣдуетъ овладѣть Мазандераномъ и укрѣпиться въ немъ; ежели въ Астрабадѣ потребуется строить крѣпость, то для работъ употребить людей рабочихъ, отправленныхъ на Куру. 4) Укрѣпить Баку. 5) Изслѣдовать, на сколько Кура судоходна для мелкихъ судовъ. 6) Разузнать, растетъ ли сахарный тростникъ, и ежели есть то прислать на пробу, также и сушеныхъ плодовъ. 7) Разузнать и испробовать черезъ знающихъ людей, есть ли мѣдная руда. 8) Выслать тысячу пудовъ, или сколько можно, бѣлой нефти. 9) Прислать лимоновъ, вареныхъ въ сахарѣ и другихъ произведеній природы;

позаботиться о разведеніи шелва и выслать сколько можно. Позаботиться о томъ, чтобы армяне и другіе хрістіане переселялись въ Гилянъ и Мазандеранъ и вообще узнать, сколько хрістіанъ можно бы поселить туда, а мусульманъ мало-по-малу, незамѣтно, безъ обидъ и притѣсненій, а тихимъ манеромъ сколько возможно, выселять такъ, чтобы они этого не замѣтили; особенно выселять мусульманъ одной секты съ турками, а именно суннитовъ, а шейтамъ, персіянамъ, не мѣшать. Изслѣдовать теченіе Куру, о которой извѣстія ложныя и неполныя; одни говорятъ, будто есть пороги, другіе, что ихъ вовсе нѣтъ. Приищите дѣло, какое хотите, и какъ бы для него пошлите вѣрнаго и знающаго человѣка до Тифлиса, чтобы изслѣдовать Куру. Пишу это, не зная тѣхъ сторонъ, но на ваше благоразуміе полагается дѣйствовать такъ, чтобы уступленныя провинціи Гилянъ и Мазандеранъ утвердить за Россіей.»

Для ратификаціи договора, вмѣстѣ съ Измаилъ-бекомъ, поѣхалъ въ 1724 года князь Мещерскій и секретарь Аврамовъ. Но ихъ встрѣтили очень недружелюбно; лишь только они вѣхали въ Персидскія владѣнія, какъ на нихъ напала вооруженная толпа и осыпала выстрѣлами, но ни раненыхъ, ни убитыхъ не было. Шахъ принялъ кн. Мещерскаго съ обыкновенною церемоніей, но тѣмъ все дѣло и кончилось; отвѣта нельзя было добиться. При возвращеніи въ Россію на Мещерскаго напали въ горахъ и чуть не убили.

Турція по прежнему волновалась и грозила силою оружія остановить успѣхи русскихъ въ Персіи; она заключила союзъ съ персидскими мятежниками. Но нашъ резидентъ въ Константинополѣ, при дѣятельномъ содѣйствіи французскаго посланника Де-Бонака, улаживалъ дѣла, а 80 тысячный русскій корпусъ, стоявшій на границахъ Турціи, еще большій вѣсъ придавалъ уговорамъ дипломатовъ. И Турція, наконецъ, поняла, что дружба съ Россіей ей выгоднѣе, чѣмъ война съ нею и дружба съ бунтовщиками.

Послѣ многихъ споровъ и поправокъ состоялся наконецъ договоръ: Шемаха останется подъ властью Даудъ-бека, вассала Порты. все пространство отъ Шемахи, по прямой линіи до Каспійскаго моря, раздѣляется на три равныя части; изъ нихъ двѣ, прилежащія къ Каспійскому морю должны принадлежать Россіи, а третья, ближайшая къ Шемахѣ остается во владѣніи Даудъ-бека, но подъ верховною властью Порты. Отъ Дербента на 22 часа пути внутрь

страны будетъ поставленъ знакъ; отъ этого знака проведется прямая линія къ тому мѣсту, гдѣ по означенному выше способу пройдетъ граница между русскими владѣніями и шемахинскою областю; страна по правую сторону отъ этой линіи внутрь страны будетъ принадлежать Портѣ, по-лѣвую, къ морю—Россіи; наконецъ отъ того мѣста, гдѣ будетъ опредѣлена граница между русскими и шемахинскими владѣніями, проведется прямая линія къ мѣсту слиянія рѣкъ Куры и Аракса; здѣсь будетъ граница между Россіей, Турціей и Персіей. Шемахи укрѣплять не позволено, разрѣшено только въ томъ случаѣ, ежели жители не захотятъ болѣе повиноваться турецкому султану, но и въ этомъ случаѣ турецкія войска должны сперва предупредить русскихъ о своемъ намѣреніи, и по окончаніи безпорядковъ, турецкія войска опять должны немедленно уйти. Императоръ обѣщался склонить шаха Тохмаса уступить турецкому султану всѣ области, выговоренныя ея въ договорѣ съ Россіей. Договоръ этотъ былъ подписанъ 12 іюня 1724 года и Турція изъ враждебной державы превратилась въ дружественную. Для размѣнартификацій въ Константинополь поѣхалъ Александръ Румянцевъ, на которомъ лежала также обязанность провести точныя границы между русскими и турецкими владѣніями на Кавказѣ. Между тѣмъ въ Петербургъ явились армянскіе депутаты съ просьбою защитить ихъ отъ притѣсненій персидскихъ мусульманъ. Петръ обѣщалъ имъ свое покровительство, потому что единовѣрцамъ христіанамъ нельзя было отказать въ этомъ, также, какъ турки не могли отказать въ своемъ покровительствѣ своимъ кавказскимъ единовѣрцамъ. Армянамъ позволено было переселяться въ недавно пріобрѣтенныя провинціи Гилянъ, Мазандеранъ и области Дербентскую и Бакинскую. Турки должны были согласиться на это, потому что сами дѣйствовали на тѣхъ же самыхъ началахъ.

Не на востокѣ только Петръ явился покровителемъ единовѣрцевъ; на западѣ также ему нельзя было хладнокровно смотрѣть на притѣсненія, какія православная церковь терпѣла отъ католиковъ. Въ 1722 году въ Москву пріѣхалъ бѣлорусскій епископъ, Сильвестръ вн. Четвертинскій и жаловался на притѣсненія и обиды, какія терпитъ православное духовенство отъ шляхты, которая силою хотѣла всѣ православныя церкви превратить въ уніатскія; такъ, на примѣръ, шляхтичъ Свяцкій началъ священника принуждать при-

нять унію, но священникъ противился; тогда, по приказанію пана ему дано было нѣсколько сотъ ударовъ палками, пока онъ не согласился принять унію. Сильвестръ, встрѣтившись съ Свяцкимъ недалеко отъ Могилева началъ его упрекать за безчеловѣчный поступокъ съ священникомъ; Свяцкій, вмѣсто отвѣта выхватилъ саблю и дважды рубанулъ ею по рукѣ епископа. Приѣхавъ въ Москву Сильвестръ показывалъ еще не зажившія раны и рассказывалъ о томъ, что терпитъ православное населеніе Литвы отъ жестокихъ вводителѣй уніи.

Петръ принялъ подъ свое покровительство угнетенныхъ, написалъ о томъ королю польскому Августу и послалъ въ Могилевъ, какъ комиссара для разбора дѣлъ такого рода, Игнатія Рудаковского и съ нимъ одного монаха изъ Заиконоспасскаго монастыря. Въ то же время о заступничествѣ Петра просили и протестанты, находившіеся въ Польшѣ и которыхъ католики притѣсняли не меньше православныхъ. Около этого времени прусскій дворъ обратился къ русскому императору съ просьбою заступиться за евангеликовъ, гонимыхъ въ Польшѣ. Петръ принялъ притѣсненныхъ подъ свое покровительство, потребовалъ отъ короля объясненія и приказалъ своему министру изложить жалобы всѣхъ разновѣрцевъ передъ сеймомъ и требовать удовлетворенія. Августъ не хотѣлъ ссориться ни съ могущественнымъ сосѣдомъ, ни съ народомъ; онъ имѣлъ свою цѣль и преслѣдовалъ ее; ему, во-чтобы-то-ни-стало, хотѣлось утвердить престолонаслѣдіе за своимъ сыномъ, и потому старался только о томъ, чтобы усилить свою партію и на жалобы русскаго посланника не обращалъ вниманія, или отвѣчалъ уклончиво, что назначить комиссію для разбора этихъ дѣлъ и даже велѣлъ отдать нѣсколько церквей и монастырей православнымъ, не смотря на сильное сопротивленіе католическаго духовенства.

Рудаковскій торжествовалъ въ западной Россіи. Въ Пинскѣ онъ съ торжествомъ привелъ въ исполненіе королевское постановленіе о возвращеніи церквей и монастырей православнымъ. Эта первая удача ободрила Рудаковского и онъ предложилъ Петру разныя мѣры строгости, чтобы ускорить прекращеніе уніи.

Но безпорядки въ Литвѣ одинаково распространились, какъ между католиками и уніатами, такъ и между православными и Ру-

даковскому пришлось вынести отъ своихъ оскорбленія еще сильнѣе тѣхъ, какія выносилъ отъ иновѣрцевъ.

Епископъ Сильвестръ пригласилъ Рудаковского ѣхать въ Кутеинскій монастырь близъ Орши, для того, чтобы, удостовѣриться справедливы ли слухи о беспорядочной жизни тамошнихъ монаховъ. Монахи встрѣтили епископа очень недружелюбно, кинулись на людей епископа и начали бить ихъ. Епископъ обратился къ настоятелю и требовалъ выдачи зачинщиковъ; игумень вскочилъ на лошадь, поскакалъ въ Оршу, приказалъ ударить въ набатъ, всполошилъ чернь и кричалъ, что воры и разбойники напали на монастырь. Толпа понеслась съ криками: «бей, руби москалей и попа схизматика!» Прибѣжавъ въ монастырь, бросились на епископа и на Рудаковского, избили ихъ, ограбили и держали подъ стражею, пока мѣстное начальство не вступилось и не освободило ихъ.

Рудаковскій жаловался на обиду, но продолжалъ жить въ Могилевѣ; но не въ силахъ былъ защищать православныхъ отъ оскорбленій католиковъ; даже самъ былъ не въ безопасности, тѣмъ болѣе, что не находилъ защиты въ русскомъ министрѣ при польскомъ дворѣ, который при всякомъ удобномъ случаѣ обвинялъ его въ неумѣннн уживаться съ властями; изъ Петербурга тоже писали, чтобы Рудаковскій ограничивался наблюденіемъ, чтобы католики и униаты не притѣсняли православныхъ, а самъ не вмѣшивался въ дѣла православнаго духовенства и не навлекалъ на себя такихъ неприяностей какія вынесъ при дѣлѣ Кутеинскаго монастыря.

Ходили слухи въ западнорусскихъ областяхъ, что судьба православныхъ жителей ихъ зависитъ отъ того, возьметъ ли русскій императоръ ихъ подъ свое покровительство открыто и объявить о томъ сейму и что тогда положеніе православныхъ улучшится; или напротивъ, предоставитъ ихъ судьбу произволу, и тогда положеніе православнаго населенія еще ухудшится и одно спасеніе—перейти въ унию.

Петръ, по своему обыкновенію, не медлил; онъ въ Польшу отправилъ втораго посла, который предложилъ сейму избрать комиссаровъ для разбора непрерывныхъ жалобъ и назначилъ срокъ, къ которому всѣ жалобы должны быть удовлетворены; въ противномъ случаѣ угрожалъ разрывомъ съ республикой.

Послѣ заключенія Ништадтскаго мира резидентъ Бестужевъ-Рю-

минъ писалъ, что въ Швеціи идетъ безледица, что она походитъ на Польшу; всякій дѣлаетъ, что на мысль приходитъ, подчиненные не слушаютъ начальниковъ и никакого порядка нѣтъ.» Бестужевъ старался примирить короля съ изгнаннымъ герцогомъ Голштинскимъ. Но такое намѣреніе не могло нравиться королю, который думалъ о томъ, какъ бы утвердить шведскую корону въ своемъ домѣ и по возможности уничтожить права герцога Голштинскаго. Сенатъ съ своей стороны подозрительно смотрѣлъ на короля, опасаясь, чтобы онъ не домогался уничтоженія конституціи, чего можно было дѣйствительно опасаться. На сеймѣ въ 1723 году обнаружались планы короля; королевская партія начала дѣйствовать очень осторожно: изъ числа 'сеймовыхъ' депутатовъ отъ крестьянскаго сословія было выражено желаніе усилить королевскую власть; депутаты городского сословія увѣдомили объ этомъ предложеніи дворянскихъ депутатовъ, но тогда депутаты трехъ сословій дворянъ, духовенства и городовъ единогласно отвергли это предложеніе и постановили между крестьянскими депутатами отыскать зачинщиковъ и наказать ихъ, какъ измѣнниковъ.

Бестужевъ воспользовался этимъ мгновеніемъ, чтобы возвысить вліяніе Россіи и, отправившись къ самому вліятельному человѣку въ Швеціи, къ президенту иностранной коллегіи графу Горну объявилъ: «Такъ какъ до русскаго императора дошло извѣстіе, будто король старается ниспровергнуть существующій образъ правленія и сдѣлаться самодержавнымъ, то мой императоръ приказалъ мнѣ обнадежить всѣхъ истинныхъ патріотовъ, что онъ, на основаніи седьмаго пункта ништадтскаго мирнаго договора до этого не допустить и всегда поддержитъ патріотовъ и конституцію».

Такъ какъ въ числѣ истинныхъ патріотовъ первое мѣсто занималъ Горнъ, то это объявленіе привело его въ восторгъ. Патріоты благодарили Бестужева, доставили ему аудіенцію у короля и дѣла герцога Голштинскаго пошли гораздо лучше. Подано было требованіе для герцога Голштинскаго титула королевскаго высочества, что въ нѣкоторомъ смыслѣ обезпечивало его права на наслѣдство шведскаго престола; сеймъ согласился на это требованіе и не только призналъ за герцогомъ титулъ королевскаго высочества, но и за Петромъ признанъ былъ наконецъ титулъ императорскій. Извѣстіе, что государственные чины дали титулъ королевскаго высочества герцогу

Голштинскому сильно опечалило короля; онъ не утвердилъ рѣшенія сейма и далъ письменный протестъ, королева дала второй протестъ, въ обоихъ говорилось, что признаніе герцога королевскимъ высочествомъ равняется признанію его правъ на наслѣдство шведскаго престола, а это очень непріятно царствующему королю и королевѣ. Протестъ былъ внесенъ въ слѣдующее засѣданіе сейма, и партія королевская должна была уступить большинству; сеймъ не измѣнилъ своего приговора.

Этимъ успѣхомъ удовольствовался русскій посланникъ и ни слова не говорилъ о правахъ на наслѣдство герцога Голштинскаго; тѣмъ болѣе, что сеймъ съ титуломъ королевскаго высочества давалъ герцогу пенсію. Бестужевъ предложилъ сейму оборонительный союзъ между Россіей и Швеціей. Предложеніе это было принято сеймомъ и сенатѹ поручено было заключить его; онъ былъ подписанъ 22 февраля 1724 года. Россія обязывалась, въ случаѣ нападенія *одной изъ европейскихъ христіанскихъ* державъ употребить всѣ старанія, чтобы примирить Швецію съ нападающимъ на нее народомъ, если же дипломатическія сношенія ни къ чему не поведутъ, то прислать на помощь войско; Швеція съ своей стороны обязывалась поступать точно также въ отношеніи къ Россіи. Оборонительный союзъ этотъ былъ заключенъ на 12 лѣтъ. Союзъ этотъ составленъ былъ съ цѣлью сохранять и установить совершенное спокойствіе и миръ между сѣверными европейскими державами; къ трактату были еще присоединены два секретныхъ пункта: 1) касательно возвращенія Шлезвига герцогу Голштейнъ-Шлезвигскому, чего обѣ державы обязались помогать у датскаго и другихъ соприкосновенныхъ дворовъ, а 2) заботиться о томъ, чтобы по возможности успокоить внутренніе безпорядки и волненія въ Польшѣ и чтобы польская республика сохранила свою древнюю независимость, свои привилегіи и прочія принадлежащія ей права.» При этомъ союзѣ Швеція приобрѣтала право въ продолженіе 12 лѣтъ, т. е. срока оборонительнаго союза съ Россіей, беспошлинно вывозить товаровъ на 100,000 рублей.

Въ іюнѣ того же 1724 года, Бестужевъ объявилъ о помолвѣцѣ цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ; извѣстіе это было принято въ Швеціи партией герцога Гольштинскаго съ большою радостію, но королевская партія смутилась, предугадывая даль-

нѣйшее вмѣшательство Россіи въ дѣло о правахъ на наслѣдство герцога на шведскій престолъ.

Отношенія Россіи къ Даніи, всегда двусмысленныя и теперь оставались такими же, какъ прежде; она старалась ладить и съ Англійей и съ Россіей, но въ сущности была предана ни той, ни другой державѣ. Императорскаго титула Данія не хотѣла признать за Петромъ; который, кромѣ признанія своего императорскаго титула еще требовалъ, для своихъ кораблей безошлиннаго проѣзда черезъ Зундъ. Первое требованіе, послѣ продолжительныхъ споровъ и переговоровъ, Данія должна была уступить, но на послѣднее не соглашалась, говоря, что вскорѣ вслѣдъ за Россіей и другія европейскія государства потребуютъ того же. На представленія русскаго министра, датскіе отвѣчали уклончиво; ихъ нерасположеніе къ русскому двору поддерживали англійскіе агенты, которые обнадеживали Данію, что въ случаѣ разрыва съ Россіей, англійскій военный флотъ явится въ Зундѣ. Но Петру было не до войны съ Даніей, все его вниманіе было обращено на востокъ, а потомъ его заняли дѣла въ Швеціи, гдѣ ему нужно было возстановить права герцога Голштинскаго. Чтобы скорѣе достигнуть этого, немного напугать Данію и заставить ее быть сговорчивѣе, Петръ весною 1724 года со своимъ грознымъ флотомъ предпринялъ плаваніе по Балтійскому морю. Испуганный датскій король поспѣшно началъ вооружать свой флотъ и прибрежныя крѣпости, ожидая нападенія русскихъ, но отдѣлался однимъ страхомъ и бесполезными издержками на вооруженіе флота и крѣпостей. Плаваніе по Балтійскому морю было предпринято частію съ цѣлью попугать сосѣдей, частію съ тѣмъ, чтобы поддерживать въ матросахъ привычку къ плаванію и сдѣлать маневры.

Къ тому же Петру нужно было посмотреть на работы въ гавани Рогервиля, или Балтійскаго порта. Еще въ прежнія плаванія удобнѣй во всѣхъ отношеніяхъ заливъ для устройства военной гавани, неоднократно привлекалъ вниманіе Петра Великаго; ближайшее знакомство съ его глубиною и устройствомъ береговой линіи заставило его рѣшиться учредить здѣсь военную гавань, въ которой могъ бы безопасно помѣститься весь военный флотъ. Еще шведы въ свое владычество помышляли о томъ же, но у нихъ не было средствъ исполнить работы, безъ которыхъ порта нельзя было сдѣ-

лать безопаснымъ отъ волненія и бури. Но для Петра препятствія не существовали. Онъ приказалъ, еще въ 1721 году, начать строить плотину при входѣ въ гавань. Теперь онъ пріѣхалъ посмотреть, на сколько подвинулась работа. Плотина была уже выведена на 1000 шаговъ, оставалось поставить башню, которою бы оканчивалась плотина и которая охраняла бы входъ въ гавань. Петръ собственноручно, послѣ торжественнаго молебствія, положилъ первый камень въ основанію башни.

Совершенно довольный планомъ башни и произведенными работами Петръ оставилъ Рогервильскій заливъ и съ своимъ флотомъ пошелъ назадъ въ Кронштадту. Такъ кончилось послѣднее плаваніе Петра по Балтійскому морю. Петръ и всѣ его современники сознавали, что могущество Россіи на Балтійскомъ морѣ, ея успѣхи въ войнѣ съ Швейціей, съ Турціей и съ Персіей зависятъ отъ ея флота и потому Петръ хотѣлъ празднествомъ упрочить въ памяти народной о томъ случаѣ, который впервые пробудилъ въ младенческой душѣ его любовь къ кораблестроенію, къ плаванію, сначала на озерахъ, потомъ на моряхъ.

Петръ давно уже думалъ о томъ, чтобы почтить *ботикъ*, послужившій поводомъ къ рожденію всего русскаго флота. По его приказанію ботикъ еще весною 1723 года былъ привезенъ изъ Москвы въ Петербургъ. Теперь его на галіотѣ, въ сопровожденіи 200 военныхъ галеръ привезли въ Кронштадтъ; здѣсь весь военный флотъ, пришедшій съ Петромъ изъ Балтійскаго порта приготовился встрѣтить своего родоначальника. Утромъ 11 августа генералъ-адмиралъ Апраксинъ, адмиралы Крюйсъ, *Петръ Михайловъ* и всѣ прочіе адмиралы и флагманы собрались на галіотъ и своими руками спустили ботикъ на море, при громѣ полуторы тысячъ пушекъ, раздавшемся со всѣхъ судовъ флота. Адмиралы поставили на ботикѣ мачту, и утвердили на немъ флагштокъ съ штандартомъ. Апраксинъ и Крюйсъ сѣли на почетномъ мѣстѣ, адмиралъ Михайловъ сталъ на кормѣ и взялся за знакомый руль; вице-адмиралъ Меншиковъ исполнялъ должность лопмана, а остальные вице-и контръ-адмиралы взились за весла. Когда ботикъ приблизился къ линіи кораблей и на немъ развернулся штандартъ, опять раздался второй залпъ, такой же оглушительный, какъ первый. По мѣрѣ того, какъ ботикъ подѣзжалъ къ какому либо кораблю, на немъ до самаго низа

мачты спускали флагъ, или вымпель и стрѣляли изо всѣхъ орудій, а матросы, разставленные по реямъ и по борту привѣтствовали ботикъ барабаннымъ боемъ и крикомъ *ура!* Ботикъ отвѣчалъ на привѣтствіе выстрѣлами изъ своихъ небольшихъ пушекъ. Такимъ образомъ ботикъ прошелъ по всей линіи кораблей и направился къ военной гавани. Императоръ передалъ руль генералу-адмиралу, а самъ сѣлъ въ весла, рядомъ съ княземъ Меншиковымъ. По прибытіи въ гавань, раздался третій оглушительный залпъ, не только съ кораблей, но и съ крѣпостныхъ стѣнъ.

Императрица съ дворомъ, иностранные принцы, министры и знатнѣйшія особы дожидались ботика на берегу военной гавани. Здѣсь были раскинуты шатры изъ корабельныхъ парусовъ и въ нихъ, по приказанію императрицы и на ея счетъ были накрыты столы. Пиршество продолжалось отъ 6 часовъ вечера до 4 ч. утра; только дамы уѣхали въ полночь. Музыка гремѣла непрерывно и пушечные выстрѣлы съ корабля «Св. Екатерина» отвѣчали на тосты. Во время пира, Петръ всталъ съ своего мѣста, поднялъ полный кубокъ вина и воскликнулъ: «да здравствуетъ маленькій дѣдъ такихъ большихъ и славныхъ внуковъ!» Съ крѣпости и кораблей отвѣчали на этотъ тостъ и съ этого времени ботикъ получилъ названіе *дѣдушки русскаго флота*.

На слѣдующій день ботикъ съ торжествомъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и поставленъ въ кронверкъ Петропавловской крѣпости, для храненія на вѣчныя времена, какъ памятникъ основанія русскаго флота. Петръ вообще заботился о томъ, чтобы время не изгладило изъ памяти народной великихъ событій, имѣвшихъ вліяніе на послѣдующія происшествія народной жизни. Осенью 1723 года было особенно сильное наводненіе въ Петербургѣ, чуть не размывшее и не разрушившее перваго домика Петра Великаго. Чтобы этого и впредь не случалось и, чтобы память о покореніи этой страны и основаніи столицы не исчезла, Петръ приказалъ вокругъ домика построить стѣны; впоследствии эти стѣны были перестроены такъ, какъ онѣ теперь и ихъ покрыли второю крышею, какъ бы копакомъ.

Корабль «Ингерманландъ», на которомъ Петръ въ 1716 году плавалъ, командуя четырьмя союзными флотами тоже приказано

было не употреблять болѣе въ плаваніе, а оставить въ гавани на память этого событія, до совершеннаго истлѣнія.

Значеніе Россіи при Петрѣ до того возвысилось, что западныя державы, или боялись ея могущества, или искали союза съ нею. Австрія, хотя еще не признавала за Петромъ титула императора, но искала союза съ нимъ и предлагала возобновить существовавшіе прежде между Россіей и Австріей торговыя договоры.

Франція явилась посредницей между Россіей и ея врагами; она помогала при заключеніи Ништадтскаго мира, французскій посланникъ помогъ уладить несогласія между Турціей и Россіей по поводу завоеваній персидскихъ прикаспійскихъ областей; и нѣсколько разъ предлагала кровный союзъ между однимъ изъ принцевъ королевскаго бурбомскаго дома съ одною изъ дочерей императора. Посредничество ея для заключенія мира и возобновленія политическихъ сношеній съ Англіей не разъ также было предложено.

Англія сильнѣе всѣхъ враждовала съ Петромъ и военныя дѣйствія всегда готовы были начаться; во всякомъ случаѣ, Англія употребляла все свое вліяніе при другихъ европейскихъ дворахъ на то, чтобы вредить русскимъ интересамъ.

Петръ дѣйствовалъ очень осторожно съ европейскими державами, не раздражая ихъ, но и не входя съ ними ни въ какія обязательства, которыя могли бы его вовлечь въ непріязненныя отношенія съ которою либо изъ нихъ; отъ мира съ Англіей не отказывался, но и не искалъ его. Съ Франціей оставался въ дружескихъ отношеніяхъ, съ Пруссіей также, но все-таки осторожно присматривался къ ея политикѣ, не обижаясь мелочными претензіями. Петръ даже въ Голштинскомъ дѣлѣ показалъ свою осторожность: онъ очень любилъ принца, по долгое время не рѣшался объявить его своимъ зятемъ и заступаться за его права на Шлезвигъ и на наслѣдство шведскаго престола.

Когда же послѣднее удалось провести на сеймѣ и титулъ королевскаго высочества былъ признанъ за герцогомъ Голштинскимъ, тогда вся западная Европа встревожилась. Англія, Данія и Ганноверъ соединились тѣснѣе прежняго, стараясь напугать прочія державы Европы опасностію, какая можетъ произойти для политическаго равновѣсія отъ слишкомъ тѣснаго союза Россіи съ Швеціей.

Франція замыслила разстроить предполагаемый бракъ между дочерью императора и герцогомъ Голштинскимъ.

Герцогъ Бурбонъ, сдѣлавшійся регентомъ Франціи послѣ смерти герцога Орлеанскаго, возобновилъ свое предложеніе о супружествѣ съ одною изъ дочерей императора Петра. Но государь имѣлъ совсѣмъ другіе виды; у него съ давнихъ поръ таилась мысль породниться съ молодымъ королемъ Франціи, Людовикомъ XV; онъ прочилъ за него среднюю дочь свою Елисавету Петровну. Объ этомъ онъ писалъ еще въ 1721 году русскому посланнику въ Парижѣ и дѣло только оттого замолкло, что герцогъ Орлеанскій обручилъ малолѣтняго Людовика XV съ четырехлѣтнею испанскою инфантою, дочерью Филиппа V и Елисаветы испанской. Но молодой король, показывавшій самостоятельность и терпѣніе во всѣхъ своихъ поступкахъ, явно былъ недоволенъ этимъ предполагаемымъ бракомъ, тѣмъ болѣе, что ждать совершеннолѣтія невѣсты было слишкомъ долго, поэтому и договоръ между королемъ и инфантою считался недѣйствительнымъ, съ тѣхъ поръ, какъ регентъ умеръ и мѣсто его занялъ герцогъ Бурбонскій.

Узнавъ объ этомъ отъ своего посланника Куракина, Петръ тотчасъ написалъ ему, чтобы, не взирая на сватовство регента, онъ возобновилъ прежнее предложеніе о супружествѣ между королемъ и дочерью императора. Переговоры начались, но французскіе министры старались только протянуть дѣло, чтобы помѣшати браку Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ. Французскіе министры представились нерѣшительными и дѣлали видъ, будто не знаютъ, кого избрать для короля въ супруги Анну Петровну или Елисавету Петровну, и попеременно указывали то на ту, то на другую. Такая хитрость не могла скрыться отъ прозорливаго императора; онъ рѣшительно объявилъ французскому посланнику при своемъ дворѣ, что старшую дочь свою, цесаревну Анну, назначаетъ въ супруги герцогу Голштинскому; если же французскій король дѣйствительно хочетъ вступить въ родственный союзъ съ его домомъ, то остается младшая дочь его Елисавета. Франція и послѣ этого рѣшительнаго отъзыва не прекращала переговоровъ о родственномъ союзѣ. Но послѣ смерти Петра эти переговоры прекратились; Англія и Испанія сильно противодействовали слишкомъ тѣсному сближенію Франціи съ Россіей.

Испанія негодовала за слухи распространившіеся о томъ, что король французскій намѣревается разорвать родственный союзъ, предварительно заключенный съ испанскимъ домомъ, честолюбивой королевы Елисаветы испанской удалось сблизиться съ австрійскимъ Карломъ VI и заключить съ нимъ дружескій оборонительный и наступательный союзъ; обѣ державы начали хлопотать о томъ, чтобы къ этому союзу привлечь и русскаго императора.

Франція и Англія, предвидя опасность, заключили тоже союзъ и подрѣпили себя новыми союзниками. Дипломатическіе переговоры велись очень дѣятельно и мало-по-малу все европейскія государства раздѣлились на два большихъ союза; война казалась неизбежною. Россія могла извлечь большія выгоды изъ своего положенія, но преждевременная смерть императора Петра совершенно измѣнила положеніе дѣлъ.

ГЛАВА XXIX.

Сенатъ. Коллеги. Преобразование въ сенатъ. Оберъ-прокуроръ. Герольд-мейстеръ. Табелъ о рангахъ. Дѣло Шафирова. Избраніе въ равныя должности большинствомъ голосовъ. Финансовое устройство. Торговля и препятствія въ ея развитію. Промышленность. Горнозаводская дѣятельность. Городское устройство. Крестьяне. Полиція. Школы. Академія. Переводы книгъ. Синодъ и положеніе духовенства. Оберъ-прокуроръ синода. Воспитательные дома. Мѣры противъ суевѣрій. Общественная жизнь. День Петра Великаго.

Блистательный успѣхъ въ сѣверной войнѣ заставилъ западную Европу съ уваженіемъ смотрѣть на Россію и на великаго ея преобразователя. На возрастающую силу Россію смотрѣли съ завистью, но по-неволѣ должны были подчиниться ея вліянію и дать ей почетное мѣсто въ числѣ западныхъ европейскихъ державъ.

Но дѣятельность Петра обращена была не на одни внѣшнія отношенія съ сосѣдними государствами; для него это было только средствомъ упрочить благосостояніе своего народа, и подвинуть его на пути образованія: но какъ мы уже видѣли, для этого надобно было бороться съ невѣжествомъ, закоренѣлыми предрасудками и порочностью полудикаго народа. Борьба эта была трудная, препятствія сильныя, враги многочисленныя и хитрыя, успѣхъ медленный и непрочный. Въ этой борьбѣ часто истощалось терпѣніе преобразователя, но не падалъ его геніальный духъ и всегда находилъ средства исправлять претерпѣнныя неудачи.

Больше всего Петръ долженъ былъ обращать вниманія на учрежденіе, стоявшее во главѣ управленія, какъ бы олицетвореніе царской власти, на *правительствующій сенатъ*. Отъ самаго

начала существованія вскорѣ обнаружались недостатки его учрежденія, и Петръ постепенно придумывалъ средства исправлять эти несовершенства. Указы, данные сенатомъ исполнялись вяло, или вовсе оставались безъ дѣйствія. Чтобы заставить исполнять указы сената въ 1715 году при сенатѣ опредѣленъ былъ особый *«генеральный ревизоръ, или надзиратель указовъ»*. Генеральный ревизоръ долженъ былъ смотрѣть, чтобы указы исполнялись, а ежели замѣтитъ гдѣ упущеніе или полное невниманіе къ нимъ, то штрафовать виновныхъ; если же нѣкоторые сенаторы или всѣ будутъ тянуть дѣла, то доносить на нихъ государю. Ревизоръ долженъ былъ имѣть отдѣльный столикъ въ палатѣ засѣданій сената и у себя записывать указы.

Но генеральный ревизоръ вскорѣ жаловался на то, что указы, не смотря на его частыя замѣчанія, все-таки не исполняются, что сенаторы не являются въ назначенные дни, а дежурные не являются, какъ положено, что штрафа не платятъ. Сенаторы слабо слѣдили за исполненіемъ указовъ и сами подавали примѣръ неповиновенія.

Число сенаторовъ увеличилось постепенно: сначала въ 1712 г. въ число сенаторовъ поступилъ чудеснымъ образомъ освободившійся изъ плѣна шведскаго, генераль кригсъ-комиссаръ Яковъ Федоровичъ Долгорукій. Впослѣдствіи въ сенатъ еще поступили президентъ коллегій. Сначала члены сената переѣзжали изъ Москвы въ Петербургъ по мѣрѣ надобности и обратно, но наконецъ окончательно остались въ Петербургѣ, а въ Москвѣ тоже учреждено было постоянное отдѣленіе сената.

Такъ какъ все управленіе государственное находилось въ рукахъ правительствующаго сената, то по мѣрѣ надобности сенатъ бралъ дѣла изъ одного приказа и передавалъ ихъ другому, отчего происходили безпорядки, да и самыя дѣла въ приказы поступали случайно, какъ попало, залеживались и, что хуже всего, рѣшались подкупомъ—неправильно. Это нужно было измѣнить, Петръ это сознавалъ и придумывалъ способъ, чѣмъ и какъ замѣнить приказы. Такъ какъ западная Европа ему во всемъ служила образцемъ, то и въ этомъ дѣлѣ онъ у нея искалъ себѣ образца. Тамъ были коллегіи; ихъ надобно было учредить и въ Россіи. Знаменитый философъ Лейбницъ писалъ Петру: «хорошее правленіе можетъ существовать только въ коллегіяхъ устройствъ которыхъ похоже на

часовой механизмъ, въ которомъ одно колесо приводитъ въ движеніе другое.» Это сравненіе понравилось Петру; онъ только и думалъ о томъ, какъ бы устроить механизмъ, государственнаго правленія, въ которомъ одинъ подталкивалъ бы другаго и одинъ наблюдалъ за другимъ; онъ видѣлъ, что все зло происходило оттого, что не было дружнаго взаимодѣйствія. Но гдѣ взять новыя колеса, чтобы привести въ движеніе старыя? Гдѣ искать, ежели не въ Европѣ, и напимъ посланникамъ поручено было набрать за границей свѣдущихъ въ юридическихъ наукахъ людей, но, чтобы это не обошлось слишкомъ дорого, вѣнскому резиденту приказано было набрать изъ чеховъ, силезцевъ и другихъ славянскихъ земель приказныхъ людей (шрейберовъ) которымъ служба въ коллегіяхъ была бы знакома. Кромѣ того поручено было купить и немедленно выслать юридическія сочиненія и юридическіе лексиконны на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и въ Прагѣ сыскать людей знающихъ, которые эти сочиненія перевели бы на славянскій языкъ. Кромѣ того въ гражданскую коллегіальную службу принимать въ плѣнъ попавшихся шведовъ; а въ 1716 году за границу было отправлено до 50 молодыхъ людей для изученія нѣмецкаго языка и коллегіальнаго устройства, вмѣстѣ съ ними послали надзирателя, чтобы они занимались дѣломъ, а не *гуляли*.

Въ концѣ 1717 года число коллегій было опредѣлено—девять.

- 1) Иностранныхъ дѣлъ.
- 2) Камеръ, или казенныхъ сборовъ.
- 3) Юстиціи, или расправа гражданскихъ дѣлъ.
- 4) Ревизіонная: счетъ всѣхъ государственныхъ приходовъ и расходовъ.
- 5) Военскій коллегіумъ.
- 6) Адмиралтейская.
- 7) Коммерцъ. (Торговли).
- 8) Штатсъ—конторы: казенный домъ; или вѣдѣніе всѣхъ государственныхъ расходовъ.
- 9) Бергъ и Мануфактуръ.

Въ каждую коллегію назначены были президентъ и вице-президентъ. Президенты должны были избирать совѣтниковъ и ассессоровъ, но съ тѣмъ, чтобы это не были ихъ родственники; на каждую должность по три человѣка.

По губерніямъ отправлены были довѣренные люди, которые также должны были, по примѣру столичныхъ, установить выборное правленіе и обязать пзбранныхъ ихъ присягою. Въ коллегіяхъ президентъ вице-президентъ должны быть русскіе; кромѣ того и въ совѣтникахъ и ассессорахъ должны быть русскіе, а не одни иностранцы. Регламентъ, уставъ для коллегій написанъ былъ по образцу швед-

скаго. Съ 1720 года всѣ коллегіи уже были сформированы и дѣйствовали. Но колеса этихъ новыхъ машинъ государственнаго управленія еще дѣйствовали неотчетливо и между членами коллегій были споры о мѣстничествѣ и несогласія, поэтому въ 1719 году былъ изданъ указъ о пресѣченіи мѣстничества и о порядкѣ старшинства коллежскихъ членовъ.

Съ учрежденіемъ коллегій, президенты ихъ вошли въ число сенаторовъ, но Петръ вскорѣ замѣтилъ ошибочность этого распоряженія и уже въ 1722 году отмѣнилъ его, потому что каждый президентъ коллегіи достаточно занятъ своимъ дѣломъ, и не можетъ постоянно засѣдать въ Сенатѣ, гдѣ также дѣла не терпятъ остановки и требуютъ присутствія всѣхъ членовъ; поэтому положилъ:

- 1) Чтобы кромѣ двухъ военныхъ коллегій и иностранной, выбрать въ коллегіи другихъ президентовъ, кромѣ того въ сенатъ выбрать изъ министровъ бывшихъ при иностранныхъ дворахъ посланниками; такимъ образомъ сенатскіе члены могли смотрѣть за дѣйствіями коллегій и не будучи съ ними связаны, безпристрастно судить ихъ.
- 2) Президенты иностранной и двухъ военныхъ коллегій не имѣютъ надобности ежедневно ходить, а только должны являться по особымъ причинамъ: а) когда надобны какія либо справки; б) когда надобно публиковать новый уставъ; в) когда назначенъ генеральный судъ, или д) новое дѣло, требующее рѣшенія; е) когда самъ государь присутствуетъ. ф) Ревизіонная коллегія присоединена къ сенату, потому что у нея одно назначеніе съ сенатомъ.

Вслѣдъ за этимъ изданъ былъ указъ объ обязанностяхъ сената, о томъ, какія дѣла подлежатъ суду и рѣшенію сената, и о томъ, что всѣ члены сената должны состоять въ чинѣ Дѣйст. Тайнаго и Тайнаго Совѣтника. Не смотря на строгія предписанія, Петръ все-таки не увѣренъ былъ, что дѣла въ сенатѣ будутъ идти такъ, какъ онъ того хочетъ, поэтому еще въ 1715 году назначенъ былъ генеральный ревизоръ указовъ сената; потомъ стали выбирать изъ штабъ-офицеровъ гвардіи ежемѣсячно такихъ надзирателей указовъ; они должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы сенатъ исполнялъ свои обязанности по инструкціи 1718 года и о всякомъ упущеніи доносить государю. Но и этого оказалось недостаточно для искорененія всѣхъ золъ, неразрывныхъ съ привычками закоренѣлаго самоуправства; Петръ въ 1722 году учредилъ при сенатѣ генераль-проку-

пора, т. е. *стряпчюго отъ государя и государства*, тоже съ наказомъ наблюдать за тѣмъ, чтобы сенатъ исполнялъ свои обязанности. Такъ какъ это званіе есть око государево и стряпчий въ дѣлахъ государственныхъ, то ему слѣдуетъ поступать честно, потому что въ противномъ случаѣ съ него съ перваго будетъ взыскано.

Чтобы сенатъ не по одному имени, а дѣйствительно былъ способенъ управлять государствомъ, Петръ постановилъ: ежели въ сенатѣ случатся дѣла, которыхъ сенатъ самъ рѣшить не можетъ, то все же долженъ разсуждать о немъ, изложить свое мнѣніе и тогда только представлять государю на разрѣшеніе.

Чтобы молодые люди не уклонялись отъ государственной службы, въ 1721 году Петръ учредилъ при сенатѣ должность герольдмейстера, у котораго должны были находиться списки всѣмъ дворянскимъ родамъ въ Россіи, съ обозначеніемъ: 1) Кто въ какой службѣ. 2) Кто живетъ безъ дѣла. 3) Сколько у кого сыновей и какого возраста они? знать кто родился и кто умеръ? Герольдмейстеръ долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, воспитываются ли молодые дворяне и требовать, чтобы каждый изъ нихъ окончилъ хотя низшій курсъ ученія въ школѣ, или дома и чтобы вступали въ службу, потому что безъ того будетъ недостатокъ служилыхъ людей въ войскѣ и во флотѣ. Отыскивать тѣхъ, которые подъ видомъ малолѣтнихъ скрываются гдѣ либо и не принуждая ихъ прямо поступать на службу, вести имъ списки, чтобы въ случаѣ надобности призвать ихъ туда, гдѣ понадобятся.

Въ одно время съ герольдмейстеромъ учреждена была должность генераль-рекетмейстера, обязаннаго принимать и разсматривать жалобы на неправильное, или медленное рѣшеніе какой либо коллегіи, докладывать объ этихъ жалобахъ сенату и государю и ходатайствовать за притѣсняемыхъ.

Довольный пріобрѣтеннымъ въ Европѣ значеніемъ, Петръ боялся только одного, чтобы русскіе не залѣнились, не сложили рукъ въ бездѣйствіи, прѣтому онъ непрерывно хлопоталъ о гражданскомъ развитіи Россіи; но для этого надобно было, чтобы финансы государства были въ хорошемъ положеніи, а для этого необходимо было на всѣ мѣста посадить людей преданныхъ, знающихъ и безкорыстныхъ. Ихъ надобно было выбирать изъ людей, находившихся уже или находящихся еще на службѣ: но выбирать ихъ долженъ былъ герольдмей-

стеръ съ оглядкою, въ небольшомъ числѣ, чтобы не оказалось недостатка въ арміи и флотѣ, а лучше готовить годныхъ людей для гражданскихъ должностей.

Еще при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ родилась мысль отдѣлить гражданскія должности отъ военныхъ, но мысль эта не приведена была въ исполненіе. При Петрѣ забота о томъ, какъ бы не оказалось недостатка въ военныхъ людяхъ, заставила позаботиться о томъ, чтобы гражданскія должности окончательно отдѣлить отъ военныхъ и въ правахъ и преимуществахъ не поставить ихъ ниже военныхъ. По указанію Петра, въ январѣ 1722 года, двое сенаторовъ Головкинъ и Брюсъ и двое генералъ-майоровъ — Матюшенинъ и Мамоновъ сочинили *табелю о рангахъ*. Въ этой табели чины гражданскіе расположены были параллельно съ чинами военными, начиная отъ чина генерала отъ инфантеріи, или кавалеріи, въ параллель съ которымъ поставленъ высшій гражданскій чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Но въ то время чинъ не имѣлъ того значенія, какое онъ имѣетъ теперь; это была скорѣе должность, потому что дѣйствительные тайные совѣтники въ самомъ дѣлѣ были членами тайнаго совѣта, въ которомъ преимущественно обсуживали иностранныя дѣла.

Потомки русскихъ, или иностранныхъ дворянъ находившихся на дѣйствительной службѣ, хотя и могли получать прямо мѣста первыхъ 8 ранговъ, но такъ какъ такіе скачки могли быть оскорбительны для военныхъ, которые долгою службою должны были подниматься по всѣмъ ступенямъ военной лѣстницы, то и безчиновный получившій прямо должность, или чинъ, за него обязанъ былъ отслуживать показанный по табели о рангахъ срокъ.

Къ табели о рангахъ приложена была еще статья, касательно чести служащаго человѣка, невинно подвергавшагося пыткѣ: «Ежели кого по наговору, или по злобѣ не осужденнаго подвергали пыткѣ напрасно, то пытка не лишила его чести и ему должна быть выдана грамота за подписью государя, въ которой изложена его невинность.» Тогда же было приказано въ неважныхъ случаяхъ отмѣнить пытку. При сочиненіи табели о рангахъ возникъ вопросъ о гербахъ и о томъ — гдѣ, когда и по какимъ случаямъ они были даны. Положено было навести такія справки и въ западно-европейскихъ государствахъ и для этого выписать гербовники.

Въ сенатѣ, не смотря на строгій надзоръ все-таки шли нелады, особенно когда императоръ былъ въ отсутствіи, такъ, напимѣръ, когда Петръ находился въ походѣ персидскомъ, между сенаторами шли неудовольствія, споры, доходившіе часто до грубыхъ и дерзкихъ выходокъ. Ссора между Шафировомъ и Меншиковымъ изъ-за денежныхъ выгодъ, прикрываясь то однимъ, то другимъ дѣломъ, возрастала съ каждымъ днемъ, и враждующіе, каждый съ своей стороны лично, или черезъ приближенныхъ своихъ, писалъ государю и жаловался на противника. Прокуроръ совѣтовалъ отложить всѣ ссоры до возвращенія государя и повергнуть ихъ на его рѣшеніе.

Но вскорѣ явный перевѣсъ склонился на сторону враговъ Шафирова; они нашли, что Шафирова можно обвинить въ лихоимствѣ: пользуясь своимъ положеніемъ, сенатора, онъ выхлопоталъ чтобы брату его при переходѣ изъ одной службы въ другую было выдано лишнее жалованье. Во всякое другое время на это не обратили бы вниманія, но теперь враги воспользовались этимъ, и другіе сенаторы протестовали противъ этого дѣла. Шафировъ защищался, но защититься было трудно и дѣло дошло до дерзкихъ выходокъ и рѣзкихъ словъ съ обѣихъ сторонъ. Чтобы отвести опасность, Шафировъ писалъ государю, жаловался на оскорбленія имъ вынесенныя, а дѣло о братѣ представилъ, какъ вещь ничтожную, не имѣющую значенія.

Но къ первой своей оплошности Шафировъ присовокупилъ другую, которая еще ухудшила его положеніе. Въ сенатѣ слушали дѣло о почтовомъ вѣдомствѣ, касавшемся лично до Шафирова; во время разсужденія вошелъ Шафировъ; ему объявили, что такъ какъ докладываютъ дѣло о почтахъ, то по положенію, онъ не можетъ присутствовать при немъ, потому что оно лично до него касается и его просили выйти. Шафировъ вспыхнулъ и отвѣчалъ, что не уйдетъ. Оберъ-прокуроръ снялъ со шкафа доску, на которой былъ наклеенъ указъ о томъ, что судья, если дѣло, касающееся до него или до родственниковъ его разбирается, не долженъ присутствовать при этомъ; прокуроръ прочиталъ указъ. Но Шафировъ отказался выйти, говоря, что онъ, какъ сенаторъ, не подлежитъ этому закону и что надъ почтами онъ поставленъ самимъ государемъ съ тѣми же правами, какія имѣлъ Виніусъ.—Канцлеръ гр. Головкинъ, оберъ-про-

куроръ и Меншиковъ предложили сенаторамъ заставить Шафирова выйти, и что на счетъ почтъ, вовсе нѣтъ такого императорскаго указа, на какой онъ ссылается. — Поднялся сильнѣйшій шумъ и Шафировъ, выйдя изъ себя, крикнулъ генераль-прокурору, Скорнякову—Писареву:

— Что ты тамъ говоришь? ты мой главный врагъ и самъ ты воръ, а меня воромъ называешь и—писменно протестовалъ, будто я государя обманулъ.

Тутъ свѣтлѣйшій князь и канцлеръ сказали: «Ежели оберъ-прокуроръ сената воръ, то и дѣлъ никакихъ дѣлать нельзя.»—Шафировъ кричалъ, называлъ всѣхъ своими врагами, грозился пожаловаться на всѣхъ государю, не пощадилъ ни Меншикова, ни Головкина.

Меншиковъ, Головкинъ и Брюсъ, чтобы положить конецъ этой неприличной сценѣ вышли изъ сената; Долгорукій, Голицынъ, Матвѣевъ и Шафировъ остались, чтобы слушать дѣло. Оберъ-прокуроръ объявилъ, что такъ какъ Шафировъ при всѣхъ его назвалъ воромъ, то онъ присутствовать не будетъ. Черезъ нѣсколько дней, Меншиковъ, въ отсутствіи Шафирова, подалъ мнѣніе, что Шафировъ долженъ быть лишенъ достоинства сенатора за противузаконныя его дѣйствія. Сенаторы приняли и записали это предложеніе, но оставили рѣшеніе до пріѣзда государя.

Дѣло Шафирова приняло очень дурной оборотъ. Наряженъ былъ судъ и его обвинили за его неприличное поведеніе въ сенатѣ, за выдачу лишняго жалованья брату и кромѣ того за растрату государевыхъ денегъ для своихъ расходовъ, во время поѣздки во Францію и наконецъ за то, что взялъ у полковника Воронежскаго деревню въ закладъ, подъ видомъ займа, не давъ ему ни одной копѣйки денегъ. Шафирова за всѣ эти вины приговорили къ смертной казни, чтобы, не взирая на всѣ услуги имъ оказанныя государству, не давать дурнаго примѣра другимъ и не порождать и мысли о томъ, что ссылаясь на прежнія услуги можно не повиноваться законамъ и нарушать ихъ для своихъ выгодъ.

Казнь была назначена на 15 февраля; Кремль съ утра былъ наполненъ народомъ; осужденнаго сенатора и подканцлера Шафирова на простыхъ дровняхъ привезли изъ Преображенскаго приказа, гдѣ онъ содержался. Ему прочитали приговоръ, взвели на эшафотъ, сняли съ него парикъ и старую шубу, въ которую онъ

былъ закутанъ: онъ нѣсколько разъ перекрестился, поклонился на всѣ стороны, сталъ на колѣни и положилъ голову на плаху. Топоръ палача взвился на воздухъ и упалъ на дерево плахи рядомъ съ головою осужденнаго, но ея не коснулся. Тайный кабинетъ— секретарь Макаровъ провозгласилъ, что императоръ, помня прежнія заслуги Шафирова, замѣняетъ смертную казнь заточеніемъ въ Сибирь. Шафировъ со слезами на глазахъ, шатаясь поднялся на ноги и сошелъ съ эшафота. Шафирова отвели въ сенатъ; старые товарищи окружили его; поздравляли съ помилованіемъ, жали ему руки, но Шафировъ оставался мраченъ и какъ бы не сознавалъ того, что вокругъ него дѣлается; находившійся при этомъ докторъ опасаяся удара пустилъ ему кровь; когда кровь полилась, Шафировъ сказалъ: «Лучше бы открытъ мнѣ большую жилу, чтобы разомъ положить конецъ моимъ мученіямъ.»

Многіе сожалѣли о Шафировѣ, какъ о человѣкѣ честномъ, правдивомъ, хотя и горячемъ но все-таки способномъ выслушать противорѣчіе и убѣдиться въ своей ошибкѣ. Петръ освободилъ Шафирова отъ ссылки въ Сибирь, но онъ содержался въ Новгородѣ подъ строгимъ карауломъ, безъ котораго не могъ ходить даже въ церковь; но вмѣстѣ съ нимъ было его семейство и это облегчало его положеніе; однако онъ терпѣлъ крайнюю нужду; ему на содержаніе отпускали вмѣстѣ съ семействомъ по 33 коп. въ день.

Главный врагъ Шафирова—оберъ-прокуроръ тоже не наслаждался паденіемъ его; Петръ нашелъ его поступки и дѣйствія въ сенатѣ противузаконными, разжаловалъ его въ солдаты, отнял у него всѣ имѣнія и, чтобы все-таки воспользоваться его знаніями, опредѣлилъ его при постройкѣ Ладожскаго канала смотрѣть за работами, но и здѣсь Писаревъ навлекъ на себя неудовольствіе государя, что видно изъ резолюціи о немъ, положенной Петромъ въ 1724 году: за дерзость и брань въ сенатѣ онъ достаточно наказанъ и достоинъ былъ бы получить старшій чинъ, но при устройствѣ канала показалъ потачки и недосмотръ «за что не достоинъ быть въ старомъ чинѣ, и и по случаю нынѣшняго торжества (коронаціи императрицы) и за обличеніе Шафирова, возводится въ чинъ полковника и половина отобранныхъ у него деревень ему возвращается».

Голицынъ и Долгорукій, за незнаніе и несоблюденіе указовъ по дѣлу Шафирова, были посажены подъ домашній арестъ и съ нихъ

положено было взять по 1,500 р. штрафу на госпитали, но оба отпросились отъ штрафа, по причинѣ своей бѣдности и по ходайству императрицы.

Петръ такъ строго наказаль Шафѣрова именно для того, чтобы внушить уваженіе къ существующимъ закономъ и потому, что онъ несправедливо поступаль и, находясь на такомъ видномъ мѣстѣ, не подаваль примѣра безкорыстія и справедливости.

Чтобы не повторялись такія неприличныя сцены, какія были между Шафировымъ и Писаревымъ въ сенатѣ, Петръ издалъ указъ, чтобы за брань, крики въ сенатѣ, и синодѣ, коллегіяхъ, канцеляріяхъ и во всѣхъ судахъ въ государствѣ положенъ былъ штрафъ за первый разъ 10 рублей, за повтореніе безчинства 100 рублей и арестъ; а кто провинится больше трехъ разъ, у того отнимается чинъ и онъ лишается половины имѣнія; кто же осмѣлится руку поднять, тотъ казнится политическою смертью. Всѣ правители судебныхъ мѣстъ должны съ челобитчиками поступать учтиво: за брань они подлежатъ штрафу, равному трехмѣсячному жалованью обиженнаго, у котораго обидчикъ долженъ просить прощенія; если же подниметь руку на просителя, то подвергается военному суду; вмѣстѣ съ этимъ указомъ вышелъ указъ о томъ, что никто не смѣетъ оправдываться незнаніемъ законовъ.

Петръ караль, гдѣ могъ, невниманіе къ закону и къ выгодамъ казеннымъ; онъ видѣлъ, что только строгими мѣрами можетъ воспитывать народъ свой, уничтожить въ немъ глубоко — укоренившееся въ его нравахъ казнокрадство и неуваженіе къ законамъ. Петръ долженъ былъ преслѣдовать эти пороки даже въ людяхъ, оказывавшихъ ему большія услуги, какъ Шафѣрова и оберъ-фискала Нестерова, который принесъ много пользы Петру тѣмъ, что преслѣдовалъ взяточничество; но самъ не выдержаль до конца и наконецъ провинился въ томъ же, въ чемъ обвиняль другихъ; послѣ пытки, въ которой признался во всѣхъ своихъ винахъ, онъ былъ казненъ. Не довольно этого, Петру гораздо больнѣе было видѣть, что человѣкъ, котораго онъ вывелъ изъ ничтожества, поставилъ почти объ руку съ собою, показываетъ ему неблагодарность и гдѣ можно, злоупотребляетъ своею властью и наживается, или на счетъ казны, или неправыми путями, и въ этомъ неоднократно бываль обличаемъ; только всегда просьбы императрицы и ея заступничество избавляли

его отъ заслуженнаго наказанія. Не проходило года, чтобы государь не сердился на Данилыча, и чтобы Екатерина Алексѣевна не заступалась за него и не вымаливала ему прощенія за его вины.

Несмотря на такія разочарованія, Петръ не терялъ надежды на совершенствованіе своего народа и одною изъ мѣръ къ тому считалъ выборы баллотировкою; при баллотировкѣ въ сенатѣ онъ самъ присутствовалъ и смотрѣлъ, чтобы она производилась правильно и безпристрастно. Такъ напримѣръ, въ началѣ 1722 года надобно было выбрать президента въ юстицъ-коллегію. По выходѣ изъ сената императоръ и всѣ сенаторы расположились въ столовой палатѣ; сюда были заранѣе приглашены всѣ генераль-майоры, майоры гвардіи и другіе офицеры, члены коллегій и 100 человекъ выборныхъ изъ дворянства. Всѣ присутствующіе присягнули поступать по совѣсти. Послѣ присяги написали имена кандидатовъ; ихъ оказалось 12 человекъ; государь объявилъ, что ни они, ни ихъ родственники не должны участвовать въ баллотировкѣ, ни присутствовать при ней и ихъ просили удалиться. Изъ 12 особъ трое получили больше голосовъ; графъ Апраксинъ 70, генераль Ушаковъ 41 и Колычевъ 41 и мѣсто присуждено было Апраксину.

Сначала русскіе не понимали важности права выбора, имъ предоставленнаго, тяготились имъ и старались освободиться отъ него, особенно въ областяхъ, гдѣ мало было дворянъ, и гдѣ пріѣзжавшіе въ отпускъ предпочитали спокойно прожить дома, отдохнуть и вмѣсто себя на выборы посылали своихъ прикащиковъ. Въ 1724 году Петръ запретилъ посылать на выборы въ комиссары вмѣсто себя прикащиковъ и приказалъ помѣщикамъ самимъ съѣзжаться ежегодно къ Новому году и выбирать на мѣсто прежнихъ комиссаровъ новыхъ; помѣщикамъ при этихъ выборахъ дана была власть судить старыхъ комиссаровъ, если на нихъ есть жалобы и если они виноваты, то могутъ штрафовать ихъ и о томъ только доносить губернатору, или воеводамъ, исключая тѣхъ случаевъ когда комиссара обвиняли въ дѣлѣ, заслуживающемъ смерти, или публичнаго наказанія, тогда его отсылали въ губернской городъ, въ надворный судъ.

Для всѣхъ нововведеній и преобразованій, для построекъ и для войны требовались большія суммы, а недостатокъ въ деньгахъ чувствовался на каждомъ шагѣ. При устройствѣ сената первымъ

долгомъ было ему поставлено: собирать денегъ, какъ можно больше. Вслѣдствіе правильнаго сбора и вслѣдствіе расширенія владѣній, доходы, дѣйствительно, увеличились; въ 1710 году доходы государственные простирались до 3,134,000 рублей, а въ 1722 году они возросли до 7,859,833 руб. Подушныя были не велики: съ крестьянъ дворцоваго и синодскаго вѣдомства, съ крѣпостныхъ подушныхъ брали по 74 копѣйки, а съ государственныхъ крестьянъ, кромѣ 74 коп., взыскивали еще по 40 коп. вмѣсто оброковъ, которые дворцовые, синодскіе и крѣпостные крестьяне платили своимъ вѣдомствамъ, или помѣщикамъ. Заплативши эти 74 или 114 копѣекъ крестьянинъ не зналъ никакихъ денежныхъ и хлѣбныхъ поборовъ. Подушныя собирались въ три срока: зимою, весною и осенью; съ купцовъ и цеховыхъ брали по 20 коп. съ души.

Несмотря на то, что доходы увеличились, что Петръ былъ бережливъ, доходовъ было все-таки недостаточно; длинная шведская, персидская и турецкая войны требовали такихъ пожертвованій, послѣ которыхъ нельзя было скоро оправиться; кромѣ того сдѣлался сильный неурожай, который требовалъ немалыхъ расходовъ. Денегъ не было; ихъ надѣбно было добыть и Петръ прибѣгнулъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ.

Въ началѣ 1723 года государь приказалъ, по причинѣ денежной нужды приказнымъ и другимъ подобнымъ имъ людямъ вмѣсто денегъ жалованье выдавать казенными сибирскими товарами; изъ этого правила были исключены иностранцы и мастеровые. Послѣ этого былъ данъ другой указъ о вычетѣ изъ жалованья, по известной части съ рубля, чтобы денежная нужда одинаково тяготѣла надъ всѣми лицами, находящимися на государственной службѣ и чтобы всякій жертвовалъ изъ своего жалованья, сообразно съ окладомъ. Изъ этого постановленія исключались иностранные мастера, унтеръ-офицеры, солдаты и матросы. Когда насталъ голодъ, то вычетъ изъ жалованья былъ по одной четверти съ рубля, отнималось все хлѣбное жалованье, генераламъ и офицерамъ давали только половинное содержаніе, наложили пошлину на хлѣбное вино по 10 коп. съ ведра, а на французскія вина положена акцизная пошлина и увеличена стоимость гербовой бумаги.

Такими мѣрами Петръ старался пополнить недостатокъ въ деньгахъ, и все-таки вездѣ оказывались недоплаты. Въ 1722 году въ

сенатъ явился Меншиковъ, какъ президентъ военной коллегіи съ четырьмя членами и донесъ, что полковые командиры изъ многихъ мѣстъ сообщаютъ, что жалованья нижнимъ чинамъ не выдаютъ; оттого они ропщутъ, терпятъ недостатки и бѣгутъ изъ полковъ.

При устройствѣ постояннаго войска было еще другое неудобство: гдѣ селить солдатъ? по крестьянскимъ домамъ стоять имъ нельзя, потому, что постой слишкомъ обременителенъ для крестьянъ. Въ сенатѣ положено было построить солдатскія слободы; сержантамъ каждому по избѣ, прочимъ унтеръ-офицерамъ избу на двоихъ, на троихъ рядовыхъ по одной избѣ. Такія слободы должны быть не больше роты; для оберъ-офицеровъ построить приличный дворъ о двухъ избахъ съ сѣнями и третья отдѣльная для прислуги, по срединѣ полка построить штабъ изъ 8 избъ, а девятую для больницы. Строить слободы положено солдатамъ, или гдѣ полковъ нѣтъ, тамъ употреблять крестьянъ, посадскихъ людей и разночинцевъ.

Торговая дѣятельность была еще въ младенчествѣ; но въ прибалтійскихъ портахъ уже появлялись иностранные корабли и привозили товары западной Европы; чтобы ограничить произволъ торговцевъ и чтобы русскимъ купцамъ указать, гдѣ что въ Европѣ продается и по какимъ цѣнамъ, въ 1723 году приказано было напечатать прейсъ-куранты товарамъ замѣчательнѣйшихъ европейскихъ торговыхъ городовъ: «дабы знали, гдѣ что дешево, или дорого». Въ заграничныхъ портахъ также начали появляться русскія суда; такъ въ Стокгольмѣ пріѣхалъ одинъ русскій корабль изъ Петербурга и нѣсколько русскихъ купцовъ изъ Ревеля и Або, но навезли все ненужную мелочь, немного полотна, каленыхъ орѣховъ и деревянныхъ ложекъ и чашекъ; наложивши товаръ свой на сани, купцы вывели ихъ на стокгольмскія улицы, продавали ихъ и тутъ же, разложивши подъ таганчикомъ огонь, варили себѣ кашу. Узнавъ объ этомъ, русскій посланникъ позвалъ къ себѣ продавцевъ, далъ имъ выговоръ, что привезли такую мелочь и запретилъ впередъ съ такимъ товаромъ пріѣзжать; строго приказалъ на улицахъ не торговать, а нанять для этого квартиру и по улицамъ каши не варить. У одного изъ крестьянъ, пріѣхавшихъ въ Стокгольмъ была особенно большая борода; надъ нимъ шведы насмѣхались и посланникъ въ своемъ донесеніи государю жалуется на нашихъ заграничныхъ торговцевъ: «Русскіе купцы не слушаются законовъ, бранятся

и дерутся на улицахъ, чѣмъ безчестятъ русское имя; хотя я имъ неоднократно объявлялъ указъ, касательно платья, бородъ и опрятности, они все-таки не ведутъ себя смиренно, галстуковъ не носятъ, ходятъ въ старомъ русскомъ костюмѣ и у нѣкоторыхъ бороды висятъ ниже пояса, что служитъ посмѣшищемъ здѣшнимъ шведамъ.»

На западѣ надъ русскими купцами смѣялись, на востокѣ, въ Крыму и въ Турціи ихъ обижали, отнимали товары и сажали въ темницы и защитить ихъ некому было, потому что еще не во всѣхъ большихъ торговыхъ городахъ восточныхъ государствъ были русскіе консулы.

Приобрѣтеніе морскихъ береговъ и гаваней должно было усилить торговлю: но обычаи, вкоренившіеся съ давнихъ поръ препятствовали ея развитію. Служилые люди искони привыкли кормиться на счетъ купечества и промышленниковъ; ихъ притѣсняли, у нихъ силой отбирали товары, ихъ грабили на большихъ дорогахъ и въ городахъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: изъ главнаго магистрата представленъ былъ длинный списокъ купцовъ, захваченныхъ безъ суда разными вѣдомствами и судебными мѣстами и посаженныхъ въ тюрьмы; несмотря на прошенія, поданныя ими самими, ни на записки отъ главнаго магистрата, ни они сами, ни дѣла ихъ не были пересланы въ магистратъ, и многіе изъ нихъ умерли въ заключеніи, торговля ихъ разстроена и они не могли воспользоваться правами, предоставленными купечеству—судиться своимъ судомъ, выборными въ магистратѣ. Да и сами купцы не понимали выгодъ, предоставленнаго имъ избирательнаго управленія: выбранные не являлись на службу и не занимались интересами своего сословія. Чтобы пользоваться покровительствомъ людей сильныхъ, купцы нерѣдко приписывались къ ихъ дворовымъ людямъ и подъ ихъ охраною вели свои дѣла. Это было тѣмъ необходимѣе, что вольныхъ купцовъ и торговцевъ люди знатные иногда грабили прямо, на большихъ дорогахъ, или отбирали у нихъ товары и били ихъ палками, ежели тѣ не отдавали добровольно, или не платили выкупныхъ денегъ; даже бургомистры были не въ безопасности отъ произвола людей сильныхъ и значительныхъ. Такъ оберъ-офицеръ Волковъ, которому приказано было состоять при персидскомъ послѣ, былъ чѣмъ то недоволенъ бургомистромъ Бочарниковымъ; онъ послалъ за нимъ въ магистратъ своихъ драгунъ и велѣлъ его привести къ себѣ. Вол-

ковъ встрѣтилъ его ругательствами, велѣлъ драгунамъ повалить его на землю и держать его за волосы и за руки, а самъ билъ тростью, пока не усталъ; послѣ этого велѣлъ драгунамъ бить Бочарникова палками, ефесами сабель, плетями и топтать ногами, пока онъ не остался замертво неподвижный и окровавленный. При такомъ самоуправствѣ торговля существовать могла только въ самомъ зачаточномъ состояніи. Чтобы найти покровительство при дворѣ, многіе купцы записывались въ истопники и сѣнные царевенъ и членовъ царскаго семейства. Небогатые промышленники дорожили мѣстами низшихъ придворныхъ служителей при дворахъ царевенъ и подъ ихъ покровительствомъ торговали безобидно и выгодно; промышленники покрупнѣе старались занять мѣсто при большомъ дворѣ, чтобы найти защиту отъ притѣсненій. Такъ въ началѣ 1722 г. именитый человѣкъ Строгановъ пожалованъ былъ въ бароны и причисленъ въ комнатные царевны. Примѣру Строганова слѣдовали другіе богатые промышленники и употребляли всѣ силы, чтобы выйти изъ своего невыгоднаго купеческаго сословія.

Неудивительно было такое стремленіе, потому что купцы самыя уважаемыя и богатые были не безопасны. Такъ исторія купца гостинной сотни Богомолова, торговавшаго драгоцѣнными камнями, жемчугомъ, золотомъ и серебромъ можетъ служить разительнымъ примѣромъ небезопасности своего сословія. Онъ былъ очень богатъ, не только драгоцѣнными товарами, но и деньгами; у него займы брали другіе богатые купцы, промышленники и люди сановные; у него былъ большой каменный домъ подлѣ Вознесенскаго Варсонофьевскаго дѣвичьяго монастыря. Богомоловъ по торговымъ дѣламъ часто бывалъ въ домѣ князя Бориса Алексѣевича Голицына и продавалъ ему драгоцѣнныя вещи, и такъ бывалъ. Сынъ князя, молодой Сергѣй Борисовичъ ходилъ часто къ Богомолову въ гости; увидѣвъ, что у старика Богомолова кромѣ зятя въ домѣ нѣтъ близкихъ родственниковъ и что онъ хилъ и старъ, привелъ однажды человѣкъ десять своихъ людей, выслалъ всѣхъ слугъ Богомолова и замѣнилъ ихъ своими, подъ предлогомъ, чтобы охранять домъ отъ постоя. Своимъ людямъ молодой князь не велѣлъ Богомолова выпускать изъ дома и никого чужаго къ нему не пускать, даже зятю не позволенъ былъ доступъ къ нему. Въ церковь старика пускали послѣ долгихъ, слезныхъ моленій, да и то съ нимъ ходили два княжескихъ

человѣка и никому не позволено было съ нимъ говорить. Князь Сергѣй Борисовичъ между тѣмъ забиралъ всѣ деньги, всѣ пожитки и всѣ товары Богомолова и перевозилъ къ себѣ, также забиралъ всѣ записи и крѣпости на должниковъ и на заложенные ему дворы, лавки и товары и когда все забралъ въ свои руки, то отправилъ старика Богомолова силою въ Богоявленскій монастырь, гдѣ онъ захворалъ отъ печали и умеръ, лишившись всего имѣнія и даже мѣста на кладбищѣ Варсонофьевскаго монастыря, которое купилъ себѣ заранѣе и устроилъ, надѣясь быть тамъ похороненнымъ.

Фабричная дѣятельность усиливалась въ Россіи, но не въ такой мѣрѣ, какъ того хотѣлось Петру; чтобы поднять ее онъ давалъ фабрикантамъ льготы, указывалъ, какъ работать и чего добиваться, приказывалъ выписывать иностранныхъ мастеровъ, но велѣлъ у нихъ учиться своимъ, чтобы они впоследствии замѣнили иностранцевъ. Но Петръ не ограничивался предписаніями; онъ промышленность двигалъ даже полицейскими мѣрами; такъ, на примѣръ, гдѣ валяютъ тонкіе войлоки, тамъ принуждалъ дѣлать шляпы и для обученія давалъ иностранныхъ мастеровъ; чтобы невыгодно было продавать одни войлоки, ежели на фабрикѣ не стали бы выдѣлывать положеннаго количества шляпъ, или ежели бы шляпы оказались хуже представленнаго бургомистру образца, то оштрафовать ослушниковъ; бургомистры должны были наблюдать, чтобы въ лавкахъ продавались шляпы не ниже образцовой и чтобы онѣ стоили не дороже цѣны, обозначенной при образцовой шляпѣ. Въ тѣхъ заводахъ, гдѣ выдѣлываютъ юфть, положено было выдѣлывать лосинныя кожи, потребныя для арміи и т. п.

Но относительно фабрикъ существовали тѣ же неблагопріятныя условія, какія были въ торговлѣ. Фабрики, принадлежавшія людямъ сильнымъ были обезпеченнѣе фабрикъ, принадлежавшихъ купцамъ. Правительство дѣлало все, чтобы поднять промышленность, и не его вина, ежели не достигало цѣли. Такъ на примѣръ, первый, кто устроитъ заводъ освобождался отъ службы, равно какъ и товарищи присоединившіеся къ нему въ первые полтора года послѣ учрежденія завода.

Для того, чтобы улучшить и усилить суконныя фабрики, Петръ позаботился о томъ, чтобы на Украйну выписаны были племенные овцы, и овецъ, которыя находились въ казенныхъ овчар-

няхъ приказано было раздать, для улучшенія породы, овцеводамъ даже тогда, еслибы они и не захотѣли принимать ихъ. Приказано было отправить молодыхъ людей за-границу для изученія правильного овцеводства. Приказано на русскихъ суконныхъ заводахъ покупать преимущественно русскую шерсть и установлена за нее цѣна, выше той, какаѣ до тѣхъ поръ существовала.

Полотняныя фабрики первыя усовершенствовались при Петрѣ; такъ, на примѣръ, на фабрикѣ Тамеса, или Тамсена въ Москвѣ было до 150 ткацкихъ станковъ, за ними сидѣли преимущественно русскіе работники и многіе мастера были уже изъ русскихъ, выучившихся дѣлу у выписанныхъ изъ-за границы мастеровъ. На этой фабрикѣ ткали полотна всѣхъ сортовъ, начиная отъ самаго грубаго до самаго тонкаго, дѣлались прекрасныя скатерти и салфетки, ткали отличный тивъ, канифасъ и хорошіе цвѣтные носовые платки.

Современникъ Петра, Берхгольцъ, говоритъ кромѣ этой фабрики еще о замѣчательной золотошвейной, въ домѣ барона Строганова, тамъ около 100 дѣвушекъ сидѣло за пальцами и вышивали по штофу, по бархату и парчѣ самыя замысловатыя и красивыя узоры, съ необыкновеннымъ искусствомъ.

Сильная заводская дѣятельность развивалась на Уралѣ; тамъ въ честь императрицы въ 1723 году былъ основанъ Екатеринбургъ и для горнозаводскихъ дѣлъ были выписаны изъ-за границы опытные горные инженеры. Имъ, равно какъ и русскимъ горнозаводчикамъ, даны были привилегіи и разныя преимущества. Первый изъ русскихъ горнозаводчиковъ былъ Демидовъ; онъ разбогатѣлъ, и его горные заводы уже пользовались большою извѣстностью въ Россіи. Для управленія горною промышленностію и для расширенія ея Петръ изъ олонецкихъ заводовъ отправилъ на Уралъ уже испытаннаго дѣятельнаго и распорядительнаго генераль-майора Геннингена. При немъ вскорѣ выдвинулся молодой, впоследствии знаменитый человѣкъ, Василій Никитичъ Татищевъ; онъ особенно заботился о казенныхъ интересахъ и увеличилъ государственныя доходы съ руднаго промысла. Онъ, не смотря на лицо и знатность горнозаводчиковъ, требовалъ отъ нихъ законной доли въ казну, и по этому поводу входилъ въ столкновенія съ Демидовымъ; Геннингъ цѣнилъ правдивость Татищева, стоялъ за него и выгораживалъ его передъ государемъ.

По существовавшимъ постановленіямъ Бергъ-Коллегіи, мастеровъ-

вые, работавшіе въ горныхъ заводахъ освобождены были отъ податей и личныхъ повинностей. Горнозаводчики имѣли право пріобрѣтать населенныя имѣнія, хотя бы они не принадлежали къ дворянству. Золото, серебро, мѣдь и селитра покупались у горнозаводчиковъ прямо въ казну, по опредѣленнымъ цѣнамъ и ихъ въ постороннія руки продавать не позволено было; казнѣ предоставлялась кромѣ того десятая часть съ чистаго дохода, получаемого горнозаводчикомъ, на томъ основаніи, что все находящееся подъ поверхностью земли принадлежитъ государству. Съ желѣза брали опредѣленную пошлину съ вѣса, но продажа его была вольная.

Въ послѣдніе годы царствованія Петра изъ-за границы возвращались молодые люди, учившіеся тамъ различнымъ ремесламъ — столяры, слесаря, литейщики, граверы, инструментальныя мастера. Петръ испытывалъ ихъ самъ, велѣлъ при себѣ работать и остался ими доволенъ; онъ приказалъ имъ построить дома и въ теченіи двухъ лѣтъ выдавать имъ для содержанія жалованье, потомъ каждому выдать извѣстную сумму денегъ, чтобы устроить мастерскія: но далѣе, чтобъ кормились собственною работою; ихъ обязали принимать къ себѣ учениковъ, учить ихъ, но больше не надѣяться на помощь отъ казны.

Развитіе ремеслъ въ формѣ болѣе правильной заставило подумать о томъ, чтобы по образцу западной Европы раздѣлить ихъ на цехи, и въ Петербургѣ былъ устроенъ образцовый магистратъ. Только въ концѣ 1724 года написана была инструкція для магистратовъ, которые должны быть учреждаемы во всѣхъ губернскихъ и областныхъ городахъ. Въ нихъ должны были быть президентъ, два бургомистра и четыре ратмана. Магистраты зависѣли отъ Главнаго магистрата; назначеніе магистратовъ состояло въ томъ, чтобы разсыпанную по Россіи *храмину купечества* собрать и привести въ извѣстность. Магистраты должны были отвѣчать за безопасность городовъ отъ пожара и слѣдовательно заводить пожарныя команды съ инструментами. Магистраты должны были вести перепись всѣмъ гражданамъ города, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ и дѣтямъ, родившимся и умершимъ.

Всѣ городскіе граждане должны быть раздѣлены на три части, или гильдіи, исключая гостей и гостинной сотни. Къ первой гильдіи причислялись знатные купцы, городскіе доктора, аптекари, лѣ-

бара, судопромышленники. Ко второй гильдіи принадлежали мелкіе торговцы всякими съѣстными припасами и ремесленники. Къ третьей гильдіи относились всѣ простолюдины, чернорабочіе. Отъ каждой гильдіи выбирались старшины, которые присутствовали въ магистратѣ. Подушные сборы должны были собираться съ согласія старшинъ гильдейскихъ. Магистратамъ вмѣнено въ обязанность заботиться о развитіи мануфактурной и ремесленной промышленности; магистраты должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы въ городахъ не было лѣнивыхъ и праздношатающихся. На магистратахъ лежала обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣти всѣхъ богатыхъ и бѣдныхъ гражданъ учились читать и писать, ариѳметикѣ, и для этого учредить школы; для стариковъ, старухъ обѣднѣвшихъ, или неспособныхъ зарабатывать себѣ пропитаніе, магистраты обязаны были устроить богадѣльни. Гдѣ можно, тамъ устроить ярмарки. Магистрату поручено было охранять гражданъ отъ обидъ и притѣсненій постороннихъ лицъ и вести вѣдомость; стараться о томъ, чтобы городское низшее сословіе находило возможность работать и тѣмъ находить себѣ пропитаніе и платить за себя подати. Послѣ смерти гражданина заботиться о томъ, чтобы душеприкащики исполняли волю покойника, заботились о сохраненіи имущества сиротъ и о томъ, чтобы имъ дано было приличное воспитаніе. Ежели родители умирали, не оставляя своимъ дѣтямъ опеки, то магистратъ отъ себя долженъ выбирать для этого людей достойныхъ, на которыхъ положиться можно.

Надобно было позаботиться о нуждахъ самаго многочисленнаго класса народонаселенія о крестьянахъ; для правильнаго сбора подушныхъ надобно было переписать ихъ: но это было очень трудно; они постоянно бѣжали отъ своихъ помѣщиковъ, кочевали въ видѣ половниковъ, или селились въ лѣсахъ, или приставали къ другимъ вотчинникамъ. Половниковъ сѣверныхъ губерній не прикрѣпили къ землѣ; имъ позволено было свободно переходить съ казенной земли на частную, но каждому позволено было только переходить въ своемъ уѣздѣ. Состояніе помѣщичьихъ крестьянъ было очень печально; чтобы облегчить ихъ участь осталось только одно средство; отстранить такихъ помѣщиковъ, которые могутъ употреблять свою власть во зло, отъ управленія крестьянами; въ этомъ смыслѣ данъ былъ указъ не допускать до управленія имѣніями людей слабо-

умныхъ, неспособныхъ ни учиться, ни служить государству. Такіе должны быть представлены Сенату и если окажутся дѣйствительно недостаточно умными, ни для наукъ, ни для государственной службы, то имъ не позволять ни жениться, ни выходить замужъ, ни управлять своими деревнями и крестьянами; учредить надъ ними опеку изъ родственниковъ и давать имъ на содержаніе кормовыя деньги.

Въ 1723 году Сенатъ получилъ донесеніе изъ московской и другихъ губерній, что по случаю двухлѣтняго неурожая насталь сильный голодъ и что крестьяне впали въ крайнюю бѣдность, ѣдятъ льяныя выжимки, смѣшанныя съ мякиною, дубовою корою и желудями, и этого у нихъ такъ мало, что остаются по нѣскольку дней безъ пищи, отчего многіе пухнуть и умираютъ; деревни опустѣли; у кого осталось силы, побрели въ разныя стороны, чтобы отыскивать себѣ пропитаніе. А между тѣмъ на тѣхъ губерніяхъ много казенныхъ недоимокъ, и изъ камеръ-коллегіи присланы были строгіе указы, по которымъ велѣно продавать всѣ пожитки, а не заплатившихъ ссылатъ на галеры: голодные крестьяне отказывались платить, галерной работы не боялись, а напротивъ, сами напрашивались на нее. Сенатъ положилъ недоимокъ не взыскивать, пока новый хлѣбъ не поспѣетъ, и тогда еще дѣлать всевозможныя снисхожденія обѣднѣвшимъ. Перепись крестьянамъ, какъ уже сказано, была затруднительна и неточна; они сами укрывались отъ нея и ихъ укрывали. Такъ напримѣръ въ Петербургской и Олонецкой губерніи въ двѣ переписи во второй было показано больше первой 70,492 человекъ.

Торговля и промышленность въ каждомъ государствѣ зависятъ отъ того, въ какомъ состояніи пути сообщенія; въ Россіи они были въ плохомъ состояніи. Такъ, напримѣръ, еще въ 1722 году, голландскій резидентъ для того, чтобы осенью проѣхать изъ Москвы въ Петербургъ употребилъ 5 недѣль: ежели человекъ *на-легкѣ*, безъ большой клади надобно было ѣхать такъ долго, то сколько же времени должны были употреблять тяжело-нагруженные обозы, перевозившіе товары гужемъ?

Дороги кромѣ того, что были трудны для проѣзда были еще небезопасны; разбои и грабежи были очень частымъ явленіемъ и вынудили очень строгія мѣры противъ нихъ; полиція повсюду отыскивала разбойниковъ, подъ Москвою и Петербургомъ ловили шайки,

дѣлали слѣдствія и казнили безъ всякой жалости: рубили головы, вѣшали, или прицѣпляли ребрами за желѣзные крюки; но эти жестокия казни не могли освободить страны отъ хищническихъ разбойническихъ шаекъ.

Петръ заботился объ исправленіи дорогъ, о томъ, чтобы сдѣлать ихъ безопасными, но для торговли было важнѣе, что онъ устраивалъ внутреннія водяныя сообщенія; первый устроенный каналъ былъ Вышневолоцкій, построенный при содѣйствіи и подъ надзоромъ русскаго купца Михаила Сердюкова, и уже въ 1712 году первый русскій торговый караванъ изъ Волги пришелъ въ Неву, въ молодую столицу; Петръ былъ въ восторгѣ отъ этой первой удачи. Но плаваніе по Ладожскому озеру было опасное и почти гибельное для плоскодонныхъ судовъ; Петръ задумалъ провести каналъ по берегу озера отъ устья Волхова до истоковъ Невы; трудъ исполинскій,—прокопать каналъ на разстояніи 104 верстъ отъ Новой Ладogi до Шлюссельбурга. Но трудность предпріятія не останавливала Петра; постройка канала началась 22 марта 1719 г послѣ обычнаго молебствія; Петръ собственноручно наполнилъ тачку землею и отвезъ ее на то мѣсто, гдѣ должна была начинаться насыпь. Для работы согнали 20,000 ч. Сначала работами распоряжался любимецъ Меншикова, генераль-маіоръ Скорняковъ-Писаревъ, о ссорѣ котораго съ Шафировымъ мы уже говорили; но у него никакихъ знаній и никакихъ способностей для этого дѣла не было. Бездарность его вскорѣ обнаружилась, и Петръ поручилъ строеніе канала искусному инженеру, генераль-лейтенанту Миниху; Петръ вскорѣ убѣдился, какъ удаченъ его выборъ и радовался тому, какъ дѣло идетъ, но каналъ не былъ оконченъ при жизни его, а только 7 лѣтъ послѣ его смерти. Остальные каналы, для соединенія Каспійскаго моря съ Финскимъ заливомъ, ежели не были начаты Петромъ, то указаны имъ и построены въ послѣдствіи.

Постоянное столкновеніе съ необразованными, незнающими подданными раздражало Петра; онъ видѣлъ, что выписывать на каждую потребность людей нельзя, поэтому онъ больше всего заботился о томъ, чтобы образовать свой народъ. Онъ началъ съ своего семейства: онъ строго смотрѣлъ, за тѣмъ, чтобы дочери его, Анна и Елизавета, учились не только по-русски, но и по-французски и по-нѣмецки. Онъ посылалъ молодыхъ людей учиться за границу; посылалъ уже

знающихъ людей туда же, чтобы высмотрѣть, гдѣ есть что либо полезное изучить это и примѣнить къ Россіи. Такъ послалъ онъ горнаго инженера Татищева и поручилъ ему выбрать изъ русскихъ школъ мальчиковъ бойкихъ и отдать ихъ въ Германіи на разные горные заводы, чтобы научились дѣлу горнозаводскому.

Спеціальныя школы продолжали образовываться по мѣрѣ потребностей; такъ какъ измѣненное судопроизводство и устройство гражданскаго правленія не могло обойтись безъ знающихъ людей, то въ 1721 году Петръ учредилъ особую школу, гдѣ приучали подьячихъ къ дѣлу: а именно учили ариметикѣ, бухгалтеріи, стилю писемъ и бумагъ и что еще хорошему подьячему знать должно, а безъ этихъ знаній въ службу не опредѣлять.

Въ 1724 году былъ изданъ указъ объ основаніи Академіи; въ указѣ объяснялось, что въ западныхъ государствахъ Европы существуютъ три степени ученыхъ и учебныхъ заведеній: гимназіи, университеты и академіи. Но такъ какъ въ Россіи учрежденіе университета и академіи, безъ среднихъ учебныхъ заведеній, ни къ какой пользѣ вести не можетъ, и Россія не можетъ сообразоваться съ тѣмъ, какъ такого рода заведенія устроены въ Европѣ, а должна дѣлать все сообразно съ своими потребностями, то академія, вновь учреждаемая, должна была заключать въ себѣ и среднеучебныя заведенія—и въ ней преподавались гимназическіе предметы и высшія науки, такъ что учрежденная при Петрѣ академія заключала въ себѣ зачатки трехъ различныхъ заведеній: гимназій, университетовъ и академій.

По указу Петра Великаго академія должна была заниматься переводомъ книгъ съ иностранныхъ языковъ на русскій. Но до тѣхъ поръ, пока академія не выростетъ и не окрѣпнетъ, переводъ книгъ по прежнему предоставлено было синоду. До какой степени Петръ заботился о переводѣ книгъ видно изъ того, что онъ, гдѣ бы ни былъ, на войнѣ, или за границей, или когда бывалъ боленъ, постоянно назначалъ, что переводить, что при переводѣ сокращать, измѣнять, или перерабатывать.

Искусствъ Петръ тоже не забывалъ, по его приказанію молодыхъ людей отправляли въ Римъ учиться архитектурѣ. Дѣятельность Петра по всѣмъ отраслямъ государственнаго устройства была извѣстна въ цѣлой Европѣ; сербы уже начали смотрѣть на Россію, какъ на

свою естественную покровительницу, какъ на путеводную звѣзду, отъ которой должна почерпать знаніе и силу. Сербскій архіепископъ прислалъ посольство поздравить Петра съ Ништадтскимъ миромъ и просилъ его прислать двухъ учителей латинскаго и славянскаго языка, также и печатныхъ церковныхъ книгъ: «будь намъ второй апостоль, писалъ онъ, просвѣти насъ, какъ просвѣтилъ своихъ подданныхъ...» Петръ послалъ и книгъ, и даже учителей, назначивъ имъ по 300 рублей жалованья.

Мысль о томъ, чтобы написана была исторія Россіи постоянно занимала Петра, но онъ видѣлъ, что приступить къ этому труду невозможно, за недостаткомъ матеріаловъ; по этому въ 1722 году онъ приказалъ изъ монастырей прислать въ Москву въ синодъ всѣ рукописи, заключающія въ себѣ лѣтописи и хронографы и т. д. велѣть сдѣлать съ нихъ копіи; копіи, оставить въ синодальной библіотекѣ, а подлинники отослать туда, откуда взяты.

Для управленія духовными дѣлами сперва учреждена была духовная коллегія, или синодъ съ назначеніемъ Стефана Яворскаго, митрополита Рязанскаго, въ президенты Духовной коллегіи. Ей въ обязанность вмѣнено было заботиться о положеніи духовенства въ Россіи и для разбора дѣлъ по жалобамъ, какія могутъ случиться между духовными лицами и мірянами. Учреждая Духовную коллегію, Петръ въ своемъ указѣ называлъ это учрежденіе соборнымъ и говорилъ, что всѣ дѣла, рѣшаемыя соборомъ, могутъ быть рѣшены справедливѣе, чѣмъ при рѣшеніи однимъ лицомъ. Такъ какъ духовная коллегія или синодъ обнималъ тотъ же кругъ дѣйствія, какой предоставлялся патриарху, то синодъ, какъ бы заступилъ его мѣсто и назывался *святѣйшимъ* правительствующимъ синодомъ,

Кромѣ правительственныхъ обязанностей, на синодѣ еще лежала обязанность воспитательная: синодъ долженъ былъ 1) всѣми средствами истреблять суевѣрія, 2) распространять свѣдѣнія о законѣ Божіемъ и для этого составить три книги: о догматахъ вѣры, о должностяхъ всякаго чина и проповѣди Св. Отцевъ. 3) Епископы должны были имѣть въ своихъ домахъ школы для приготовленія священниковъ; въ этихъ школахъ Петръ назначилъ даже программу; въ нихъ преподаваться должно было: а) грамматика, географія и исторія, б) ариѳметика и геометрія, в) логика, или діалектика, потому что эти двѣ науки тѣсно связаны между собою, д) риторика и стихо-

сложеніе, е) физика съ краткой метафизикой, f) краткая политика g) богословіе; на первыя шесть наукъ полагалось по году, а на богословіе два года.

Послѣ смерти Стефана Яворскаго новаго президента въ коллегію не избирали и самое устройство Духовной коллегіи измѣнилось; она всегда выдавалась изъ разряда другихъ коллегій и получила характеръ, равный съ сенатомъ; у котораго тоже не было президента. Такъ какъ въ сенатѣ за ходомъ дѣлъ, за изданіемъ и за исполненіемъ указовъ смотрѣлъ оберъ-или генераль-прокуроръ, точно также и съ тою же цѣлью при синодѣ установленъ былъ оберъ-прокуроръ изъ гражданскихъ сановниковъ. Синоду подчинено было, какъ монашествующее духовенство, такъ и бѣлое духовенство, т. е. священники и всѣ церковные служители.

Имѣнія, отобранныя у духовнаго вѣдомства и находившіяся въ управленіи монастырскаго приказа, поступили опять въ вѣдѣніе духовныхъ учрежденій, но употребленіе доходовъ было строго указано. Чтобы слѣдить за приходомъ и расходомъ монастырскихъ доходовъ, при синодѣ была установлена особая *камеръ-контора*.

Главною обязанностію новоучрежденнаго синода было: устроить духовенство, преимущественно черное, противодѣйствовать расколу, преслѣдовать суевѣріе и распространять религіозно-нравственное просвѣщеніе въ народѣ.

Петръ хотѣлъ преобразовать монашество; онъ не хотѣлъ, чтобы монастыри служили притономъ людей лѣнивыхъ, которые, какъ ту-неядцы, въ нихъ искали пристанища отъ казенныхъ повинностей и отъ царской службы. Онъ приказалъ себѣ доставить точную вѣдомость о числѣ монаховъ и монахинь и придумывалъ средства, какъ бы ограничить число ихъ, а оставшимся дать занятіе приличное. Въ 1723 году данъ былъ указъ: впредь, безъ разрѣшенія синода, никого не постригать, и о числѣ монашествующихъ ежемѣсячно присылать точную вѣдомость въ синодъ.

Въ январѣ 1724 года императоръ издалъ новый указъ, въ которомъ указалъ монашеству новый кругъ дѣятельности; онъ исторически изложилъ въ указѣ происхожденіе и развитіе монашества, указалъ, что каждый человѣкъ обязанъ приносить какую бы то ни было пользу отечеству, и что даже стремленіе къ уединенію и молитвѣ не избавляетъ человѣка отъ этой обязанности и вслѣдствіе

этого предписалъ синоду раздѣлить всѣхъ монаховъ на двѣ категоріи и поставить имъ двѣ цѣли: 1) одни должны служить страждущему человѣчеству, 2) другіе образовать изъ среды себя властей церковныхъ, доступныхъ исключительно монашествующимъ. *Первымъ* монахамъ вмѣнялось въ долгъ ходить за больными, ранеными воинами, за нищими, которыхъ предполагалось помѣщать въ монастыри, по два и по три человѣка на монаха. Нѣкоторые монахи должны были обрабатывать земли, отведенныя къ монастырямъ, чтобы трудомъ своимъ промышлять себѣ хлѣбъ. Такимъ образомъ, по предположенію Петра, монастыри превратились бы въ госпитали и богадѣльни. Тоже самое предполагалось и для женскихъ монастырей, монахини должны были прислуживать бѣднымъ, дряхлымъ и больнымъ и кромѣ того воспитывать сиротъ, для чего отдѣлены были нѣкоторые монастыри. Для приготовления *ученыхъ монаховъ* предполагалось учредить двѣ семинаріи, одну въ Петербургѣ, другую въ Москвѣ. Кромѣ того ученые монахи еще должны были писать книги для распространенія истинъ религіозныхъ въ народѣ.

Для покинутыхъ младенцевъ еще въ 1715 году Петръ приказалъ построить госпитали; въ Москвѣ—мазанку, а въ другихъ городахъ деревянные. Но число покинутыхъ младенцевъ быстро возрастало; ихъ положено было помѣщать въ женскіе и мужскіе монастыри, когда они подростутъ. Въ Москвѣ назначено было капитану гвардіи Баскакову раздѣлить доходы монастырскіе слѣдующимъ образомъ: удовлетворивъ монастырскія и церковныя потребности, раздѣлить весь доходъ на три доли; на двѣ содержать больныхъ, дѣлать нужное бѣлье и что положено имѣть при больницахъ, а третья доля на прислуживающихъ монаховъ, или монахинь. Въ монастыряхъ сиротскихъ—сумма, назначенная на больныхъ и увѣчныхъ должна быть обращена на младенцевъ. До пяти лѣтъ заботиться только о физическомъ воспитаніи дѣтей, о ихъ одеждѣ и здоровьи, а съ пятилѣтняго возраста монахини обязаны были учить ихъ грамотѣ; для этого при монастыряхъ учредилъ школы, въ которыхъ кромѣ грамоты еще введена была ариѳметика и геометрія.

Такъ какъ воспитательныхъ домовъ нельзя было устроить при всѣхъ женскихъ монастыряхъ, а мысль о праздности была ненавистна для Петра, онъ въ 1722 году прислалъ въ канцелярію синода 50 искусныхъ мастерицъ съ прядильнаго двора съ тѣмъ, чтобы и

разослать по монастырямъ—учить монахинь прядильному мастерству. Но при этомъ оговорено было, чтобы учить только молодыхъ и здоровыхъ монахинь и въ этому занятію не приневоливать слабыхъ, больныхъ и старыхъ, также и знатнаго происхожденія старицъ, къ такому дѣлу неспособныхъ.

Улучшеніе положенія бѣлаго духовенства тоже не было забыто: но это было еще труднѣе: потому что денежныхъ средствъ, необходимыхъ для этого не было. Еще прежде, чтобы улучшить бѣдственное положеніе священниковъ, Петръ ограничилъ ихъ число при церквахъ и освободилъ ихъ отъ обязанности покупать себѣ дома для жизни; тоже самое распоряженіе коснулось и дьяконовъ, и церковныхъ причетниковъ, но чтобы прилично содержать уменьшенное число духовенства, все-таки надобны были средства, а ихъ не было. На первый случай запрещено было строить новыя церкви, безъ разрѣшенія синода, запрещено было, безъ тщательнаго изслѣдованія синода, заводить домовыя церкви, потому что, онѣ отвлекаютъ прихожанъ отъ приходскихъ церквей и тѣмъ уменьшаютъ доходы приходскихъ священниковъ.

Объ образованіи дѣтей священниковъ, дьяконовъ и причетниковъ Петръ тоже думалъ; сначала онъ было позволилъ учиться тому, кто хочетъ, теперь же постановилъ, чтобы волею, или неволею, но дѣти всѣхъ церковно-служителей поступали въ школу.

Петръ заботился и о наружномъ приличіи во время богослуженія; онъ запретилъ разговаривать въ церквахъ, а лицамъ духовнаго званія въ церкви принимать прошенія, или выслушивать жалобы, когда идетъ богослуженіе, а архіереямъ въ церкви не выслушивать докладовъ подъячихъ и т. п.

По указанію государя, синодъ вызывалъ раскольниковъ присылать въ синодъ своихъ учителей для того, чтобы уличать ихъ въ заблужденіяхъ и, доказавъ имъ ихъ неправды, тѣмъ лишить ихъ приверженцевъ. Синодъ вызывалъ раскольническихъ учителей на споръ и давалъ имъ обѣщаніе не арестовать ихъ и отпустить, ежели даже въ мнѣніяхъ не согласятся. Срокъ былъ назначенъ и объявлено, что кто въ теченіе этого срока не явится на состязаніе и по прежнему будетъ продолжать распространять свое ученіе, тотъ подвергнется гражданскому суду и казни.

Но раскольническіе учителя для споровъ не являлись; но тѣмъ

не менѣе продолжали распространять свое ученіе. У раскольниковъ съ теченіемъ времени образовались отдѣльные толки, враждовавшіе между собою и согласные только въ томъ, что не признавали существующей и господствующей въ Россіи церкви. Члены синода печатали противъ раскольниковъ сочиненія, но тѣмъ нисколько не истребили раскола и не удержали его отъ расширенія.

Кромѣ обязанности бороться съ раскольниками и уничтожать расколы, синоду предписано было заботиться объ истребленіи суевѣрій. Синодъ издалъ нѣсколько постановленій для того, чтобы истребить очень сильно вкоренившіяся суевѣрія: напр. противъ обычая хранить артусъ въ теченіе года, или богоявленской святой воды; доказывалось, что нѣтъ надобности дѣлать золотыя и серебряныя ризы на иконы и что душеспасительнѣе деньги назначать на школы, или богоугодныя заведенія. Приказано было разорить нѣсколько лишнихъ часовенъ и отмѣнить нѣкоторые крестные ходы. Но такая преувеличенная ревность породила ропотъ въ народѣ и приказаніе это было измѣнено.

Юродивыхъ въ Россіи водилось много; такъ какъ многіе изъ нихъ были совсѣмъ не полоумные, а напротивъ хитрые обманщики, то противъ нихъ было издано повелѣніе: разобравъ, что это за люди, истинно слабоумныхъ помѣстить въ монастырскія больницы, а съ обманщиковъ строго взыскать. Но суевѣріе въ народѣ можетъ быть истреблено только образованіемъ, по этому положено было указомъ читать толкованіе заповѣдей Божіихъ, особенно готовящимся къ принятію св. Таинъ; въ указѣ было сказано, читать заповѣди затѣмъ, чтобы всякій вникнулъ въ свою совѣсть, взвѣсилъ свои прегрѣшенія и приготовился къ покаянію. Кромѣ того синоду приказано было написать катехизисъ, по образцу существующихъ въ другихъ государствахъ, иныхъ вѣроисповѣданій.

Образъ жизни общественный еще въ Москвѣ потерпѣлъ большія измѣненія съ той минуты, когда женщины перестали быть затворницами, когда старый русскій костюмъ замѣнился европейскимъ. Но переменна эта въ Москвѣ находила много противниковъ; вѣковыя привычки трудно сбрасывались въ мѣстахъ, гдѣ жили отцы и дѣды по старинѣ; гдѣ странно было видѣть рядомъ модный европейскій костюмъ съ душегрѣйкой и сарафаномъ старой боярыни.

За то въ Петербургѣ Петръ наслаждался своей новой, европей-

ской столицей; тутъ и костюмы все европейскіе, и дома построены безъ теремовъ, съ окнами на улицу; самый Невскій проспектъ, улица длинная, прямая, широкая, вымощенная плитами и камнемъ не напоминала узкихъ кривыхъ улицъ Москвы. Плѣнные шведы проложили Невскій проспектъ, вымостили его, усадили длинной прямой аллеей съ лужайками по сторонамъ и каждую недѣлю мели его.

Прочныхъ построекъ было еще немного, но всѣ, какія были, носили отпечатокъ европейской архитектуры: у домовъ входъ бывалъ не со двора, а прямо съ улицы. Жители Петербурга составляли, какъ бы одно большое семейство, веселились и работали вмѣстѣ, подъ надзоромъ царя. Петръ отъ ранней молодости любилъ общественныя увеселенія и характеръ этотъ невольно сообщился жителямъ новой столицы.

Нѣмецкіе музыканты въ полдень играли на трубахъ и на флейтахъ. На Троицкой площади стояла *аустерія*, гостинница, куда, слѣдомъ за Петромъ, или и сами собою ежедневно приходили почетные члены города и правительственныя лица, чтобы выпить рюмку водки и закусить; здѣсь же, передъ аустеріей, дѣлали обыкновенно фейерверки и иллюминаціи. Тутъ же, на открытомъ воздухѣ, устроенъ былъ досчатый сарай, и въ немъ давали театральныя представленія.

Въ торжественные праздники, около пяти часовъ пополудни, на Царицыномъ лугу выстраивались гвардейскіе полки, и самъ царь угощалъ ихъ виномъ и пивомъ. Въ саду у фонтана сидѣла царица съ своимъ дворомъ и, надобно сказать, что европейскіе обычаи здѣсь уже вполнѣ вытѣснили старые русскіе; дворъ великолѣпнѣмъ костюмовъ не уступалъ любому германскому двору, за то личный дворъ царя былъ простъ; у него всѣ придворные чины замѣнялись деньщиками. Въ саду угощеніе тоже было очень незамысловатое; пили вино и пиво, и то и другое гренадеры приносили въ большихъ деревянныхъ чанахъ. Высшее духовенство участвовало въ этихъ праздникахъ и веселилось не меньше остальныхъ гостей. Лѣтомъ въ открытой галереѣ сада, со стороны Невы, начинались танцы и продолжались до полуночи.

Въ день полтавской битвы, на площади Троицкаго собора обыкновенно раскидывали палатку съ походною церковью. Петръ надѣвалъ тотъ самый костюмъ, какой на немъ былъ въ день побѣды,

т. е. зеленый кафтанъ съ красными отворотами, съ кожаной черною португеей; на ногахъ—зеленые шерстяные толстые чулки и старые изношенные башмаки, въ правой рукѣ пика, подъ лѣвою мышкою старая шляпа.

Самое сильное угощеніе бывало въ день спуска корабля, тутъ обыкновенно вино лилось рѣкою и Апраксинъ и Данилычъ (Меншиковъ) выпивали лишнее. Апраксинъ заливался слезами, а Данилычъ падалъ на стулъ, на скамейку и засыпалъ мертвымъ сномъ.

Одно изъ любимыхъ общественныхъ удовольствій въ *парадизъ* было катанье по Невѣ. У жителей Петербурга, для удобнѣйшаго сообщенія по большой рѣкѣ, были парусныя и гребныя суда, полученные по большей части изъ казны безденежно. Вся эта рѣчная флотилія называлась Невскимъ флотомъ; у нея былъ свой адмиралъ. По воскресеньямъ, или когда вздумается, въ извѣстномъ мѣстѣ выставлялся флагъ съ пушечнымъ выстрѣломъ; немедленно весь невскій флотъ распускалъ вымпела, и флаги; паруса и весла сверкали на солнцѣ, и вся флотилія собиралась къ вѣрѣности; кто не являлся—платилъ штрафъ. Царь съ царицею и со всѣмъ дворомъ принимали участіе въ этомъ катаньи; у многихъ богатыхъ людей на лодкахъ бывалъ хоръ музыкантовъ, или пѣсенниковъ; катанье продолжалось по нѣскольку часовъ и отмѣнялось только по причинѣ сильнаго восточнаго вѣтра.

Маскарады были тоже не только общимъ, но даже обязательнымъ для всѣхъ увеселеніемъ; распредѣлялось, кому въ какомъ костюмѣ являться. Изъ Петровскихъ вельможъ гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ отличался особенно Апраксинъ; нигдѣ не угощали такъ радушно, нигдѣ такъ много не пили; самъ хозяинъ внимательно слѣдилъ за гостемъ и ежели тотъ не пилъ, подходилъ къ нему, кланялся въ поясъ, просилъ сдѣлать ему честь, не обидѣть его и когда гость наконецъ склонялся на просьбу хозяина, то онъ радостно восклицалъ. Совсѣмъ не такъ принималъ скупой канцлеръ, графъ Головкинъ; онъ угощалъ мало, сухо, и отбивалъ у гостей охоту приходить къ нему; въ пріемной комнатѣ, на почетномъ мѣстѣ на стѣнѣ висѣлъ его пышный парикъ, котораго онъ по скупости никогда не надѣвалъ.

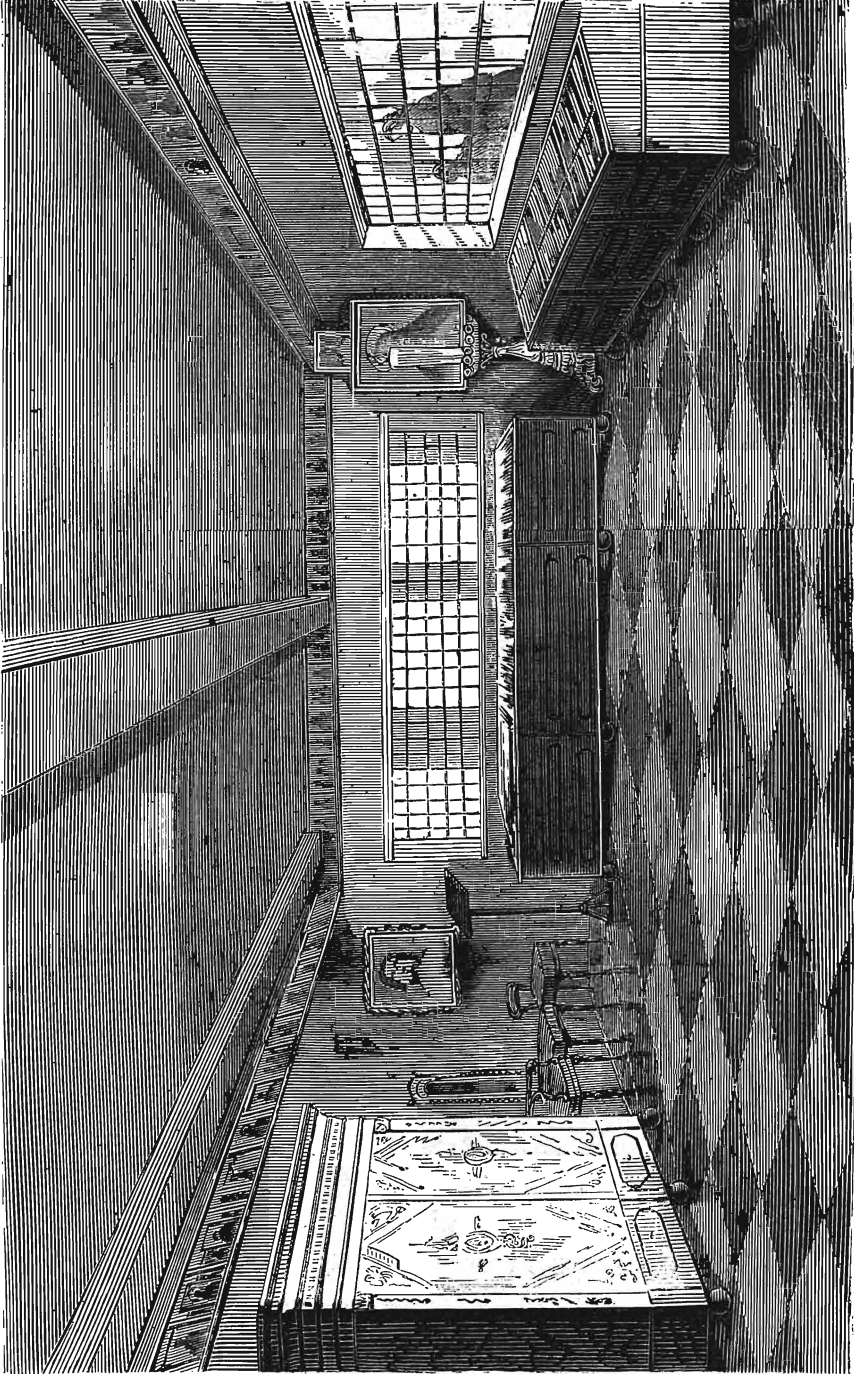
Столько же обязательнымъ общественнымъ увеселеніемъ, какъ общее катанье по Невѣ были ассамблеи. Въ 1718 году были вы-

даны правила, на каѣхъ собираться ассамблеямъ. Это собраніе вольное, или ассамблея, учреждалось не только для забавы столичныхъ жителей, но и для дѣла, потому что тутъ можно было видѣться съ кѣмъ угодно и переговорить о дѣлѣ.

Хозяинъ дома, гдѣ назначалось быть ассамблеѣ, или письмами, или вѣвѣскою, или другимъ какимъ знакомъ давалъ знать, что домъ его готовъ принять гостей и къ нему можетъ идти всякій знакомый и незнакомый, мужчина и дама. Ассамблея начиналась въ 5, или въ 4 часа пополудни и продолжалась до 10 ч. вечера. Хозяинъ не былъ обязанъ встрѣчать и провожать гостей, или угощать ихъ; могъ даже не быть дома. Но онъ обязанъ былъ очистить нѣсколько комнатъ, приготовить столы, свѣчи, игры на столахъ, питье для тѣхъ, кто попроситъ. Каждый могъ пріѣзжать и уѣзжать, когда угодно въ назначенное для ассамблеи время. Всякій на ассамблеѣ дѣлалъ, что хотѣлъ: могъ сидѣть, ходить, играть, курить и пить; вставанье, провожанье и всякія другія церемоніи строго запрещались, подѣ опасеніемъ штрафа *великаго орла*, т. е. вмѣсто штрафа надобно было выпить огромный кубокъ вина. Только при первомъ появленіи и при отъѣздѣ—присутствующіе кланялись. Въ ассамблеи могли ходить, начиная съ высшихъ чиновъ до оберъ-офицеровъ и дворянъ; туда же допускались знатные купцы и начальные мастеровые люди; слугамъ и лакеямъ въ ассамблеи входить не позволялось; они должны были оставаться въ сѣняхъ. Дамы участвовали въ ассамблеяхъ и тамъ иногда бывали танцы.

Такимъ образомъ Петръ воспитывалъ народъ свой! Онъ своею дѣятельностію хотѣлъ пробудить дѣятельность своего народа, онъ его училъ и заниматься, и веселиться. Ему хотѣлось, чтобы всѣ окружающіе работали и веселились отъ избытка силъ душевныхъ, какъ онъ.

Силы физическія соотвѣтствовали духовной энергіи Петра; для него утомленіе, какъ бы не существовало; онъ даже не нуждался въ продолжительномъ снѣ; онъ спалъ только короткое время и сонъ его часто прерывался; какая нибудь мысль, какое нибудь предположеніе мелькали у него; онъ вставалъ ночью, будилъ своего денщика, приказывалъ зажечь свѣчку, подать себѣ аспидную доску и записывалъ на ней то, что ему приходило въ голову. Послѣ этого

Кабинетъ въ домикъ Петра Великаго.

опять тушилъ свѣчку и засыпалъ на короткое время. Онъ обыкновенно вставалъ и лѣтомъ, и зимою въ 3 или 4 часа и не одѣваясь въ холстинномъ камзолѣ и ночномъ колпакѣ садился къ своему письменному столу и занимался: набрасывалъ проекты указовъ, чертилъ планъ канала, пересматривалъ переводы, или читалъ и поправлялъ вновь выходящій номеръ газеты. Также рано вставали и министры и уже въ пятомъ часу являлись съ докладами; Петръ слушалъ докладъ, давалъ рѣшеніе и въ то же время одѣвался; въ 5 или въ 6 часовъ онъ уже выходилъ изъ дому; позавтракавъ наскоро, онъ отправлялся въ Сенатъ, въ коллегіи, или шель осматривать начатыя городскія работы, или постройку корабля, нерѣдко самъ бралъ топоръ, пилу или долото и работалъ вмѣстѣ съ простыми работниками. Около полудня онъ отправлялся въ аустерію и, выпивъ рюмку водки, закусывалъ чѣмънибудь незатѣйливымъ. Обѣдалъ онъ обыкновенно въ часъ и обѣдъ продолжался не больше получаса; онъ считалъ время, проведенное за столомъ, потеряннымъ и потому такъ тяготился парадными, продолжительными обѣдами. Послѣ обѣда онъ ложился отдохнуть и спалъ часа полтора, или два. Послѣ сна онъ опять занимался дѣлами, выслушивалъ бумаги, составленныя и написанныя по замѣчаніямъ и указаніямъ, сдѣланнымъ поутру; иногда писалъ собственноручно указы и письма. Иногда и даже довольно часто назывался обѣдать къ комунибудь изъ своихъ приближенныхъ; онъ располагался, какъ у себя дома, ложился спать послѣ обѣда, занимался дѣлами въ кабинетѣ хозяина, принималъ гостей и проводилъ иногда и вечеръ тутъ же въ разговорахъ съ министрами, генералами, морскими офицерами и иностранцами. Онъ любилъ играть въ шахматы и даже въ путешествіяхъ и походахъ возилъ съ собою шахматы и складную доску.

Но любимое его занятіе въ минуты отдыха было точеніе; его токарный станокъ рѣдко отдыхалъ; онъ съ большимъ искусствомъ точилъ изъ слоновой кости и дерева; такія прекрасно выточенные вещи и до сихъ поръ хранятся въ кунсткамерѣ и въ петровскомъ отдѣленіи при Эрмитажѣ.

Петръ никогда не оставался безъ дѣла; даже во время путешествія сухимъ путемъ, пока перепрягали лошадей, онъ писалъ письма, или проекты, или указы и разсылалъ ихъ съ дороги; гонимая его непрерывно работала; о морскихъ, или водяныхъ поѣзд-

вахъ и говорить нечего, тутъ онъ работалъ и писалъ, какъ дома, даже еще больше. Сколько онъ успѣлъ написать собственноручно — изумительно и показываетъ до какой степени находился онъ въ постоянно возбужденномъ состояніи; почти всѣ регламенты написаны имъ собственноручно вчернѣ, о приказахъ и письмахъ говорить нечего.

ГЛАВА XXX.

Законъ о престолонаслѣдіи. Коронація императрицы Екате­рины. Пере­несеніе мощей Св. Александра Невскаго. Волѣзнь Петра и его выдо­роженіе. Происшествіе у Лажты. Дѣло Моисовъ. Обрученіе герцога Гол­штинскаго съ цесаревною Анною Петровной. Волѣзнь Петра. Его кон­чина. Избраніе на престоль Екате­рины. Похороны императора.

Петръ, какъ творецъ, смотрѣлъ съ любовью на новосозданное имъ государство; онъ зналъ, что воспитаніе его подданныхъ еще не окончено, онъ видѣлъ, сколько надобно дѣлать впереди, чтобы посаженные имъ сѣмена не заглохли; онъ сознавалъ, что дальнѣй­шая судьба Россіи зависитъ отъ того, кому послѣ него достанется кор­мило, еще неустроенной, но сложной машины правленія. Его печали­ла мысль, что нѣтъ подлѣ него твердаго, сильнаго законнаго наслѣдника; онъ опасался, что послѣ него просвѣщеніе опять заглохнетъ и всѣ его труды, всѣ кровныя пожертвованія будутъ бесполезны. Мысль о томъ, кому передать государство, кого оставить послѣ себя наслѣдникомъ тяжелымъ камнемъ лежала на душѣ великаго преобразователя и тревожила его современниковъ.

Старшій сынъ Петра—царевичъ Алексѣй—явился противникомъ новизны, выказалъ косябующій духъ, старины и отецъ, изъ любви къ отечеству, изъ заботы не дать погибнуть своимъ начинаніямъ, погасилъ въ себѣ врожденную любовь и пожертвовалъ сыномъ, какъ пожертвовалъ его матерью и сестрами. Наслѣдникомъ престола объ­явленъ былъ второй сынъ императора царевичъ Петръ; на немъ сосре­доточились всѣ надежды отца; онъ строилъ планы, какъ его воспи­тывать; но царевичъ не дожилъ даже до пятилѣтняго возраста и

скончался. Петръ горько, неутѣшно плакалъ надъ его гробомъ; онъ вмѣстѣ съ сыномъ хоронилъ всѣ лучшія, свѣтлыя надежды на будущее.

Оставался шестилѣтній внукъ, Петръ Алексѣевичъ, младенецъ, прекрасный собою, нѣжный, слабого сложенія; о характерѣ его еще ничего нельзя было сказать; но Петръ не рѣшался назначить его наслѣдникомъ престола; вся партія царевича Алексѣя, теперь притихшая и скрывшаяся, при малолѣтнемъ сынѣ его могла ободриться, захвативъ правленіе въ свои руки, отстранить всѣхъ сподвижниковъ Петра и опять-таки воскресить старину и погубить молодую Россію. Въ лицѣ сына царевича Алексѣя могла воскреснуть вся старина; въ притаившихся приверженцахъ ея скрывалась гибельная сила, и ея-то Петръ болѣе всего опасался.

Забота о томъ, кому оставить послѣ себя престолъ волновала великаго преобразователя, и онъ во время торжествъ, происходившихъ по случаю заключенія Ништадтскаго мира, издалъ уставъ о наслѣдіи престола, въ которомъ высказались опасенія, волновавшія его. Въ уставѣ говорилось о томъ, что царевичъ Алексѣй примѣромъ своимъ доказалъ, какъ недостойнъ былъ наслѣдства, и только по милости Божіей Россія избавилась отъ бѣдствій, какія ожидали ее, ежели бы этотъ недостойный наслѣдникъ только вслѣдствіе своего первородства сдѣлался наслѣдникомъ русскаго престола. Далѣе доказывалъ изъ примѣровъ священнаго писанія и изъ русской исторіи, что отцы лишали своихъ дѣтей наслѣдства, если они того не стоили и что съ цѣлью отвратить такого рода несправедливости въ частной жизни, еще и прежде, въ 1714 году, былъ изданъ указъ, по которому каждый частный человѣкъ можетъ свое имѣніе оставлять достойнѣйшему изъ своихъ потомковъ, не обращая вниманія на старшаго. Ежели такія права даны частному человѣку, то тѣмъ скорѣе ими долженъ пользоваться государь, на столько увеличившій свое государство, какъ это всѣмъ извѣстно. Поэтому Петръ постановлялъ, чтобы царствующій государь пользовался правомъ назначать себѣ наслѣдникомъ, кого захочетъ; ежели замѣтитъ, что выборъ сдѣланъ неудачно, то отмѣнять свой выборъ для того, чтобы дѣти и потомки его не впали въ тѣ же вины и пороки, какъ выше сказано, и чтобы всегда чувствовали на себѣ узду.

Не довольно было Петру этого устава, онъ еще хотѣлъ его

подкрѣпить и оправдать заступничествомъ лица духовнаго и потому поручилъ Теофану Прокоповичу написать сочиненіе на эту тему и его сочиненіе вышло подъ заглавіемъ: «*Правда воли монаршей.*»

Чтобы дать больше силы и законности новому уставу о престолонаслѣдіи приказано было присягать ему; но присягали неохотно, не хотѣли цѣловать креста, во вредъ законному наслѣднику, внуку царствующаго государя; произошло волненіе, но его потушили.

Манифестъ этотъ отнималъ прирожденныя права у великаго князя Петра Алексѣевича и онъ могъ получить наслѣдство только въ такомъ случаѣ, когда заслужить его и когда дѣдъ изъявить на то свою волю. Но если не избереть его, кого же императоръ назначить послѣ себя, неужели совершенно чужаго? Въ церквахъ поминали царскую фамилію такъ, что великій князь Петръ Алексѣевичъ стоялъ ниже дочерей императора Петра. Объ этомъ съ безпокойствомъ толковали въ Россіи и при Вѣнскомъ дворѣ; опасались, чтобы Петръ не передалъ правъ на наслѣдство одной изъ своихъ дочерей и поэтому на супружество ихъ смотрѣли, какъ на предметъ первой важности. Вѣнскій дворъ считалъ своею обязанностію защищать права своего племянника по матери, великаго князя Петра Алексѣевича и потому вошелъ съ представленіемъ къ петербургскому двору о томъ, что маленький Петръ Алексѣевичъ получаетъ воспитаніе, которое не можетъ быть достойно будущаго дѣятеля, что онъ окруженъ женщинами, отъ ихъ вліянія характеръ его сдѣлается женственнымъ, и онъ можетъ сдѣлаться неспособнымъ къ обязанностямъ великаго князя. Посланникъ представлялъ это Петру и въ заключеніи отчета прибавилъ: изъ всего этого видно, что онъ хочетъ лишитъ престола великаго князя Петра Алексѣевича; но что хорошаго можетъ выйти изъ этого? Ничего, кромѣ нарушенія союза между двумя имперіями.

Дѣло о предполагаемомъ бракѣ Анны Петровны все еще ничѣмъ не оканчивалось; оно тянулось въ нерѣшительныхъ переговорахъ; Петръ все еще не отказывался отъ своего намѣренія выдать свою младшую дочь за французскаго короля Людовика XV. Но все это еще не обезпечивало престолонаслѣдія; Петръ не дѣлалъ никакихъ распоряженій, онъ видимо самъ былъ въ нерѣшительности. Въ 1723 г. Петръ рѣшился короновать Екатерину, и 15 ноября появился указъ, такого содержанія: «такъ какъ въ западныхъ государствахъ и въ

древней греческой имперіи былъ обычай короновать супругъ государей, то и Петръ въ награду за труды и услуги, оказанныя какъ лично ему, такъ и государству, и такъ какъ государыня, забывъ свое женское безсиліе, раздѣляла его военныя опасности и лишенія, то онъ намѣренъ наградить свою вѣрную супругу, особенно за мужество и твердость, оказанныя его во время отчаяннаго положенія у Прута, какъ это извѣстно всей арміи, и всему государству; поэтому *мы намѣреваемся данною намъ отъ Бога самовластію за такіе супруги нашей труды короновать ее и т. д.»

Но коронація была отложена: государь заболѣлъ и опасно, и мучительно; онъ долго скрывалъ свою болѣзнь отъ докторовъ, но принужденъ былъ наконецъ обратиться къ нимъ за помощію, и ему посовѣтовали ѣхать на Олонецкія минеральныя воды, которыя онъ употреблялъ и прежде. Весною 1724 года Петръ отправился на воды и не только лечился, но и осматривалъ тамошніе заводы и верфь.

Но такія занятія не нравились докторамъ; по ихъ требованію государь оставилъ всѣ занятія и исключительно лечился, но совсѣмъ безъ дѣла оставаться не могъ: онъ дѣлалъ самыя подробныя распоряженія на счетъ коронаціи императрицы и точилъ особенно усердно. Онъ выточилъ изъ кости прекрасное паникадило и пожертвовалъ его въ церковь Св. Апостоловъ Петра и Павла, гдѣ оно и до сихъ поръ находится.

На водахъ пробылъ Петръ двѣ недѣли и 15 марта со всѣмъ дворомъ своимъ отправился въ Москву, гдѣ уже все было готово для коронаціи; собрались иностранные министры, принцы и всѣ русскіе государственныя чины, начальники губерній и представители всѣхъ сословій. Для императрицы была учреждена почетная конная стража подъ названіемъ *кавалергардовъ*, въ роскошныхъ и красивыхъ мундирахъ все изъ людей большого роста, всего 68 человекъ, на крупныхъ и красивыхъ вороныхъ лошадяхъ въ богатой сбруѣ.

Отъ Краснаго крыльца до Успенскаго собора было постлано красное сукно, а оттуда до Архангельскаго собора. По срединѣ Успенскаго собора было устроено чертожное мѣсто, съ 12 ступенями, окруженное богатыми перилами и обитое алымъ бархатомъ съ золотыми галунами; тутъ поставлены были два трона, украшенные драгоценными камнями и столъ для императорскихъ регалій. Надъ

этимъ возвышеніемъ, на золотыхъ шнурахъ съ кистями изъ массивнаго золота, раскинуть былъ балдахинъ съ гербами главнѣйшихъ губерній, вышитыми золотомъ. Персидскіе золотые ковры покрывали полъ, отъ ступеней до алтаря; на нихъ же по сторонамъ стояли богато убранныя скамьи для духовенства. Подлѣ клироса были приготовлены царскія мѣста для слушанія литургіи. Еще были приготовлены мѣста, въ видѣ амфитеатра, для иностранныхъ министровъ и знатнѣйшихъ придворныхъ лицъ.

За два дня передъ коронаціей по городу разѣзжали герольды и возвѣщали о коронаціи.

Въ 10 часовъ утра началось торжество; показалось шествіе: впереди шла одна половина кавалергардовъ, за ними пажи съ гофмаршаломъ, далѣе церемоніймейстеръ съ жезломъ, за нимъ депутаты, высшіе военные и гражданскіе чины; за ними два герольдмейстера въ красныхъ бархатныхъ одеждахъ съ вышитыми гербами; они шли передъ императорскими регаліями, которыя несли на глазетовыхъ подушкахъ. Вслѣдъ за регаліями, за оберъ-гофмаршаломъ, шелъ императоръ и императрица, у обоихъ по ассистенту съ каждой стороны. Всѣ были въ шитыхъ золотомъ парадныхъ костюмахъ, даже самъ императоръ надѣлъ шитый серебромъ голубой шелковый кафтанъ, вышитый самою императрицей и подаренный ею. Платье императрицы было особенно роскошно; весь дворъ и войско были одѣты блистательно.

Духовенство встрѣтило процессію съ крестами и святою водою, на паперти и вслѣдъ за нимъ Петръ ввелъ императрицу въ храмъ, взявъ ее за руку, возвелъ на чертожное мѣсто и посадилъ на тронъ, стоявшій рядомъ съ его трономъ. Духовенство и всѣ присутствующіе заняли свои мѣста. Пѣніе, колокольный звонъ и пушечная стрѣльба прекратились. Петръ взялъ скипертъ, всталъ, велѣлъ оберъ-гофмаршалу пригласить архіереевъ къ трону и сказалъ имъ, когда они подошли, что намѣреніе его короновать свою супругу имъ извѣстно изъ манифеста, поэтому проситъ ихъ приступить къ совершенію этого обряда, по чину церковному. Архіепископъ Новгородскій Θεодосій, подошелъ къ императрицѣ и спросилъ: «Како вѣруеши?» Императрица прочитала символъ вѣры; архіепископъ громко благословилъ ее: «Благодать Пресвятаго Духа да будетъ съ тобою!» прочіе тихо повторили то же. Начался обрядъ коронаціи.

Императоръ, не выпуская скипетра изъ рукъ, взявъ порфиру, надѣлъ ее на плечи Екатерины, потомъ тоже принявъ изъ рукъ архіепископа корону, возложилъ ей на голову и далъ въ руки державу. Церковному гнѣнію вторилъ колокольный звонъ и неумолкаемые ружейные и пушечные выстрѣлы. Духовенство и государственные чины поздравили императрицу, поклонившись ей три раза.

Императоръ и императрица положили на столъ скипетръ и державу, сошли съ трона и слушали литургію на обычномъ царскомъ мѣстѣ; когда пришло время, Петръ взявъ супругу свою за руку и подвелъ ее къ царскимъ вратамъ; она стала на колѣни, архіепископы Новгородскій и Псковской помазали ее мѣромъ, приобщили Святыхъ Таинъ и подали ей антидоръ и вино. Послѣ обряда омовенія рукъ и лица, императрица возвратилась на свое мѣсто; архіепископъ Псковской сказалъ краткую рѣчь и поздравилъ ее отъ имени духовенства, всѣхъ государственныхъ чиновъ и народа.

Изъ Успенскаго собора шестіе, прежнимъ порядкомъ, пошло въ Архангельскій соборъ, но императоръ не могъ дальше участвовать; онъ чувствовалъ нездоровье. Императрица шла подъ балдахиномъ, Меншиковъ за нею бросалъ въ народъ направо и налево золотые и серебрянные жетоны, по этому поводу выбитые. Приложившись къ мощамъ царевича Дмитрія, отслушавъ молебствіе и поклонившись гробамъ царей, Екатерина вышла изъ церкви и поѣхала въ богатой каретѣ въ дѣвичій Вознесенскій монастырь—поклониться гробамъ русскихъ государынь.

Возвратившись въ Кремль, государыню еще разъ поздравилъ самъ императоръ и всѣ государственные чины. Въ Грановитой палатѣ приготовлены были великолѣпные обѣденные столы съ роскошью, какою поражали древніе обѣденные столы русскихъ царей. Обѣдъ длился долго; не дождавшись конца его, Петръ всталъ, подошелъ къ открытому окну и разговаривалъ съ Астраханскимъ губернаторомъ, а самъ смотрѣлъ на разгульное веселье народа, который пировалъ за столами, терзалъ двухъ огромныхъ быковъ, изжаренныхъ цѣликомъ и начиненныхъ домашними и дикими птицами; фонтаны били краснымъ и бѣлымъ виномъ, его черпали ковшами, стаканами и чашками.

Послѣ обѣда, всѣмъ гостямъ Меншиковъ роздалъ большія золотыя медали, выбитыя въ память коронаціи. Съ одной стороны были

изображенія императора и императрицы, съ другой Петръ — надѣ-
вающій корону на Екатерину. Празднества продолжались девять
дней; но Петру тяжело было присутствовать на нихъ, здоровье его
опять пошатнулось, и онъ отправился на подмосковныя минеральныя
воды, при желѣзныхъ заводахъ Миллера. Но уединеніе и бездѣйствіе
не нравились Петру; черезъ нѣсколько дней онъ опять возвратился
въ Москву; онъ немного отдохнулъ и потому былъ бодрѣе и ве-
селѣе.

Въ дни, когда онъ чувствовалъ себя лучше, онъ еще дѣятельнѣе
обыкновеннаго занимался дѣлами; онъ какъ бы предчувствовалъ,
что ему недолго остается жить. Юня 16, онъ со всѣмъ дворомъ
своимъ простился съ Москвою и отправился въ Петербургъ. Но и
тутъ не нашелъ онъ покоя: ѣздилъ въ Кронштадтъ, Петергофъ, при-
сутствовалъ при освященіи церкви въ Царскомъ селѣ, осматрѣлъ ру-
жейный заводъ въ Сетрорѣцкѣ и наконецъ отправился осматрѣть ра-
боты на Ладожскомъ каналѣ; здѣсь ожидала его радость, часть канала
была готова; работа вездѣ оказалась прочная и совѣстливо исполнен-
ная; она радовала Петра; онъ даже пришелъ въ восторгъ, кинулъ шля-
пу вверхъ и воскликнулъ — ура! Возвратившись въ Петербургъ Петръ
и въ Сенатѣ, и дома императрицѣ не переставалъ хвалить Миниха
и увѣрялъ, что такого дѣльнаго и знающаго иностранца еще не
видывалъ. Лихорадочною дѣятельностію Петръ, какъ будто старался
заглушить свои физическія страданія, которыя со дня на день уси-
ливались; онъ дѣлалъ внутреннія распоряженія по государству, какъ
заботливый отецъ и правитель. Наступило 30 августа, день Ништадт-
скаго мира; въ этотъ день готовилось для Петербурга новое тор-
жество. Въ память завоеваній своихъ, Петръ построилъ монастырь
на берегахъ Невы; теперь онъ намѣревался еще болѣе освятить
этотъ монастырь — перенести въ него мощи Св. Князя Александра
Невскаго, перваго побѣдителя шведовъ. Св. мощи торжественно везли
изъ Владиміра и въ день третьей годовщины Ништадтскаго мира
ихъ съ большою торжественностію перенесли въ новопостроенный
монастырь въ честь Александра Невскаго.

Самъ Петръ на своей галерѣ со всѣми важнѣйшими сановниками
встрѣтилъ священную галеру, за семь верстъ отъ Петербурга. Мощи
благоговѣнно перенесли на богато-убранную галеру; самъ государь
взялся за руль, а адмиралы и первыхъ чиновъ генералы взялись

за весла; при неумолкаемом колокольномъ звонѣ и при пушечныхъ выстрѣлахъ галера остановилась у пристани.

Императоръ и важнѣйшіе сановники подняли святую раку и понесли ее подъ балдахиномъ въ монастырь; народъ бросился ницъ и молился усердно. Духовенство встрѣтило процессію передъ монастыремъ, а за оградю ожидала ее императрица съ цесаревнами, иностранными принцами, съ герцогинями Мекленбургскою и Курляндскою, присоединились къ процессіи и вмѣстѣ съ нею вошли въ церковь. Въ придѣлѣ, вновь освященномъ, переложили мощи Св. Угоднива въ новую серебряную раку и поставили на приготовленное мѣсто. Торжество церковное и народное продолжалось трое сутокъ.

Здоровье императора было въ очень дурномъ состояніи; наконецъ призванъ былъ лейбъ-медикъ Блументростъ; онъ ужаснулся, увидѣвъ опасное положеніе государя, и не рѣшался лечить его одинъ: на консиліумъ пригласили изъ Москвы доктора Бодлоо и англійскаго хирурга Горна. Рѣшено было сдѣлать мучительную, но необходимую операцію; ее сдѣлали. Двѣ недѣли опасность была велика: государь находился между жизнью и смертью; доктора ни на минуту не отходили отъ постели больного; наконецъ болѣзнь должна была уступить употребленнымъ средствамъ и атлетической силѣ государя; онъ началъ поправляться и уже ходилъ по комнатамъ; казалось, что онъ окончательно вылечится отъ своей болѣзни. Но съ возвращеніемъ здоровья и силъ, возвратились заботы и жажда къ дѣятельности; онъ не могъ долѣе оставаться въ комнатахъ. Въ началѣ октября, Петръ призвалъ къ себѣ Блументроста, приказалъ ему осмотрѣть походную аптечку и объявилъ, что отправляется въ дальнюю экспедицію. Напрасно докторъ уговаривалъ, просилъ, умолялъ государя отказаться отъ этой поѣздки, но все было бесполезно. Дальняя поѣздка продолжалась цѣлый мѣсяць: Петру надобно было побывать въ Шлюссельбургѣ, на Ладожскомъ каналѣ и на Оленецкихъ желѣзныхъ заводахъ, гдѣ собственноручно выковалъ полосу желѣза въ три пуда вѣсомъ. Сдѣлалъ еще путешествіе въ Старую-Ладугу, Новгородъ и черезъ Ильмень въ Старую-Русу; осмотрѣлъ тамошніе соловарни и въ октябрѣ возвратился въ Петербургъ; здоровье даже поправилось отъ этой поѣздки и онъ дня два спустя хотѣлъ еще осмотрѣть Сестрорѣцкій оружейный заводъ.

Государь на небольшой шлюбкѣ выѣхалъ 29 октября подъ вечеръ; погода была осенняя, холодная и мрачная; дулъ сильный вѣтеръ; волны бѣшено метались, государь продрогъ и приказалъ пристать къ берегу у Лахты. Въ ту минуту, когда государь вышелъ на берегъ, большой транспортный ботъ съ солдатами и матросами, шедшій изъ Кронштадта, былъ выброшенъ на мель, волны били въ сѣвшій на мель ботъ и гибель солдатъ и матросовъ была неизбежна. Государь тотчасъ принялъ мѣры, чтобы спасти погибающихъ; онъ послалъ имъ на помощь свою шлюбку, распоряжался съ берега, горячился, кричалъ, командовалъ и сердился на недогадливость и нераспорядительность посланной команды; выведенный изъ терпѣнія самъ Петръ вскочилъ наконецъ въ маленькую лодочку и самъ поѣхалъ на мѣсто крушенія. Лодка остановилась въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ потопленнаго бота. Забывая о своемъ нездоровьи, Петръ видѣлъ только, что солдаты кругомъ него тонуть; онъ выскочилъ изъ лодки въ воду по поясъ и оставался въ этомъ положеніи, пока не вытащилъ послѣдняго утопавшаго и такимъ образомъ спасъ всѣхъ до одного.

Петръ остался ночевать на Лахтѣ, но въ ночь у него сдѣлался сильный ознобъ; онъ не поѣхалъ въ Сестрорѣцкѣ, пролежалъ нѣсколько дней больной на Лахтѣ и возвратился въ Петербургъ 2 ноября. Казалось, простуда не имѣла дурныхъ послѣдствій, а между тѣмъ прежнее нездоровье возвратилось съ новой силой, но больной по обыкновенію не обращалъ на него вниманія и оно возростало.

Непріятности съ молодыхъ лѣтъ сильно дѣйствовали на Петра, когда онъ былъ и здоровъ, и силенъ, какъ же должны были онѣ дѣйствовать теперь? Открылось, что любимецъ царицы, правитель ея вотчинной канцеляріи, камергеръ Монсъ, братъ Анны Монсъ, извѣстной тѣмъ, что была первая любимая Петромъ европейская женщина, попался въ лихоимствѣ. Порокъ этотъ былъ ненавистенъ Петру, и онъ преслѣдовалъ взяточничество съ неумолимою жестокостью. Монса судили, вмѣстѣ съ его сестрою Матреною Монсъ, бывшею замужемъ за генераломъ Балкомъ; какъ любимцы императрицы и ея приближенные, они торговали ея милостями, брали взятки и вымаливали у нея того, чего хотѣли. Виновные были осуждены; императрицѣ было жалъ ихъ; она со слезами, на колѣняхъ, молила за виновныхъ, но не могла тронуть императора; онъ не могъ про-

стить того, что даже приближенные къ семейству его люди не могутъ быть честными. Матрену Балъ наказали кнутомъ и сослали въ Тобольскъ; камергера Монса казнили смертью; его секретарь тоже наказанъ былъ кнутомъ и сосланъ въ 10-лѣтнюю каторжную работу; такъ какъ въ этомъ дѣлѣ попался также извѣстный шутъ царскій Балакиревъ, то и его били батогами и на три года сослали въ Рогервикъ.

Къ непріятностямъ отъ исторіи Монса еще присоединилась другая, такая же чувствительная непріятность: неисправимый Меншиковъ своимъ ненасытимымъ корыстолюбіемъ навлекъ на себя негодованіе императора; онъ принужденъ былъ отнять у него мѣсто президента военной коллегіи и удалить отъ себя; президентомъ военной коллегіи былъ назначенъ Репнинъ. Члены высшаго суда также были обвинены во взяточничествѣ. Петръ судилъ виновныхъ, наказывалъ ихъ, но самъ глубоко страдалъ при видѣ безчестности людей близкихъ и какъ всегда, непріятности, досада и тревога душевная имѣли сильное, разрушительное вліяніе на его здоровье.

Такъ прошло до ноября 24, дня ангела Екатерины; этотъ день былъ послѣднимъ радостнымъ днемъ въ царской семьѣ; было обрученіе старшей дочери императора, цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ. Петръ распорядился обрученіемъ, какъ здоровый; невѣста принимала поздравленія и, по желанію отца, изъ своихъ рукъ подносила каждому по кубку вина; вечеромъ передъ дворцомъ былъ великолѣпный фейерверкъ; во дворцѣ былъ балъ и великолѣпный ужинъ. Еще двѣ недѣли длились праздники и веселые, шумные пиры.

А между тѣмъ Петръ все еще не высказывалъ, кому онъ назначаетъ послѣ себя великое свое царство; одно было вѣрно — послѣ себя не хотѣлъ онъ отдавать его чужестранцу, принцу Голштинскому, какъ это многіе современники предполагали, потому что при обрученіи его съ Анною Петровною, онъ и она подписали отреченіе отъ всѣхъ правъ на русскій престолъ и за себя и за своихъ потомковъ.

Праздники по случаю обрученія были продолжительные и замысловатые; опять было избраніе новаго князя-папы, со всѣми шуточными церемоніями. Это былъ уже третій князь-папа; на мѣсто умершаго предсѣдателя всѣхъ пирушекъ и пооекъ являлось много

претендентовъ, потому что мѣсто было спокойное и выгодное. Жалованья съ нимъ сопрягалось хорошее—2000 р., казенный домъ, прислуга и вина, и пива безденежно столько, сколько душѣ угодно не одному князю-папѣ, но и всѣмъ его домашнимъ.

Петръ участвовалъ въ этихъ пирахъ, но появлялся на короткій срокъ, только для того, чтобы не нарушать общаго веселья. Нездоровье съ каждымъ днемъ сказывалось сильнѣе, дѣлами онъ хотя еще и занимался, но мало; публично онъ показывался, но жаловался на слабость и внутреннее страданіе.

Въ день Нового года онъ еще выходилъ; но 16 января болѣзнь приняла характеръ серьезнѣе прежняго и очень опасный; лейбъ-медикъ Блументростъ не рѣшался одинъ отвѣчать за жизнь государя; онъ выпросилъ у императрицы позволеніе на консиліумъ созвать не только всѣхъ докторовъ, какіе были въ Петербургѣ, но еще отправить двухъ курьеровъ съ описаніемъ болѣзни, за совѣтомъ къ двумъ знаменитѣйшимъ докторамъ въ Европѣ, къ берлинскому доктору Шталю и къ лейденскому профессору Бургаву, но ни тотъ, ни другой не успѣли прислать своихъ спасительныхъ совѣтовъ: было уже слишкомъ поздно и Бургавъ съ сожалѣніемъ восклицалъ: «какъ могли дать умереть такому великому человѣку, когда самое ничтожное средство могло спасти его!»

Страданія государя были ужасны. Этотъ могучій душой и тѣломъ человѣкъ не могъ выносить страшной боли и жалобно кричалъ и извивался, какъ слабое дитя. Доктора успокоивали императрицу, обѣщаясь спасти императора, они сами вѣрили въ возможность исцѣленія. Но самъ царь зналъ медицину, и ясно понималъ свое положеніе; силы быстро оставляли его; боль увеличивалась, но онъ уже не кричалъ громко, а только стоналъ. Онъ приказалъ поставить подлѣ своей комнаты походную церковь и въ молитвѣ искалъ силы и утѣшенія. Января 22 онъ исповѣдался и приобщился Св. Таинъ.

Во дворецъ собрались всѣ значительнѣйшія лица, имѣвшія доступъ къ государю; императрица на колѣняхъ вымолила прощеніе Меншикову, и онъ вмѣстѣ съ другими смѣлъ войти и плакать у кровати больного, которому съ часу на часъ дѣлалось хуже. Января 26 освободилъ онъ отъ каторги всѣхъ преступниковъ, приговоренныхъ къ ней, кромѣ виновныхъ въ неоднократныхъ убійствахъ,

и разбойниковъ и осужденныхъ по двумъ первымъ пунктамъ. Виновныхъ, помилованныхъ государемъ выпустили въ тотъ же день, чтобы они молились за его здоровье. Вѣсть объ опасномъ положеніи государя пролетѣла по городу, народъ отъ мало до велика побросалъ всѣ занятія, хлынулъ въ церкви и на площадь ко дворцу; всѣ церкви день и ночь стояли открытыя и въ нихъ молебствія не прекращались ни на минуту; всѣ молились на колѣняхъ, со слезами и стонами.

Государю становилось хуже. Въ тотъ же день, послѣ полудня надъ нимъ, по его желанію, совершили обрядъ елеосвященія. На другой день 27 января, помилованы были всѣ осужденные на смертную казнь и на вѣчную ссылку въ каторжную работу, но исключенные накануне и теперь остались исключены отъ помилованія; Петръ также простилъ тѣхъ дворянъ, которые въ назначенные сроки не явились къ смотру и за то присуждены были къ тому, чтобы имена ихъ были вывѣшены на висѣлицахъ, а имѣніе отобрано въ казну.

Около двухъ часовъ силы совѣмъ оставили Петра; онъ ясно созналъ, что послѣдній часъ его наступаетъ; у него мелькнула мысль о томъ, что не распорядился наслѣдствомъ престола; онъ потребовалъ перо и бумаги. Дрожащею рукою началъ онъ писать, но выходили только неясныя черты, перо выпало изъ его ослабѣвшей руки, можно было только разобрать *отдайте все...* Онъ велѣлъ позвать старшую цесаревну Анну Петровну, чтобы продиктовать ей свою волю, но когда она пришла и наклонилась къ отцу, чтобы выслушать его, языкъ отказался служить ему!..

Петръ однакожъ былъ въ памяти и понималъ, что вокругъ него дѣлается, каково же было его нравственное страданіе, при сознаніи, что оставляетъ Россію, не распорядившись ея судьбою!.. Постель больного окружали лица духовныя и приближенные люди; всѣ плакали, а Тверской и Псковской архіепископы говорили ему напутствіе въ иную, вѣчную жизнь; императоръ слышалъ и понималъ ихъ слова, потому что наклоненіемъ головы отвѣчалъ на нихъ. Онъ даже сдѣлалъ усиліе приподняться, но не могъ; его приподняли на подушкахъ, тогда онъ поднималъ руки къ небу и произнесъ еле внятнымъ, прерывающимся голосомъ: «вѣрую и уповаю!» Въ этотъ день государь еще разъ приобщался и когда читали причастную молитву

онъ съ трогательнымъ смиреніемъ, уже совершенно измѣнившимся голосомъ, чуть внятно проговорилъ: «Вѣрую Господи и исповѣдую; вѣрую Господи, помози моему невѣрію!...» На дальнѣйшія утѣшенія отвѣчалъ только слабымъ знакомъ руки или головы.

Въ эту минуту всѣмъ показалось, что послѣднее мгновеніе пришло, комната наполнилась придворными и министрами, всѣ съ рыданіемъ обступили кровать и бросившись на колѣни, цѣловали его руки и обливали ихъ слезами; онъ взглянулъ на нихъ съ чувствомъ и собравъ остатокъ силъ прошепталъ: «*посль!*» Неизвѣстно что хотѣлъ онъ сказать, но приняли это за желаніе, чтобы плачущіе оставили его комнату и всѣ безмолвно вышли. Больше Петръ не сказалъ ни одного слова, и только стоны еще свидѣтельствовали, что онъ живъ и страдаетъ. Въ такомъ положеніи онъ оставался пятнадцать часовъ; лѣвая сторона у него была уже парализована, а правую рукою онъ непрерывно двигалъ взадъ и впередъ.

Императрица втеченіе трехъ дней ни на минуту не отходила отъ умирающаго. Она то рыдала, то стонала безъ слезъ, мутными и мрачными глазами смотрѣла безъ цѣли, никого не узнавая; иногда жаловалась на немилосердную судьбу, иногда безъ чувствъ лежала по получасу.

Въ дворцовыхъ покояхъ собрались знатнѣйшіе сенаторы и министры и толковали о томъ, кому послѣ Петра, на выздоровленіе и жизнь котораго не оставалось надежды, назначить престолъ. Хотя Петръ и отмѣнилъ права первородства, по нисходящей мужеской линіи, но онъ не назначилъ себѣ преемника, поэтому мнѣнія раздѣлились; приверженцы царевича, великаго князя Петра Алексѣевича—Голицынъ, Долгорукій и Репнинъ и одинъ изъ братьевъ Апраксиныхъ желали возвести его на престолъ; другой Апраксинъ, Меншиковъ и Толстой были на сторонѣ Екатерины; въ ея коронованіи и миропомазаніи они видѣли явный признакъ того, что Петръ Великій ее назначалъ наслѣдницею своего царства. Увидѣвши, что надежды на жизнь императора исчезаютъ, къ Екатеринѣ явился голштинскій министръ Бассевичъ, вызвалъ ее и пытался отвлечь ее отъ горестной картины страданій любимаго человѣка и обратить вниманіе на будущее, но Екатерина отвѣчала: «Оставьте меня, я неспособна ни о чемъ думать, поговорите съ Меншиковымъ, онъ преданъ мнѣ, я полагаюсь на него и соглашаюсь на всѣ его мѣры.»

Толстой распоряжался: именемъ императрицы онъ велѣлъ привести на площадь преданные ей гвардейскіе полки и разставить ихъ; солдатамъ кромѣ того была обѣщана награда, ежели они поддержать сторону императрицы. Гвардейскіе офицеры увеличили число совѣщавшихся и Толстой смѣлѣе прежняго говорилъ о томъ вредѣ, какой можетъ произойти, ежели престолъ наслѣдуетъ слабое дитя, что супруга великаго Преобразователя скорѣе можетъ идти по слѣдамъ его и исполнить его предназначенія.

Споръ о наслѣдствѣ продолжался нѣсколько часовъ, но присутствіе гвардіи, преданной императрицѣ, которую солдаты привыкли видѣть и въ походахъ, и въ празднествахъ рядомъ съ Петромъ дала перевѣсъ ея сторонѣ. Къ императрицѣ опять вошелъ Бассевичъ и просилъ ее, выйти къ совѣщавшимся министрамъ; послѣ долгаго колебанія она вышла, вся въ слезахъ, сказала нѣсколько словъ о правахъ своихъ на престолъ, данныхъ ей коронаціей и муропомазаніемъ, о несчастіяхъ, какія могутъ хлынуть на Россію, во время молотства Петра Алексѣевича, но окончила увѣреніемъ, что не намѣрена оспаривать его правъ на престолъ: «Я ему сохраню только престолъ, какъ священный залогъ, до той минуты, въ которую небу угодно будетъ меня соединить съ тѣмъ, кого скоро у насъ не станетъ!...» Всѣ были тронуты, но все еще не рѣшались, кого избрать; наконецъ канцлеръ Головкинъ объявилъ, что и онъ того же мнѣнія, какъ Толстой, что на престолъ слѣдуетъ возвести императрицу Екатерину съ тѣмъ, чтобы она царствовала также самодержавно, какъ царствовалъ Петръ. Призвали кабинетъ-секретаря и спросили, не оставилъ-ли государь завѣщанія; на отрицательный отвѣтъ, Апраксинъ объявилъ, что въ силу коронаціи императрицы и присяги ей, принесенной всѣмъ народомъ, сенатомъ и синодомъ, сенатъ провозглашаетъ ее императрицей и самодержицею, со всѣми правами, какими пользовался супругъ ея. Составили актъ и его подписали члены сената и другіе сановники.

Между тѣмъ Екатерина еще стояла на колѣняхъ подлѣ кровати Петра и ловила каждый вздохъ его. Въ началѣ шестаго часа пополудни 28 января глухіе стоны замолкли и послѣдній вздохъ страдальца вылетѣлъ; Екатерина пронзительно вскрикнула и безъ чувствъ упала на руки окружающихъ. Комната опустѣла, сенаторы и сановники опять вышли въ залу совѣщанія. Екатерину привели

въ чувство и она, опираясь на руку герцога Голштинскаго, вышла въ залу совѣщанія; обливаясь слезами, она обратилась къ сенаторамъ и поручала себя имъ, какъ вдова; поручала имъ своихъ сиротъ, особенно герцога Голштинскаго, и высказала надежду, что сенатъ и государственные сановники будутъ его также любить, какъ любилъ покойный императоръ, и выполнять его волю на счетъ предназначеннаго брака герцога съ цесаревною Анною Петровною. Когда она окончила рѣчь свою, генераль-адмираль Апраксинъ бросился передъ нею на колѣни и объявилъ ей рѣшеніе сената: въ залѣ раздался кликъ: «да здравствуетъ императрица Екатерина!» на площади гвардія и народъ повторили восклицаніе.

Вмѣстѣ съ манифестомъ о кончинѣ императора Петра по Россіи отъ сената и синода былъ разосланъ манифестъ о восшествіи на престолъ супруги его Екатерины, предназначенной для этого коронаціей и присягой, принесенной ей народомъ, еще при жизни самодержца.

Столица и вслѣдъ за нею вся Россія плакала, стонала и молилась по случаю понесенной потери; весь народъ, какъ по приказанію, самъ одѣлся въ глубокой трауръ и не снималъ его втеченіи цѣлаго года.

Тѣло покойнаго императора между тѣмъ набальзамировали и съ лица его снята была гипсовая маска; въ лицѣ еще сохранились черты невыразимыхъ страданій, но въ нихъ уже проявляется радостное спокойствіе, какое мы часто замѣчаемъ въ лицахъ только что скончавшихся. Пока устраивали большой траурный залъ, тѣло императора выставили въ маломъ дворцовомъ залѣ, обтянутомъ золотыми теанями обоями. Свободный доступъ былъ разрѣшенъ всякому; въ залѣ съ утра до поздняго вечера толпился народъ, всѣхъ возрастовъ, отъ стара до мала; всѣ горько плакали и припадая къ холодной рукѣ любимаго монарха рыдали, какъ рыдаютъ, прощаясь съ дорогимъ незабвеннымъ отцемъ: многіе рвали на себѣ волосы, били въ грудь и съ отчаяніемъ восклицали: «отецъ нашъ, оставилъ ты насъ!»

Къ 13 февраля большой траурный залъ былъ готовъ. Онъ весь отъ потолка до полу и самый полъ былъ обитъ чернымъ сукномъ; по карнизамъ шель серебряный позументъ. Освѣщался онъ множествомъ горящихъ свѣчей. На потолкѣ былъ изображенъ андреевскій крестъ,

отъ концевъ его спускались большія паникадилы. Катафалкъ, о шести ступеняхъ, обитый малиновымъ бархатомъ съ золотомъ, подъ балдахиномъ, былъ приготовленъ для гроба. На четырехъ углахъ катафалка стояли бронзовыя статуи—плачущей Россіи, грустной Европы, Марса и Геркулеса въ печали. Кругомъ горѣли свѣчи въ бронзовыхъ подсвѣчникахъ, на бронзовыхъ пьедесталахъ: на покрытыхъ парчею табуретахъ лежали императорскія регалии и ордена. По угламъ залы стояли мраморныя пирамиды, окруженныя геніями и съ надписями на яшмовыхъ доскахъ; надъ пирамидами возвышались аллегорическія фигуры подвиговъ Петра. У стѣны, противоположной катафалку, скелеты въ саванахъ, сдѣланные изъ мрамора держали зеленый пологъ съ надписью золотыми буквами: «плачь Россія о смерти Петра и благодари за то, что онъ оставилъ тебѣ въ утѣшеніе императрицу;» кромѣ этихъ украшеній въ залѣ было еще множество другихъ, столько же символическихъ.

Тѣло императора лежало въ гробѣ, обитомъ золотымъ глазетомъ и серебряными позументами; на Петрѣ надѣтъ былъ кафтанъ, шитый серебромъ, манжеты изъ брабантскихъ кружевъ, сапоги со шпорами; при немъ была шпага, а на груди Андреевская звѣзда. При гробѣ на ступеняхъ катафалка постоянно стояли четыре офицера, а внизу двѣнадцать драбантовъ—въ черныхъ епанчахъ съ широкополыми шляпами съ креномъ. Священникъ, въ полномъ облаченіи, день и ночь читалъ евангеліе.

Петропавловскій соборъ, еще неотстроенный, былъ назначенъ мѣстомъ погребенія и поэтому въ строящейся каменной церкви построили деревянную, обитую внутри чернымъ сукномъ. День погребенія былъ назначенъ на 8 марта. Но за шесть дней до срока, въ траурномъ залѣ, подлѣ катафалка императора явился новый небольшой гробъ; шестилѣтняя дочь его, Наталія, дитя прелестное не только наружностію, но и замѣчательное по необыкновенному уму, радость и утѣшеніе родителей, скончалась, и гробъ ея былъ поставленъ рядомъ съ гробомъ отца.

За два дня, по городу ѣздили герольды въ траурныхъ одеждахъ и объявляли о днѣ и часѣ похоронъ. Со всей Россіи съѣхались представители всѣхъ должностныхъ лицъ и всѣхъ сословій, множество частныхъ людей пріѣхало, чтобы въ послѣдній разъ проститься съ обожаемымъ государемъ.

На крѣпости вывѣшены были черныя флаги, по Невѣ, вдоль мостковъ, стояло войско съ бѣлыми восковыми факелами въ рукахъ; народу было видимо-невидимо; Нева, набережная, окна и крыши домовъ были унизаны зрителями и у всѣхъ въ рукахъ были восковыя свѣчи. Послѣ третьяго сигнальнаго выстрѣла, гробъ вынесли съ церемоніей и поставили подъ балдахиномъ, на великолѣпныя сани, обтянутыя чернымъ бархатомъ съ золотыми галунами и запряженныя восемью лошадьми въ черныхъ бархатныхъ попонахъ, вышитыхъ золотыми государственными гербами.

Шествіе открывали унтеръ-офицеры гвардіи съ аллебардами. За маршаломъ шли литаврщики, трубачи, пажи и придворные кавалеры. За ними, въ епанчахъ съ длиннымъ крепомъ, иностранные купцы и депутаты завоеванныхъ областей; каждое отдѣленіе отдѣлялось гофъ-фурьеромъ верхомъ; за краснымъ военнымъ знаменемъ вели любимую лошадь государя, на которой онъ бывалъ въ сраженіяхъ; на ней была богатая сбруя, а на головѣ бѣлыя и красныя перья. Несли областныя знамена и за каждымъ лошадь въ попонѣ, также желтый адмиральскій штандартъ, который императоръ распускалъ на ботицѣ, во время торжественнаго плаванія. За бѣлымъ знаменемъ съ изображеніемъ ваятеля, отдѣлывающаго статую Россіи—вели лошадь подъ зеленой бархатной попоной съ разноцвѣтными перьями на головѣ; далѣе слѣдовали латники въ золотыхъ латахъ на конѣ, а за нимъ пѣшій траурный латникъ, съ опущеннымъ мечемъ и знамя печали—черное. Несли гербъ государственный и гербы областей, шло духовенство съ крестами, при печальномъ цѣніи пѣвчихъ, за духовенствомъ несли гробъ Наталіи Петровны, подъ балдахиномъ. Герольдмейстеры несли государственныя мечи опущенные внизъ, ордена, короны царствъ, скипетръ, державу и императорскую корону. За тѣмъ сани съ гробомъ императора. Полковыя знамена преклонялись къ землѣ, по мѣрѣ приближенія къ нимъ гроба и замолкшая похоронная музыка опять раздавалась. За гробомъ шла императрица съ лицомъ, закрытымъ черною мантией, ее подъ руки вели Меншиковъ и Анраксинъ, шлейфъ несли камергеры, по сторонамъ шли драбанты, въ свѣтъ ея—придворные. Такимъ же порядкомъ, но съ постепенно уменьшающейся свитой шли всѣ остальные члены царской фамиліи; послѣдній шелъ великій князь Петръ Алексѣевичъ со свитой. За нимъ придворные, знатныя дамы и дѣвицы,

чиновники, дворяне и купцы. Шествіе замыкали унтеръ-офицеры гвардіи; у всѣхъ въ рукахъ были зажженные свѣчи, исключая тѣхъ, которымъ надобно было нести что нибудь, кого нибудь поддерживать, или держаться за шнуры и кисти катафалка; народъ тоже шелъ съ зажженными свѣчами.

Черезъ каждую минуту раздавался пушечный выстрѣлъ; похоронное пѣніе, погребальная музыка, плачь и рыданіе нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ производили потрясающее дѣйствіе на присутствующихъ.

Гробъ поставили на приготовленное мѣсто; по окончаніи службы раздались три оглушительные залпа изъ орудій и ружей всего войска. Теофанъ Прокоповичъ сказалъ свое знаменитое надгробное слово; оно было недлинно, но говорилъ онъ его долго, потому что его поминутно прерывали отчаянные крики, плачь и стоны присутствующихъ.

Гробъ Петра только черезъ шесть лѣтъ опустили въ каменный склепъ, а до тѣхъ поръ онъ стоялъ на виду, покрытый порфирой и при немъ постоянно находилась почетная стража.

К О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВЫ:	СТР.
I. Знакомство царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кириловой Нарышкиной .	1
II. Бракосочетаніе царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кириловой Нарышкиной .	8
III. Рожденіе и дѣтство Петра Великаго .	11
IV. Кончина царя Алексѣя Михайловича. Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Изгнаніе Матвѣева	18
V. Ученіе и забавы царевича Петра до десятилѣтняго возраста .	22
VI. Кончина царя Ѳеодора Алексѣевича и избраніе на царство Петра	29
VII. Стрѣльцы. Стрѣлецкій бунтъ. Гибель Нарышкиныхъ и другихъ бояръ.	32
VIII. Раскольники и вѣнчаніе на царство двухъ царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича	46
IX. Второй стрѣлецкій бунтъ. Смерть Хованскихъ. Возвращеніе въ Москву. Потѣшныя	65
X. Дальнѣйшее ученіе Петра. Тиммерманъ. Замыслы царевны Софіи. Ботъ и Каштенъ Брантъ. Постройка кораблей на Переяславскомъ озерѣ. Дѣло Шакловитаго и паденіе Софіи	76
XI. Новые министры Петра. Лефортъ. Забавы и пиры. Характеръ Петра. Потѣшныя. Сухопутныя и морскія походы. Постройка кораблей въ Архангельскѣ. Плаваніе по Бѣлому морю и опасность отъ бури	105
XII. Азовскій походъ. Кончина царя Іоанна Алексѣевича и болѣзнь Петра. Приготовленія ко второму Азовскому походу. Покореніе Азова	146
XIII. Постройка кораблей кумпанствами. Посылка молодыхъ людей за границу. Намѣреніе Петра самому ѣхать за границу. Волненіе. Замысль Цыклера и Соковнина. Отъѣздъ Петра за границу	162
XIV. Свиданіе Петра съ курфюрстинями Софіей и Шарлоттой. Пріѣздъ въ Саардамъ и пребываніе въ немъ. Отправленіе въ Амстердамъ, работы на верфи. Причины повѣздки въ Англію	175

ГЛАВЫ:

стр.

- XV. Путешествіе въ Англію и пребываніе тамъ. Вѣна. Непріятныя вѣсти изъ Россіи и возвращеніе изъ Вѣны. Новое возстаніе стрѣльцовъ. Сраженіе подъ Воскресенскимъ, Розыски и жестокость Петра къ стрѣльцамъ. Постриженіе царевнѣ Марѣи и Софіи. Александръ Даниловичъ Меншиковъ 194
- XVI. Московская бурмистерская палата. Гербовая бумага. Смерть Лефорта. Флотъ подъ Азовомъ. Плаваніе его къ Керчи. Первый русскій корабль на Черномъ морѣ и въ Константинополѣ. Пребываніе Украинцева въ Константинополѣ и заключенный имъ 30-лѣтній договоръ о перемиріи 223
- XVII. Отношенія Лифляндіи къ Швеціи, Паткуль. Переговоры съ Польшей. Шведское посольство. Наступательный союзъ. Новый годъ съ 1 января. Переѣзъ костюма и монеты. Война съ Швеціей. Карлъ XII. Миръ съ Турціей и объявленіе войны Швеціи. Движеніе русскихъ къ Нарвѣ. Пораженіе. Петръ готовится къ дальнѣйшей войнѣ. Свиданіе съ Августомъ. Побѣда Карла XII подъ Ригой 241
- XVIII. Первые успѣхи русскихъ въ войнѣ съ Швеціей. Побѣда при Эрестеерѣ и Гуммельсдорфѣ. Взятіе Мариенбурга. Екатерина Алексѣевна. Петръ въ Архангельскѣ. Походъ къ Ладогѣ и къ Невѣ. Взятіе Нотебурга. Покореніе Нѣншанца. Первая морская побѣда 261
- XIX. Основаніе Петербурга: Петропавловская крѣпость. Дворецъ Петра Великаго и другія строенія. Встрѣча со шведами при рѣкѣ Сестрѣ. Постройка кораблей на Свири, у Лодейнаго поля. Основаніе Кроншлота и крѣпости на Ботлинь островѣ. Учрежденіе верфи и адмиралтейства въ Петербургѣ. Нападенія шведовъ на Петербургъ съ суши и съ моря. Наводненія 279
- XX. Разореніе Лифляндіи и Эстляндіи. Покореніе Дерпта. Осада Нарвы и штурмъ. Русскій посланникъ въ Турціи. Петръ въ Воронежѣ. Болѣзнь Петра и его прибытіе въ Полоцкъ. Происшествіе въ монастырѣ. Пораженіе Шереметева. Положеніе русскаго вспомогательнаго отряда въ Саксоніи. Паткуль. Русскіе въ Гродно. Отступленіе въ Кіевъ. Меншиковъ въ Польшѣ. Побѣда надъ Мандерфельдомъ подъ Калишемъ 294
- XXI. Начало борьбы Петра съ Швеціей безъ союзниковъ. Приготовленія. Попытки заключить миръ съ Карломъ. Карлъ въ Польшѣ и Литвѣ. Битва при Головчинѣ. Битва при Добромъ. Движеніе Карла въ Малороссію. Битва при Лѣсной. Донось Кочубея на Мазепу. Казнь Кочубея. Измѣна Мазепы. Взятіе Батурина. Избраніе новаго гетмана 325
- XXII. Запорожцы. Измѣна ихъ. Взятіе и разореніе Сѣчи. Осада Полтавы. Полтавскій бой. Отношенія Россіи къ западнымъ державамъ. Осада Риги. Тріумфальный въѣздъ побѣдителей въ Москву. Гражданскія учрежденія и законы Петра. Финансовыя распоряженія. Раздѣленіе Россіи на губерніи. Сенатъ. Покореніе Выборга, Кексгольма, Риги, Пернау и Аренсбурга. Отношенія Россіи къ Турціи. Война съ Турціей. Ненадежные союзники. Приготовленія къ походу. Екатерина Алексѣевна—супруга Петра 348

ГЛАВЫ:

стр.

- XXIII.** Объявление войны съ Турціей и отъѣздъ царя. Его болѣзнь. Переговоры и союзъ съ молдавскимъ господаремъ Кантемиромъ. Шереметевъ въ Турціи. Недостатокъ въ сѣвѣнныхъ припасахъ. Царь у Прута. Положеніе русскаго войска, окруженнаго турками. Переговоры и миръ. Шафировъ и молодой Шереметевъ ведутъ окончательные переговоры о мирѣ. Ихъ неудачи. Новыя неудовольствія между Турціей и Россіей; новое объявленіе войны. Нерѣшительность султана и неудовольствіе Карла. Окончательный миръ 382
- XXIV.** Поѣздка въ Карлсбадъ. Торгау и свиданіе съ Лейбницемъ. Сраженіе при Гадебушѣ. Побѣда при Швабштедтѣ и Фридрихсштедтѣ. Соглашеніе съ Меншиковымъ и севестръ, наложенный на поморанскіе города. Походъ въ Финляндію. Битва при Гангеудѣ. Покореніе Финляндіи. Буря у Березовыхъ острововъ. Возвращеніе Карла XII. Осада Стральзунда. Бракосочетаніе герцога мекленбургскаго съ Екатериной Іоанновной. Непріятное столкновение между союзниками у Висмара 402
- XXV.** Переговоры съ Даніей о высадкѣ въ Шонію. Неудача. Поѣздка Петра въ Амстердамъ. Неудовольствія съ Англіей. Путешествіе въ Парижъ. Приступъ къ началу мирныхъ переговоровъ съ Швеціей. Условія съ Пруссіей на счетъ начала мирныхъ переговоровъ съ Швеціей. 427
- XXVI.** Царевичъ Алексѣй Петровичъ. Его воспитаніе. Поѣздка подъ Нарву. Новый учитель. Поѣздка за границу. Женитьба. Пріѣздъ кронпринцессы въ Петербургъ. Поѣздка Алексѣя на воды въ Карлсбадъ. Рожденіе сына и кончина кронпринцессы. Письменные объясненія царя съ смномъ. Согласіе царевича на постриженіе. Письмо изъ-за границы. Отъѣздъ царевича, его бѣгство въ Вѣну и въ Неаполь. Возвращеніе въ Москву. Розыскъ. Приговоръ суда и кончина царевича 443
- XXVII.** Съѣздъ на Ааландскихъ островахъ. Статьи мирнаго договора и споры изъ-за нихъ. Смерть Карла XII и слѣдствія ея. Нападеніе Апраксина съ флотомъ на берега Швеціи и опустошеніе ихъ. Прекращеніе переговоровъ о мирѣ на Ааландскихъ островахъ. Петръ покинутъ союзниками. Дипломатическія сношенія съ европейскими дворами и успѣхъ, достигнутый ими. Вооруженное посредничество Англіи. Восшествіе на престолъ принца Гессенъ-Кассельскаго. Мирные переговоры въ Ништадтѣ. Ништадтскій трактатъ. Празднество по случаю мира съ Швеціей. Петръ Великій, Императоръ и Отецъ Отечества. 476
- XXVIII.** Посольство въ Китай. Походъ въ Хиву. Походъ въ персидскія владѣнія. Покореніе Дербента. Переговоры съ Персіей. Взятіе Баку. Договоръ съ Турціей. Разграниченіе владѣній турецкихъ, персидскихъ и русскихъ. Покровительство единовѣрцамъ-армянамъ. Покровительство православнымъ въ Польшѣ. Отношенія къ Швеціи. Отношенія съ герцогомъ Голштинскимъ; оборонительный союзъ съ Швеціей. Отношенія Россіи къ Даніи и дру-

ГЛАВЫ:

	СТР.
гимъ европейскимъ державамъ. Последнее плаваніе Петра по Балтійскому морю. Праздникъ по случаю привезеннаго ботика изъ Москвы въ Петербургъ. Переговоры съ Франціей .	503
XXIX. Сенатъ. Коллегіи. Преобразованіе въ сенатъ. Оберъ-прокуроръ. Герольд-мейстеръ. Табель о рангахъ. Дѣло Шафирова. Избраніе въ разныя должности большинствомъ голосовъ. Финансовое устройство. Торговля и препятствія къ ея развитію. Промышленность. Горнозаводская дѣятельность. Городское устройство. Крестьяне. Полиція. Школы. Академія. Переводы книгъ. Синодъ и положеніе духовенства. Оберъ-прокуроръ сипода. Воспитательные дома. Мѣры противъ суевѣрій. Общественная жизнь. День Петра Великаго .	531
XXX. Законъ о престолонаслѣдїи. Коронація императрицы Екатерины. Перенесеніе мощей Св. Александра Невскаго. Болѣзнь Петра и его выздоровленіе. Происшествіе у Лахты. Дѣло Монсовъ. Обрученіе герцога Голштинскаго съ цесаревною Анною Петровной. Болѣзнь Петра. Его кончина. Избраніе на престолъ Екатерины. Похороны императора	563

